СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

2

1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ДЕВЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1965

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский, главный редактор,
С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, А. Я. Брюсов, Е. И. Крупнов,
Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов

Ответственный секретарь *А. И. Мелюкова*

Адрес редакции:
Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, д. 19

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Т-05122 Подписано к печати 24/III-1965 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 9
Печ. л. 25,9+1 вкл. Уч.-изд. л. 26,7 Тираж 2035 экз. Заказ 17

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Статьи

Е. И. КРУПНОВ

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ — ВСЕНАРОДНОЕ ДОСТОЯНИЕ

«Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло на наше будущее».

(В. Г. Белинский)

Современная культура человечества, в том числе и культура советского народа, создавалась веками и тысячелетиями. Она создавалась не на пустом месте, а на земле, возделанной трудом, политой потом и кровью предков. Их деятельность выразилась не только в славных героических делах и событиях, прославивших историю народа. Она запечатлена в немых свидетелях содеянного нашими предками — в разнообразных памятниках материальной культуры. Поэтому свято чтить память о народных героях, о деятелях и творцах культуры — прямой долг и священная обязанность всех граждан нашей страны. А проявляемый интерес к памятникам культуры есть естественное выражение живого чувства патриотизма и сознания преемственности и нерушимости тех глубоких корней, на которых выросла наша современная культура. «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие»,— писал наш великий А. С. Пушкин.

К. Маркс и Ф. Энгельс, впервые установившие закономерности исторического развития человечества, наглядно показали огромное значение для современного общества культурного наследия прошлого. «Марксизм... усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры» [1]. В. И. Ленин неоднократно указывал, что строить новую культуру социалистического общества можно только на основе хорошего знания и переработки «...культуры, созданной всем развитием человечества...» [2].

Именно поэтому вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции Советская власть проявила большую заботу об охране памятников культуры; это было сделано для того, чтобы осуществить должное «изучение и возможно полное ознакомление широких масс населения с сокровищами искусства и старины, находящимися в России» [3]. Специальным декретом Совета Народных Комиссаров за подписью В. И. Ленина 5 октября 1918 г. было решено произвести первую государственную регистрацию всех монументальных и вещевых памятников искусства и старины. 10 апреля 1919 г. В. И. Лениным подписан декрет об учреждении Российской Академии истории материальной культуры (ныне Институт археологии АН СССР), в функции которой входили «научная охрана» памятников мате-

[1] В. И Ленин. О пролетарской культуре. Полное собр. соч., т. 14, М., 1963, стр. 337.

[2] В. И. Ленин. Задачи союзов молодежи. Полное собр. соч., т. 41, стр. 304.

[3] «Известия» ВЦИК, № 200, 1918.

риальной культуры и «научный контроль» за производством археологических исследований в нашей стране.

Таким образом, в Советском Союзе с первых же лет установления Советской власти по инициативе великого Ленина все культурные ценности нашей Родины были объявлены всенародным достоянием. Последовательно были разработаны мероприятия по взятию на государственный учет и охрану ведущих памятников прошлого всех народов нашей страны.

За годы Советской власти многое сделано по упорядочению и сохранению памятников культуры. Все выдающиеся памятники архитектуры прошлых эпох, мемориальные объекты, связанные с деятельностью исторических лиц и особенно революционными событиями, а также древние места поселений, городища, могильники и курганы — эти древние и средневековые коллективные кладбища — все это было признано ценнейшими историческими источниками для изучения далекого и близкого прошлого нашей многонациональной Родины.

Ведь советские люди, как и все народы мира,— это «не Иваны, не помнящие родства». И им далеко не безразлично знать, какого они происхождения — местного или пришлого, какова была их культура в недавнем или далеком прошлом? А ответить на эти животрепещущие вопросы, особенно в национальных республиках и областях, можно только тщательно изучив разнообразные исторические источники, в том числе и памятники материальной культуры. Поэтому все эти немые свидетели ярких и важных событий в жизни предков советских людей, особенно ценные для бесписьменных эпох, должны быть сохранены и поставлены под охрану советского государства. Именно эти меры сохранения и охраны и разработаны в специальном «Положении об охране памятников культуры», утвержденном Советом Министров СССР от 14 октября 1948 г. за № 3898, а позднее по Российской Федерации в Постановлении Совета Министров РСФСР от 15 октября 1960 г. за № 914. Руководство археологическими исследованиями в СССР возложено на Академию наук СССР и академии наук союзных республик, выдающих особые разрешения («Открытые листы») на право раскопок только специалистам-археологам. Были учреждены и специальные органы государственной охраны памятников культуры.

Священным целям сохранения для потомства и научного изучения столь важных для истории нашего Отечества объектов служит и наше советское законодательство, в частности Уголовный Кодекс РСФСР, утвержденный Третьей сессией Верховного Совета РСФСР пятого созыва 27 октября 1960 г. Соответствующими статьями этого Кодекса предусматриваются довольно строгие меры наказания за разрушение памятников культуры. Так, за «надругательство над могилой, а равно похищение находящихся в могиле предметов — наказывают лишением свободы на срок до 3-х лет или исправительными работами на срок до одного года» (ст. 229). А «за умышленное уничтожение, разрушение или порчу памятников культуры — лишение свободы на срок до 2-х лет, или исправительные работы на срок до одного года, или штраф до 100 рублей» (ст. 230).

В числе немногих стран мира в Советском Союзе действует закон, по которому любая организация, ведущая земляные работы, влекущие за собой частичное разрушение или полное уничтожение расположенных в зоне этих работ археологических объектов, обязана ассигновать специальные средства на их предварительное исследование. В силу этого закона, которым вправе гордиться наша страна, советскими археологами были исследованы, а значит и спасены для науки десятки и сотни тысяч самых разнообразных памятников прошлой культуры народов нашей Родины. Крупные многолетние археологические исследования были проведены в процессе строительства Мингечаурской, Дубосарской, Волгоградской, Куйбышевской, Горьковской, Каховской, Бухтарминской, Братской, Красноярской и других ГЭС. В результате изучения добытых огромных материалов были вписаны ранее неизвестные страницы в древнюю и средневековую историю

этих районов и областей и нашей Родины в целом. Например, при сооружении Волго-Донского канала был исследован хазарский город Саркел или, по русским летописям, Белая Вежа. Были получены первоклассные вещевые источники для правильного освещения взаимоотношений Киевской Руси с Хазарским каганатом в X в.

За годы Советской власти множество памятников культуры удалось сохранить, исследовать и реставрировать. И там, где руководители республик, краев и областей и соответствующие организации оказались на высоте, памятники культуры находятся в отличном состоянии, служа большому культурному делу коммунистического воспитания трудящихся. Всегда хорошо было поставлено дело охраны памятников культуры в Узбекистане, Грузии и Армении. Очень оживилась работа по охране и реставрации памятников культуры за последнее время в Абхазии, что в значительной степени объясняется должным вниманием к этому делу первого секретаря Абхазского обкома КПСС М. Г. Бгажба, энергичной деятельностью зам. пред. Совета министров Абхазской АССР и председателя Общества по охране памятников культуры А. Т. Отырба и б. начальника Управления по охране памятников культуры при Министерстве культуры Абхазской АССР канд. ист. наук В. П. Пачулиа. Все, кто бывал в Самарканде, знают о тщательной реставрации имеющих подлинно мировое значение средневековых мавзолеев, мечетей и медресе, таких, как «Гур-Эмир», «Шах-и-Зинда» и др.— этих шедевров среднеазиатской архитектуры XV—XVII вв. Огромная охранная и реставрационная работа, особенно в послевоенное время, проведена в областях, где сохранились непревзойденные образцы древнерусской архитектуры, а также революционные и историко-художественные памятники. Пожалуй, на первое место здесь нужно поставить Ленинград, где всегда к памятникам культуры проявлялось очень бережное отношение. Много памятников восстановлено в Москве. В образцовом порядке находятся охрана и реставрационное дело во Владимире, Суздале и других городах, где сохранились изумительные храмы Владимиро-Суздальской Руси XII—XV вв. Это результат энергичной деятельности больших знатоков русского зодчества — энтузиастов А. Д. Варганова, А. В. Столетова и др.

Успешно завершена реставрация прекрасных старинных зданий в Новгороде и Пскове. За последнее время восстановлены кремли Пскова, Новгорода, Горького, Астрахани и других городов. В них с особенной силой сказалось градостроительное мастерство русских зодчих.

Но, к сожалению, далеко не всегда и не везде было проявлено такое бережное отношение к культурному наследию прошлого. На протяжении многих лет, особенно в период культа личности Сталина, государственным органам охраны приходилось вести напряженную борьбу с многочисленными попытками порчи и уничтожения памятников культуры. К великому сожалению, многое, что должно было быть сохранено для потомства, в ряде мест не удалось отстоять от варварского разрушения. Так, в самой Москве были взорваны уникальные памятники русского зодчества: Симонов монастырь — образец русской оборонной крепостной архитектуры XVI в., храм Христа Спасителя, украшенный творениями великих русских художников Верещагина, Васнецова, Семирадского, скульптора Антокольского и др.: на его стенах были запечатлены имена всех рядовых и офицеров, погибших смертью храбрых в Отечественной войне 1812 г. Это был подлинный храм русской славы. Была уничтожена знаменитая Сухарева башня — первое высшее учебное заведение в России, учрежденное Петром. Начисто был снесен Серпуховской кремль. В Крыму был разрушен редчайший в СССР памятник — римская крепость Харакс. В Краснодарском крае почти совсем уничтожены редчайшие памятники эпохи бронзы — гигантские дольмены — гробницы, состоящие из массивных каменных плит. Их просто разбили и растащили, как строительный материал. В Пятигорске Горкомхоз распорядился для укрепления тротуара пройтись мощным катком по

уникальной древней монументальной антропоморфной скульптуре с изображениями скифского оружия и украшений. Подобное варварское отношение, проявляемое иногда даже со стороны руководителей отдельных учреждений, свидетельствует не только о недооценке, но и о непонимании огромного национального и культурного значения всех этих памятников истории народов Советского Союза. С большим огорчением следует признать, что кое-где такое отношение сохранилось и до сегодняшнего дня. В Карачаево-Черкессии (Ставропольский край) на левом берегу Кубани сохранился редчайший на Кавказе христианский храм византийского облика X—XI вв., так называемая Шоанинская церковь. Сейчас она не действует, но по определенным праздникам привлекает к себе паломников. В местных кругах, вместо того чтобы усилить антирелигиозную работу с населением, стала вызревать мысль о том, чтобы взорвать «эту цитадель мракобесия». А ведь храм является не только редким архитектурным памятником (кстати, находящимся в плачевном состоянии), но и ценнейшим источником для изучения истории культурных взаимоотношений Византии со средневековой Кавказской Аланией. К счастью, эта «варварская» идея не была реализована.

Подобные примеры говорят о необходимости развертывания большой агитационно-пропагандистской работы по привлечению внимания советской общественности к задачам охраны и реставрации еще сохранившихся памятников культуры. Столь же необходимо проявление подлинно народной заботы об историко-художественных объектах и монументах на могилах народных героев и революционеров.

Еще не изжиты отдельные факты, доказывающие забвение светлой памяти народных героев и воинов, павших в годы гражданской войны и Великой Отечественной войны. Всего пять лет назад в горном селении Гатен-Кале (Чечено-Ингушетия) поставлен обелиск на могиле прославленного героя гражданской войны в Чечне, боевого командира отряда Красной Армии Асланбека Шерипова, погибшего в 1919 г. в бою за Советскую власть. Родное его село было переименовано в Асланбек Шеripово; но, по непонятным причинам, давно намечавшийся памятник этому славному сыну чеченского народа в центре республики — г. Грозном до сих пор не поставлен.

Работу по охране памятников особенно необходимо активизировать сейчас. Известная международная организация ЮНЕСКО (организация по вопросам просвещения, науки и культуры при ООН), активным членом которой является и Советский Союз, объявила 1964 год годом охраны памятников культуры человечества. Этим решением соответствующие организации всех стран, входящих в состав ЮНЕСКО, обязываются уделить особое внимание памятникам прошлой и современной культуры своих народов, разработав меры, обеспечивающие их сохранность для будущих поколений.

В связи с этим международным мероприятием Министерством культуры СССР издан специальный приказ от 29 июня 1964 г. за № 213 о массовом и активном участии всех культурно-просветительных учреждений в международной кампании по охране и популяризации памятников культуры. 27 июля 1964 г. подобный же приказ № 655 издан и Министерством культуры РСФСР. Приказы предусматривают реализацию ряда мероприятий по проведению массовой работы по сохранению памятников культуры и использованию их в коммунистическом воспитании трудящихся, обеспечив публикацию материалов о памятниках культуры по радио, телевидению и в печати. Намечен существенный перелом в важном, подлинно народном деле охраны памятников культуры в нашей стране. В последнее время оно значительно оживилось в древнерусских городах, где еще уцелели ценные архитектурные объекты. Так, «Правда» от 7 сентября 1964 г. сообщила, что исполком городского Совета г. Тулы принял решение о реставрации тульского кремля и его соборов.

Особо следует отметить опыт Абхазии, где эта важная проблема уже давно получила разумное решение. Там все памятники старины и древней культуры постепенно, но неуклонно становятся не только объектами охраны, но и массового туризма, и теперь отлично служат задачам культурно-воспитательной работы среди населения и отдыхающих. Опыт плодотворной деятельности абхазских учреждений культуры служит прекрасным примером того, что при должном внимании дело охраны памятников культуры из расходной и убыточной статьи местных бюджетов с успехом может превратиться в доходную. Для этого есть хорошее средство — широко использовать туризм, который, кстати, не может расти и развиваться без последовательного «освоения» все новых и новых достопримечательностей. А в нашей необъятной стране их многие тысячи! Есть они почти в любом районе. Но к ним еще не проложена «народная тропа». Вот один из примеров. В красивом ущелье бурной речки Арм-Хи, впадающей в Терек в 22 *км* выше г. Орджоникидзе, в с. Эрзи, что по-русски значит «Орел», сохранился комплекс неповторимых в своем архитектурном облике ингушских средневековых боевых башен в пять-шесть этажей. Они являются высшим проявлением горского средневекового зодчества и просто уникальны. Почему бы здесь не организовать музей-заповедник и не привлечь внимание многочисленных туристов, проезжающих по рядом расположенной Военно-Грузинской дороге, или отдыхающих в санатории «Арм-Хи»? Опыт абхазских товарищей убеждает в том, что произведенные первоначально затраты на охрану и реставрацию памятников культуры быстро окупаются с лихвой.

Есть еще один аспект рационального использования памятников культуры прошлого, особенно религиозных, который еще нами слабо учитывается. Это превращение ныне заброшенных за ненадобностью культовых зданий (храмов, церквей, мечетей) в клубы и планетарии. Кто проплывал на теплоходах в верхнем и особенно среднем течении Волги, тот знает, какое большое число сельских христианских храмов высится по красивейшим высоким берегам Волги. Подавляющее большинство их построено в XVII в., в изящном и нарядном стиле этого времени. Сейчас эти храмы и монастыри находятся в вопиющем запустении, разрушаются и в большинстве своем не используются ни в хозяйственных целях (под склады), ни в культурных (под клубы или кинозалы). Так почему же не использовать эти ценнейшие, но гибнущие памятники культуры под культурно-просветительные учреждения и тем сохранить их для потомства! Открыл же Саратовский горсовет в церкви XVII в. планетарий, и отлично сделал!

Многим руководителям культурных учреждений и особенно «отцам» городов и сел, на территории которых расположены памятники культуры, следовало бы учесть давний опыт «отцов» некоторых итальянских городов, например города Сан-Джиминиано, которые еще в XVII в. приказали своим гражданам под их личную ответственность «сохранять неприкосновенность городских стен и башен, а тем, кто допустит разрушение, немедленно восстановить их в первоначальном виде». «Per la grandezza della terra» — «для величия земли своей...».

Так нам ли, советским людям, закладывающим основы самого совершенного общественного строя на земле, не чтить священной памяти народных героев, отдавших свои жизни за наше будущее? Нам ли не хранить для потомков памятники прошлой культуры, в которых отразились творческий гений и вдохновенное мастерство нашего народа? Их необходимо не только сохранять, но и всемерно популяризировать для величия советской земли и ее народа!

М. А. ИЛЬИН

ОХРАНА И РЕСТАВРАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОГО ИСКУССТВА

Ленинское постановление об охране памятников культуры ставило цель — «...изучение и возможно полное ознакомление широких масс населения с сокровищами искусства и старины, находящимися в России» [1]. Для реализации этого постановления в первые же годы Советской власти организуются соответствующие учреждения, ведавшие учетом, охраной и реставрацией памятников культуры. Вполне логично, что глубокая по содержанию идея ознакомления народа с национальным художественным достоянием могла быть осуществлена лишь при планомерном его изучении. Ведь в прошлом многие памятники искусства и культуры часто гибли из-за невежества их владельцев или подвергались таким переделкам, что установить их древность и художественную ценность представляло порой во многом сложную исследовательскую работу.

Первые энтузиасты этого дела, возглавляемые известным историком русского искусства И. Э. Грабарем, несмотря на все трудности, смело приступили к этой колоссальной работе. Если взять лишь одни памятники древнерусского зодчества, то ко времени организации музейного отдела Наркомпроса, а затем Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ) не было не только самых общих списков, но и никто не мог назвать примерное их количество. Вместе с тем многие из них находились под угрозой разрушения или требовали неотложного ремонта. Осуществить последнее в дни гражданской войны и хозяйственной разрухи было необычайно трудно. И тем не менее памятники Московского Кремля, например, пострадавшие от бомбардировки в октябре 1917 г., не только восстанавливаются, но и реставрируются на основе их глубокого и всестороннего изучения; освобождаются от позднейших пристроек и наслоений. Работа по учету, охране и реставрации памятников древнерусского зодчества приобретает с первых же шагов научно-исследовательский характер. Она преследует цель не только сохранения этих раскрываемых художественных сокровищ, но и вводит их в историю культуры русского народа. Первые публикации заново возрожденных памятников древнерусского искусства, его зодчества и живописи заставили совершенно по-иному подойти к рассмотрению основных проблем древнерусского искусства.

Как бы ни было велико напряжение страны по восстановлению разрушенного войной и экономической разрухой народного хозяйства, Советское правительство отпускало немалые средства на экспедиции по выявлению художественных произведений, ремонт и реставрацию памятников древнерусского зодчества. В эти годы начинаются работы по восстановлению первоначального облика собора Василия Блаженного, ведется реставрация

[1] «Известия» ВЦИК, № 200, 1918.

ряда памятников архитектуры XVI—XVII вв. в Ярославле, пострадавших во время белогвардейского мятежа 1919 г., в Троице-Сергиевской лавре освобождается от позднейших пристроек собор начала XV в., восстанавливается шатровое покрытие ее Пятницкой башни. В Новгороде, в Старой Ладоге начинается раскрытие фресок, вошедших в золотой фонд европейского искусства средневековья. За этими работами последовала начавшаяся реставрация храма в подмосковном Дьякове, а рядом в Коломенском под внешним обликом сооружения XIX в. (церковь Георгия) стал открываться редкий круглый в плане храм «иже под колоколы», видимо, почти одновременный знаменитому шатровому храму Вознесения. Аналогичная работа развернулась в Болдином монастыре под Дорогобужем. Параллельно вырабатывается форма учета — паспорта памятников, составляются их списки (ЦГРМ).

Эта напряженная и большая по масштабу деятельность осуществлялась малым числом специалистов и любителей-краеведов, беззаветно преданных своему делу; высшие учебные заведения страны лишь начинали в эти годы готовить будущие кадры музейных работников, археологов и историков отечественной культуры и искусства. В первые послереволюционные годы было сделано очень многое по учету, охране и реставрации древних памятников. Хочется подчеркнуть, что при жизни В. И. Ленина не было сознательно уничтожено ни одного памятника древнерусского зодчества.

Первые разрушения памятников древнерусского зодчества относятся к началу 30-х годов. Они носят печать культа Сталина. В начале 30-х годов ликвидируются ЦГРМ, реставрационные работы сводятся к минимуму, а памятники начинают сноситься. Именно в эти годы сносится кремлевской собор Спаса на бору, а также Чудов и Вознесенский монастыри в Кремле. Иногда снос древних зданий мотивируется необходимостью улучшить движение транспорта, как, например, было с Сухаревой башней в Москве, хотя существовал проект И. А. Фомина, который предусматривал и сохранение этого замечательного сооружения, и организацию движения на площади. В основном же памятники архитектуры сносились лишь потому, что они были церквами. В Москве в эти предвоенные годы гибнут такие прекрасные здания, как мемориальный Казанский собор на Красной площади, церкви Николы «большой крест» и Успения на Покровке и десятки других ценных памятников на территории страны. Их снос даже не был ничем обусловлен, что подтверждается скверами — «пятачками», оставшимися на их месте.

Вторая мировая война, развязанная фашистской Германией, нанесла нашей родине и в этом отношении невозвратимые утраты. Были взорваны или разрушены огнем вражеской артиллерии прославленные памятники Новгорода — Нередица, Ковалево, Волотово и др. Под Москвой был разрушен Новоиерусалимский монастырь, под Дорогобужем — Болдин монастырь, в Киеве — собор Киево-Печерской лавры и многие другие памятники. В архивах правительственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских войск хранится не один акт, перечисляющий безудержный вандализм по отношению к русской архитектуре.

Естественно, что советская общественность не могла остаться равнодушной к гибели народных художественных сокровищ. Она гневно выступала в печати против этих разрушений, в основе которых лежало желание уничтожить все созданное русским народом. В тяжелые дни конца 1941 г. в освобожденных районах Подмосковья начинается работа по фиксации руин наиболее ценных памятников, с тем чтобы в дальнейшем развернуть восстановительные работы.

Голос советской общественности определил организацию в системе образованного в 1943 г. комитета по делам архитектуры главного управления по охране памятников, вскоре же развернувшего большую работу по обследованию фиксации и реставрации произведений древнерусского зод-

чества. В первые послевоенные годы работало более десятка реставрационных мастерских. Реставрация особо успешно развертывается в Новгороде, Пскове, Владимире, Суздале, Астрахани, Вологде. Ураган 1953 г., нанесший крупные повреждения Ростову Великому (Ярославскому), вызывает восстановление замечательного комплекса его Митрополии. Аналогичная деятельность развертывается и в Москве, где восстанавливается один из древнейших ее памятников — собор Спас-Андроникова монастыря начала XV в.

Широкий общественный характер развернувшихся после войны учетных, фиксационных и реставрационных работ определил постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г., в котором говорилось, что все «...памятники культуры, имеющие научное, историческое или художественное значение, являются неприкосновенными, всенародным достоянием и состоят под охраной государства» [2].

Большая работа по реставрации и исследованию памятников древнерусского зодчества принесла свои плоды, воспитывая вкус народа, знакомя его с огромными художественными ценностями, созданными народными мастерами в прошлом. На основе этих работ были написаны такие капитальные обобщающие труды, как двухтомная История культуры древней Руси, отмеченная государственной премией, многотомная история русского искусства, изданная Академией наук СССР, серьезные учебники, подготовленные Академией архитектуры и Академией художеств, монография Ю. П. Спегальского о псковском гражданском зодчестве, труды по древнерусским оборонительным сооружениям В. В. Косточкина и П. А. Раппопорта, крупнейшее исследование Н. Н. Воронина о зодчестве Северо-Восточной Руси XII—XV вв. и многие другие.

В качестве примера не только вдумчивого отношения к задачам охраны памятников с их последующим реставрационным раскрытием, но и большого научного результата, вытекающего из этой работы, следует привести восстановленную церковь Параскевы Пятницы в Чернигове начала XII в. Полуразрушенная в 1941 г. от налета немецкой авиации, она подверглась детальному изучению (П. Д. Барановского), в результате которого русскому искусству был возвращен памятник редкой архитектурной формы, отражавшей новые тенденции в архитектуре того времени. От этого Черниговского памятника связующие нити ведут к собору Спас-Андроникова монастыря в Москве (реставрации Л. А. Давида), сооруженному, по-видимому, при участии Андрея Рублева.

Не меньшие результаты были достигнуты в изучении древнерусских деревянных зданий (исследование А. В. Ополовникова), что привело в итоге к организации музеев-заповедников, получивших широкую известность. Так возник заповедник в Кижах с его прославленными храмами. Сюда свезены наиболее ценные деревянные здания европейского севера СССР [3]. Два года назад Кижи посетило 3000 туристов, а год спустя эта цифра увеличилась в десять раз. Аналогичен, хотя и менее велик по масштабу, музей-заповедник по деревянному зодчеству в Костроме.

Уже один этот далеко не полный перечень фактов, порожденный деятельностью различных учреждений и лиц по охране и реставрации памятников древнерусского зодчества, говорит о тех результах, которые были достигнуты за послевоенные годы. Однако с величайшим гневом и скорбью приходится говорить и о фактах отрицательных. Тесно связанные друг с другом охрана и реставрация памятников архитектуры встречаются в ряде мест руководителями соответствующих учреждений, как говорится, в штыки. Не только сокращаются ассигнования, связанные с реставрацией, снимаются с учета памятники, с тем чтобы их переделать или даже просто уничтожить, но и сносятся сооружения, состоящие на государствен-

[2] Инструкция о порядке учета, регистрации, содержания и реставрации памятников архитектуры. М., 1949, стр. 5.

[3] Л. Почивалов. На острове сокровищ. «Правда», № 42(16994), 1965.

ной охране. Все эти действия основываются обычно на желании показать свое антирелигиозное рвение. Вместо того чтобы бороться с религиозным мировоззрением, уничтожаются деннейшие произведения архитектуры. Так, два года назад был взорван собор XII в. в Витебске. В это же время по ряду республик снимались с учета и охраны десятки памятников, якобы не представляющих собой художественной ценности. Пренебрежительное отношение к памятникам архитектуры по существу предопределило гибель многоглавого деревянного храма XVII в. в Вытегре. Подобная участь постигла в 1964 г. памятники деревянного зодчества в Турчасове и Белой Слуде. Объявление о наборе строительных рабочих для реставрации выдающегося по своим особенностям храма XVII в. в подмосковном Поярково вызвало столь бурную реакцию некоторых местных деятелей, что реставрационной мастерской было предложено прекратить задуманные работы. Ныне этот неохраняемый памятник стоит в ожидании полного «естественного» разрушения. В аналогичном состоянии находится Козьмодемьянский храм в Тутаеве, одно из лучших украшений Волги. Окна и двери отсутствуют, крыши нет, потоки воды заливают хорошие еще фрески, резной иконостас частью разбит. Примерно в том же состоянии находится широко известный Вознесенский храм в Великом Устюге. Этот город, как и Сольвычегодск, прославленный своим оригинальным обликом, запечатленным в гравюрах и декоративно-прикладном искусстве XVIII—XIX вв., лишился большинства своих памятников, разобранных на кирпич лишь потому, что это были церкви. Киногруппа, снимавшая фильм «Хождение за три моря», разрушила висячие арочки замечательных ворот XVI—XVII вв., ведущие в Борисоглебский монастырь под Ростовом Великим. Этот скорбный список может быть значительно увеличен.

Указанная выше причина гибели памятников древнерусского зодчества (и не только древнерусского, но и не менее ценных зданий XVIII—XIX вв.) дополняется равнодушно-бесхозяйственным отношением к ним. Если памятник взят на государственную охрану, то это означает не символическую «бумажную» охрану, ведущую в лучшем случае к установке мемориальной доски, а конкретную заботу о нем. Мало найдется таких руководителей учреждений, в ведении которых находятся многие памятники, как директор музея в Борисоглебском монастыре под Ростовом М. Н. Карасева. Преодолевая большие препятствия, она делает все возможное, чтобы сохранить народное достояние. На арендную плату, взимаемую с арендаторов монастырских зданий, она привела помещения в порядок — настлала полы, покрыла и покрасила крыши, вставила рамы.

Мемориальные доски на стенах памятников заканчиваются словами: «Здание охраняется государством». Эти слова обязывают тех, в ведении которых эти здания находятся, заботиться о должном их состоянии. Несоблюдение закона об охране не только дискредитирует самую идею охраны национального художественного достояния, но и наносит ущерб престижу государства.

Со времени XX съезда КПСС ведется упорная борьба за восстановление ленинских норм в государственной жизни и жизни народа. Но в области охраны памятников и их восстановления еще имеет место осуждаемый партией субъективизм и произвол, восходящий к эпохе культа Сталина и приводящий к гибели общенародных национальных сокровищ. Здесь еще раз следует вспомнить слова ленинского постановления об охране памятников, приведенные выше. В нем видна не только забота о памятниках архитектуры, но требуется их изучение с тем, чтобы сделать их достоянием широких масс народа, как это сделано в отдельных городах, например Владимире, Суздале, Новгороде, Пскове. В этом постановлении нет ни слова об ограничении числа охраняемых памятников, тем более об их сносе. Начатое при В. И. Ленине дело по учету и действенной охране памятников, связанное с надзором, ремонтом и реставрацией, должно быть возобновлено в полном объеме.

Методический совет по охране памятников культуры при Министерстве культуры СССР должен возглавить эту работу. Даже на территории Московской обл. можно сделать важные открытия, как это сделали студенты Московского университета, год назад открывшие, в подлинном смысле этого слова, редкий деревянный ярусный храм в погосте Пески недалеко от Волоколамска. В этой работе не менее важна и издательская деятельность. Лишь ленинградские органы охраны памятников издали свод всех исторически и художественно ценных зданий своего города, в то время как Москва подобного издания не имеет.

Учреждениям, ведующим делом учета, охраны и реставрации памятников архитектуры, следует твердо помнить, что от них ждут действенной работы, связанной с изучением, сохранением и раскрытием архитектурно-художественных ценностей, принадлежащих советскому народу.

Б. А. РЫБАКОВ

КОСМОГОНИЯ И МИФОЛОГИЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ЭНЕОЛИТА

II

Рассмотренная в первой половине статьи [1] роспись на бытовых сосудах раскрыла перед нами довольно сложный комплекс космогонических представлений трипольцев: трехъярусная структура мира, небесная вода, проливающаяся на землю, круговорот жизни, связанный с постоянным превращением зерен в колосья, туманный образ Великой Матери мира, источающей влагу жизни из своей груди.

Все эти представления существовали на протяжении тысячелетий, начиная с самых ранних этапов трипольской культуры, возникнув, очевидно, одновременно с развитием земледелия, может быть даже в дотрипольском неолите.

На среднем этапе трипольской культуры (B/II — C/I) наблюдается небывалый даже для энеолита расцвет керамической росписи. Художники находят, во-первых, новые средства для выражения тех понятий, которые уже проникли в орнамент, а во-вторых, значительно расширяют круг сюжетов росписи как за счет вновь возникающих представлений, так и за счет изображения архаичных сюжетов, ранее не находивших графического выражения.

В первой половине статьи обращалось внимание на те общие черты, которые присущи всем (или почти всем) этапам; во втором разделе пойдет речь о том, что проявилось лишь в эпоху наивысшего расцвета трипольской культуры в III тысячелетии до н. э., обусловившего соответственный расцвет ритуального искусства.

Переход к пашенному земледелию, развитие скотоводства, ткачества, гончарства, выработка сложных форм поселений — все это создавало основу того перелома в мировоззрении, который нашел свое отражение в пластике и росписи.

Главной чертой нового становится мифологизация росписи, введение в нее зооморфных и антропоморфных персонажей, неизвестных ранее; орнамент наполняется жизнью.

Следует оговориться, что невозможно четко отделить космогоническое от мифологического, так как мифы являются лишь формой выражения мировоззрения. Кроме того, необходимо сделать еще одно примечание — не все сюжеты, новые для росписи, отражают вновь родившиеся новые представления. Новый зооантропоморфный стиль запечатлел в росписи на сосудах и очень архаичные космогонические воззрения, уходившие своими корнями в древний охотничий быт. Архаичные сюжеты встречены только на ритуальной посуде, самый характер которой способствовал выбору наиболее древних, изначальных представлений.

[1] СА, 1965, 1, стр. 24—46. Нумерация рисунков дана сплошная для обеих частей статьи.

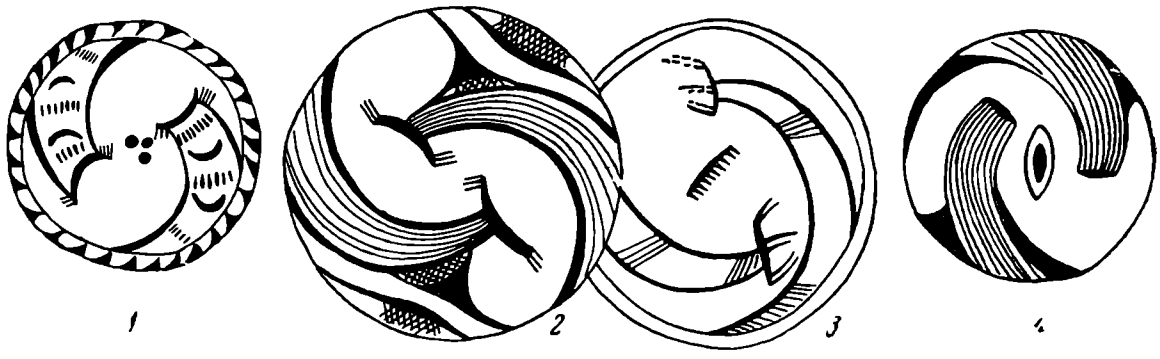


Рис. 26. Небесные олени на чашах для воды

1 — Томашевка; *2—3* — Старая Буда; *4* — Владимировка

Небесные олени на священных сосудах (рис. 26—30). Особый интерес представляет роспись конических мис, предназначавшихся, как убедительно свидетельствует пластика, для обрядовых действий; жрицы-чародейки то поднимали их к небу, то бережно держали на коленях.

На среднем и позднем этапе триполья сложная роспись чар для живой воды делится на несколько разных типов, имеющих хронологические и географические разграничения. Особый интерес представляют конические миски, распространенные в восточной части области трипольских племен (Средний Буг).

Роспись размещена на дне мис и представляет собой две очень сильно стилизованные фигуры рогатых животных, как бы несущихся в вихревом круговом полете (рис. 26). Вокруг них по краю мисы обычно располагается поясок черных полукругов, которые в других случаях в зависимости от их положения (дугой вниз или дугой вверх) рассматривались нами как дождевые тучи или холмики земли. Туловища фантастических зверей иногда бывают оформлены точно так же, как и искривленные дождевые полосы: жирная линия внешнего контура и тонкие продольные линии в заполнении. В предельной стилизации рисунка зверей от них иной раз ничего и не остается, кроме таких двух дождевых полос, изогнутых в круговом движении по сферической поверхности миски (рис. 26, *4*). В наиболее полной передаче формы зверей мы можем разглядеть передние ноги, изображенные слитно, и ветвистые оленьи или лосиные рога (рис. 26, *1, 2, 3*). Вся же задняя половина туловища расширена, как хвост кометы, и распластана по краю мисы в своем стремительном полете.

Учитывая назначение конических мис, как сосудов для «волхования водою», т. е. для обращения к небу (назначение, документированное статуэтками и моделями таких мисок), естественнее всего предположить, что роспись может отражать представления о небе, к которому обращались владелицы этих мис. Водяная, дождевая сущность неба в представлениях древних земледельцев, отраженная и в этой росписи, нам уже хорошо известна. Новыми для нас являются образы «дождевых» оленей или лосей.

Олени и лоси занимали очень видное место в трипольской охоте, которая на раннем этапе играла существенную роль в хозяйстве. Лосиные и оленьи рога шли на изготовление земледельческих орудий. Культ оленя хорошо прослежен Е. К. Черныш на раннетрипольском поселении Ленковцы, где ветвистые оленьи рога (в целом виде) занимали центральное положение в жилище рядом с очагом [2].

В позднетрипольском кургане с кромлехом (Усатово) найдена стела с рисунками, среди которых на главном месте изображен олень. Весь

[2] К. К. Черныш. Ранньотрипільське поселення Ленківці на Середньому Дністрі. Київ, 1959, стр. 24—27, рис. 16, 17, 18.

комплекс рисунков позволил исследователям говорить о культе Артемиды (одной из спутниц которой была, как известно, лань) [3].

Культ оленя, по всей вероятности еще доземледельческий, отрывочно и неравномерно сохранился в индоевропейской мифологии и фольклоре; иногда мы видим его в очень развитой форме (например, у скифов), иногда от него сохраняются неясные фрагменты. Так, у славян существовало поверье, что в Ильин день (день древнего Перуна) появление дождя зависит от оленя [4].

Для проверки предполагаемого уранического смысла культа оленей нам надо обратиться к фольклору тех народов, мировоззрение которых определяется доземледельческим охотничьим хозяйством. Давно доказанный принцип конвергентного возникновения многих представлений позволяет не стеснять себя рамками реальных исторических связей.

А. Ф. Анисимов анализирует интересный нганасанский миф, проливающий свет на загадочную трипольскую роспись: шаман, прежде чем получить свою колдовскую силу, должен обойти «дороги всех миров вселенной». Он побывал в подземном мире, был у девяти озер, где растет дерево жизни, и, наконец, оказался в небесном чуме, где вместо очага горело солнце. Там он увидел двух беременных хозяек мира, матерей-жизнедательниц, «двух нагих женщин, подобных оленям: покрытых шерстью, с ветвистыми оленьими рогами на голове». Хозяйки мира, полуженщины, полуоленихи, народили оленят для людей [5].

У эвенков мать вселенной Бугады всегда предстает в образе лосихи или самки дикого оленя; у орочей во главе мира, как и у нганасанов, стоят две старухи, что связывают с дуальной организацией матриархального рода. В гилякском космогоническом фольклоре действуют две хозяйки вселенной, мать и дочь, причем мать, владычица солнца и луны, представлена рогатой, как лось или олень [6].

Такое широкое распространение у разных народов сходных мифов о двух лосихах (оленихах)-важенках, являющихся хозяйками вселенной и живущих в верхнем небесном мире, позволяет проецировать эти мифы в глубину неолитического охотничьего общества.

Для трипольцев, сеятелей ячменя и пшеницы, сюжет двух небесных лосих был в какой-то мере уже анахронизмом, отражавшим предшествующую ступень космогонических представлений, но, во-первых, этот сюжет изображался на ритуальной посуде, что способствовало консервации архаизмов, а во-вторых, в содержание древнего охотничьего мифа были введены существенные новые элементы: хозяйки-оленихи рассматривались не как матери, плодящие зверей для охотников, а как матери, проливающие дождь земледельцам.

Общеизвестно древнее уподобление облаков коровам или дожденосной тучи — вымени небесной коровы. В связи с этим следует обратить внимание на характер стилизации трипольской композиции из двух небесных олених: постепенно вместо оленьих туловищ оказываются круглые крупные точки с четырьмя линиями потоков, еще более, чем их прототип, напоминающие кометы. И во многих других случаях дождь изображался льющимися из полукруга-тучи именно четырьмя потоками. Думаю, что объяснение может быть дано только одно — из тучи-вымени льются на землю четыре потока по числу сосцов у вымени небесной коровы.

На одной из конических чаш обычная композиция (две точки с четырьмя линиями-потоками каждая) была заменена четырьмя точками, а между ними были нарисованы 13 небольших черточек, каждая с четырьмя верти-

---

[3] Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1957, стр. 70.

[4] А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, I, М., 1865, стр. 670—671; II, М., 1868, стр. 256.

[5] А. Ф. Анисимов. Космогонические представления народов Севера. М.— Л., 1959, стр. 49—50.

[6] Там же, стр. 28.

Рис. 27. Схематическое изображение небесных оленят. Место находки не указано

кально свисающими сосцами; это, по всей вероятности, идеограмма вымени, а размещение их на небе заставляет вспомнить мифы о хозяйках верхнего неба, рождающих маленьких оленят (рис. 27). Коровье вымя, несомненно, играло роль в магических воззрениях трипольцев — известны сосуды в виде вымени; прямоугольному наземному реальному жилищу в модели придавалась круглая форма вымени и четыре соска-подпорки (Сушковка).

Кометообразные композиции мы встречаем не только на самих «чародейских» мисах, но и на их моделях, предназначавшихся для сидячих женских статуэток (Незвиски). Самое интересное то, что точно такую же кометовидную схему мы видим на знаменитых трипольских биноклевидных сосудах, на их верхних сферически вогнутых плоскостях (рис. 28). Было высказано много различных гипотез, при помощи которых пытались объяснить назначение этих полых бездонных сосудов. Мне кажется, что абсолютное совпадение росписи на биноклевидных воронках (они не являются сосудами) с росписью на заклинательных чарах создает общий круг предметов, связанных с «волхованием водою». Если в конической миске можно было держать воду и произносить над ней «тайные словеса», то просверленные чаши «биноклей» для этой цели были непригодны — налитое в них немедленно протекало вниз, к земле. Может быть, в этом и был смысл изготовления таких парных воронок, верхние чаши которых были как бы вместилищем женской груди с отверстиями для сосков? Все, что мы знаем о Великой Матери, об изображении ее груди, о смысловой связи с дождем, пронизывающей все трипольское искусство,— все это подкрепляет такое толкование «биноклей». По многим позднейшим данным мы знаем об обряде «поения земли»; о нем повествуется, например, в XXIII песне Илиады в сцене похорон Патрокла:

...н всю ночь быстроногий Ахилл богоравный
Кубок держа двусторонний, вино почерпал беспрестанно
Из золотого сосуда и лил на кормилицу-землю.

Биноклевидные бездонные воронки представляются мне неотъемлемой частью ритуала вызывания дождя: в глубоких конических чарах производилось освящение воды путем обращения к небу и его повелительницам; поэтому на внутренней сферической поверхности их, как бы воспроизводящей небесный свод, изображались две небесные хозяйки-лосихи (или их упрощенные идеограммы в виде вымени с четырьмя потоками), несущиеся по небу в стремительном круговом полете и превращающиеся в дождевые потоки.

Богато орнаментированные небольшие черпаки-чарки служили для разлива или питья освященной «живой» воды. Парные «биноклевидные» воронки могли служить для того, чтобы, наливая в них священную воду, тем самым поить землю, имитируя дождь, проливающийся из грудей Великой Матери.

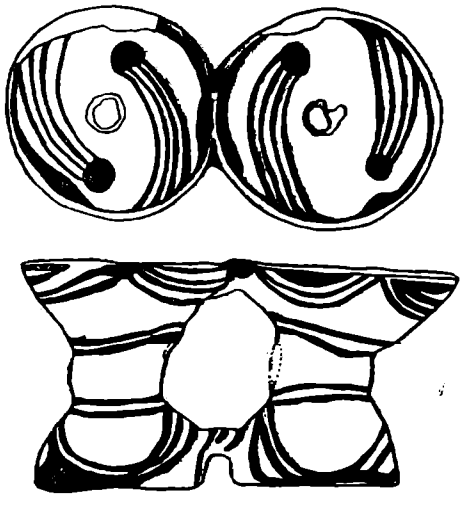


Рис. 28. Биноклевидные воронки со схемой «оленьего» рисунка в верхних чашах
Владимировка

Четвертой категорией ритуального реквизита «чародейства», кроме чар, чарок и

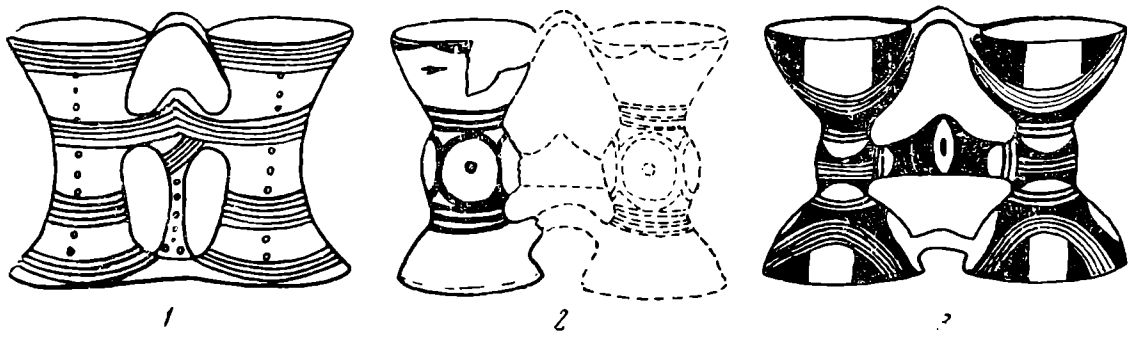


Рис. 29. Биноклевидные воронки для обряда поения земли

1 — Триполье; *2* — Петрены; *3* — Поливанов Яр

парных воронок, могли быть небольшие сосуды с прочными ушками, вполне пригодные для переноса живой воды, например, от места ее освящения на поле. Это те сосуды, на которых есть схематическое погрудное изображение Великой Матери, воды, а иногда и дождя.

На конических мисах иногда встречается совершенно иная система росписи (рис. 30), внешне ничем не напоминающая ни небесных лосих, ни их упрощенную схему: внутри полусферы миски очерчены рядом два крупных овала, окруженные концентрическими линиями воды (?). На каждом овале ближе к центру чаши-неба нарисованы две крупные круглые точки; так в других случаях (на лицевых сосудах) изображаются женские груди. Можно думать, что здесь отражена та же самая идея двух небесных хозяек, но в их человеческом, а не оленьем обличье, и притом в предельно схематизированном виде. В стороне от овалов часто рисуются какие-то бобовидные фигуры, не поддающиеся толкованию, Через оба овала, соединяя их, обычно идет извилистая волнистая полоса, которую можно понимать как Млечный Путь, соединяющий обе половины неба, или как мифическую реку «небесной земли», которая по всей вероятности, и есть не что иное, как осмысление того же Млечного Пути. На миске из Кошиловец в центре находится свернувшийся в кольцо змей, а в остальном пространстве, разделенном змеиными (дождевыми?) полосами на шесть неравных участков, размещены 12 полумесяцев и две бобовидные фигуры (семена?).

В позднем триполье, на юге (Усатово, Выхватинцы и др.) появляется новый тип орнаментации мисок: дно сосуда разделено на четыре сектора полосами, образующими четкий крест. Края мисок бывают украшены треугольниками (мы увидим их далее как идеограмму вспаханной земли), а от центра миски к краям часто идут дуги или струйчатые линии (рис. 30, *3*, *4*). В орнаменте здесь, очевидно, представлен небосвод с крестом координат (север — юг; запад — восток) и схемой дождей, поливающих землю со всех четырех сторон.

Лики Великой Матери (рис. 31—32). Орнамент на чародейских сосудах неожиданно увел нас далеко вглубь от эпохи расцвета зем-

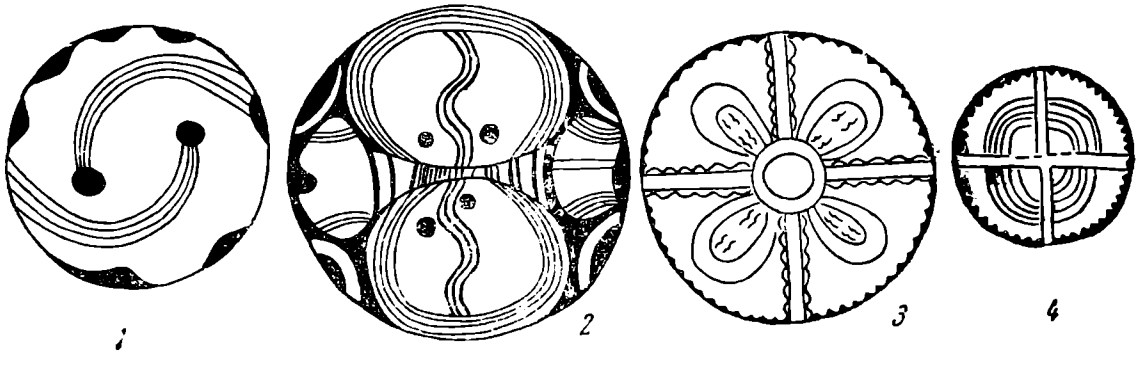


Рис. 30. Роспись чаш для воды

1 — Шипеницы; *2* — Петрены; *3* — Усатово; *4* — Тирасполь

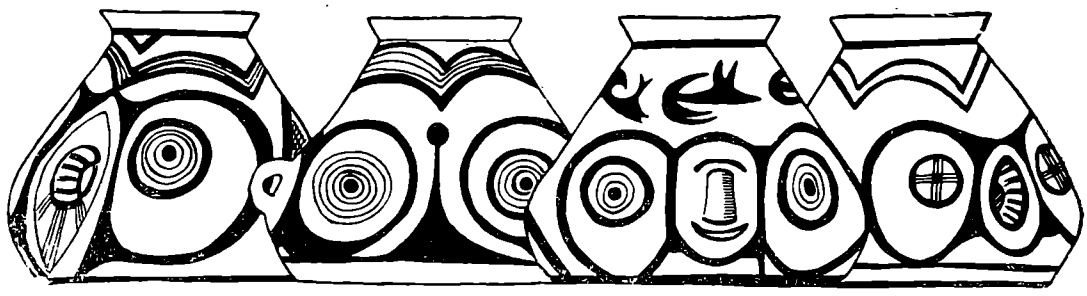


Рис. 31. Лики божества, занимающие все пространство между небом и землей
Петрены

ледельческого мировоззрения трипольцев. Но роспись бытовых сосудов для зерна и воды обогащает нас большим количеством сведений о новшествах в мировоззрении. Впервые происходит «очеловечивание» ряда космогонических понятий. Первоначально из элементов-идеограмм, при посредстве которых художники изображали вселенную, образуется лик божества (стадия B/II), а затем появляются уже человекоподобные фигуры (стадия C/I), связанные, очевидно, с процессом развития мифологических представлений.

Кроме того, к этому времени относится очень интересное расслоение старой схемы вертикального разреза мира: с одной стороны, именно на стадии B/II особенно четко и ясно обозначены три яруса мира (верхнее небо, воздушное пространство и земля), а с другой стороны, появляются представления о дублировании земных явлений в верхнем небе, где иногда рисуются колосья, вспаханная земля, собаки, охраняющие посевы, и др.

Меняется или, точнее, обогащается и заполнение среднего пояса: кроме стандартных спиралей и солярных знаков здесь появляются, как мы видели, змеиные спирали, появляются фигуры людей и животных, оттесняя привычную символику на второй план, а иногда и совсем вытесняя ее.

Одним из примеров кажущегося разрушения тройственной схемы мира являются некоторые сосуды из Петрен, где и небо, и воздушное пространство вытеснены гигантскими ликами, как бы поднимающимися из земли (рис. 31). Лики образованы на основе старой композиции: четыре солярных знака (или иногда груди) использованы художником как огромные глаза; изломанная линия водных запасов верхнего неба образует брови. Две ручки сосуда используются то в качестве ушей, то носа. При этом трипольские художники сохранили идею непрерывности: всего на сосуде четыре глаза-солнца, но они образуют четыре двуглазых лика, так как каждое солнце служит левым глазом одной лицевой композиции и правым глазом другой, повернутой на 45°.

Две ручки сосуда, расположенные диаметрально противоположно, при взгляде с одной стороны воспринимаются как уши, а при повороте на 45°

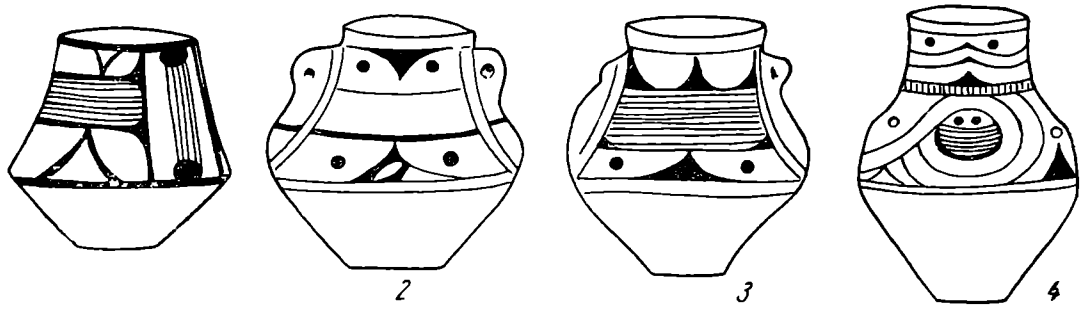


Рис. 32. Женское божество, дарующее воду
1 — Петрены; *2*, *4* — Старая Буда; *3* — Попудня

каждая из ручек образует нос двух противолежащих композиций. У двух остальных композиций нос условно изображен краской, а на переносице поставлено круглое красочное пятно (рис. 31, *2*). В результате создается своеобразная роспись: во все четыре стороны смотрят четыре космических лика с солнечными очами и облачными дугами бровей.

Единственный элемент, уцелевший от старой схемы,— это земля, обозначенная, как всегда, двумя горизонтальными линиями.

Чей же лик так возвышается над землей, что солнце стало его глазами, а небесная твердь — бровями? Очевидно, это божество Вселенной или сама Вселенная, из частей которой формируется лик божества.

Это божество несомненно женского рода, так как солярные знаки в ряде случаев имеют форму рельефно обозначенной женской груди и роспись лишь подчеркивает архаичный смысл этого знака, служившего здесь тройную службу: традиционное изображение груди (рельеф), знак солнца (концентрические круги) и глаз божества (место в общей композиции).

Богиня Вселенной, которую сотни лет трипольцы отражали лишь символически, обозначая на сосудах только ее груди, теперь появилась над земным горизонтом в своем космическом величественном обличье.

В одном случае на лбу четырехликой богини нарисованы четыре собаки (рис. 31, *3*). Не отсюда ли идут первоистоки мифа о многоголовой Гекате и ее собаках?

В эту же эпоху на небольших сосудах с прочными ушками (предназначавшихся для переноса воды?) мы встречаем погрудное изображение богини-матери с очень схематическим лицом и бюстом (рис. 32). Посередине между лицом и грудью иногда нарисованы тонкие горизонтальные линии, символизирующие воду. На боковых рисунках иногда четко рисуется дождь: из черного полукруга-тучи на небе льются четыре линии воды на холмик земли внизу (рис. 32, *1*).

Эти изображения подательницы воды тоже занимают все «небо» и «пространство», опираясь внизу на традиционный узкий поясок «земли».

В географическом отношении этот упрощенный тип изображений Великой Матери не замыкается в каком-либо узком районе, а распространен шире.

Рождение богов (рис. 33—35). Перелом в мировоззрении трипольцев, отмеченный первыми антропоморфными изображениями верховного божества, продолжался и углублялся на этой стадии развития культуры (B/II—C/I), когда одновременно в разных концах трипольской ойкумены в керамической росписи появились человеческие фигуры, выполненные в упрощенной манере и принципиально отличные от космического облика петренской богини. Изображения эти мужские и женские. Независимо от места происхождения, их роднят три признака: статичность фигур, четко выраженная трехпалость и обязательное обрамление в виде остроугольной буквы «О».

Такая устойчивость и повсеместность признаков свидетельствует о единстве процесса рождения новых представлений.

Женские фигуры в росписи известны из находок в Румынии в местности Траян[7]. Женщины изображены одетыми, стоящими фронтально с опущенными вниз руками. Руки во всех случаях трехпалые (см. рис. 33). Вокруг О-образных обрамлений все пространство занято своеобразным орнаментом из ромбического меандра. В одном случае (рис. 33, *3*) широкий фриз с ромбами и женской фигурой обрамлен снизу и сверху узкими поясками с изображением семян. Нижний поясок представляет собой обычное изображение земли (например, как во Владимировке), но здесь оно как бы удвоено и повторено еще раз наверху, над фризом с женщиной.

---

[7] Х. Думитреску. Антропоморфные изображения на сосудах из Траяна. «Dacia», нов. сер., IV, 1960.

Рис. 33. Рождение богини с птичьими лапами
Траян

Мужские фигуры известны из находок на противоположном конце трипольского мира — на берегах Днепра. В Жуковцах В. В. Хвойко нашел большой фрагмент сосуда с изображением трехпалого человека [8].

Сосуд был, очевидно, того типа, который представлен на рис. 19, *7*: наверху волнистой линией было четко обозначено верхнее небо, из которого вниз просачивались капли; ниже свисали гирлянды облаков, а через «пространство», пересекая его наискось, проходил широкий поток воды, изображенный посредством параллельных волнистых линий. Трехпалое человекоподобное существо изображено над потоком, а под потоком — деревцо, стоявшее, очевидно, на линии земли, отсутствующей на фрагменте.

Еще больший интерес представляют две мужские фигуры из Ржищева на Днепре, южнее Триполья. На одном черепке (рис. 34, *2*) мы видим трехпалую фигуру в обрамлении таких дуг, которые ранее мы называли дождевыми потоками. Вторая находка трехпалого мужского изображения требует пояснений.

Начиная с первой публикации переиздавался только фрагмент сосуда с венчиком и частью тулова [9]. В настоящее время в Киевском государственном музее хранится часть этого сосуда, несколько иная, чем опубликованная: во-первых, утрачен венчик, а во-вторых, справа подклеен значительный фрагмент с «дождевым потоком» [10].

Этот интереснейший сосуд был в свое время опубликован полностью, но публикация не привлекла внимания ввиду ее специфичности. Спустя четыре года после раскопок в Ржищеве сосуд в целом виде (очевидно, склеенный из фрагментов) был изображен К. В. Болсуновским на обложке своей брошюры [11]. Остальные два десятка трипольских предметов (сосуды, «бинокли», статуэтки), нарисованные на этой обложке, могут быть легко опознаны по изданиям и коллекциям — это изображения подлинных вещей. Опубликованные фрагменты и дополняющая их неопубликованная музейная фотография полностью накладываются все вместе на рисунок Болсуновского. Все это позволяет считать зарисовку Болсуновского схематичным, но достоверным изображением всего сосуда (после того, как он был склеен из отдельных черепков, и до того, как он вновь распался на черепки).

Общий вид композиции таков: на месте верхнего неба — небольшие змейки. «Воздушное пространство» занято широкими дугообразными дож-

---

[8] В. В. Хвойко. Каменный век Среднего Приднепровья. Тр. XI АС, I, М., 1901.

[9] В. В. Хвойко. Раскопки 1901 г. ЗРАО, V, 2, табл. III, *2*, *5*; Э. Р. Штерн. Доисторическая греческая культура на юге России. Тр. XIII АС, I, М., 1907, стр. 28, рис. 1; Т. С. Пасек. Трипільска культура. 1940, стр. 67, рис. 41; Х. Думитреску. Ук. соч., стр. 41, рис. 5.

[10] Пользуюсь случаем принести благодарность Т. Г. Мовше, приславшей мне фотографию всех уцелевших фрагментов.

[11] К. В. Болсуновский. Символ змия в Трипольской культуре. Киев, 1905.

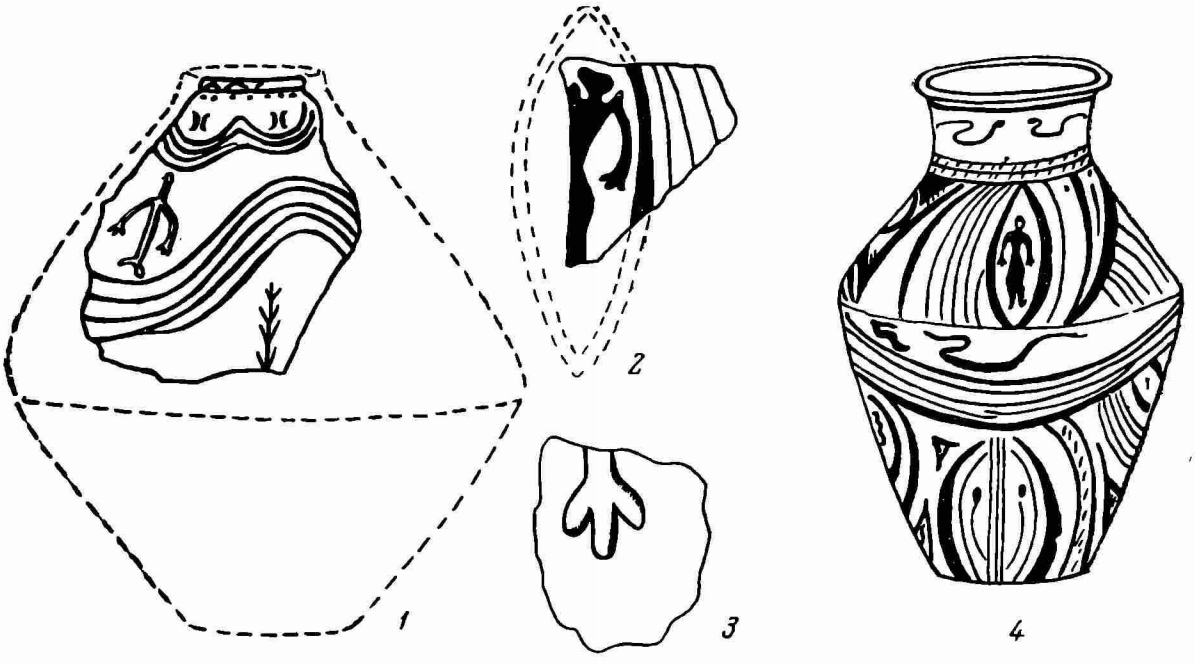


Рис. 34. Рождение бога с птичьими лапами, окруженного потоками воды
1 — Жуковцы; *2* — Ржищев; *3* — Ржищев; *4* — Лука Врублевецкая

девыми потоками, между которыми в четком «заостренно-овальном» обрамлении и помещена фигура трехпалого мужчины.

Пояс «земли» нарисован Болсуновским не очень четко, но главной фигурой здесь является опять змея или уж. Ниже уровня земли нарисованы как будто бы прорастающие семена (?).

Рассматриваемые нами антропоморфные фигуры нельзя признать изображениями обычных людей. Устойчивая трехпалость мужских и женских фигур на противоположных концах трипольской территории говорит о том, что этому признаку художники придавали очень важное значение. Они рисовали людей с птичьими лапами, точнее какие-то существа с человеческим обликом, но в то же время близкие к миру птиц, осуществляющих связь земли с небом и водой. В других случаях художники того времени умели очень тщательно изобразить кисть человеческой руки со всеми пальцами.

Птичья трехпалая лапа встречается и в качестве отдельного орнаментального элемента (рис. 34, *3*).

Интересен и второй признак, объединяющий трехпалые фигуры Прикарпатья и Поднепровья — это О-образное обрамление, являющееся, по всей вероятности, изображением органа рождения. С подобной схемой мы часто сталкиваемся в трипольском орнаменте.

Фигуры трехпалых существ изображены, таким образом, in statu nascendi в прямом смысле этих слов.

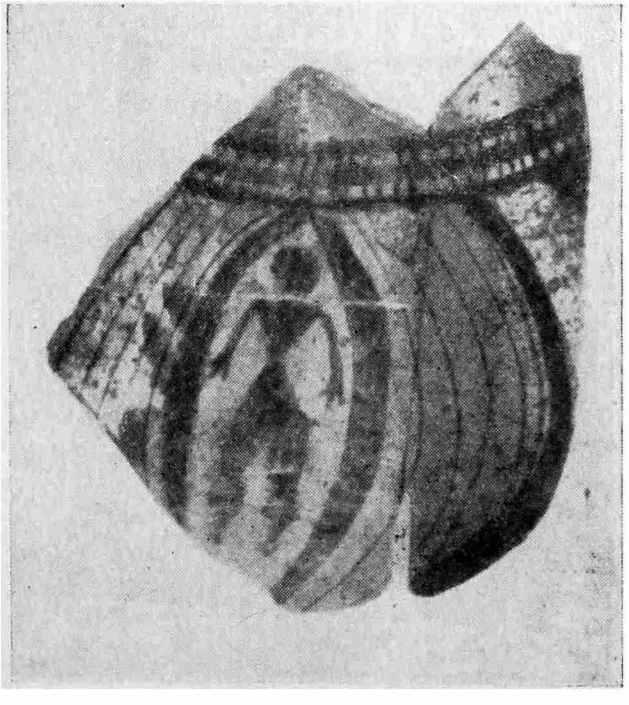


Рис. 35. Деталь рисунка 34—3
Ржищев

Подобное обрамление в виде двух дуг, сходящихся концами, сохранилось вплоть до средневековья, когда его применяли при изображении христианского сына божия Иисуса Христа.

По всей вероятности, роспись типа Траян — Ржищев отражает представления о рождении каких-то сверхъестественных существ, связанных с небом (птичьи лапы), водой (дождевые потоки и ужи) и землей (человеческий облик, семена).

Если космические лики (рис. 17) с солнцами вместо глаз считать образом «беспредельной» Прародительницы Сущего и матери богов, то антропоморфные фигурки несколько более позднего времени следует, вероятно, отнести к поколению ее детей, богов, ведавших отдельные разделы Вселенной.

Гимны Ригведы знают таких сыновей Адити — матери богов, как Варуна (Уран) — бог неба и всяких вод и Митра — Солнце.

Антропоморфное божество с птичьими лапами, окруженное водными потоками и змеями, естественнее всего признать Варуной, богом неба и воды.

Что касается женских фигурок, то здесь важно учесть, что их окружает не вода, а двойной (снизу и сверху) пояс земли с семенами. Не дает ли это нам право допустить, что здесь перед нами рождение женского божества Земли, прообраза греческой Геи, славянской «Мать-Сырой-Земли»?

В последующее время нам хорошо известно мужское божество неба и женское божество земли (Зевс и жена его Гея). Бог неба становится впоследствии верховным богом, но в рисунках III тысячелетия до н. э. новорожденные боги не имеют еще признаков властителей мира — эта роль, вероятно, еще оставалась за древним женским божеством, изображение которого как бы лепилось из частей вселенной.

Имеющиеся у нас отрывочные материалы позволяют предполагать в мужских фигурах изображение бога воды и, очевидно, прежде всего воды небесной. Таким и был индийский Варуна, отражавший более архаичную стадию, чем, например, Посейдон. Последний известен нам с ограниченными функциями бога морских вод, хотя и связан еще с идеей плодородия.

Менее обосновано предположение о женском божестве. По формальным признакам оно очень близко к мужским фигурам, но определить его сущность труднее — Ригведа не называет ни одного женского божества среди детей Адити; греческие мифы ничего не дают нам о происхождении Геи и гипотеза о рождении богини Земли остается без подтверждения.

Между неясной и бесформенной Великой Матерью Мира и позднейшим греческим Олимпом или поздними ведическими богами, между которыми распределились отдельные части мира и природных явлений, лежит тысячелетний путь. Позднетрипольская роспись — быть может единственное указание на начало этого пути, на выделение первых богов, детей Матери Мира.

Титаны (рис. 36). Где-то на заре индоевропейской мифологии, наряду с мифами о рождении богов, слагались рассказы о борьбе богов с титанами (Греция) или о сотворении титанов (Индия). Трипольское искусство и здесь дает нам интереснейший материал.

На одном сосуде из Петрен изображены на противолежащих сторонах два необычного вида великана: почти во всю высоту «Воздушного Пространства», рядом с низвергающимися с небес потоками и восходящим солнечным диском изображена с каждой стороны трехъярусная фигура, в несколько раз превосходящая размеры солнца. Ноги титана уходят в землю: у него два торса один над другим, четыре руки с длинными пальцами и одна голова, почти упирающаяся в верхнее небо.

В расшифровке этого сказочного образа нам снова может помочь Ригведа, знающая архаичные (и потому туманные) мифы о Пуруше — первом человеке-титане, который в ряде гимнов стал потом заслонять Бесконечную Прародительницу Адити, и с ним стали связывать даже создание

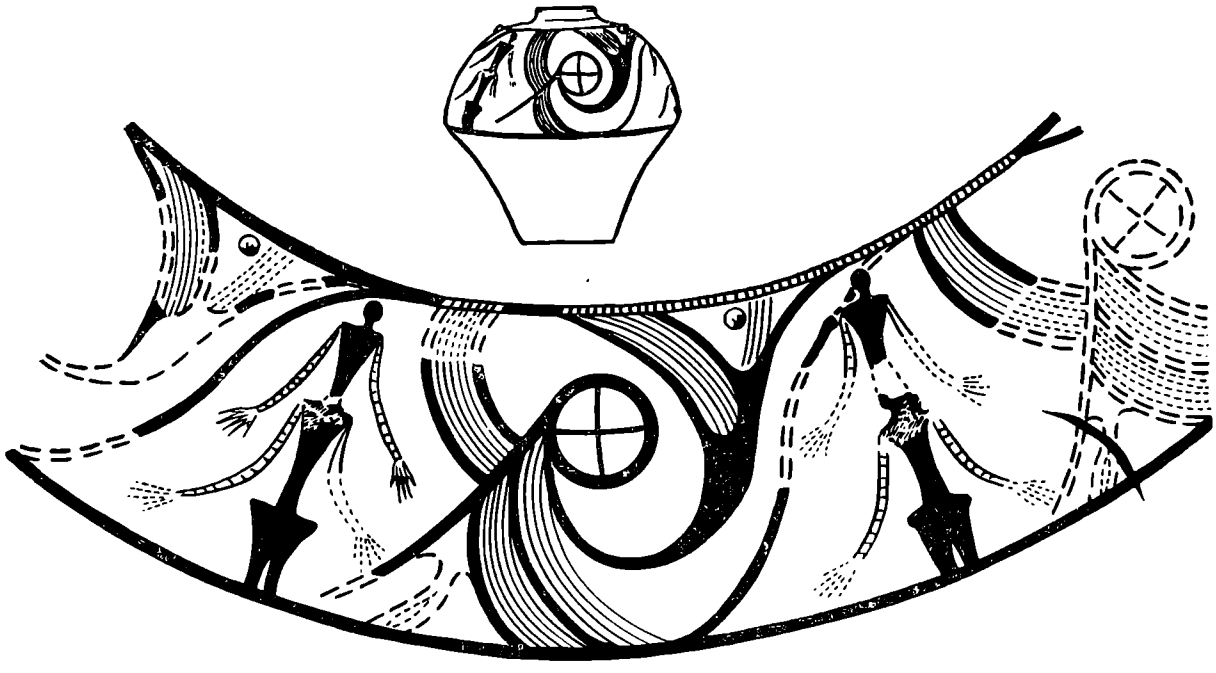


Рис. 36. Многорукий Титан — Пуруша
Петрены

мира. В других более поздних ведах Пуруша стал отождествляться с Митрой-солнцем. Кстати, на петренском фризе четырехчастная композиция образована так: титан — солнце — титан — солнце.

Гимн Пуруше, «закрывшему собою всю землю», рисует его так:

Огромно его величие, но еще огромнее сам Пуруша.
Четвертая часть его — все сущее (на земле),
Три части — бессмертие в небе,
На три части вознесся Пуруша в вышину,
Четвертая часть его осталась (в земле).

(Ригведа, X, 90)

Более поздние веды отразили другую версию, рассказывавшую о том, как «риши» (вещие сказители) из семерых Пуруш «сделали одного единственного Пуруша. В то, что выше пупа, превратили они двоих...». Именно это мы и видим на петренском рисунке — ноги титана наполовину погружены в землю, а туловище «выше пупа» образовано двумя торсами, насаженными друг на друга, но так, чтобы зритель ощущал, что на эту часть вновь созданного великана пошло именно два существа (рис. 36).

Петренский рисунок с двумя титанами и двумя солнцами драгоценен для нас тем, что позволяет датировать истоки ведического мифа временем значительно более ранним, чем первоначальная фиксация индийской мифологии (очевидно, в середине II тысячелетия до н. э.).

Образ титана в эту же самую эпоху появился и в трипольской пластике, где известны статуэтки-«гиганты» [12].

Появление первых мужчин в трипольском пантеоне (Варуна, Пуруша) в ту эпоху, когда в трипольском хозяйстве все более и более стали усиливаться элементы скотоводства, быть может, знаменует собой переход от матриархата к патриархату или, точнее, создание новой патриархальной идеологии на смену древним представлениям матриархата, заполонившего все раннее трипольское искусство изображениями женщин.

[12] Т. Г. Мовша. К вопросу о развитии трипольской антропоморфной пластики. КСИА, 2, 1953, стр. 86. К сожалению, мне осталась неизвестной статья M. Marin. Il motivo antropomorfo di Petreni e il suo significato. Annali de la Facolta di Lettere e Filosofia del universita di Bari, II, 1955.

Пляски дождя и солнца. Священные быки (рис. 37—38). Анализируя ряд антропоморфных рисованных изображений, Х. Думитреску пришла к выводу, что «речь идет об обрывках обрядовых сцен, ритуальных действ жриц, исполнявших типичные движения священного танца магически-земледельческого характера». В число таких изображений автор включает и рассмотренные нами женские трехпалые фигуры, которые по своей неподвижности и монументальности никак нельзя назвать танцующими. Определение Х. Думитреску верно лишь по отношению к рисунку из Кошиловец, где среди дождевых потоков изображена пляшущая фигура с каким-то жезлом (рис. 37, *2*).

Прекрасным подтверждением мысли о ритуальных плясках является позднетрипольский сосуд из Былтени, найденный после написания статьи об изображениях из Траяна. На сосуде четкой волнистой линией означено верхнее небо, двумя линиями внизу — земля, а «пространство» заполнено прямыми и косыми потоками дождя, напоминающими схему дождя в росписи Усатова или Выхватинцев (рис. 37, *1*).

Среди потоков — две женские фигуры, находящиеся в состоянии движения. Возможно, что здесь изображен ритуальный танец дождя, так хорошо известный в балканской этнографии.

В древних религиозных представлениях культ быка неразрывно связан с культом солнца и верховного божества неба. Зевс и Митра, Юпитер и Перун в разной мере, но сопряжены с посвященными им быками.

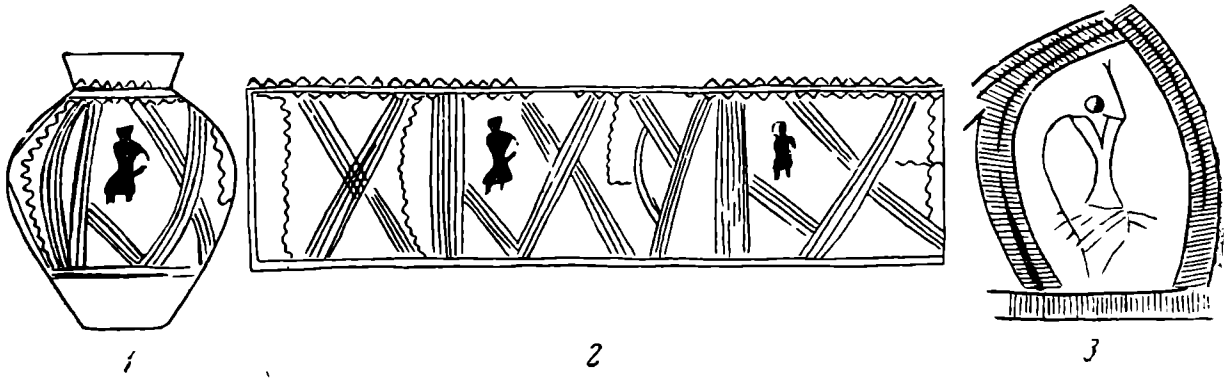
Трипольское хозяйство, основывавшееся на сочетании земледелия со скотоводством, отводило важное место крупному рогатому скоту, а это нашло широкое отражение в искусстве.

Известно большое число глиняных скульптур быков (и даже пар быков), свидетельствующее о внимании к этому сюжету.

Солнечный бык известен и в росписи: на сосуде из Бильче Злото в центре спирали, где обычно помещается солярный знак, нарисован круторогий бык (рис. 38, *3*). Из тех же раскопок происходит известная костяная пластинка в форме бычьей головы. На лбу быка точечным контуром награвировано изображение женщины, как бы качающейся на привязанной к рогам веревке (рис. 38, *2*). Бык и женщина... Такое сочетание может повести мысль и к Зевсу, похищающему Европу, и к мифу о Минотавре и Пасифае, как думал Б. Л. Богаевский, но, может быть, следует вспомнить и широко распространенные таврокатапсии, священные игры с быками.

Большой интерес представляет сосуд из Тыргу-Окна-Подеи, где в центральном поясе, между верхним небом и воздушным пространством изображен один-единственный знак: бычья голова с солнечным диском между рогами (рис. 38, *1*). Этот символ ведет нас к культу солнца-Митры, связанного с быком.

Весна (рис. 39—40). В эпоху расцвета трипольского искусства на сосудах для запасов встречаются изображения различных живых существ,



1 *2* *3*

Рис. 37. Священный танец дождя

1—2 — Былтени; *3* — Кошиловцы

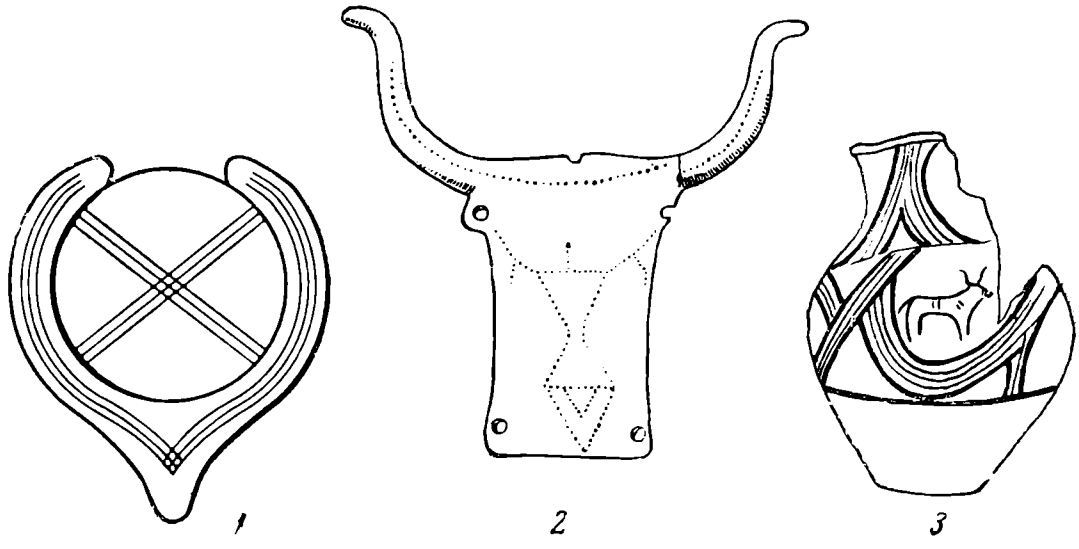


Рис. 38. Священные быки солнца

1 — Тыргу-Окна-Подеи; *2* — Бильче Злото

располагаемых то на земле, то в более высоком поясе, как бы на «небесной земле».

Хорошо известен звериный фриз из Крутобородинец (рис. 39): внизу — земля, покрытая черными треугольниками остриями вверх; сверху свисают гирлянды облаков, а между землей и небом нарисован ряд зверей. Впереди — олень, далее собака, коза и козел, позади козла нарисована мохнатая гусеница.

Можно предложить такое объяснение: пес и олень могут символизировать успешную охоту, коза и козел, первые прирученные животные,— устойчивый и повсеместный символ плодородия («Где коза бродит — там жито родит»), а гусеница является показателем времени — весны и одновременно признаком вскопанной или вспаханной земли, когда обнаруживаются тысячи гусениц и личинок. Замечу, кстати, что получающиеся из гусениц бабочки связаны в этнографии с вызовом дождя — девушка, исполняющая танец дождя, называется «пеперудой», т. е. «бабочкой».

Земля здесь изображена в виде непрерывного ряда треугольных выступов, что вполне может соответствовать вспаханному полю.

Все в целом является, очевидно, каким-то весенним заклинанием благополучия в земледелии, скотоводстве и охоте. Есть рисунки (Трушешти), где кроме зверей и гусениц даны также и рыбы, что завершает список всех отраслей хозяйства, которым испрашивается благоволение добрых сил.

Вероятно, таков же смысл и изображений из Варваровки (раскопки В. И. Маркевича, опубликованные лишь частично): треугольники земли под ногами зверей, сцены охоты на оленя и др. (рис. 40). Особенно интересно то, что из гирлянды облаков к голове каждого живого существа идет струя дождевых капель. Фризы с изображениями животных и в Крутобородинцах и в Варваровке располагаются над «Пространством», в котором кроме обычных обозначений дождя присутствуют и схемы органа рождения, образованного дождевыми полосами. В изображении животных заметно внимание к фаллическим элементам, что тоже хорошо согласуется с весенним «яровым» временем [13].

Предки Сэнмурва (рис. 41—42). В трипольской росписи среднего этапа нас может удивить то предпочтение, которое отдавали художники изображениям собак. В разных концах области трипольской культуры рисовали собак, создавали целые фризы и композиции, где собаки были на главном месте.

[13] Э. А. Рикман. Памятники древнего искусства Молдавии. Кишинев, 1961.

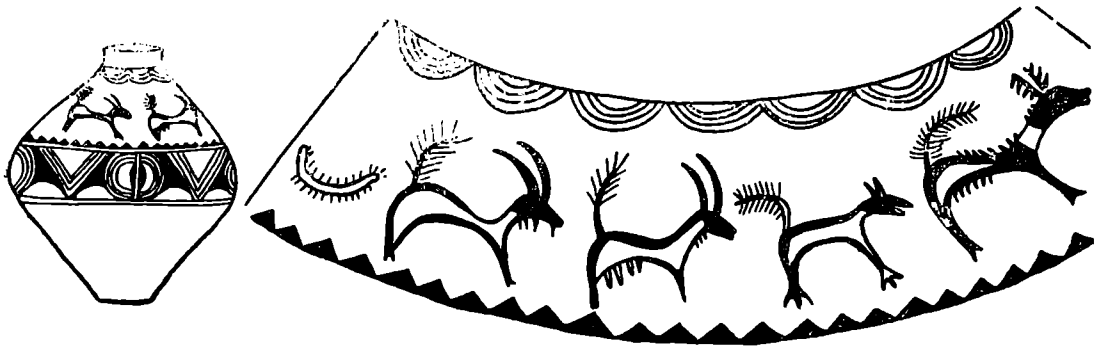


Рис. 39. Звери и весенняя пашня
Крутобородинцы

Обычно собаки изображались не на уровне земли, а в верхнем ярусе, как бы на «небесной земле». Рисунки иногда реалистичны, но чаще сильно стилизованы. Небесные собаки нарисованы в подчеркнуто грозном виде: вытянутые вперед когтистые лапы, настороженные уши, поднявшаяся дыбом шерсть. Псы всегда или готовы прыгнуть или уже летят над землей в высоком прыжке. Не подлежит сомнению, что замысел художников всегда был один — показать собаку в грозном, настороженном виде (рис. 41).

Но что же должны охранять эти небесные псы? Единственно, что рисуется рядом с собаками,— это деревья и колосья. Прав был Б. Л. Богаевский, считавший, что в реальной жизни трипольских земледельцев собаки играли важную роль именно как охранители посевов, молодых всходов от своих стад и многочисленных диких животных (оленей, лосей, косуль и др.) [14]. Мысль Б. Л. Богаевского можно подкрепить дополнительными тремя наблюдениями: во-первых, почти всегда земля под собаками изображалась не ровной линией, а линией, покрытой черными треугольниками (остриями вверх). Во-вторых, на той земле, где находились собаки, часто рисовали коротенькие вертикальные черточки, отходящие вверх от земли. Третье наблюдение относится к точкам-семенам, рисуемым или в толще земли, как обычно, или непосредственно над линией земли; отличие этих семян от других (не сопровождаемых фигурами собак) в том, что они мельче и их очень много.

Все три элемента — черные треугольники, черточки, вырастающие из земли, и семена — изображаются на «небесной земле» почти исключительно в сочетании с рисунками собак. Семантически они связаны как между собой, так и с собаками: земля, покрытая треугольниками,— это, очевидно, графическая передача вспаханной земли; черточки естественно воспринимаются как изображение поросли, всходов. Пашня, семена и особенно всходы — все это в условиях трипольской жизни требовало охраны от домашних и лесных животных. Такую охрану и осуществляли псы с гиперболическими когтями, готовые к прыжку на врагов или почти летящие над засеянными полями.

Идея молодых всходов, зеленей, нередко подчеркивалась тем, что рядом с собаками рисовали идеограмму молодого растения — деревцо или колос. Таковы фризы из Шипениц, где есть и ростки всходов, и вспаханная земля, и деревца, а над всем этим, не прикасаясь лапами к земле, летают грозные небесные собаки, охраняющие весеннюю растительность (рис. 41).

Большой интерес представляет фриз из Валэа Лупулуй (рис. 42), разделенный на три метопы. В триглифах нарисованы змеи, как бы соединяющие землю с небом; рядом с дожденосными ужами изображены вертикаль-

[14] Б. Л. Богаевский. Орудия производства и домашние животные Триполья. М.— Л., 1937, стр. 180, 181, 205.

Рис. 40. Звери, орошаемые весенним дождем
Варваровка

ные ряды капель. В метопах сверху свешиваются гирлянды облаков, а внизу показана вспаханная земля. Середину каждой метопы занимает собака с шерстью, стоящей дыбом. Вокруг собак — небольшие черточки и изогнутые листья: на одной метопе — четыре листка, на соседней — пять, а на третьей — шесть. В последнем случае листья-ростки уже не стелются по земле, а нарисованы вертикально. Создается такое впечатление, что художник изобразил собак-защитниц прямо посреди нивы и при этом сумел передать привычную для трипольцев идею времени — количество ростков на каждой следующей метопе увеличивается и ростки распрямляются. При той внимательности, с какой трипольцы относились к каждой нарисованной детали, едва ли можно считать это случайностью.

Собаки-охранительницы посевов должны были входить составной частью в один из важнейших культов — в культ плодородия зерна и земли. Реальная сторожевая служба трипольских псов превратила их в гениев добра, противостоящих всякому злу, а такие представления позволили помещать их в небесной зоне трипольской картины мира.

Интересна уже упоминавшаяся выше роспись (рис. 31), где космические лики Великой Матери дополнены «со всех четырех сторон» фигурами летящих по небу собак, что, может быть, ведет к истокам мифа о многоголовой Гекате и ее собаках?

Культ собак известен у ряда народов. На территории, где расцветала трипольская культура,— в Молдавии — почти до наших дней дожили предания о летающих собаках [15].

Особенно интересно сопоставить трипольскую роспись с той увлекательной страницей истории религии, которая открылась нам благодаря исследованиям К. В. Тревер.

К. В. Тревер обратила внимание на очень частое для иранского искусства изображение крылатой собаки с угрожающе протянутыми вперед когтистыми лапами. Крылатые псы в декоративном искусстве сасанидского и более позднего времени являются охранителями растений, семян, молодых ростков [16].

Известна композиция, в которой два крылатых пса летают по сторонам молодого растения, охраняя его от зла, почти так же, как псы на трипольском сосуде из Шипениц.

К. В. Тревер сопоставила образы декоративного искусства с данными Авесты, отметив, что крылатая собака — это Саэномерег, Сэнмурв, крылатый пес, пребывающий на небе: «Обиталище Сэнмурва — на дереве всех семян, исцеляющем от зла». Семена этого небесного дерева Агурамазда «роняет в дождь для пищи праведному человеку... Мое зерно пусть ест человек» [17].

---

[15] В. С. Зеленчук. Очерки молдавской народной обрядности. Кишинев, 1959, стр. 7.
[16] К. В. Тревер. Сэнмурв-Паскудж, собака-птица. Л., 1937, стр. 44.
[17] К. В. Тревер. Ук. соч., стр. 12, *11*.

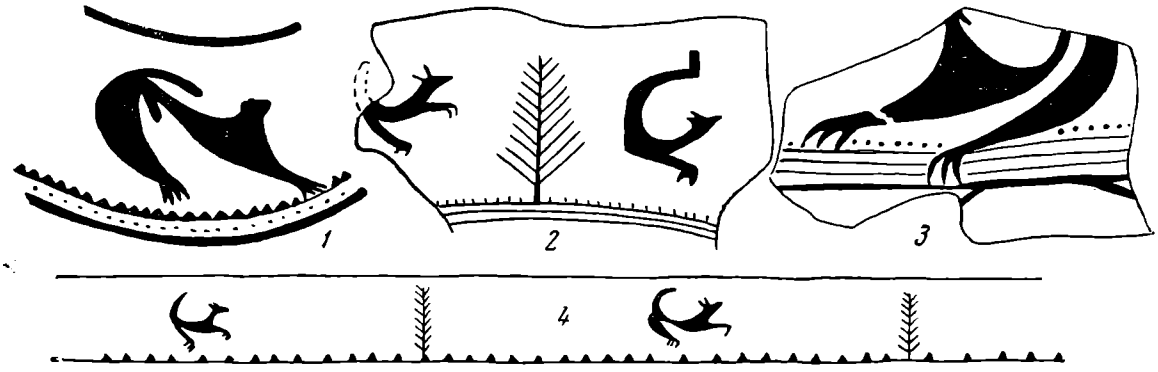


Рис. 41. Собаки, охраняющие небесные посевы
1, 3 — Петрены; *2, 4* — Шипеницы

Сэнмурв — крылатая собака является посредником между божеством неба и землей, он, Сэнмурв, стряхивает семена всех растений с чудесного дерева, «от которого постоянно произрастают все виды растений».

Отголоски мифа о Сэнмурве есть не только у иранцев, но и у армян, курдов, славян, молдаван. Культ собаки, охраняющей Добро и Жизнь (в форме иранского Сэнмурва или славянского Симаргла), очевидно, восходит, как и многое в индоевропейском фольклоре, к глубокой древности земледельческого энеолита.

Попытка функционального распределения сюжетов. Обилие разнообразных сюжетов в трипольской магической росписи заставляет нас, кроме попыток типологической классификации, предпринять попытку и функционального распределения их. Этнография сохранила нам архаичные устойчивые циклы обрядов, молений, празднеств, строго распределенные по установленным срокам; часть этих сроков сопряжена с этапами сельскохозяйственных работ (пахота, сев, уборка урожая), другая часть — со временем потребности в дожде, а часть связана с астрономическими явлениями (зимнее и летнее солнцестояние, весеннее равноденствие).

Всякая попытка приурочения сюжетов энеолитической росписи к этнографическим обрядам может быть, разумеется, только гипотетической, так как в отличие от семантики не поддается проверке.

С весенними обрядами, которые сопровождали пахоту и сев, надо, по всей вероятности, связывать сосуды для зерна, украшенные фризами с изображением вспаханной земли, семян и собак, охраняющих первые побеги пшеницы или ячменя. К этим же срокам надо отнести небольшие сосуды с подчеркнутым изображением прорастающих семян в толще почвы и двумя потоками небесной воды, спускающимися с неба к семенам. Из числа отдельных элементов орнамента сюда можно отнести рисунок четырех листьев, развернутых в четыре стороны,— это весенний подорожник, образующий такой крест из листьев как раз в пору сева.

В пластике этому весеннему циклу соответствуют изображения беременных женщин, татуировка в виде засеянного поля (четыре квадрата с точками), а также ритуальные сосуды в виде медведя, спутника Артемиды. Пробуждение медведя празднуется в марте (по милетскому календарю — месяце Артемиды), накануне весеннего равноденствия, к которому приурочен позднейший христианский миф о небесном зачатии божественной Девы. Идея посева сплеталась с идеей беременности, а все вместе — с весенним пробуждением всей природы.

Следующий цикл обрядов связан с началом июня; это тот языческий праздник, который впоследствии был заслонен христианским троицыным днем.

У славян Ярилин день праздновался, как можно полагать, 4 июня («семик»). Главным аксессуаром праздника молодой зелени была березка.

Из трипольской расписной посуды можно отнести к этому сроку небольшие горшки с изображением деревьев и крупные сосуды с зооморфными фризами, где признаком времени является гусеница. Фаллические элементы подтверждают смысловую связь с временем Ярилы.

К довольно широкому сроку созревания урожая (май — июль), когда все внимание земледельца устремлено на получение от неба дождя, следует отнести ряд сосудов, посвященных теме живой воды: конические чаши для чародейства, сосуды с ушками и погрудным изображением Матери, сосуды со сценой ритуального танца среди дождевых потоков и, конечно, биноклевидные воронки для поливания земли живой водой. В пластике к этим срокам молений о дожде (20 мая — 18 июля) относятся сидячие статуэтки женщин, миниатюрные чары и чарки.

С днем летнего солнцеворота («Купала») предположительно можно связать те сосуды, в которых во всю вселенную от земли до верхнего неба расположились лики верховного женского божества. К этому же празднику воды и огня, вероятно, следует приурочить и ранние сосуды-жертвенники с антропоморфными подставками, широкими чашами (с изображением груди) и со следами огня внутри.

Труднее всего решить вопрос об одном из важнейших летних обрядов, проводимом накануне жатвы,— обряде умилостивления верховного божества неба и предотвращения грозы, могущей в эти дни полностью уничтожить урожай. История сообщает нам о человеческих жертвоприношениях перед днем бога-громовика (20 июля), а этнография дает сведения о кровавых жертвах быков вплоть до XX в. Быть может, с этим днем связаны сосуды с изображением солнечного быка Митры и многочисленные глиняные фигурки быков?

Многочисленные сосуды для зерна тех типов, что изображены на сушковской модели жилища рядом с женщиной, растирающей зерно, сосуды с обегающей спиралью, с солнечными знаками, непрерывными цепями змей и наиболее четко выраженной схемой вертикального разреза мира естественнее всего связывать с двумя моментами в жизни земледельцев, когда их мысль отрывалась от напряженной повседневности и обращалась к будущему, к непрерывности и неизбежности мирового круговорота времени. Именно эта идея и была так поразительно талантливо выражена непрерывными поясами восходящих и заходящих солнц. Первым моментом, когда земледелец мог вспомнить о круговороте жизни, было время после сбора урожая. Быть может, отсыпая в большие глиняные сосуды из зерен урожая этого года семенной запас для засева полей в будущем году, трипольцы и рисовали на этих сосудах сложные композиции, выражавшие не менее сложные идеи устройства вселенной и непрерывности движения в ней.

Вторым моментом, когда мысль снова обращалась к этому же комплексу идей, были зимние новогодние празднества, не связанные с хозяйственными делами, а приуроченные к зимнему солнцевороту, перелому зимы, к сроку, по которому отсчитывали прожитые годы.

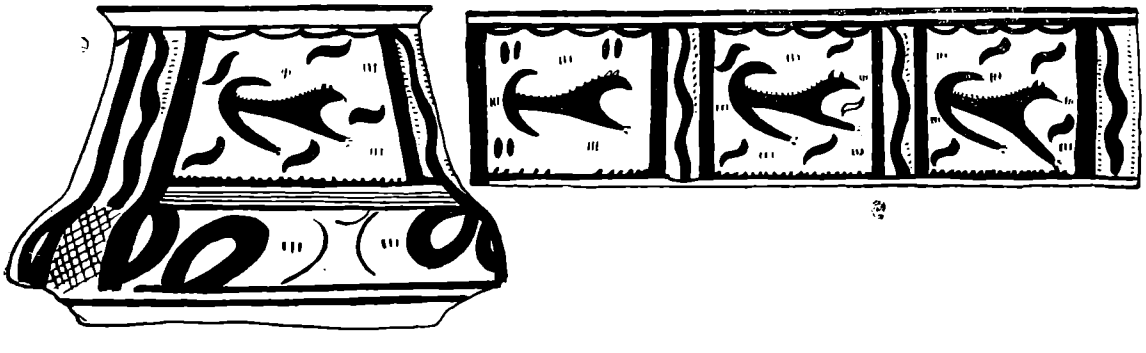


Рис. 42. Собаки, охраняющие всходы.
Валеа Лупулуй

В 12 дней зимних «святок» производятся заклинания на весь будущий год по всем разделам хозяйства. Возможно, что во время новогодних гадапий и заклинаний в магических обрядах участвовали многие виды посуды с ритуальной росписью: сосуды-жертвенники, поддерживаемые хороводом женщин, и чары с небесными оленями, и макотры с ликами Великой Матери, и «обильницы» (сосуды для зерна) с изображением бега времени, предназначенным для тех семян внутри сосуда, которые, будучи собраны в завершенном году, должны дать новую жизнь в году предстоящем. К новогодним заклинаниям относят (С. Н. Бибиков) и глиняные фигурки женщин с зернами злаков в них. Этнография сохранила многообразие новогодних обрядов, охватывающих самые разнообразные сюжеты: воду и солнце, хлеб и замужество.

Эволюция мировоззрения. Сюжетное богатство трипольской росписи дает нам не только систему мировоззрения, но и эволюцию ее. На протяжении полутора тысячелетий существования трипольской культуры менялась ее хозяйственная система (или, точнее, соотношение отдельных составных частей), менялась в какой-то мере социальная структура и, как мы видели на отрывочных примерах, соответственно менялась и идеология.

Древнейший пласт космогонических представлений трипольцев раскрывается в росписи на ритуальных конических чашах, где перед нами предстали необычайно архаичные воззрения неолитических охотников, задержавшиеся до поры расцвета земледелия (этап В/II) лишь в силу обычной консервативности религиозных обрядов. Два оленя, управляющие небом и ниспосылающие дождь,— это образ, конечно, дотрипольский, возникший как отражение представлений охотников, живших дуальной родовой организацией.

На других конических чашах того же времени отражен следующий этап представлений о небе: небо разделено на две дождевые области с парой сосков каждая. Здесь уже намечен переход к антропоморфизации. Олени или коровы превращаются в двух матерей мира. Для начала III тысячелетия до н. э. и эти воззрения, надо полагать, были уже анахронизмом.

Ранняя стадия Триполья дает все элементы представлений о трехъярусности мира: земля, небо (видимое) и верхнее небо, хранящее неистощимые запасы дождевой воды. Представления о верхнем небе не реальные, а отвлеченные, умозрительные, так как оно не видимо за голубой небесной твердью; черта, отделяющая верхнее небо от видимого воздушного пространства, всегда рисуется четко.

Управление всеми тремя ярусами мира осуществлялось верховной владычицей (или владычицами), которую на раннем этапе не решались изображать в человеческом облике.

Только материнские груди владычицы обрамляли верхнюю половину сосудов; голова ее, очевидно, мыслилась где-то в невидимости верхнего неба и поэтому не изображалась. Груди же, символизировавшие дожденосные облака, охотно изображались, так как они входили в видимое с земли «воздушное пространство» Ригведы.

Архаичные представления о двух хозяйках мира частично проявлялись в том, что одновременно изображали четыре женские груди на одном предмете.

Земля и земное еще не стали объектом ритуального изображения. Человек, как и его божество, оставался еще невидимым; даже скульптуры еще не имели лиц. Единственным нарушителем космической отвлеченности орнамента в ранний период был уж, добрый змей-домовик, помогающий человеку сводить дождь с неба на землю.

Но уже на раннем этапе, помимо придуманных представлений о трех зонах мира, возникли еще два новых и очень существенных комплекса понятий, рожденных в результате осмысления жизненного опыта. Это, во-

первых, понятие географических координат, протяженности пространства на полдень и полночь, на восход и закат. Оно воплощалось в выражении «со всех четырех сторон», живущем до сих пор. Второе важное понятие, прочно вошедшее в мировоззрение земледельцев,— это понятие круговорота времени, цикличности, для выражения которого трипольские художники нашли такие остроумные способы.

Таким образом, в мировоззрение земледельцев вошли все четыре измерения: поверхность земли, распаханная «вдоль и поперек», высота мира, теряющаяся в голубой тверди неба, и непрестанное движение этого мира во времени. И все это было выражено в орнаменте. Орнамент стал общественным явлением, позволявшим, как позднейшие письмена, повествовать о своем отношении к миру и объединять людей для выполнения тех или иных действий. Передаваясь из поколения в поколение, «письмена» становились более четкими, организованными; круг понятий, выражаемых пиктографическими и идеографическими средствами, делался все более широким.

Необычайного расцвета земледельческая мысль и ее выражение достигают в XXX—XXV вв. до н. э. на стадии B/II — C/I. Здесь не только полнокровно развиваются те элементы, которые подчас неумело и робко изображали трипольцы раннего периода, но появляется много нового, рождаются новые понятия; представления о мире и управляющих им силах усложняются.

Земля и земное стали изображаться более жизненно: появились растения, семена, всходы, вспаханная почва. Воздушное пространство получило законченную классическую форму: по небу непрерывно бежит солнце, дождевые потоки пересекают его, питая семена в земле. Одновременно с отшлифовкой понятия вселенной и с четким графическим изображением ее трехъярусности появляется более усложненное представление о верхнем небе. Помимо постоянных запасов воды, туда в невидимую заоблачную твердь переносят некоторые земные образы, как бы создавая вторую небесную землю: там есть пашни, есть засеянные поля, деревья, колосья, там грозные псы стерегут молодые всходы. Очевидно, уже в III тысячелетии до н. э. стала создаваться идея небесных полей, «райских кущ», получившая дальнейшее развитие, в частности, в христианстве.

Существенно изменились и представления о верховном божестве, управляющем миром. Как и в каждой системе мировоззрения, новое у трипольцев уживалось со старым: еще продолжали рисовать двух лосих и четыре женские груди, но одновременно с этим появилось и совершенно новое. Невидимую Великую Мать, которую сотни лет изображали только при помощи ее отдельных признаков, теперь художники стали изображать в антропоморфно-космическом облике. Во всю высоту воздушного пространства и верхнего неба они писали огромные лики Матери, возвышавшиеся над земным горизонтом; четыре солнца превращались (как в Ригведе) в глаза божества, изгибы волн небесной воды образовывали брови. Количество богинь, хозяек мира, здесь определено не очень ясно — по количеству глаз-солнц их две (как два оленя), один же человек, глядя на расписную макотру, видит только один лик Матери, обращенный к нему, но на каждую из четырех сторон смотрит лик богини. И здесь трипольские мастера росписи сумели выразить очень сложную мысль о вездесущности своего верховного божества; оно в пространстве и в небе, оно на севере и юге, на западе и востоке, оно — везде.

Одновременно с этим все более определенно формируется представление об одной прародительнице мира: на семена в толще земли текут уже не четыре потока дождя-молока, а только два из сосцов единственной небесной матери.

Индоевропейская мифология в своих самых архаичных слоях знает единую прародительницу мира, мать всех богов, по-разному называя ее: в Индии это Адити Бесконечная, в Малой Азии и Греции — Кибела — мать

богов. Трипольская роспись важна для нас тем, что не только позволяет датировать время появления образа Прародительницы, но и то, казалось бы, совершенно неуловимое время, когда Прародительница мира, единственное верховное существо, стала матерью богов, когда рядом с ней появились младшие боги.

Формирование гимнов Ригведы большинство исследователей относит к XV в. до н. э. Авеста записана много позже, как и греческие мифы. Но для греческой мифологии мы теперь располагаем крито-микенскими письменами, тоже около XV в. до н. э., содержащими имена Зевса, Артемиды, Ма-Дивии, Диониса и других богов. И все же время появления представлений о новых богах остается неизвестным.

В греческой мифологии Уран является туманным архаичным божеством неба, время появления которого не определено; память о женском божестве-прародительнице изгладилась вовсе. Ригведа, как уже упоминалось, сохранила все пласты мифологии: Адити, затем Варуна, Митра, Арьяман и затем уже ряд позднейших богов (Индра, Парджанья и др.), но датировать эти пласты по данным ведических гимнов нельзя.

Тем большее значение приобретает энеолитическая роспись, дающая вслед за образом бесконечной Адити Прародительницы образы новорожденных богов, связанных с небом или водой (трехпалые фигуры). В верхней небесной зоне художники рисовали огромное лоно Прародительницы, образованное двумя дугообразными дождевыми потоками, и внутри его — фигуру трехпалого мужчины или женщины. О Варуне, боге неба и воды, можно говорить вполне определенно, а женское божество, рождаемое Прародительницей, предположительно можно считать кем-то вроде Ардви (богини земной воды) или Геи.

Одновременно с рождением новых богов в трипольской росписи появляются и другие элементы архаичных пластов мифологии — например титаны, полностью соответствующие индийскому мифу о первочеловеке титане Пуруше и в мифах и в росписи, связанному с солнцем-Митрой.

Появившаяся тенденция все более насыщать живопись жизненными сюжетами сказалась и в том, что появились изображения собак, оленей, коз, гусениц, а еще несколько позднее в росписи появились и люди, правда, не в простом повседневном виде, а как исполнители ритуального танца дождя.

Последний этап трипольской культуры, связанный с ослаблением роли земледелия и значительным усилением скотоводства и, в частности, коневодства, сказался и на идеологии трипольцев. Роспись упростилась, схематизировалась, старые представления еще существовали, но нового в росписи появлялось мало.

Трипольская роспись, прочерченный орнамент и скульптура требуют дальнейшего изучения, проверки возникающих гипотез, установления локальных (племенных) особенностей, но необычайное многообразие материала, глубина художественных замыслов и увлекающая связь с глубинными пластами индоевропейской мифологии — все это делает трипольское искусство важнейшим источником по восстановлению ранних этапов земледельческой идеологии, тех этапов, когда зарождалось мировоззрение, сохранявшееся на протяжении многих тысяч лет и определявшее формы многих религий.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

№ 26. 1. T. Passek. La céramique tripolienne. Л., 1935, табл. XII, *9*.
2. Там же, табл. XXXII, *13*.
3. Там же, табл. XII, *7*.
4. Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, рис. 61, *2*.

№ 27. Т. С. Пассек. Периодизация..., табл. XXXII, *12*. Место находки не указано.

№ 28. Т. С. Пассек. Трипольское поселение Владимировка. КСИИМК, 1949, XXVI, рис. 19, *1—2*.

№ 29. 1. Т. С. Пассек. Периодизация..., рис. 34, *7*.
2. Э. Р. Штерн. Догреческая культура на юге России. Тр. XIII АС, I, М., 1906, табл. VI, *5*.
3. Т. С. Пассек. Итоги работ трипольской (Днестровской) экспедиции. КСИИМК, XLV, 1952, рис. 4—5.

№ 30. 1. Oleh Kandyba. Schipenitz. Kunst und Geräte eines neolithischen Dorfes. Lpz.— Wien, 1937, стр. 84, рис. 109.
2. T. Passek. Ук. соч., табл. VII, *5*.
3. Т. С. Пассек. Периодизация..., рис. 97.
4. T. Passek. Ук. соч., табл. XXXIII, *12*.

№ 31. Э. Р. Штерн. Ук. соч.
1) табл. XII, *11;*
2) табл. II, *8;*
3) табл. IX, ***1;***
4) табл. X, **9**.

№ 32. 1. Э. Р. Штерн. Ук. соч., табл. VI, *2*.
2, 3, 4. Т. С. Пассек. Периодизация..., рис. 67.

№ 33. Dacia. Nouvelle série, IV, 1960, рис. 1—4.
Хортензия Думитреску. Антропоморфные изображения на сосудах из Траяне «Dacia», н. с., IV, 1960, рис. 1—4.

№ 34. 1. В. В. Хвойко. Каменный век Среднего Поднепровья. Тр. XI АС, I, М., 1901, табл. XXIV, *9*.
2. Т. С. Пассек. Трипільське культуре. Київ, 1940, стр. 67, рис. 41.
3. К. В. Болсуновский. Символ змия в «Трипольской культуре». Киев. 1905, рисунок на обложке.
4. С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА, 38, 1953, табл. 59, *3*. См. также табл. 57, *а, б, в, г*.

№ 35. Фотография Киевского Гос. исторического музея любезно прислана Т. Г. Мовшей.

№ 36. Э. Р. Штерн. Ук. соч., табл. II, *3*. Здесь опубликован вид сосуда только с одной стороны. Разворот всего орнамента сделан М. Сабуровой.

№ 37. 1. N. Zaharia. Dowa vase pictate. Arheologia Moldovei. II—III, Яссы, 1964, стр. 2, рис. 1.
2. Х. Думитреску. **Ук. соч., стр. 41, рис. 5, *5*.**

№ 38. 1. C. Matasa. Asezarea eneolitica Cucuteni B de la Tîrgu Ocna-Podei. Archeologia Moldovei. II—III, рис. 24, *6*.
2. Б. Л. Богаевский. Ук. соч., табл. XIII, *3*.

№ 39. Б. Л. Богаевский. Орудия производства и домашние животные Триполья. М.— Л., 1937, стр. 194, рис. 70.

№ 40. Э. Рикман. Памятники древнего искусства Молдавии. Кишинев, 1961, рис. 3.

№ 41. 1, 3. Э. Р. Штерн. Ук. соч., табл. IX, *7, 8*.
2. Б. Л. Богаевский. Ук. соч., стр. 180, рис. 62.
4. O. Kandyba. Ук. соч., стр. 73, рис. 75.

№ 42. M. Dinu. Valea Lupului. Mat. si cercet. arh. III. Bucuresti, 1957, стр. 164, рис. 2.

А. Я. ЩЕТЕНКО

ЭНЕОЛИТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИНДИИ

Блестящая цивилизация Хараппы и Мохенджо-Даро, открытая в начале 30-х годов XX в. в северо-западной Индии, на протяжении нескольких десятилетий привлекает к себе внимание не только индийских археологов, но и виднейших ученых многих стран мира. Остальные части страны были значительно меньше исследованы в археологическом отношении. С провозглашением Индийской Республики и отделением Пакистана (на территории которого в основном и распространены памятники культуры Хараппы) археологические работы начинают проводиться все более оживленно на полуостровной Индии.

В течение последнего десятилетия в результате интенсивных работ в центральной Индии была открыта своеобразная энеолитическая культура оседлых земледельцев, живших небольшими сельскими общинами, в то время как на северо-западе от нее существовали хараппская цивилизация и постхараппские культуры долины Инда. Этот факт интересен уже в том отношении, что подобное же явление — сосуществование крупных городских цивилизаций с соседними с ними общинами ранних земледельцев,— отмечен на Переднем Востоке, в Египте и в Центральной Америке. Поэтому изучение центрально-индийского энеолита и его взаимоотношений с одновременными культурами северо-западной Индии, с одной стороны, имеет важное значение для выявления общих закономерностей исторического развития раннеземледельческих обществ, с другой стороны, может в какой-то степени пролить свет на историю существования доарийских племен Деканского полуострова — дравидов, вопрос о прародине которых до сих пор остается открытым.

Изучение энеолита центральной Индии началось сравнительно недавно[1]. В 1947 г. молодой индийский офицер С. А. Сали обратил внимание на расписную керамику, собранную на холмах в окрестностях маленькой деревушки Джорве, расположенной на левом берегу р. Правара. Находками заинтересовались археологи. Н. Д. Санкалия дважды посетил открытое местонахождение (один раз совместно с А. Гхошем) и собрал подъемный материал, состоявший из расписной керамики и микролитов. Правда, высказывались сомнения: одновременны ли микролиты и керамика и не относится ли последняя к мусульманскому периоду. Но эти сомнения отпали уже в 1948 г., когда аналогичная расписная керамика вместе с микролитами была найдена в нижнем культурном слое холма, на окраине города Насика (р. Годавари).

[1] Предварительные отчеты о раскопках в журнале «Indian archaeology». A review. New Delhi, 1954, 1961. B. B. Lal. Proto-Historic Investigation. Ancient India BASJ, 3, 1953, стр. 98—100; B. Subbarao. The Personality of India. Baroda, 1958, стр. 106—117; R. E. M. Wheeler. Early India and Pakistan to Ashoka. London, 1959, стр. 134—149; V. D. Krishnaswami. The Neolithic Pattern of India. Proceedings of the Fortysixth Indian Science Congress, II, Delhi, 1959, стр. 128—137; H. Mode, Das frühe Indien. Stuttgart, 1959.

В 1950—1951 гг. на обоих поселениях были проведены раскопки [2], подтвердившие связь микролитов и расписной керамики, представленной в основном сосудами с носиками и чашами с перегибом стенок, расписанных черной краской по красному фону. Здесь же в Джорве впервые были встречены медные предметы. Вслед за Джорве и Насиком было открыто еще несколько энеолитических поселений. В 1952—1953 гг. проводились работы в Махешваре и Навда Толи [3], расположенных на противоположных берегах р. Нарбада. В следующем году Б. К. Тхапар исследовал поселение Пракаш [4]. В 1954—1956 гг. в течение двух полевых сезонов большим раскопкам подверглись холмы Невасы [5] (р. Правара), давшие стратиграфическую последовательность, в которой энеолитические слои, содержавшие остатки древних жилищ, расписную керамику и микролиты, были перекрыты слоями раннеисторических культур, датируемых монетами.

Еще несколько лет спустя были открыты новые поселения: Бахал [6], Даймабад [7], Бахурупа, Савалда [8], Чандоли [9] и продолжены работы на уже известных памятниках (Неваса [10] и Навда Толи [11]) с целью выяснения условий жизни их древних обитателей и установления хронологии энеолита центральной Индии.

Как показали раскопки, энеолитические поселенцы не были первыми жителями в этом районе. Стратиграфические колонки говорят о том, что впервые берега рек Нарбады и Правары были заселены людьми еще в палеолите (первый и второй периоды в Невасе и Навда Толи). Затем наблюдается перерыв в культурных напластованиях и лишь в слое черной комковатой земли появляются энеолитические находки. Интересно отметить, что связь нижних энеолитических слоев с черной почвой прослеживается и на других памятниках центральной Индии, где следов палеолитического периода не найдено (Насик I, Джорве I, Даймабад I, Бахал I A и др.). Мощность культурного слоя энеолитического периода различна: от 1,5 *м* в Насике до 2,8 и 3,3 *м* соответственно в Невасе и Навда Толи. Он характеризуется наличием расписной керамики, микролитов, уровнями полов древних жилищ, представляющих собой известковые промазки белого цвета, которые помогают стратиграфически расчленить всю толщу слоев энеолитического периода на ряд последовательных строительных фаз (в Невасе выделено семь таких фаз). В последние годы индийские археологи, используя стратиграфические данные, сумели на некоторых памятниках проследить ряд подпериодов в развитии энеолитической культуры. Это — Даймабад I, II, III, Бахал IA, IБ и Навда Толи А, Б, С, Д [12]. Однослойные энеолитические поселения открыты лишь в Джорве, Даймабаде и Чандоли, тогда как на остальных памятниках, на смену людям медно-каменного века пришли носители раннеисторических культур, строившие свои дома из обожженного кирпича и знакомые с применением железных орудий. Гра-

---

[2] H. D. Sankalia, S. B. Deo. Report on the Excavations at Nasik and Jorwe 1950—51. Poona, 1955.

[3] H. D. Sankalia. Excavations in the Narmada Valley Jour. Baroda, II, 2, 1953; H. D. Sankalia, B. Subbarao, S. B. Deo. The Excavations at Maheshwar and Navda Toli 1952—53. Poona — Baroda, 1958. Рец. O. Prufer на эту книгу см. в AJA, 64, 1960, стр. 285—286.

[4] IA, 1954—55, стр. 13.

[5] H. D. Sankalia, S. B. Deo и др. From History of Pre-History at Nevasa (1954—1956). Poona, 1960.

[6] IA, 1956—57, стр. 17.

[7] IA, 1958—59, стр. 15—18.

[8] IA, 1959—60, стр. 34—36.

[9] IA, 1960—61, стр. 26.

[10] IA, 1959—60, стр. 25—28.

[11] IA, 1957—58, стр. 30—31; IA, 1958—59, стр. 30—31; H. D. Sankalia. Navda Toli. ILN. September 20, 1958; его же. Four — Thousand — Year — Old Links Between Iran and Central India: New Excavations at Navda Toli. ILN. September 5, 1959.

[12] В Навда Толи четыре подпериода были выделены благодаря слоям, оставленным большими пожарами, которые, по крайней мере, трижды прерывали жизнь на поселении.

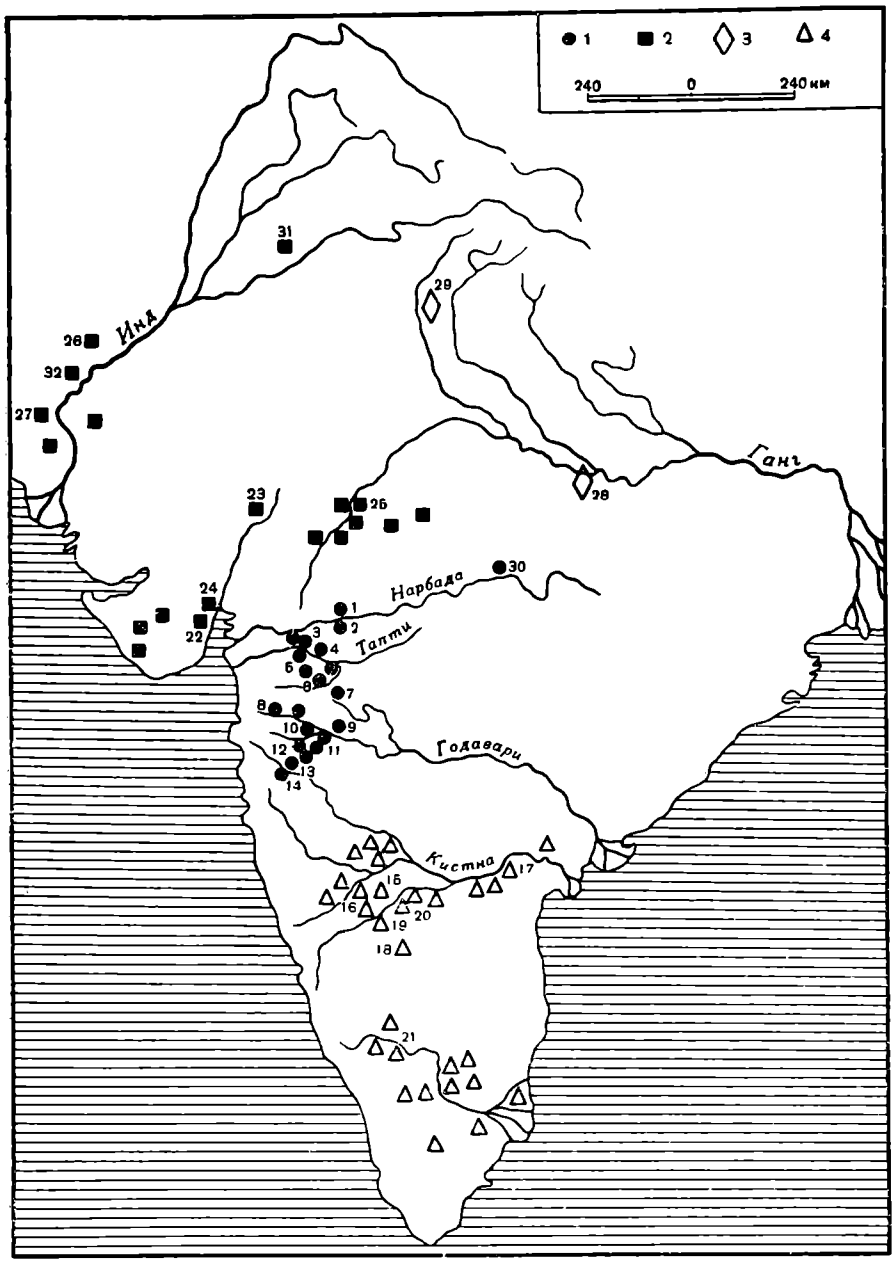


Рис. 1. Энеолитические памятники Индии середины II тысячелетия до н. э.

1 — энеолитические поселения центральной Индии; *2* — харапские и постхарапские памятники северо-западной Индии; *3* — культура «медных кладов» долины р. Ганга; *4* — неолитические поселения
1 — Махешвар; *2* — Навда Толи; *3* — Бахурупа; *4* — Пракаш; *5* — Савалда; *6* — Бахал; *7* — Теквада; *8* — Насик; *9* — Копаргаон; *10* — Даймабад; *11* — Неваса; *12* — Джорве; *13* — Чандоли; *14* — Корегаон; *15* — Пиклихал; *16* — Маски; *17* — Нагарджанаконда; *18* — Брахмагири; *19* — Санганакалли; *20* — Утнор; *21* — Т.-Нарасипур; *22* — Рангпур; *23* — Ахар; *24* — Лотал; *25* — Нагда; *26* — Джхукар; *27* — Джангар; *28* — Каусамби; *29* — Хастинапур; *30* — Трипури; *31* — Хараппа; *32* — Мохенджо-Даро

ницы распространения энеолитической культуры центральной Индии пока точно не установлены, но если судить по расположению уже открытых памятников (рис. 1) [13], то она была распространена по долинам рек Нарбада, Тапти, Годавари и их притокам, а также в верховьях р. Бхима, притока Кистны.

[13] На карте указаны лишь поселения, на которых были произведены раскопки и названия которых упомянуты в работе. Между тем, в этом же районе известно большое число памятников, давших при разведочных работах материал, характерный для энеолитических слоев раскопанных поселений. Так, на р. Тапти в районе поселения Пракаш открыто 10 энеолитических местонахождений, ІА, 1958—59, стр. 22.

По берегам этих рек расположены холмы. Это или низкие и оплывшие бугры, как у Джорве, или же грандиозные холмы высотой до 20—30 *м* (Пракаш, Неваса). Они образовались из строительных остатков, состоявших из глины, употреблявшейся при сооружении жилищ и других построек. В Навда Толи на площади около 4000 $м^2$ были вскрыты остатки нескольких жилищ, располагавшихся довольно скученно, с узкими проходами между ними. Отмечено три типа помещений: круглые в плане, продолговатые или квадратные. Размеры круглых колеблются от 2,1 до 3,3 *м* в диаметре, тогда как самый большой продолговатый дом был 4,5 × 3 *м*. Стены строились из глины и деревянных кольев: или глиной, обмазывался уже готовый каркас из бамбука или дерева, или глинобитные стены укреплялись кольями. Об этом свидетельствуют отпечатки последних на кусках глины. Иногда стены штукатурились. Верхние концы кольцев поддерживали, вероятно, легкую крышу, нижние же были закопаны в пол; ямки от них (диаметр 5—8 *см*) часто оконтуривают план жилища. Пол, как правило,— это слой утрамбованной глины, смешанной с известью; реже встречаются полы из глины и гравия. Часто они покрывались толстым слоем извести. Внутри помещений, кроме печей, сооруженных из глины и обмазанных известью (Неваса, Навда Толи), встречены сосуды для хранения зерна, которые были погружены в пол.

Под полами жилищ энеолитические поселенцы хоронили умерших. Обряд погребения для детей и взрослых был различен. Первых (погребений которых найдено больше всего) хоронили в урнах-сосудах, изготовленных из серой глины, иногда украшенных резным или лепным орнаментом. Обычно использовали две урны, которые клались на бок, венчиками плотно друг к другу. Покойник помещался внутри сосудов в вытянутом положении, головой на север. Случалось, что использовалась только одна урна либо три. Взрослые погребались под полом в неглубоких ямах; иногда их просто клали на пол (это, вероятно, в том случае, когда жилище покидалось). Положение костяков то же, что и у детей: вытянутое на спине, головой на север. Погребальный инвентарь состоял из расписных сосудов с носиками, чаш с перегибом и различных бус. Кроме относительно богатых погребений встречены и такие, в которых нет сопровождающих вещей. Описанный выше обряд погребения в урнах под полами жилищ был широко распространен среди энеолитических племен центральной Индии, тогда как отдельные могильники пока не найдены [14].

Керамика центральноиндийского энеолита вместе с микролитами является самым массовым материалом, встреченным в раскопках и поверхностных сборах. По способу выделки, по характеру теста, покрытию и украшению поверхности она может быть разделена на три основные группы: 1) расписную красную керамику; 2) серую керамику; 3) грубую красную керамику. Из этих трех групп наиболее характерна и многочисленна первая группа (рис. 2, *I*, *II*). В Неваре она составляла более 65% всей керамики энеолитического периода (раскопки 1954—1956 гг.).

Сосуды изготовлялись из хорошо отмученной глины на гончарном круге, за исключением больших кувшинов для хранения, очень маленьких горшков и носиков сосудов, которые изготовлялись отдельно. В качестве основы иногда использовали бамбуковые корзины, отпечатки которых отмечены на внутренней стороне некоторых черепков.

Поверхность сосуда (снаружи и внутри) часто покрывалась различного цвета ангобом: от желтовато-коричневого до желто-красного. Роспись наносилась черной краской на гладкую или матовую поверхность и располагалась в горизонтальных фризах, идущих под венчиком или посередине

---

[14] М. Н. Дешпанде открыл на р. Гирна, напротив поселения Бахал, четыре отдельных погребения, которые были в урнах и горшках. IA, 1956—57, стр. 18—19. Исследователь датирует их на основании сопровождающей керамики фазой Бахала IБ. Если подтвердится, что погребения находятся вне всякой связи с поселением, то это будет первый энеолитический могильник.

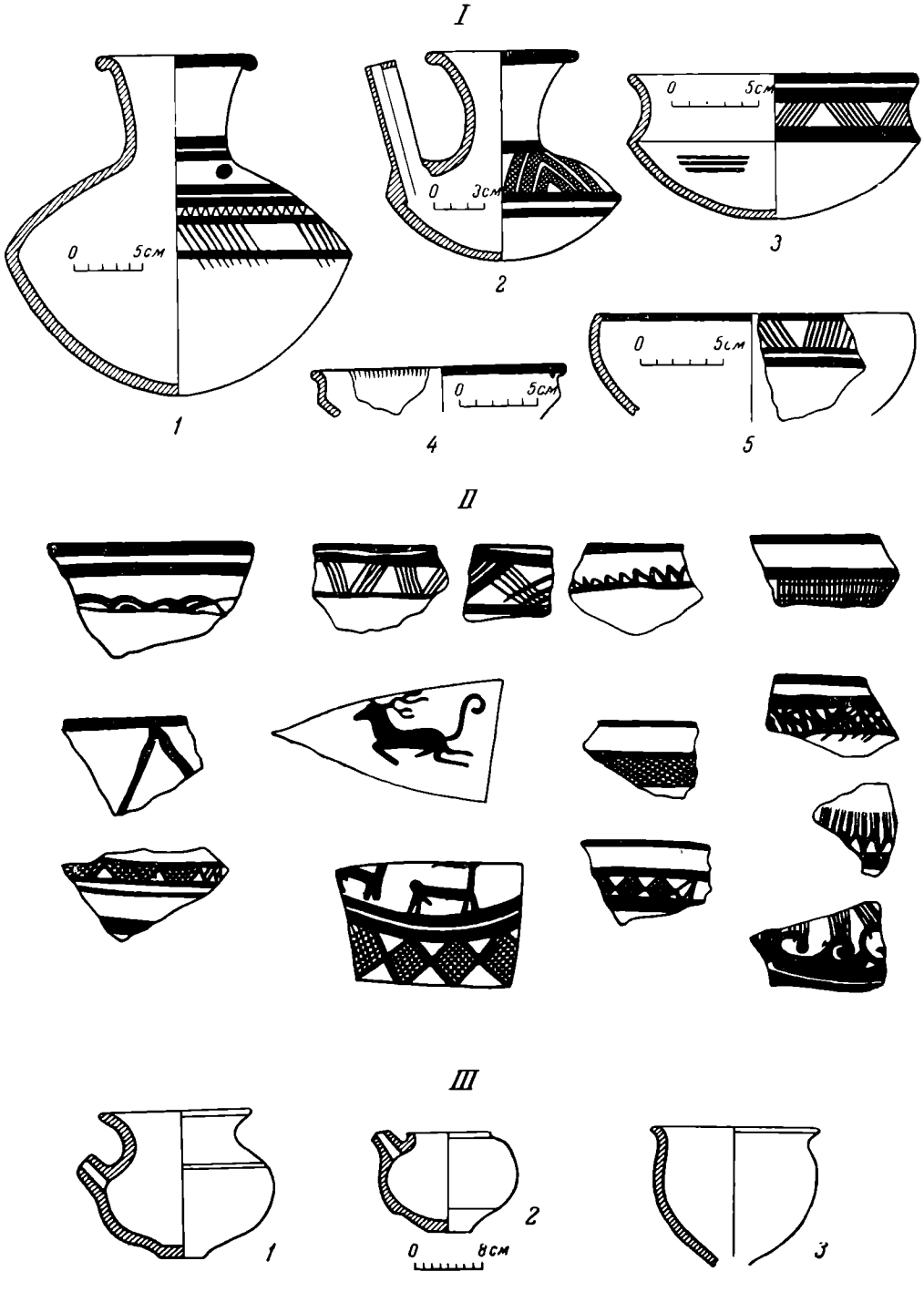


Рис. 2. Керамика с энеолитических поселений центральной Индии

I — основные формы керамики первой группы (красный фон, роспись черная), *1, 2, 5* — Неваса; *3* — Джорве; *4* — Чандоли; *II* — некоторые типы орнаментов керамики первой группы. Неваса. *III* — сосуды из неолитических могил. Нагарджанаконда

сосуда, не опускаясь, как правило, ниже перегиба стенок. Узоры главным образом линейного и геометрического характера: это линии, ленты, образующие всевозможные фигуры; треугольники, ромбы, квадраты, заштрихованные внутри (рис. 2, *II*). Реже встречается растительный орнамент. Изображения животных довольно многочисленны (рис. 2, *II*): они встречены вместе с геометрическим орнаментом, а кроме того, образуют ряд сцен определенного значения. Можно узнать в этих рисунках оленей, собак, тигров, из птиц — журавля (?) и павлина. Фигуры человека встречаются реже и трактуются весьма условно. Исключение составляют изображения из Навда Толи, где человеческие фигурки довольно реалистичны. Формы сосудов самые разнообразные: кувшины нескольких типов (высокогорлые, большие для хранения зерна, низкогорлые), чаши (несколько видов), блюда на подставках, миски, подставки. Наиболее характерной формой являются сосуды с воронкообразным горлом и с трубчатыми носиками (рис. 2, *I*, *1*, *2*); последние иногда бывают расписаны вдоль их длины.

Вторая группа керамики представлена сосудами серого цвета, фрагменты которых найдены в основном в нижних слоях энеолитического периода. Серая керамика изготовлялась от руки из глины, смешанной с соломой и песком. На несовершенный обжиг указывают некоторые образцы с серо-коричневой пятнистой поверхностью. Эта группа керамики может быть разделена на три вида: 1) полированная серая, 2) грубая серая и 3) расписная серая. Формы первых двух — это погребальные урны — шаровидные сосуды с высоким горлом и отогнутым венчиком, чаши, миски, круглые крышки с выпуклым основанием. Отличаются они по обработке внешней поверхности: все урны полированы и имеют черновато-серую пятнистую поверхность, иногда украшенную вдоль шейки резным или рельефным орнаментом. Украшения грубых серых сосудов те же, но их поверхность не имеет следов полировки. Расписная серая керамика представлена всего одной формой — глубокой миской с утолщенным отогнутым венчиком. Роспись красной краской покрывает лишь незначительные части венчика. Особо следует остановиться на сероглиняных полированных и грубых сосудах с трубчатым носиком (Неваса). Подобные экземпляры известны в Брахмагири в раннем периоде [15]. Другой разновидностью этого типа является удлиненный каналообразный носик (channel-spouted), отмеченный в третьей фазе Навда Толи [16] и во втором периоде Даймабада [17]. Похожие носики на грубой серой керамике найдены в Мисоре [18] и Андхра Прадеш [19].

Грубая красная керамика ближе всего примыкает к серой толстостенной и по тесту (примеси соломы и песка) и по украшению внешней поверхности (насечки, пальцевые углубления по лепному валику). Не отличается она и разнообразием форм. Это в основном кувшины для зерна, чаши с высокими стенками с перегибом, блюда, крышки и тарелки (противень?).

Кроме описанных выше групп сосудов, которые были распространены довольно широко в энеолитическую эпоху в центральной Индии, существовала еще керамика, характерная лишь для определенной группы памятников. Так, на севере в Нагде и в Навда Толи довольно часто встречается бледно-красного покрытия керамика с росписью белой краской («тип Мальва»). Чашка, блюдо и чаша на поддоне, ваза с высокой вогнутой шейкой и шаровидным туловом — характерные формы этого типа [20].

---

[15] R. E. M. Wheeler. Brahmagiri and Chandravali. 1947. AI, 4, 1947—1948, стр. 229—231.

[16] IA, 1958—59, стр. 30.

[17] Там же, табл. XXIII, *Б*, *5*.

[18] Там же, стр. 33.

[19] K. V. S. Rajan. Studies in the Stone Age of Nagarjunakonda and its Neighbourhood. AI, 14, 1958, стр. 104—105.

[20] AI, 1958—59, табл. XXXV, XXXVII, *А*.

В очень незначительном количестве она встречена в Пракаше и Бахале. Белоангобированная керамика встречена в Нагде, где она преобладает, и в небольшом числе в Навда Толи. Она имела несколько градаций по ангобу и фактуре: была гладкостенная, блестящая и зеленовато-белая. Хотя эта керамика продолжала формы «типа Мальва» [21], ее новыми формами были: мелкое блюдо с широким плоским венчиком, подставка и чаша с перегибом и с вогнутыми стенками [22]. Фриз из бегущих оленей и группы танцующих человечков — характерные рисунки этой керамики, наряду с орнаментами мальвийских сосудов.

В Насике, в нижних слоях Джорве и в верхних Невасы найдены фрагменты керамики, имеющей ярко-оранжевую поверхность. Тесто содержит примесь кварцита или соломы. Сделана она на гончарном круге и хорошо обожжена, издает металлический звук. Основные формы: горшок с перегибом стенок, блюдо, сосуды с воронкообразным горлом и трубчатым носиком. Роспись наносилась черной краской после обжига, и поэтому она часто бывает стерта. Орнамент — простой геометрический.

Помимо керамики большую коллекцию составляют орудия, которые могут быть классифицированы по материалу, из которого они изготовлены. Это каменные и медные орудия. Костяные, к сожалению, пока не известны.

Самую многочисленную группу предметов составляют каменные орудия, изготовленные из местных пород камня (халцедон, яшма, сланец, деларит, базальт и др.), встречаемых в гальках и жилах траповой зоны центральной Индии. Об изготовлении их на месте говорят открытые при раскопках так называемые мастерские (Навда Толи, Неваса, Бахурупа). Характерной чертой этих мастерских является наличие огромного числа отщепов, нуклеусов, заготовок, незаконченных экземпляров вместе с орудиями производства: наковальнями, отбойниками и ретушерами. Основную группу орудий составляют микролиты, которые найдены тысячами на поселениях. Используя технику оживления нуклеуса путем скола ребра нуклеуса (crested ridge), древние мастера изготовляли массу ножевидных пластин и отщепов с параллельными сторонами, которые после последующей обработки ретушью (или даже без нее) становились разнообразными орудиями. Это сегменты, трапеции, скребки, сверла, пластины с зазубренными краями (пилы), пластины с косо скошенным острием, различные острия. Подавляющее большинство составляют ножевидные пластины [23]; так, например, в Навда Толи и Махешваре они дали более 70% общего числа готовых орудий, тогда как сегменты, трапеции и скребки соответственно несколько больше 21,3 и 4%. Некоторое представление об этом соотношении дают и материалы других поселений, где были сосчитаны микролитические орудия (таблица).

Таблица

Полевой сезон, гг	Название поселения	Нуклеусы	Ножевидные пластины	Сегменты	Трапеции	Скребки
1950—1951	Насик	13	13	3	—	—
1951—1951	Джорве	37	84	—	—	1
1952—1953	Навда Толи, Махешвар	131	204	63	14	9
1954—1956	Неваса	351	2895	118	4	136

[21] IA, 1958—59, табл. XXXVII, *A*.
[22] IA, Там же, табл. XXXVI, *B*.
[23] B. Subbarao. Chalcolittic Blade Industry of Maheshwar (Central India) and a Note on the History of the Technique. Poona, 1956.

Полированные топоры треугольных очертаний с овальным сечением и суживающимся обушком, тесла, долота, навершия булав, точила и зернотерки [24] представлены более скромно в энеолитических поселениях.

Медные вещи, хотя и найдены на многих памятниках, но главным образом в виде единичных находок. Пока основной группой орудий из меди являются топоры. Их найдено 14 штук: шесть в Джорве, пять в Навда Толи и по одному в Даймабаде, Невасе и Чандоли. Эти плоские кельты подпрямоугольной формы с клиновидным выпуклым лезвием и слегка сужающимся обушком. Боковые стороны прямые. Медные долота (Неваса, Навда Толи, Чандоли), кольца (Неваса, Навда Толи, Джорве), фрагмент медного сосуда (Неваса), бусы (Навда Толи, Неваса), рыболовные крючки (Навда Толи, Неваса), а также просто куски меди или проволоки найдены и в других памятниках этой культуры. Интересно отметить фрагмент кинжала или меча из меди (Навда Толи) [25], не находящего себе аналогий в Индии и напоминающий подобные экземпляры из Ирана. В Чандоли найден почти целый кинжал листовидной формы с длинной антенообразной рукояткой.

Данных о местном производстве медных изделий пока нет; анализы топоров из Джорве показали, что они литые и имеют низкое содержание олова.

Украшениями служили бусы различных форм из полудрагоценных камней, глины, раковин и меди. Необходимо отметить предпочтение стеатиту, бусы из которого были любимым украшением людей этого периода. В Невасе 93% всех бус, найденных в энеолитическом слое, были стеатитовые; в Навда Толи они составляли 40%. Интересное ожерелье из 17 бочонковидных медных бус, нанизанных на шелковую нить, найдено в погребальной урне в Невасе [26]. Находка такой нити является самым ранним свидетельством об использовании шелка в Индии.

Особую группу предметов образуют терракотовые поделки: светильники овальной формы в виде неглубоких плошек, колесики без ступиц, точильца, диски, игрушки, фигурки животных (собака, бык) и людей (главным образом женские).

Таким образом, энеолитическая культура центральной Индии может быть охарактеризована следующими отличительными чертами: 1) распространением расписной керамики, изготовленной на гончарном круге, основными формами которой являются сосуд с носиком и чаша с перегибом; 2) существованием микролитической пластинчатой индустрии; 3) употреблением медных изделий; погребениями детей в урнах; 5) преобладанием стеатитовых бус в украшениях.

Носители этой культуры — оседло-земледельческие племена, вероятно, родственные между собой, жили в небольших поселках по берегам рек, на плодородных аллювиальных почвах которых, при теплом климате можно было получать большие урожаи. О земледелии свидетельствуют не только обуглившиеся зерна пшеницы, риса, гороха и бобовых, зернотерки и огромные кувшины для хранения зерна, но также и обилие микролитических пластинчатых изделий, которые могли употребляться как составные части серпов, ножей и других орудий. Наряду со скотоводством (кости мелкого и крупного рогатого скота, свиньи найдены в Джорве, Навда Толи, Невасе) сохраняется в какой-то степени охота, рыболовств и собирательство. Наконечниками стрел служили черешковые остроконечники из халцедона; медные крючки были прекрасным орудием лова, а так называемые «навершия булав» могли быть использованы как составные части палок-копалок.

---

[24] K. D. Banerjee. Quarus and Anvils from the Narbada Valley. Bull. Deccan College Res. Inst. 18, Poona, 1957, стр. 8—16.

[25] IA, 1958—59, стр. 30, рис. 14.

[26] IA, 1959—60, стр. 28.

Особого расцвета достигло гончарное производство. Сырьем для него являлись разнообразные глины, которыми особенно богата Годавари-Праварская долина. Специальное исследование глин Джорве показало, что в этом районе применялись главным образом три сорта глины: красно-коричневая, серая и черная. Для изготовления толстостенных сосудов предпочиталась черная глина, тогда как для других типов керамики использовались все три вида. Сосуды изготовлялись из одного куска глины на гончарном круге. Прекрасный обжиг, который демонстрирует большинство сосудов, предполагает существование специальных обжигательных горнов, пока еще не найденных. Кроме покрытия сосудов ангобом и росписью их различными узорами, в некоторых случаях применялся резной или рельефный орнамент. Образцы последнего представлены в Навда Толи [27]. Сосуды были украшены изображениями женщин и животных, фигурки которых также встречены в материалах других поселений. Возможно, они связаны с религиозными представлениями древних земледельцев, среди которых широко был распространен культ женского божества, а также почитание тотемных предков.

Хронология энеолита центральной Индии опирается, с одной стороны, на стратиграфические наблюдения, с другой — существенное значение для определения его абсолютного возраста имеют первые определения радиоуглеродным методом, произведенные в лаборатории Пенсильванского университета (США) [28]. О длительности существования этой культуры свидетельствуют толщи культурных напластований, достигающие нескольких метров, содержащие прослойки полов и вещи, характеризующие постепенное развитие этой культуры (Даймабад, Неваса, Навда Толи, Бахал). Установлено, что нижние слои энеолитического периода центральной Индии связаны с черным или темно-коричневым слоем почвы; верхние, как правило, бывают перекрыты остатками ранних исторических культур, характеризуемых наличием сооружений из обожженного кирпича, использованием железа, монет и северной темнолощеной керамикой (Northern Black polished pottery). Дата, установленная на основании монет, керамики и других вещей для ранних этапов исторических культур — 500 г. до н. э., является и верхней датой для энеолитической культуры центральной Индии. Данные радиоуглеродного анализа помогают уточнить эту дату. Уголь из II самого верхнего слоя энеолитического периода в Невасе дал дату 3106 ± 122, т. е. 984 г. до н. э. или 1228 г. до н. э. [29]. Эта дата может быть еще несколько удревнена, потому что нижележащая двухметровая толща содержала остатки той же самой культуры с расписной керамикой и остатками жилищ.

В Навда Толи типичные джорве-невасские сосуды с носиками появляются впервые в третьей фазе [30]. Радиоуглеродные даты для четырех образцов из этого периода: 3503 ± 128 (1503 до н. э.) и 3449 ± 127 (1449 до н. э.) [31]. Следовательно, факт нахождения невасского образца в верхних слоях халколитического периода подтверждает, что начало энеолитической культуры относится, вероятно, к середине II тысячелетия до н. э. и продолжительность ее определяется в несколько веков; возможно, она доживает до начала II тысячелетия до н. э.

Таким образом, энеолитическая культура центральной Индии сосуществовала с харапскими и постхарапскими культурами западного Паки-

---

[27] IA, 1957—58, табл. XXXIV, *A—C*.

[28] E. K. Ralph. University of Pennsylvania radiocarbon dates III. «American Journal of Science Radiocarbon Supplement». I, New Haven. 1959, стр. 51—53.

[29] H. D. Sankalia, B. Subbarao, S. B. Deo. Ук. соч., стр. 68; A. Ghosh. Notes, AI, 15, 1959, стр. 2.

[30] IA, 1958—59, стр. 31.

[31] B. Subbarao, The personality of India, Baroda, 1958, стр. 109; A. Ghosh. Notes, стр. 62.

стана и п-ова Катхиавара [32]. Это подтверждается и некоторыми аналогиями в керамическом материале. В Нагде и Навда Толи найдены белоангобированная керамика и фрагменты сосудов с белой росписью, характерные для таких памятников, как Рангпур II B, Ахар I A, Лотал II [33]. Чаша с перегибом, ваза на подставке, высокогорлый кувшин и ряд других форм встречены как на тех, так и на других памятниках [34]. Некоторые из них (определенная группа чаш и вазы на подставках) указывают на влияние Хараппы. В то же время в Ахаре, Нагде, Навда Толи, Невасе и Джорве существуют и развиваются новые формы сосудов: чаша с вогнутыми сторонами на подставке или без нее, чаша с каналообразным носиком, сосуд с перегибом и с расписным трубчатым носиком. Последние две формы не имеют себе параллелей ни в хараппских, ни в постхараппских поселениях Индии. Зато многочисленные сосуды с носиками, так называемые «чайники», широко известны в Иране [35] (Тепе-Гиссар III, могильник «B» Тепе-Сиалк, Шах-Тепе II б, Тепе-Гиян, Тюренг-Тепе), что отмечалось уже и индийскими археологами [36], а также в Туркмении [37] (Анау III. Намазга-Тепе V, культура архаического Дахистана) и в Закавказье [38] (Кизил-Ванк). Правда, кроме наличия носиков у тех и других, сосуды этих двух областей (западной Азии и центральной Индии) очень сильно различаются и по форме и по самим носикам. Индийские экземпляры значительно проще: их носики стандартны, сосуды изготовлены только из глины, ручки отсутствуют, тогда как на западе различной формы сосуды имели всевозможные типы носиков, а кроме того, «чайники» делались из алебастра, камня и металла [39].

Пытаясь объяснить эти аналогии, а также подчеркивая широкое распространение на энеолитических поселениях центральной Индии своеобразной техники изготовления пластин (erested ridge), которая известна в западной Азии еще в неолитических слоях Иерихона и Джармо, некоторые индийские археологи считают культуру центральноиндийского энеолита пришлой с запада [40]. Однако имеющийся в настоящее время материал по-

---

[32] Большинство специалистов относят конец культуры Хараппы к середине II тысячелетия до н. э. Э. Маккей. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, стр. 136; В. В. Струве. Предисловие. Там же, стр. 12—14; M. Wheeler. The Indus Civilisation. Cambridge, 1953, стр. 90—93; S. Piggot. Prehistoric India. London, 1952; Д. В. Деопик, Н. Я. Мерперт. К вопросу о конце цивилизации Хараппы. СА, 1957, 4, стр. 211. В настоящее время есть и радиоуглеродная датировка хараппских слоев в Кот-Диджи: 1967 ±134 г. до н. э. и 2125 ± 137 г. до н. э. E. K. Ralph. Ук. соч., стр. 51.

[33] M. G. Dikshit. Excavations at Rangpur: 1947. Bull. Deccan College Res. Inst., XI, 1950, стр. 3—55; S. R. Rao. The Excavation at Lothal. New Delhi, 1956—57, стр. 82—89; A, 1954—55, стр. 12; 1955—56, стр. 6; 1956—57, стр. 15; 1957—58, стр. 12; 1958—59, стр. 13—15; 1959—60, стр. 16—18.

[34] H. D. Sankalia, S. B. Deo. Ук. соч., стр. 247.

[35] E. F. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia. 1937, стр. 307—308, табл. XXXVII; R. Chirchman. Fouilles de Sialk. II, Paris, 1939, стр. 13; J. Arne. Excavations at Shap. Tepe. Stockholm, 1945, стр. 196, рис. 386, табл. LIX; E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London — New York, 1941, стр. 105—111, рис. 208—218.

[36] H. D. Sankalia. Sponted Vessels from Navda Toli and Iran. «Antiquity», XXIX, 1955, стр. 112—115; его же и др. New Light on the Aryan Invasion of India: Links with the Iran of 1000 B; C. Discovered in Central India, JLN, September 20, 1958, стр. 478—479; его же. Four — Thousand — Year — Old Links..., стр. 181—183.

[37] A. H. Schmidt. Archeological Excavations in Anau and Old Merv. В кн.: R. Pumpelly, Explorations in Turkestan, I, Washington, 1908, стр. 139, табл. 12, *1*; Б. А. Литвинский. Намазга-Тепе. СЭ, 1952, 4, стр. 40; В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Тр. ЮТАКЭ, VII; Ашхабад, 1956, стр. 306, рис. 10, табл. XXXVII; его же. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении. Там же, стр. 413, рис. 28, 33, 35, 44, 45, 47; его же. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959, табл. IX, *2*.

[38] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 49.

[39] E. F. Schmidt, Ук. соч., табл. XVII, LVII, IX.

[40] H. D. Sankalia, B. Subbarao, S. B. Deo. The excavations, at Maheshwar and Navda Toli 1952—53. Poona — Baroda, 1958; стр. 249—251; V. D. Krishnaswami. The Neolithic Pattern of India... стр. 137; см. также IA, 1958—59, стр. 31.

зволяет несколько по-иному ставить вопрос о происхождении культуры медно-каменного века центральной Индии.

Как известно, Деканский полуостров был заселен еще в палеолитическое время. Слои этого периода располагались в Невасе и в Навда Толи в основании стратиграфической колонки, перекрытые глинистыми породами, не содержащими культурных остатков. Несколько иная картина наблюдалась при недавних раскопках в Адамгаре [41], расположенном на южном берегу р. Нарбада, к востоку от Навда Толи. Здесь, в траншеях № 2 и 7 в слое красной глины были найдены палеолитические орудия, а в лежащем выше слое черной глины — многочисленные микролиты из яшмы, халцедона, кремня: микропластины, сегменты, острия, проколки, резцы,— т. е. типичный мезолитический комплекс. Подобные же находки микролитов без керамики известны и к югу от р. Нарбада во многих местах Деканского полуострова [42], правда, вне стратиграфической последовательности. Исключение составляет Санганакалли в бассейне р. Кистна (район Биллари), где мезолитические находки (фаза I) были перекрыты стерильным слоем и фазой II А, содержащей вместе с микролитами полированные топоры и керамику тускло-серого цвета ручной лепки [43]. Эта фаза, так же как и следующая за ней II Б, в которой появляются первые расписные фрагменты керамики, относится индийскими археологами к неолитической культуре, распространенной в долинах рек Кавери и Кистна [44] (рис. 1). Отличительными чертами ее являются: 1) серая керамика, сделанная от руки или на гончарном круге; 2) полированные топоры треугольной формы с приостренным обушком и 3) микролитические орудия. Умерших хоронили в могилах в вытянутом положении на спине или в погребальных урнах. Кроме погребальных урн известны и другие формы керамики: миски, чаши, сосуды для хранения; сосуды с носиками (рис. 2, *III*), причем последние известны двух видов: трубчатые и каналообразные [45]. Кроме того, находки серой керамики с микролитами, так же как и полированных топоров, отмечены и к северу от долины р. Кистны вплоть до р. Нарбада [46]. Известна эта керамика и в нижних слоях энеолитических поселений (Даймабад I, Бахал I А, Савалда), так же как и полированные топоры (Неваса, Чандоли). Датируется неолитическая культура радиоуглеродным методом 2000 г. до н. э. [47] Таким образом, в центральной Индии в конце III — начале II тысячелетия до н. э. существовала неолитическая культура, уходящая своими корнями в мезолитический, а возможно и палеолитический период [48]. Это была развитая культура охотников и рыболовов, знакомых уже

---

[41] IA, 1960, стр. 13.

[42] IA, 1955—56, стр. 69; 1958—59, стр. 22; 1959—60, стр. 69, 72.

[43] В Адамгаре в верхней части мезолитического слоя найдено несколько фрагментов подобной же керамики.

[44] Слои неолитической культуры были открыты в Маски (B. K. Thaper. Maski 1954; a Chalcolithic Site of the Southern Deccan), Пиклихал (V. D. Krishnaswami, Ук. соч., стр. 133), Утнор (IA, 1958—59, стр. 11). Нагарджанаконда (K. V. S. Rajan. Ук. соч., стр. 104—105; IA, 1958—59, стр. 5; 1959—60, стр. 5—6), Т.-Нарасипур (IA, 1958—59, стр. 33; 1959—60, стр. 38) и Брахмагири R. E. M. Wheeler. Brahmagiri and Chandravali, 1947. IA, 4, New Delhi, 1947—48). М. Уилер датирует нижний слой Брахмагири IA и Б X—VI в. до н. э., но индийские археологи А. Гхош и Н. Д. Санкалия относят его к неолитическому времени. H. D. Sankalia, S. B. Deo. Ук. соч., стр. 248.

[45] K. V. S. Rajan. Ук. соч., стр. 104—105; IA, 1959—60, стр. 5—6.

[46] Стоянки с серой керамикой и микролитами открыты в долине р. Тапти, в районах Насик и Пуна. IA, 1958—59, стр. 32; 1959—60, стр. 69; 1957—58, стр. 66, 67. Полированные топоры найдены во многих местах Индии. В долинах рек Нарбада, Тапти, Годавари они встречаются вместе с расписной керамикой и микролитами. IA, 1956—57, стр. 17; 1957—58, стр. 24, табл. XXV, *B*, стр. 38, табл. XI. VIII, *1—2*, стр. 39, табл. XXV, *B*, стр. 65; 1958—59, стр. 25, табл. XXVIII, *A*, стр. 32. Южнее топоры встречены без керамики и микролитов. IA, 1957—58, стр. 38, табл. XI, VIII, *3—4*, стр. 69.

[47] IA, 1958—59, стр. 11; A. Ghosh. Notes. AI, 15, 1959, стр. 1—3.

[48] Вопрос о происхождении неолитической культуры пока еще не решен окончательно. Одни исследователи предполагают восточноазиатские истоки для всех неолитических комплексов Индии. E. C. Worman. The Neolithic Problem in the Pre-

с зачатками земледелия и скотоводства [49]. Вероятно, в первой половине II тысячелетия до н. э. именно на этой основе и развивается энеолитическая культура ранних земледельцев, носители которой благодаря связям с харапскими и постхарапскими поселениями Кашхиаварского полуострова получают первые изделия из меди, находящие все более широкое применение в их хозяйстве [50]. В результате этого влияния, а также при наличии других факторов (близость к важнейшим древним торговым путям, запасы прекрасного сырья для гончарного производства) некоторые области несколько вырываются вперед в своем культурном развитии. И уже в середине II тысячелетия до н. э. намечаются определенные локальные области [51], что прослеживается пока лишь на керамическом материале, различия в котором были связаны также и с направлением культурных связей. Так, на севере харапское и постхарапское влияние сказывалось в распространении белоангобированной керамики и фрагментов сосудов с белой росписью (Нагда, Навда Толи, очень редко в Бахале, Пракаше), а также и характерных форм: ваза на подставке (Навда Толи) [52], чаши, напоминающие ахарские чаши с белой росписью (Неваса) [53]. По мере удаления на юг преобладающей керамикой становятся изделия типа Джорве-Неваса, тогда как в долине р. Тапти встречаются северные и южные характерные типы сосудов.

Своеобразный обряд погребения энеолитических поселенцев центральной Индии пока не находит себе параллелей в соседних областях. В Харапне и Лотале, например, хоронили в отдельных могильниках, а не под полами жилищ. Интересно отметить, что в могильнике «Н» (не харапском) было найдено 135 погребений в скорченном положении в урнах, здесь же встречено и вытянутое положение костяка [54].

Дальнейшие работы помогут разрешить сложный вопрос о взаимоотношениях носителей центральноиндийского энеолита с их северо-западными соседями.

Не менее проблематичным является и вопрос отношений этой культуры с северо-восточными племенами культуры «медных кладов и желтой керамики», населявшими долину р. Ганга и существовавшими в середине II тысячелетия до н. э.[55] Медные трапецневидные кельты, типичные для этой культуры, найдены в Джорве, Чандоли и Навда Толи, что свидетельствует, вероятно, о связях между культурами «медных кладов» и центральноиндийского энеолита. Некоторые индийские археологи на этом основании предполагают, что долина р. Ганга была эпицентром меднокаменного века [56].

Таким образом, энеолитическая культура центральной Индии, возникшая скорее всего в результате развития культуры и хозяйства местных

---

history of India. J. Wash. Acad. Sci., 31, 6, 1949. Другие (Дани Ахмед Хасан) считают истоки индийского неолита местными. B. Subbarao. Ук. соч., стр. 84; Dani Ahmad Hasan. Prehistory and Protohistory of Eastern India. Calcutta, 1960.

[49] Кости крупного и мелкого рогатого скота были найдены при раскопках в неолитических слоях Маски, Нагарджанаконда, Пиклихал. V. D. Krishnaswami. Ук. соч., стр. 133. Р. Олчин нашел в Пиклихале терракотовую фигурку длиннорогого быка.

[50] В. М. Массон. Рец. на кн. R. E. Wheeler. Early India and Pakistan to Ashoka, London, 1959, ВДИ, 1962, 3.

[51] Это долина р. Нарбада, р. Тапти с притоками, Годаваро-Праварский район, южная область с неолитической культурой.

[52] IA, 1959—60, стр. 31, рис. 17.

[53] Там же, стр. 27. О харапском и постхарапском влиянии см. D. H. Gordon. Early Use of Metals in India. J. Roy Anthropol. Inst., LXXX, 1950.

[54] M. Wheeler. Harappa, 1946. The Defences and Cemetry R 37, AI, 3, 1947, табл. XXXVII, *A*, *B*.

[55] B. B. Lal. Further Copper Hoards from the Gangetic Basin and Review of the Problem. Ai, 7, 1951, стр. 20—39; его же. Excavations at Hastinapura and other Explorations in the Upper Ganga and Sultey Basins. 1950—52. AI, 10, 11, 1955; Г. М. Бонгард-Левин, Д. В. Деопик. К проблеме происхождения народов Мунда. СЭ, 1957, 1, стр. 46—56.

[56] B. Subbarao. The personality of India. Baroda, 1958, стр. 103.

неолитических племен под влиянием более развитых культур северо-западной (а может быть и северо-восточной) Индии, существовала в середине и второй половине II тысячелетия до н. э. в определенных контактах с этими областями, гранича на юге с неолитическими племенами. Кто был носителем этой культуры, какая этническая общность может быть с ней связана, каково ее отношение к «арийскому вторжению» — эти и ряд других вопросов могут быть разрешены лишь в результате дальнейшего накопления индийскими археологами новых материалов по истории энеолитических племен центральной Индии и их ближайшего окружения.

А. Я. БРЮСОВ

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В III ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

(Этногенетический очерк)

Пытаясь свести все известные мне факты по археологии европейской части СССР, начиная с неолита и кончая рубежом II и I тысячелетия до н. э., в одну историческую картину, я пришел к выводам общего порядка. Я должен предупредить, что моя гипотеза не может претендовать на большее, чем всякая гипотеза. В ней, несомненно, заключается много спорного и не менее недосказанного из-за недостатка фактов. Но цель ее ясна: положить начало обсуждению вопроса, так часто за последнее время поднимаемого, к сожалению, в большинстве случаев зарубежными и менее — советскими археологами [1].

Это — вопрос о миграции племен культуры так называемых боевых топоров. Иногда зарубежные археологи, слабо ознакомленные с нашим археологическим материалом, изображают этот процесс в совершенно извращенном виде. Такие случаи редки, но, к сожалению, встречаются. Такова, например, вышедшая в 1963 г. статья А. Гейслера [2], в которой сделана попытка возродить давно похороненную гипотезу Г. Коссины о «десятом походе индогерманцев на восток» — в Восточную Галицию, Волынь, Подолию вплоть до Днепра. Еще в 1954 г. И. Вернер остроумно назвал эту гипотезу Г. Коссины о 14 походах индогерманцев «гротескной конструкцией, вышедшей из детской комнаты доисториков» [3]. Но А. Гейслер пошел даже дальше Г. Коссины, который доводил этот десятый поход индогерманцев только до Днепра. А Гейслер доводит экспансию среднегерманской шнуровой керамики ни много, ни мало «от Карпат до Урала».

Методы, положенные в основу работ Г. Коссины и А. Гейслера, совпадают: оба они для доказательства своих положений приводят находки на данной территории предметов, типичных, по их мнению, для среднегерманской культуры шнуровой керамики. Оставим в стороне, достаточно ли много этих фактов — вопрос это спорный,— и обратим только внимание на их качество.

Наиболее типичными для среднегерманской культуры шнуровой керамики являются каменные сверленые фасетированные топоры и особого типа шаровидные амфоры. Казалось бы, речь должна идти прежде всего об этих предметах. Но в статье А. Гейслера о фасетированных топорах не говорится, а об амфорах сказано очень мало. И понятно почему. На территории СССР, насколько об этом можно судить по изданным материалам, не найдено ни одного фасетированного топора. Очевидно, А. Гейслер думает, что принимавшие участие в таком далеком походе «до Урала» воины

[1] P. Bosch-Gimpera. El problema indoeuropeo. Mexico, 1960; его же. Les indoeuropéens. Paris, 1961; M. Gimbutas. The Prehistory of Eastern Europe. Massachusetts, 1956; J. Ozols. Ursprung und Herkunft der zentralrussischen Fatjanowo-Kultur. «Berliner Beiträge zur Vor- und Frügeschichte», 4, Berlin, 1962.

[2] A. Häusler. Ockergrabkultur und Schnurkeramik. JMDV, 47, 1963.

[3] J. Werner. Neue Wege vorgeschichtlicher Methodik. «Forschungen und Fortschritte», 1954, № 8, стр. 246.

не нуждались в таком оружии (а о другом каком-либо оружии не упоминается). Амфоры же, очень близкие по типу к амфорам среднегерманской культуры шнуровой керамики, действительно, имеются среди предметов волынской мегалитической культуры, в культуре шаровидных амфор и культуре Злота, самостоятельных культурах в Польше, Западной Белоруссии и Калининградской обл. Только единичные экземпляры подобных амфор найдены среди вещей фатьяновской культуры.

Надо заметить, что такая же картина наблюдается в среднегерманской культуре шнуровой керамики. Топоры типов, характерных для культур ямно-катакомбной, фатьяновской, культуры ладьевидных топоров, культуры одиночных погребений и швейцарской культуры «шнуровой керамики», в частности обушковый тип, в малом числе встречаются среди комплексов среднегерманской культуры шнуровой керамики. Напротив, так называемые «кубки», типичные для среднеднепровской культуры, в большом количестве встречаются в среднегерманской культуре шнуровой керамики, как и среди поздних комплексов культур ладьевидных топоров, одиночных погребений, в швейцарской культуре «шнуровой керамики» и фатьяновской культуре.

А. Гейслер пользуется для своих доказательств не этими «руководящими» (удачный термин В. А. Городцова для обозначения типов вещей, характеризующих культуру) формами вещей, а преимущественно формами украшений, ориентировкой и положением покойников в погребениях. Так, он ссылается на молоточкообразные булавки, найденные в катакомбных погребениях и... на Кавказе. Причем тут Кавказ? Уже не ведет ли А. Гейслер десятый поход индогерманцев, иначе говоря, предполагаемую им экспансию среднегерманской культуры шнуровой керамики вплоть до Кавказа? Он ссылается на находки в Стшижове (Польша) и считает этот памятник принадлежащим «локальной группе» среднегерманской культуры шнуровой керамики. Он сравнивает эти находки с единственной неорнаментированной грубоватой молоточкообразной булавкой, найденной в Германии в Блекендорфе. В катакомбной же культуре молоточкообразные булавки составляют «руководящую» форму и имеются там в десятках экземпляров. Больше того, погребение в Блекендорфе, на которое ссылается А. Гейслер, является чисто катакомбным, хотя описавший его Г. Беренс [4] относит его к культуре колоколообразных сосудов (а не к среднегерманской культуре шнуровой керамики).

Не более убедительно и сходство рифленых бус из Стшижова с южнорусскими. Такие же натяжки сделаны А. Гейслером при описании устройства могил и обряда погребений. Так, А. Гейслер описывает известные своеобразные могилы «с окаймляющими полосами», обнаруженные в Финляндии и СССР [5] и ни разу не обнаруженные в Германии. Сходство с погребениями в Германии здесь только в том, что могилы очень велики и имеют признаки деревянного сооружения (но совершенно другого порядка). Доказательности этот довод никакой не имеет.

Словом, статья А. Гейслера ни в каком случае не является убедительной по своим доказательствам, чтобы не сказать больше.

Так, одним из косвенных доказательств А. Гейслера, что среднегерманская культура шнуровой керамики являлась дающей, а не получающей стороной (она не была ни тем, ни другим), служит утверждение, что южнорусские культуры моложе первой. Объединяя хронологически ямную и катакомбную культуры, что, по моему мнению, отчасти правильно («чистая» ямная культура несколько древнее, но долгое время обе родственные культуры существовали одновременно), он датирует катакомбную куль-

[4] H. Berens. Ein neolithischen Bechergrab aus Mitteldeutschland mit beinerner Hammerkopfnadel und Kupfergeräte. JMDV, 36, 1952.

[5] A. Äyräpää. Kauhavan Perttulanmäen Kivikautinen hauta. SM, XXXVIII—XXXIX. Helsinki, 1931; Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. Тр. ГИМ, XII, М., 1941, рис. 12 и 14.

туру унетицким временем. По существу он делает ту же ошибку, которую нередко делают другие археологи, датируя культуру только по нескольким вскрытым погребениям. Катакомбных погребений известно, вероятно, несколько сотен. Только в некоторых из них имелись бронзовые предметы. По типам этих вещей В. А. Городцов, впервые исследовавший эту культуру, отнес ее условно к первой половине II тысячелетия до н. э. Позднее он исправил эту ошибку, отнеся катакомбную культуру к III тысячелетию до н. э.[6]. Но если судить о дате по бронзовым изделиям, то нужно помнить о массе костяных и бронзовых молоточкообразных булавок, составляющих «руководящий тип» в катакомбных погребениях. Вопреки А. Гейслеру, они убедительно датированы В. Милойчичем[7] III тысячелетием до н. э. Непонятно, на каком основании А. Гейслер оспаривает эту дату.

Главная цель статьи А. Гейслера — доказать влияние среднегерманской культуры шнуровой керамики на фатьяновскую культуру и еще шире — на ямно-катакомбную культуру. Однако статья основана на таких фактах, которые могут только убедить читателя в их несостоятельности. Ошибкой А. Гейслера и некоторых других авторов является, как мне кажется, узость их кругозора и отсутствие исторической перспективы. А между тем факты, относящиеся к разным эпохам, должны рассматриваться соответственно времени, когда они происходили. Следует учитывать, чем было вызвано то или другое явление, какова была историческая обстановка не только в месте события, но на значительно большем пространстве.

Именно эта мысль заставила меня сделать попытку на основании археологических данных нарисовать картину событий, происходивших в Средней и, главным образом, в Восточной Европе в III тысячелетии до н. э. При этом некоторые частные параллели в типах предметов, которыми пользуется А. Гейслер, могут быть интерпретированы совсем иначе и не означать влияния одной культуры на другую в данную эпоху.

Вместе с тем подобная попытка преследовала цель ответить на ряд недоуменных вопросов, возникающих у меня при чтении некоторых археологических работ, трактующих о событиях III—II тысячелетий до н. э. За последнее время возникли названия для множества археологических культур этого времени на территории СССР. Но многие из этих культур должным образом не описаны, не выделены как характерные для них руководящие типы. Часто остается неизвестным, является ли сменяющая данную культуру в той же области новая культура продолжением предыдущей (т. е. новым этапом ее развития) или совершенно новой культурой. Но в последнем случае не говорится обычно, откуда пришло новое население, принесшее новую культуру, и куда девалось прежнее. Характерный пример этому являют ямно-катакомбная и срубная культуры, которые резко отличаются друг от друга. Вторая сменяет первую на всем пространстве, которое ямно-катакомбная культура занимала от Дона до Днепра, даже захватывает площадь много более к северу. Куда же девалось прежнее многочисленное население? Что вызвало массовое переселение племен срубной культуры и откуда? Вопросы остаются без ответа. Зарубежные археологи объясняют уход ямно-катакомбных племен «иссушением южнорусских степей». Но племена срубной культуры, скотоводы по преимуществу, не менее их нуждались в пастбищах. Как и почему возникли поздняковская, абашевская культуры в средней полосе европейской части СССР?

Эти и многие другие вопросы могут быть разрешены только в том случае, если мы будем рассматривать события, происходившие на значительно большем пространстве, чем области этих культур. Это и заставило меня, в связи с моими работами по изучению экспансии культуры боевых топоров, набросать данный очерк, весьма несовершенный и неполный, но ставя-

[6] В. А. Городцов. Бронзовый век на территории СССР. БСЭ, 7, М., 1927, стр. 614.

[7] V. Miloičić. Zur Zeitstellung der Hammerkopfnadeln. «Germania», 33, вып. 3, стр. 240—242.

щий методологические вопросы, разрешение которых, наконец, позволит написать историю племен, населявших СССР, а не историю археологических культур.

Прежде чем перейти к рассмотрению событий, происходивших в III тысячелетии до н. э. на европейской части территории СССР, я должен сделать несколько оговорок. Я принимаю теорию В. Георгиева (с некоторыми несущественными поправками), считающего, что индоевропейские племена обитали в более древнюю эпоху в Восточной и Центральной Европе между Доном и Рейном южнее Балтийского и Северного морей. За пределами их первоначальной родины оставались Западная и Юго-Западная Европа, включая Италию, а также Северная и Восточная Европа на восток от Дона и нижнего течения Волги [8].

«Вообще до вторжения тюрко-татарских племен и народов, начавшегося в IV веке н. э., южные и центральные части европейской территории СССР на запад от Волги и исключая Кавказ были населены племенами и народами только двух языковых семей — индоевропейской на юге и угрофинской (или уральской) на севере» [9].

Поскольку в своих работах я уже несколько раз излагал выводы, основанные на археологических фактах, относительно заселения севера европейской части СССР в мезолите финно-угорскими племенами [10], мне нет необходимости на этом останавливаться. Точно так же в своей общей работе о неолите европейской части СССР я высказал предположение, которого продолжаю придерживаться и теперь, что заселение в позднеледниковое время средней части европейской территории СССР происходило с юга. Довольно рано, уже в среднем неолите, оно было перекрыто в долине р. Оки финно-угорской волной, распространявшейся с севера на юг. По крайней мере окский мезолит, представленный в большинстве случаев микролитоидными культурами, мне представляется субстратным по отношению к неолитическим окским культурам. Процесс этот начался, очевидно, достаточно рано, поскольку некоторые стоянки на Оке носят типичный макро-мезолитический характер, как например, Беховская стоянка. Вместе с тем из микролитоидных окских стоянок очень трудно вывести позднейший окский неолит. Впрочем, это вопрос спорный и требует дальнейшего исследования.

Но одна из окских неолитических культур, волосовская, довольно резко отличается от остальных окских культур и сближается по некоторым признакам с кругом культур камско-волжского Зауралья, хотя и не идентична им. На территории Окской долины она появляется, очевидно, позднее других окских культур. Это явствует из того, что на одной стоянке волосовской культуры у с. Панфилово ее землянка разрушила более древнее погребение, по-видимому, балахнинской культуры. Открытое В. М. Раушенбах фатьяновское погребение в слое волосовской культуры на стоянке Николо-Перевоз показывает, что экспансия волосовской культуры (см. ниже) на север происходила ранее конца III тысячелетия до н. э., а следовательно, племена волосовской культуры появились в Окской долине задолго до того, вероятно, в первой половине III или в IV тысячелетии до н. э.— времени, к которому относил волосовскую культуру В. А. Городцов.

Племена волосовской культуры не ограничились захватом территории по средней Оке, а продолжили свое движение на север [11]. Свидетельством этому являются такие стоянки волосовской культуры, как уже упомянутая стоянка Николо-Перевоз на р. Дубне, стоянка на оз. Станок в Костромской

---

[8] В. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 247.

[9] В. Георгиев. Ук. соч., стр. 250.

[10] А. Брюсов. Заселение севера европейской части СССР по археологическим данным. Уч. зап. ЛГУ, сер. востоковед., 2, Л., 1948, стр. 51—102.

[11] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1952.

обл. и др. Вероятно, это движение волосовских племен послужило причиной оттока части окских племен к северу, в современную Карелию и Вологодскую обл. и еще далее, к Белому морю. Среди древнейшей керамики карельской культуры (на юге), каргопольской и беломорской культур форма глиняных сосудов и их орнаментика повторяют форму и орнаментику посуды западноокских белевской и рязанской культур.

В прежних своих работах я приписывал это расселение к северу окских племен давлению той группы южнорусских племен, которые положили начало фатьяновской культуре и вытеснили из Волго-Клязьминского междуречья жившие там племена. Последующие работы по изучению путей этого движения [12] привели меня к убеждению, что этот отток начался много ранее под давлением экспансии племен волосовской культуры, что, впрочем, не отрицает вторичного вытеснения западноокских племен.

Более мелкие экспансии или, вернее, передвижки некоторых племен на север, происходившие по различным причинам (выяснить которые не удается), прослеживаемые по археологическим данным, не меняют общей картины распределения населения в средней и северной части СССР до второй половины III тысячелетия до н. э. Таково проникновение на северо-запад Карелии племен культуры сперрингс, продвижение племен свидерской культуры на восток [13] и частично в южную Карелию, признаки чего имеются в Оленьеостровском могильнике в виде многочисленных наконечников стрел «свидерского» типа, совершенно чуждых местной культуре. Все эти перемещения, вызванные, вероятно, самыми разнообразными причинами — стихийными бедствиями, голодовкой, столкновением племен,— мало нарушали этническую карту европейской части СССР. Север в эту эпоху представлял большой простор для заселения, и вторжение иноплеменников не вызывало больших распрей. Пришельцы постепенно сливались с аборигенами, внося только частичные и кратковременные изменения в их материальную культуру.

Можно сказать, что до сих пор эти передвижения древних племен, чем бы они ни вызывались и какой бы размах ни имели, не ставили себе целью захват чужой земли во что бы то ни стало. Если была свободная земля,— а ее на севере было много,— то довольствовались ею. Еще менее имелось в виду покорение других племен, и во многих случаях пришлое население мирно уживалось с местным и в конце концов сливалось с ним.

Иначе развивались события последующего времени. Южные племена рано перешли к скотоводству, едва ли позднее конца IV тысячелетия до н. э. (ямная и трипольская культуры). Относительное перенаселение вынуждало эти племена,— как вынуждало оно и многие племена южной Европы (племена культуры колоколообразных сосудов, ленточной керамики, шнуровой керамики, шаровидных амфор),— к поискам новых пастбищ для своих разросшихся стад и увеличившегося населения. Пастбищные угодья, особенно степи южной Европы, стали предметом вожделения для все новых и новых орд так называемых «кочевников». (Я применяю этот термин условно к тем племенам, которые в поисках пастбищ предпринимали далекие походы, отнюдь не желая сказать, что они вели кочевой образ жизни.)

В III тысячелетии до н. э. одна из таких волн кочевников (происхождение их не выяснено) двигалась по степи из Заволжья, вытесняя жившие здесь древние племена ямной культуры (ямно-катакомбной культуры) [14].

[12] А. Я. Брюсов, М. П. Зимина. Каменные боевые сверленые топоры на территории СССР. «Археология СССР. Свод археологических источников». В печати.

[13] E. Sturms. Der Ursprung der Kamm- und Grübchenkeramischen Kulturen Osteuropas. «Commentationes Balticae». Bonn, 1957.

[14] Я вполне разделяю гипотезу О. А. Граковой о генетической связи ямной и катакомбной культур (О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь ямной и катакомбной культур. Тр. ГИМ, VIII, М., 1938) и считаю, что, постепенно видоизменяясь, ямная культура переходит в катакомбную. Процесс этот начинается на востоке, в области Дона, и постепенно распространяется к западу. Однако на крайнем западе ямная культура до самого конца своего существования сохраняет почти все свои основные признаки.

Я имею в виду полтавкинскую культуру, иначе трактуемую иногда как ранний этап срубной культуры, что, по-видимому, правильно. Несмотря на общепринятую датировку срубной культуры гораздо более поздним временем — второй половиной II тысячелетия, это неправильно по отношению к ее раннему этапу. Не говоря уже о том, что полтавкинский этап синхронизируют при этом с катакомбной культурой, к середине этого тысячелетия срубная культура занимает уже все пространство между Днепром и Доном, а следовательно, племена срубной культуры вытеснили к этому времени население ямно-катакомбной культуры на всем этом огромном пространстве. Сколько же на это потребовалось времени?

Одновременно с запада надвигались племена трипольской культуры. Картографирование разных этапов развития этой культуры показывает, что во второй половине III тысячелетия до н. э. эти племена достигли уже Днепра, вытесняя местное население и захватывая их пастбища и годные для посева земли.

Началось новое движение южных племен к северу. По Дону и Северскому Донцу, по правым притокам Оки двинулась часть племен катакомбной культуры, бóльшая же, очевидно, часть потеснилась к западу. М. Е. Фосс, производившая раскопки в Мичуринском районе, обратила внимание [15] на примесь на некоторых стоянках этого времени на р. Воронеже (урочище «Подзорово» и «Глинище» у с. Старое Торбеево, у сел Устье и Грамушки, у с. Отрожки) керамики типа катакомбной. В коллекции В. И. Заусайлова, собравшего с 1878 по 1906 г. большую серию каменных орудий из бывших Казанской (преимущественно) и Вятской губерний, оказалось много предметов, типичных для катакомбной культуры: каменные шаровидные булавы, каменные песты и ступки, более 60 каменных сверленых боевых топоров (керамика в этой коллекции отсутствует). Мне представляется, что керамика, найденная на неолитических стоянках Мичуринского района М. Е. Фосс, как и нередко встречаемая незначительная примесь керамики так называемого «фатьяноидного типа», на некоторых окских неолитических стоянках отмечает путь продвижения южных племен, постепенно вытесняемых из степных просторов. А вещи в коллекции В. И. Заусайлова определяют область, где эти племена (или племя) осели, найдя нужные для себя пастбища. Именно этот район правобережья Волги между современными городами Горьким и Казанью представлял вместе с правобережьем низовьев Вятки степь и открытые пространства [16]. Интересно добавить, что в раскопках М. Е. Фосс, упомянувшихся выше, оказались среди массы костей животных кости лошади, крупного и мелкого рогатого скота и свиньи (домашних)?

Так было положено начало, как я предполагаю, фатьяновской культуре в ее балановском варианте. Вероятно, эта волна увлекла за собой часть какого-то племени северокавказской культуры, с которой племена катакомбной культуры, как известно, были тесно связаны. Часть сосудов балановской культуры очень близка по форме и по орнаменту (реповидная форма, спускающийся вниз орнамент фестонами и т. д.) северокавказским сосудам. Антропологи же находят сходство черепов балановцев с кавказскими черепами. На связь фатьяновской культуры с Кавказом указывали еще В. А. Городцов и А. А. Спицин. Настаивает на этом в своей последней работе и О. Н. Бадер [17], подробно разбирая при этом не только антропологический, но и археологический материал.

---

[15] М. Е. Фосс. Отчет о раскопках в Мичуринском районе (рукопись; хранится в ГИМ). М. Е. Фосс считает, что это результат перемешивания культурных слоев разновременных поселений на одном месте, но каменных орудий, типичных для катакомбной культуры, там не было найдено ни одного.

[16] См. Г. И. Танфильев. Сб. «Географические работы». М., 1953, стр. 255 и 353, 562—563.

[17] О. Н. Бадер. Балановский могильник. М., 1963, стр. 333 сл.

Если согласиться с гипотезой, что племена срубной культуры являются предками скифов [18], которую я отчасти разделяю, считая их предками киммерийцев, то надо признать, что южнорусские степи начинают заселяться племенами, относящимися к индо-иранской ветви индоевропейцев. И первыми признаками этого процесса являются вытеснение ими восточной части племен катакомбной культуры и сложение в результате этого балановского варианта фатьяновской культуры на верховьях Средней Волги и в низовьях Вятки.

Почти одновременно в западной части южнорусских степей в жизни населения происходили сложные перемены. Но события здесь были крайне сложны. Несколько лет назад, рассматривая их с точки зрения «среднеднепровского пятачка», я пришел к неверной гипотезе, что вытеснение племенами трипольской культуры части племен среднеднепровской культуры с правого берега Днепра послужило причиной начала «экспансии культуры боевых топоров», охватившей значительные части Северной и Средней Европы [19]. Несомненно, что такое сравнительно небольшое население, как население среднеднепровской культуры, не могло относительно быстро захватить и освоить значительную часть волго-окского бассейна, Прибалтику, юго-западную Финляндию, южную Скандинавию и Данпю. А что эта экспансия совершилась с достаточной скоростью, показывают совершенно однотипные предметы (на ранней стадии этих культур), например, в Дании и западной Швейцарии, на что не без удивления указал Е. Фогт [20], заявивший, что только быстрой экспансией можно объяснить то, что «в двух далеко отстоящих друг от друга провинциях этой культуры существует подобное сходство и что в обеих представлены древнейшие фазы ее появления».

Никем еще не прослежена последовательность занятия племенами срубной культуры всей — и даже более, чем всей — области, занятой до них племенами ямно-катакомбной культуры. Но нет никакого сомнения, что этот натиск испытывали не только племена, непосредственно ему подвергавшиеся, но и племена, соседившие с ними с запада. Ибо, если часть ямно-катакомбных племен, жившая на востоке, могла искать убежища на Кавказе (признаки чего имеются) [21] или в уходе на север, то по занятии племенами срубной культуры мест западнее Дона оставшимся предоставлялся один путь — на запад, в среду своих соплеменников. Земельная теснота увеличивалась все более и более.

Карта распространения срубной культуры к концу ее экспансии показывает, что племенам ямно-катакомбной культуры оставался только путь вверх по Днепру и по Десне и, конечно, на запад, вытесняя племена трипольской культуры.

Вполне вероятно, что это движение масс степных племен на запад сыграло роль в вытеснении племен трипольской культуры, свидетельством чему, как я уже писал [22], являются погребения ямно-катакомбного типа, прорезавшие полы трипольских жилищ на поселении Владимировке, и находки многих целых сосудов и разнообразных бытовых предметов в домах трипольских поселений, как бы брошенных при поспешном бегстве.

Владимировка относится к этапу Б/II трипольской культуры, по Т. С. Пассек (2700—2100 гг. до н. э.). В. А. Городцов датировал ямно-катакомбную, среднеднепровскую, северокавказскую и фатьяновскую

---

[18] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 158 сл.

[19] A. Brjusov. Die Wanderungen der ursprünglichen Stämme und die Resultate der Archaeologie. Die Entstehung der Fatjanovo-Kultur. AAKb, XXV, 1955.

[20] E. Fogt. Die Herkunft der Michelsberger Kultur. AAKb, XXIV, 1953, стр. 177.

[21] Е. И. Крупнов. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. СА, 1964, 1, стр. 43; его же. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 76, 88 и др.

[22] А. Я. Брюсов. Очерки истории племен..., стр. 234—239.

культуры III тысячелетием до н. э.[23]. Как мы увидим далее, согласуя эти даты с дальнейшими, время начала исхода племен ямно-катакомбной культуры из южнорусских степей надо отнести приблизительно ко второй половине этого тысячелетия, но не к самому концу его.

По-видимому, некоторой части этих племен удалось пробиться на запад, в Предкарпатье[24], но главная масса их выбрала путь вверх по Днепру и Десне. В какой мере участвовали в этом движении племена среднеднепровской культуры, волынской мегалитической культуры, культуры шаровидных амфор — сказать определенно нельзя. Как показали работы последних лет И. И. Артеменко[25], значительная часть племен среднеднепровской культуры осела, по-видимому, несколько севернее места своего первоначального обитания, вытеснив, в свою очередь, местные неолитические племена. К сожалению, мы плохо знаем, что происходило в это время западнее, где на огромной территории, включающей всю Среднюю Европу, происходили аналогичные перемещения племен шнуровой керамики и культуры шаровидных амфор.

И тем не менее существуют признаки, что первыми начали исход племена среднеднепровской культуры (возможно, совместно с племенами волынской мегалитической культуры). Об этом говорит не только цепочка погребений вдоль Десны и Клязьмы (Мыс Очкинский, Вщиж, Большое Буньково), характерных и для среднеднепровской и для фатьяновской культур, но и следующее обстоятельство. При картографировании каменных сверленых боевых топоров обнаружилось, что топоры ромбического типа, типичные для среднеднепровской (и, вероятно, волынской мегалитической) культуры и совершенно отсутствующие в юго-западных районах степи, сосредоточены в двух пунктах: во-первых, в области правых притоков Припяти и в верховьях притоков Днестра и Прута, а также в области Среднего Днепра; во-вторых, у правого берега Волги между устьями ее притоков Суры и Камы. Топоры этого типа И. И. Артеменко считает наиболее древними в среднеднепровской культуре.

Эти факты позволяют думать, что луговые пространства в области правобережья Волги были хорошо известны в то время, и эмигранты с юго-запада и юго-востока направились туда, уходя от теснивших их чуждых племен. Объединившись, они составили ядро балановского варианта фатьяновской культуры.

Но эта область не могла вместить всей огромной массы степняков. Поэтому основная толпа мигрантов продолжала движение мимо Десны вверх по Днепру до его верховьев, где снова пути разделились. Часть продвинулась в Клязьминско-Волжское междуречье с его обширными лугами[26], владимирским «опольем», черноземовидными почвами, где мигранты нашли нужные для них пастбища и, очевидно, овладели ими, вытеснив местное население. Так сложилась вторая группа фатьяновской культуры, более крупная, быстро соединившаяся с первой.

Значительная часть мигрантов двинулась далее по Западной Двине и Неману к Финскому заливу, частично осела среди местных племен в Прибалтике и на о. Сааремаа, но в основном переправилась через Финский залив и заняла юго-западную равнинную область Финляндии, а затем и южную Швецию (культура ладьевидных топоров). Часть же выбрала путь по побережью к западу и обосновалась в Дании. Из Дании какая-то часть их проникла, по-видимому, к югу, где мы находим культуру «шнуро-

[23] В. А. Городцов. Бронзовый век на территории СССР. БСЭ, 7, стр. 614.

[24] J. Machnik. Untersuchungen über die schnurkeramische Kultur in Südostpolen. «Archaelogia Polona», 4, 1961.

[25] И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура. СА, 1963, 2.

[26] Например, существовавшие до последнего времени знаменитые луга в низовьях р. Костромы (до 2000 *км*²), где дома ставились на сваях, располагаясь на высоких холмах («гривах»). Жители занимались почти исключительно скотоводством и разведением хмеля. В. И. Смирнов. Свайные постройки Костромского района. СЭ, 1941, 1.

вой керамики», но резко отличную от среднегерманской культуры шнуровой керамики.

Это уже выходит за пределы моей темы. Но я должен остановиться только в одном отношении на этих культурах. Большинство западноевропейских археологов (Г. Чайлд, К. Бекер, П. Глоб, Е. Фогт и др.) считают, что эти культуры не могут быть выведены из предшествовавших им местных неолитических культур и что они принадлежат выходцам из южнорусских степей. Датировка этих культур по C_{14} восходит к 2100—2200 гг. до н. э. В Швейцарии культурные слои «шнуровой керамики» лежат непосредственно на культурных слоях михельсбергской культуры, относящейся по C_{14} к 2700 г. до н. э. Отсюда вывод, что исход южнорусских степных племен мог произойти не позже конца III тысячелетия до н. э. А следовательно, и начало фатьяновской культуре было положено во второй половине этого тысячелетия, что подтверждает датировку фатьяновской культуры — по крайней мере первичного ее этапа — III тысячелетием до н. э., какую давал ей В. А. Городцов.

Фатьяновская культура и вариант культуры ладьевидных топоров в Финляндии и Прибалтике просуществовали, по-видимому, до середины II тысячелетия до н. э. Они, видимо, растворились в море финноязычных племен, окружавших их. Напротив, остальные варианты культуры боевых топоров на западе (а также среднеднепровская культура, среднегерманская культура шнуровой керамики и культура шаровидных амфор), видоизменяясь и принимая в археологии другие названия, сохранились здесь до раннеисторического времени. За это время археологией не устанавливается каких-либо крупных передвижек племен, а в I тысячелетии до н. э. мы застаем здесь славян, балтов и германцев. Напрашивается вывод, что племена культуры боевых топоров представляли предков этих народов, еще не разделившихся. Можно предполагать, что это разделение произошло где-то в конце унетицкой эпохи.

Возникает естественный вопрос: почему же та ветвь их, которая представлена фатьяновской культурой и культурой ладьевидных топоров в Финляндии, не продержалась на месте своего второго отечества более нескольких столетий? Мне кажется, что буквальной аналогией этому явлению служит позднейшее растворение болгар на Балканском полуострове среди массы окружавших их славян. Различие в строе языка сыграло здесь свою роль. Как фатьяновцы, индоевропейцы с флективным строем речи не смогли ассимилировать компактную массу окружавших их угро-финских племен, так позднее и болгары не смогли ассимилировать славян в Болгарии.

Еще раньше прекратила свое существование трипольская культура на юго-западе СССР, но совсем по другой причине: она была вытеснена кочевниками, непрерывно сменявшими друг друга на широких пространствах южнорусской степи. К середине II тысячелетия до н. э. южнорусскую степь заняли племена срубной культуры, которых я имею смелость считать киммерийцами. Но занятое ими пространство заходило значительно севернее того, которое занимали племена ямно-катакомбной культуры, и они имели тенденцию еще более расширить его, может быть вследствие начинавшегося давления скифских племен. Тем более, что эта экспансия племен срубной культуры исходила, по-видимому, из юго-восточной части степи.

Уже на Волосовской стоянке оказались сосуды, типичные для срубной культуры в ее полтавкинском варианте. На Панфиловской стоянке найдено было медное тесло южнорусского типа, характерного для района Дона. И наконец, в области, ранее занятой племенами волосовской и рязанской культур (в южной части этих областей), возникает своеобразная, близкая по типу к срубной поздняковская культура, очевидно, гибридная, с сильными пережитками рязанской культуры.

Возможно, но сейчас трудно об этом говорить за недостатком фактов,

что и появляющаяся в средней полосе европейской части СССР абашевская культура имеет также пришлый характер и возникла путем слияния волны мигрантов (из Башкирии?) с местным населением.

Таким образом, мы находим к середине II тысячелетия до н. э. на европейской территории СССР три основные группы населения. Крайний север по-прежнему занимают финноязычные племена; к ним примыкает с юга область, где часть племен представляет собой население, включающее в себя ассимилированных фатьяновцев (вероятно, также абашевцев и поздняковцев, очевидно, тоже ассимилированных финнами), внесших несомненно новые черты в местную материальную культуру. Западную и юго-западную части европейской территории СССР занимали племена индоевропейцев, по-видимому, балто-славян, поскольку последние отделились уже от германцев. На юге европейской части СССР расселились индоиранцы.

Все эти передвижения народных масс не могли не привести к известному перемешиванию племен. Часть того или другого племени отрывалась от него, чтобы принять участие в том или ином движении, подобно тому как это происходило позднее, в историческое время у кельтов и германцев [27]. Отдельные группы вытесняемых племен адаптировались соседними племенами; при оседании мигрантов часть местного населения, несомненно, оставалась на месте и сливалась с пришельцами. Все это не могло не создать значительных трудностей для исследующих это время археологов. Необходимо учитывать это и при использовании сравнительного метода не только подсчитывать число сходных типов, но и выяснять район, в котором наблюдаются подобные факты. Среди памятников этого времени, безусловно, должны быть места более или менее длительных и вместе с тем временных остановок, погребения убитых в стычке или умерших естественной смертью во время пути и т. п. Расшифровка всех этих явлений крайне затруднительна, но возможна.

Все это заставляет обратить особое внимание на время ранних больших передвижений народов, видеть в них не случайное явление, а закономерный процесс, сыгравший большую роль в этногенезе. При этом характерно, что в пределах Восточной Европы ранние движения племен происходили с востока и юго-востока. Это безусловно означает, что на востоке происходили те же процессы вытеснения значительных масс племен другими племенами и, вероятно, не только на запад, но, как и в Восточной Европе, на север. С этой точки зрения надо посмотреть на скифов Алтая и другие аналогичные явления.

Я не хочу сказать, что до сих пор этого не делалось. Но сделанного несомненно недостаточно.

До сих пор еще археология больше занимается историей культуры, чем историей племен и народов этой отдаленной во времени эпохи. Мне кажется, что накопленный за последнее время материал и улучшенные методы археологического исследования позволяют устранить этот пробел.

---

[27] Ср. P. Bosch-Gimpera. Ibéras, Basques, Celtes. «Orbis», 1958, 2; 1959, 1.

Ю. А. КРАСНОВ

К ИСТОРИИ РАННЕГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ЛЕСНОЙ ПОЛОСЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР *

Вопрос о распространении и ранних этапах развития земледелия в лесной полосе европейской части СССР крайне слабо разработан в специальной литературе, несмотря на очевидную важность его и значительное количество накопленного раскопками археологического материала. Среди источников для исследования вопросов раннего земледелия важное место занимает палеоботанический материал — остатки возделывавшихся в древности культурных растений и сопутствующих им сорняков. Палеоботанический материал, несомненно, играет первостепенную роль при установлении самого факта наличия земледелия. Только зерновой материал может надежно свидетельствовать о составе возделываемых зерновых культур и его изменении с течением времени. Находки зерновых остатков могут помочь в разрешении вопросов об источниках и путях распространения земледелия, культурных связях древних племен, техники земледелия и т. п., т. е. могут служить полноценным историческим источником.

В литературе до сих пор нет какой-либо сводки материалов или обобщающей работы о зерновых остатках на территории лесной полосы европейской части СССР до середины I тысячелетия. Никем не предпринималась попытка исторического анализа этих находок, который в противоположность палеоботаническому анализу является делом археолога. Первой попыткой такого рода анализа найденного при раскопках палеоботанического материала именно как исторического источника и является настоящая статья.

Мною использованы данные о 38 пунктах находок палеоботанического материала, датируемых концом IV—III тысячелетиями до н. э.— V в. н. э. (см. таблицу на стр. 72—73). Исследуемый нами материал представлен остатками натурального зерна (в 24 пунктах), отпечатками зерен или стеблей злаков на глиняных предметах (в 11 пунктах) и пыльцой культурных злаков (в 3 пунктах). В большинстве случаев этот материал исследован специалистами-палеоботаниками, выводы которых здесь используются. Хронологически находки распределяются следующим образом: для конца IV—III тысячелетий до н. э. зарегистрированы три находки, для II тысячелетия до н. э.— шесть находок, для I тысячелетия до н. э.— 13 находок, для первой половины I тысячелетия н. э.— 16 находок. Территориально пункты находок также распределены неравномерно (рис. 1). Очевидно, значительная часть территории лесной полосы в отношении находок зернового материала рассматриваемого времени является еще белым пятном. Однако нельзя не отметить, что густота распространения остатков древних культурных растений, как это явствует из сопоставления с археологическим материалом, до известной степени соответствует роли земледелия в

* Настоящая статья была обсуждена на секторе скифо-сарматской археологии ИА АН СССР 15.IV.1964 г.

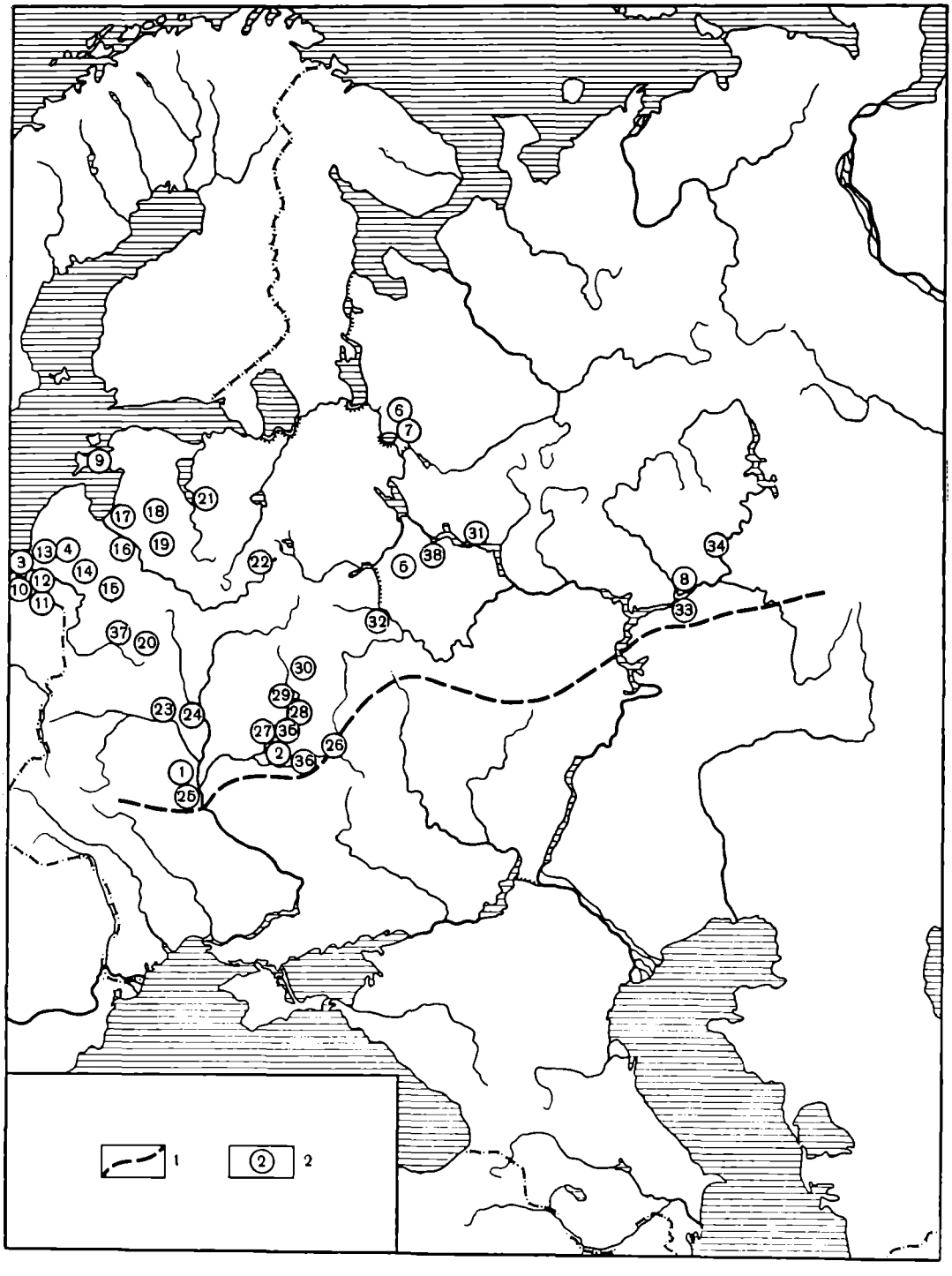


Рис. 1. Остатки культурных растений III тысячелетия до н. э.— V в. н. э. в археологическом материале лесной полосы европейской части СССР

1 — современная южная граница леса; *2* — цифры на карте соответствуют номеру в таблице

отдельных частях лесной полосы, как и распределение находок во времени. Относительно небольшое число зарегистрированных находок, сравнительно небольшое количество зерна, найденного в некоторых пунктах, разумеется, снижает достоверность выводов, основывающихся на этих данных, и новые находки могут внести известные коррективы в высказываемые ниже положения. Тем не менее, первая попытка обобщения имеющегося в настоящее время материала уже сейчас представляется возможной и нужной.

* *
*

Земледелие в лесной полосе, как и в остальных частях Европы, базировалось главным образом на возделывании злаков. Бобовые и технические культуры имели второстепенное значение, что отразилось и на составе зернового материала из археологических находок. О возделывании овощных культур и плодовых деревьев в рассматриваемый период мы не имеем никаких сведений.

Из культурных растений на первое место по количеству находок следует поставить пшеницу и ячмень, два древнейших из известных человеку культурных растений. В рассматриваемом нами материале пшеница зарегистрирована в 20 пунктах, ячмень — в 18 пунктах. По-видимому, в III—II тысячелетиях до н. э. ячмень играл бо́льшую роль, чем пшеница. Из восьми находок злаков этого времени ячмень обнаружен в пяти случаях, пшеница — в трех случаях. Преобладает и количество зерен ячменя в тех случаях, когда это удается установить. Подобное же явление в эпоху бронзы отмечено для ряда стран Северной Европы [1].

Пшеница представлена как голозерными, так и пленчатыми видами. Из первых зарегистрированы мягкая пшеница Triticum vulgare и карликовая пшеница Triticum compactum. Характерно отсутствие следов твердой пшеницы, и в настоящее время возделывающейся преимущественно вне пределов лесной полосы [2]. Из пленчатых пшениц известны полба Triticum dicoccum и спельта Triticum spelta. Следует отметить отсутствие такого древнего вида пшениц, как однозернянка. Мягкая пшеница была наиболее распространенным видом. Ее остатки обнаружены в 17 пунктах во всех районах лесной полосы, давших остатки пшениц. Карликовая пшеница в пределах распространения зерновых находок в лесной полосе отмечена на северо-западе (Калининградская обл., Литовская ССР) и севере (Верхнее Поволжье); зарегистрирована только в трех пунктах, относящихся к раннему железному веку. Находки полбы известны с III тысячелетия до н. э. и отмечены до конца рассматриваемого времени в Калининградской области, Литовской ССР и Прикамье. Позднее находки полбы известны и в Среднем Поволжье [3]. Есть основания предполагать, что в Прибалтике полба в эпоху позднего неолита и бронзы была широко распространена; позднее ее роль уменьшается. Спельта зарегистрирована в Прибалтике (Литовская ССР) в начале I тысячелетия. Она известна здесь и позднее, вплоть до начала II тысячелетия [4]. Очевидно, голозерные пшеницы в целом были распространены более широко, чем пленчатые. Их находки отмечены в 17 пунктах, в то время как находки пленчатых пшениц — в четырех. Пленчатые пшеницы при помоле не дают полноценной муки, и в настоящее

---

[1] Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 15—16.

[2] М. М. Якубцинер. К истории культуры пшеницы в СССР. Матер. по истории земледелия в СССР, II. М., 1956, стр. 18.

[3] П. Д. Степанов. Итоги раскопок древнемордовских памятников. КСИИМК, XXXVII, 1951.

[4] А. П. Расиньш. Культурные и сорные растения в материалах археологических раскопок на территории Латвийской ССР. ВЭИНП, 1, М., 1959.

время, как, очевидно, и в древности, использовались главным образом для получения крупы [5].

Ячмень встречается повсеместно, но роль его, очевидно, была различной в разных частях лесной полосы. Особенно широко ячмень был распространен в Прибалтике, главным образом на территории Латвийской ССР, что прослеживается там и для конца I — начала II тысячелетия [6]. Из трех подвидов культурного ячменя — многорядного Hordeum vulgare, двурядного Hordeum distichum и неопределенного Hordeum intermedium [7] — в лесной полосе отмечены лишь находки первых двух, голозерных и пленчатых форм. Те же виды ячменя были широко распространены в Средней и Северной Европе [8]. Ячмень имеет малый вегетационный период, но требует хорошей почвы. Особенно хорошо ячмень растет при подсеке на гарях. П. В. Шейн сообщает, что в Белоруссии в конце XIX в. по гарям преимущественно сеяли ячмень, так как он давал в этих условиях наибольший урожай [9].

Из двух разновидностей европейского проса — метельчатого Panicum miliaceum, итальянского Panicum italicum — в лесной полосе отмечено только первое, обладающее наименьшим вегетационным периодом и культивируемое в настоящее время «у северных границ просяной культуры» [10]. Сейчас посевы проса находятся главным образом в зоне черноземных и каштановых почв [11]. Находки проса рассматриваемого нами времени также тяготеют к этим районам. Просо в древности использовалось не только как ценная крупяная культура, но и для получения муки. Об этом свидетельствует для сарматов Плиний [12]. Это подтверждает и находка части лепешки из просяной муки на Пастерском городище в Кировоградской обл. УССР [13].

Рожь Secale cereale отмечена в трех пунктах, два из них — в Прибалтике, один — в бассейне Десны. Все пункты находок относятся к раннему железному веку. Лишь в одном случае (г. Габриелишки в Литовской ССР) рожь оказалась преобладающей в образцах культурой. По мнению ботаников, вполне вероятно, что возделывание культурной ржи началось на юге европейской части нашей страны уже в раннем железном веке [14]. Совсем недавно начало возделывания ржи относили к раннему железному веку [15]. В последнее время в ряде стран Средней Европы были сделаны находки эпохи неолита и бронзы, где рожь отмечена в преобладающем количестве. Это доказывает более раннее введение ржи в среду культурных злаков в Средней Европе [16].

Овес Avena sativa, вообще молодая культура, отмечен в трех пунктах — в Прибалтике и Прикамье, в находках первой половины I тысячелетия, всегда в незначительном количестве зерен. Вероятно, овес в это время самостоятельно не возделывался или высевался в смеси с ячменем. В первом случае он мог являться засорителем яровых посевов.

Из бобовых встречены горох Pisum sativum, пелюшка Pisum arveuse

---

[5] Полба. БСЭ, 33, М., 1955, стр. 502.

[6] А. П. Расиньш. Ук. соч.

[7] Ячмень. БСЭ, 49, М., 1957, стр. 672—673.

[8] W. La Baume. Frühgeschichte der europäischen Kulturpflanzen. Giessen, 1961.

[9] П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, III, СПб., 1902, стр. 12—13.

[10] З. Н. Прянишников, И. В. Якушкин. Растения полевой культуры. М., 1936, стр. 207.

[11] Просо. БСЭ, 35, М., 1955, стр. 95.

[12] Гай Плиний Секунд. Естественная история, XVIII, 100, ВДИ, 1949, 2, стр. 312.

[13] В. Петров. Харчові рештки з Пастирьского городища. Археологія, II, Київ, 1948, стр. 79 сл.

[14] А. І. Барбарич. Наші культурні рослини. Київ, 1952, стр. 32—35.

[15] В. и В. Антроповы. Рожь в СССР и сопредельных странах. Л., 1929.

[16] W. La Baume. Ук. соч.; H. L. Wernek. Ur- und Frühgeschichte Kultur- und Nutzpflanzen in den Ostalpen und am Rande des Bohmenwaldes. Wels, 1949.

и бобы Vicia faba, причем все находки сосредоточены в Прибалтике и на северо-западе РСФСР и относятся к раннему железному веку. В других районах лесной полосы эти культуры появляются позднее.

Лен Linum usitatissimum в палеоботаническом материале отмечен уже в первой половине II тысячелетия до н. э. (свайное поселение на р. Модлоне, где найдены также детали от деревянной прялки). Его возделывание в более позднее время подтверждается рядом находок остатков льняных тканей в археологических памятниках, находками орудий для чесания льна на городище Асва в Эстонской ССР, а также и косвенно — отпечатками, возможно, льняных тканей на глиняной посуде и многочисленными находками пряслиц.

Находки семян конопли Cannabis cannabis засвидетельствованы в Ананьинском могильнике.

Происхождение как льна, так и конопли неясно. Не исключена возможность их окультуривания непосредственно на территории лесной полосы, где имеются их дикие сородичи [17].

Таким образом, учет сведений о находках палеоботанического материала показывает, что в эпоху позднего неолита и бронзы в лесной полосе были известны мягкая пшеница, полба, ячмень, просо и, по-видимому, лен. Для раннего железного века устанавливается возделывание четырех видов пшениц (мягкая, полба, карликовая и спельта), ячменя, проса, ржи, бобов, гороха, конопли, может быть — овса. Бесспорно, возделывался и лен. Население лесной полосы уже к раннему железному веку было знакомо почти со всеми зерновыми, бобовыми и техническими культурами, возделывающимися здесь в настоящее время. Однако соотношение между различными видами культур в рассматриваемое время значительно отличалось не только от современного, но и от зафиксированного для конца I — начала II тысячелетия. Это отличие прослеживается в более широком распространении пшениц и ячменя, в малой роли среди посевов ржи и овса. Это обстоятельство требует своего объяснения, которое, по-видимому, состоит в следующем. Во-первых, состав зерновых в лесной полосе долгое время определялся не только почвенно-климатическими условиями, а и тем, какие культуры возделывались в тех районах, откуда земледелие проникло на территорию лесной полосы. Во-вторых, в период с III по начало I тысячелетия до н. э. климатические условия в лесной полосе были несколько лучше современных; летние температуры были на 2—3° выше, продолжительность лета — на 2—3 недели больше, что создавало благоприятные условия для возделывания такой, например, культуры, как пшеница, даже при самых примитивных методах земледелия. Но традиционный состав культурных растений и многовековые навыки их возделывания далеко не сразу были изменены и с ухудшением климата в субатлантическую фазу, начало которой примерно совпадает с началом железного века. В-третьих, при выяснении причин длительного господства пшеницы среди культурных злаков лесной полосы следует учитывать и господствовавшую в то время систему и технику земледелия. В рассматриваемый период существовали лишь яровые посевы, что подтверждается в известной степени и морфологическим анализом зерновых остатков. Суровую же зиму не выносит главным образом озимая пшеница, а яровая, особенно на гарях, может давать хорошие урожаи, не страдая сильно от заморозков и недостатка питательных веществ в оподзоленных почвах лесной полосы [18]. Лишь в значительно более позднее время, когда вся или бóльшая часть земель стала представлять собой старопахотные земли и появилось трехполье, пшеница уступи-

---

[17] И. А. Сизов. К истории льноводства в СССР. Матер. по истории земледелия в СССР, II; A. Götze. Hanf. RL, V, Berlin, 1926, стр. 117.

[18] Экспериментально доказывается, что при посевах на гарях в теплую еще золу вегетационный период злаков сокращается. См. I. Iversen. Forest Clearance in the Stone Age. «Scientific American», 194, 3—4, 1956.

ла место другим, более холодостойким, неприхотливым к почве и пригодным для возделывания при трехполье культурам.

Имеющийся в нашем распоряжении материал дает слишком мало возможностей для суждения об изменении состава зерновых культур в течение рассматриваемого нами периода. Однако можно отметить некоторое увеличение роли мягких пшениц и ржи в северных районах лесного земледелия и проса на юге, а также продвижение полбы с запада на восток.

Если для периода неолита и бронзы ограниченное количество находок не позволяет наметить районы лесной полосы, характеризующиеся определенным составом возделываемых культур злаков, то для периода раннего железного века выделение таких районов возможно (рис. 2). Более или менее определенно выделяются четыре района.

1) Юго-восточная Прибалтика, примерно в пределах нынешней Калининградской обл. и Литовской ССР. Ведущее место в посевах здесь занимают мягкая пшеница и полба, за ними следует ячмень. В этом районе мы находим наиболее богатый набор культурных растений: четыре вида пшеницы, ячмень, просо, рожь, бобовые.

2) Более северные районы Прибалтики, где ведущей культурой является ячмень, а состав возделываемых культурных растений значительно беднее: известны только мягкая пшеница, ячмень и овес.

3) Южная Белоруссия, Посеймье и Подесенье, т. е. южные окраины лесной полосы, где важнейшими культурными злаками были пшеница, ячмень и просо при преобладании последнего. По-видимому, возделывалась и рожь. Такой же набор культурных растений для всех трех районов характерен и для второй половины I тысячелетия.

4) Северная Белоруссия и северо-западная часть РСФСР; здесь отмечены четыре пункта зерновых находок, в которых встречены только мягкая пшеница и бобовые (в одном пункте — в виде незначительной примеси и просо).

Определенное своеобразие можно наметить, по-видимому, в Прикамье и Среднем Поволжье, если привлечь зерновые находки второй половины I тысячелетия. Ведущее место здесь занимала полба при значительной роли ячменя. В Верхнем Поволжье (Минское городище) обнаружены зерна мягкой и карликовой пшеницы, в Волго-Окском междуречье — просо (Дьяково городище). Обе эти находки приходятся на территорию распространения дьяковской культуры. Однако нет оснований утверждать, что именно эти культуры были характерны для данной территории, тем более, что здесь неизвестны зерновые остатки второй половины I тысячелетия.

Отмеченные территориальные различия в составе важнейших зерновых культур для отдельных районов вряд ли можно объяснять только природными условиями. По-видимому, в них можно видеть и отражение своеобразия земледелия у отдельных этнических групп населения.

*
* *

Выше уже отмечалось, что земледелие, а вместе с ним и определенный состав зерновых культур были привнесены на рассматриваемую нами территорию извне. Известно, что в лесной полосе, как и на остальной территории Восточной Европы, не было исходных диких форм важнейших культурных растений. Поэтому представляет интерес попытка проследить путем сопоставления палеоботанического материала с археологическим, откуда и когда происходило распространение важнейших культурных растений на территорию лесной полосы.

Одним из древнейших районов в лесной полосе, где по зерновому материалу зафиксированы следы земледелия, является южная окраина леса в Среднем Поднепровье и Посеймье. Здесь известны два пункта находок палеоботанического материала — стоянки Вита-Литовская (днепро-донец-

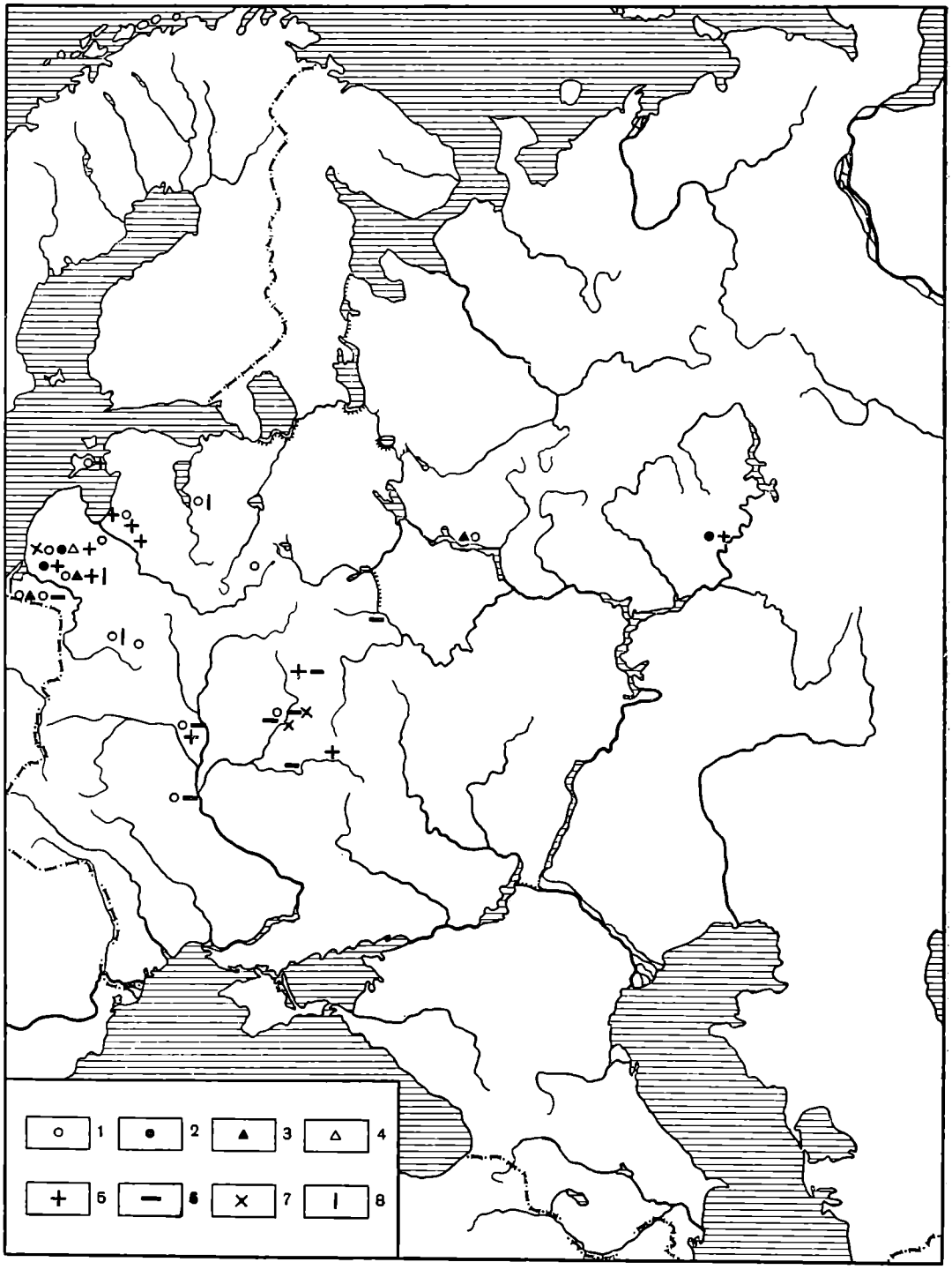


Рис. 2. Важнейшие культурные растения железного века на территории лесной полосы европейской части СССР (единичные находки в массе зерна не учтены)

1 — мягкая пшеница; *2* — полба; *3* — карликовая пшеница; *4* — спельта; *5* — ячмень; *6* — просо; *7* — рожь; *8* — бобовые

кая культура) и Скуносово (культура племен с ямочно-гребенчатой керамикой). На Скуносовской стоянке найдены, кроме того, два серпа из кварцита и топоровидные орудия, которые могли употребляться в качестве мотыг [19]. Эти находки показывают, что у некоторых общин охотничье-рыболовческого населения, живших в зоне непосредственного контакта с земледельческо-скотоводческими племенами юго-запада Восточной Европы, уже появилось земледелие, очевидно, именно в результате такого контакта.

Первичным очагом распространения земледелия и культурных злаков в западной части степного и лесостепного Причерноморья является трипольская культура [20]. Не следует сбрасывать со счетов и восточное влияние, хотя слабо, но прослеживаемое в археологическом материале. По мнению Ф. Нетолицкого, просо, уже известное трипольцам, проникло в Европу с востока [21], что хорошо согласуется с гипотезой Н. И. Вавилова о восточно-среднеазиатском происхождении проса [22]. Однако появление первых культурных злаков на южной окраине рассматриваемой нами территории следует связывать, вероятно, с непосредственным влиянием трипольской культуры. Ячмень и пшеница, зарегистрированные в Вите-Литовской и Скуносове, являлись основными зерновыми культурами Триполья. Восточнее их наличие отмечается археологически в более позднее время на Северном Кавказе. Просо в ранних памятниках юга лесной полосы не найдено. Не исключена возможность, что оно появилось здесь позднее, либо во II тысячелетии до н. э. от племен срубной культуры, либо в начале железного века, под влиянием лесостепных племен, у которых в это время просо было широко распространено.

О существовании определенных связей между охотничье-рыболовческими племенами полесья Украины и земледельцами-скотоводами более южных и юго-западных районов имеется немало данных. На связи днепро-донецкой культуры с Трипольем указывают находки трипольской керамики на ряде днепро-донецких поселений, а также находка на поселении Бузьки роговой мотыги трипольского типа [23]. О связях трипольской культуры со степными племенами типа культуры Среднего Стога II сообщает Т. Г. Мовша [24]. В то же время эти племена имели связи и с лесными племенами: так, на поселении Скеля-Каменоломня в районе Днепропетровска было найдено несколько фрагментов керамики, характерной для левобережных поднепровских племен с ямочно-гребенчатой керамикой. Эта находка относится к древнейшей поре ямной культуры [25].

В конце IV—III тысячелетиях до н. э., как об этом свидетельствует археологический материал, земледелие существовало на узкой полосе южной окраины леса в Поднепровье. Проникновение производящей экономики дальше на север может быть связано с движением племен среднеднепровской культуры, западнее — с влиянием племен шнуровой керамики, восточнее — с влиянием срубной культуры. Однако по зерновому материалу эти процессы мы пока проследить не можем, хотя они хорошо документируются как предметами материальной культуры, так и остеологическим материалом.

---

[19] Д. Я. Телегин. Неолітічні поселення лісостепового Лівобережья и полісся Украини. Археологія, XI, Київ, 1957, стр. 80.

[20] С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре МИА, 38, 1953.

[21] F. Netalizky. Unser Wissen von den alten Kulturpflanzen Mitteleuropas Berichte der Romisch-Germanisch Komission, XX, Frankfurt am Mein, 1931, стр. 20—21, карта рис. 2.

[22] Н. И. Вавилов. Проблема происхождения мирового земледелия. М.— Л., 1932.

[23] Д. Я. Телегин. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре. СА, 1961, 4, стр. 30, 37.

[24] Т. Г. Мовша. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века. СА, 1961, 2.

[25] В. Н. Даниленко. О ранних звеньях развития степных культур индоевропейских племен шнуровой керамики. КСИА, 4, 1955, стр. 128.

Находки раннего железного века в лесной полосе Украины, южной Белоруссии, Подесенья и Посеймья дают тот же состав злаков, которые культивировались в раннем железном веке в соседних областях степи и лесостепи, вплоть до Прикубанья [26]. Этим подтверждается тесная связь земледелия южных окраин лесной полосы со степным и лесостепным югом. На это же указывают аналогичные типы земледельческих орудий, например серпов и железных пальштабовидных мотыжек [27]. Косвенно на связь земледелия южных окраин лесной полосы с культурой более южных и юго-западных районов могут указывать и устанавливаемые по археологическому материалу передвижения племен с юга и юго-запада на север и северо-восток [28].

Вторым районом исследуемой нами территории, где земледелие отмечено зерновыми находками уже в III—II тысячелетиях до н. э., является Прибалтика, точнее — ее южная часть. Для периода неолита и бронзы здесь зарегистрированы находки полбы и ячменя, для раннего железного века — мягкая и карликовая пшеницы, полба, спельта, ячмень, бобовые, в небольшом количестве — просо, рожь, овес. Весь этот комплекс культур явно связывается своим происхождением с западом и юго-западом, с областями средней Европы. Так, находки полбы в средней Европе зафиксированы, начиная с неолита, на широкой территории, в том числе в Чехословакии [29], Польше [30], Швеции [31] и ряде других областей, где она была в то время одной из ведущих культур [32]. Проникновение полбы в Прибалтику из района распространения трипольской культуры, где она также имела широкое распространение [33], маловероятно при отсутствии археологических данных о непосредственных связях этих удаленных территорий. Спельта, являющаяся, вероятно, продуктом скрещивания различных видов пшениц, известна в неолите Польши [34] и Швейцарии [35]; в бронзовом веке она возделывалась в Швейцарии и Южной Германии [36]. Находок спельты в других областях СССР, кроме Прибалтики, нет. В настоящее время спельта еще возделывается в некоторых районах Южной Германии. Характерно, что только в древнегерманских языках имеется особое название этого вида пшеницы [37]. Небезынтересно отметить морфологическое сходство спельты из слоев XI—XII вв. городища Асоте в Латвийской ССР с образцами спельты из свайных поселений Швейцарии [38]. Бобы и горох также извест-

---

[26] К. Флаксбергер. Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю. КСИИМК, VIII, 1940; Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, 23, 1951, стр. 147; В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 76—78; Б. А. Шрамко. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Причерноморья. СА, 1957, 1.

[27] См., например, О. Н. Мельниковская. Городища Южной Белоруссии. КСИИМК, 70, 1959; ее же. Памятники раннего железного века в юго-восточной Белоруссии. КСИА, АН СССР, 94, 1963; А. Е. Алихова. Городища Курского Посеймья. МИА, 113, 1962.

[28] О. Н. Мельниковская. Ук. соч.; А. К. Амброз. К истории верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. СА, 1964, 1; П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, 70, 1959.

[29] Z. Tempir. Archeologicke nalezi obilnin na uzeni Ceskoslovenska. Vedeci prace zemedelskego musea, 1961, стр. 157—200.

[30] M. Klichowska. Znelazisko zloz na torenie ziem polskich ob neolitu do XII wieku. Kwartalmik Historii Kultury Materialnej, IX, 4, 1961, стр. 675—701.

[31] H. Hjelmquist. Die älteste Geschichte der Kulturopflanzen in Schweden. «Opera botanika», 1/3, Stokholm, 1955.

[32] Г. Кларк. Ук. соч., стр. 115.

[33] С. Н. Бибиков. Ук. соч., стр. 170—171, 177.

[34] H. Burchardowna. Roslini uprawne w predzijach Polsky. PZ, IX, 1955.

[35] К. Флаксбергер. Находки культурных растений доисторического периода. Тр. ИИНТ, сер. 1, вып. 2, 1934, стр. 168—169.

[36] Г. Кларк. Ук. соч., стр. 116.

[37] К. Флаксбергер. Находки культурных растений..., стр. 169—170.

[38] А. П. Расиньш. Ук. соч., стр. 320.

ны в средней и северной Европе с неолита и бронзы [39], в Польше они были особенно широко распространены в эпоху лужицкой культуры [40]. В пределах СССР бобы, кроме Прибалтики, появляются позднее. На проникновение на территорию СССР культуры бобов с запада указывает и В. С. Муратова [41]. Мягкая и карликовая пшеница и ячмень в рассматриваемое время также были широко распространены в Средней Европе, в том числе и в областях, близких к Прибалтике [42]. Археологические находки овса в средней и северной Европе относятся к концу бронзового и началу железного века [43]. Х. А. Моора отмечает, что у прибалтийских финнов слово «раег» (овес) заимствовано из германских языков [44]. Может быть, не случайным является и тот факт, что древнейшим пунктом рассматриваемой нами территории, где отмечено преобладание ржи в полученных образцах, является городище Габриелишки в Прибалтике. Уже отмечалось раннее возделывание ржи в ряде пунктов средней Европы, восходящих к неолиту и бронзе. Особенно важно, что такие находки имеются и в Польше [45]. Г. Кларк отмечает, что в гальштаттский период в северной части центральной Германии рожь была уже довольно широко распространена [46]. Возможно, что возделывание ржи было занесено в Прибалтику также с запада.

Гипотеза о происхождении земледелия и зерновых культур в Прибалтике с запада и юго-запада находится в полном соответствии с другими археологическими данными. Если территория Калининградской обл. входила в ареал распространения одной из древних земледельческих культур северной Европы (первая северная культура по Г. Чайльду или культура воронковидных кубков) или находилась под ее непосредственным культурным влиянием [47], то появление земледелия и скотоводства на остальной части восточной Прибалтики большинством исследователей связывается с проникновением на эту территорию племен «ладьевидных топоров» или «шнуровой керамики» (древних балтов), первоначальной областью обитания которых была южная Прибалтика, бассейны рек Вислы, Одера и Эльбы [48]. О проникновении земледелия в восточную Прибалтику из областей, лежащих в низовьях Вислы и Одера, могут свидетельствовать находки на территории советской Прибалтики (вплоть до Эстонской ССР) так называемых змеевидных мотыг или мотыг восточнобалтийского типа. Основная и древнейшая часть находок этих орудий сосредоточена в низовьях Вислы, Одера и в нынешней Калининградской обл. [49]. По мнению П. Куликаускаса, находки этих мотыг, имеющих ограниченный ареал распространения, позволяют проследить территорию, на которой формировались балтийские племена [50]. Тесные культурные связи восточной Прибалтики, вызванные, по-видимому, и проникновением сюда населения из западных и юго-западных районов [51], прослеживаются в археологическом материале и в более позднее время, в том числе и в отношении предметов, связанных с земледелием и скотоводством. Так, древнейшие в Прибалтике металлические

---

[39] W. La Baume. Ук. соч.; K. и F. Bertsch. Geschichte unsere Kulturpflanzen. Stuttgart, 1949.

[40] M. Klichowska. Ук. соч.

[41] В. С. Муратова. Бобы. Культурная флора СССР, IV, М.—Л., 1957.

[42] W. La Baume. Ук. соч.; K. и F. Bertsch. Ук. соч.

[43] W. La Baume. Ук. соч.; H. L. Wernek. Ук. соч.

[44] Х. А. Моора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. ВЭИЭН, стр. 102—103.

[45] M. Klichowska. Ук. соч.

[46] Г. Кларк. Ук. соч., стр. 117.

[47] Г. Чайльд. У истоков европейской цивилизации. М., 1953.

[48] L. Killian. Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn, 1955; Х. А. Моора. Ук. соч.

[49] P. Kulikauskas. Lietuvos archeologijos bruozai. Vilinus, 1961, стр. 106, рис. 66.

[50] П. Куликаускас. Исследование археологических памятников Литвы. КСИИМК, XLII, 1952, стр. 97.

[51] М. В. Витов. Антропологическая характеристика населения восточной Прибалтики. ВЭИНП, 1.

серпы из Кивиссаари и Раасику, датируемые концом II тысячелетия до н. э., принадлежат к типу серпов с ребром вдоль края, одинаково широко распространенным в Средней Европе — Венгрии, Румынии, Чехословакии и Польше. Такие серпы найдены и в Поднепровье в качестве среднеевропейского импорта [52]. На городище Кланги в Латвийской ССР найден фрагмент глиняной цедилки лужицкого типа [53]. В керамике городища Асва в Эстонии имеются известные аналогии с керамикой лужицкой культуры. Близки к лужицким и найденные здесь орудия для обработки льна [54]. Многие слова, связанные с земледелием, в том числе «seeme» (семя), «hernes» (горох), «uba» (боб) и др., в западнофинских языках заимствованы у балтов [55], а название пшеницы у латышей и литовцев, по мнению акад. Я. Эндзелина, заимствовано у северогерманских племен [56].

Таким образом, Прибалтику следует считать одним из древнейших очагов земледелия в лесной полосе. Состав ее зерновых культур позволяет выводить их происхождение из Средней Европы.

По-видимому, с районами Прибалтики следует связывать и происхождение зерновых культур северо-западных областей РСФСР и севера Белоруссии, где зафиксированы находки зерновых культур первой половины I тысячелетия (городища Камно, Подгай и Загорцы). Здесь найдены мягкая пшеница, двурядный и многорядный ячмень, бобы и горох, т. е. культуры, достаточно характерные для юга восточной Прибалтики. Бобовые культуры были широко распространены на территории Белоруссии и позднее, о чем свидетельствуют находки с Банцеровского городища. Предположение о проникновении в эти районы культурных злаков из Прибалтики становится более вероятным при сопоставлении с археологическими данными, указывающими на тесную связь этих районов с прибалтийскими землями [57]. Территория средней и северной Белоруссии и большей части Подвинья входила в ареал распространения древней балтийской гидронимики [58].

Происхождение культуры полбы в Старой Ладоге VII—IX вв. нам также кажется более логичным связать с Прибалтикой, чем со средним Поволжьем, как это делает М. М. Якубцинер [59]. Вообще же культуру полбы, впервые зафиксированную в Поволжье и Прикамье находками на Осинском городище, в Ашна-Пандо и Ош-Пандо, также скорее всего следует связывать с западом или юго-западом, а не с Кавказом, как это иногда делается в литературе. По мнению К. Фляксбергера, кавказские полбы принадлежат к совершенно другому типу, чем современные поволжские, являющиеся, несомненно, потомками тех полб, которые возделывались здесь еще в I тысячелетии. Поволжская полба морфологически близка к балканским формам, что может указывать на ее происхождение от среднеевропейских полб [60].

---

[52] А. И. Тереножкин. Среднее Поднепровье в начале железного века, СА, 1957, 2, стр. 58.

[53] Л. В. Ванкина. Археологические памятники I тысячелетия до нашей эры на территории Латвийской ССР. КСИИМК, XLII, стр. 74.

[54] А. К. Вассар. Укрепленное поселение Асва на о. Сааремаа. Древние поселения и городища. Таллин, 1955.

[55] И. А. Аристэ. Формирование прибалтийско-финских языков в древнейший период их развития. ВЭИЭН, стр. 13.

[56] J. Endselin. Latviesu literatures vesture, I, Riga, 1935.

[57] Я. В. Станкевич. К истории населения верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. МИА, 76, 1960; Ф. Д. Гуревич. Древности белорусского Понеманья. М.— Л., 1962; А. Г. Митрофанов. К истории населения средней Белоруссии в эпоху раннего железа. Автореф. канд. дис. Л., 1955 и др.

[58] В. В. Седов. Гидронимика и археология средней полосы Восточной Европы. Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1962 г. М., 1963, стр. 28.

[59] М. М. Якубцинер. О составе зерновых культур Старой Ладоги. КСИИМК, 58, 1954.

[60] К. Фляксбергер. Находки хлебных растений доисторического периода, стр. 166—167.

Третьим районом лесной полосы, где находками культурных злаков документируется первичное внедрение земледелия, является нижнее Прикамье и прилегающий к устью Камы район среднего Поволжья. Во II тысячелетии до н. э. этот район был контактной зоной между охотничье-рыболовческими лесными племенами и племенами срубной культуры. Для этого времени здесь известен всего один пункт — 1-я Луговская стоянка, где в значительном количестве обнаружены остатки только одного злака — проса. Судя по скудным зерновым находкам из нижнего Поволжья и восточных районов Северного Причерноморья, в эпоху бронзы основным, если не единственным, видом возделывавшихся здесь культурных растений было просо [61]. По мнению П. Д. Степанова, только просо при мотыжной обработке земли в бронзовом веке могло давать достаточный урожай на пойменных землях нижнего и среднего Поволжья. Агротехника возделывания проса соответствовала тогдашнему уровню развития материальной культуры [62]. По-видимому, просо оставалось здесь ведущей культурой и в более позднее время [63].

Проникновение культуры проса в рассматриваемый нами район следует связывать именно с расселением на север срубных племен. Несмотря на то, что первые контакты лесных племен с уже знавшими земледелие и скотоводство южными племенами ямной культуры имело место в среднем Поволжье еще в III тысячелетии до н. э. [64], на культуре и хозяйстве лесных племен это совершенно не отразилось. В конце III и первой половине II тысячелетия до н. э. на поселениях этих племен мы не находим никаких намеков на изменение видов хозяйства [65]. Во второй же половине II тысячелетия до н. э. положение резко изменяется. Появляются все виды известных позднее домашних животных, на поселениях и при случайных сборах находят многочисленные песты, зернотерки, мотыги, бронзовые серпы [66]. Одновременно в археологическом материале появляются многочисленные свидетельства проникновения в среднее Поволжье и Прикамье срубных племен, что прослеживается и в антропологическом материале [67]. Господствующим типом серпа в Прикамье и среднем Поволжье становится серп срубного типа.

Что же касается самих срубных племен, по крайней мере их средневолжской группы, то в настоящее время может считаться доказанным, что одной из основных отраслей их хозяйства было развитое земледелие. Само продвижение срубных племен на север было вызвано потребностями их земледельческого хозяйства [68]. Продолжая обзор тех районов лесной полосы, где можно предполагать наличие очагов первичного земледелия и проникновения культурных злаков, следует остановиться на зерновых находках из Дикарихи (окрестности Плещеева озера). Здесь в составе примесей к тесту сосудов из могильных ям отмечены зерна ячменя и пшеницы и, по-видимому, мякина. Этот весьма сложный памятник, в инвентаре которо-

---

[61] А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. ИГАИМК, 119, 1935, стр. 69 сл.; Т. М. Минаева, А. Д. Фурсаев. Ботанические находки в археологическом материале. «Советская ботаника», 1934, 3.

[62] П. Д. Степанов. Из истории земледелия в Нижнем Поволжье (с древнейших времен до XVI в.). Тр. СОМК, 1, Саратов, 1956, стр. 102—103.

[63] И. В. Синицин. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Уч. зап. СГУ, XVII, 1947, стр. 230.

[64] В. В. Гольмстен. Материалы по археологии Самарской губернии. Бюл. ОАЭС Сам. ГУ. Самара, 1925, стр. 7 сл.

[65] А. Х. Халиков. Неолитические памятники в Казанском Поволжье. МИА, 61, 1958; Н. Я. Мерперт. Из древней истории среднего Поволжья, МИА, 61, 1958, стр. 61—62.

[66] Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье. МИА, 42, 1954; А. В. Збруева. Памятники эпохи бронзы в Приказанском Поволжье и нижнем Прикамье. МИА, 80, 1960; Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, 90, 1960 и др.

[67] Г. Ф. Дебец. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья. МИА, 42, 1954.

[68] Н. Я. Мерперт. Ук. соч., стр. 156.

го прослеживается сочетание черт позднефатьяновской и местной культур с влиянием абашевской культуры, датируется в целом второй половиной II тысячелетия до н. э.[69]. Характер находок на поселении и могильнике Дикарихи рисует картину земледельческо-скотоводческого быта (зерна злаков, кости домашних животных; ритуальное захоронение козленка; находка мотыгообразного орудия). Этот памятник является свидетельством не только проникновения в лесную полосу производящих видов хозяйства во II тысячелетии до н. э., но и наглядным примером отражения в материальной культуре тех ассимилятивных процессов, в ходе которых местное население могло заимствовать у знакомых с земледелием и скотоводством пришельцев новые формы ведения хозяйства. О знакомстве фатьяновцев с земледелием уже говорилось[70]. Находки в Дикарихе и фатьяновском Халдеевском могильнике, очевидно, подтверждают это положение. По-видимому, с расселением племен боевых топоров не только в Прибалтике, но и в Волго-Окском междуречье и прилегающих районах (а также в верховьях Днепра) следует связать распространение производящих видов хозяйства на значительных пространствах лесной полосы.

В заключение нашего обзора следует остановиться на двух пунктах находок палеоботанического материала, сделанных далеко на севере, в Вологодской обл., на поселениях типично неолитического, охотничье-рыболовческого характера. Первая, уже упомянутая выше, двукратная находка семян льна на свайном поселении на р. Модлоне, подтвержденная находками частей деревянной прялки. Это поселение, относимое к первой половине II тысячелетия до н. э., по составу инвентаря, технике домостроительства и прежде всего — по керамике стоит особняком среди соседних стоянок каргопольской культуры. Керамика же его не находит аналогий и в более удаленных районах. Можно лишь отметить довольно большое количество янтарных украшений восточнобалтийского типа[71]. Этнографией засвидетельствованы племена, знающие возделывание технических растений, но не занимающиеся выращиванием продовольственных культур[72]. Может быть именно такое явление имеет место на рассматриваемом нами поселении.

Второй находкой является обнаруженная Г. Н. Лисициной в верхнем культурном слое стоянки Караваиха, относящейся к каргопольской культуре, пыльца культурных злаков. Верхний культурный слой этой стоянки может датироваться второй половиной II тысячелетия до н. э.[73]. Территория стоянки была почти полностью распахана, на месте ее находился хутор, так что пыльца культурных злаков могла попасть сюда в более позднее время. К этой находке следует относиться с большой осторожностью.

Никаких орудий, которые могли бы указывать на наличие земледелия, на этих поселениях найдено не было.

По находкам в Модлоне можно говорить лишь о зачатках земледелия, и то весьма предположительно: весь инвентарь поселений не оставляет сомнений в том, что охота и рыболовство были основными занятиями его обитателей.

О происхождении земледелия в этих районах, точнее — о путях его проникновения сюда, при настоящем состоянии источников можно судить лишь гипотетически. Если мы признаем, что находки в Модлоне и на Караваихе действительно относятся к столь раннему времени, то это будет свидетельствовать, во-первых, о том, что земледелие в эпоху теплого суббореального климата проникало далеко на север, до 61° с. ш., во-вторых,

---

[69] А. Л. Никитин. Дикариха. МИА, 110, 1963, стр. 226.
[70] О. Н. Бадер. Лихачёвский могильник. СА, II, 1937.
[71] А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне. МИА, 21, 1951.
[72] F. Hann. Die Entstehung der Pflugkultur. Heidelberg, 1909.
[73] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 130—132.

что оно может быть зафиксировано палеоботаническими находками и там, где археологический материал таких возможностей не дает.

Приведенный обзор, на наш взгляд, позволяет сделать следующие выводы:

1) Подавляющее большинство возделываемых в рассматриваемый нами период в лесной полосе культурных растений происходит из районов средней и юго-восточной Европы. Лишь распространение культуры проса следует связывать с востоком и юго-востоком.

2) Первичное распространение культурных злаков (вместе с земледелием) происходило главным образом в результате расселения на территории леса племен, уже знавших земледелие и скотоводство, и последующих процессов слияния пришельцев с местными племенами.

Находки палеоботанического материала могут дать определенные указания и на существовавшие в рассматриваемый период системы и формы земледелия. Особый интерес в этом отношении представляют семена сорняков, найденные вместе с зернами культурных растений. По мнению А. В. Кирьянова, «видовой состав сорных растений и их количественное соотношение — явление не случайное, а отражает степень окультуренности почв, на которых возделывались хлеба»[74]. К сожалению, сведения о сорняках, сопутствующих посевам, мы имеем почти исключительно для Прибалтики и только для первой половины I тысячелетия н. э.[75]. Состав известных здесь сорняков следующий: куколь обыкновенный (Agrostemmagithago L., марь белая (Chenopodium album L.), пикульники (Caleopsis sp.), бородавник обыкновенный (Lapsana communis L.), василек луговой (Centaurea jaceo L.). При раскопках на городище Камно в слоях V—VI вв. вместе с зернами мягкой пшеницы обнаружены семена сорняка подмаренника (Galium aporine L.). Почти все эти растения обычно сопутствуют яровым посевам, а бородавник встречается как с яровыми, так и с озимыми. Особенно интересны для нас по экологии марь белая и василек луговой. По мнению А. В. Кирьянова, марь белая является «типичным сорным растением старопахотных почв» и «примесь семян этого сорняка к зерну служит надежным показателем окультуренности почв»[76]. Василек луговой часто встречается на полях, которые несколько лет подряд используются как пашня, а затем в течение длительного времени — в качестве пастбища. Перелог такого рода до недавнего времени встречался в ряде мест средней и западной Европы. Не исключена возможность наличия такого перелога и в Прибалтике уже в первой половине I тысячелетия[77].

Наличие старопахотных окультуренных почв может предполагать уже наличие пашенного земледелия. На этот же факт указывает и разнообразие возделываемых в раннем железном веке в Прибалтике (по крайней мере, в ее южной части), культурных растений: здесь были известны четыре вида пшеницы, ячмень, просо, рожь, овес, бобовые. Этнография не знает такого широкого ассортимента возделываемых растений у племен, знакомых только с подсечным земледелием. О высоком уровне развития земледелия могут свидетельствовать и развитые формы серпов, употреблявшихся в начале нашей эры на территории нынешних Калининградской обл., Литовской и Латвийской ССР, появление здесь уже во II—III вв. кос, замена укрепленных поселений открытыми и ряд других фактов. О наличии в первой половине I тысячелетия в Прибалтике пахотного орудия — рала свидетельствуют и данные финно-угорской лингвистики. Слова «pold»

---

[74] А. В. Кирьянов. Материалы по истории земледелия из раскопок в Гродно. МИА, 41, 1954, стр. 208.

[75] A. Lidiekite-Sopanskiene. Javoi is Lietuvos piliakalni. Vitauti Magni, III, Kaunas, 1935; А. П. Расиньш. Ук. соч.

[76] А. В. Кирьянов. Ук. соч., стр. 208; его же. История земледелия новгородской земли. МИА, 61, 1959, стр. 321.

[77] А. П. Расиньш. Ук. соч., стр. 326.

(поле) и «ader» (рало) в прибалтийско-финских языках заимствованы из германских языков. В. Томсен относил эти заимствования к первым векам нашей эры [78], большинство лингвистов в настоящее время датируют их серединой или второй половиной I тысячелетия до н. э. [79]. Тогда же у прибалтийских финнов появляется и слово «ike» (ярмо), заимствованное, по-видимому, у славян Повисленья [80]. В ряде же мест средней Европы, в том числе и на территории Польши, связи с которой для Прибалтики хорошо прослеживаются, известен ряд находок деревянных плугов, относящихся ко времени не позднее раннего железного века.

Все эти данные подтверждают неоднократно высказывавшуюся прибалтийскими археологами мысль о появлении пашенного земледелия в Прибалтике уже в раннем железном веке. Это не исключает, конечно, и применения подсеки. Исследование В. А. Петровым образцов пшеницы с городища Грачевка позволило ему прийти к выводу, что эта пшеница выращивалась, по-видимому, на подсеке первого или второго года пользования [81].

Пашенное земледелие с применением деревянного рала в раннем железном веке могло существовать и в некоторых других районах лесной полосы, например в южной Белоруссии, Посеймье и Подесенье. Здесь также весьма разнообразен ассортимент возделывавшихся культурных злаков, относительно совершенны и типы земледельческих орудий. Состав зерновых культур и типы земледельческих орудий здесь те же, что и в лесостепных областях Поднепровья, для которых Б. А. Шрамко удалось убедительно доказать наличие пашенного земледелия [82]. Заслуживают внимания находки в торфяниках деревянных рал с горизонтальным полозом (с. Жабичи Городнянского района Черниговской обл. и с. Сергеевск Стародубского района Брянской обл.), которые в литературе без какой-либо аргументации относятся к раннеславянскому времени [83]. Не исключена возможность, что они относятся к значительно более раннему времени, как и находка близкого по типу рала из с. Токари Сумской обл., которое, по Б. А. Шрамко, относится к скифской эпохе [84].

Говоря о технике земледелия, следует упомянуть и о том, что находки в одном пункте массы зерна в виде смеси зерен различных культур, неоднократно отмеченные в лесной полосе, говорят о широком распространении смешанных посевов, характерных вообще для ранней стадии развития земледелия.

Представляет известный интерес сопоставление распространения находок древнего зерна, довольно четко очерчивающих зону распространения земледелия в лесной полосе, с картами восстановленного по палеоботаническим данным лесного покрова в среднем и позднем голоцене [85]. Такое сопоставление показывает, что до конца бронзового века земледелие в основном сосредотачивалось в пределах распространения широколиственных лесов, занимавших в суббореальный период значительно бо́льшую, чем сейчас, площадь Восточной Европы. Очевидно, густые хвойные леса с их сильноподзоленной почвой были непригодны для земледелия при тогдаш-

---

[78] W. Tomsen. Uber der Einfluss der germanischen Sprachen auf die finnisch-lappischen. Halle, 1870.

[79] T. E. Kastren. När padde finnarne Östersjon och när trödde de i beröring med germaner? Societas Scientarium Fennika Ärsbopvuosikirjo, XVIII, *B*, 2, Helsingfors, 1940, стр. 21.

[80] П. А. Аристэ. Ук. соч., стр. 24; Х. А. Моора. Ук. соч., стр. 105.

[81] В. А. Петров. Зерновые остатки из сборов Калининградского отряда Славянской экспедиции ИИМК в 1949—1951 гг. МИА, 76, 1960, стр. 448—449.

[82] Б. А. Шрамко. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе. СА, 1961, 1.

[83] В. І. Довженок. Землеробство древньої Русі, Київ, 1961.

[84] Когда данная статья находилась в редакции, появилась работа Б. А. Шрамко «Древний деревянный плуг из сергеевского торфяника» (СА, 1964, 1), подтверждающая это предположение.

[85] М. И. Нейштадт. Палеогеография природных зон европейской территории СССР в послеледниковое время. ИАН СССР, сер. географ., 1953, 1.

Находки остатков культурных растений III тысячелетия до н. э. — V в. н. э. в лесной полосе европейской части СССР (по археологическим данным)

№№ п/п	Местонахождения	Датировка	Неопределенные культурные злаки	Пшеницы					Ячмень	Просо	Рожь	Овес	Бобы	Горох	Лен	Конопля
				мягкая	карликовая	полба	спельта	пыльца								
1	Вита-Литовская (стоянка)	IV—III тысячелетия до н. э.	×	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—
2	Скуносово (стоянка)	IV—III тысячелетия до н. э.	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—
3	Куршская коса (стоянка)	III тысячелетие до н. э.	—	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—
4	Саматонис (стоянка)	Середина II тысячелетия до н. э.	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—
5	Дикариха (могильник)	Вторая половина II тысячелетия до н. э.	—	×	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—
6	Караваиха (стоянка)	Вторая половина II тысячелетия до н. э.	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7	Р. Модлона (свайное поселение)	Первая половина II тысячелетия до н. э.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—
8	1-я Луговская стоянка	Конец II тысячелетия до н. э.	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—
9	Асва (городище)	Вторая половина I тысячелетия до н. э.	×	×	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—
10	Русский II (городище)	I тысячелетие н. э.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—
11	Грачевка (городище)	III—V вв.	—	××	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—
12	Калининградская обл. (поселение и могильник)	I в.	—	×	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
13	Габриелишки (городище)	III—V вв.	—	×	—	×	×	—	×	·	××	·	—	—	—	—
14	Великушки »	I в. до н. э. —I в. н. э.	—	—	—	××	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—
15	Мукукалнс »	Начало I тысячелетия	—	×	×	—	—	—	××	—	—	—	—	—	—	—
16	Межулианы »	III—V вв.	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
17	Даумгале »	V в.	—	×	—	—	—	—	××	·	·	—	—	—	—	—
18	Сарумкалнс »	V в.	—	—	—	—	—	—	××	—	—	·	—	—	—	—
19	Кивты (могильник)	I—IV вв.	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—
20	Загорцы (городище)	IV—VI вв.	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
21	Камно »	III—IV—V вв.	—	××	—	—	—	—	—	—	—	—	×	×	—	—
22	Подгай »	I—IV вв.	—	××	—	—	—	—	·	—	—	—	—	—	—	—
23	Горошков »	Вторая половина I тысячелетия до н. э.	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
24	Южная Белоруссия »	Конец I тысячелетия до н. э.	—	—	—	—	—	—	×	×	—	—	—	—	—	—
25	Човницы »	Конец I тысячелетия до н. э.	—	×	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—
26	Кузина гора »	Середина I тысячелетия до н. э.	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—

№№ п/п	Местонахождения	Датировка	Неопределенные культурные злаки	Пшеницы: мягкая	Пшеницы: карликовая	Пшеницы: полба	Пшеницы: спельта	Пшеницы: пырыша	Ячмень	Просо	Рожь	Овес	Бобы	Горох	Лен	Конопля
27	Песочный ров (городище)	Конец I тысячелетия до н. э.	×	×						××						
28	Вольжинское городище	Около рубежа нашей эры									×					
29	Арельское селище	Около рубежа нашей эры	×						×	×						
30	Почепское селище	I—II вв.										×				
31	Минское городище	Начало I тысячелетия		×	×											
32	Дьяково городище	I тысячелетие	×							×						
33	Ананьинский могильник	VII—III вв. до н. э.		·		×			×					×		
34	Осинское городище	I—III вв.				×			×							
35	Юхновское городище	IV—III вв. до н. э.								×						
36	Ширяевское городище	VI—V вв. до н. э.								·						
37	Збаровичи (городище)	II—IV вв.		×									×			
38	Халдеевский могильник	Вторая половина II тысячелетия до н. э.		×					×							

Примечание: 1. Номера в таблице соответствуют номерам на карте рис. 1.
2. Знак × — наличие данной культуры на памятнике; знак ×× — преобладание данной культуры в массовых находках; знак · — наличие единичных зерен данной культуры в массовых находках.

ней примитивной технике. Кроме того, земледелие в лесной полосе обычно связано со скотоводством, а хвойные леса, почти совершенно лишенные травяного покрова, были непригодны в качестве пастбищ для скота. То же явление — совпадение, как правило, границы зоны широколиственных лесов с зоной наибольшего распространения земледелия в период неолита и бронзы — отмечено и в средней Европе [86].

Иную картину мы имеем в раннем железном веке. Земледелие проникает далеко на север от границ собственно широколиственных лесов, сильно отступивших к югу, захватывая значительную часть зоны смешанных лесов. Но и в это время в пределах собственно темнохвойных лесов никаких следов земледелия не видно. В связи с ухудшением климата в субатлантический период экологические условия, в которых пришлось заниматься земледелием обитателям в значительной части лесной полосы, существенно изменились. В некоторых районах у северных пределов распространения земледелия можно проследить если не сокращение зоны распространения земледелия, то во всяком случае некоторое уменьшение его роли в хозяйстве в первой половине I тысячелетия до н. э. Только с самого конца I тысячелетия до н. э. и позднее археологический материал, как и палеоботанические данные, дают сведения о довольно быстром увеличении роли земледелия в хозяйстве и о прогрессе в технике земледелия — сначала на западе, затем на востоке.

[86] Г. Кларк. Ук. соч., стр. 30.

Литература к таблице

1. Д. К. Зеров, А. Н. Окснер, Д. Я. Телегин. О нахождении зерновок ячменя на фрагментах глиняной посуды из неолитического поселения в окрестностях с. Чапаевка. Укр. ботанічний ж., 17, 5, Киев, 1960.
2. Д. Я. Телегин. О хронологии поселений с ямочно-гребенчатой керамикой на Украине. СА, 1960, 4.
3. W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens. Konigsberg, 1929.
4. Р. Римантене. Стоянка каменного и бронзового века Саматонис. СА, 1960, 2.
5. А. В. Никитин. Дикариха. МИА, 110.
6. Г. Н. Лисицина. Основные черты палеогеографии северо-запада Восточно-Европейской равнины в поздне- и послеледниковое время. Автореф. канд. дис., М., 1955.
7. А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне. МИА, 21.
8. А. В. Збруева. Памятники эпохи бронзы в приказанском Поволжье и нижнем Прикамье, МИА, 80, 1960.
9. Muiste Eesti linnused. Tartu, 1939.
10. В. А. Петров. Зерновые остатки из сборов Калининградского отряда Славянской экспедиции ИИМК в 1949—1951 гг., МИА, 76, 1960.
11. В. А. Петров. Ук. соч.
12. Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia für die Vereinsjahre 1900—1909, т. 22, 1909.
13—14. A. Lidiekyte-Sopanskiete, Janoi iš Lietuvos pilikalni. Vitauti magni, III. Kaunas, 1935; А. П. Расиньш. Культурные и сорные растения в материалах археологических раскопок на территории Латвийской ССР. ВЭИНП, 1. М., 1959.
15. Я. Я. Граудонис. Поздний бронзовый и ранний железный века на территории Латвийской ССР. Автореф. дис. Рига, 1961.
16. М. М. Якубцинер. К истории культуры пшеницы в СССР. Мат. по истории земледелия СССР, II, 1956.
17—19. А. П. Расиньш. Ук. соч.
20. М. М. Якубцинер. Ук. соч.; А. Г. Митрофанов. К истории населения средней Белоруссии в эпоху раннего железного века. Автореф. канд. дис., Л., 1955.
21. С. А. Тараканова. Псковские городища. КСИИМК, 62, 1956.
22. В. А. Петров. Зерновые остатки из городища Подгай. МИА, 76, 1960.
23. О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, 70, 1957.
24. Устное сообщение О. Н. Мельниковской.
25. В. М. Даниленко. Дослідження пам'яток підгірського та бобрицького типів на Київщині в 1950 р. АП, Київ, 1956.
26. А. Е. Алихова. Городища Курского Посеймья. МИА, 113, 1962.
27. М. В. Воеводский. Городища верхней Десны. КСИИМК, 24, 1949.
28. В. П. Левенок. Юхновская культура (ее происхождение и развитие). СА, 1963 3.
29. А. А. Величко, В. А. Падин, Р. В. Федорова. О комплексном изучении Арельского поселения на р. Десне. СА, 1960, 2.
30. А. К. Амброз. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. СА, 1964, 1.
31. Н. Н. Курина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, 110, 1963.
32. Экспозиция ГИМ.
33. А. В. Збруева. Городище Грохань. КСИИМК, XVI, 1947.
34. В. Ф. Генинг. Пьяноборская культура на средней Каме. Автореф. дис., М., 1959.
35. А. Е. Алихова. К вопросу датировке двух городищ у с. Юхнова. КСИИМК, 65, 1956
36. В. А. Ілліньска. Городище скіфського часу на р. Сеймі. Археологія, VIII, Київ, 1953.
37. А. Г. Митрофанов. Ук. соч.
38. А. Л. Никитин. Фатьяновский могильник у с. Халдеево. СА, 1964, 3.

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

Историей развития железных наконечников стрел в Средней Азии занимались многие исследователи, но преимущественно попутно. Впервые специальную схему эволюции железных наконечников стрел Таласской долины и географически близких к ней районов (Кара-Тау, Чуйская долина, Ташкентская область, Фергана) дал С. С. Сорокин [1]. Истории железных наконечников стрел он касался неоднократно и в других работах [2]. В настоящее время предложенная им схема продолжает оставаться верной, но в отношении некоторых пунктов нуждается, на наш взгляд, в уточнении, а в целом — в значительных добавлениях. Много интересных соображений о развитии мелких форм железных наконечников высказал О. В. Обельченко [3].

Сложность решения вопроса об эволюции среднеазиатских железных наконечников стрел проистекает из того, что комплексы, в которые они входят, как правило, не имеют точной датировки, хотя бы в пределах одного-двух столетий [4]. Очень большой материал из раскопок, проведенных разными исследователями, еще не классифицирован и не издан [5]. Тем не менее мы попытались сгруппировать доступные материалы и изложить их со ссылками на ход эволюции на других территориях (Восточная Европа, Центральная Азия, Афганистан, Индия). Разумеется, мы вполне отдаем себе отчет, насколько несовершенна наша попытка, но и при настоящем состоянии источников она может быть полезной для дальнейшей разработки этого вопроса.

1. Древнейшие формы железных наконечников стрел

Вопросы появления, типологии и хронологии древнейших наконечников стрел у савроматов, в Сибири, Средней Азии и др. были исчерпывающе разобраны К. Ф. Смирновым [6]. В могильнике Памирская I (Восточный Памир), раскопанном А. Н. Бернштамом, в кург. № 10 среди стрел из

[1] С. С. Сорокин. О датировке и толковании Кенкольского могильника. КСИИМК, 64, 1956, стр. 10—13, рис. 2.

[2] С. С. Сорокин. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры. СА, XXVI, 1956, стр. 107—108; его же. Боркорбазский могильник. Тр. ГЭ, V, Л., 1961, стр. 1954; его же. Железные изделия из Кенкольской коллекции. СГЭ, XX, Л., 1961, стр. 54 сл.

[3] О. В. Обельченко. Кую-Мазарский могильник. Тр. ИИА АН УзССР, VIII, Ташкент, 1956, стр. 221—222; его же. Лявандакский могильник. Сб.: «История материальной культуры Узбекистана», 2, Ташкент, 1961, стр. 137—143.

[4] В тексте приводятся некоторые новые датировки уже опубликованных курганных комплексов, что обосновано нами в другой работе.

[5] Автор приносит глубокую благодарность А. М. Беленицкому, В. А. Булатовой, Е. Д. Салтовской, В. И. Спришевскому, разрешившим использовать материал из их раскопок. Автор также имел возможность ознакомиться с материалами Хорезмской экспедиции и фондами всех среднеазиатских музеев. Использованы также большей частью неопубликованные материалы из раскопок автора.

[6] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 61—66.

колчана, датируемого К. Ф. Смирновым VII—VI вв. до н. э., оказалась одна железная кованая стрела с коротким (обломанным) черешком, почти плоская в сечении, слегка утолщенная к центру (рис. 1, *2*) [7].

В одном из курганов Кургакского могильника (Алай) А. Н. Бернштам нашел другой железный наконечник с массивной сводчатой головкой, с выемками в нижней половине граней, превращающих ее в трехлопастную, с длинным черешком (рис. 1, *1*). Курган можно датировать V—III вв. до н. э. [8]. Типологически к группе ранних наконечников следует отнести и наконечники стрел из кург. № 2 могильника Шаймак [9]. Наконечники (всего 10 экз.) типа переходного от трехгранных к трехлопастным (рис. 2, *5—14*; рис. 3). Довольно вытянутая сводчатая головка утончается в нижней части, причем ребра продолжаются ниже в виде шипов, образуя втулку. Черешок острый и тонкий. Общая длина 6—7 *см*, в том числе длина головки 3—3,6 см. Подыскать точные аналогии нам не удалось. Как любезно указал нам К. Ф. Смирнов, их нет и в известном ему материале. Некоторое сходство эти наконечники обнаруживают с отдельными черешковыми наконечниками Поволжья и Приуралья конца VI—IV вв. до н. э. [10]. С другой стороны, на сложение этого типа, быть может, оказали влияние довольно редкие среднеазиатские трехлопастные бронзовые наконечники с вертикальными шипами, отходящими от концов граней. Учитывая это, возможной датой для рассматриваемых наконечников можно считать IV—III вв. до н. э.

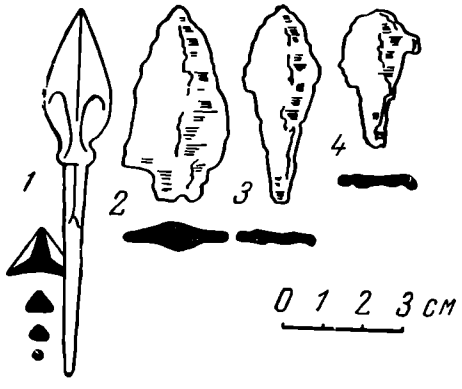


Рис. 1. Железные наконечники стрел с Восточного Памира и Алая

1 — Кургакский могильник; *2—4* — могильник Памирская I (по А. Н. Бернштаму)

В кург. № 3 могильника Аличур II найдено четыре плоских наконечника стрел, форма двух из них ясна (рис. 2, *1*, *1а*). Это двуперые черешковые наконечники. Форма одного — подтреугольная, другого — резко приостренная в верхней части. Шипы посажены на разной высоте. Комплекс, в котором найдены эти наконечники, датируется скорее всего IV—III вв. до н. э. Типологически их следует отнести к группе ранних железных наконечников.

Известно, что такие наконечники стрел — с плоским черешком и опущенными крыльями — «площики» появляются на Кавказе в архаических комплексах кобанского и ранне урартского времени [11]. К. А. Куфтин датировал погребальный комплекс из с. Нули с костяными, бронзовыми и одним железным наконечником VII в. до н. э. [12]. Подобные наконечники встречаются и на Северном Кавказе [13]. Однако они входят и в более поздние комплексы — например погр. № 20 Нестеровского могильника VI—начала V в. до н. э. [14]. Железный площик с отломанным черешком из Нестеровского могильника очень близок по очертаниям пера среднеазиатским

[7] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952, стр. 310, рис. 135, *15*. Здесь же (рис. 135, *17, 18*) изображены еще два наконечника стрел, но они не отмечены в тексте.

[8] А. Н. Бернштам. Ук. соч., стр. 196, рис. 76, *2 г*.

[9] Б. А. Литвинский. Раскопки могильников на Восточном Памире в 1958 г. Тр. ИИ АН ТаджССР, XXVII. Душанбе, 1961, стр. 39—40.

[10] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., рис. 40, *8*, *24*.

[11] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 200.

[12] Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 48—49, табл. XXV.

[13] Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 200.

[14] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. Тр. ГИМ, XVII, М., 1947, стр. 27, рис. 22; его же. Древняя история..., рис. 48, *1—8*.

(Аличур II/3/9); здесь и там боевая часть значительно приострена, но памирские наконечники более вытянутые. Следует также отметить, что наконечники из Нули и Нестеровского могильника по характеру черешка [15] ближе Аличур II/3/11, а не Аличур II/3/9.

Кавказские бронзовые плоские наконечники имеют очень длительную историю и, по-видимому, восходят к каменным прототипам [16]. По Е. И. Крупнову, на Кавказе бронзовые плоцики существуют вплоть до VI в. до н. э. [17]. Железные же плоцики, появившиеся в VII в. до н. э., могли существовать и после исчезновения бронзовых. При этом описанные выше два железных плоцика с Памира близки по своей форме к специфически кавказским формам бронзовых наконечников с опущенными крыльями. Возникает вопрос — не появились ли эти наконечники в результате кавказско-среднеазиатских связей?

2. Черешковые трехлопастные с опущенными жальцами

Исследователи значительно расходятся в вопросе о датировке небольших черешковых наконечников стрел, в частности с опущенными жальцами, с пря-

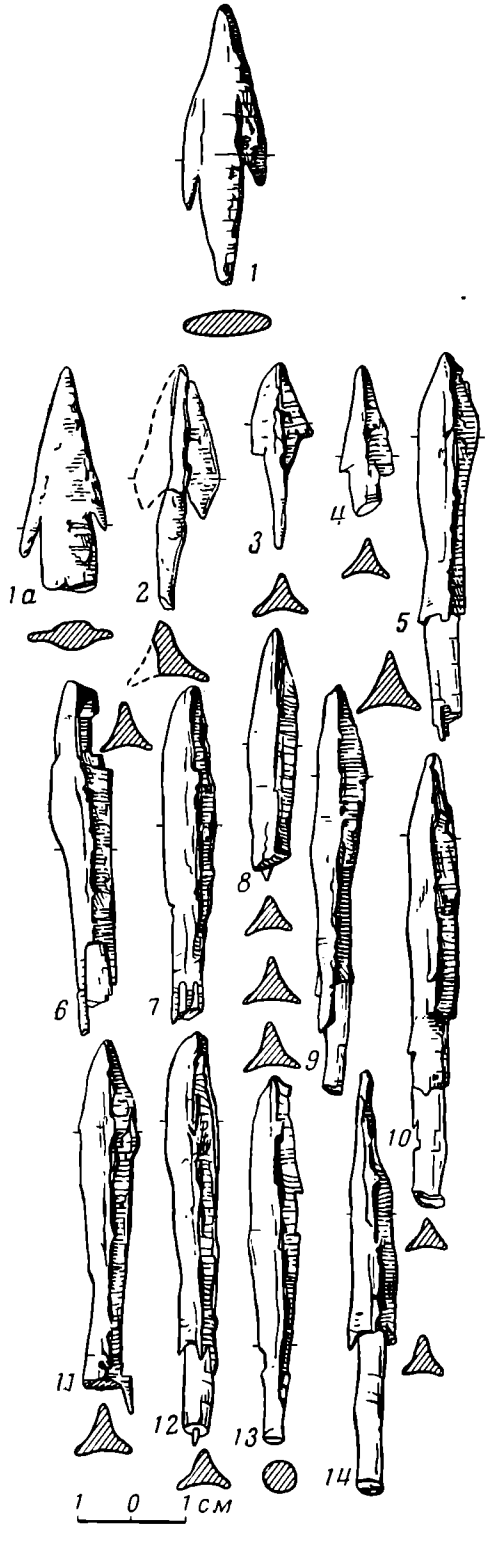


Рис. 2. Железные наконечники стрел с Восточного Памира

1—4 — могильник Аличур II, кург. № 3; *5—14* — могильник Шаймак, кург. № 2

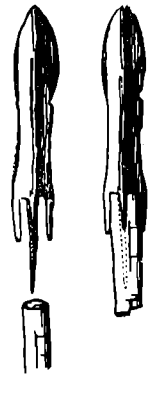


Рис. 3. Железные трехлопастные наконечники стрел из могильника Шаймак. Реконструкция

[15] Е. И. Крупнов называет нестеровский наконечник втульчатым, но, судя по рисунку (рис. 22, *8*),— это реконструкция.

[16] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси, 1941, стр. 67; стр. 75, рис. 85; Б. Б. Пиотровский. Скифы и Закавказье, ТОВЭ, III, Л., 1940, стр. 82.

[17] Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 200, 284.

мым или слегка округлым контуром пера. О. В. Обельченко полагает, что эти наконечники существовали в Средней Азии лишь до рубежа нашей эры. С. С. Сорокин же первоначально считал, что мелкие наконечники «исчезают совершенно» со II в.[18], позже он пришел к заключению, что крупные наконечники «полностью сменили мелкие ко II или к началу III в. н. э.»[19].

Возникновение мелких наконечников трехперых, с опущенными жальцами стрел относится, как правильно указывает О. В. Обельченко, к очень раннему времени, скорее всего к III—II вв. до н. э. Первый каракольский курган, где найдены эти наконечники, его исследователями был, на наш взгляд, правильно датирован временем, близким к началу нашей эры[20].

О. В. Обельченко пишет, что такой же наконечник стрелы с опущенными жальцами был найден в Таксиле (Индия) Д. Маршаллом в слое III—I вв. до н. э.— I в. н. э. Следует, однако, добавить, что Д. Маршалл связывал появление трехлопастных черешковых железных наконечников («тип *g*») с саками и датировал их появление в Таксиле I в. до н. э.— I в. н. э., отмечая, впрочем, что они встречаются вплоть до V в.[21].

Таким образом, приводившиеся среднеазиатские и индийские аналогии скорее могут свидетельствовать о распространении таких наконечников в I в. до н. э.— I в. н. э. Некоторые из привлекаемых О. В. Обельченко сарматских аналогий дают довольно ранние даты — II—I вв. до н. э., другие относятся к I в. Так, судя по находке китайского зеркала, погр. № 19 в кургане Е-25 у с. Старая Полтавка, должно датироваться не II—I вв. до н. э., как считает О. В. Обельченко, а I в.; к тому же там, по-видимому, не мелкий, а крупный наконечник[22].

Наконец, в погр. № 27 Таркинского могильника, которое К. Ф. Смирнов датирует II—III вв., встречаются, вопреки мнению О. В. Обельченко, наконечники с опущенными жальцами и округлым контуром головки[23]. Таким образом, трехлопастные железные наконечники с опущенными жальцами, возникнув еще, по-видимому, в савроматское или раннесарматское время, продолжали существовать в области сарматской культуры вплоть до II—III вв.

Очень существенны в этой связи материалы Беграма. I—II вв. дали несколько железных наконечников, в том числе сравнительно небольшой черешковый трехлопастной наконечник с опущенными жальцами и округлым контуром пера (длина наконечника, судя по масштабу рисунка, 6 *см*). Головка при этом составляет около половины длины наконечника. В этом же слое встречен и более крупный наконечник такого же типа, у которого относительно короткий черешок (две трети длины наконечника при общей длине 7,7 *см* приходится на головку)[24]. Среди трехлопастных наконечников слоя Беграм III (III — середина IV в.) появляются очень крупные наконечники с опущенными жальцами-шипами, длина головки которых достигает 9 *см*, но имеются такие же по форме, но сравнительно неболь-

---

[18] С. С. Сорокин. О датировке..., стр. 11.

[19] С. С. Сорокин. Железные изделия..., стр. 54.

[20] М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, 3(4), стр. 174.

[21] J. Marshall. Taxila, II, Cambridge, 1951. стр. 548—549.

[22] И. В. Синицын. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. СА, VIII, 1946, стр. 91—92, рис. 25—26. Новейшие работы по китайским зеркалам: A. Bulling. The Decoration of Mirrors of the Han Period. «Artibus Asiae». Приложение XX, Ascona, 1960; L. Vandermeersch. Les mirroirs de bronze de Musée de Hanoi. Paris, 1960.

[23] К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—48 гг. МИА, 23, 1951, рис. 18, 1, стр. 269, 271. О мелких наконечниках в сарматских комплексах первых веков нашей эры см. М. Г. Мошкова. Производство и основной импорт у сарматов Нижнего Поволжья. Канд. дис. М., 1956, стр. 4—5 (рукопись в Библиотеке им. В. И. Ленина).

[24] R. Chirshman. Begram. MDAFA, 1946, XII, стр. 58, табл. XXXVI, B. G. *290a*; B. G. *290b*. В этом же слое такой же, но втульчатый наконечник (стр. 58). Там же, табл. XXXII, B. G. *290c*.

шие наконечники [25]. Таким образом, и в соседнем Афганистане небольшие наконечники с опущенными жальцами доживают вплоть до III, а может быть, и IV в.

Довольно большой материал сейчас накоплен и для Средней Азии. К числу наиболее ранних мелких трехлопастных черешковых наконечников стрел относятся восемь наконечников из круглого погребального сооружения на городище Чирик-Рабат. По мнению С. А. Трудновской, этот

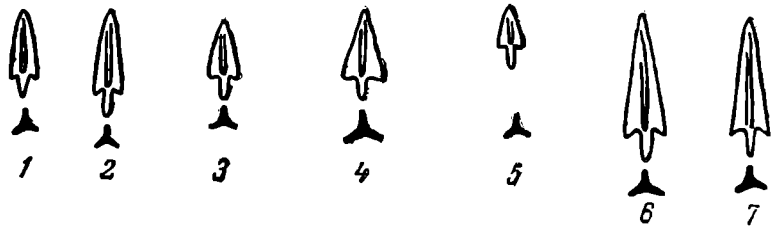


Рис. 4. Трехлопастные железные наконечники стрел с опущенными жальцами из могильников Зеравшанской долины (по О. В. Обельченко)

комплекс датируется рубежом IV—III в. до н. э. [26]; однако эту датировку едва ли следует считать бесспорной. Бронзовые наконечники стрел этого комплекса могут датироваться III—II вв. до н. э. [27]. К этой дате скорее могут относиться и позолоченные стеклянные бусы из чирик-рабатского комплекса [28]. Этим же временем — III—II вв. до н. э.— датируется железный наконечник с опущенными жальцами из другого комплекса Чирик-Рабата [29].

Среди наиболее ранних, среднеазиатских наконечников с опущенными жальцами (рис. 2, *1—4*) следует назвать наконечники из могильника Аличур II (Восточный Памир) [30]. Здесь, в комплексе III—II вв. до н. э.— два очень небольших трехлопастных наконечника с длинными шипами, лопасти которых снаружи скошены. Длина одного из них 3,7 *см* (в том числе головки — 1,8 *см*), другого 4,8 *см* (в том числе головки — 3 *см*). В этом же кургане — небольшой наконечник типа переходного от трехлопастного к трехгранному с массивным (обломанным) черешком (длина головки 2 *см*).

Далее следует указать на большое количество наконечников стрел этого типа, полученных О. В. Обельченко при раскопках могильников в Зеравшанской долине из комплексов II в. до н. э.— II в. н. э. (рис. 4). Так, в кургане № 6 второй группы Лявандакского могильника, датирующегося находкой серьги, которая, на наш взгляд, входит в группу амфоровидных серег римско-провинциального типа и дает вместе с другими материалами дату для комплекса— I—II вв. н. э., есть миниатюрный трехлопастный наконечник с опущенными жальцами (длина головки 1,5 *см*) [31]. Среди

---

[25] R. Ghirshman. Ук. соч., стр. 77, табл. XXI, *13*, *15—19*; XLVIII B. G. *77*. B. G. *464*, B. G. *532a*.

[26] С. А. Трудновская. Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат. МХЭ, 6, М., 1963, стр. 210, рис. 8.

[27] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, табл. III; Н. Г. Мошкова. О раннесарматских втульчатых стрелах. КСИА, АН СССР, 89, 1962, рис. 28.

[28] По Г. Айзену, золочение бус было изобретено в птолемеевский период. G. A. Eisen. Lotus- and Melon-Beads. AJA, XXXIV, 1, 1930, стр. 26.

[29] В. А. Лоховиц. Раскопки квадратного погребального сооружения на городище Чирик-Рабат. МХЭ, 6, стр. 219—220, рис. *4б*, *2*.

[30] Б. А. Литвинский. Раскопки могильников на Восточном Памире в 1958 г. Тр. ИИ АН ТаджССР, XXVII, Душанбе, 1961, стр. 38—39; его же. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. М., 1960 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР), рис. 1, *11*, *12*.

[31] О. В. Обельченко. Лявандакский могильник, рис. 10, *1—7*. О. В. Обельченко ошибочно датирует этот курган II в. до н. э. (стр. 113, 163). Ср. также О. В. Обель-

наиболее поздних — находки из Джунского могильника. В одном из курганов II—III вв. там были найдены, по словам Т. Г. Оболдуевой, наконечники «...трехперые вытянутые треугольной формы, со стержнем; крылья стоят отдельно, образуя у двух стрел шипы на концах; у третьей (несколько более удлиненной) нижний край лопасти перпендикулярен стержню». Длина боевой части этих наконечников 3—3,5 *см*, длина черешка 2 *см* [32].

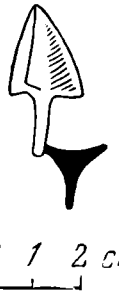


Рис. 5. Бронзовый трехлопастной наконечник стрелы

1 — Болдай-Тепе (Южный Таджикистан)

Наряду с наконечниками с опущенными жальцами встречаются, по-видимому, относящиеся к рубежу или первым векам нашей эры, и мелкие наконечники с округлым контуром головки и перпендикулярным основанием, длиной 4—5 *см*. Они найдены в курумах [33].

В комплексе IV в. кург. № 2 Кенкольского могильника найдены мелкие наконечники стрел (длиной около 6—6,5 *см*). Как отметил С. С. Сорокин [34], от более ранних они отличаются большей длиной черешка, массивностью головки и ее ромбическим контуром. По-видимому, и в Афганистане, на территории Средней Азии в то время продолжали существовать и другие формы мелких наконечников.

История трехлопастных черешковых наконечников в Средней Азии и прилегающих странах восходит еще к эпохе поздней бронзы [35]. Бронзовый трехлопастной черешковый наконечник стрелы известен из архаического Дахистана (по В. М. Массону — VIII—VII вв. до н. э.); вместе с черешковыми железными бронзовые трехлопастные встречены и на Старой Нисе, в слоях III—II вв. до н. э. [36]. К V—IV вв. до н. э. относится найденный на Балдай-Тепе (Курган-Тюбинский район) миниатюрный черешковый наконечник (рис. 5, *1*) с перпендикулярным основанием граней головки [37]. Железные трехлопастные наконечники стрел продолжали традицию таких же бронзовых, составивших в скифскую эпоху вооружение среднеазиатских сакских племен, а также племен Монголии, Сибири и др. [38].

Бронзовые черешковые трехлопастные наконечники стрел с опущенными жальцами в Средней (и Центральной) Азии сосуществовали с аналогичными железными. Об этом свидетельствуют находки в кург. № 13 у Куян-Тугая (раскопки Г. Гейкеля) [39]. На городище Кува, вне основного

ченко. Бронзовые зеркала Лявандакского могильника, КСИА АН СССР, 91, 1962, стр. 49—50.

[32] Т. Г. Оболдуева. Отчет о раскопках курганов близ города Янги-Юля, 1937 (рукопись в Комитете охраны памятников при Совете Министров УзССР, л. 7); Самаркандский Музей истории и культуры узбекского народа, шифр А-277 и К. IV.19.

[33] М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 годах. Тр. Музея истории Узбекской ССР, II, Ташкент, 1954, стр. 62, рис. 13, *д*.

[34] С. С. Сорокин. Железные изделия..., стр. 51, примеч. 12 на стр. 54.

[35] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 64—66; Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962, стр. 220—222.

[36] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1961, стр. 45—47, рис. 12.

[37] Фонды Института истории АН ТаджССР.

[38] С. В. Киселев. Монголия в древности. ИАН СССР, сер. ист. и философ., IV, 14, 1947, стр. 365; В. Волков. Бронзовые наконечники стрел из музеев МНР. Монгольский археологический сборник. М., 1962, стр. 22—24.

[39] H. J. Heikel. Altertümer aus der Tale des Talas in Turkestan. Helsinki, 1918, стр. 16; его же. Список предметов, найденных нижеподписавшимся при раскопках курганов в долине р. Таласы около дер. Дмитриевское уезда Аулие-Ата (Туркестана) летом 1898 г. Архив ЛОИА, № 47, 1898. При раскопках Гейкеля в кург. № 16 в местности Чунт-Тепе также были найдены железные трехлопастные наконечники стрел (H. J. Heikel. Ук. соч., стр. 21, табл. IX, *2*, *3*), но с перпендикулярным срезом граней.

комплекса, на глубине 6 *м* найден бронзовый черешковый наконечник стрелы, трехлопастной, с округлым контуром головки, с опущенными жальцами. Общая длина наконечника 3,5 *см* [40].

3. Крупные трехлопастные черешковые наконечники стрел с треугольным и лавролистным контуром головки

О. В. Обельченко на основании факта находок в одних и тех же погребениях, датируемых им II—I вв. до н. э., наконечников стрел малых, средних и крупных размеров близких форм приходит к выводу об одновременном существовании мелких и крупных наконечников [41].

Так ли это? Можно ли учитывать при датировке только форму, а не размер наконечников?

Обратимся к сарматской культуре, для которой материал по стрелам несравненно многочисленнее. Крупные наконечники стрел (железные трехлопастные черешковые, длиной до 11 *см*) появляются здесь только в позднесарматское время (II—IV вв.). К. Ф. Смирнов рассматривает появление более крупных наконечников стрел в качестве датирующего элемента для отнесения комплексов ко II—III вв. [42]. Такая в принципе картина распространения крупных наконечников и сосуществования их с мелкими прослеживается, как указывалось выше, и на материалах Беграма II и III.

Появление крупных наконечников, как неоднократно писали исследователи сарматской культуры, связано с двумя факторами: 1) с появлением усиленного оборонительного доспеха; 2) с распространением нового, более мощного лука.

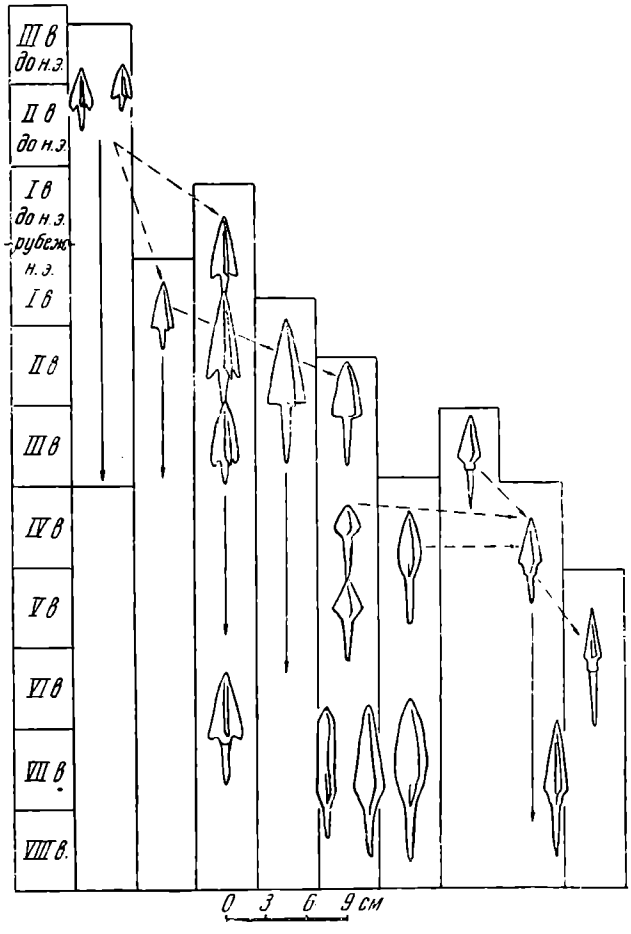


Рис. 6. Схема эволюции основных типов железных трехлопастных наконечников стрел в Средней Азии

На территории Средней Азии оба эти фактора имели место уже в конце II—I в. до н. э. По-видимому, понадобилось какое-то время, чтобы новый тип лука получил массовое распространение и был выработан и внедрен тип более крупного наконечника. Очевидно, это произошло около рубежа нашей эры. Однако, как справедливо указывает О. В. Обельченко, потребности войск, а также охоты на различного зверя обуславливали применение различных наконечников стрел. Добавим, что в употреблении су-

[40] Раскопки В. А. Булатовой — фонды ИИА АН УзССР.

[41] О. В. Обельченко. Лявандакский могильник, стр. 142.

[42] К. Ф. Смирнов. Археологические исследования..., стр. 271. См. также И. В. Синицын. Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья (по раскопкам 1930 г.). Сборник Нижневолжского краевого музея. Саратов, 1932, стр. 61—62, В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, стр. 432, 496; М. П. Абрамова. Сарматская культура II в. до н. э.— I в. н. э. СА, 1959, 1, стр. 62.

ществовало и несколько типов луков. Таким образом, речь может идти лишь о том, что в Средней Азии крупные наконечники несколько раньше, чем в Поволжье, становятся массовым оружием.

А. И. Тереножкин был прав, указав, что в Средней Азии «крупные трехлопастные наконечники появляются в первых веках нашей эры (культура Каунчи, Тали-Барзу I и II)» [43].

Правильную позицию в отношении времени появления крупных наконечников стрел занял и С. С. Сорокин, который писал, что «...в первых веках нашей эры становятся характерными крупные железные трехперые наконечники с боевой частью треугольной формы, т. е. без оттянутых вниз жалец» [44]. Однако мелкие наконечники стрел, вопреки мнению С. С. Сорокина, продолжают еще существовать в III, а может быть и в IV в. (рис. 6).

Среди крупных наконечников стрел ранних типов в первых веках нашей эры встречались и наконечники с опущенными жальцами — в Беграме, в Поволжье [45] и, по-видимому, в Северной Индии (Таксила) [46].

Исходной формой могли явиться железные наконечники стрел с опущенными жальцами «средней величины», найденные А. И. Тереножкиным в 1945 г. на Афрасиабе, которые должны датироваться I в. до н. э.— I в. н. э. [47]. Типологически несколько более поздней следует считать группу трехперых стрел, у которых прпостренная узкая лопасть треугольного или сложного очертания (длиной 3—7 *мм*) вверху отделена от черешка округлым вырезом. Такого рода наконечники в Томском могпльнике встречаются в комплексах начала второй половины I тысячелетия [48].

Ареал этого типа наконечников был весьма широк, во всяком случае, они встречаются и в западном Пакистане [49].

Образцы таких наконечников представлены в находках из курумов Карамазарских гор. Таков, например, наконечник из курума № 7, Карамазарского могильника (рис. 7, *8*). Жальце у него подтреугольное, отделено от черешка округлым вырезом. У другого наконечника из могильника Пангаз-Бадамак жальца короткие, а их вершины соединены горизонтальным ребром — зародышем «порожка» (рис. 7, *8*). Крупные трехлопастные наконечники с опущенными жальцами имеются и в пенджикентских комплексах. Там есть новый вариант этого типа: наконечники с утолщенпем-муфточкой («порожком») в верхней части черешка [50].

Одно из направлений развития трехлопастных наконечников стрел — появление стрел с лавролистным очертанием головки. С. С. Сорокин склонен относить начало этого процесса к IV в.; однако не исключена и более ранняя дата. На основании находок в Арук-тауском могильнике исходные формы этих наконечников можно датировать временем рубежа или начала н. э. Для более позднего времени — III—IV вв. н. э.— такой наконечник зарегистрирован при раскопках ферганского тепе Кугай. Именно с этого времени лавролпстные наконечники получают широкое распространение. Они продолжали существовать (в нескольких вариантах) вплоть до раннего средневековья. Так, на Аджина-Тепе в помещении XVIII в слое VIII в.

---

[43] А. И. Тереножкин. Раскопки в кухендизе Пенджикента. МИА, 15, 1950, стр. 92.

[44] С. С. Сорокин. О датировке..., стр. 11.

[45] С. С. Сорокин. Железные изделия..., стр. 54.

[46] J. Marshall. Taxila, стр. 549, рис. 88*а* длина (10,2 *см*, I в.).

[47] А. И. Тереножкин. Археологическая разведка на городище Афрасиаб в 1945 г. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 117—118, рис. 50; его же. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, рис. 69, V, 14.

[48] Альбом рисунков, помещенных в отчетах Археологической комиссии за 1882—1898 годы. СПб., 1906, рис. 2023, стр. 314; М. Н. Комарова. Томский могильник, памятнпк истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. МИА, 24, 1952, стр. 47, 49, рис. 27, *15*.

[49] W. A. Fairservis. Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan. «Anthrop. Papers. Amer. Mus. Hat. Hist.», 1956, 45, ч. 2, стр. 204—205, табл. 32, *F, K, L, O, W*.

[50] А. И. Тереножкин. Раскопки в кухендизе Пенджикента, стр. 92, табл. 42, *д*.

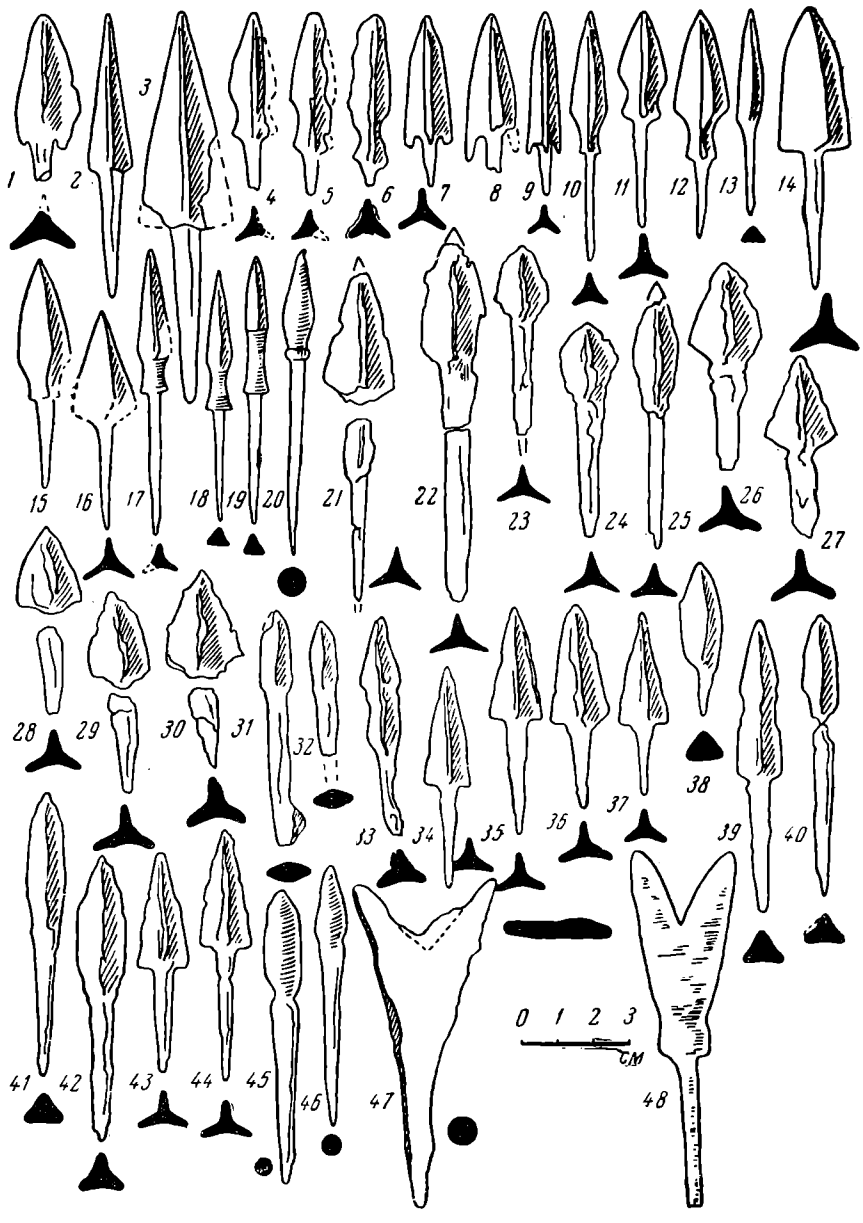


Рис. 7. Железные наконечники стрел из среднеазиатских могильников

1 — Калантар-Хонинский могильник, кург. № 11; *2—3* — Ворухский могильник, кург. № 17; *4—5* — Калантар-Хонинский могильник, кург. № 15; *6* — могильник Чорку II, кург. № 19; *7—8* — Карамазар-Сайский могильник, кург. № 7; *9* — Бодомакский могильник, кург. № 9; *10* — Дахона-Чорчанак-Сайский могильник, кург. № 6; *11* — Карамазар-Сайский могильник, кург. № 24; *12* — Бодомакский могильник, кург. № 16; *13* — Бодомакский могильник, кург. № 7; *14* — Джунский могильник; *15* — Вревский могильник, кург. № 4; *16—19* — Кулпак-Сайский могильник, кург. № 3; *20* — Сарыкол-Сайский могильник, кург. № 5; *21* — Кенкольский могильник, кург. № 6; *22—25* — Кенкольский могильник, кург. № 2; *26—33* — могильник Ак-тий-Карасу, кург. № 14, 23; *34—42* — Баркорбазский могильник, кург. № 1; *43—46* — Баркорбазский могильник, кург. № 19; *47* — Вревский могильник, кург. № 4; *48* — пещера Ак-Танги

найден вытянутый железный наконечник с очень узкой головкой (рис. 9, *б*). Крупные лавролистные трехперые наконечники стрел встречаются в афригидском Хорезме [51].

Наряду с лавролистными наконечниками существовали и трехлопастные наконечники с прямым срезом основания головки: перпендикулярным или под тупым углом к черешку.

Такие наконечники известны для слоя Беграм III (III — середина IV в.) [52], Семиречья, Восточного Туркестана [53]. Зарождение этого вариан-

[51] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 145, рис. 83.
[52] H. Ghirshman. Ук. соч., табл. XLVIII, B. G. 559*в*.
[53] S. Hedin. Through Asia, II, London, 1898, стр. 790 (фото).

та наконечников в Средней Азии, по-видимому, относится к близкому времени. Укажем на один наконечник из Янгиюльского — Джунского могильника (рис. 7, *14*) [54]. Подобные наконечники известны из могильников Баркорбаз (круг. № 1, V—VI вв.) [55] и Карабулак [56]. В Ворухском могильнике кург. № 17 дал пять наконечников с треугольным контуром и перпендикулярным или слаботупоугольным основанием головки (рис. 7, *3*). Самый маленький из них имеет длину 8 *см*, самый крупный — 11 *см* [57]. Один наконечник с тупоугольным основанием встречен в III Кулпоксайской мугхоне (рис. 7, *16*). Такие наконечники продожают существовать вплоть до VII—VIII вв., доказательством чему являются находки в Пенджикенте [58] и Куве [59]. Другой такой наконечник стрелы (дротика?) происходит из помещения № 17 Аджина-Тепе (слой VIII в.). Очертание пера — треугольное, в бойковой части — резко суживающееся. Основание тупоугольное. Наконечник очень крупный (длина головки 10,4 *см*, ширина — 2,5 *см*) [60].

Своеобразен по своему очертанию очень узкий наконечник из Пенджикента с тупоугольным основанием и вогнутой средней частью головки (рис. 9, *1*) [61]. Такие наконечники с «пережимом» в средней части не были в VII—VIII вв. единичными, о чем свидетельствует находка на Аджина-Тепе наконечника дротика или копья с фигурными вырезами у основания головки (рис. 9, *5*) [62].

4. Трехлопастные черешковые наконечники с ромбическим и фигурным контуром головки

В результате постепенного увеличения нижней части — тупоугольного основания пера — появляется и иная форма — ромбическая. Именно так следует рассматривать крупные ромбические трехперые наконечники из могильника Акчий-Карасу в Кетмень-Тюбинской долине (рис. 7, *26—30*), которые датируются не II—IV вв., как это делает И. Кожомбердиев [63], а скорее IV—V вв. Постепенно нижняя часть головки ромбических наконечников становилась больше.

Другое направление эволюции ромбических наконечников пошло по линии превращения нижней половины каждой грани из прямой в округловогнутую [64]. На сложение этого варианта ромбических стрел определенное влияние оказали и лавролистные наконечники.

Наконец, следует отметить усовершенствование, которое также способствовало появлению нового типа наконечников стрел, а именно появление наконечников с муфточкой-утолщением («порожек») в верхней части че-

---

[54] Музей истории АН УзССР, экспозиция (без шифра).

[55] С. С. Сорокин. Баркорбазский могильник, табл. II, *о*.

[56] Ю. Д. Баруздин. Карабулакский могильник. ИАН КиргССР, сер. общ. наук, III, 3, Фрунзе, 1961, рис. 12.

[57] Б. А. Литвинский, Е. А. Давидович. Предварительный отчет о раскопках курганов в Ворухе (Исфаринский район) в 1954 г. Тр. АН ТаджССР, XXXVII, 1956, стр. 67.

[58] $\left(\frac{\text{ТП-55}}{\text{XII-II}}\right)$ Наконечник из шурфа на XII объекте. Длина головки 6,4 *см*, ширина 2 *см*.

[59] Раскопки В. А. Булатовой. Фонды ИИА АН УзССР (длина головки 5,6 *см*, ширина 2 *см*).

[60] Фонды ИИ АН ТаджССР.

[61] $\frac{\text{ТП-61}}{\text{XV—2}}$.

[62] Фонды ИИ АН ТаджССР.

[63] И. Кожомбердиев. Могильник Акчий-Карасу в долине Кетмень-Тюбе. ИАН КиргССР, сер. общ. наук, II, 3, Фрунзе, 1960, стр. 119—120.

[64] Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. МАВГР, III, М., 1899, стр. 28.

решка. В Поволжье и оренбургских степях такие наконечники распространялись в III—IV вв. [65].

Наконечники с тупоугольным основанием и муфточкой-упором из Карабулакского могильника представляют другую исходную форму наконечников с фигурным вырезом граней (рис. 8, *2*). Вырез этот составляет четверть, треть, а иногда почти половину длины головки. Как правило, головка на нижнем конце образует уступ под прямым или тупым углом к черешку. Иногда имеется и муфточка-утолщение черешка.

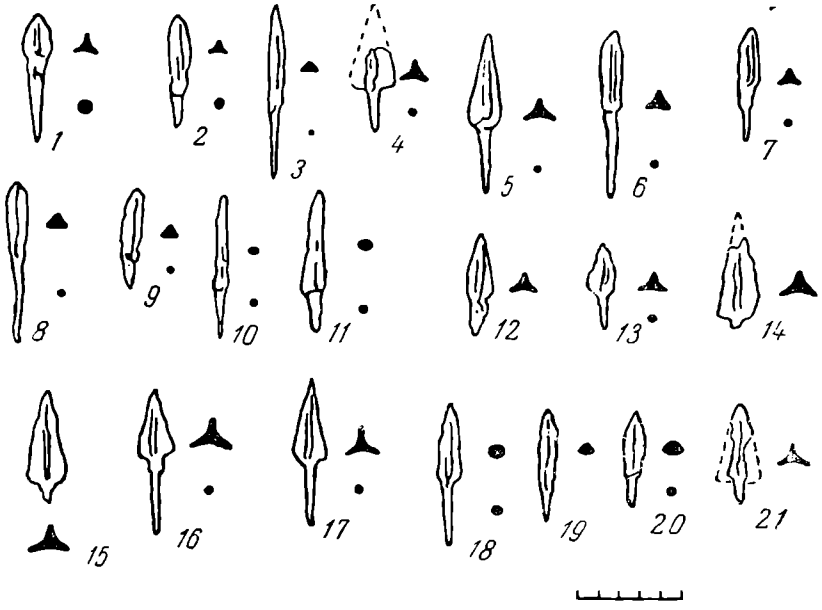


Рис. 8. Железные наконечники из Карабулакского могильника (По Ю. Д. Баруздину)

С. С. Сорокин наконечники этого типа отнес к концу V — началу или середине VIII в. [66]. Однако время появления этих наконечников в Средней Азии следует, по-видимому, переместить, по крайней мере, на одно столетие. Такого рода наконечники хорошо известны по памятникам Нижнего Поволжья и Восточной Европы в целом, где они датируются концом IV—VIII в.

В Венгрии же их связывают с гуннами, аланами [67] и аварами [68]. IV—V веками датируется появление этого типа наконечников и в Сибири [69].

Наконечники с фигурным вырезом-уступом встречены во многих среднеазиатских могильниках. В качестве исходной формы можно рассматривать один из наконечников из кург. № 2 Кенкольского могильника [70], который является еще лавролистным (рис. 7, *25*). Близкие формы дает Карабулакский могильник [71]. Ромбовидное очертание пера характерно для одного наконечника с арыка Джун [72]. Развитый тип демонстрирует наконечник из Гур-Мирона (раскопки Ю. Г. Чуланова в 1958 г.). Интересны

[65] P. Rau. Die Hügelgräberrömischer Zeit an der Unteren Wolga. Pokrowsk, 1927, стр. 102, прим. 2.

[66] Ю. Д. Баруздин. Ук. соч., стр. 62, рис. 12; С. С. Сорокин. О датировке..., рис. 2.

[67] A. Alföldi. Funde aus Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung A. H. IX. Budapest, 1932, стр 18, табл. I, *1—4;* J. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. A. Textteil. Munchen, 1956, стр. 49.

[68] G. László. Études archéologiques sur l'histoire de la société des avars. AH, XXXIV, Budapest, 1955, стр. 232, табл. LIII, *b—e.*

[69] М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. МИА, 48, 1956, табл. XXXVIII, *14;* Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, стр. 156, рис. 55, *5.*

[70] С. С. Сорокин. Железные изделия..., стр. 51, рис. II, *5.*

[71] Гос. Эрмитаж, экспозиция.

[72] А. И. Тереножкин. Согд и Чач., стр. 153, рис. 69, XX, *12.*

также наконечник из VI Кулпок-сайской мугхоны с длинным черешком и относительно короткой широкой головкой, верхняя часть которой — прямая, строго треугольная [73] и наконечник из кург. № 4 Врезского могильника [74] (V—VII вв.) (рис. 7, *15*).

Различные варианты такого рода наконечников представлены в находках из могильников Северного Таджикистана. Например, два почти одинаковых наконечника из круг. № 15 могильника Калантар-Хона (рис. 7, *4—5*) и такой же наконечник из кург. № 19 могильника Чорку II (рис. 7, *6*). В курумах Карамазарских гор, в могильниках Чарчанак-Сай, курум 6. Карамазар-сай, курумы 24 и 47; Пангаз-Бадамак, курум 16, найдены еще более длинные наконечники, причем боевая часть составляет половину — две трети всей длины (рис. 7, *7—11*). Различаются наконечники с относительно широким и относительно узким пером, с вырезом в нижней трети или, реже, в нижней половине пера [75].

Разные варианты этих наконечников, с узким и широким пером, происходят также из курумов, раскопанных М. Э. Воронцом и В. И. Спришевским [76]. Подобные наконечники найдены в ташкентском Ак-Тепе [77] (рис. 9, *31*) и в Пенджикенте (рис. 9). Пенджикентские наконечники очень различны по размерам. Так, миниатюрный наконечник из XIII объекта имел общую длину 5 *см* при длине черешка 1,3 *см* и ширине головки 1,6 *см* [78]. На VI объекте встречен в два раза более крупный, но вместе с тем более узкий наконечник, длиной 9,8 *см*, в том числе черешка 3,5 *см*, при ширине головки 2 *см*. Еще бо́льшими размерами отличается наконечник дротика или копья из Аджина-Тепе (комплекс 18) [79]. Перо узкое, в средней части незначительно вогнутое, боек приострен. Переход к черешку оформлен двумя глубокими и четкими фигурными вырезами.

Один из вариантов этих наконечников получил дальнейшее развитие в VII—X вв. Вырез стал абсолютно доминирующим, иногда он занимает $^3/_4$ длины головки, причем он очень слабо вогнутый, почти прямой. Сами наконечники очень узкие и длинные (свыше 10 *см*). В одних и тех же комплексах, наряду с такими наконечниками, встречаются и обычные, с незначительным вырезом у основания пера [80].

5. Черешковые трехгранно-пирамидальные и трехгранно-бипирамидальные наконечники

Трехгранные черешковые наконечники развивались со значительным запозданием по сравнению с трехлопастными. Известны они в небольшом числе. Один такой наконечник найден в погребении типа II-А на Туп-

---

[73] Музей истории АН УзССР. Шифр МК-VI, В-51/6.

[74] М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории Академии наук УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревская в 1947 г. Труды Музея истории народов Узбекистана, I, Ташкент, 1951, стр. 59, рис. 7, *1*. Экспозиция Музея истории АН УзССР.

[75] Б. А. Литвинский. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников кочевников в Кара-Мазарских горах. Тр. АН ТаджССР, 63, 1956, стр. 43—44, рис. 5; его же. Раскопки могильников в Исфаринском районе в 1956 г. Тр. АН ТаджССР, 91, 1959, стр. 80, рис. 4, *7—8*; его же. Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области. Тр. АН ТаджССР, 102, 1959, стр. 114, рис. 3, *1—2*.

[76] М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 годах. Тр. музея истории УзССР, II, Ташкент, 1954, стр. 73, рис. 22.

[77] А. И. Тереножкин. Холм Ак-Тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). Материалы по археологии Узбекистана, I, Ташкент, 1948, стр. 124. рис. 25, *10*.

[78] $\frac{\text{ТП-61}}{\text{XIII-7}}$ КП-203

[79] Фонды Института истории АН ТаджССР. Длина пера 16,5 *см*, ширина 2,8 *см*.

[80] H. J. Heikel. Altertümer.., XVIII/6,9; Е. Агеева, А. Джусупов, Интересная находка. Уч. зап. Казахского ун-та, LIV, сер. историч., 12, Алма-Ата, 1963, стр. 175, рис. 2.

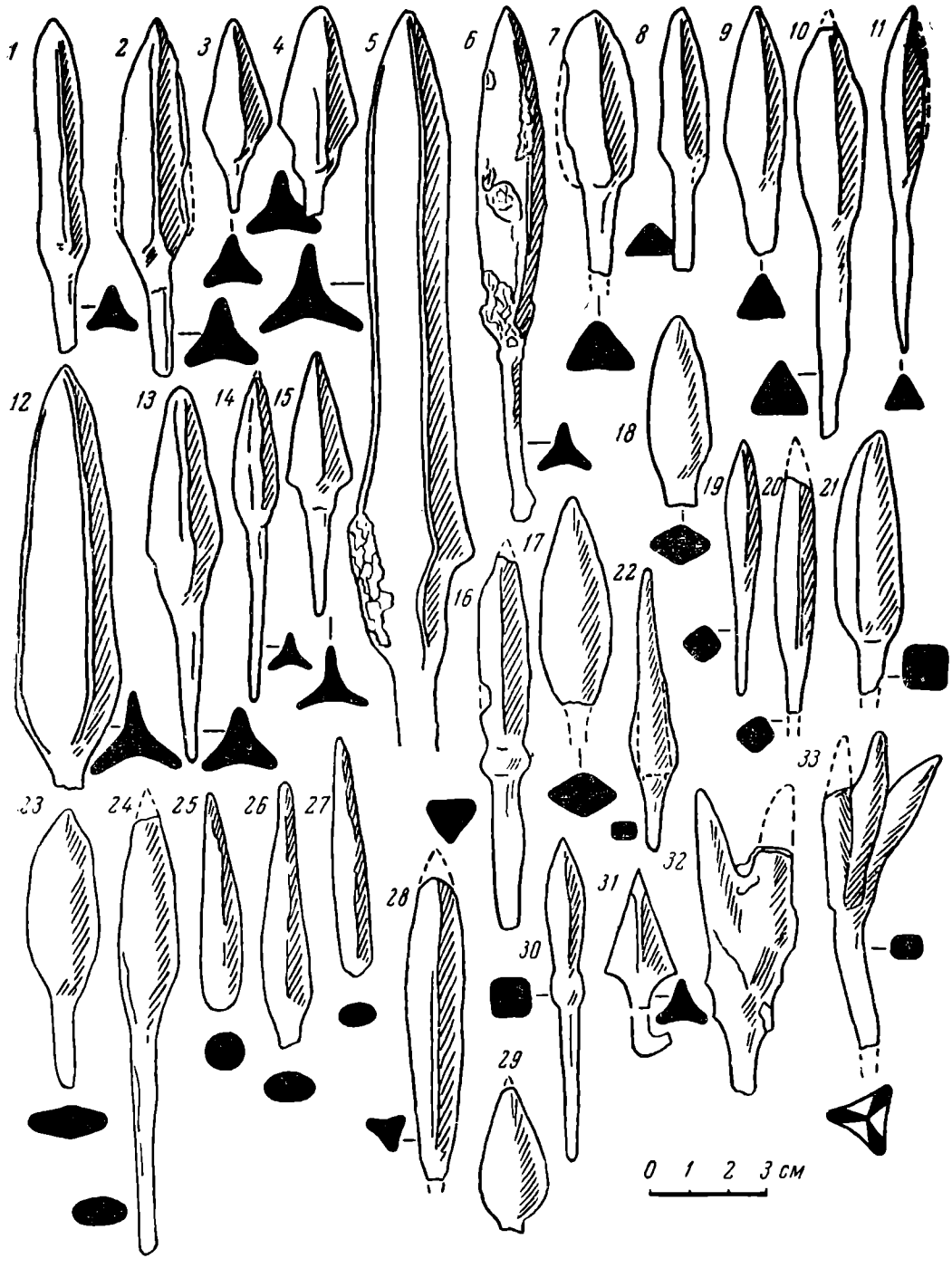


Рис. 9. Железные наконечники стрел с поселений V—VII вв.

Пенджикент: объект II — 24, 26, 27; объект III — 15, 21, 25; объект VI — 9, 11, 13, 16, 20, 33; объект VII — 7, 17; объект VIII — 14; объект IX — 19; объект XII — 2, 10; объект XIII — 3, 4, 8, 22; объект XIV — 23; объект XV — 1; объект XVI — 18.
Аджина-Тепе: помещение 17—12, 32; помещение 18—5, 6; помещение 19—28.
Кзыл-Тепе — 29, 30.
АК-Тепе — 31

Хоне[81]. В кург. № 1 Баркорбазского могильника (V—VI вв.) имеются трехгранные наконечники (рис. 7, *39*, 41, *42*) пирамидальной и лавролистной формы[82]. Один трехгранный наконечник (рис. 7, *13*) встречен в курме 7 могильника Пангаз-Бадамак[83].

Отметим лишь, что трехгранные наконечники с фигурным вырезом в нижней части, известные, например, по находкам в Карабулакском могиль-

[81] М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда. МИА, 15, 1950, стр. 155, табл. 85, *4*.
[82] С. С. Сорокин. Баркорбазский могильник, табл. II, *о*.
[83] Б. А. Литвинский. Изучение курумов..., стр. 114, рис. 3, *4*.

нике [84] и курумах [85], должны были возникнуть под воздействием трехлопастных с фигурным вырезом. В этой связи характерно совместное нахождение двух трехгранных и двух трехлопастных наконечников (рис. 7, *16—19*) в третьей Кулпоксайской мугхане [86]. Отсюда происходит один трехлопастной наконечник с широкой боевой частью и тупоугольным основанием (длина наконечника 6,2 *см*, в том числе боевой части 33 *см*, ширина ее 1,4 *см*). Значительно интереснее другой наконечник со слабо профилированными гранями (тип, переходный от трехлопастных к трехгранным), с фигурным вырезом в нижней части и уступом при переходе к черешку (длина наконечника 8,3 *см*, в том числе головки 4,1 *см*, ширина ее 1,1 *см*). Трехгранные наконечники — с очень узкой головкой и фигурным вырезом. Длина их 7,2 и 7,6 *см* при длине головки 3,9 и 3,8 *см*, причем на вырез приходится 1,1 и 1,8 *см*; ширина головки 0,6 и 0,5 *см*. Фигурные вырезы в поперечном сечении круглые.

В раскопанных Т. Агзамходжаевым в Ташкентской обл. и датирующихся VI—VII вв. могильных сооружениях найдены трехгранный и трехлопастной наконечники с вырезом у основания [87].

Появление трехгранных с фигурным вырезом наконечников следует, очевидно, датировать временем не ранее V в.

В VI—VII вв. трехгранные наконечники с фигурным вырезом завоевывают достаточно большую популярность, так что даже появляются бронзовые их варианты. В шурфе на безымянном тепе в колхозе «Коммунизм» Курган-Тюбинского района в комплексе, датированном монетами VII — VIII вв., был найден массивный бронзовый трехгранный черешковый наконечник лавролистной формы с глубокими вертикальными ложками в нижней части, благодаря которым в нижней трети наконечник приобретает характер трехлопастного. У основания каждой лопасти — глубокий фигурный вырез. Черешок обломан. Длина головки 4 *см*, ширина 2 *см*.

В VII—VIII вв. трехгранные железные наконечники продолжают бытовать. Они имеются, например, в пенджикентских комплексах (рис. 9), причем там черешок порой бывает очень массивным [88]. Вместе с тем существовали и лавролистные треугольные наконечники с плавным переходом к черешку.

Публикуя один трехгранный наконечник из раскопок в кухендизе Пянджикента, А. И. Тереножкин указал, что для более раннего времени, чем VIII в., они в Средней Азии неизвестны, и поставил вопрос, не обязано ли появление таких наконечников арабскому завоеванию [89]. С ним не согласилась К. Г. Рудо, которая связывала развитие трехгранных наконечников с образцами, занесенными в Среднюю Азию и продвижением тюркских племен с Алтая [90]. Трехгранно-пирамидальные наконечники зафиксированы также в Казахстанских (Боровое) и в Иранских (Фарс) комплексах IV—VI вв. [91]. Однако нет оснований связывать развитие этой формы в Средней Азии с арабами, тюрками или иранцами. Материал свидетельствует скорее о местном, среднеазиатском развитии этой формы.

---

[84] Ошский областной историко-краеведческий музей, без шифра.

[85] Музей истории АН УзССР, экспозиция.

[86] М. Э. Воронец. Археологические исследования..., стр. 73; Музей истории АН УзССР, шифр 262/189 и 262/120 (трехлопастные), 262/191 и 262/192 (трехгранные)

[87] Фонды Института истории АН УзССР. С наконечниками ознакомился благодаря любезности Т. Агзамходжаева.

[88] А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища Древнего Пенджикента (1951—1953 гг.). МИА, 66, 1958, стр. 136, рис. 36, *10—13*. Из Пенджикента известен наконечник (общая длина 6,8 *см*, длина головки 3,7 *см*) со слабо выраженным фигурным вырезом у основания и приострением в верхней части. Другой трехгранный наконечник имеет лавролистный контур пера с кольцевой муфточкой-упором у основания (длина наконечника 9,6 *см*, длина головки 5,6 *см*, ширина 1,3 *см*).

[89] А. И. Тереножкин. Раскопки в кухендизе Пянджикента, стр. 92, табл. 42, *б*.

[90] К. Г. Рудо. К вопросу о вооружении Согда VII—VIII вв. Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея ТаджССР, 1, 1952, стр. 67.

[91] А. Н. Бернштам. Находки у озера Боровое в Казахстане. Сб. МАЭ, XIII, М.— Л., 1951, стр. 222—223, рис. 11.

6. Черешковые четырехгранно-пирамидальные и четырехгранно-бипирамидальные наконечники

Следует указать также на четырехгранные наконечники стрел, в том числе с фигурным вырезом-желобком в нижней части. Они зафиксированы, например, в Пенджикенте, где формы их разнообразны (рис. 9). Поперечное сечение подквадратное или ромбическое. Головка имеет вид четырехгранной пирамидки; черешок обычно короткий, составляющий третью-пятую часть общей длины наконечника [92].

В верхнем, точно не датированном слое пещеры Амир-Темир также был найден четырехгранно-пирамидальный черешковый наконечник [93]. Такие же наконечники обнаружены в кург. № 4 Кара-Мойнанского могильника [94] и кург. № 95 Карабакского могильника (Исфара) [95].

В Пенджикенте, при раскопках на кухендизе, найден бипирамидальный четырехгранный наконечник длиной около 8 *см* (в том числе длина головки 4,5 *см*) [96].

Бипирамидальные четырехгранные наконечники стрел известны и из комплексов VI—VIII вв. Семиречья [97]. Поперечное сечение головки четырехгранных стрел обычно подквадратное, реже — ромбическое. В восточноевропейских комплексах такого рода наконечники датируются IV—VII вв. [98].

7. Конусовидные и пулевидные черешковые наконечники

В Средней Азии были довольно широко распространены конусовидные наконечники стрел. Их вариант с короткой и массивной головкой иногда называют «пулевидным».

Точных данных о времени появления этих наконечников в Средней Азии нет. В соседних областях, например в Таксиле, эти наконечники датируются I в. до н. э.— I в. н. э. [99]. В Бегараме конусовидные наконечники имеются в слое Беграм II (конец I — начало III в.) [100]. В комплексе же слоя Беграм III (III — середина IV в.) имеются характерные пулевидные наконечники с очень короткой конической головкой, резким уступом отделенной от черешка; вместе с тем продолжают употребляться и обычные конические.

В Карабулакском могильнике представлены разные варианты конусовидных черешковых наконечников (рис. 8, *10*, *11*, *19*, *21*), некоторые из них с головкой круглого, другие — овального поперечного сечения [101]. Большое число их известно в исфаринских могильниках (длина 5—8 *см*) [102].

---

[92] Два подобных железных наконечника стрел найдены в замке на горе Муг. А. В. Васильев. Согдийский замок на горе Муг. Согдийский сборник. Л., 1934, стр. 27; один — в Шаартузском Мунчак-Тепе.

[93] А. П. Окладников. Амир-Темир, новый памятник каменного века в горах Байсун-Тау (Узбекистан). КСИИМК, VI, 1940, стр. 68; его же. Следы каменного века в районе Термеза. Тр. АН УзССР, сер. 1, II, Ташкент, 1945, стр. 19.

[94] Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, стр. 106, рис. 72, *13*.

[95] Фонды Института истории АН ТаджССР, КП-349-47.

[96] Б. Я. Ставпский. Раскопки жилой башни в кухендизе Пянджикентского владетеля. МИА, 15, 1950, стр. 98, табл. 39, *14*, *17*.

[97] А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». МИА, 14, 1950, стр. 126, табл. XLVI, *1*.

[98] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, стр. 91, табл. XX, *4*.

[99] J. Marshall. Taxila, II, стр. 548—549, табл. 165, *87* (из слоя I в.).

[100] R. Chirshaman. Begram, стр. 58, табл. XXXVI, B. G. *290/d*.

[101] Ю. Д. Баруздин. Ук. соч., стр. 62, рис. 12.

[102] Могильники Ворухский, Сурх II, Калантар-Хона, Чорку II (раскопки автора). Все эти наконечники очень сильно коррозированы.

В кург. № 37 могильника Тура-Таш пулевидный наконечник стрелы встречен вместе с трехлопастным черешковым [103]. Один такой наконечник найден в верхней части «античного» поля Ак-Таньги (раскопки В. А. Ранова).

В кург. № 19 Баркорбаза имеются два типичных пулевидных наконечника (рис. 7, *45*, *46*), причем головка отделена от черешка кольцевым желобком (размеры этих наконечников 8 и 7,5 *см* [104]). У крупного пулевидного наконечника, найденного в пятой Саракулсайской мугхоне (рис. 7, *20*), головка отделена от черешка кольцевидным валиком (длина 8,6 *см*, в том числе головки с муфточкой 3,1 *см*, диаметр головки 8 *мм*). В этой же мугхоне найден мелкий трехгранный наконечник с порожком [105].

По-видимому, пулевидная форма появляется позже, чем конусовидная, а именно с III—IV вв. Однако различные формы конических наконечников продолжают существовать также и в VI—VIII вв. Они представлены, в частности, в Пенджикенте [106]. Вытянутый пулевидный наконечник сложного профиля имеется и в кувинском комплексе VII в. [107].

Можно отметить также черешковые наконечники, уплощенные в поперечном сечении. В Бегараме III (III — середина IV в.) имеется крупный наконечник типа площика. Контур головки подтреугольный, поперечное сечение вытянуто-ромбическое [108].

В могильнике Акчий-Карасу в Кетмень-Тюбинской долине найдены два уплощенных черешковых наконечника (рис. 7, *31*, *33*). По общему облику они напоминают пулевидные наконечники, но поперечное сечение короткой головки не круглое, а уплощенно-ромбическое [109]. В пенджикентском комплексе один наконечник с уплощенно-ромбическим сечением лавролистного по контуру пера имеет длину 7,7 *см*, при длине головки 4,6 *см* и ее ширине 2 *см*. Наконец, в Карабулакском могильнике и в Пенджикенте встречены подтреугольные и листовидные по контуру головки наконечников с овальным поперечным сечением [110].

8. Вильчатые черешковые наконечники

Вопрос о вильчатых наконечниках в Средней Азии разобран В. А. Рановым [111]. Такого рода наконечники известны по находкам в различных местностях для охоты на птиц и мелкую дичь. В Сибири они бытовали до недавнего прошлого. Наиболее ранние находки таких наконечников в соседних областях, например, в Таксиле, известны из комплексов I в. [112].

В Афганистане в пещере Шамшир-Гар вильчатые наконечники были найдены в «смешанной зоне кушано-сасанидского» и «раннеисламского» слоев (первый, по Л. Дюпре,— 300—700 гг., второй — 700—1222 гг.), а также в «раннеисламском слое». Длина этих наконечников 9,6 *см* [113].

---

[103] Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка (Юго-Западная Киргизия). Фрунзе, 1962, стр. 41.

[104] С. С. Сорокин. Баркорбазский могильник, стр. 639, табл. XV, *k*.

[105] М. Э. Воронец. Археологические исследования..., стр. 73, рис. 22. Пулевидный наконечник — в Музее истории (Ташкент), шифр 262/115.

[106] А. М. Беленицкий. Общие результаты..., рис. 36, *5*.

[107] Раскопки В. А. Булатовой. Фонды Института истории и археологии АН УзССР.

[108] R. Ghirshman. Begram, табл. XLVII B. G. *559a*. Об уплощенных в поперечном сечении стрелках см. Е. К. Максимов. Позднейшие сармато-аланские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья. Тр. СОМК, I, Саратов, 1956, стр. 71—72.

[109] И. Кожомбердиев. Могильник Акчий-Карасу..., стр. 119.

[110] Ю. Д. Баруздин. Ук. соч., рис. 12; А. М. Беленицкий. Общие результаты..., рис. 36, *3—7*; $\frac{\text{ТП-52}}{\text{II-пом. «В»}}$; $\frac{\text{ТП-52}}{\text{II-295}}$

[111] В. А. Ранов. Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (Западный Памир). Изв. ООН АН ТаджССР, I (22), 1960, стр. 30.

[112] J. Marshall. Taxila, стр. 560; III, табл. 169, *200—202*.

[113] L. Dupree. Shamshir Ghar: Historic cave site in Kandahar Province. Afghanistan. Antrop. Papers Amer. Mus. Nat., Hist. 1958, 46, 2, стр. 246, 260—261.

Встречаются они и в венгерских аварских комплексах [114].

В Средней Азии такие наконечники также известны только в поздних памятниках. При раскопках В. А. Ранова в пещере Ак-Танги в верхней части «античного» слоя (на глубине 166 *см* от поверхности) был найден вильчатый наконечник, причем боевая часть его отделена от черешка уступом (рис. 7, *48*).

Такой же наконечник происходит из кург. № 4 Вревского могильника V—VII вв. (рис. 7, *47*).

Вильчатые наконечники известны также в раннесредневековых комплексах Кувы [115] и Якка-Парсана [116]. Еще один фрагментированный вильчатый наконечник известен из помещения 17 Аджина-Тепе. Характерная его особенность — фигурное очертание нижней части головки и фигурный вырез в основании (рис. 9, *38*) [117]. Наконец, следует указать на черешковый наконечник из Пенджикента (рис. 9, *33*), боевая часть которого составлена из трех расходящихся жал.

В старейших арабских источниках с описанием охоты Бахрам-Гура, восходящих в этой части к сасанидской хронике, а также в истории иранских царей Са'алиби и в «Шах-Намэ» классика таджикско-персидской литературы Фирдоуси, наряду с другими стрелами царевич имеет стрелу с наконечником в виде полумесяца или с двумя концами-жалами [118]. Такие наконечники отображены и на памятниках искусства и на наскальных рисунках.

---

[114] J. Kalmár. Die Typen der awarischen Pfeilspitzen, Archaeologiai Értesitö, сер. III, т. V—VI, 1944—1945, Budapest, 1945, стр. 294.

[115] Раскопки В. А. Булатовой. Фонды ИИА АН УзССР.

[116] Фонды Хорезмской экспедиции.

[117] Фонды ИИ АН ТаджССР.

[118] М. М. Гирс. Бахрам-Гур и невольница. К вопросу о сасанидских традициях в персидском искусстве. ИГАИМК, V, Л., 1927, стр. 357—361 (указано В. А. Булатовой).

С. Н. ОРЛОВ

К ТОПОГРАФИИ НОВГОРОДСКИХ ГОРОДСКИХ КОНЦОВ

Одним из признаков республиканского строя в древнем Новгороде было деление города на пять административных районов — концов.

Наиболее обстоятельные материалы по истории и топографии новгородских концов содержатся в работах И. И. Красова, П. Гусева, А. В. Арциховского, М. Н. Тихомирова[1]. В наши дни этой темы касался В. Л. Янин[2]. Но все указанные выше исследователи могли использовать в основном только письменные источники. Мы попытаемся ниже дать характеристику топографии новгородских концов, пользуясь письменными источниками в сочетании с результатами археологических раскопок и особенно многолетних наблюдений за земляными работами на территории всех пяти концов.

Из многочисленных летописных сообщений и других письменных источников известно, что Новгород делился на Торговую сторону, по месту Торга, расположенного на правом берегу Волхова, и Софийскую, по Софийскому собору в детинце на левом берегу Волхова. Первое сообщение летописи о названии «Торговая сторона» относится к 1134 г., где сказано, что «томь же лете погоре Търговни полъ от Ручья Плътьницьнаго до конця хълма...»[3]. «Софийской стороной» часть города по левому берегу Волхова впервые в летописи названа под 1359 г.[4]. Нет сомнения, что названия Торговая и Софийская стороны возникли гораздо раньше. Так, «Устав о мостех» упоминает уже «Софьян»[5], т. е. жителей Софийской стороны.

Торговая сторона делилась на два конца: Славенский и Плотницкий. Оба конца получили название от урочищ: урочище «Славно» находилось в южной части Торговой стороны, урочище «Плотники» — в северной. Первые сведения об урочище «Славно», в новгородских летописях имеются уже под 1105 г., где сказано: «и погореша хороми от ручья мимо Славьно, до святого Илие»[6]. Под 1202 г. летопись сообщает о постройке каменной церкви Ильи, указывая ее местоположение, «... на хълме, коньць Славьна...»[7]. Церковь Ильи сохранилась до наших дней, она действительно стоит на холме, размеры которого очерчиваются в результате археологических раскопок А. В. Арциховского[8] и многочисленных наблюдений за зем-

[1] И. И. Красов. О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1851; П. Гусев. Новгородский детинец. Изображение на иконе Михайловской церкви. СПб., 1913; А. В. Арциховский. Городские концы в древней Руси. ИЗ, 16, 1945, стр. 313; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1955.

[2] В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962.

[3] «Търговни полъ», по-видимому, имеется в виду, что сгорела половина Торговой стороны, половина к северу от ручья осталась. НПЛ, М.— Л., 1950, стр. 23.

[4] Там же, стр. 366.

[5] Там же, стр. 508.

[6] Там же, стр. 19.

[7] Там же, стр. 45.

[8] А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, 11, 1949. стр. 119—151.

ляными работами [9]. Следовательно, церковь Ильи и холм служат указателем южной границы «Славно» (рис. 1, *2*). Необходимо определить, чем ограничивалось урочище «Славно» на севере.

Под 1152 г. летопись вновь сообщает, что загорелась церковь Михаила в середине торга и сгорел весь торг и дворы «...до ручья, а семо до Славь-

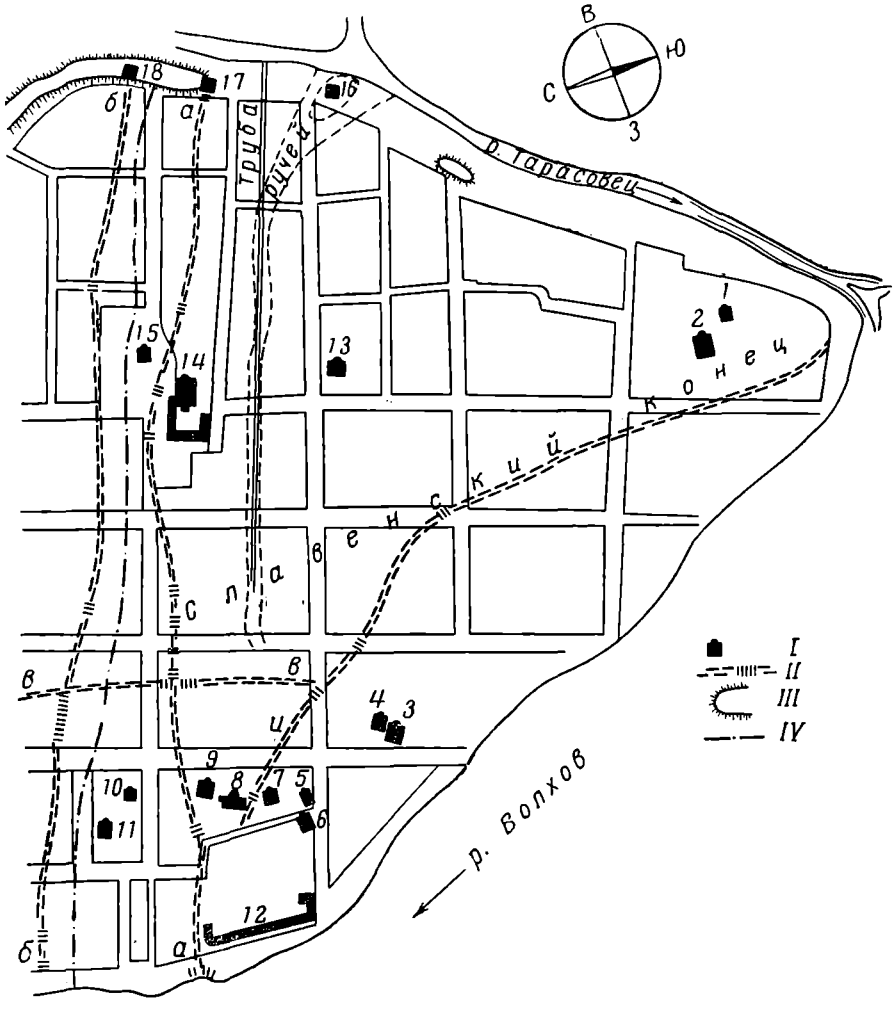


Рис. 1. Примерная территория Славенского конца

I — архитектурные памятники:

1 — церковь Петра и Павла на Славне; *2* — церковь Ильи на Славне; *3* — церковь Михаила архангела; *4* — церковь Благовещения; *5* — церковь Прокопия; *6* — церковь жен мироносиц; *7* — церковь Николы на Дворище; *8* — церковь Параскевы Пятницы; *9* — церковь Успения на Торгу; *10* — церковь Георгия на Торгу; *11* — церковь Иоанна на Опоках; *12* — аркада кирпичная XVIII в. (остатки торговых рядов); *13* — церковь Филиппа; *14* — Знаменский собор; *15* — церковь Спаса на Ильине улице; *16*, *17* и *18* — остатки каменных башен Окольного города

II — древние улицы:

а — а — Ильина; *б — б* — Лубяница; *в — в* — часть улицы Большой Московской дороги; *г — г* — Славная

III — земляной вал Окольного города

IV — примерная граница Славенского и Плотницкого концов

на...» [10]. Таким образом, здесь пожар распространялся к северу от церкви Михаила до ручья, т. е. до Федоровского ручья, и на юг до «Славно». Каменная, более поздняя церковь Михаила, которая стоит на месте древней, сохранилась до наших дней в южном конце современной Московской улицы (рис. 1, *3*). Обратим внимание на тот факт, что торг здесь упоминается еще как самостоятельное урочище. Под 1181 г. летопись сообщает о пожа-

[9] Холм, или возвышение, имеет округлую форму диаметром около 170 м и высотой не более 8 *м* над весенним уровнем воды в Волхове.

[10] НПЛ, стр. 29.

ре «на Славне в Коснятине дворе» [11]. Под 1231 г. летопись впервые упоминает Славенский конец, где сказано: «...и погоре вьсь коньць Славьньскыи оли и до конца хълма, мимо святого Илию» [12]. В сообщении летописи под 1250 г. уже вырисовывается северная граница урочища «Славно»; там сказано: «погоре Славно от святого Ильи до Нутной улици» [13]. Нутная улица известна по археологическим наблюдениям за земляными работами, она проходила в районе южной стороны Суворовской улицы [14]. Под 1275 г. в летописи вновь сообщается, что погорел торг «...и до Славна, а семо и до Рогатице» [15].

Под 1345 и 1369 гг. в летописи имеются записи о пожаре Славенского конца, и в обоих случаях северная граница конца не распространяется дальше Нутной улицы [16]. Во всех последующих сообщениях новгородских летописей мы также не найдем ни одного случая, где бы северная граница урочища «Славно» распространялась дальше древней Нутной улицы, вернее севернее русла понижения или ручья, обнаруженного нами при наблюдениях за земляными работами (рис. 1) [17].

Из приведенных письменных источников и материалов наших наблюдений совершенно четко очерчивается урочище «Славно», которое фигурировало в летописи до образования Славенского конца. Северной границей Славно служило русло данного ручья. Западная граница Славно шла восточнее древнего торга, в центре которого стояла церковь Михаила, т. е. около юго-западного угла улиц Суворовской и Кировской. К югу Славно распространялось до ручья Тарасовца и его впадения в Волхов. Здесь поднимался холм, на вершине которого и поставлены сохранившиеся до нашего времени каменные церкви Ильи (XII в.) и Петра и Павла (XIV в.) (рис. 1, *1* и *2*).

Позднее в состав Славенского конца вошла Ильина улица, которая проходила от Торга на восток вдоль северной стороны русла безымянного ручья. В летописи под 1399 г. сказано: «...загореся на Лубянице, и погоре Плотничскыи конець до Федорова ручья, а Славеньскыи конець весь погоре...» [18]. Более определенно граница между Славенским и Плотницким концами указана в писцовой книге XVI в., где все улицы, включая Ильину и к югу до конца Славны, составляют Славенский конец [19] и все улицы, включая Лубяницу и к северу от нее до конца города,— Плотницкий конец [20]. Из описи писцовой книги конца XVI в. следует, что и Ярославово дворище к югу от Ильиной улицы входит в Славенский конец, хотя из более ранних сообщений летописи это не устанавливалось (рис. 1).

Рассмотрим материалы по топографии урочища «Плотники», от которого получила название северная часть Торговой стороны города. Первое известие летописи об урочище «Плотники» относится к 1197 г., где сказано, что «поставп монастырь святыя Еуфимия в Плътьниких» [21]. Но известно, что ручей Плотницкий упоминается в летописи уже под 1134 г. Топо-

---

[11] НПЛ, стр. 37.
[12] НПЛ, стр. 71.
[13] НПЛ, стр. 80.
[14] С. Н. Орлов. К топографии Новгорода X—XVI вв. Сб. «Новгород. К 1100-летию города». М., 1964, стр. 279, рис. 2.
[15] НПЛ, стр. 323.
[16] НПЛ, стр. 359, 371.
[17] С. Н. Орлов. Ук. соч., стр. 279, рис. 2. Границы русла древнего ручья типа лимана установлены нами при археологических наблюдениях за земляными работами уже после опубликования данной работы. С постройкой стены Окольного города русло было закрыто со стороны ручья Тарасовца, а вдоль него была проложена дренажная труба. Писцовая книга конца XVI в. упоминает эту «трубу» уже как урочище (см. В. В. Майков. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911, стр. 226). При наших наблюдениях неоднократно обнаружены остатки деревянных дренажных труб в русле ручья (см. рис. 1).
[18] НПЛ, стр. 393.
[19] В. В. Майков. Ук. соч., стр. 221 сл.
[20] Там же, стр. 222.
[21] НПЛ, стр. 43.

графически Плотницкий ручей соответствует Федоровскому ручью. Это название он получил по церкви Федора, впервые построенной, очевидно, еще в XII в. на берегу ручья [22]. Под 1368 г. первая новгородская летопись впервые упоминает Плотницкий конец [23]. Но термин «Плотники» как урочище встречается в летописи и позднее. Выше уже приводилась цитата из первой новгородской летописи, где под 1399 г. четко очерчена южная граница Плотницкого конца, включая древнюю улицу Лубяницу. Там

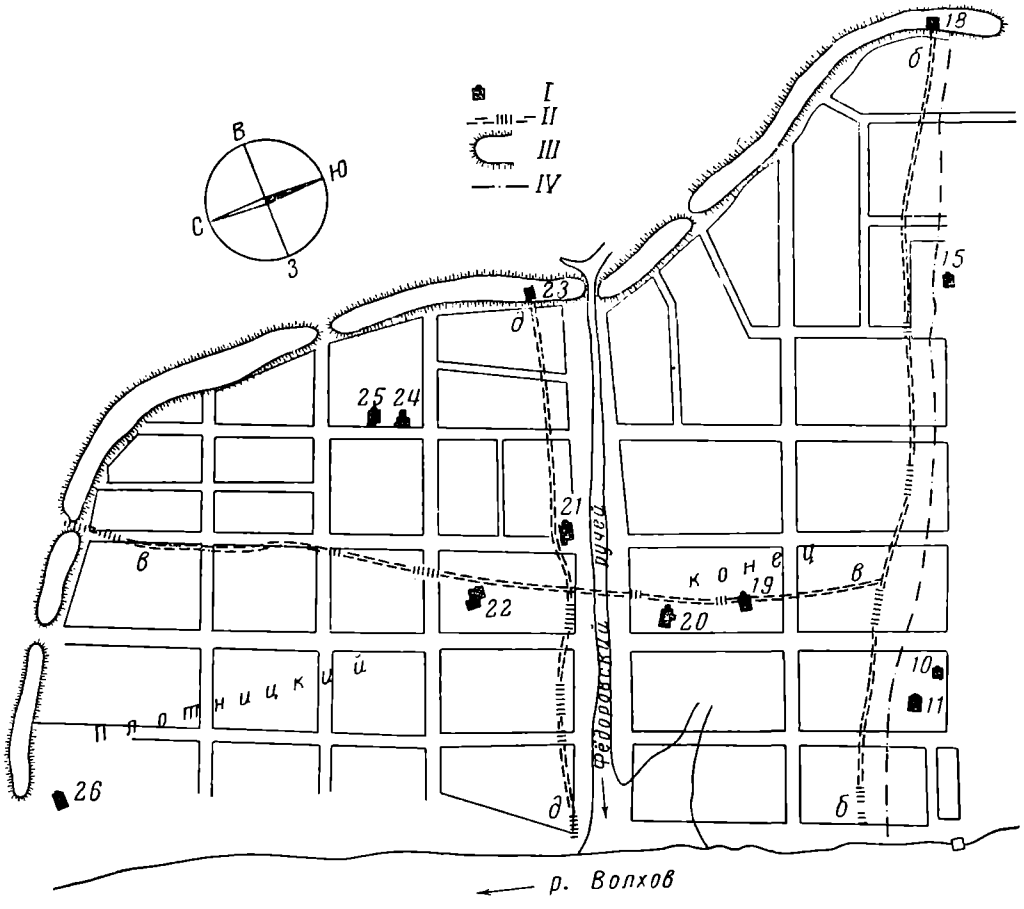


Рис. 2. Примерная территория Плотницкого конца

I — архитектурные памятники:

10 — церковь Георгия на Торгу; *11* — церковь Иоанна на Опоках; *15* — церковь Спаса на Ильине улице; *19* — церковь Климента; *20* — церковь Дмитрия Солунского; *21* — церковь Федора Стратилата; *22* — церковь Никиты мученика; *23* — остатки каменной башни Окольного города; *24* — церковь во имя Собора богородицы в Молотовке; *25* — церковь Рождества богородицы; *26* — церковь Бориса и Глеба в Плотниках

II — древние улицы:

б — б — Лубяница; *в — в* — Большая Московская дорога; *д — д* — Федорова

III — земляной вал Окольного города

IV — примерная граница Плотницкого и Славенского концов

сказано, что загорелось на Лубянице и «погоре Плотничский конець до Федорова ручья». Местоположение улицы Лубяницы сейчас точно известно из археологических наблюдений (рис. 1 и 2, б — б) [24].

Таким образом, здесь летопись определяет направление части Плотницкого конца к северу от современной улицы Первого Мая и до проспекта имени Ю. Гагарина (рис. 2). Северная граница Плотницкого конца ясно определена в летописи под 1368 г., где сказано, что Плотницкий конец сгорел весь от церкви Никиты «до Радоковиць» [25]. Церковь Никиты каменная

---

[22] См. об этом сб. «Новгород. К 1100-летию города», стр. 232, примеч. 134.
[23] НПЛ, стр. 370.
[24] С. Н. Орлов. Ук. соч., стр. 280, рис. 2.
[25] НПЛ, стр. 370.

сохранилась на проспекте им. В. И. Ленина, а урочище «Радоковицы» граничит с линией Окольного города на берегу Волхова, где стоит до сих пор церковь Иоанна Богослава. Эту же мысль летописец отразил и в сообщении под 1403 г., а именно: «Погоре Плотничьскыи конець до Славкове улице, а Рогатица до Еупатья святого, а Лубяниця до святого Лукы, а Славеньскыи весь конець...» [26]. Славкова улица проходила южнее Коржевой и хорошо зафиксирована при наблюдениях за земляными работами [27]. Пожар со Славковой перекинулся на восточный конец улицы Рогатицы, так как в центральной части Рогатица была значительно удалена от Славковой. От Рогатицы пожар пошел вдоль стены Окольного города к югу на Лубяницу и в Славенский конец. Здесь летописец вновь очень четко очерчивает границу между Плотницким и Славенским концами, которая проходила между улицами Лубяницей и Ильиной.

Подводя итоги, мы можем с уверенностью сказать, что граница Славенского и Плотницкого концов четко вырисовывается по письменным источникам, а материалы археологических наблюдений дают возможность определить ее и на площади города. Она проходила между древними улицами Лубяницей и Ильиной в районе северной стороны современной улицы Первое Мая (рис. 1 и 2).

Выше мы уже показали на основании наиболее ранних сообщений летописи, что свои названия Славенский и Плотницкий концы получили от названия урочищ. Границы территории урочища «Славно» нами очерчены уже выше. Здесь необходимо установить район урочища «Плотники», по которому позднее весь конец стал называться Плотницким. Урочище «Плотники» всегда связывается в летописи с территорией севернее, а не южнее Плотницкого ручья [28]. Следовательно, его нужно испомещать на территории от Плотницкого (Федоровского) ручья к северу до вала Окольного города (церковь Бориса и Глеба в «Плотниках») (рис. 2, *26*); западной его границей являлся Волхов. Далеко к востоку его территория не распространялась. Это подтверждается тем, что, например, Ефимиевский монастырь, основанный в 1197 г., указан в летописи в «Плотниках» [29]. Остатки монастыря обнаружены при земляных работах около Волхова, южнее церкви Бориса и Глеба [30]. В то же время Михайлицкий монастырь на Молоткове, основанный также в 1199 г., уже не назывался в «Плотниках» [31]. Очевидно, это урочище туда уже не распространялось.

Материалы, полученные при наблюдениях за земляными работами в этом районе, дают возможность заключить, что древнейшие культурные отложения города здесь наблюдаются вдоль правого берега Плотницкого (Федоровского) ручья, в его нижнем течении, и вдоль берега Волхова на узкой сравнительно полосе от реки на восток, не далее древней Большой Московской дороги. На этом участке, особенно вдоль Федоровской улицы, толщина культурного слоя достигает 4 *м* и нижние слои относятся ко времени не позднее XI в. (рис.2, д — д). Наличие большого лимана в устье Плотницкого ручья при впадении его в Волхов (что доказано археологическими наблюдениями за земляными работами), по-видимому, в очень ранний период превратило это место в хорошую стоянку плотов с лесом, которые пригоняли по воде для нужд города. Плотники, древодельцы и должны были поселиться поближе к этой «лесной бирже». При наблюдениях за земляными работами обнаружены материалы, свидетельствующие о том, что на южной стороне лимана, в устье ручья, находились судостроительные и судоремонтные мастерские (рис. 2) [32]. Десятки раз в толще

[26] НПЛ, стр. 397.
[27] С. Н. Орлов. Ук. соч., стр. 281, рис. 2.
[28] НПЛ, стр. 99.
[29] НПЛ, стр. 43.
[30] С. Н. Орлов. Ук. соч., стр. 284, рис. 2.
[31] НПЛ, стр. 44.
[32] С. Н. Орлов. Новая находка деталей корабля XII в. в Новгороде. СА, 1959, 4, стр. 207.

культурного слоя Новгорода наблюдались при земляных работах остатки бревен с проушинами, которые служили для скрепления их в плоты при транспортировке. Слава о новгородских плотниках широко была известна в древней Руси, о чем свидетельствует рассказ летописца под 1016 г., когда киевляне дразнили новгородцев «плотниками». О том, что лес пригоняли в Новгород плотами, известно из таможенной грамоты 1571 г.[23] и из архивных документов XVII в.[34]. Акад. М. Н. Тихомиров пришел к выводу, что пристани для судов и стоянки для плотов были именно на Торговой стороне[35].

Что касается части Плотницкого конца, расположенной к югу от Федоровского ручья, то не может быть сомнений в том, что его прибрежный район, так же как и прибрежная часть Славенского конца, были заселены в древнейший период возникновения города, т. е. не позднее середины X в. Об этом свидетельствуют остатки могильника с трупосожжением, открытого на территории Ярославова дворища между церквями Николы и Параскевы[36], а также материалы наблюдений за земляными работами. В XI в. город охватывал северную набережную Федоровского ручья и прибрежную часть р. Волхова. Это подтверждается и тем, что уже в XII в. на этой территории были построены три церкви: Федора на ручье, Ефимия в Ефимиевском монастыре[37] и Рождества богородицы в Михайлицком монастыре[38]. Кроме того, из сообщения летописи о пожаре под 1134 г. ясно следует, что сгорела только половина Торговой стороны от Плотницкого конца к югу до Славенского холма, а расположенная к северу от ручья половина города от пожара уцелела[39].

Перейдем к рассмотрению топографии Софийской стороны. Софийская сторона, как известно, делилась на три конца: Неревский, Людин или Гончарский и Загородский. Территория детинца не входила ни в какой из этих концов, хотя берег Волхова напротив северной части детинца, так называемый «Владычный островок», ранее включался в территорию Неревского конца, а позднее — Загородского[40]. Неоднократные летописные сообщения четко определяют границы между концами.

Неревский конец распространялся к северу от детинца и Чудинцевой улицы (рис. 3). В. Л. Янин Чудинцеву улицу включает в Неревский конец[41]. Это не подтверждается ни одним летописным сообщением. Летописи, говоря о пожарах в Неревском конце, всегда указывают или до Чудинцевой улицы, или от нее, об этом же свидетельствует и сообщение летописи под 1177 г., на которое ссылается В. Л. Янин[42].

Первое летописное сообщение о Неревском конце относится к 1067 г. Под 1172 г. летопись сообщает уже о постройке каменной церкви Якова в Неревском конце, которая находилась около юго-западного угла современных улиц Дмитриевской и Мининской.

Более подробно здесь следует остановиться на северной границе Неревского конца. Письменные источники в сочетании с археологическими наблюдениями за земляными работами позволяют сделать вывод, что территория Неревского конца не ограничивалась валом Окольного города, а распространялась дальше на север, вдоль берега Волхова, вплоть до устья р. Гзени (рис. 3). Новгородские летописи, многократно описывая события

[33] М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 309.

[34] С. Н. Орлов, А. В. Воробьев. Оборонительные укрепления древнего Новгорода. Новгород, 1959, стр. 43.

[35] М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии, стр. 309.

[36] А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. МИА, 55, стр. 11 сл.

[37] НПЛ, стр. 43.

[38] НПЛ, стр. 44.

[39] НПЛ, стр. 23.

[40] НПЛ, стр. 94; В. В. Майков. Ук. соч., стр. 102.

[41] В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 170, примеч.

[42] Церкви Иоанна и Симеона находились на северной стороне Чудинцевой улицы, и их остатки обнаружены при наблюдениях за земляными работами (С. Н. Орлов. К топографии Новгорода..., рис. 1).

в Неревском конце, включают в него территорию севернее земляного вала и до Гзени. Например, в 1383 г. горели церкви Лазаря и Петра в Неревском конце; в 1406 г. построена каменная церковь Петра и Павла в Неревском конце «в Панской улицы за большим валом» [43]. А под 1391 г. сообщалось о пожаре, во время которого сгорели дома от Борковой улицы и до Гзени [44]. О пожаре, который уничтожил Неревский конец «от святого Володимера и до Гзени», рассказывает летопись под 1414 г. [45].

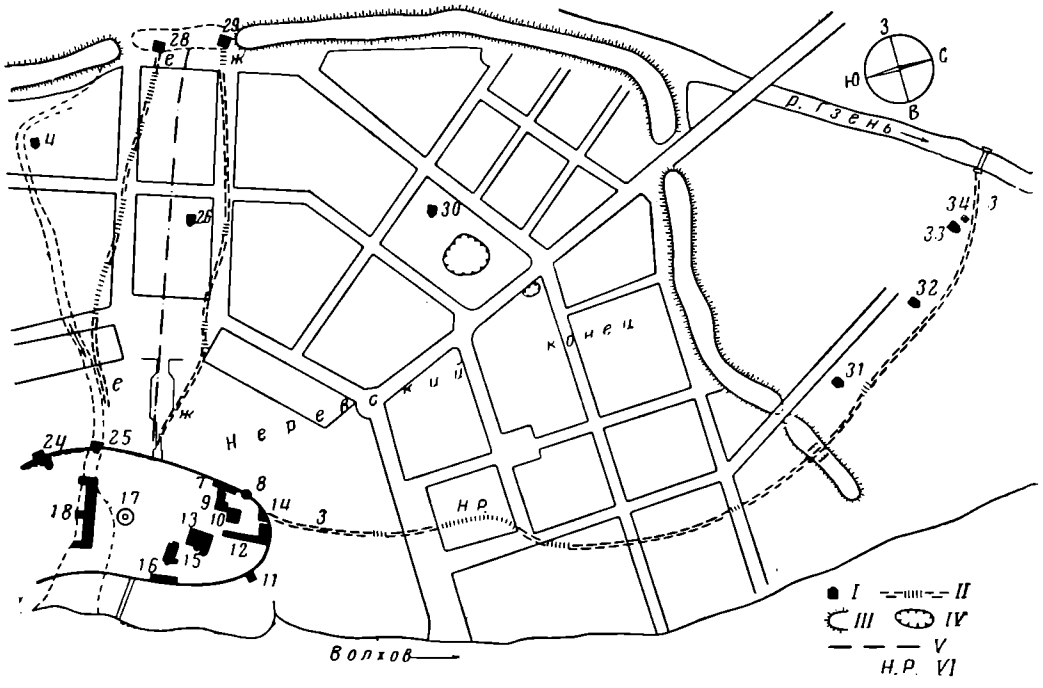


Рис. 3. Примерная территория Неревского конца

I — архитектурные памятники:

4 — церковь Двенадцати апостолов; *7* — Лихудов корпус и архиепископский дворец; *8* — Митрополичья башня; *9* — Евфимиевская часозвоня; *10* — Грановитая палата; *11* — Владимирская башня; *12* — Никитский корпус; *13* — Софийский собор; *14* — Федоровская башня; *15* — церковь Входоиерусалимская; *16* — звонница Софийская; *17* — памятник 1000-летия России; *18* — здание присутственных мест; *24* — башня Покровская; *25* — башня Златоустовская; *30* — церковь Федора Стратилата на Щеркове улице; *31* — церковь Петра и Павла в кожевниках; *32* — церковь Николы Белого; *33* — церковь Покрова Зверина монастыря; *34* — церковь Симеона богоприимца Зверина монастыря

II — древние улицы:

е — е — Чудинцева; *ж — ж* — Легоща; *з — з* — Великая

III — земляной вал Окольного города

IV — древние котлованы

V — примерная граница между Неревским и Загородским концами

VI — место Неревского раскопа

Во II и III новгородских летописях под 1552 и 1572 гг. церковь Николы Белого также считается в Неревском конце [46]. Археологические наблюдения за земляными работами подтверждают сообщения летописей. В нашей работе показано, что Великая улица в ее древнем направлении до XVI в. тянулась вдоль Волхова дальше Окольного города (рис. 3) [47]. Культурные отложения древнего города с мощным слоем органических остатков тянутся вдоль поймы Волхова к северу от остатков рва Окольного города вплоть до р. Гзени.

Древность заселения Неревского конца доказана археологическими раскопками А. В. Арциховского. На основе дендрохронологии удалось дати-

[43] II и III новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 251.

[44] Там же, стр. 247.

[45] НПЛ, стр. 205. Под «Володимером» имеется в виду Владимирская башня детинца.

[46] II и III новгородские летописи, стр. 84, 118.

[47] С. Н. Орлов. К топографии Новгорода..., стр. 269, рис. 1.

ровать самую нижнюю деревянную мостовую Великой улицы на Неревском раскопе 953 г.[48]. По-видимому, в X в. городское поселение распространилось уже вдоль левого берега Волхова к северу до устья р. Гзени. Датирующих находок из культурных отложений этого района мы не имеем, но вывод может быть подтвержден многочисленными древними церквями, которые здесь возникли. Например, о церкви Покрова в Зверином монастыре имеются сведения с 1147 г.[49], о церкви Николы Белого — с 1165 г.[50].

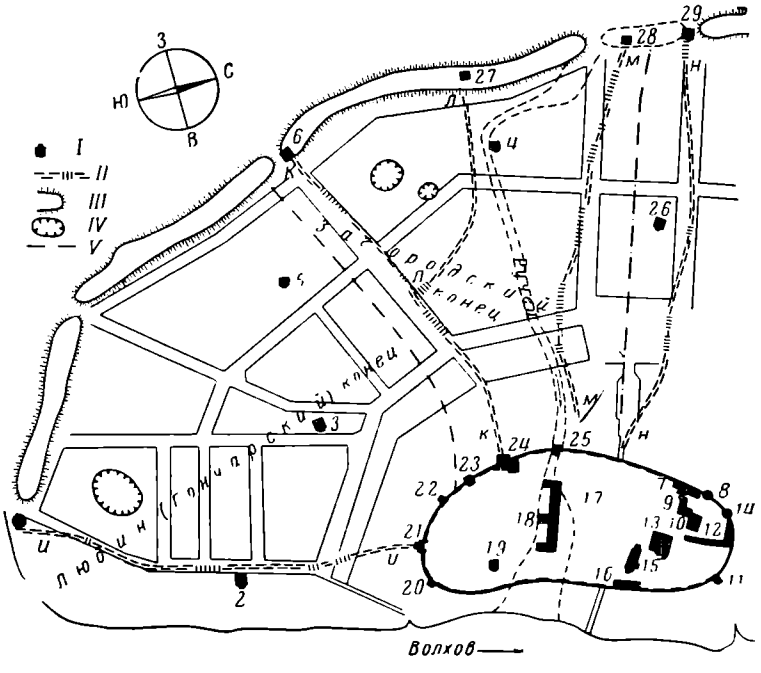


Рис. 4. Примерная территория Людина (Гончарского) и Загородского концов

I — архитектурные памятники:

1 — Белая башня; *2* — церковь Троицы; *3* — церковь Власия; *4* — церковь Двенадцати апостолов; *5* — руины церкви Рождества богородицы в б. Десятинном монастыре; *7* — Лихудов корпус и архиепископский дворец; *8* — Митрополичья башня; *9* — Евфимиевская часозвоня; *10* — Грановитая палата; *11* — Владимирская башня; *12* — Никитский корпус; *13* — Софийский собор; *14* — Федоровская башня; *15* — церковь Входоиерусалимская; *16* — звонница Софийского собора; *17* — памятник 1000-летия России; *18* — здание присутственных мест; *19* — церковь Андрея Стратилата; башни; *20* — Дворцовая; *21* — Спасская; *22* — Княжая; *23* — Кукуй; *24* — Покровская; *25* — Златоустовская; *27*, *28* и *29* — остатки каменных башен Окольного города

II — древние улицы:

и — *и* — Пробойная; *к* — *к* — Прусская; *л* — *л* — Рогавка; *м* — *м* — Чудинцева; *н* — *н* — Легоща

III — земляной вал Окольного города

IV — древние котлованы

V — примерные границы между Людиным (Гончарским), Загородским и Неревским концами

Позднее в этом районе известны церкви Петра и Павла в Кожевниках, Лазаря, Бориса и Глеба, Симеона Столпника и др. Писцовая книга конца XVI в. район между валом Окольного города и Гзенью описывает как продолжение Неревского конца без каких-либо оговорок[51]. Из всего сказанного следует, что северная граница Неревского конца определялась устьем р. Гзень. Северная граница Окольного города в прибрежной части, по-видимому, прошла вдоль русла Неревского ручья, который упоминается летописью[52].

[48] Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода. СА, 1962, 1, стр. 137.
[49] НПЛ, стр. 28.
[50] II и III новгородские летописи, стр. 193.
[51] В. В. Майков. Ук. соч., стр. 52—87.
[52] НПЛ, стр. 41 и 233.

Людин конец, или в более позднем названии — Гончарский, располагался к югу от детинца и линии Прусской улицы (рис. 4). Он по праву относится исследователями к древнейшим районам Новгорода. Эту мысль неоднократно подчеркивал и М. Н. Тихомиров [53]. На территории Людина конца существовало большое число церквей, которые возникли в древнейший период города. Возникновение церкви Власия, например, относят ко времени появления христианства [54]. Церковь Троицы известна по летописи с 1165 г., церковь Якова на Добрыниной улице — с 1181 г., Варваринский монастырь — с 1138 г., церковь Луки — с 1194 г., церковь Василия Кесарийского — с 1151 г. Возникновение же перечисленных церквей, очевидно, относится к еще более раннему периоду. В 1185 г. жители Лукиной улицы Людина конца заложили церковь Петра и Павла на Синичьей горе, уже за пределами конца. Все это свидетельствует о древности и густоте заселения этой части города. Впервые Людин конец упомянут в летописи под 1194 г. Северо-западная граница конца определялась линией Прусской улицы, но последняя не входила в Людин конец. Об этом достаточно ясно свидетельствуют политические события 1218—1220 гг. [55].

Южная граница конца не ограничивалась линией Окольного города. Так, под 1195 г. в летописи говорится о закладке каменной церкви Воскресения в Людином конце на Мячине [56]. К Людину концу относилась и церковь Алексея [57], которая находилась южнее рва окольного города. Писцовые книги конца XVI в. включали в опись Гончарского конца, как он тогда назывался, все улицы посада, которые находились к югу от рва Окольного города [58].

Археологические раскопки на территории Людина конца не проводились, но наблюдения за земляными работами дали большой материал для характеристики культурного слоя и топографии. Мощный культурный слой толщиной до 4—5 *м* с наличием керамики X в., с большим количеством органических остатков, залегает вдоль всей южной стороны улицы Труда и западной стороны Пролетарской улицы. При наблюдениях за земляными работами здесь обнаружены остатки древней мощеной улицы, которая шла от детинца на юг вдоль Волхова. Это — магистральная Пробойная улица, аналогичная Великой улице Неревского конца; она давала начало пути на Руссу и Псков (рис. 4, п — п). В более поздних письменных источниках эта улица называлась Пробойная-Ямская. Этот факт дает основание предположить, что в данном районе имеются слои, относящиеся к древнейшей поре возникновения Новгорода.

Гончарским конец стал называться позднее, впервые в 1360 г., в XV—XVI вв. он упоминается в летописях не менее шести раз [59]. Название «Гончарский», по-видимому, в этот период оправдано. Здесь действительно было сосредоточено гончарное производство. При наблюдениях за земляными работами обнаружены огромные котлованы в юго-западной части территории конца, из которых, очевидно, брали глину (рис. 4). Глина на месте котлованов содержит большую примесь песка, т. е. она не очень жирная и, следовательно, вполне годна для гончарного производства.

Пятый конец Новгорода — Загородский (рис. 4). Все исследователи отмечают, что Загородский конец появился позднее остальных четырех концов. На это имеются прямые указания письменных источников. Впервые термин «Загородский конец» назван в летописи под 1384 г. [60], а его территория в первый раз четко описана в писцовой книге конца XVI в.

[53] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 379—380.
[54] Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. 1, М., 1960, стр. 178.
[55] НПЛ, стр. 58—60.
[56] II и IЦ новгородские летописи, стр. 196.
[57] НПЛ, стр. 351, 460.
[58] В. В. Майков. Ук. соч., стр. 190, 209—211.
[59] А. В. Арциховский. Новгородские ремесла. НИС, 6, Новгород, 1939.
[60] ПСРЛ, IV, стр. 90—91.

Опись писцовой книги включает в Загородский конец дворы по обе стороны Прусской улицы, переулка Рогавки, который шел вправо от Прусской и доходил до вала Окольного города, дворы по обе стороны Чудинцевой улицы и дворы двух переулков: влево от Чудинцевой — к церкви Двенадцати апостолов и вправо — к улице Легощей [61]. Она же причисляет к Загородскому концу дворы на так называемом «Владычном островке», по левому берегу Волхова, напротив детинца, ниже моста через Волхов. Раньше этот участок включался в Неревский конец [62]. Таким образом, писцовая книга впервые дает возможность раскрыть всю территорию Загородского конца. Посмотрим, что туда входило. Прусская улица до XVI в. в новгородских летописях всегда выступает как отдельный, самостоятельный район. То же и с Чудинцевой улицей — она ни разу летописью не включается в состав другого конца. Остаются Рогавка и переулки, которые отходили от Чудинцевой улицы вправо и влево. Расчленив, таким образом, на составные части территорию Загородского конца, мы выясним территорию загадочного «Загородья» и «загородцев», которые также в ранний период выступали самостоятельно. Приведем примеры. Под 1218 г. летописи сообщают об острых классовых противоречиях в Новгороде, которые конкретно проявлялись в борьбе князя с посадником Твердиславом Михайловичем, по-видимому, представителем Прусской улицы [63]. Против Твердислава выступила вся Торговая сторона и Неревский конец. За Твердислава пошли Людин конец и «пруси», т. е. жители Прусской улицы. «...а загородьци,— пишет летописец,— не въсташа ни по сихъ, ни по сихъ, нъ зряху перезора» [64]. Борьба между князем и посадником не закончилась этими событиями и вновь проявилась в 1220 г. На этот раз «загородцы» уже выступают на стороне посадника Твердислава вместе с «пруси» и Людиным концом, но те и другие самостоятельно. Жители Чудинцевой улицы, которые также, как мы видим, не входили ни в один из концов до этого периода, не отмечены в событиях 1218—1220 гг. Но в «Уставе о мостах», в документе XIII в., загородцы и жители Чудинцевой улицы вместе выполняют обязанности по мощению [65]. Из этого можно заключить, что число жителей Загородья в XIII в. было не меньше, чем число жителей Чудинцевой улицы. В. Л. Янин, обращаясь к вопросу о Загородском конце, пишет, что «Загородский конец... является по существу фикцией. В его границы входит обширное пустопорожнее место, занятое на планах XVIII в. огородами и оконтуренное с одной стороны Прусской, а с другой — Чудинцевой улицами» [66]. Мы не можем согласиться с выводами В. Л. Янина. По-видимому, он не обратил внимания на опись писцовой книги XVI в. и слишком доверчиво отнесся к планам XVIII в. Как видно из описи писцовой книги, район между Прусской и Чудинцевой улицами был густо заселен [67]. Материалы, полученные при археологических наблюдениях за земляными работами на территории Загородского конца, в сочетании с описью писцовой книги XVI в. дают возможность обнаружить загадочных загородцев и полнее раскрыть топографию данного участка города. Остатки деревянных мостовых Прусской улицы обнаружены в шести местах вдоль северной стороны улицы Желябова. Направление Прусской улицы выяснено на всем ее протяжении. Улица была густо заселена. К востоку от Десятинной улицы толщина культурного слоя достигает 4—5 *м*, в нижней части он густо насыщен органическими остатками (рис. 4, к, к).

[61] В. В. Майков. Ук. соч., стр. 88—101, 102.

[62] НПЛ, стр. 94.

[63] А. В. Арциховский посадника Твердислава считает «гражданином Людина конца». С этим соглашается и В. Н. Бернадский (см. В Н. Бернадский. Новгородский посадник Степан Твердиславич. Уч. зап. ЛГУ, 95, серия ист. наук, 15, стр. 27).

[64] НПЛ, стр. 58.

[65] НПЛ, стр. 507.

[66] В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 170.

[67] В. В. Майков. Ук. соч., стр. 92.

Чудинцева улица также выявлена на всем ее протяжении от Малого земляного города до вала Окольного города. Улица была густо заселена, но толщина культурных отложений здесь меньше, чем на Прусской.

На планах XVIII в. действительно между этими улицами показан пустырь. Вдоль вала Окольного города расстояние между Чудинцевой и Прусской улицами достигает около 600 *м*. К западу от Десятинной улицы на всем этом пространстве действительно очень незначительные культурные отложения. Это объясняется тем, что к югу от Чудинцевой улицы, около вала Окольного города, находился большой заболоченный участок, что установлено при наблюдениях. Церковь Двенадцати апостолов, сохранившаяся здесь до наших дней, стоит на «пропастех», на краю рва (рис. 4, *4*). Как выяснено при наблюдениях за земляными работами, ров представляет собою остатки русла речки или ручья, который тянулся на восток через весь конец, протекал через детинец и впадал в Волхов. Устье ручья и сейчас заметно внутри Кремля, у Боярских водяных ворот. Участок вдоль вала к югу от церкви Двенадцати апостолов изрыт котлованами, из которых, очевидно, брали глину для гончарного производства; культурные отложения здесь очень незначительны. Застройка, по-видимому, шла до линии Окольного города только вдоль улицы Рогавки, что видно из описи писцовой книги[68]. Пространство же к востоку от Десятинной улицы между руслом ручья, Чудинцевой улицей и до современной улицы Труда было густо заселено, что подтверждается наблюдениями за земляными работами и в какой-то мере описью писцовой книги. Еще более густая заселенность Загородья с древнейших времен была на участке к востоку от улицы Десятинной до улицы Труда и севернее улицы Желябова до русла древнего ручья. Здесь в котловане, в 90 *м* западнее улицы Труда, нами обнаружены остатки мощенной деревом улицы, которая отходила к северо-западу от древней Прусской улицы (рис. 4, *л — л*). Толщина культурного слоя здесь достигает 4 *м*, из них 2,5 *м* древних отложений с органическими остатками. Прослеживалось не менее 13 ярусов деревянных мостовых улицы[69]. Судя по описи писцовой книги, остатки открытой улицы принадлежат Рогавке, которая там названа переулком. Рогавка доходила до вала Окольного города и привальные дворовые места ее отошли под городовую меру[70]. По описи писцовой книги на Рогавке в конце XVI в. числилось около 40 дворовых мест. По той же описи около 26 дворовых мест и 12 келий находилось в переулке, который отходил от Чудинцевой улицы в сторону церкви Двенадцати апостолов. Таким образом, только в двух переулках Загородья в конце XVI в. насчитывалось около 70 дворовых мест. Надо думать, что в XIII—XIV вв. густота населения здесь была больше. В XVI в. здесь был расположен владычный сад размером 62 × 39 саженей и владычный огород, который находился к югу от Чудинцевой улицы и имел размеры 60 × 25 сажен[71]. Ранее, вероятно, эти площади также были заселены. По обеим сторонам Чудинцевой улицы по описи писцовой книги в конце XVI в. числилось около 80 дворовых мест. Таким образом, только в двух переулках и Чудинцевой улице Загородского конца в XVI в. имелось около 200 дворовых мест.

В XIII—XVI вв., очевидно, количество дворов на этих же участках было еще больше, о чем свидетельствуют значительные площади, занятые садами и огородами. Эти 200 дворов и были той силой «загородцев», которая, конечно, интересовала посадника Твердислава в борьбе с князем в 1218—1220 гг. В ранних сообщениях летописи этот район и выступает

[68] В. В. Майков. Ук. соч., стр. 92—93.

[69] С. Н. Орлов. К топографии Новгорода..., стр. 273, рис. 1.

[70] В. В. Майков. Ук. соч., стр. 92—93; С. Н. Орлов. К топографии Новгорода..., стр. 273, рис. 1. Улица Рогавка в западном конце условно была проведена севернее церкви Двенадцати апостолов. Вновь полученные материалы наблюдений за земляными работами дают возможность уточнить ее направление. Улица, по-видимому, подходила к башне Окольного города (рис. 4 л.л).

[71] В. В. Майков. Ук. соч., стр. 98—100.

как урочище под названием «Загородье». Что именно данная территория называлась «Загородьем», подтверждается летописным сообщением о сооружении вала Окольного города. Под 1372 г. в Новгородской первой летописи сказано: «Того же лета копаша ров около Людина конца и Загородья и Неревьского конца». Название урочища и было перенесено на название конца.

В XV в. оплотом Загородского конца была Чудинцева улица. Это видно из того, что на кончанской печати изображался Николай чудотворец, патрон Николаевского Загородского монастыря[72]. Данный монастырь находился на продолжении Чудинцевой улицы за валом Окольного города, что устанавливается из письменных источников, а именно: под 1390 годом летопись сообщает, что Николаевский монастырь был заложен «...конець Люгощи улице и Чюдинцеве на скуделници»[73]. Под 1398 годом говорится о постройке каменной церкви Николы в этом монастыре. А под 1418 годом летопись описывает возмущение новгородцев и разгром боярских дворов на Чудинцевой улице. Разграблению подвергся и «монастырь святого Николы на поле»[74]. Сообщение летописи о закладке скудельницы под 1230 г., на месте которой и был поставлен данный монастырь, прямо указывает, что скудельница заложена «...на поли, коньцъ Чюдиньчъеве улици...»[75]. Опись писцовой книги уточняет расположение монастыря: Никольский монастырь указывается в Чудинцевом заполье, т. е. за пределами Окольного города[76]. Остатки Никольского монастыря обнаружены Б. К. Мантейфелем в конце современного проспекта К. Маркса в 700 *м* к западу от внешней линии вала Окольного города[77].

Остатки Чудинцевой и Легощей улиц обнаружены при наблюдениях за земляными работами. Видно, что в западной части, перед Окольным городом улицы близко подходили друг к другу, а за Никольским монастырем, по-видимому, они сходились вместе, давая начало пути на запад в чудь, к Нарве (рис. 4).

Никольский монастырь был опорой бояр Чудинцевой улицы. О причине разгрома монастыря восставшими новгородцами летопись говорит: «зде житнице боярьскыи».

В данной статье мы не рассматриваем вопрос о времени появления административного значения концов в государственном устройстве новгородской вечевой республики. В ранний период истории Новгорода концы представляли собой естественные части города; они возникали вдоль основных магистральных улиц, которые за пределами посада давали начало внешним путям. Например, вдоль Неревского конца шла Великая улица, открывавшая путь к устью Невы. Вдоль Людина конца шла Пробойная улица, дающая начало пути на Руссу и Псков. С Чудинцевой, Легощей и Прусской улиц начинался путь в Прибалтику, к Нарве. На торговой стороне вдоль Славенского конца шла Славная улица, выводившая на городище (рис. 1). Через Плотницкий конец прошли Плотницкая улица позднее известная как Московская Большая дорога и путь по правому берегу Волхова к Ладоге. Концы как административные единицы возникли в результате развития вечевого строя в городе и связаны с правами и обязанностями горожан.

---

[72] А. В. Арциховский. Городские концы в древней Руси, стр. 3—13; В. Л. Янин. Ук. соч., рис. 10, *4*.

[73] НПЛ, стр. 383.

[74] НПЛ, стр. 409.

[75] НПЛ, стр. 71.

[76] В. В. Майков. Ук. соч., стр. 151—152, 158.

[77] См. Архив Б. К. Мантейфеля, 1949 год, стр. 51—52. (Архив хранится в Ленинграде в Географическом обществе).

Л. И. ТАРАСЮК

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО РУЧНОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ XVI—XVII вв.

I

В источниках и исследованиях по истории русского оружия встречается еще немало оружейных терминов, происхождение и точный смысл которых до сих пор остаются неясными как для историков военного искусства, так и для филологов. Такие пробелы в наших познаниях выражаются, прежде всего, в отсутствии отчетливого представления о конструктивных, особенностях обозначенного определенным термином оружия и, следовательно, в незнании его боевых возможностей, а это, в свою очередь, затрудняет понимание техники применения такого оружия и оценку тактики вооруженных им бойцов. С другой стороны, неточное представление о значении оружейных терминов часто препятствует полноценному анализу тех документальных источников по истории оружия и военного искусства, в которых такие термины встречаются.

К числу наименований старинного оружия, долгое время получавших в научной литературе либо неточное, либо неверное объяснение, относится и термин «самопал». По вопросу о значении этого слова подавляющее большинство историков, археологов и оружиеведов сходится в том, что оно служило общим названием всех видов ручного огнестрельного оружия типа пищали. Впервые эта точка зрения была выдвинута еще А. В. Висковатовым [1], а затем повторена И. П. Борисевским [2] и П. фон Винклером [3]. В том же плане высказался Н. Е. Бранденбург, считавший, что термин «самопал» «...не обозначал собою какого-либо особого класса пищалей, с теми или другими особенностями, а ...служил общим обозначением оружия, из которого „палили“» [4]. Практически провел это положение Г. Д. Филимонов в составленном под его руководством каталоге Оружейной Палаты [5]. В этом издании под названием «самопалы» описаны различные виды и типы огнестрельного оружия, независимо от того, как они были определены в документах XVII в., причем никаких критериев своей классификации составители каталога не привели.

В ряду аналогичных, по существу, высказываний дореволюционных ученых, затронувших вопрос о значении термина «самопал», особняком стоит точка зрения А. Ф. Вельтмана, возглавлявшего в середине XIX в. музей Оружейной Палаты. По мнению А. Ф. Вельтмана, самопал — это «пищаль с замком и огнивом, называлась так в отличие от пищали, зажи-

[1] А. В. Висковатов. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, I, СПб., стр. 73—74, Приложения, стр. XCVII, примеч. 145.

[2] Военный энциклопедический лексикон, XI, СПб., 1856, стр. 630.

[3] П. фон Винклер. Оружие. СПб., 1894, стр. 353 сл.

[4] Н. Е. Бранденбург. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея, I, СПб., 1877, стр. 245—246.

[5] Опись Московской Оружейной Палаты, 5, кн. 4, М., 1885, стр. 5 сл.

гаемой фитилем или пальником»[6]. Отсутствие аргументации в этом лаконичном определении не позволяет судить о том, является ли оно результатом изучения термина, а также сопоставления вещественных и письменных памятников, или же интуитивной догадкой, подсказанной многократными упоминаниями о «самопалах с замками» в старинных документах. Как бы то ни было, А. Ф. Вельтман наметил новый путь в решении «проблемы самопала», однако его точка зрения не привлекла серьезного внимания и не была разработана. Дважды это мнение было просто пересказано[7], а внешне примкнувший к нему П. И. Савваитов даже затемнил первоначальный смысл, так как, плохо разбираясь в терминах и устройстве оружия, приписал огниву искрового замка функцию фитильного курка (жагры)[8].

Из советских историков серьезную попытку разобраться в некоторых оружейных терминах XVI—XVII вв. сделал С. К. Богоявленский. Однако и он не пришел к принципиально новым выводам относительно самопала, примкнув к точке зрения большинства. По мнению этого исследователя, «пищалью или самопалом называли всякое ружье, если оно не было мушкетного или карабинного типа»[9]. Известный оружейник и военный историк В. Г. Федоров усматривал в самопалах только образцы ручного огнестрельного оружия, называемые так «в отличие от неогнестрельных самострелов»[10]. К неоправданно пессимистическому заключению пришел другой историк оружия — С. Л. Марголин, специально изучавший стрелецкое вооружение. Отметив, что основным оружием для стрельцов служили «ручная пищаль, самопал или мушкет, под каким бы из этих имен оно не выступало», автор признает, что «весьма трудно провести границу между значением и временем употребления этих трех наименований ручного огнестрельного оружия[11].

Поскольку недавние работы по русскому оружию[12] совсем не упоминают о самопалах, последним (но не новым и не лучшим) словом историков по этому вопросу приходится считать следующую заметку в энциклопедии: «Самопал — гладкоствольное огнестрельное оружие типа пищали, которое было распространено в России в 15 в. Пищали (см.) малого калибра назывались самопалами, завесными пищалями... или ручницами. Самопалы заряжались с дульной части; воспламенение заряда производилось через затравочное отверстие первоначально раскаленным железным прутом, затем фитильным, а впоследствии кремневым замком»[13].

Попытки объяснить термин «самопал» делались также многими лингвистами и филологами. Однако за исключением И. И. Срезневского[14], повторившего в своем труде точку зрения А. Ф. Вельтмана, до настоящего времени исследователи придерживались возникшей еще в первой половине XIX в. филологической традиции, согласно которой самопалы представляли собой «огнестрельное оружие или пищаль без замка, фитилем запа-

---

[6] А. Ф. Вельтман. Московская Оружейная Палата. М., 1844, стр. 53—54.

[7] Энциклопедический словарь Брокгауза — Ефрона, XXVIII[a], СПб., 1900, стр. 228; И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам, III, СПб., 1903, стр. 251.

[8] П. И. Савваитов. Описание старинных царских утварей... извлеченное из рукописей Архива Московской Оружейной Палаты. СПб., 1865, стр. 237 и 261.

[9] С. К. Богоявленский. Вооружение русских войск в XVI—XVII вв. ИЗ, 1938, 4, стр. 274.

[10] В. Г. Федоров. История винтовки. М., 1940, стр. 25.

[11] С. Л. Марголин. Вооружение стрелецкого войска. Тр. ГИМ, XX, М., 1948, стр. 96 и 102. Подобного же взгляда придерживаются Н. И. Соболев и В. А. Ермолов. Огнестрельное привозное оружие XVI—XVII веков. Гос. Оружейная Палата Московского Кремля. Сб. научн. тр. М., 1954, стр. 389.

[12] М. М. Денисова, М. Е. Портнов, Е. Н. Денисов. Русское оружие XI—XIX вв. М., 1953; Н. И. Гнатовский, П. А. Шорин. История развития отечественного стрелкового оружия. М., 1959.

[13] БСЭ, 38, М., 1955, стр. 20.

[14] И. И. Срезневский. Ук. соч., стб. 251.

ляемое» [15]. Эта мысль, сопровождаемая описанием устройства самопала «ружья фитильного», была высказана и В. И. Далем [16]. Д. Н. Ушаков трактует самопал как «старинное фитильное ружье примитивного устройства, пищаль» [17]. Тринадцатый том академического словаря приводит следующее определение самопала: «старинное гладкоствольное фитильное ружье без замка, похожее на пищаль» [18]. Единственный современный словарь, не упоминающий о фитильном воспламенении, все же обрисовывает самопал чересчур упрощенно как «старинное гладкоствольное огнестрельное оружие, заряжаемое с дула» [19]. Как будет показано ниже, во всех этих описаниях безусловно верно лишь то, что самопал — старинное огнестрельное оружие.

Приходится отметить, что данные филологами определения самопала ни разу не были обоснованы соответствующими примерами из письменных источников, а только иллюстрировались отрывками из произведений художественной литературы XIX—XX вв. Как ни странно, не нашли места в упомянутых работах и какие-либо соображения об этимологии термина или о причинах его возникновения.

Как видно, ни историки, ни лингвисты не раскрыли содержание термина «самопал» и не объяснили убедительным образом причин его бытования наряду с другими названиями ручного огнестрельного оружия. Найти ответ на вопрос, являющийся темой данной статьи, можно только при помощи всестороннего анализа термина «самопал» и упоминающих его письменных источников, с непременным учетом историко-технических факторов, определявших эволюцию ручного огнестрельного оружия в XVI—XVII вв.

II

Среди известных мне письменных источников наиболее раннее упоминание о самопалах содержится в русской повести об осаде Пскова войсками Стефана Батория (август 1581 — январь 1582 г.), написанной, вероятно, вскоре же после осады [20]. В одном из эпизодов повести автор, который сам пережил осаду и с хорошим пониманием военного дела изложил все ее перипетии, говорит, что псковские стрельцы стреляли по осаждающим из «долгих самопалов» [21]. В тот же период слово «самопал» было занесено в так называемый «Парижский словарь московитов», составленный в 1586 г. [22]. Французские мореплаватели, посетившие тогда устье Северной Двины, записали это слово у местных жителей в форме «senapal», являющейся вариантом долго применявшейся в холмогорских говорах формы «санапал» [23]. О том, что последняя равнозначна термину «самопал», свидетельствует большое количество письменных источников [24].

В русских архивных документах термин «самопал» ранее всего встречается в «Описи казны Бориса Федоровича Годунова», составленной

---

[15] П. И. Соколов. Общий церковно-славяно-российский словарь, II, СПб., 1834, стб. 1175; Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук. IV, СПб., 1868, стб. 187.

[16] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, IV, М., 1955, стр. 134.

[17] Д. Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка, IV, М., 1940, стб. 39.

[18] Словарь современного русского литературного языка, 13, М.— Л., 1962, стр. 123.

[19] Словарь русского языка, IV, М., 1961, стр. 26.

[20] Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков. Подготовка текста В. И. Малышева. М.— Л., 1952, стр. 27.

[21] Там же, стр. 88. Под этим выражением следует понимать, по-видимому, пищали для пеших воинов, отличавшиеся большой длиной по сравнению с кавалерийскими «пищалями завесными» (называвшимися также «самопалами съезжими»).

[22] Б. А. Ларин. Парижский словарь московитов. Рига, 1948, стр. 80.

[23] Б. А. Ларин. Русско-английский словарь. Дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959, стр. 67, 205—206.

[24] Б. А. Ларин. Парижский словарь московитов, стр. 80.

в 1588 г.[25] и перечисляющей под особой рубрикой «Самопалы» семь предметов[26].

Из этих данных можно сделать вывод, что к 80-м годам XVI в. самопалы были распространены на обширной части территории Московского государства и не являлись к тому же редкостной новинкой, поскольку они уже состояли на вооружении войсковых стрелков, а также использовались в различных по социальному положению слоях населения. В связи с этим закономерно, кроме того, заключить, что это оружие и его название появились ранее 80-х годов XVI в. и что к этому времени термин «самопал», по-видимому, уже прочно вошел в языковый обиход. Хотя поэтому есть все основания рассчитывать на то, что в дальнейшем среди письменных источников будут обнаружены и более ранние сведения о самопалах, в настоящий момент для исследования достаточно уже даже приведенных данных и того неоспоримого факта, что с начала XVII в. количество упоминаний о самопалах в различных документах неуклонно возрастает.

Наряду с этими соображениями надо отметить, что к последней четверти XVI в. наиболее распространенное на Руси название ручного огнестрельного оружия — «пищаль» — применялось уже более ста лет, а для обозначения артиллерийских орудий это слово привилось еще раньше[27]. По мере развития вооружения язык чутко реагировал на возникновение новых типов оружия созданием соответствующих терминов. В русском языке, в частности, процесс эволюции ручного огнестрельного оружия отразился, например, в красноречивых и понятных терминах «пищаль ручная» («ручница»), «пищаль завесная», «пищаль винтовальная» и т. д. Если наряду со словом «пищаль» с какого-то времени стал применяться термин «самопал», не будет слишком смелым предположение, что он также был обязан своим возникновением появлению нового типа оружия.

Структура и содержание термина «самопал» лингвистически понятны. Вторую его половину составляет корень древнего общеславянского глагола «палить», который, являясь каузативом к глаголу «полъти» (пылать, гореть), выражает понудительную акцию, при которой субъект своим действием принуждает объект пылать, гореть[28]. Значения глагола «палить» в славянских языках идентичны: жечь, сжигать, зажигать, стрелять[29]. Совершенно очевидно, что последнее из указанных значений появилось у глагола «палить» только с появлением и распространением огнестрельного оружия, общее название которого в ряде языков связано с этим глаголом[30].

До появления огнестрельного оружия, когда в качестве ручного метательного оружия применялись луки и арбалеты, их действие очень точно обозначалось глаголом «стрелять», т. е. метать стрелы[31]. Из различных производных от этого глагола особый интерес для данной темы представляет существующее в славянских языках название арбалета — самострел[32]. В то время как в ряде западноевропейских языков название этого

[25] П. И. Савваитов. Ук. соч., стр. 11—47. Издатель неточно датировал ее 1589 г. Датировка была уточнена А. Е. Викторовым в Описании записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584—1725 гг., I, М., 1877, стр. 5.

[26] П. И. Савваитов. Ук. соч., стр. 32—33. Из семи предметов, помещенных в этом разделе, шесть вторично названы самопалами, а один — аркебузой.

[27] А. Н. Кирпичников. Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия. СА, 1957, № 3, стр. 65 сл.

[28] Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.

[29] Украинское и сербско-хорватское *палити*, польское *palić*, чешское *paliti*.

[30] Например, польское *broń palna*, чешское *palna zbrana*. Проникновение в языки нового значения глагола *палить* — стрелять из огнестрельного оружия сопровождалось появлением таких производных слов с соответствующим значением, как *пальнуть, пальба* и т. п.

[31] Украинское *стріляти*, сербско-хорватское *стрељати*, польское *strzelac*, чешское *streliti;* аналогично французское *tirer* (от *trait* — стрела) — первоначально «метать стрелы», впоследствии также «стрелять из огнестрельного оружия».

[32] Украинское *самостріл*, чешское *samostřil*, польское *samostrzał*.

оружия отражает либо составные элементы его конструкции [33], либо способ держания его [34], название арбалета в славянских языках раскрывает один из принципов действия оружия.

Известно, что арбалет принципиально отличается от лука не только ложем и рядом конструктивных изменений, но и специальными механическими приспособлениями для заряжания и производства выстрела. Если весь процесс стрельбы из лука целиком выполнялся стрелком, непосредственно выпускавшим стрелу из своей руки, то арбалетчик получил возможность заранее зарядить оружие в ожидании нужного момента для прицеливания и выстрела, для которого требовалось лишь нажать на спуск. Именно благодаря этому закрепленный и нацеленный арбалет и мог использоваться в западнях без стрелков: это оружие, действительно, само стреляло — пускало стрелу при небольшом рывке за прикрепленный к спуску шнур.

Таким образом, появление нового стрелометного оружия привело к возникновению и специального названия для него, которое в ряде славянских языков отображает специфическую особенность заряженного оружия производить выстрел механическим путем, при минимальном усилии или даже без участия стрелка. Это обстоятельство, а также напрашивающаяся аналогия между структурно и семантически сходными терминами «самострел» и «самопал», уже отмеченное выше появление слова «самопал» при наличии старого термина «пищаль» и, наконец, бесспорное значение глагола «палить»-«поджигать порох заряженного ружья», «стрелять» — все это подтверждает предположение о том, что возникновение термина «самопал» было вызвано появлением нового типа огнестрельного оружия, техника стрельбы из которого значительно отличалась от применявшихся ранее приемов.

Как явствует из самого слова «самопал», в названном так оружии его современники отметили ту особенность конструкции, благодаря которой оружие «палило само», т. е., как сказали бы теперь, автоматически. Что название «самопал» отражает некую автоматику действия, подтверждается вполне понятными примерами употребления этого слова. В. И. Даль отметил в Сибири применение этого названия к ружью для западни, т. е. к оружию, в котором, безусловно, имелось автоматическое воспламенение. В украинском языке «самопал» означало, кроме ружья, ловушку для крупных зверей (вероятно, механический капкан) [35]. В сербско-хорватском языке «самопало» имеет синонимом слово «самокрес», которое означало не только некий «род ружья» [36], но применялось еще и в значении «автоматический пистолет» [37]. В чешском языке слово «samopal» не приобрело явно архаического оттенка, как в большинстве славянских языков, а означает современное оружие, называемое в других европейских языках автоматом или пистолетом-пулеметом; соответственно чешское «samopalnik» («самопальник» в русских документах XVII в.) теперь значит «боец-автоматчик».

Чтобы стало ясным, к каким типам огнестрельного оружия применили в XVI в. название «самопал», уместно привести некоторые существенные данные о развитии ручного огнестрельного оружия этого периода.

Ранние образцы огнестрельного оружия, как известно, не имели механических приспособлений для воспламенения заряда, которое производи-

---

[33] Французское *arbalète*, итальянское *arcobalestro* от латинского *arcus* + *balista* «балиста с луком», английское *cross-bow* — «крестообразный лук».

[34] Немецкое *armbrust* от *Arm* «рука» и *Brust* «грудь»; польское *samostrzał-kusza ręczna* «ручная балиста».

[35] Словарь украинского языка, IV, Киев, 1909, стр. 100.

[36] Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. Rjecnik hrvatskoga ili srpskoga jazika. Dio XIV. Zagreb, 1955, стр. 573, 576.

[37] И. И. Толстой. Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957, стр. 847; ср. J. Dayre, M. Deanović, R. Maixner. Hrvatskosrpsko-francuski rječnik. Zagreb, 1956, стр. 655.

лось вручную раскаленным железным прутом или тлеющим фитилем. Последний способ, терпимый в артиллерии вплоть до конца первой четверти XIX в., в стрелковом огнестрельном оружии являлся огромной помехой для прицеливания. Важным усовершенствованием, устранившим этот недостаток, было изобретение фитильного замка, который появился не позднее начала XV в. [38].

Помимо заряжания оружия, процедура подготовки к стрельбе с применением фитильного воспламенения требовала сначала высечения искр на трут с помощью кремня и огнива, а затем перенесения огня непосредственно на фитиль. Заправив фитиль в серпентину, надо было продергивать его по мере прогорания, а перед выстрелом следовало раздуть тлеющий огонек и открыть полку, после чего уже можно было прицелиться и нажать на спуск. Кроме сложности обращения с фитильным оружием, у него были и другие недостатки, однако простота устройства и дешевизна фитильных замков обеспечили этому оружию длительное существование. Применяясь главным образом для пехотного вооружения, в европейских странах оно полностью вышло из употребления лишь в конце XVII в.

Весьма существенно облегчив прицеливание, фитильный замок, в силу присущих обращению с ним особенностей, не смог разрешить проблему удобного применения огнестрельного оружия на охоте и в кавалерии. Поиски более совершенных методов воспламенения привели на рубеже XV—XVI вв. к изобретению наиболее ранней искровой автоматической системы — колесцового замка, сконструированного, скорее всего, в Италии и впервые зафиксированного в рисунках Леонардо да Винчи [39]. В течение первых двух десятилетий XVI в. механизм колесцового замка был усовершенствован и без принципиальных изменений применялся до середины XVII в., а в Германии даже до второй половины XVIII в.

Действие колесцового замка основано на трении зажатого в курке пирита или кремня о стальное колесико-огниво, проходящее сквозь прорезь полки с затравочным порохом и вращаемое предварительно взведенной пружиной. Высекаемые при этом искры воспламеняют порох на полке, а вспыхнувший огонь через затравку передается заряду. По сравнению с фитильным оружием, процедура подготовки заряженного оружия с колесцовым замком к выстрелу значительно упростилась, так как отпала необходимость предварительно высекать огонь, возиться с фитилем и открывать полочную крышку, которая в колесцовом замке отодвигалась автоматически. Для выстрела практически необходимо было только в зависимости от типа замка либо опустить курок на полку, либо просто откинуть предохранитель. С изобретением колесцового замка к концу первой трети XVI в. были созданы пистолет и карабин — легкое портативное оружие, которое впервые обеспечило постоянную готовность к немедленному выстрелу и нашло широкое применение, прежде всего, у охотников и кавалеристов, несмотря на то, что власти сначала пытались запретить это считавшееся слишком опасным оружие.

Оружие с колесцовым замком знаменовало собой огромный технический прогресс в военном деле, однако механизм замка был довольно хрупок, сложен и дорог, а потому невыгоден для массового применения.

Стремление найти более простой способ автоматического воспламенения привело к созданию другой искровой системы — кремнево-ударного

---

[38] Наиболее раннее известие о фитильном замке содержится в иллюстрированной немецкой рукописи 1411 г., хранящейся в Вене. C. B l a i r. European and American Arms. London, 1962, стр. 41.

[39] A. G a i b i. Appunti sull 'origine e sulla evoluzione meccanica degli apparecchi di accensione delle armi da fucco portatili. «Armi antiche». Bollettino dell'Academia di San Marciano, III, Torino, 1956, стр. 82 сл.; J. F. H a y w a r d. The Art of the Gunmaker, I, London, 1962, стр. 40 сл.; О реконструкции замка и об изображении подобного же механизма в немецкой рукописи 1505 г. (манускрипт Мартина Лёффельхольца): C. B l a i r. A Note on the Early History of the Wheel-Lock. «The Journal of the Arms and Armour Society», III, 9 (March, 1961), стр. 221—256.

замка, сконструированного, вероятно, вскоре после появления колесцовых механизов [40].

О существовании огнестрельного оружия, действующего при помощи «огненного камня» (буквально «ружья с камнем или с мертвым огнем»), свидетельствуют итальянские архивные документы уже с 1522 г. [41]. Возможно, что в некоторых из этих документов, относящихся к первой половине XVI в., речь идет только или преимущественно о колесцовых замках. Определенные упоминания о кремнево-ударных замках содержатся в шведском [42] и итальянском [43] документах 1547 г., а наиболее ранние сохранившиеся образцы замков этой системы датируются серединой XVI в. [44]. К началу последней четверти XVI в. кремнево-ударный замок был уже широко распространен в европейских странах [44], где эта система воспламенения продолжала развиваться и применялась до середины XIX в.

Действие кремнево-ударного замка основывается на имитации движений человека, высекающего огонь с помощью кремня и огнива. Высекаемые искры воспламеняют затравочный порох на полке, с которой совмещена затравка ствола. Производство выстрела из оружия, оснащенного этим механизмом, ограничивалось для большинства типов замков отключением предохранителя и нажимом на спусковой крючок. Сравнительная простота устройства и изготовления кремнево-ударных замков явилась предпосылкой для быстрого и широкого распространения их со второй половины XVI в. не только в охотничьем, но и в боевом оружии, о чем помимо архивных документов [45] свидетельствуют иконографические и вещественные памятники [46].

Наиболее раннее из известных сейчас письменных сообщений об искровых замках — рассказ аугсбургского хрониста Вильгельма Рема [47]. В нем говорилось, как некий Лукас Пфистер в 1515 г. чуть было случайно не застрелил одну девушку: «Он взял в руку заряженное ружье, запал [der zinder] [48] которого был устроен так, что при нажиме огонь сам высекался и тогда ружье стреляло».

В подлинном тексте особенно примечательно выражение «so schlug es selb feur auff», которое переведено в работе К. Блэра «it ignited itself», т. е. «воспламенялся сам». Оборот, который действительно можно точно таким образом перевести на английский и русский языки, содержится в хронологически следующих за приведенным документах.

3 ноября 1517 г. император Максимилиан I издал распоряжение [49], адресованное эрцгерцогству Штирия, запрещающее изготовление и ношение ручного огнестрельного оружия с автоматическим воспламенением, что явно свидетельствует о его растущем применении.

Одна из причин, вызвавших это распоряжение, раскрыта в письме комиссии ландтага австрийских земель, адресованном Максимилиану I 16 марта 1518 г. В нем рекомендуются законы, направленные против разных преступлений, а также против разбойников и тому подобных

---

[40] C. Blair. European and American Arms, стр. 43.

[41] C. Bosson. Contribution à l'étude de la platine à silex, «Armes anciennes», 2, Genéve, 1954, стр. 31—44; A. Gaibi. «Armi antiche», IV, 1957, стр. 37—65.

[42] A. Meyerson. Stockholms bossmakare. Stockholm, 1936, стр. 10.

[43] C. Bosson. Ук. соч., стр. 35.

[44] A. Caibi. Ук. соч., II, II-bis, рис. 1; J. F. Hayward. Ук. соч., стр. 44, 129. C. Blair. European and American Arms, стр. 44, рис. 295; A. Meyerson. Vapenindustrierna i Arboga undre äldre Vasatid. Stockholm, 1939, стр. 103.

[45] C. Bosson. Ук. соч., стр. 36—39.

[46] T. Lenk. Flintlåset, des uppkomst och utveckling. Stockholm. 1939. табл. I, II; J. F. Hayward. English Fire-Arms of the 16th Century. «The Journal of the Arms and Armour Society», III. 5 (March, 1960), стр. 117—141; C. Blair. European and American Arms, рис. 294, 295, 297, 298.

[47] C. Blair. A note.... стр. 225, 249, 253.

[48] Совр. Zunder — «запал», «воспламенитель». Имеется в виду замок.

[49] Документ хранится в Штирийском провинциальном архиве. C. Blair, A note.... стр. 225, 249.

лиц, которые «скрытно носят ружья под одеждой». «Равным образом следует запретить провоз или ношение ружей, которые сами выбивают огонь, а также изготовление замков где бы то ни было»[50]. Комментируя этот документ, К. Блэр справедливо отмечает, что оба этих отрывка взаимосвязаны и объясняют друг друга, поскольку именно искровой замок позволил, обходясь без фитиля, носить оружие спрятанным и готовым к немедленному выстрелу.

Недавно стал известен еще один указ Максимилиана I от 28 июня 1518 г. о запрещении ношения и изготовления «самостреляющих ружей» на всей территории Священной Римской империи[51]. «Самовоспламеняющееся» оружие четыре раза называется в тексте указа, основное содержание которого заключено в следующем: «Ввиду того, что был нанесен и повседневно наносится явный и большой ущерб из-за ружей, которые сами воспламеняются и которые теперь применяются и употребляются, возятся и носятся конными и пешими людьми... мы строжайше запретили в дальнейшем их изготовление, а также провоз и ношение... под страхом тяжелых наказаний...».

Уместно отметить, что соответствующие немецкие выражения приведенных документов в английских исследованиях переведены: «gun ignited itself» (или «went off on its own), «self — igniting» (или «self — striking gun»), т. е. «ружье воспламенилось (выстрелило) само», «самовоспламеняющееся (самостреляющее) ружье». При подобном близком к оригиналам переводе на русский язык тип оружия обрисовывается достаточно точно, но в громоздкой и малоупотребительной форме. Если же принять во внимание все сказанное ранее о глаголе «палить» и термине «самопал», вряд ли можно оспаривать, что именно этот реально применявшийся термин больше всего соответствует как немецким обозначениям оружия с искровыми замками, так и английским переводам этих названий[52]. При этом русское слово «самопал» более кратко, очень точно и метко передает характер действия оружия, и в этом отношении ему уступают все упомянутые эквиваленты.

Правильность указанной интерпретации подтверждается рядом наблюдений. Так, в украинском языке прилагательное «самопальный» еще в XIX в. применялось в значении «самовоспламеняющийся»[53]. Еще показательнее сербско-хорватский термин «самокрес», являющийся синонимом слова «самопало». Поскольку «кресати» означает «высечь огонь кресалом», т. е. огнивом[54], несомненно, что «самокрес» должен был некогда означать какой-то механизм, автоматически производящий это действие. Как было сказано выше, этой цели и служили различные искровые механизмы, примененные к огнестрельному оружию. Предлагаемая расшифровка термина «самопал» согласуется и с мнением В. С. Караджича, который, рассматривая слово «самокрес» («пистолет»), предполагал, что возникновение этого названия относится к тому времени, «когда к ружьям пристроили замки с кремнем, так как вначале из них стреляли [палили] с помощью фитиля»[55].

До появления искровых замков сам прием стрельбы как нельзя лучше иллюстрирует применение глагола «палить» к действиям пищальника, который рукой, а с XV в. с помощью фитильного замка действи-

[50] C. Blair. A note..., стр. 225—226, 253 (notes 23, 24).

[51] Там же, стр. 226, 250, 251, 253.

[52] Немецкому выражению «die selbschlagenden hanndtpuchssen» (по-английски «self-striking hand-guns») больше всего соответствует русское «самопальные ручницы».

[53] Словарь украинского языка, IV, стр. 100. Удачно применение прилагательного «самопальный» в словосочетаниях «ручница самопальная», «пищаль самопальная», по аналогии «лук самострельный». Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. М.— Л., 1937, стр. 176.

[54] Л. А. Мичатек. Дифференциальный сербско-русский словарь. СПб., стр. 244; И. И. Толстой. Ук. соч., стр. 847.

[55] В. С. Караџић. Српски рјечник. Беч, 1852, стр. 663.

тельно «запалял» (воспламенял) затравочный порох. Подобно тому как слова «пищаль» и «самострел» продолжали еще долго употребляться в своем обычном значении, а глагол «стрелять» в XVI—XVII вв. постепенно изменял свое старое значение «пускать стрелы», древний глагол «палить» не вышел из употребления с появлением новых систем воспламенения, с которыми длительное время сосуществовал фитильный замок, и вошел в состав обозначивших эти системы новых терминов.

Сведения о самопалах, содержащиеся в русских письменных источниках XVI—XVII вв., самым убедительным образом подтверждают изложенную выше интерпретацию термина «самопал».

III

В русских документах XVI—XVII вв. отчетливо прослеживается разница между обозначениями фитильных замков и замков искровых систем. Общепринятый современный оружиеведческий термин «фитильный замок» встречается в письменных источниках лишь с середины XVII в., да и то весьма редко[56]. Для выражения соответствующего понятия использовали слово «жагра», обозначавшее важнейшую и ранее других возникшую деталь механизма фитильного воспламенения — круто изогнутый курок, в котором зажимался фитиль. Хотя иногда в документах встречаются такие названия, как «пищаль жагорная»[57] или «мушкет с фитилем»[58], многочисленные примеры свидетельствуют о том, что в указанный период самыми обычными наименованиями фитильного оружия были «пищаль (или мушкет) с жагрой».

Из многих документов видно, что оружие «с жаграми» всегда отделяется от оружия «с замками» или даже известным образом противопоставляется последнему. В описи оружия Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г., например, перечисляются вначале 768 мушкетов с жаграми, а затем в особой рубрике 161 мушкет с замками[59]. В описи оружия, взятого по царскому указу из того же монастыря, в 1695 г. записаны, в частности, «94 мушкета с замками, 238 мушкетов с жаграми»[60]. В Описи Московской Оружейной Палаты 1687 г. после каждого наименования оружия обычно идет либо пометка «с жагрой», либо описание замка[61], в котором нетрудно распознать какой-нибудь из типов искровых механизмов воспламенения. Весьма показателен случай с вяземскими стрельцами, вооружение которых в 1638 г. пополнялось мушкетами с жаграми. По сообщению воеводы, стрельцы заявили, что «они из таких мушкетов с жаграми стрелять не умеют, и таких мушкетов преж сего у них с жаграми не бывало, а были де у них и ныне есть пищали старые с замки»[62].

В то время, как в документах встречаются упоминания о необходимых для жагорного оружия фитилях[63], имеются столь же определенные указания на то, что к «замочному» оружию требовались кремни. Так, оскольский воевода в 1637 г. приказывает проверить оружие стрельцов, с тем «чтобы у них пищали и у пищалей замки были добрые, и кременье было

---

[56] Для XVII в. мне известен лишь один случай упоминания термина «фитильный замок» — в Описи имущества Троице-Сергиева монастыря 1641—1642 гг. Н. В. Гордеев. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной Палаты XVII века. Государственная Оружейная Палата Московского Кремля. Сб. научн. тр., стр. 16.

[57] А. Н. Кирпичников, И. Н. Хлопин. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI—XVII веках. МИА, 77, 1958, стр. 197.

[58] «Русская историческая библиотека», XXVI. Донские дела. Кн. 3, СПб., 1909, стб. 949 (№ 80).

[59] П. И. Савваитов. Оружейная палата Кирилло-Белозерского монастыря по описным книгам 1668 г. ЗОРСАРАО, I, 1851, стр. 8 сл.

[60] А. Н. Кирпичников, И. Н. Хлопин. Ук. соч., стр. 199.

[61] Опись оружейной и всякой казны... 1687 г., Рукопись ЦГАДА кн. № 936,

[62] С. Л. Марголин. Ук. соч., стр. 97.

[63] Например, в отписке новгородского воеводы о высылке боевых припасов в Путивль в 1678 г.: «20 пудов фитилю для того, что у многих стрельцов мушкеты с жагры». С. Л. Марголин. Ук. соч., стр. 97.

запасное»[64]. В «Переписной книге оружия московских стрелецких приказов» упомянуты «16 тысяч кремней к замочным ружьям»[65].

О том, что само слово «замок» (оружейный) применялось в XVI—XVII вв. для обозначения механизмов искровых систем, т. е. колесцового или кремнево-ударного замка, свидетельствуют также часто встречающиеся в документах указания на тип замка и описания его технических деталей. В перечне самопалов Б. Ф. Годунова первым стоит «самопал съежий... замок ливонской; сверх колеса обод; и над колесом и кругом колеса золочена образинка...[66]. Совершенно очевидно, что здесь описан колесцовый замок, нередко прямо называемый в документах «самопал съезжей... замок колесной...»[67]. Опись имущества боярина Н. И. Романова включает следующий интересный эпизод: «165 году, февраля в 23 день, в Оружейный Приказ принесено от государя сверху сундук, а в нем рухлядь боярина Никиты Ивановича Романова: 12 замков гнутых пружин, 44 замка русского дела прямых пружин, 9 замков барабарских. И по осмотру самопального ряду сидельцев Ивана Алексеева, Луки Васильева смотря замков сказали: цена замкам, опричь барабарских, по 5 алтын штука, потому что многие перепорчены, изломаны; денег за все по цене за 56 замков 8 рублев 13 алтын 2 деньги. 9 замков барабарских по два алтына по две ден[ьги], итого 21 алтын. Замок жагра неметцкая цена 6 ден[ьги]»[68]. Несмотря на краткость этих данных, легко установить, что все упомянутые в этом отрывке механизмы, кроме одного, представляли собой по меньшей мере три типа кремнево-ударных замков, оцененных, даже с учетом их плохого состояния, в 14 или 30 денег в среднем каждый. Уже одно это обстоятельство резко отличает их от фитильного замка («жагра немецкая»), оцененного, несмотря на исправность, всего в шесть денег.

Большое количество описаний замков содержится в Описи Московской Оружейной Палаты 1687 г. Вот несколько примеров. «Пищаль винтовальная Григорьева дела Вяткина, замок резной на аглинское дело, золочен; на полке коруна, на курок глава лвова, исподу курка и у огнива главы китовые». «Пищаль винтовальная скорострельная, замок на аглинское дело, гладкий, золочен, полка и огниво и лапочки прорезные». «Пара пищалей турских, русское дело, замок на турское дело двойнова взвода»[69]. Эти и подобные им указания Описи весьма ясно говорят о том, что речь в них идет о кремнево-ударных замках различных типов.

Как уже отмечалось выше, в отдельных документах середины XVII в. изредка попадается термин «замок» и в приложении к фитильному механизму, но такие случаи чрезвычайно спорадичны и легко объяснимы. В перечень оружия Троице-Сергиева монастыря 1641—1642 гг. включены «90 замков фитильных от мушкетов»[70]. В царской грамоте 1655 г. с приказом ускорить в Москве производство мушкетов упоминаются мастера, изготовлявшие «жагранные замки»[71]. В этих случаях документы говорят не об оружии «с жагрой» в целом, а только о самом механизме воспламенения. Если в его наиболее примитивных и, безусловно, ранее всего возникших типах переходящая в спусковой рычаг жагра являлась чуть ли не единственным элементом всей конструкции, то в усовершенствованном механизме, обычном для фитильного оружия середины XVI—XVII вв.,

[64] С. Л. Марголин. Ук. соч., стр. 97.
[65] Там же, стр. 88, 89, 97.
[66] П. И. Саввантов. Описание старинных царских утварей..., стр. 32.
[67] Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева во 116 году. Временник Общества истории и древностей российских, VIII, М., 1850, стр. 10.
[68] Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова. ЧОИДР. М., 1887, кн. 3, стр. 48—49.
[69] Ук. опись 1687 г., л. 215 об.— 216 об., 219 об., 225—226.
[70] Н. В. Гордеев. Ук. соч., стр. 16.
[71] Там же, стр. 4—5.

жагра была лишь самой характерной, но отнюдь не одинокой деталью, а все устройство на монтажной доске, конечно, заслуживало наименования фитильного (или «жагранного») замка. Однако, судя по огромному количеству документов, на практике такое обозначение фитильного механизма к середине XVII в. только начинало входить в употребление, господствовало же в языке более краткое и древнее название — жагра, обозначавшее изначала простейшее фитильное приспособление, а потом распространившееся и на более сложные его типы.

Таким образом, многочисленные документальные данные XVI—XVII вв. позволяют констатировать, что в этот период оружие с фитильным воспламенением обозначалось, как правило, при помощи термина «жагра»; за редчайшими исключениями термин «замок» не применялся в связи с таким оружием, а служил обычно для обозначения или описания искровых воспламенительных механизмов.

Рассматривая русские источники XVI—XVII вв., в которых встречается термин «самопал», нельзя не заметить одну очень характерную особенность: в тех случаях, когда этому термину сопутствует хоть какое-нибудь указание на систему воспламенения, легко установить, что речь всегда идет только об искровых замках. Такие указания содержатся в виде упоминания либо о системе механизма, либо о деталях замка, либо о замке вообще.

В повести об осаде Пскова Стефаном Баторием рассказывается о том, как поляки попытались убить псковских военачальников при помощи адской машины, смонтированной в большом ларце: «двадцать четыре самопала занаряжены на все четыре стороны, на верх же их взсыпано с пуд зелья, заводные же замки [в другой редакции: заводным же замком] ремением приведены к личиньки ларца, за него же только принятися, заведеным же самопальным замком огненым всем отпад, огнем запалити» [72]. Говоря об этом же эпизоде, Пискаревский летописец первой четверти XVII в. сообщает, что ларец был «полон зелия и пищалок маленьких. А тот ремешик приведен к спускам санапальным» [73]. В «Записках» польского историка XVI в. Р. Гейденштейна и в двух русских исторических сборниках XVII в. самопалы этой адской машины названы стволами [74].

Из этих описаний можно заключить, что внутри сундука было укреплено короткоствольное огнестрельное оружие, в числе которого были, вероятно. карабинные (а возможно, и пистолетные) стволы и несколько самопалов с «заводными замками огненными». Нетрудно догадаться, что этим выражением обозначены колесные замки, т. е. как раз та воспламенительная система, механизм которой для производства выстрела нуждался в предварительном заводе. В пользу этого заключения говорит и тот факт, что такой же термин «огненный замок» в значении «колесный замок» зафиксирован и в немецких (Feuerschloss) и английских (firelock) письменных источниках с середины XVI в. [75]. Кроме того, следует отметить, что применение самопальных искровых замков в качестве воспламенителя адской машины, предназначенной для автоматического действия, являлось в то время технически единственно возможным решением задачи.

Выше уже говорилось, что в описи имущества Б. Ф. Годунова под заголовком «Самопалы» значатся семь предметов: «Самопал съежей... [76] замок ливонской; сверх колеса обод, и под колесом и кругом колеса золочена образинка; замок весь стравлен водками, по краям каймы золочены...» «Самопал съежей... замок ливонской, наведен серебром и золотом». «Самопал съежий... замок свиской...». «Самопал турской долгой... замок

---

[72] Повесть о прихожении..., стр. 96; на стр. 105 — разночтения.
[73] Там же, приложения, стр. 111.
[74] Там же, приложения, стр. 121—122 (списки 13, 14), 127.
[75] C. Blair. A Note..., стр. 224; J. F. Hayward. English Firearms..., стр. 117.
[76] «Съежий», «съезжий» означает «кавалерийский».

свиской...». «2 самопала съежие... замки ливонскпе...». «Аркобуз литовской... замок ливонской...».

В этом перечне четыре «съежих» самопала и «аркобуз литовской» отмечены «с ливонскими замками», т. е., судя по совершенно ясному описанию,— колесцовыми замками. На двух самопалах поставлены «замки свиские», под которыми наверняка имеются в виду кремнево-ударные замки шведских типов, отличавшиеся весьма характерными формами.

В упоминавшейся описи имущества М. И. Татищева зафиксированы, в частности, «самопал съезжей... замок колесной...; 2 замки самопальные шкоцкие...» [77]. Первый из этих предметов не нуждается в пояснениях, а в отношении двух других позволительно, на мой взгляд, утверждать, что они представляли собой кремнево-ударные замки шотландского типа, которые формами деталей и орнаментацией явственно выделялись среди других разновидностей этой системы.

В «Росписи дворового имущества умершего М. М. Строганова» (1627 г.) имеется раздел «Перепись самопалом» [78], составленный не очень тщательно, как можно судить по небрежным описаниям [79]. Здесь из 43 предметов, названных самопалами, 27 описаны «с замком», а один помечен как «колесчатой». Последний был выделен, скорее всего, потому, что остальные самопалы были оснащены гораздо чаще встречающимися кремнево-ударными замками. «Колесные самопалы» значатся также в описях Оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря 1621 и 1635 гг. [80] и в других источниках.

Необыкновенно красноречиво подчеркивают разницу между самопалами и фитильным оружием документы 1648 г. из переписки различных московских приказов по поводу снаряжения солдат, отправляемых в поход к Дону. 12 мая 1648 г. Посольский Приказ обратился в Стрелецкий Приказ с просьбой выдать для этой цели оружие: «Указал государь царь послати на Дон Андрея Лазарева, а с ним послать тысечу человек салдат; а мушкеты, и шпаги, и пики, банделеры взяв, дать им из Стрелецкого Приказу...» [81]. 15 мая Стрелецкий Приказ ответил: «... в государеве казне в Стрелецком Приказе салдацких мушкетов з жаграми, и пик, и банделеров нет... А есть в государеве казне в Стрелецком Приказе стрелецких самопалов тульского дела с рускими замками восьмсот самопалов да двести самопалов стволы немецкие, замки руского дела...». Помета на обороте: «Мушкеты взять, а о пиках и о банделерах, и о шпагах послать память в Ружничей Приказ» [82].

Рассматривавший этот документ С. К. Богоявленский отметил только, что в Стрелецком Приказе различали мушкеты от самопалов, а в Посольском Приказе такого различия не видели. Не усмотрел этой разницы и сам исследователь, считавший, что термин «самопал» употреблялся как общее название ружья [83]. Между тем, этот и связанные с ним документы позволяют сделать ряд весьма определенных выводов.

Резюмируем то, что сказано в приведенных цитатах об огнестрельном оружии. Дьяки Посольского Приказа просят выдать из казны 1000 мушкетов. Дьяки Стрелецкого Приказа отвечают, что мушкетов с жаграми у них в Приказе нет, и предлагают взамен самопалы с русскими замками. Посольские дьяки выражают согласие получить то, что им предложили, пометой: «Мушкеты взять». Итак, дипломатические чиновники, действительно, не различают «мушкеты» и «самопалы». Для них

---

[77] «Временник...», VIII, 1850, стр. 10.

[78] А. А. Введенский. Торговый дом XVI—XVII вв. Л., 1924, стр. 46.

[79] Среди 58 предметов этого раздела значатся, например, «7 пищалей с урывком», «затинная ложа белая, у нея [рядом с ней?] 8 прикладов пищальных», «7 самопалов, что после делу куплены».

[80] А. Н. Кирпичников, И. Н. Хлопин. Ук. соч., стр. 196—197.

[81] РИБ, XXVI, стб. 894—895, № 24.

[82] РИБ, XXVI, стб. 897—898, № 27.

[83] С. К. Богоявленский. Ук. соч., стр. 274.

«мушкет», «самопал», «пищаль» — это вообще солдатское огнестрельное оружие, устройство и точное наименование которого им безразличны: в записке посольских дьяков в Ямской Приказ о перевозке этого же самого оружия они называют его уже «пищалями» [84].

Гораздо важнее и показательнее в разбираемом документе мнение специалистов-работников Стрелецкого Приказа, безусловно, досконально знавших и различавших виды огнестрельного оружия. Хотя в просьбе о выдаче мушкетов не указывалось, какого они должны быть типа, стрелецкие дьяки в ответе уверенно назвали просимое оружие «мушкетами с жаграми». Такое восприятие термина «мушкет» специалистами свидетельствует прежде всего о том, что это оружие оснащалось в середине XVII в. фитильными замками (о чем имеется много других сведений). И вот этому-то фитильному оружию противопоставлены самопалы, причем в их описании замки явно упоминаются не столько для характеристики самого вида оружия, сколько для сведения о типе конструкции и месте выработки.

24 мая 1648 г. непосредственно ведавший подготовкой вооружения и экипировки майор Яков Урвин представил перечень необходимых для его отряда предметов. В их числе были названы 1000 мушкетов и 150 пудов фитиля [85] — ясное указание на то, что старший офицер отряда, иностранец на русской службе, предполагал дать всем солдатам фитильные мушкеты, самое обычное оружие в европейских армиях этого периода. Вопрос о вооружении отряда рассматривался и в последующие дни, и в конце концов было решено выдать оружие из Оружейной Палаты, куда еще раньше Посольский Приказ обратился с такой же просьбой, как и в Стрелецкий Приказ [86]. В указе от 31 мая 1648 г., адресованном в Оружейную Палату, сказано: «...Да салдатам..., которым указал государь дать наперед сего тысечю мушкетов, и в том числе указал государь дать восмьсот мушкетов с фетилями, а двесте з замками» [87]. Возможно, что это решение было отчасти обусловлено соответствующим количеством солдат, обученных обращению с тем или другим типом оружия; вполне вероятно также, что власти не сочли целесообразным выдать 1000 сравнительно дорогих самопалов из Стрелецкого Приказа отряду, состоявшему из только что набранных и довольно ненадежных солдат, которые, выйдя из Москвы, даже попытались разграбить казну и, «поимав оружие, бежать» [88].

Можно было бы рассмотреть еще много документов XVI—XVII вв., но они давали бы только новые подтверждения уже имеющимся данным, что термин «самопал» никогда не упоминается в связи с жагрой или фитилем, но во всех случаях, когда наряду с этим термином приводятся какие-либо сведения о типе воспламенительного устройства, «самопал» выступает как название оружия с замочным, т. е. искровным воспламенительным механизмом.

О самопалах имеется еще одна категория сведений, которые следует учитывать. Это те вещественные памятники, с которыми увязываются определенные сообщения письменных источников. В некоторых из них упоминаются, например, самопальные мастера, чьи изделия известны по документальным описаниям или дошли до нашего времени в музейных собраниях.

В документах Оружейной Палаты неоднократно фигурирует «самопальный и замочный мастер» Григорий Вяткин [89]. Одна из его работ опи-

---

[84] РИБ, XXVI, стб. 915—916, № 46.
[85] РИБ, XXVI, стб. 932, № 58.
[86] РИБ, XXVI, стб. 891—893, № 20; стб. 903—904, № 33.
[87] Там же, стб. 948—949, № 80.
[88] Там же. стб. 956—959, № 88.
[89] Ю. В. Арсеньев. К истории Оружейного Приказа в XVII веке. СПб., 1904. стр. 43—45, № 23.

сана в ведомости предметам, изготовленным в мастерских Палаты в 1663 г.: «Пищаль винтовальная, ствол о шести винтах, замок шкоцкой, травчатые, золчены сплошь; делал и золотил Григорей Вяткин. Станок делал Ефтифей Кузовлев» [90]. Из этого описания видно, что Г. Вяткин участвовал в изготовлении оружия с кремнево-ударным замком шотландского типа, т. е. с «самопальным» замком. В одном из документов 1649 г. приводятся заслуживающие внимания сведения об ученике Г. Вяткина Василии Титове, который, кстати, рассматривается в нашей литературе только как ствольный мастер [91]. Между тем в челобитной Г. Вяткина о приеме его ученика в самопальные мастера говорится: «А у выписки Григорей Вяткин сказал, что тот ево ученик Васка... стволы и замки пищальные делает всякие... и всякое самопальное дело делает что он, Григорей, умеет. А Васка Титов у выписки сказал тож, что он всякое пищальное и замочное дело делает против мастера своево Григорья Вяткина, золотом наводить умеет». Помета на этом документе гласит, что возглавлявший Палату боярин Г. Г. Пушкин «...велел ему, Васке, быть в самопальных мастерах...» [92]. С деятельностью В. Титова обоснованно связываются хранящиеся в Московской Оружейной Палате четыре пищали-самопала, оснащенные кремнево-ударными замками [93], из которых один замок приписан работе другого мастера, а остальные сделаны вполне вероятно самим В. Титовым.

Выдающимся мастером Оружейной Палаты был Первуша Исаев, известный в некоторых документах как «самопальных замков мастер» [94]. К настоящему времени выявлено семь пищалей и пистолетов, на замках которых выбиты клейма этого оружейника [95], причем все эти замки представляют собой несколько типов кремнево-ударной системы. Следовательно, именно подобные механизмы именовались некогда самопальными замками.

В собрании Оружейной Палаты сохраняются два охотничьих ружья первой четверти XVII в., поднесенные царю английским купцом Смитом [96]. Оба ружья оснащены кремнево-ударными замками и при поступлении были зарегистрированы в приходно-расходной книге Казенного Приказа за 1625 г. как «два самопала» [97].

Таким образом, совокупность самых различных данных позволяет заключить, что термин «самопал» возник как обозначение ручного огнестрельного оружия с искровыми механизмами автоматического воспламенения и применялся в XVI—XVII вв. только по отношению к оружию с колесцовыми и кремнево-ударными замками.

Установление этой специфики термина «самопал» важно для истории русской военной техники и военного дела вообще, так как с раскрытием конкретного значения этого термина появляется возможность по-новому проанализировать те русские письменные источники, которые, давая информацию о вооружении XVI—XVII вв., сообщают какие-либо сведения и о самопалах.

В данном аспекте очень большую ценность имеет, прежде всего, цитированная выше повесть об осаде Пскова в 1581—1582 гг., упоминающая о применении самопалов псковскими стрельцами [98]. Нет сомнения

[90] И. Е. Забелин. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст., I. М., 1895, стр. 723.

[91] Н. В. Гордеев. Ук. соч., стр. 47—51.

[92] Ю. В. Арсеньев. Ук. соч., стр. 44—45, № 23.

[93] Н. В. Гордеев. Ук. соч., стр. 47—51.

[94] Ю. В. Арсеньев. Оружейный Приказ при царе Михаиле Федоровиче. СПб., 1903, стр. 10—11, № 6.

[95] Н. В. Гордеев. Ук. соч., стр. 40—46. Один неизданный пистолет хранится в Гос. Эрмитаже. По установившейся традиции этот мастер в литературе ошибочно именуется «Исай Первушин».

[96] Опись Московской Оружейной Палаты. М., 1885, стр. 149—151.

[97] Там же, стр. 150.

[98] Повесть о прихожении..., стр. 88.

в том, что автор повести, применявший к стрелковому оружию также термины «ручница» и «пищаль», хорошо понимал особенности самопалов как оружия с автоматическим воспламенительным механизмом. Об этом можно судить по тому, что в описании устройства адской машины повествователь говорит только о самопалах и самопальных замках. Как я отмечал выше, вооружение стрельцов самопалами указывает на то, что это оружие к началу 80-х годов XVI в. не являлось уже на Руси редкостью, доступной лишь немногим состоятельным лицам. С другой стороны, по свидетельству англичан, посетивших Москву в составе экспедиции А. Дженкинсона, даже московские стрельцы, участвовавшие 12 декабря 1557 г. в показательных стрельбах в присутствии царя Ивана IV, были еще вооружены фитильными пищалями [99].

По этим сведениям можно заключить, что внедрение нового «самопального» оружия в вооруженные силы Московского государства началось не позднее последней трети XVI в. и к 80-м годам некоторая часть стрельцов была уже вооружена самопалами. Само появление их на Руси в качестве оружия охотников-промысловиков, у знати и воинов-профессионалов, безусловно, должно было несколько предшествовать более широкому распространению. Самопалы рядовых стрельцов, вероятно, были оснащены простейшими кремнево-ударными замками тех типов системы Snaphaan, которые встречаются на старейших русских самопалах [100]. Наряду с ними, в дорогом оружии применялись, надо полагать, и колесные замки, но они в подавляющем большинстве наверняка принадлежали к вооружению европейской выделки, импортированному или трофейному, так как механизмы этой сравнительно сложной системы не привились в русском оружейном производстве, и если они изготовлялись русскими мастерами, то в крайне небольшом количестве.

В свете изложенного следует изменить общепринятое мнение, что появление кремнево-ударных замков в России относится лишь к концу XVI — началу XVII в. (а в Западной Европе — якобы к еще более позднему времени) [101], и в корне пересмотреть как специальные вопросы эволюции и датировки русского огнестрельного оружия, так и связанные с этим проблемы истории военного искусства. При этом необходимо принимать во внимание, что уже на нынешней стадии исследования вопроса позволительно отнести начало освоения кремнево-ударных замков в России к первым двум десятилетиям второй половины XVI в.

Вряд ли стоит останавливаться на том, сколь мало оправдана с историко-оружиеведческой точки зрения квалификация самопалов как «при-

---

[99] Описывая выход стрельцов на смотр, англичане отметили, что каждый из них нес «свое ружье на левом плече, а фитиль — в правой руке». R. Hakluyt. The Principal Navigations, Voiages, Traffiques and Discoveries of the English Nation... London, I, 1598, стр. 317.

[100] Самопалы из Соловецкого монастыря (Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., I, стр. 257 сл.) и из Троице-Сергиевой лавры (Н. В. Гордеев. Ук. соч., стр. 6 сл. Автор относит к XVI в. только стволы, замки датирует рубежом XVI—XVII вв.). Эти образцы в их настоящем виде до сих пор датируются началом XVII в., однако не подлежит сомнению, что наиболее архаичное оружие из этих групп относится ко второй половине XVI в.

[101] Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 238; М. З. Портнов. Ручное метательное и огнестрельное оружие. Сб. «Русское оружие XI—XIX веков». М., 1953, стр. 100; В. Е. Маркевич. Ручное огнестрельное оружие, I. Л., 1937, стр. 83; Н. В. Гордеев. Ук. соч., стр. 6 сл.; Н. И. Гнатовский, П. А. Шорин. История развития отечественного стрелкового оружия. М., 1959, стр. 22. В трудах военных историков также встречаются хронологические ошибки и различные неточности. А. В. Чернов считает, что кремнево-ударный замок появился на Западе около 1670 г. (Вооруженные силы русского государства XV—XVII вв. М., 1954, стр. 173); А. А. Строков относит лишь к концу XVI в. появление «зажимного куркового замка» (История военного искусства, I, М., 1955, стр. 326); Е. А. Разин переносит появление кремнево-ударного замка даже к концу XVII в. (История военного искусства, III, М., 1961. стр. 222; здесь же помещен рисунок, якобы изображающий мушкет этого времени, а фактически — ружье первой четверти XIX в.).

митивного» оружия, так как очевидно, что оружие с искровым воспламенением, ознаменовав собой важный оружейно-технический прогресс, оказало огромное влияние на все развитие военного дела. Нельзя, однако, пройти мимо того, что в ряде печатных работ игнорируются достаточно хорошо известные достижения оружейной техники XVI—XVII вв. Я имею в виду те описания самопалов, в которых содержатся утверждения, что это было гладкоствольное и дульнозарядное оружие.

В советских и зарубежных музеях хранится значительное количество огнестрельного оружия второй половины XVI—XVII вв., каналы стволов которого имеют спиральную нарезку. Применение нарезных стволов отразилось в таких терминах русских письменных источников, как «пищаль винтовальная», «винтовка», «ствол о шести винтах» и т. д. Существуют в музеях также превосходные образцы европейского и русского оружия того же периода, в которых применен принцип заряжения с казенной части одним или несколькими зарядами. Последние системы значительно повышали темп стрельбы, а подобное оружие часто именуется в русских источниках «скорострельным». Следует при этом подчеркнуть, что все выявленные в музеях русские образцы нарезного и казнозарядного оружия смонтированы как раз с искровыми замками различных типов, т. е. являются самопалами — отнюдь не примитивным, а, наоборот, технически наиболее совершенным оружием своего времени.

IV

Судя по источникам, применению некоторых оружейных терминов в XVI—XVII вв. была присуща известная неустойчивость, которую можно объяснить нередким объединением особенностей разных видов и типов оружия в одном образце. Тем не менее письменные и вещественные источники позволяют определить значение и время бытования многих применявшихся в России названий огнестрельного оружия.

Несомненно, что термин «пищаль» в России до XVIII в. служил общим обозначением длинноствольного ручного огнестрельного оружия, независимо от типа воспламенительного устройства. В то же время самопалом называли только оружие с искровым воспламенителем. Оружие явно иностранного происхождения часто выделяли под иностранными же названиями, которые мало-помалу прививались в русском языке. Чрезвычайно яркий пример сказанному — записи об одном из упомянутых выше охотничьих ружей, поднесенных царю в 1625 г. Это ружье с кремневоударным замком, смонтированное на массивном ложе мушкетного образца, было зарегистрировано вначале как «самопал», а при инвентаризации Оружейной Палаты в 1687 г. было записано как «пищаль немецкая мушкет... замок аглинской» [102].

Поскольку само возникновение термина «самопал» было связано с появлением автоматических воспламенительных механизмов, в принципе это название могло прилагаться к любому виду оружия с искровым замком. Видимо, так и обстояло дело, особенно в период начального освоения этих механизмов. Включение колесцовой аркебузы в перечень самопалов Б. Годунова свидетельствует об этом достаточно определенно. Название «аркебуза» встречается в русских документах весьма редко, и следует предположить, что этим словом в России называли исключительно те экземпляры оружия, западное происхождение и название которых в каждом отдельном случае было точно известно. Пистолет, развитие которого началось лишь с применением искровых замков, вероятно, также некоторое время мог именоваться самопалом [103], но с конца XVI —

[102] ЦГАДА, кн. № 936, л. 215, № 7. Ружье хранится в Оружейной Палате (№ 6783).

[103] Об этом позволяет судить как сербско-хорватское «самокрес», «самопало» — «автоматический пистолет», так и французский перевод записанного в 1586 г. на

начала XVII в. в России (как и в европейских странах), безусловно, преобладало уже название «пистоль», выделявшее это характерное оружие для одной руки из всех видов огнестрельного оружия.

В отношении термина «самопал съезжий» можно с уверенностью сказать, что во второй половине XVI — начале XVII в. так называли легкую кавалерийскую пищаль с искровым замком. Так как оснащение кавалерийского оружия подобными механизмами в это время и в дальнейшем составляло одну из характернейших черт распространения замков автоматического воспламенения, можно не сомневаться в том, что более употребительный в XVII в. термин «пищаль завесная» означал то же самое оружие. Аналогичное западноевропейское оружие именовалось с середины XVI в. карабином. Это слово применялось и в России по отношению к импортным образцам или выполненным по ним отечественным изделиям, поскольку по форме ложа и облегченному замку их нетрудно было отличить от русских пищалей.

Европейский мушкет с начала последней четверти XVI в. имел весьма характерную конструкцию и внешний вид. Большая общая длина (до 160—170 *см*), крупный калибр обычно гладкого ствола, массивное ложе, тяжелый расширяющийся на конце приклад и вырез для большого пальца на шейке приклада — все это резко отличало мушкет от аркебуза и другого оружия, в том числе от более легких русских пищалей [104]. Подавляющее большинство мушкетов, включая и изготовленные в России по иностранным образцам, оснащались фитильными замками, что также отличало их от пищалей, в которых с первой четверти XVII в. преобладали кремнево-ударные замки. Надо отметить, что широкое применение последних в России сказалось, в частности, и в том, что некоторая часть мушкетов также снабжалась этими механизмами, хотя количество такого оружия, судя по документам, не превышало 25% общего числа мушкетов даже к концу XVII в. Эти сравнительно малочисленные мушкеты и привозные охотничьи ружья мушкетного типа с автоматическим воспламенением иногда с полным правом именовались самопалами, но, как правило, подобные образцы назывались «мушкетами» ввиду присущих им внешних отличительных особенностей.

Таким образом, к середине XVII в., когда применявшиеся в России огнестрельное оружие и его наименование приобрело относительную стабильность, вскоре нарушенную прогрессивными реформами Петра I, термин «самопал» прилагался к различному ручному длинноствольному огнестрельному оружию, но только с автоматическим воспламенением. В тех многочисленных случаях, когда этим термином обозначалось оружие отечественного производства, можно с уверенностью понимать «самопал» как название пищали с искровым воспламенительным механизмом, которым в изделиях русских мастеров почти всегда служили кремнево-ударные замки.

Севере России слова senapal- une pistole. Б. А. Ларин. Парижский словарь московитов, стр. 80.

[104] Показательно, что французские моряки в 1586 г. перевели русское слово «pichal» именно термином «une harquebuze». Б. А. Ларин. Ук. соч., стр. 80.

Р. В. ФЕДОРОВА

ПРИМЕНЕНИЕ СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА В ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ЛЕСОСТЕПНОЙ И СТЕПНОЙ ЗОН

Первый опыт применения спорово-пыльцевого анализа для установления возраста неолитической стоянки был произведен болотоведом и палинологом В. С. Доктуровским в 1925 г. (Льяловская стоянка в Подмосковье). В последующем появился ряд работ археологов, в которых показано, что пыльцевой анализ довольно успешно применяется для установления абсолютного возраста древних поселений и иногда для характеристики окружающих их природных условий. Но, как правило, несмотря на высокую оценку пыльцевого анализа такими археологами, как В. И. Равдоникас, А. Я. Брюсов, А. В. Арциховский, Е. И. Крупнов, содружество археологов с палинологами не было постоянным и планомерным, а велось от случая к случаю. И только в последние годы археологи стали проявлять более глубокий интерес к комплексным и, в частности, к палинологическим исследованиям памятников материальной культуры первобытного общества.

Этому способствовало также то, что сам метод спорово-пыльцевого анализа стал более совершенным. Введение «сепарационного» способа в подготовке образцов для анализа расширило возможности его применения. Благодаря тому, что анализы стали производить не только в органогенных (илы, торфа) отложениях, но и в минеральных, открылись бóльшие перспективы для изучения археологических памятников, расположенных в южных районах страны, где встречаемость органогенных отложений ограничена. Более полно изучена морфология пыльцы, в частности пыльцы культурных злаков, что особенно важно для выявления земледельческих культур, и освещены другие вопросы методологического характера: проведены исследования по выявлению закономерностей в распространении пыльцы злаков воздушным путем, изучены особенности переотложенной пыльцы и т. д. [1].

К настоящему времени спорово-пыльцевой анализ может применяться не только для хронологии и для восстановления тех природных условий, в которых обитало первобытное человеческое общество, но в ряде случаев и для выявления следов воздействий первобытного человека на окружающую его среду. Освещение этих вопросов представляет большой интерес, так как это может пролить свет и на образ жизни человека на ранних ступенях развития общества, когда он находился в большой зависимости от природных условий. В наших совместных работах с Е. И. Крупновым (Москва) и Д. Я. Телегиным (Киев) были разработаны новые методические приемы, которые до этого времени не применялись. Мы по-

[1] Р. В. Федорова. Некоторые особенности морфологии пыльцы культурных злаков. Тр. Ин-та географии АН СССР. Материалы по геоморфологии и палеогеографии. Работы по спорово-пыльцевому анализу, 77, 21, 1959; е е ж е. Рассеивание воздушным путем пыльцы злаков. Там же.

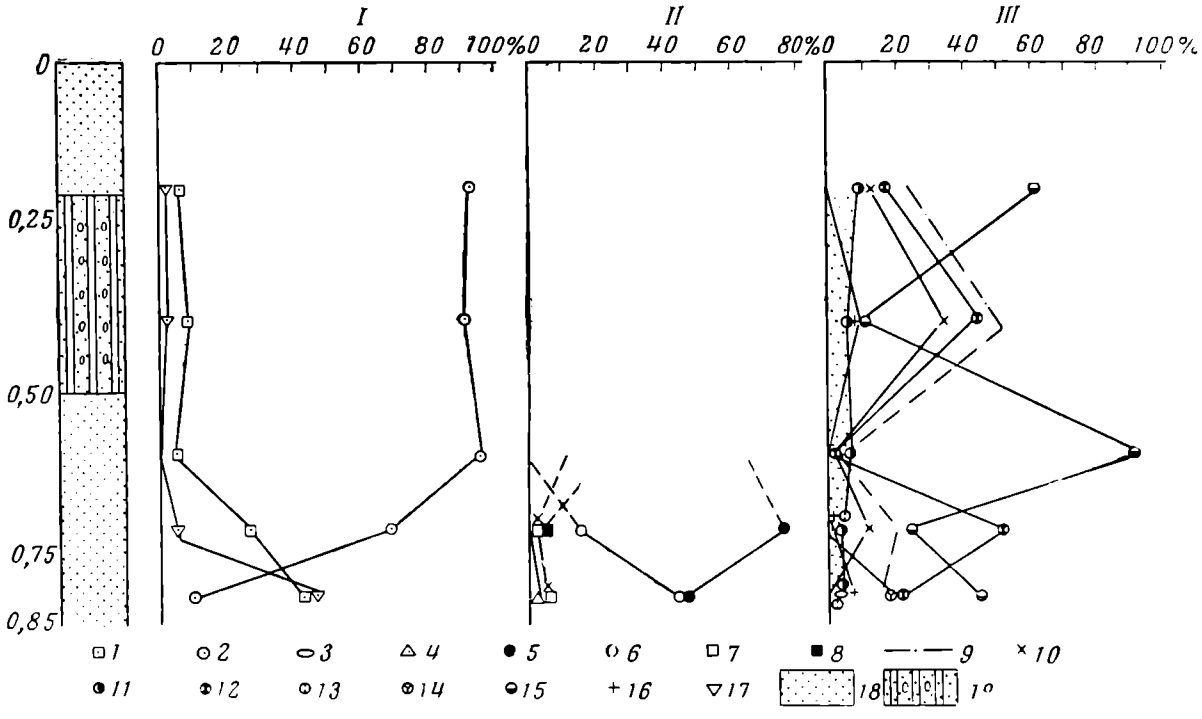


Рис. 3. Спорово-пыльцевые диаграммы поймы р. Вита Литовской в месте расположения неолитического поселения

I — общий состав пыльцы и спор; *II* — пыльца древесных пород; *III* — пыльца травянистых растений и кустарничков.

Пыльца: *1* — древесных пород; *2* — травянистых растений и кустарничков; *3* — осоковых; *4* — ели; *5* — сосны; *6* — березы; *7* — ольхи; *8* — сумма пыльцы широколиственных; *9* — сумма пыльцы культурных злаков и сорняков; *10* — пыльца лебедовых; *11* — культурных злаков; *12* — разнотравья; *13* — подорожниковых; *14* — вересковых; *15* — дикорастущих злаков; *16* — полыней; *17* — споры; *18* — пески и супеси; *19* — культурные слои с археологическими находками

ставили себе целью привлечь для спорово-пыльцевого анализа возможно большее число объектов, которые так или иначе связаны с деятельностью человеческого общества или являлись продуктом его труда. Для анализа использовалось: 1) содержимое сосудов, извлеченных из могильников; 2) керамика (керамическое тесто обломков сосудов) и 3) культурные слои, сохранившиеся в раскопках древних поселений. Сбор материалов для спорово-пыльцевого анализа производился совместно с археологами во время раскопок или при специальных выездах к ранее изученным археологическим памятникам.

Такая работа проведена в нескольких географических районах: в Прикаспийской низменности (совместно с Е. И. Крупновым), в степной и лесостепной зонах Украины (совместно с Д. Я. Телегиным) и в Белоруссии (по сборам В. А. Падина и геоморфолога А. А. Величко).

Исследование содержимого одного из сосудов. Сосуд, найденный в подкурганном погребении эпохи бронзы у с. Ачикулак (Ставропольский край), был датирован Е. И. Крупновым первой половиной II тысячелетия до н. э.[2]. Содержимое сосуда представляло собой сцементированную суглинистую массу. На анализ был взят ее нижний слой. В 1 *г* навески содержалось около 1200 пыльцевых зерен и спор. В спорово-пыльцевом спектре большое место занимает пыльца медоносов: липы и гераниевых. Так, пыльца липы составляет 56% суммы пыльцы всех древесных пород, а встречаемость пыльцы липы и гераниевых на 1000 пыльцевых зерен и спор составляет 209 пыльцевых зерен, т. е.

[2] Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, 55. 1954.

1/4 часть всей пыльцы, содержащейся в образце. Пыльца липы определена З. Г. Губониной, как принадлежащая Tilia platyphyllos, ближайшим местом произрастания которой в настоящее время является предгорная зона Северного Кавказа.

Обилие пыльцы медоносов, обнаруженное на дне сосуда, может быть объяснено только тем, что сосуд был поставлен в погребение наполненный медом. Возникает вопрос, каково происхождение этого меда, был ли он местным или привозным. Сведения палеоботанического характера свидетельствуют о том, что мед имеет местное происхождение. Это подтверждается, во-первых, тем, что в ближайшей местности и в сарматском погребении была найдена подстилка, содержащая до 6% остатков липовой листвы, и, во-вторых, тем, что целая серия спорово-пыльцевых анализов показала существование в Ачикулакском районе небольших липовых лесов от эпохи бронзы до средневековья, а возможно, и до очень недавнего времени.

Все это говорит о том, что в древности физико-географические условия в Ачикулакском районе были более благоприятными для жизни и деятельности населения, чем теперь. Е. И. Крупнов считает, что даже в конце средневековья северо-западная часть Прикаспийской низменности, теперь почти пустынная, имела высокую культуру и была густо населена.

Таким образом, палинологические исследования и археологические данные совпали [3].

Спорово-пыльцевые анализы теста керамики. При раскопках поселения Коробовка 1 (в долине Днепра, вблизи г. Золотоноша) Д. Я. Телегиным был взят обломок сосуда, датированный периодом бронзы. Извлеченный из раскопа обломок для предохранения его от засорения современной пыльцой был немедленно завернут в бумагу. Обломок сосуда имел слабый обжиг, в его изломе виднелись темные включения сохранившейся органической примеси.

В лаборатории образец был прежде всего тщательно обмыт. Затем он был измельчен в порошок, но не перетерт, так как в этом случае могло бы произойти разрушение пыльцы. Дальнейшая подготовка образца к анализу выполнялась таким же образом, как это принято в спорово-пыльцевой лаборатории Института географии АН СССР для минеральных пород. Анализ показал, что в 12 *г* вещества, полученного при переработке обломка керамики, содержится 162 пыльцевых зерна и спор, из них наибольшее количество принадлежит травянистым растениям, меньшее — древесным породам и спорам папоротника.

По преобладанию пыльцы травянистых растений и их составу видно, что в период изготовления керамики в исследованном районе преобладали открытые степные ландшафты. Вместе с тем присутствие лесных элементов свидетельствует о том, что здесь (возможно, только в долине Днепра) существовали широколиственные и сосновые леса. В травяном покрове исследованной местности наиболее широко были распространены дикорастущие злаки, сложноцветные и подорожниковые. Кроме того, встречались: щавель и другие гречишные, крестоцветные, лебедовые, гвоздичные и некоторые другие растения.

В большинстве случаев эти растения относятся или к сорным видам, или к тем родам и семействам, среди которых встречается много сорных видов. Обнаружены пыльцевые зерна тростника, которые легко определяются по небольшим размерам к относительно толстой оболочке. Произрастание тростника в долине Днепра вполне естественное явление; он там встречается и в настоящее время. Найдено одно пыльцевое зерно пшеницы. Так как вблизи места взятия образца не имелось посевов хлебных злаков и цветение их к моменту исследования было закончено, едва

---

[3] Е. И. Крупнов. За экономическое возрождение районов Прикаспийской низменности. СА, 1961, 3.

ли это можно объяснить случайным засорением. Засорение современной пыльцой исключено, так как образец керамики перед анализом был тщательно обмыт. По относительному обилию пыльцы сорных растений, связанных с обитанием человека, можно полагать, что в период бронзы долина Днепра была интенсивно освоена населением. По словам Д. Я. Телегина, населению этого времени, вероятно, было знакомо скотоводство и в небольшом объеме — земледелие.

В рассматриваемом случае однородный комплекс пыльцы и ее одинаковая сохранность показывают, что она происходит из одного источника — из растительной массы, примешанной при изготовлении керамического теста. Для изготовления глиняных сосудов обычно служила глина, к которой примешивали песок, толченый ракушник или растения в виде половы. Все это — сырье местного происхождения. Не исключено поступление в сырье вместе с водой, необходимой для подготовления керамики, и пыльцы водных растений. Но так как пыльца в стоячих водоемах [4] оседает на дно, в исследованном образце она обнаружена не была.

Сам факт сохранения пыльцы в керамике представляет интерес для дальнейших исследований. Однако этот первый опыт исследования керамики должен еще получить подтверждение. Ознакомившись с порядком хранения образцов в археологических лабораториях, мы считаем, что вследствие длительного хранения на открытом воздухе они могут быть сильно засорены. Материалы для подобного рода исследований следует собирать специально и с соблюдением необходимых условий. Нам представляется, что восстановление растительного покрова по спорово-пыльцевым анализам керамического теста в принципе допустимо. Такие анализы имеют то преимущество, что отражают природную обстановку, в которой жило исчезнувшее население, и привязаны к определенным датам, установленным археологами по керамике.

Анализы культурных слоев древних поселений. Совместно с Д. Я. Телегиным мы посетили несколько мест раскопок неолитических поселений, в том числе Виту Литовскую близ Киева и Скуносово на р. Сейме близ Путивля, где были отобраны образцы для спорово-пыльцевого анализа. Культурный слой в месте раскопок поселения Виты Литовской залегает очень неглубоко (рис. 1), и некоторые археологические находки были обнаружены археологами в осыпях песка вблизи реки. Результаты анализов, несмотря на их небольшое число, показывают последовательные и довольно отчетливые изменения, происходящие в растительном покрове окружающей местности. Они вполне коррелируются с выводами, сделанными археологом, о наличии здесь в неолитическом периоде земледелия.

По этому и другим разрезам нами произведен отдельно учет пыльцы тех травянистых растений, которые сопутствуют человеку в настоящее время. К числу этих (синантропных) растений отнесены: сем. Plantaginaceae, главным образом Plantago lanceolata и P. major, Chenopodiaceae, Cruciferae, Rumex, Artemisia и основной показатель земледелия — культурные злаки. Почти все синантропные растения в небольшом количестве отмечены по всему разрезу, что свидетельствует о длительном и постоянном пребывании здесь населения. Однако их кульминация тесно связана с культурным слоем и приходится примерно на его среднюю часть. Наличие отдельных пыльцевых зерен культурных злаков на протяжении всего разреза показывает, что их возделывание продолжалось длительное время и беспрерывно. Они встречаются еще до того, как на месте поселения стал формироваться культурный горизонт, т. е. до того времени, когда у Виты Литовской появилось прочно осевшее население. Наибольшее число пыльцевых зерен культурных (хлебных) злаков принадлежит пшенице (Triticum sp.); кроме нее изредка отмечена рожь (Se-

[4] Поселение расположено вблизи старицы Днепра.

cale cereale). В верхних слоях найдено несколько пыльцевых зерен, сходных с пыльцой льна. Возможно также, что некоторое количество пыльцевых зерен, более крупных, чем у дикорастущих злаков, принадлежит ячменю.

Эти данные важны как утверждение принятой нами методики, так как они совпадают с результатами, ранее полученными для Виты Литовской Д. Я. Телегиным, доказывающим, что неолитическому населению Виты Литовской было известно земледелие [5]. В частности, по отпечаткам ячменя установлено, что он являлся одной из возделываемых культур. Находки пыльцы пшеницы и ржи дополняют список возделываемых культур.

Общий состав пыльцы и спор, а также направления кривых пыльцы древесных пород показывают, что в растительном покрове исследованной местности в период голоцена происходили изменения крупного масштаба: имелись смены древесных пород, лесные площади сокращались и взамен им появились почти безлесные пространства. До образования культурного горизонта в окрестностях поселения Виты Литовской были широко распространены сосновые и березовые леса, в напочвенном покрове которых встречались растения типичные для более северных широт (вересковые, папоротники, сфагновые мхи и плауны). Затем происходит постепенное сокращение лесных площадей. Площади лесов сильно уменьшились еще до того времени, когда образовался культурный слой. Это произошло в тот период, когда неолитическое население Виты Литовской вело полукочевой или полуоседлый образ жизни.

Вследствие малого содержания пыльцы древесных пород все последующие смены в составе леса проследить не удалось. По верхнему отрезку диаграммы, однако, видно, что береза и сосна сменяются ольхой и широколиственными породами, кривые которых показывают увеличение кверху. Это часть диаграммы характерна для среднего голоцена.

По господству пыльцы сосны и березы и по появлению широколиственных пород нижний слой разреза может быть отнесен к первой половине среднего голоцена, т. е. к концу атлантического — началу суббореального периода — давностью до 4500 лет. Учитывая дальнейшее направление кривых, можно предположить, что образование культурного горизонта падает на суббореальный период.

В месте раскопок неолитического поселения Скуносово культурный слой прослеживается очень отчетливо в обрывах и расчистках первой надпойменной террасы р. Сейм на глубине с 0,45 до 0,95 *м*. Судя по большой его мощности, темной окраске и насыщенности археологическим материалом, видно, что неолитическое население пребывало на берегах Сейма длительное время. Спорово-пыльцевые анализы были произведены в 27 образцах, взятых почти без интервалов. Изменения в диаграммах и направлениях отдельных кривых показывают, что в районе расположения поселения Скуносова в растительном покрове также происходили довольно существенные изменения (рис. 2). Нижние отложения накоплялись в условиях сравнительно небольшой облесенности, близкой к той, которая имеется в настоящее время в южной части лесостепи. Наличие пыльцы главным образом широколиственных пород (дуба, липы, клена и вяза), а также орешника и обилие пыльцы сосны говорят о том, что во время образования нижних слоев разреза существовали широколиственные и сосновые леса. В напочвенном покрове отмечены растения, типичные для леса, найдено множество спор плаунов и папоротников. В этом же слое встречены обрывки пыльцы нимфейных, споры хвоща и водоросли, что можно объяснить высоким стоянием уровня воды в Сейме и, следовательно, существованием влажного климата. Это вполне соответствует и типу

[5] Д. Я. Телегин. Отпечатки зерен ячменя на неолитических сосудах Вита Литовской. Журн. «Природа», май, 1956.

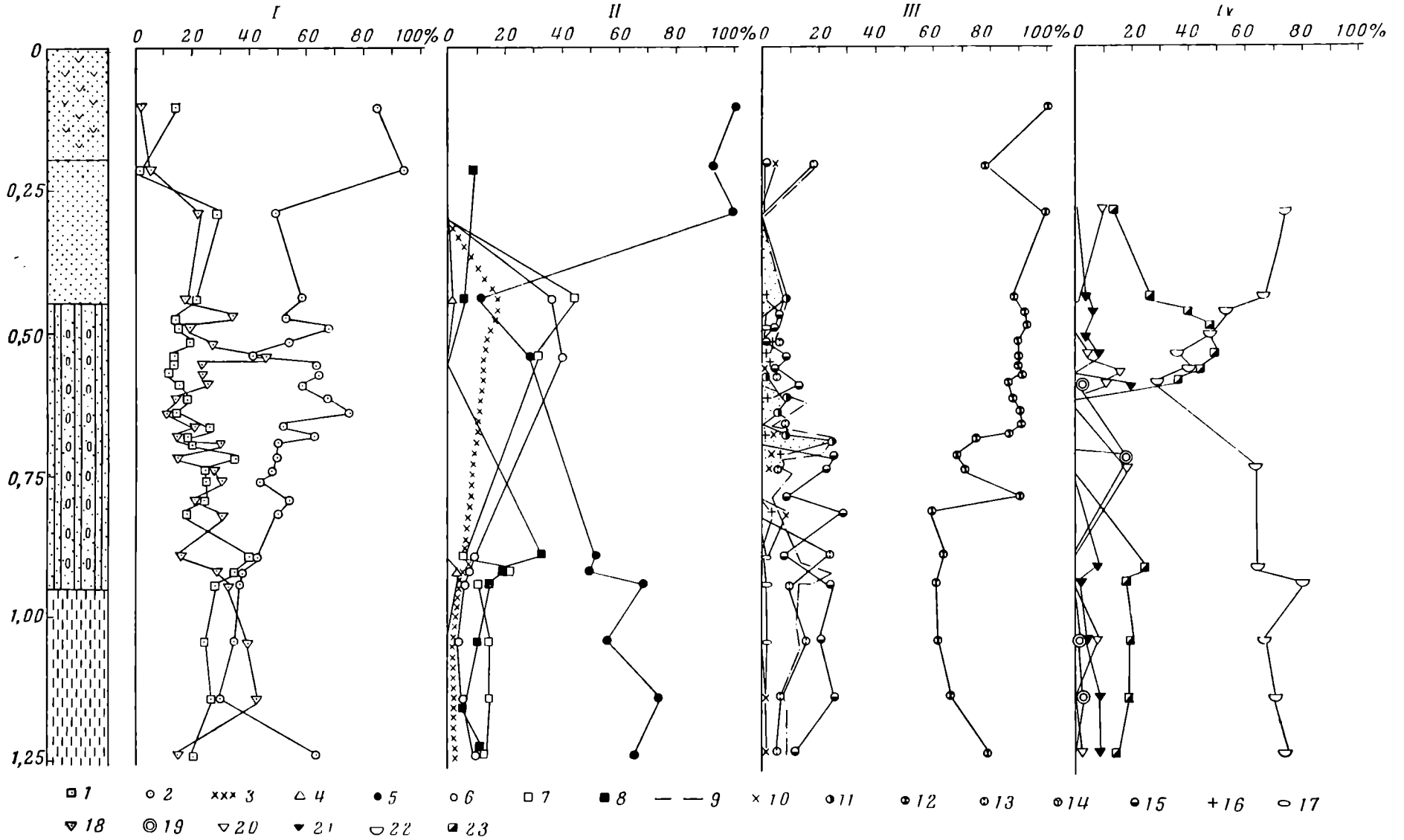


Рис. 2. Спрово-пыльцевые диаграммы отложений первой надпойменной террасы р. Сейм у с. Скуносова, в месте расположения неолитического поселения

I — общий состав пыльцы и спор; *II* — пыльца древесных пород; *III* — пыльца травянистых растений и кустарничков; *IV* — споры. Пыльца: *1* — древесных пород; *2* — травянистых растений; *3* — орешника; *4* — ели; *5* — сосны; *6* — березы; *7* — ольхи; *8* — сумма пыльцы широколиственных пород; *9* — сумма пыльцы культурных злаков и сорных растений; *10* — пыльца лебедовых; *11* — культурных злаков; *12* — разнотравья; *13* — подорожниковых; *14* — вересковых; *15* — дикорастущих злаков; *16* — полыней; *17* — осоковых; *18* — споры; *19* — споры хвощей; *20* — зеленых мхов; *21* — сфагновых мхов; *22* — папоротников; *23* — плаунов

диаграмм, нижняя часть которых относится к среднему голоцену, вероятно, к атлантическому периоду. Пыльца травянистых растений в этом слое представлена главным образом сложноцветными, небольшим количеством дикорастущих злаков и видами, расселение которых обязано человеку — Plantago lanceolata и Rumex sp.

Вышележащий горизонт — культурный слой представляет для целей наших исследований наибольший интерес. В нем наблюдаются следующие изменения. В нижней его части на некоторое время возрастает роль пыльцы древесных пород, что происходит за счет увеличения главным образом ольхи и широколиственных пород (дуба и вяза). В дальнейшем значение древесных пород уменьшается, и они остаются в таком положении на протяжении почти всего культурного слоя. Затем состав леса изменяется. Сосна и широколиственные породы уступают место сначала березе, а затем ольхе и орешнику. Как известно, после вырубок и уничтожения первобытных лесов первыми пионерами леса являются именно эти породы. Такое явление можно наблюдать повсеместно, оно хорошо известно ботаникам и на него ссылаются палинологи[6]. Максимум пыльцы ольхи и березы падает на верхнюю часть неолитического культурного слоя, затем эти породы довольно резко идут на снижение. Таким образом, уменьшение лесной площади и смена древесных пород обусловлены деятельностью человеческого общества. Как только этот фактор устраняется в то время, когда неолитическое население исчезает с берегов Сейма, снова происходит увеличение лесных площадей и восстанавливается господство тех же лесов из сосны и широколиственных пород, которые существовали здесь до нарушения естественного растительного покрова. Влияние деятельности человеческого общества на растительный покров находит свое подтверждение в диаграммах спор и пыльцы травянистых растений. Уменьшение лесной площади и ее освоение отразились на составе спор: к середине культурного слоя сильно сокращается количество спор папоротников. Кривая спор плаунов в культурном слое идет на увеличение, и своего максимума они достигают в культурном слое. В этом же слое отмечено и наибольшее разнообразие их видов, что свидетельствует о наличии наряду с лиственными хвойных лесов, вероятно, осветленных вырубками. Особенно показателен для культурного слоя состав пыльцы травянистых растений. В появлении и расселении синантропных растений наблюдается определенная последовательность. Первыми появляются подорожники (Plantago lanceolata и Plantago sp.) и лебедовые (Chenopodium album и др.), затем гречишные (Polygonum bistorta и др.) и крапива (Urtica). Эти растения отмечены ниже культурного слоя: они появились на исследованной территории вместе с первым вторжением населения. Позднее в культурном слое пыльца подорожника образует максимум, достигающий 24% состава всей пыльцы травянистых растений, что говорит о пребывании здесь оседлого населения. Вслед за этим увеличивается и количество лебедовых. В верхних горизонтах культурного слоя в нескольких смежных образцах отмечена пыльца культурных злаков. Она не отличалась хорошей сохранностью, но по широкому околоспоровому валику удалось установить ее принадлежность пшенице (Triticum sp.). Максимальное количество всех синантропных, а также культурных растений приходится на культурный слой.

Затем в силу каких-то причин обжитой район покидается населением, и с его исчезновением в анализах перестает отмечаться пыльца сорных и культурных растений. Снова они появляются лишь в современном почвенном слое.

Культурный слой поселения появляется несколько раньше максимума

---

[6] J. Jversen. Forest Clearance in the Stone Age. «Scientific American», 194, 3—4, 1956.

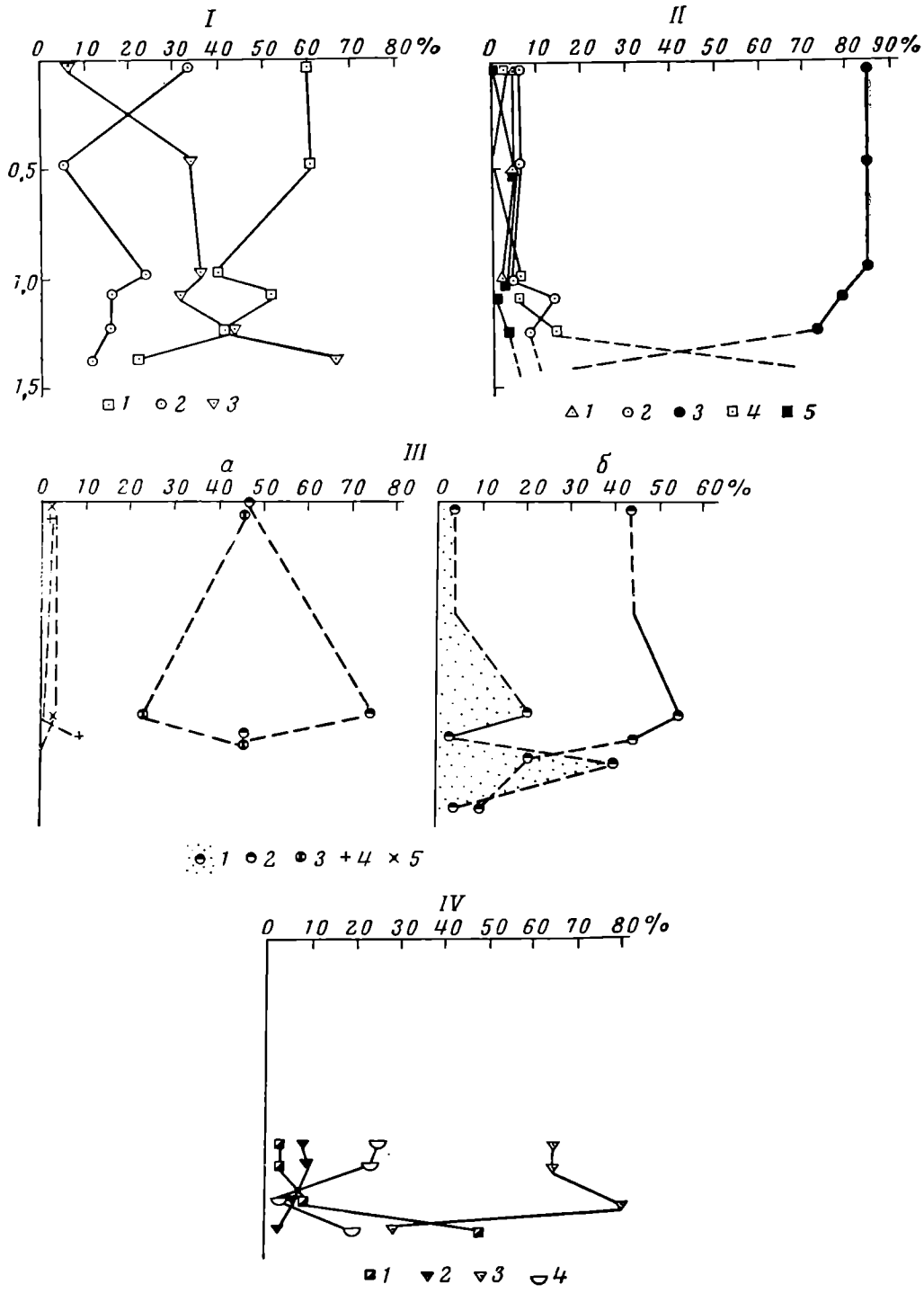


Рис. 3. Спорово-пыльцевые диаграммы отложений поймы р. Десны в месте расположения Арельского поселения

I — Общий состав пыльцы и спор. *1* — пыльца древесных пород; *2* — пыльца травянистых растений; *3* — споры.
II — Пыльца древесных пород. *1* — ели; *2* — березы; *3* — сосны; *4* — ольхи; *5* — сумма пыльцы широколиственных пород.
III — Пыльца травянистых растений (*а*) и злаков (*б*). *1* — культурных злаков; *2* — дикорастущих злаков; *3* — разнотравья; *4* — полыни; *5* — лебедовых.
IV — Споры. *1* — плаунов; *2* — сфагновых мхов; *3* — зеленых мхов; *4* — папоротников

смешанного дубового леса и соответственно этому может быть датирован концом атлантического периода или самым ранним суббореальным периодом. По личному сообщению Д. Я. Телегина, это не противоречит датировке, сделанной по археологическим данным.

Арельское поселение расположено в краевой части поймы р. Десны. Культурный слой поселения выходит в обрывах поймы на протяжении около 70 *м* и размывается водами Десны [7].

Общий состав пыльцы и спор (рис. 3) показывает наличие лесов в окружающей местности в течение всего периода формирования поймы. Со времени возникновения культурного слоя в исследованном районе существовали сосновые леса с тем или другим вкраплением широколиственных пород. В конце этого периода появляется ель.

В нижней части культурного слоя наблюдалось увеличение ольхи, а ее максимум, как это можно судить по статистическим подсчетам, вероятно, залегает под ним — в отложениях песка. Из 23 подсчитанных пыльцевых зерен древесных пород на ольху здесь приходится 14 зерен. На отдельной диаграмме показано направление кривых пыльцы культурных злаков. Появление пыльцы культурных злаков происходит в нижней части гумусированного культурного слоя. Она содержится во всех горизонтах поймы и образует два выступа. Уменьшение пыльцы культурных злаков между этими выступами, вероятно, объясняется временным перерывом в возделывании полей. В этот период, когда население уходит с обжитого места, увеличивается роль леса и более широко расселяются дикорастущие злаки и папоротники. Вполне возможно, что поселение носило временный (сезонный) характер. Помимо данных пыльцевого анализа, такое положение подтверждается также условиями залегания культурного слоя, который располагается в нижней части пойменной фации и соответствует тому периоду, когда молодая пойма периодически заливалась рекой. Вероятно, такое же явление имело место в неолитическом поселении Скуносово, где также имеются перерывы в кривой пыльцы культурных растений и, следовательно, в возделывании земель.

Датировка Арельского поселения выявляется по истории лесов. По данным М. И. Нейштадта [8], изученный нами район характеризуется полесским типом диаграмм. Эти диаграммы имеют много общих черт с полученными нами для Арельского поселения и почти полностью совпадают в некоторых отрезках. Пыльцевые диаграммы полесского типа для среднего голоцена, по М. И. Нейштадту, соответствуют тем показателям, которые получены для нижней части пойменных отложений Арельского поселения. Таким образом, благодаря сходству диаграммы поймы Десны с типичными и датированными голоценовыми отложениями представилась возможность датировать нижние слои поймы суббореальным периодом — средним голоценом (давностью 2500—4500 лет). Образование культурного слоя произошло позднее, в начале субатлантического периода. Это также подтверждается археологическими исследованиями, по которым поселение датируется последними веками до нашей эры — первыми веками нашей эры. Как видно из изложенного, неолитические поселения Скуносово и Арельское, а также поселение трипольской культуры Лука-Врублевецкая [9] перекрывались аллювиальными отложениями. По наблюдениям Г. И. Швеца [10], многие другие неолитические поселения, в том числе и Вита Литовская, расположенные в долине Днепра, также имеют эти чер-

---

[7] А. А. Величко, В. А. Падин, Р. В. Федорова. О комплексном изучении Арельского поселения на р. Десне. СА, 1960, 2.

[8] М. И. Нейштадт. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957.

[9] С. Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублевецкая и его значение для истории раннеземледельческих племен юга СССР. СА, XI, 1949.

[10] Г. И. Швец. Сведения о водности Днепра в предысторическое время. Изв. Всес. Геогр. о-ва, 1960, 82, 5.

ты. Из этих данных вытекает, что перекрытие неолитических поселений речными наносами происходило по Днепру и его притокам, а также и по Днестру, т. е. это явление выходило из рамок местного значения.

Дж. Г. Д. Кларк [11] отмечает, что в Западной Европе неолитическое население время от времени оставляло места своего обитания. Так, в Польше земледельцы Дунайской культуры покидали свои поселения до трех раз на протяжении короткого времени. Дж. Г. Д. Кларк объясняет это системой экстенсивного земледелия, но, вероятно, причины переселений были разные. В одних случаях они были обусловлены высоким подъемом уровня воды в реках, в других, согласно Дж. Г. Д. Кларку, зависели от экономических условий. Исследование неолитических поселений, расположенных по р. Сейму, по мнению археологов, является чрезвычайно важной проблемой [12]. В долине Сейма выявились два типа поселений: поселения «лесного» типа (с ямчато-гребенчатой керамикой) и «лесостепного» (с гребенчатой керамикой особого типа), тяготеющего к югу.

Еще недостаточно ясен характер «лесной» неолитической культуры Украины и ее особенностями по сравнению с более северными родственными ей окскими культурами, и для поселений этого типа необходимо углубленное изучение, в частности, таких вопросов, как занятия населения, датировка и т. д. В некоторых неолитических поселениях долины Сейма наблюдается совместное залегание керамики двух указанных выше культур. Поэтому эти поселения заслуживают большого внимания, и те дополнительные сведения, которые получены для Скуносова благодаря применению спорово-пыльцевого анализа, могут пополнить данные археологов.

Особое значение приобретает исследование поселения Вита Литовская. По Д. Я. Телегину, неолитическое население существовало здесь длительное время, начиная с III тысячелетия до н. э., и оставило значительный след [13]. Здесь встречены сосуды, при изготовлении которых применялась растительная масса, возможно мякина, отпечатки зерен ячменя и пыльца пшеницы и ржи. До настоящего времени первыми земледельцами в III тысячелетии до н. э. считались носители культуры Дунайского бассейна (центральная и юго-восточная часть Европы). Хозяйственная деятельность неолитического населения лесных и лесостепных районов Восточной Европы, по существующему мнению, была основана на более примитивных формах хозяйства: охоте, рыболовстве и собирательстве. Однако исследования поселения Виты Литовской показали, что можно утверждать о существовании на северо-западе Украины в III тысячелетии до н. э. прогрессивных форм хозяйства — земледелия и скотоводства. В связи с этим открытием в поселении Вита Литовская существенно меняются представления о занятии, хозяйственной деятельности и уровне культуры неолитического населения Украины.

Нельзя оставить без внимания интереснейшую работу Е. Ф. Лагодовской, касающуюся Михайловского поселения, расположенного в Херсонской обл. на правом притоке Днепра [14]. Поселение датируется ранней бронзой — рубежом III—II тысячелетия до н. э. По находкам костей домашних животных (бык, овца, коза, лошадь, свинья) выяснилось, что скотоводство было основной формой хозяйственной деятельности обитателей. Наряду с ним было значительно развито земледелие, о чем говорят найденные при раскопках зернотерки, кремневые вкладыши серпов и др.

По мнению Б. А. Латынина, результаты раскопок Михайловского поселения и другие данные требуют коренного пересмотра прежних представлений о низком уровне развития производительных сил и хозяйстве

---

[11] Дж. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953.

[12] Д. Я. Телегин. Исследование неолитических памятников в окрестностях г. Путивля на р. Сейме. КСИА, 4, 1955.

[13] Д. Я. Телегин. Отпечатки зерен ячменя..., стр. 9.

[14] Е. Ф. Лагодовская. Михайловское поселение и его историческое значение. КСИА, 4, 1955.

периода энеолита и ранней бронзы в степях и лесостепях Восточной Европы [15]. В этот период здесь существовало постоянное население, занимавшееся земледелием и придолинным скотоводством и обитавшее в крупных поселениях.

Некоторые данные спорово-пыльцевого анализа находятся в хорошей корреляции с исследованиями археологов, что подтверждает действенность этого метода при археологических исследованиях и открывает перспективы в решении этой важной проблемы. Благодаря специфичности спорово-пыльцевого анализа признаки земледелия могут быть найдены там, где оно не обнаружено по археологическим материалам. Так, в культурном слое могут не сохраниться земледельческие орудия труда, если они были сделаны из дерева, и в таких случаях руководящими находками может служить пыльца культурных растений. Можно ожидать, что наиболее полное представление о хозяйственной деятельности населения каменного века будет создано при совместных исследованиях палинологов с археологами. Проведенные исследования показывают, что для изучения этого вопроса следует привлекать материалы, непосредственно взятые из поселений: образцы культурного слоя, содержимое сосудов, керамическое тесто и т. д.

Полученные нами результаты не позволяют делать широких обобщений и не могут быть распространены на большие пространства, потому что их еще слишком мало для такой обширной территории, которую представляют лесостепная и степная зоны нашей страны. Выяснить, насколько интенсивно было влияние неолитического населения на изменение природной среды — дело дальнейших исследований. Но уже то, что в культурном слое происходит нарушение естественного растительного покрова, отражающееся как в общем составе пыльцы и спор, так и в составе пыльцы травянистых растений, появление в нем максимального количества пыльцы синантропных и культурных растений говорит о довольно сложных и интенсивных взаимодействиях человеческого общества и природной среды с давних времен. Раскрытие характера этих взаимоотношений чрезвычайно важно; особенно важно выяснить роль земледелия на территории нашей страны, так как главным образом с развитием земледелия естественные ландшафты превращались в культурные.

---

[15] Б. А. Латынин. К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы. КСИИМК, 70, 1957.

К 80-ЛЕТИЮ МАРИИ ИВАНОВНЫ МАКСИМОВОЙ

В 1965 г. исполняется 80 лет Марии Ивановне Максимовой, известному советскому исследователю истории античной культуры.

М. И. Максимова родилась 17 апреля 1885 г. в Петербурге. Окончив гимназию в 1903 г., она поступила на историко-филологический факультет Высших женских Бестужевских курсов. По окончании курсов в 1909 г. Мария Ивановна была командирована за границу для дальнейшей подготовки к научным занятиям. Вернувшись на родину в первые дни мировой войны, М. И. Максимова в 1916—1917 гг. сдала магистерские экзамены, а в 1918 г. защитила диссертацию на степень магистра по истории и теории искусства. Ее диссертационная работа «Античные фигурные вазы» была опубликована еще в 1916 г. и получила широкую известность и признание как со стороны отечественных специалистов, так и зарубежных ученых. В 1927 г. это исследование было во французском переводе переиздано в Париже.

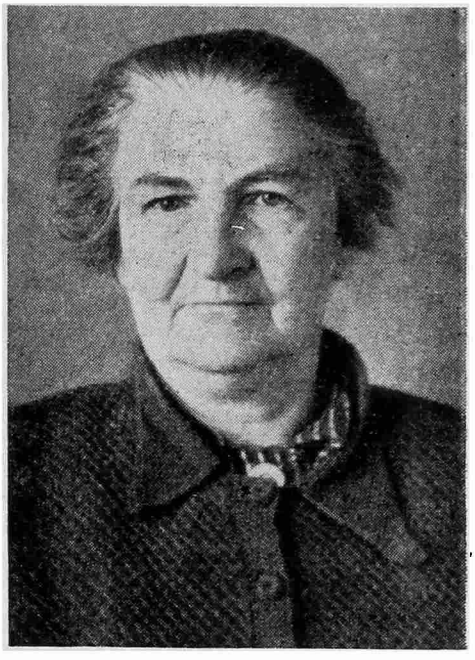
С 1914 г. М. И. Максимова — научный сотрудник Античного отдела и Отделения глиптики Эрмитажа. С тех пор ее научная работа теснейшим образом связана с изучением разнообразных памятников, хранящихся в коллекциях этой крупнейшей сокровищницы шедевров мирового искусства.

Являясь крупнейшим специалистом в области изучения малых форм античного искусства, М. И. Максимова уделяет преимущественное внимание исследованию и публикации замечательных памятников, обнаруженных при раскопках в Северном Причерноморье. Ее перу принадлежат многочисленные работы, посвященные изучению как отдельных памятников, так и целых их групп. Обладая прекрасной филологической и исторической подготовкой и превосходным знанием сравнительных материалов, М. И. Максимова с большим мастерством раскрывает подлинное значение каждого изучаемого ею памятника.

Начиная с 1925 г. с некоторыми перерывами, научная деятельность М. И. Максимовой связана с Институтом археологии АН СССР (бывший ГАИМК и ИИМК), старшим научным сотрудником которого она является и по сей день. В 1928 г. по командировке Наркомпроса Мария Ивановна ездила с научным докладом в Париж и Берлин. В 1939—1941 гг. М. И. Максимова была научным сотрудником Академии наук Грузинской ССР и Государственного музея Грузии, участвуя в разработке и публикации материалов, добытых новыми раскопками в Мцхете и Армази.

В суровую блокадную зиму 1941/42 г. Мария Ивановна не прекращала научной работы в осажденном Ленинграде. Здесь после смерти акад. С. А. Жебелева она возглавила сектор древнего Причерноморья ИИМК, которым руководила в течение ряда лет. В 1942 г. М. И. Максимова была эвакуирована в Елабугу, откуда вернулась в Ленинград в 1945 г. В этом же году за большие научные заслуги ей была присвоена ученая степень доктора исторических наук без защиты диссертации.

С течением времени научные интересы Марии Ивановны неуклонно расширяются и становятся все более многогранными. Если начальный период ее научных занятий связан главным образом с исследованием материалов малых форм искусства — керамики, глиптики, ювелирного искусства, то в дальнейшем все больше внимания она начинает уделять исследованию больших исторических проблем. Ей принадлежат важные обобщающие работы по истории эллинистической техники, древнегреческого искусства и, наконец, фундаментальный труд «Античные города юго-восточного Причерноморья» (1956). Работа над этой монографией потребовала углубленного изучения «Анабасиса» Ксенофонта, результатом которого явился превосходный перевод с комментариями этого произведения, выполненный Марией Ивановной. М. И. Максимова изучает историю этих городов во всех доступных по источникам аспектах их жизни и деятельности, что позволило выяснить подлинное их значение в жизни античного мира и особенно в жизни северного и западного Причерноморья. Мысли Марии Ивановны о необходимости углубленного изучения всего Причерноморья в целом находят все больший отклик.



Последние годы М. И. Максимова посвятила работе над исследованием выдающихся комплексов больших боспорских курганов, которая имеет весьма важное значение для дальнейшего изучения античной культуры на территории нашей страны. Помимо ряда опубликованных статей по этому кругу вопросов Мария Ивановна уже подготовила к печати монографическое исследование об Артюховском кургане, а в настоящее время успешно продолжает работу над материалами других курганов.

Много внимания М. И. Максимова уделила и педагогической работе в высших учебных заведениях Ленинграда. Еще в 1918 г. она стала работать преподавателем, а затем профессором Ленинградского университета. Она читала курсы лекций в Археологическом институте и Институте истории искусств, а в 1945—1947 гг. заведовала кафедрой искусства древнего мира в Институте имени Репина Академии художеств. М. И. Максимову отличает большая широта научной эрудиции и живой интерес к общественной жизни. Ее энергии и работоспособности можно позавидовать.

Товарищи и друзья Марии Ивановны Максимовой от души желают ей доброго здоровья, сил, бодрости и больших новых творческих успехов.

И. Б. Брашинский

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ М. И. МАКСИМОВОЙ

1. Три фаянсовых арибалла. Памятники Музея изящных искусств. СПб., IV, 1913.
2. Античные фигурные вазы, М., 1916.
3. Античная гемма с изображением Ликурга. ЗОРАО, Птг., IX, 1917.
4. Императрица Екатерина Вторая и собрание резных камней Эрмитажа. Сборник Эрмитажа, I, Птг., 1920.
5. Одиссей у Кирки по чашам Бостонского музея. ИРАИМК, II. 2, 1922.
6. Греческий скарабей Эрмитажа из собрания Людвига Росса. Сборник Эрмитажа, II, Птг., 1923.
7. Камея Гонзага. Памятники Гос. Эрмитажа, Л., 1924.

8. Античные резные камни Эрмитажа. Л., 1926.
9. Портреты русских князей и государей работы резчика Дорша. Сборник Эрмитажа, III, Л., 1926.
10. Этрусский скарабей с изображением скифа, СГАИМК, 1, 1926.
11. Резные камни XVIII и XIX вв. в Эрмитаже. Л., 1926.
12. Сказка о «Потерпевшем кораблекрушение» и греческий скарабей VI в. Сб. в честь Н. П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum), I, Прага, 1927.
13. Les vases plastiques dans l'antiquite (Epoque archaïque), 1—2, Paris, 1927.
14. Der «Trajancameo» der Ermitage. Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts, 42 (1927), 1928.
15. Griechisch-persische Kleinkunst in Kleinasien nach den Perserkriegen. JDAI, 43, AA, 1928, 3—4.
16. Une cameé commémoratif de la bataille d' Actium. RA, серия 5, 30, juil-déc. 1929.
17. Античные печати Северного Причерноморья. ВДИ, 1937, 1.
18. Античные архитектурные сады Италии, СА, VII, 1941.
19. Стеклянные многогранные печати, найденные на территории древней Грузии. Изв. ИИЯИ ГрузАН, X, 1941.
20. К «Анабасису» Ксенофонта. ВДИ, 1947, 2.
21. Амиса, город и область. Топография и географические условия. Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. (АН СССР ОИФ), 1947.
22. К вопросу о выходе хеттов на южный берег Черного моря. ВДИ, 1948, 4.
23. Строительная техника. Сб. «Эллинистическая техника». М.— Л., 1948.
24. Сырьевая база и первичная обработка материалов. Там же.
25. Техника промышленности. Там же. В соавторстве с П. В. Ернштедтом и А. Н. Зографом.
26. Камея Гонзага. Сокровища Эрмитажа. М.— Л., 1949.
27. Феодосийские серьги. Там же.
28. Геммы из некрополя Мцхеты — Самтавро (Раскопки 1938/39 г.). ВГМГ, XVI-B, 1950.
29. Местное население юго-восточного Причерноморья по Анабасису Ксенофонта. ВДИ, 1951, 1.
30. Ксенофонт. «Анабасис», Перевод, статья и примечания. Сер. «Литературные памятники». Л., 1951.
31. Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами. МИА, 33, 1954.
32. Надгробие из Херсонеса. СА, XIX, 1954.
33. Серебряное зеркало из Келермеса. СА, XXI, 1954.
34. Hittites in the Black Sea Region, Journal of the Near Eastern studies, т. 10, № 2, 1954, стр. 74—81.
35. Рец.: Сб. «Археология и история Боспора», 1, Симферополь, 1952. СА, XXI.
36. Резные камни. АГСП, 1, М.— Л., 1955.
37. Скульптура. Там же. В соавторстве с М. А. Наливкиной.
38. Рец.: М. М. Кобылина. Аттическая скульптура VII—V вв. до н. э. М., 1954. СА, XXIV, 1955.
39. Ритон из Келермеса. СА, XXV, 1956.
40. Глиняная ткацкая подвеска с оттиском печати. МИА, 50, 1956.
41. Искусство Древней Греции. Сб.: Древняя Греция. М., 1956.
42. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.— Л., 1956.
43. Боспорская камнерезная мастерская. СА, 1957, 4.
44. Рец.: E. Akurgal und L. Budde. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Sinope, СА, 1958, 3.
45. Фрагмент костяного перстня из Ольвии. СА, XXVIII, 1958.
46. Миниатюрная группа на Феодосийских серьгах. Тр. ГЭ, II, Л., 1958.
47. Der kurze Seeweg über das Schwarze Meer im Altertum. «Klio», 37, 1959.
48. О дате Артюховского кургана. СА, 1960, 3.
49. Автореферат: Античные города юго-восточного Причерноморья. ВСО, 6, 1960.
50. Панафинейская амфора из Зеленского кургана. КСИА, АН СССР, 83, 1961.
51. Серебряная пряжка из Артюховского кургана. Там же.
52. Серебряное зеркало из Келермеса. Сб.: Griechische Städte und einheimische Bevölkerung des Schwarzmeergebietes. Berlin, 1961.
53. Ритон из Келермеса. Там же.
54. Амулет из Горгиппии и так называемые «шарики-подвески». СА, 1962, 2.
55. Рец.: H. Küthmann. Beiträge zur hellenistisch-römischen Toreutik, 1958, СА, 1962, 4.
56. Античные геммы и их оттиски на фрагментах глиняных сосудов. МИА, 103, 1962.
57. Львиные псевдо-скарабеи. Тр. ГЭ, VII, Л., 1962.
58. К 60-летию Елены Ивановны Леви. СА, 1964, 1.
59. Рец.: R. A. Higgins. Greek and Roman Jewellery. London, 1961. СА, 1964, 3.
60. Миф о похищении Ганимеда в передаче Боспорского мастера. КСИА, АН СССР, 103, 1964.
61. Золотые серьги из кургана у Феодосии, в кн. «Эрмитаж», изд. «Советский художник», Л., 1964, № 14.
62. Камея Гонзага, там же, № 21.

Публикации

Б. И. ГУСЛИЦЕР, В. И. КАНИВЕЦ, Е. М. ТИМОФЕЕВ

СТОЯНКА БЫЗОВАЯ — ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК У ПОЛЯРНОГО КРУГА

В 1960 г. Коми филиал АН СССР начал осуществлять программу поисков и исследований палеолитических памятников на европейском Северо-Востоке. После частичных раскопок верхнепалеолитической стоянки в Медвежьей пещере на Верхней Печоре [1] археологи и геологи провели разведку в более северных районах — на Средней Печоре с ее притоками Подчеремом и Щугором, а также на Илыче. В 1962—1963 гг. там было открыто и описано 27 ранее не известных пещер.

В отложениях гротов трех пещер (Ажурной, Аньюской и Фигурной), расположенных в бассейне Илыча, шурфовкой обнаружены большие скопления костей плейстоценовых млекопитающих (мамонт, волосатый носорог, зубр, мускусный овцебык, дикая лошадь, пещерный медведь и др.). Установлено, что в ряде пещер на Щугоре и Подчереме также имеются значительные толщи плейстоценовых отложений. Новооткрытые пещеры заслуживают специального исследования, потому что некоторые из них могли быть убежищем палеолитического человека.

В октябре 1963 г. комплексный геолого-археологический отряд Коми филиала АН СССР при участии сотрудников института «Гидропроект» произвел разведочные раскопки на местонахождении плейстоценовой фауны у дер. Бызовой Печорского района Коми АССР. Поводом для этих работ явилось сообщение геолога института «Гидропроект» Е. М. Тимофеева, в 1961 г. обнаружившего здесь вместе с костями ископаемых животных кремневый отбойник. Раскопками было установлено наличие слоя палеолитической стоянки [2].

Стоянка Бызовая находится выше 65° с. ш., в 175 *км* от полярного круга, в 60 *км* западнее хребта Приполярного Урала. Отсюда хорошо виден скалистый массив горы Сабли (1425 *м*). Эта местность лежит в пределах северной полосы таежной зоны.

Описываемый памятник расположен на правом берегу Печоры, делающей здесь крутую излучину, в обращенной на юг устьевой части большого безымянного лога, по дну которого течет ручей. По крайней мере в течение нескольких десятилетий высокий берег реки усиленно размывался, и значительная, если не основная, часть стоянки уничтожена. В последние годы русло реки начало отступать от этого места, и разрушение памятника прекратилось. Береговой склон задерновывается и покрывается древесной растительностью (рис. 1).

---

[1] Б. И. Гуслицер, В. И. Канивец. Пещеры Печорского Урала как источник изучения четвертичного периода. Изв. Коми филиала ВГО, 7, Сыктывкар, 1962; их же. Первая палеолитическая стоянка на Печорском Урале. БКИЧП, 27, М., 1962.

[2] Раскопки велись археологом В. И. Канивцом, геологами Б. И. Гуслицером и Е. М. Тимофеевым. В работах приняли участие геологи Э. И. Лосева, А. Н. Симонов и А. И. Юткевич, лаборант Р. Н. Циварева.

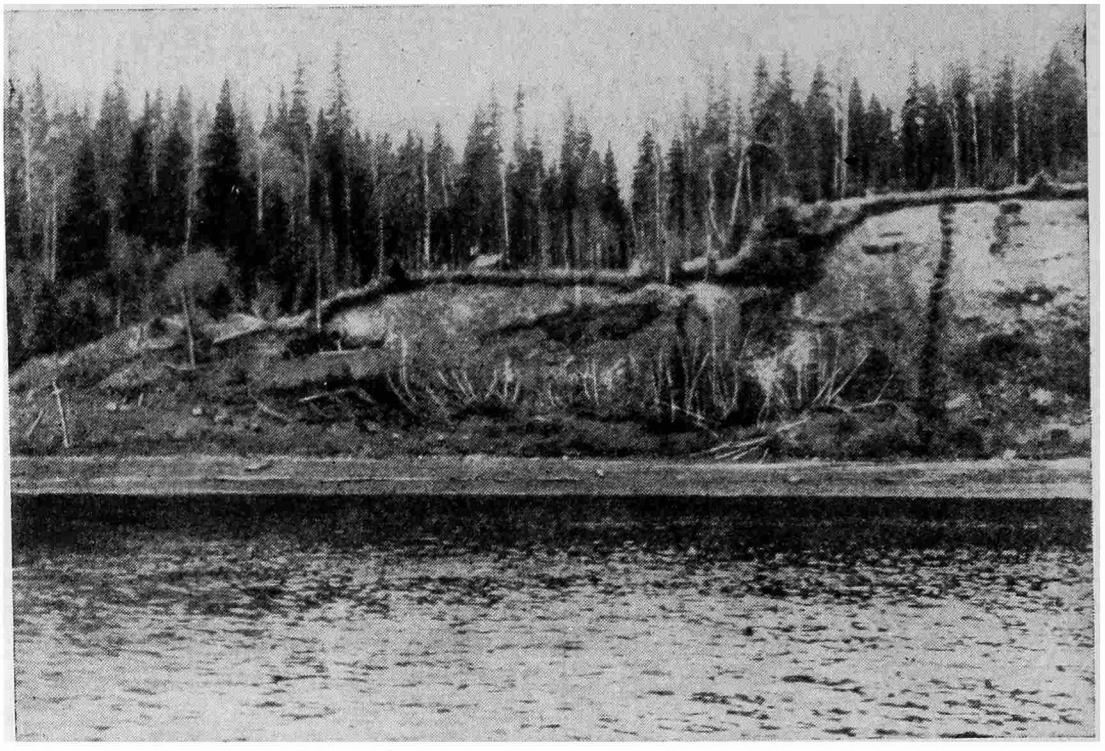


Рис. 1. Стоянка Бызовая. Вид с Печоры

Культурные остатки залегают в основании толщи глинистого галечника непосредственно над коренным цоколем II и III террас [3], поверхность которых на этом участке лежит на высоте 12 и 18 *м* над урезом межени р. Печоры.

Раскопки (расчистка берегового обнажения) велись на участке длиной 17,5 и шириной 1,0—1,5 *м* до глубины 2,0—5,5 *м* от поверхности террас. Всего расчищена площадь около 25 $м^2$. Этими раскопками, а также шурфовкой и небольшими зачистками культурный слой прослежен вдоль берегового склона на протяжении 30 *м*. Кроме того, в 30 *м* западнее ручья в основании высокого берега обнаружены отдельные кости плейстоценовых животных.

Приводим краткую характеристику отложений, слагающих II и III террасы на участке раскопа (рис. 2). Строение основания обеих террас в общем одинаково. На их коренном цоколе, сложенном пестроцветными супесями и алевритами бызовской свиты верхней перми, лежит толща глинистого галечника мощностью до 1,6 *м* (горизонт I), в которой находится слой с многочисленными обломками костей плейстоценовых млекопитающих и обработанным кремнем. Толща глинистого галечника вместе с подстилающими ее пермскими породами смята криотурбациями в крутые крупные складки. Наблюдающиеся языковидные затеки являются признаком солифлюкционных процессов, активно протекавших в условиях сурового, холодного климата.

В западной части раскопа (II терраса) на глинистый галечник налегают серые горизонтально-слоистые аллювиальные пески (рис. 2, *XIX*). На среднем и восточном участках (III терраса) строение верхней части разреза более сложное. В крайних восточных квадратах толща галечника перекрыта слоем серого песка (рис. 2, *II, IV*). Оба эти горизонта были сформированы в одну фазу осадконакопления и захвачены единой системой деформаций мерзлотного происхождения.

Выше по разрезу залегает хорошо выраженный на протяжении почти

[3] За первую террасу принимается пойма.

всего раскопа слой гальки с песчаным заполнителем (рис. 2, *V*). Этот слой представляет собой русловый аллювий, сформированный в процессе эрозионного вреза, который предшествовал накоплению лежащих выше осадков. На песчанистый галечник налегает пачка слоев желтых, местами сероватых аллювиальных песков и супесей с тонкими прослоями гравия (рис. 2, *VII—XVII*). Эти слои смяты, как правило, в мелкие, а изредка — в крупные складки.

Верхняя часть разреза III террасы представлена горизонтально-слоистыми аллювиальными песками (рис. 2, *XVIII*). Отсутствие каких-либо признаков морозных смятий слоев свидетельствует о том, что заключительная фаза накопления аллювия террасы отвечает периоду относительного потепления.

В толще глинистого галечника собрано 146 костей мамонта (Elephas primigenius Blum.) и один обломок рога северного оленя (Rangifer tarandus L.). Кости мамонта принадлежали, по крайне мере, двум особям, в том числе одному молодому экземпляру [4]. Остеологический материал состоит из трубчатых костей, преимущественно в обломках (плечевая, бедренная, голень, плюсна, пяточная), частей таза и черепа, ребер, позвонков, а также фрагментов бивней. По заключению Н. К. Верещагина, мамонт относится к позднему типу (определение сделано по коренному зубу). Западнее раскопа, за ручьем, найдено семь костей, из которых шесть принадлежали мамонту, а одна — северному оленю.

Ранее, в 1961—1962 гг., большой фаунистический материал (422 кости) был собран Е. М. Тимофеевым на участке рядом с раскопом 1963 г. Кости принадлежали в основном мамонту, а в единичных случаях — северному оленю (лучевая) и белому медведю — Thalassarctos maritimus Phipps (обломок большой берцовой) [5]. В одном месте, отвечающем квадратам 17—19-а-б, на площади около 4 $м^2$, обнаружено большое скопление остатков мамонта (пять бивней, которые принадлежали двум взрослым и одному молодому экземпляру, череп в крупных обломках, позвонки, ребра, бедренная и локтевая кости).

Кости, собранные в слое, почти или совершенно не несут следов окатанности, что исключает предположение об их перемещении на значительное расстояние. Костная ткань сильно минерализована, сравнительно хорошей сохранности.

Из трех определенных здесь видов млекопитающих особенный интерес представляет белый медведь, остатки которого никогда еще не встречались на палеолитических стоянках. Присутствие этого вида указывает не только на суровые климатические условия, но и на близость береговой линии Ледовитого океана. Белые медведи обычно не заходят в глубь тундры более чем на 1—2 *км* [6].

Основная масса костей приходится на нижнюю часть толщи глинистого галечника. Именно здесь, на одном стратиграфическом уровне, над поверхностью коренных пермских пород залегал обработанный человеком кремень (лишь один кремневый отщеп — рис. 3, *8* — находился в средней части толщи глинистого галечника). В слое с находками не наблюдалось следов каких-либо сооружений или кострищ.

На стоянке найдено около 15 кремневых предметов со следами деятельности человека. Кремень преимущественно светлый, серых и желтоватых тонов, характерный для конкреций из отложений нижней перми и верхнего карбона гряды Чернышева и Печорской гряды, которые находятся, соответственно, в 50 *км* к востоку и в 30 *км* к юго-западу от стоянки. В одном случае кремень темно-серый, из конкреций, встречающихся в девонских и нижнекарбоновых известняках на тех же возвышенностях.

---

[4] Определение Н. К. Верещагина.

[5] Определение Э. А. Вангенгейм.

[6] Н. А. Бобринский, Б. А. Кузнецов, А. П. Кузякин. Определитель млекопитающих СССР. М., 1944.

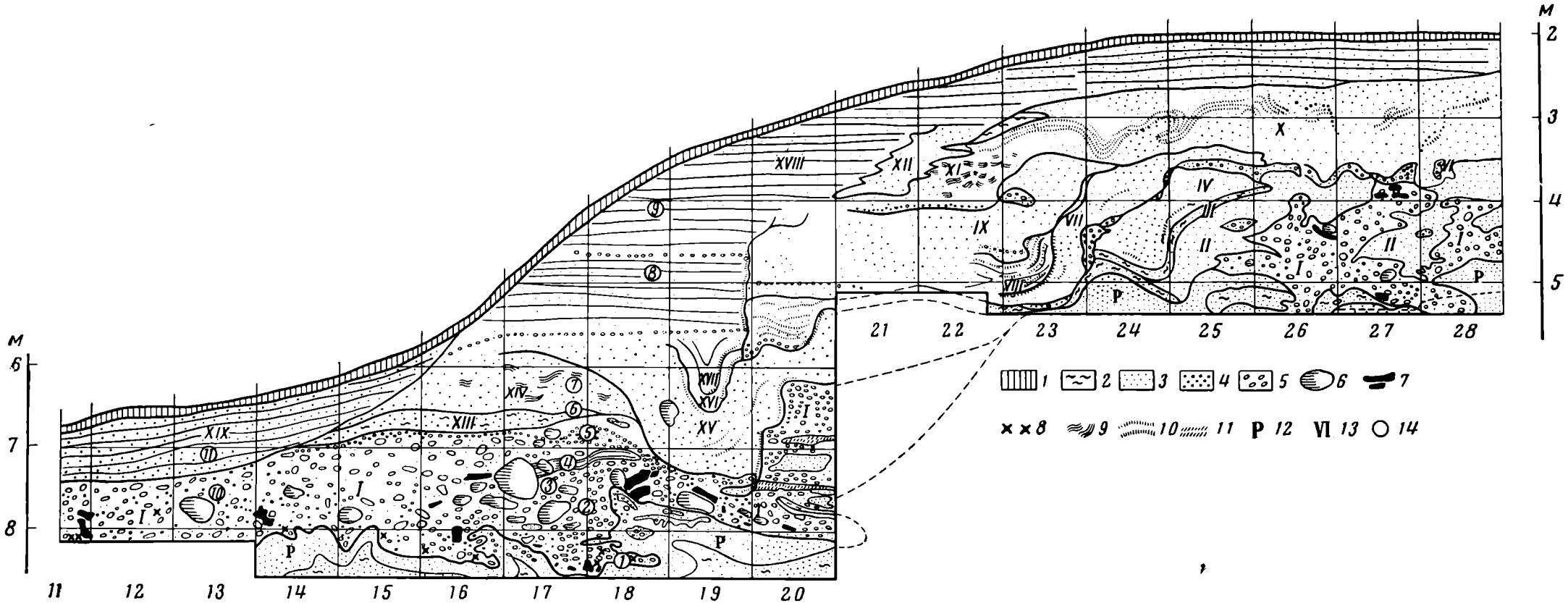


Рис. 2. Продольный разрез раскопа (по линии между полосами В и Г):

1 — дерн; *2* — глина; *3* — песок; *4* — гравий; *5* — галька; *6* — валуны; *7* — кости; *8* — обработанный кремень; *9* — слоистость; *10* — ожелезнение; *11* — омарганцевание; *12* — пермские отложения; *13* — номера горизонтов; *14* — номера и места взятия образцов. Горизонты: *I* — глинистый галечник с валунами; *II* — супесь серая неслоистая с редкими зернами гравия и галькой; *III* — супесь коричнево-серая; *IV* — супесь желтовато-серая с линзами и прослоями коричневого суглинка; *V* — галечник с песчаным заполнителем; *VI* — линза сильно ожелезненного песка; *VII* — песок серовато-желтый, местами сильно ожелезненный; *VIII* — пачка слоев голубой, серой и белесой супеси; *IX* — песок желтоватый неслоистый; *X* — песок желтоватый; *XI* — песок белесый; *XII* — песок серый неслоистый; *XIII* — супесь серая; *XIV* — супесь желтовато-серая; *XV* — песок тонкий желтовато-серый; *XVI* — супесь голубовато-серая; *XVII* — песок желто-серый; *XVIII* — песок серовато-желтый горизонтально-слоистый; *XIX* — супесь серая горизонтально-слоистая

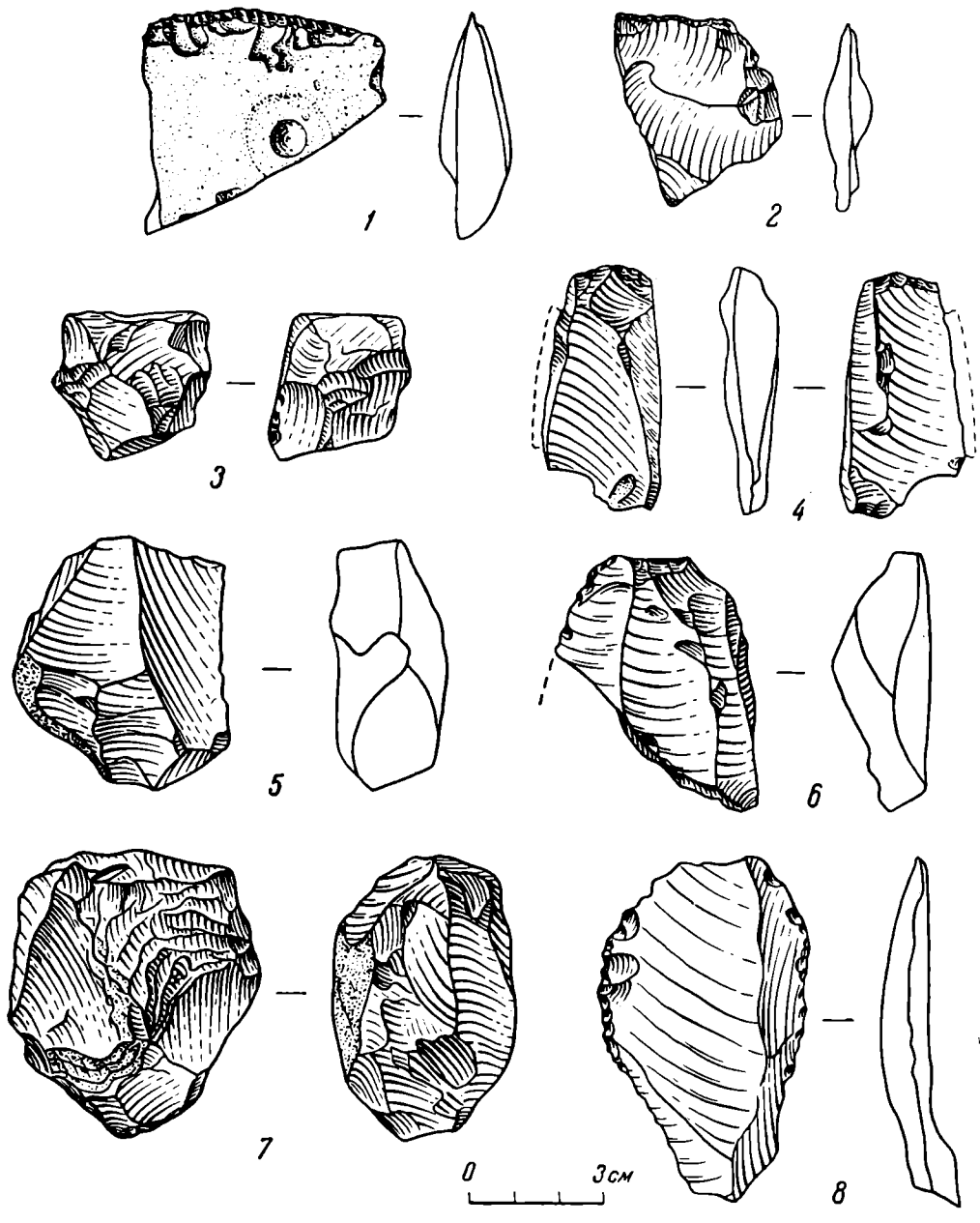


Рис. 3. Кремневые изделия

Кремневый инвентарь состоит из отбойников, нуклеусов, нескольких орудий для резания и скобления, а также из осколков[7]. Отбойники представлены двумя экземплярами — целым (рис. 3, *7*) и обломком. В первом случае в качестве отбойника служил нуклеус, на котором сохранился небольшой участок корки окремнелого известняка. С одной стороны поверхность нуклеуса имеет звездчатую структуру и следы смятия, возникшие в результате сильных ударов. Такие же следы ударов наблюдаются на обломке другого, более крупного отбойника. Не считая описанного выше нуклеуса, в коллекции есть еще три предмета этой категории. Среди них интересен небольшой сужающийся книзу призматический нуклеус, сколы с которого делались в разных направлениях (рис. 3, *3*). Два предмета являются обломками более крупных нуклеусов (рис. 3, *5, 6*).

В качестве режущих орудий использовались два тонких отщепа. Один из них, тщательно обработанный мелкой ретушью по краю, прежде имел большие размеры и служил ножом, но затем был сломан и употреблялся

[7] Изучение функций орудий выполнено Г. Ф. Коробковой (лаборатория археологической технологии ЛОИА).

как резец (рис. 3, *2*). Под бинокулярным микроскопом по краю орудия хорошо заметна односторонняя заполировка, заходящая на широкие фасетки спинки. Линейных следов работы нет. На втором отщепе по краю имеются следы изнашивания, показывающие, что этот предмет использовался для резания (рис. 3, *8*).

Из отщепов изготовлены также два скребка. На спинке первого осталась корка окремнелого известняка с отпечатком раковины; рабочий край тонко отретуширован (рис. 3, *1*). Функцию следующего предмета — отщепа, сохранившего часть ударной площадки (рис. 3, *4*),— удалось установить лишь путем специального исследования под бинокулярным микроскопом. С одной стороны ребра сглажены, очевидно, движениями руки, в которой держали это орудие, а с другой — острые, причем по краю, отмеченному на рисунке пунктиром, видны линейные следы работы. Описанный отщеп служил боковым скребком.

Остальные шесть предметов — осколки, полученные при обработке кремня. Один из осколков, на котором сохранилась часть ударной площадки, небрежно ретуширован по краю. Кроме рассмотренных изделий, в слое глинистого галечника собрано более 40 обломков и осколков кремня и кремнистой породы, не имеющих следов обработки человеком.

Первые находки на стоянке Бызовой, при всей их малочисленности, позволяют сделать некоторые заключения. Присутствие отбойников и нуклеусов указывает на то, что обработка кремня производилась здесь же, на месте. Интересно, что в коллекции нет пластин; орудия, за исключением отбойников, изготовлены из отщепов. Однако из этого до получения массового материала рискованно делать какие-либо выводы.

Возраст слоя стоянки определяется временем начала формирования толщи глинистого галечника. На первый взгляд может показаться, что этот горизонт является аллювием III террасы. В действительности же глинистый галечник генетически связан не с III террасой, а с более древней 35-метровой V террасой Печоры. В 1,5 *км* ниже по течению от стоянки на том же уровне над рекой, в основании разреза V террасы лежит аналогичная и, по-видимому, одновозрастная галечниковая толща. Она также испытала сильное воздействие морозных процессов: прослеживаются ярко выраженные морозобойные клинья и другие деформации мерзлотного происхождения. И здесь найдена плейстоценовая фауна — окатанные обломки бивня и трубчатой кости мамонта. Степень фоссилизации костей приблизительно такая же, как и на стоянке Бызовой. Таким образом, вопрос о возрасте стоянки Бызовой сводится к определению времени формирования галечниковой толщи, залегающей в основании V террасы Печоры.

Основные особенности формирования V террасы таковы. Если отложение костеносного галечника происходило в континентальных условиях (в долине реки), то материал, слагающий среднюю и верхнюю части разреза, накапливался преимущественно в литоральной и сублиторальной зонах мелководного морского (или подпрудного приледникового озерного) бассейна. Осадки, перекрывающие костеносный галечник, представлены типичными для этих зон косо- и перекрестнослоистыми песками и галечниками, горизонтальнослоистыми песками и супесями. Наличие в этих отложениях нескольких погребенных уровней с морозобойными клиньями и другими мерзлотными деформациями свидетельствует, во-первых, о периодических регрессиях моря (или подпрудного озера), в результате чего обнажалась часть его дна, и, во-вторых, о весьма суровых климатических условиях, об условиях ледниковья.

Поверхность V террасы, ранее представлявшая собой дно морского (или приледникового озерного) бассейна, хорошо прослеживается в северном направлении. Ее абсолютные отметки колеблются в небольших пределах и равны 80—90 *м*. Тот факт, что в бассейне р. Усы в районе станции Абезь эта терраса сливается с зандрами максимальной стадии верхнечетвертичного валдайского покровного оледенения, позволяет

предполагать одновозрастность осадков этой стадии и террасы. Отсюда можно сделать заключение, что нижняя часть разреза V террасы и костеносный галечник были сформированы, по-видимому, в начале или перед началом максимальной стадии валдайского оледенения.

В связи с недостаточной изученностью четвертичных отложений европейского Северо-Востока и небольшим объемом проведенных авторами исследований дать более точную геологическую датировку V террасы и, тем самым, стоянки Бызовой пока не представляется возможным.

Лог в период обитания в нем палеолитического человека представлял собой террасированную долину, разработанную ручьем в пермских породах. Стоянка располагалась на поверхности этих террас в приустьевой части лога. Повышение базиса эрозии привело к накоплению в логу грубообломочного материала (глинистого галечника), перекрывшего культурные остатки. В дальнейшем в приустьевой части лога преобладала аккумуляция, а не размыв, и русловые процессы не могли сильно разрушить слой стоянки. Водой, по-видимому, были смыты располагавшиеся на поверхности террас остатки костров (угли и зола), но сравнительно тяжелые предметы — кремень и крупные кости — в большинстве случаев остались на месте их первоначального отложения. Об этом свидетельствует приуроченность орудий и основной массы фаунистического материала к одному определенному уровню, отсутствие признаков окатывания у кремня и почти всех костей.

Формирование рельефа участка стоянки завершилось в конце валдайского ледникового века и в голоцене. В результате значительных колебаний уровня базиса эрозии в толще отложений V террасы был разработан современный лог, унаследовавший древнюю погребенную долину лога.

Совокупность геологических, фаунистических и археологических данных не оставляет сомнения в плейстоценовом возрасте слоя стоянки Бызовой. Пока это самый северный палеолитический памятник из известных в мире. Открытие стоянки Бызовой, расположенной у Полярного круга, вновь подтвердило правильность мнения С. Н. Замятнина [8] о том, что крайний северо-восток Европы был заселен человеком еще в палеолитическую эпоху.

---

[8] С. Н. Замятнин. Очерки по палеолиту. М.— Л., 1961.

Б. В. ТЕХОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ 1962 г. В ЮГО-ОСЕТИИ

В 1962 г. Юго-Осетинский научно-исследовательский институт АН Грузинской ССР проводил раскопки могильника у с. Тли в верховьях р. Большой Лиахви. Раскопки вел Юго-Осетинский отряд объединенной археологической экспедиции Института истории имени акад. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР[1]. Эти работы явились продолжением раскопок 1960 г.

Целью раскопок было выявление новых дополнительных материалов по эпохе бронзы Центрального Кавказа вообще, горной полосы Юго-Осетинской автономной области в частности.

В раскопах, как и в предыдущие годы, были обнаружены каменные насыпи. В северо-восточном раскопе насыпь состояла из мелких камней, а в юго-западном из больших глыб. В каменной насыпи северо-восточного раскопа попадались отдельные бронзовые предметы.

В двух раскопах было вскрыто 21 целое погребение и около шести перемешанных (последние преобладали в северо-восточном раскопе). В погребениях были вскрыты одиночные и парные захоронения, но преобладали одиночные. Все костяки, за исключением погр. № 104 и одного из костяков погр. № 117, лежали на правом боку в сильно скорченном положении, головой почти всегда на север. Инвентарь могил состоял из большого количества бронзовых и железных предметов: оружия, посуды, украшений.

На руках многих погребенных были надеты бронзовые браслеты, а на ногах — кольца из толстого, круглого в сечении прута, в области шеи были обнаружены сердоликовые, костяные, янтарные бусы и бронзовые обручи, а на груди — дугообразные фибулы. Большинство костяков было опоясано пластинчатыми поясами, с которыми часто находились и бронзовые пряжки. Многие погребения сопровождали бронзовые и железные топоры, кинжалы, наконечники копий, бронзовые ведра и миски, подвески в виде бараньих и бычьих рогов, фигурки лошадей и быков. В материалах Тлийского могильника глиняная посуда занимает незначительное место. Это объясняется тем, что в период расцвета бронзовой металлургии домашняя утварь в горных районах в основном изготовлялась из бронзы и дерева.

В 1962 г. в Тлийском могильнике глиняные сосуды обнаружены в погр. № 105, 120, 121. Сосуд из женского погр. № 105 (северо-восточный раскоп) представляет собой кружку из чернолощеной глины с прямым горлом, раздутым туловом, плоским дном и с отходящей от венчика ручкой. Этим самым она сближается с глиняными сосудами Змейского поселения эпохи бронзы[2] и некоторыми глиняными сосудами Мцхетского

[1] В работе отряда принимали участие: Б. В. Техов — руководитель отряда, Х. А. Чибиров и В. С. Техов — мл. научн. сотр., А. И. Маргиев — лаборант, В. Г. Козаев — художник.

[2] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, табл. XXIV, *1*.

могильника [3] конца II — начала I тысячелетия до н. э. (погр № 260 и 262). На горле кружки прочерчены четыре пояска, ниже кружка покрыта черным лощением (рис. 1, *1*). Сосуд можно датировать не позднее конца XII в. до н. э., это подтверждают аналогии из Северного Кавказа (Северная Осетия) и Закавказья (Мцхета).

Сосуд из погр. № 121 имеет плоское дно и широкий венчик, края которого отогнуты наружу, ручка плоская. На сосуде есть вертикальное лощение, под венчиком еле заметные прочерченные линии. Он изготовлен

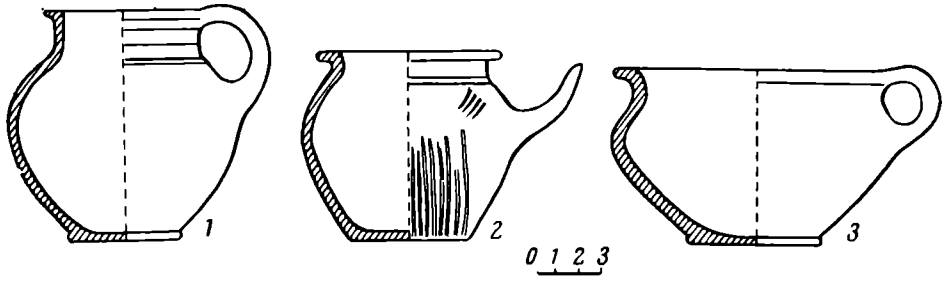


Рис. 1. Глиняные сосуды:
1 — погр. № 105; *2* — погр. № 121; *3* — погр. № 120

из хорошо отмученной глины (рис. 1, *2*). Размер сосуда позволяет считать, что его применяли в качестве кружки для питья.

Сосуд с такой ручкой был обнаружен здесь впервые. В позднебронзовых комплексах Юго-Осетии подобные глиняные сосуды очень редки. Нам известен единственный сосуд из раскопок О. М. Джапаридзе в Ожора [4] (Знаурский район).

Сосуд из погр. № 120 представляет собой кружку с одной ручкой и плоским дном из хорошо отмученной глины. Кружка покрыта черными вертикальными лощеными полосами. Находилась она возле колен костяка в комплексе, состоящем из железной секиры, миски, стоявшей перед черепом; маленького бронзового колечка; бронзовой пряжки, железного кинжального клинка и железной фибулы (рис. 1, *3*). Сосуд при погр. № 121 найден в таком же комплексе, состоявшем из бронзового топора с прямым корпусом и граненой обушной частью, украшенной на лопасти изображением фантастического животного; бронзового кинжала с короткой трубчатой частью, куда вставлялась деревянная рукоять. Кинжал этот типичен для Тлийского могильника.

Кроме того, в комплексе найдены ножные кольца из толстого проволочного прута круглого сечения с разомкнутыми концами, железный кинжал с узким лезвием и изогнутая поясная пряжка с колечками в отверстиях. Последние два предмета хорошо датируются концом VIII— началом VII в. до н. э. Что же касается третьего глиняного сосуда, т. е. кружки из погр. № 120, ее хорошо датирует концом VII — началом VI в. до н. э. обнаруженная с ней же железная секира. Такие же железные секиры из Мцхетского [5], Лугового [6] и других могильников относятся к тому же времени.

Бронзовые сосуды составляют одну из основных групп тлийских материалов, среди них — кружки, миски и маленькое ведерко высотой 17,5 *см*, обнаруженное в погр. № 108. Сосуд этот, склепанный из двух пластин, имеет два маленьких ушка, которые были соединены железной

---

[3] Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957, табл. XV, *3209*.

[4] О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в Ожора. Тр. ТГУ, 65, 1957, стр. 211—212, табл. I.

[5] Р. М. Абрамишвили. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. ВГМГ, XXII-В, 1961, стр. 379, табл. XIX, *2*.

[6] Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 485, табл. LXV, *5*.

проволочной дужкой. Верхний диаметр ведра 18 *см*, его венчик чуть отогнут наружу; дно диаметром 11 *см*, как и у всех сосудов, вогнуто внутрь. Ведерко стояло перед лицом погребенного. На хорошо сохранившемся костяке лежала палка, обернутая бронзовыми пластинками в виде лент.

За целым костяком лежали сильно перемешанные кости другого скелета (видимо, они были нарушены во время вторичного захоронения). Среди этих костей найдена маленькая бронзовая миска (высота 5,5, диаметр 10,5, диаметр дна 3 *см*), полностью повторяющая форму других ми-

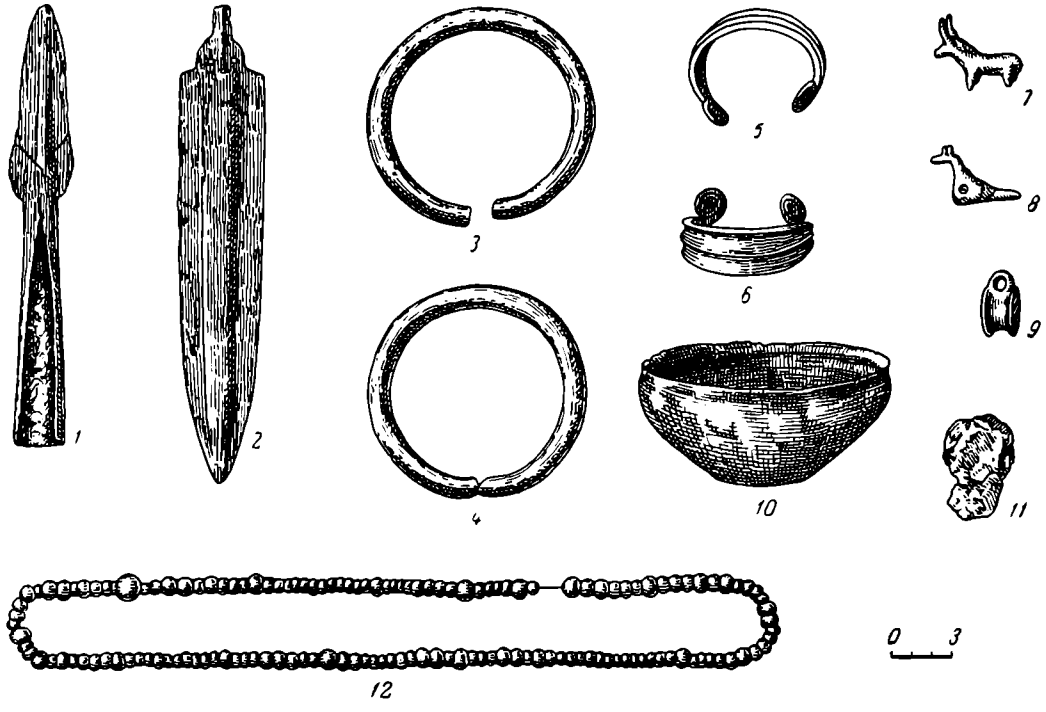


Рис. 2. Инвентарь из погр. № 102

1 — наконечник копья; *2* — кинжальный клинок; *3—4* — ножные кольца; *5—6* — браслеты; *7* — фигурка быка; *8* — фигурка птицы; *9* — привеска; *10* — миска; *11* — бронзовый шлак; *12* — бусы (*1—11* — бронза; *12* — сердолик)

сок. Учитывая размеры миски, можно допустить, что она была детской или ритуальной. Она лежала в сильно поврежденной бронзовой кружке с зооморфной ручкой. Эти два сосуда были наполнены фрагментами бронзового пластинчатого пояса (ширина 4 *см*). Вместе с фрагментами пояса обнаружена маленькая бронзовая поясная пряжка с четырьмя отверстиями. Снаружи изображены две рыбы, направленные к краям пряжки. Помимо этого, в сосудах было несколько ромбовидных бляшек, височных привесок в три оборота и др. Последние изготовлены из позолоченного металла. Кроме того, в миске обнаружены бронзовые кольца (4 экз.) с разомкнутыми концами, причем три кольца были соединены бронзовой цепью.

Описание этого погребения мы дали для того, чтобы лучше понять причину перемешанности костей. Как явствует из погребального инвентаря, нарушенное погребение было захоронено первым. При целом погребении найдены железная секира конца VII — начала VI в. до н. э. и железный кинжал того же времени. С перемешанными же костями железных предметов еще не было. Следовательно, промежуток между этими двумя погребениями составляет около двух столетий, если не больше.

Бронзовые миски были обнаружены также в погр. № 102, 103, 106, 114, 117, 118, 120, 121. За исключением целых мисок из погр. № 102, 114 и 121, от некоторых сохранились незначительные куски, другие же полностью рассыпались (погр. № 117, 118).

Бронзовая миска из погр. № 102 маленькая (рис. 2, *10*). Она полностью повторяет миску из погр. № 108. Миска найдена в комплексе, где

изделия из железа еще были редки (на груди костяка лежал какой-то предмет овальной формы из железа). Комплекс погребения состоит из бронзового наконечника копья архаической формы, с широкой раскрытой втулкой, на которой имеются два сквозных отверстия. На той стороне листовидной части, от которой трубка треугольно раскрывается, имеются лишние откованные перья, которые делались, видимо, после отливки (рис. 2, *1*).

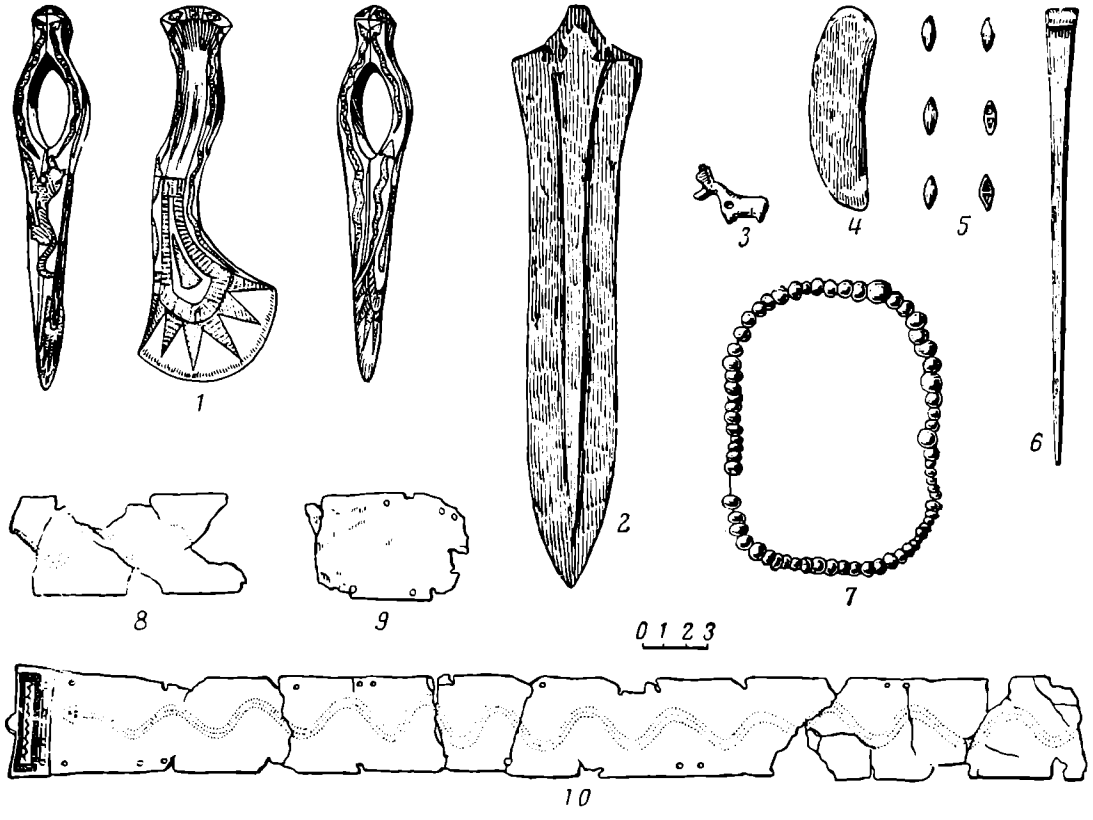


Рис. 3. Инвентарь из погр. № 101

1 — топор; *2* — кинжальный клинок; *3* — фигурка оленя; *4* — маленький нож; *5* — ромбовидные пуговицы; *6* — булавка с завернутой головкой; *7* — бусы; *8—10* — пластинчатый пояс (*1—6, 8—10* — бронза; *7* — сердолик)

Как известно, копья с раскрытыми втулками рассматриваемого типа в Грузии появляются не позже XIV в. до н. э. В горах Центрального Кавказа аналогичные копья уже не встречаются. Следовательно, в Тлийском могильнике присутствие наконечника копья раннего этапа позднебронзовой эпохи объясняется слишком долгим сохранением некоторых форм оружия раннего периода. Аналогичный наконечник копья есть в коллекции Юго-Осетинского государственного музея краеведения[7], он, видимо, датируется концом XIV — началом XIII в. до н. э.

С наконечником копья в комплексе предметов из погр. № 102 имеется кинжальный клинок с треугольным черенком, тонко отточенными лезвиями и выпуклой серединой (рис. 2, *2*). Подобные клинки характерны для Тлийского могильника и, видимо, являются показателем локальности района. С этими предметами в комплексе были также бронзовые ножные кольца из толстого прута с несомкнутыми концами (рис. 2, *3*), плоские браслеты с граненой наружной поверхностью и постепенно суживающимися, завернутыми в спираль, концами (рис. 2, *5, 6*), бронзовая фигурка быка (рис. 2, *7*), фигурка птицы (?) с длинным клювом и ушами, бронзовая подвеска в форме катушки с петлей для подвешивания и бусы из сердолика и пасты (рис. 2, *8*, *9* и *12*).

Как видим, приведенный комплекс очень интересен, особенно тем, что

[7] Коллекция Юго-Осетинского государственного музея краеведения; см. также Т. Н. Чубинишвили. Ук. соч., стр. 80, табл. XVI, *1629*.

в нем сочетаются наконечник копья очень архаичного типа и предмет из железа (возможно, украшение).

Изготовление из железа мелких предметов в виде украшений еще не является показателем начала эпохи железа [8], поэтому рассмотренный выше комплекс должен быть датирован концом XII в. до н. э., так как в горах Центрального Кавказа регулярное развитие металлургии железа начинается приблизительно с XI в. до н. э. [9].

В материалах из раскопок 1962 г. имеются прекрасные образцы оружия: топоры, булавы, наконечники копий, кинжалы. Топоров найдено восемь экземпляров, причем четыре железных и четыре бронзовых (последние обнаружены в погр. № 101, 109, 114, 121).

Топор из погр. № 101 (рис. 3, *1*) является классическим образцом так называемых кобанских топоров с двусторонне изогнутым в противоположные стороны корпусом. Лопасть топора украшена треугольными лучами, заполненными елочкой и мелкими точками. Они отходят от дугообразной ленты, повторяющей форму топора, заполненной елочным узором. Заключенный в ней треугольник также заполнен точечным узором. На лобной части топора изображена собака с открытой пастью, короткими заостренными ушами и длинным хвостом. На шее животного двухрядное изображение елочек, а все остальное туловище покрыто точечным узором. С обеих сторон овального проуха помещены змеи с треугольными головками. Подобные же змеи изображены на противоположной нижней части топора, с той лишь разницей, что с левой стороны от овального проуха с конца лопасти топора до обуха изображена одна змея, а справа от проуха — две, следующие друг за другом. На обухе топора нанесены заполненные точечным узором ромбики и елочный орнамент. Топор этот полностью копирует некоторые экземпляры кобанских топоров [10], а также топор из погр. № 87 могильника с. Тли, где вместо змей изображены рыбы [11]. Он найден в погребальном комплексе, состоящем из бронзового клинка с широким средним ребром и с постепенно расширенными плечиками (рис. 3, *2*), маленькой фигурки оленя (рис. 3, *3*), маленького бронзового ножа, булавки с уплощенной и завернутой в трубку головкой, ромбовидных пуговиц, сердоликовых бус (рис. 3, *4—7*) и узкого пластинчатого пояса с изображением змеи. Последняя выполнена из трех параллельных точечных линий, заканчивающихся треугольной змеиной головкой, обращенной к пряжке (рис. 3, *10*).

Как видно, комплекс не содержит еще железных предметов. Булавка, нож и кинжальный клинок имеют архаичную форму. Подобные предметы в памятниках Грузии датируются XIII в. до н. э. (Мцхета). В Тлийском могильнике комплексы, содержащие подобные предметы, датируются началом XI в. до н. э.

Топор из погр. № 109 меньшего размера с прямым корпусом и неширокой лопастью. На последней имеются изображения животных в драчливой позе друг против друга. Они очень схематичны, заполнены точечными линиями. Самая узкая часть корпуса топора украшена косыми нарезками, окаймленными парными параллельными линиями. На лобной части топора между косыми нарезками и овальным проухом — такие же нарезки, нанесенные в ёлочку. Подобный узор имеется на обухе топора (рис. 4, *1*). Вместе с этим топором найден плоский железный кинжал с бронзовой ручкой, что заставляет нас отнести комплекс к концу II тысячелетия до н. э. Изображения на бронзовом топоре напоминают одну из пряжек Кобанского могильника [12], на которой также видим двух стоящих животных в

[8] Р. М. Абрамишвили. Ук. соч., стр. 378.

[9] Там же.

[10] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, стр. 17, табл. VII, *1*.

[11] Б. В. Техов. Раскопки Тлийского могильника в 1960 г. СА, 1963, № 1, стр. 166. рис. 3, *3*.

[12] П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XXII, *1*.

такой же позе, с той лишь разницей, что у животных кобанской пряжки изображено по четыре ноги, заполненные кружковым узором, а у животных Тлийского топора только по две ноги, заполненные пунктиром.

Топор из погр. № 121 отличается от рассмотренных выше — меньшими размерами. Корпус топора короче, на обушной части три вертикальные грани, на которые нанесены мелкие косые нарезки. Самая узкая часть корпуса топора обведена поясками из ёлочного узора. На лопасти топора

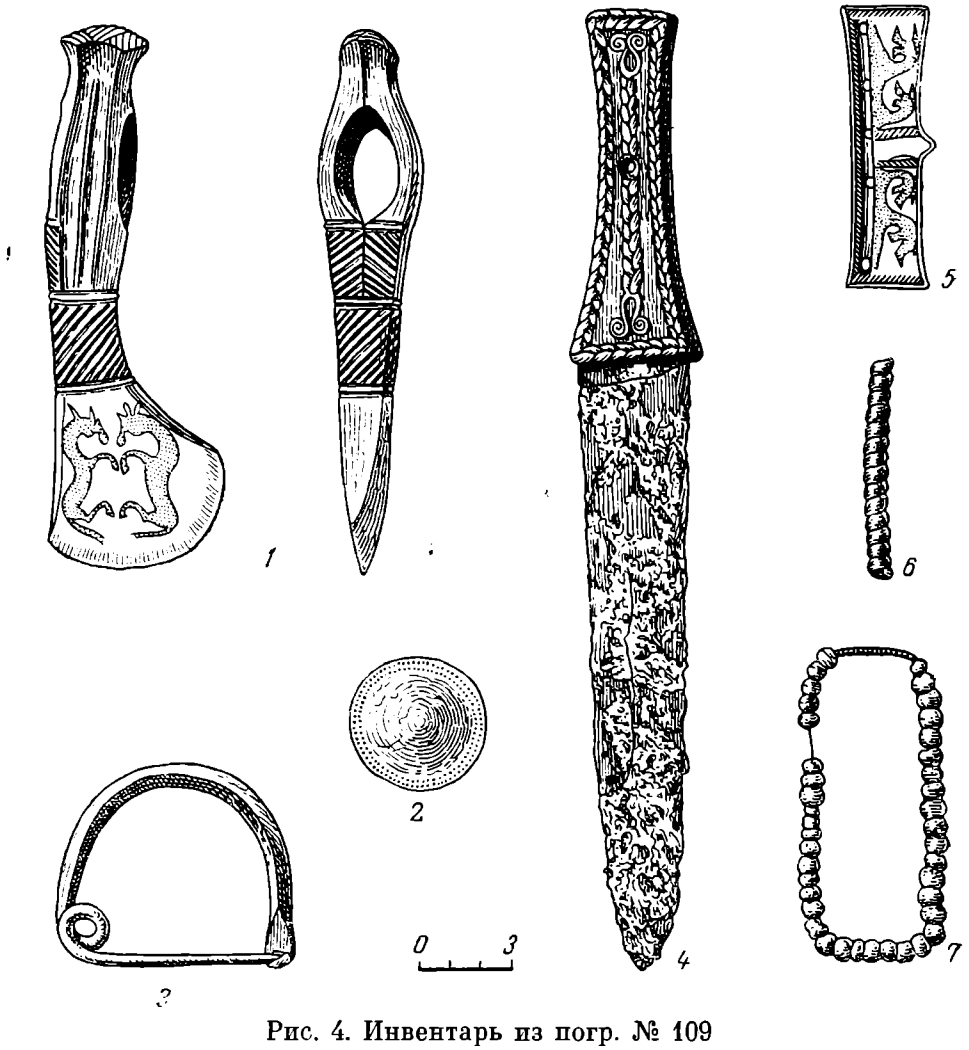


Рис. 4. Инвентарь из погр. № 109

1 — топор; *2* — пуговка с выпуклой сердцевиной; *3* — дугообразная фибула; *4* — железный кинжал с бронзовой ручкой; *5* — пряжка; *6* — спиральная трубочка; *7* — бусы из сердолика и пасты (*1—3, 5—6* — бронза)

изображено сильно схематизированное животное, тело которого заполнено мелкими точками (рис. 5, *1*). Оно очень напоминает животное на полукруглой лопасти топора погр. № 69 [13].

Среди найденных в 1962 г. топоров один экземпляр (погр. № 114) имеет полукруглое лезвие, клиновидный обух, овальный проух. Это так называемый колхидский тип топора. Он совершенно лишен орнамента, что является исключением для Тлийского могильника (рис. 6, *1*). Топор этот аналогичен некоторым экземплярам Кобанского могильника. Так, в собрании А. С. Уварова имеется топор, который больше других кобанских сходен с тлийским [14]. В погр. № 114 найдены также бронзовый кинжальный клинок с суженной серединой и слабо выступающим ребром (рис. 6, *2*), бронзовая поясная пряжка с очень интересным узором и с семью отверстиями; две бронзовые дугообразные фибулы, украшенные елочным узором, их приемные части более расширены, чем у других. Помимо этого, в ком-

[13] Б. В. Техов. Ук. соч., стр. 166, рис. 3, *2*.
[14] П. С. Уварова. Ук. соч., табл. VI, *1*.

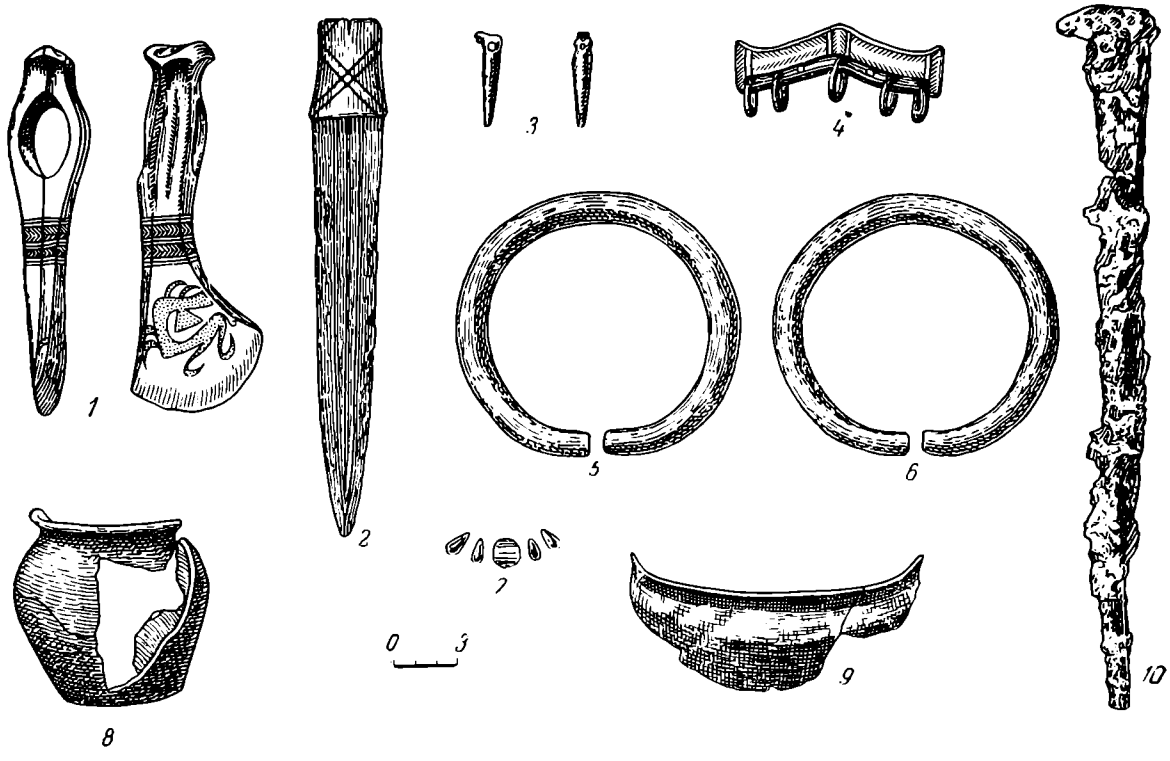


Рис. 5. Инвентарь из погр. № 121

1 — топор; *2* — кинжал; *3* — булавка с изображением медведя; *4* — пряжка; *5—6* — ножные кольца; *7* — бусы; *8* — сосуд; *9* — обломки бронзовой миски; *10* — кинжал (*1—2*, *4—6*, *9* — бронза, *3* — кость; *7* — сердолик; *8* – глина; *10* — железо)

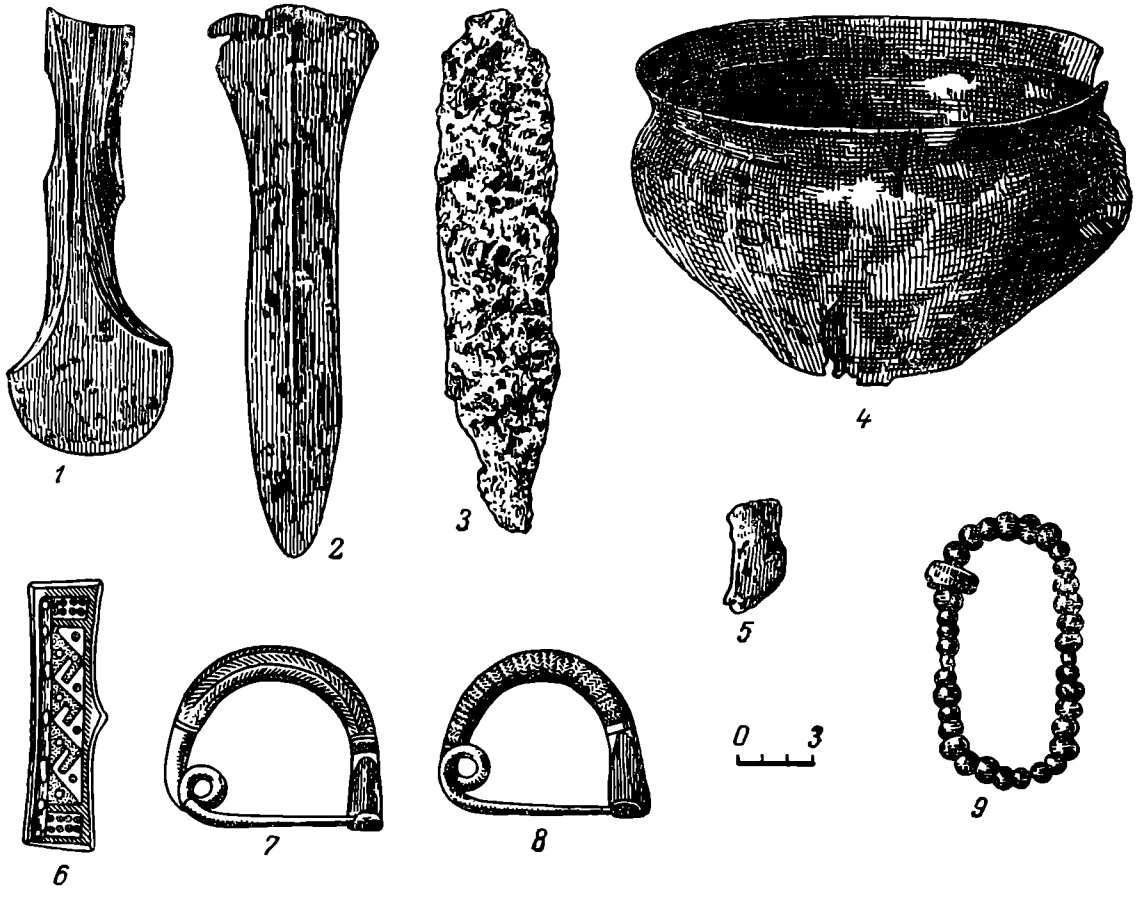


Рис. 6. Инвентарь из погр. № 114

1 — топор; *2*, *3* — клинок кинжала; *4* — миска; *5* — кусок бронзы; *6* — пряжка; *7—8* — дугообразные фибулы; *9* — бусы (*1—2*, *4—8* — бронза; *3* — железо; *9* — сердолик)

плексе имеются: бронзовая миска, кусок бронзового слитка, сердоликовые бусы и железный кинжальный клинок (рис. 6, *3—9*). Присутствие железного предмета позволяет нам отнести весь комплекс к концу VIII в. до н. э., когда в погребальных памятниках Центрального Кавказа появляются единичные железные предметы.

Помимо бронзовых топоров, в материалах 1962 г. наличествуют и железные. Три из них — секиры, четвертый — топор с более широкой треугольной лопастью и совершенно коротким обухом. В проухе топора сохранилась часть деревянной ручки (рис. 7, *1*). С топором в комплексе имеются: железный изогнутый кинжал (цельнолитый) с овальным навершием (рис. 7, *3*), железная дугообразная фибула, маленький железный нож, бронзовое кольцо и поясная пряжка и сердоликовые бусы (рис. 7, *2—7*). Этот комплекс мы датируем концом VI в. до н. э. Описанный выше топор полностью повторяет железный топор из погр. № 15 [15].

Железные секиры (погр. № 106, 108, 120) все продолговатой формы, с узкими лопастями и высокими молоточными обухами (рис. 8, *1*). Все секиры имеют круглое отверстие, в проухе секиры из погр. № 120 сохранилась часть деревянной рукоятки. Секиры повторяют форму ранее найденных [16] и имеют аналогии в мцхетских материалах [17] и в памятниках Северного Кавказа [18]. Секиры эти в материальной культуре племен Центрального Кавказа появились в VI в. до н. э., когда железо, в качестве материала для изготовления оружия, окончательно вытеснило бронзу [19].

Наиболее многочисленную группу составляют бронзовые и железные кинжалы и кинжальные клинки. В северо-восточном раскопе обнаружены только бронзовые, а в погребениях юго-западного раскопа, помимо бронзовых, найдены и железные кинжалы, акинаки и ножи. Кинжальные клинки разной величины и формы (рис. 9). Имеются совершенно плоские, без черенка и среднего ребра архаичной формы. Другие — с малозаметным срединным ребром.

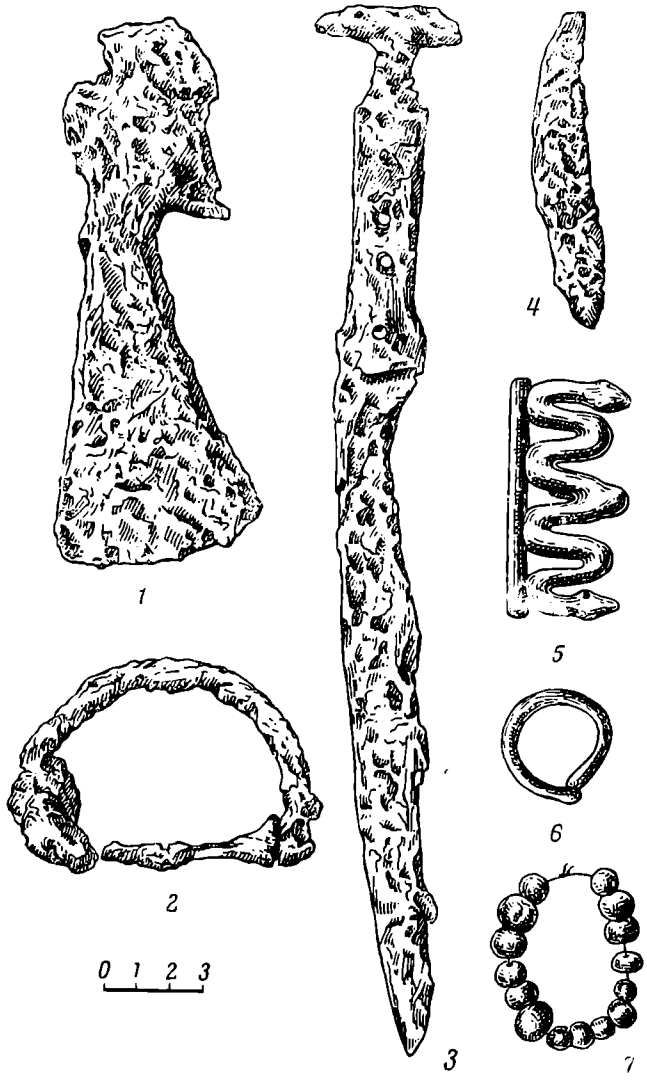


Рис. 7. Инвентарь из погр. № 103

1 — топор; *2* — фибула; *3* — нож; *4* — маленький ножик; *5* — поясная пряжка; *6* — кольцо; *7* — бусы (*1—4* — железо; *5—6* — бронза; *7* — сердолик)

[15] Б. В. Техов. Могильник эпохи поздней бронзы в с. Тли, СА, 1960, 1, стр. 166, рис. 3, *2*.

[16] Б. В. Техов. Раскопки Тлийского могильника..., стр. 169, рис. 5, *1*.

[17] Р. М. Абрамишвили. К датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных в Самтаврском могильнике. ВГМГ, XIX-А и XIX-В, 1957; его же, К вопросу об освоении железа..., стр. 379.

[18] Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, 2, стр. 161.

[19] Р. М. Абрамишвили. К вопросу об освоении железа..., стр. 379.

В погр. № 102 найден клинок с треугольным черенком и выпуклой серединой, а в погр. № 101 и 104 — клинки с широким срединным ребром и суженные посередине (рис. 3, *2*). Эти клинки являются последующим этапом развития плоских. Кроме того, среди клинков имеются и чисто кобанские экземпляры, с узко выступающим острым срединным ребром и др. Длина клинков от 15 до 27 *см*.

Кинжальные клинки из раскопок 1962 г. имеют близкие аналогии в кобанских материалах[20], в материалах Рача-Лечхуми[21] и Внутренней Картли[22].

Некоторые из кинжалов имеют плоскую ажурную рукоять, кончающуюся дугообразно (рис. 9, *21*). Они повторяют найденные нами ранее экземпляры, а также кинжалы из Верхней Рутхи[23] и Кобани[24]. Интересный кинжал был обнаружен в северо-восточном раскопе. Наверху рукояти он имеет два выступа. В середине рукояти сделаны три кольцеобразных выступа, посередине лезвия четыре продольные углубленные линии, сходящиеся внизу (рис. 9, *22*). Аналогичные бронзовые кинжалы имеются в собрании А. С. Уварова из Кобани[25], они, по-видимому, датируются началом I тысячелетия до н. э.

Рис. 8. Инвентарь из погр. № 120

1 — секира с остатками деревянной ручки; *2* — клинок кинжала; *3* — дугообразная фибула; *4* — поясная пряжка; *5* — браслет; *6* — часть миски; кружки (*1—3* — железо; *4—6* — бронза)

Другой, не менее интересной находкой является бронзовый кинжал из погр. № 121 (рис. 5, *2*). Он отличается от всех других своей короткой трубчатой рукоятью с маленьким прорезом, куда, видимо, вставлялась длинная деревянная палка, как это делалось для бронзовых и железных наконечников копий. Рукоять кинжала украшена перекрещенными линиями.

Нельзя не сказать здесь об уникальном кинжале погр. № 109 (рис. 4, *4*). Его лезвийная часть изготовлена из железа, а рукоять — из бронзы. Рукоять кругом окаймлена узором в виде плетенки, подобный же узор имеется в середине ручки, где с двух сторон он заканчивается маленькими бронзовыми петлями с двусторонними спиральными завитками. Кинжал по форме немного напоминает кинжалы «переднеазиатского» типа, обнаруженные на Северном Кавказе[26]. Он, видимо, изготовлен по образцам бронзовых кинжалов конца II тысячелетия до н. э., напоминает он также форму кинжалов конца VIII в. до н. э. из Мцхетского могильника. Видимо, этим периодом и датируется тлийский кинжал и сопровождавший его погребальный инвентарь (хотя бронзовая ручка кинжала имеет архаичную форму).

---

[20] П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XII, *1—3;* табл. XI, *2, 3;* табл. XIII, *1—4.*

[21] Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952, табл. XLI.

[22] Т. Н. Чубинишвили. Ук. соч., стр. 73, табл. XVI, *6105, 5608.*

[23] П. С. Уварова. Ук. соч.; Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 221, рис. 31, *1.*

[24] П. С. Уварова. Ук. соч., табл. IX, *2, 3.*

[25] Там же, табл. X, *1, 2,* XIII, *1.*

[26] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, 1951, стр. 67, рис. 25.

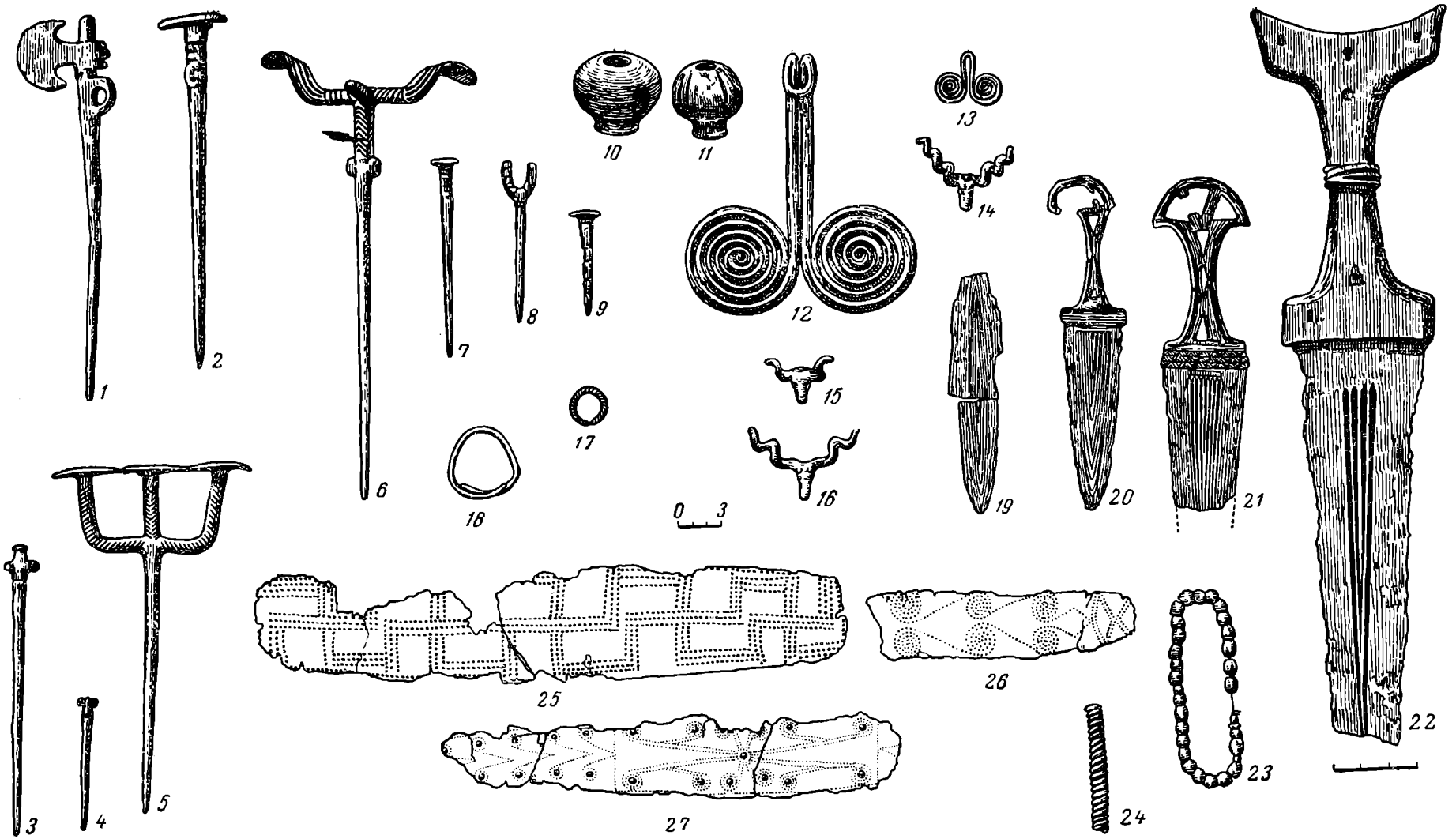


Рис. 9

1—9 — булавки; *10* — каменная булава; *11* — бронзовая булава; *12* — крючок; *13* — петля со спиральными завитками; *14—16* — привески, в виде бычьих и бараньих головок; *17* — колечко из витой проволоки; *18* — височная привеска в полтора оборота; *19—22* — кинжалы; *23* — бронзовые бусы; *24* — спиральная трубочка; *25—27* — налобная повязка (*1—9, 11—27* — бронза; *10* — камень)

Железные акинаки повторяют форму ранее найденных, но вместе с ними имеются экземпляры с широкой рукоятью, кончающейся двусторонними выступами (погр. № 106). Подобные акинаки встречались в комплексах, состоящих из железных предметов; изредка там же встречаются и предметы из бронзы. Такие комплексы обнаружены нами в погр. № 103, 108, 120, где найдено только по одному бронзовому предмету, остальные все из железа. Помимо железных топоров, в них были и кинжалы, причем в погр. № 103 — кинжал с односторонним лезвием (рис. 7, *3*), а в погр. № 108 и 120 — простые кинжальные клинки (рис. 8, *2*).

Кинжальный клинок погр. № 108 массивный, с треугольным черенком, по форме своей напоминает бронзовые клинки конца II тысячелетия до н. э. Комплексы погр. № 103, 108, 120 датируются концом VII — началом VI в. до н. э.

В богатом ассортименте представлены найденные нами при погребениях украшения: пояса, пряжки, фибулы, браслеты, кольца, булавки, разные привески, бусы и др.

Бронзовыми поясами были опоясаны костяки погр. № 101, 106, 108, 110, 112, 113, 117. В большинстве случаев пояса охватывали часть выше талии. Они в основном узкие, без орнамента. Исключение составляет описанный выше узкий пояс из погр. № 101, с изображением змеи (рис. 3, *10*). От остальных поясов сохранились отдельные фрагменты. Аналогичные пояса были найдены и в предыдущие годы. По всему погребальному инвентарю пояс должен датироваться концом II тысячелетия до н. э.

Пояс из погр. № 106 шире, он лежал около железного топора. Погребальный комплекс состоит в основном из железных предметов и датируется, по всей видимости, началом VII в. до н. э.

Вместе с поясом, в погр. № 110 найдены только ножные кольца и сердоликовые бусы, а в погр. № 113 — лишь крупные, хорошо отшлифованные бусы. Все обнаруженные в 1962 г. пояса, за исключением двух (погр. № 101, 108), датируются VIII — первой половиной VII в. до н. э.

Бронзовые пряжки представлены разными экземплярами. С комплексами конца VIII в. до н. э. (погр. № 109, 114, 121) найдены большие богато орнаментированные пряжки. Пряжка с пятью отверстиями из погр. № 109 украшена четырьмя головами животных (собаки) (рис. 4, *5*). Пряжка из погр. № 114 с семью отверстиями украшена узором типа меандра (рис. 6, *6*).

Пряжка из погребения № 121 относится к типу изогнутых. Она также с семью отверстиями, в пяти отверстиях вставлены бронзовые колечки, наружная поверхность украшена елочным узором (рис. 5, *4*). Кроме рассмотренных пряжек были найдены и совершенно простые, без всякого узора (погр. № 120). В погр. № 103 обнаружена пряжка, которая состоит из изображения двухголовой змеи. Она является первой находкой в Тли (рис. 7, *5*). На территории Юго-Осетии первая такая пряжка была найдена О. М. Джапаридзе в Ожора при погр. № 3 [27] хорошо датируемом первой половиной VI в. до н. э. Аналогичные пряжки известны из северокавказских могильников «Рутха» и «Кумбулта» [28]. Две подобные пряжки опубликованы Е. И. Крупновым из с. Верхняя Рутха [29].

Изображение змеи на Кавказе в эпоху поздней бронзы и раннего железа было распространено довольно широко. Оно встречается на глиняных сосудах, топорах, кинжалах, пряжках, а больше всего на пластинчатых поясах. На Северном Кавказе встречаются фибулы, дуговая часть которых изображает змею. Потому и А. Калитинский, рассматривая кавказскую фибулу, полагал, что пряжки и фибулы выполняли функцию амулета [30].

[27] О. М. Джапаридзе. Ук. соч., стр. 201.

[28] П. С. Уварова. Ук. соч., табл. CIV, *14;* XXXVIII, *1.*

[29] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 470, табл. XLVIII, *1, 2.*

[30] А. Калитинский. Из истории фибулы на Кавказе. Recueil d'etudes dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov. Prague, 1926, стр. 50—57.

Мнение А. Калитинского, по-нашему, не совсем верное, так как изображения змеи больше всего встречаются на бронзовых топорах, однако они не могли выполнять функцию амулета. Все эти изображения, по-видимому, связаны с культом змеи, который был распространен почти у всех народов Кавказа с древнейших времен до XIX в. В мифологии кавказских народов (в частности, осетин) змея занимала определенное место. Почти у всех народов Кавказа сохранились сказки и легенды, в которых главным действующим персонажем выводится змея [31]. В осетинских народных сказках змея и связанная с ней волшебная бусина оживляют мертвых, приносят счастье, богатство, удачу, а в иных вариантах — горе, несчастье, неудачу. Подобные факты засвидетельствованы В. В. Бардавелидзе в Сванетии. Там Мезира, одним из которых считается змея, является покровителем семьи. Умерщвление и непочтение к нему, а также его уход из данного дома даже якобы вызывает убытки, обнищание и полное уничтожение этой семьи или болезнь и смерть одного из ее членов [32].

Аналогичные примеры можно привести и из мифологии других народов Кавказа. Змея упоминается и в нартских сказаниях [33], основные мотивы которых относятся к VII в. до н. э.

Бронзовая дугообразная фибула, как предмет украшения, широко распространена в позднебронзовых памятниках Центрального Кавказа, где она, видимо, была связана с типом костюма как в эпоху поздней бронзы, так и раннего железа. Подобные фибулы обнаружены в большинстве погребений Тлийского могильника (рис. 4, *3*; рис. 6, *7*, *8*). В тех комплексах, которые, по нашему мнению, должны относиться к концу XII в. до н. э., фибула еще не встречается. Ее нет, например, в погр. № 101 и 102, зато они имеют бронзовую булавку с откованной и завернутой в трубку головкой, бронзовый наконечник копья с раскрытой трубкой и другие важные для датировки предметы. С конца X в. до н. э. дугообразная фибула появляется на Центральном Кавказе и продолжает бытовать долгое время. В VII — первой половине VI в. до н. э. у дугообразной фибулы приемная часть расширяется. В материалах из раскопок в 1962 г. из Тли подобные фибулы еще не встречаются, зато они хорошо известны в северокавказских могильниках. С середины VI в. до н. э. в погребальных комплексах появляются железные фибулы, полностью перенявшие форму бронзовых (рис. 7, *2*; рис. 8, *3*, погр. № 103, 120).

Бронзовые кольца из толстого прута с разомкнутыми концами были надеты на ноги погребенных, а браслеты с граненой наружной поверхностью, суживающимися и завернутыми в спираль концами — на руках (рис. 2, *3—6*; рис. 10, *4*, *5*). В погр. № 108 и 121 бронзовые кольца были найдены в бронзовых мисках, что, как выше отмечено, должно быть связано с процессом вторичного захоронения в данной местности.

Самую многочисленную серию предметов украшения составляют привески в виде бараньих и бычьих рогов (рис. 10, *9—13*), в северо-восточном раскопе их обнаружено очень много (рис. 9, *14—16*). Эти бронзовые привески в эпоху бронзы были характерны для всего Центрального Кавказа. Известны они из могильников Северной Осетии [34], Брилского могильника [35] и др. Наибольшее количество их все же найдено в Тлийском могильнике. Помимо этих привесок, встречались и фигурки животных. В погр. № 101 найдена фигурка оленя (рис. 2, *3*), в погр. № 105 — фигурка лошади (рис. 10, *8*), так же, как и привески, служившие предметами украшения

---

[31] Осетинские народные сказки, I, Цхинвал, 1959, стр. 110, 120, см. также А. Гакстгаузен. Сказание о дивном поколении змей на Арарате и о светоносном камне. Закавказский край, СПб., 1857, ч. 1, гл. XI, стр. 56.

[32] В. В. Бардавелидзе. Календарь сванских народных праздников. Тбилиси, 1939, стр. 161—163.

[33] Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948, стр. 114—124.

[34] П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XXXV, *3*, *4*, 5; XI, *4*; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, табл. XXXVIII, *8*; XLIV, *2*; XLIX, *12*.

[35] Г. Ф. Гобеджишвили. Ук. соч., стр. 99.

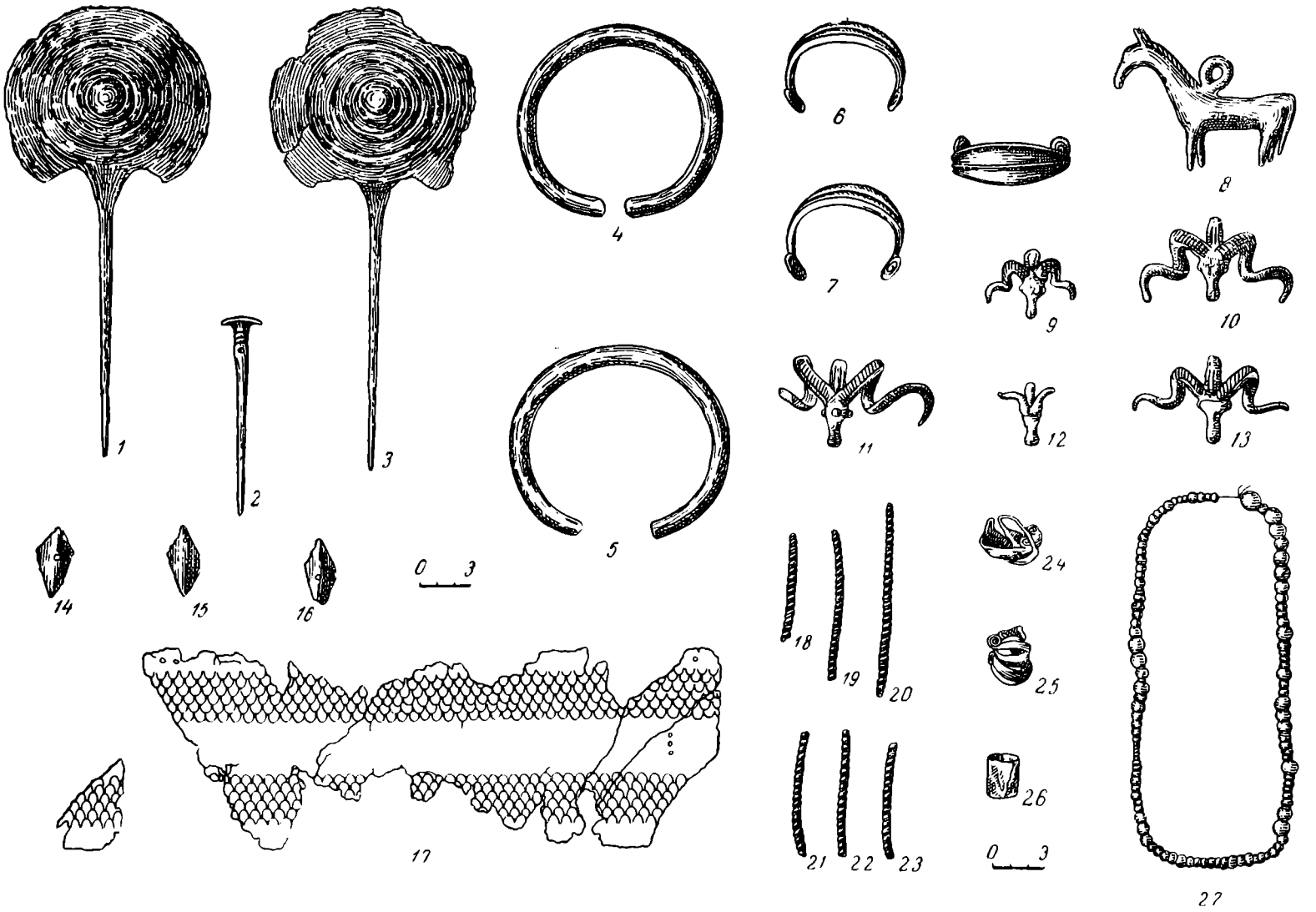


Рис. 10. Инвентарь из погр. № 105

1—3 —булавки; *4—5* — ножные кольца; *6—7* — браслеты; *8—13* — привески; *14—16* — ромбовидные бляшки; *18—23* — спиральные трубочки; *24—25* — позолоченные височные привески; *26* — перстень; *27* — бусы (*1—26* — бронза; *27* — сердолик)

и имевшие вместе с тем ритуальное значение. Они имеют близкие аналогии на Северном Кавказе и в Закавказье, в частности в погребальных комплексах Кобанского, Кумбултского, Каменномостского, Гебского, Мцхетского и других могильников.

Самую интересную и многообразную группу предметов украшения составляют бронзовые булавки. Они обнаружены в погребениях обоих раскопов, но большая их часть найдена в северо-восточном раскопе при снятии каменной насыпи. Булавка самой архаичной формы найдена в погр. № 101, она повторяет форму кобанских массивных булавок [36].

Особого внимания заслуживают массивные булавки из погр. № 105, найденные на ключицах костяка. Булавки эти имеют дисковидные головки с выпуклыми кругами (рис. 10, *1*, *3*). Булавки с дисковидными головками были обнаружены и в 1958, 1960 гг., однако они кое-какими чертами отличаются друг от друга. Так, булавки из погр. № 39 менее массивны, по краям плоской полукруглой головки нанесены двойные пунктирные линии, а в середине помещено по три спиральных завитка, состоящих из концентрических кругов, подобно булавкам из склепа № 3 Ганчинского могильника (Дагестанская АССР) [37]. Но на последних имеется по одному сквозному отверстию, чего нет на тлийских и кобанских булавках.

Интересная серия бронзовых булавок была обнаружена в северо-восточном раскопе (рис. 9, *1—9*). Среди них преобладают булавки с изображениями бычьих рогов, с пятишишечными головками, овальными шляпками и др.

Массивных булавок с изображениями бычьих рогов найдено 22 экз. Они повторяют форму булавок, обнаруженных в 1955, 1958 гг. На лбу головок каждой булавки — глаза в виде маленьких шишек. Рога украшены елочным узором и солярными знаками. Еще в 1957 г. мы их связывали с культом быка, растительности и солнца. Культ быка широко был распространен на Кавказе с эпохи энеолита. Бык, как животное, был связан с растительным миром, а последний — с солнцем. Следовательно, на рассмотренных булавках хорошо прослеживаются три культа: растений, солнца и быка. Культ растительности и быка встречается и в более позднее время; так, четырехугольные ажурные поясные пряжки, датируемые II—I вв. до н. э. и часто встречаемые на территории Грузии, украшены изображениями весьма оригинальных фантастических животных-быков, а рамка вокруг них — елочным или другим растительным узором [38].

Булавки с изображениями бычьих рогов нигде на Кавказе в таком большом количестве, как в Тли, не найдены. Для них можно привести некоторые аналогии из Азербайджана [39] и Северного Кавказа (Верхняя Рутха) [40]. В Кобанском могильнике они вообще неизвестны. Эти булавки, видимо, предшествовали культуре классического Кобана. Наши экземпляры из Тли должны быть отнесены приблизительно к концу XIII — началу XII вв. до н. э. К этому же периоду относятся булавки с овальными шляпками и пятишишечными головками, составляющие самую многочисленную группу предметов украшения.

---

[36] П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XXX, *1*.

[37] Н. Г. Гаджиев. Ганчинский могильник эпохи бронзы. Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, X, Махачкала, 1962, стр. 185, рис. 7, *26*.

[38] Б. В. Техов. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна. Сталинир, 1957, стр. 101, см. также Г. Ф. Гобеджишвили. Ук. соч., табл. XIX, *2*; Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, I, Тбилиси, 1949, стр. 82; его же. Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси, 1941, стр. 26—27.

[39] На территории Азербайджанской ССР булавки с изображением бычьих рогов найдены в с. Новоголовка Астраханбазарского района и в Узин-Тепе на Мугани; Т. А. Биннатов. Земледелие и скотоводство в эпоху бронзы в Азербайджане. Автореф. канд. дис. М., 1955, стр. 11; И. М. Джафарзаде. Элементы архаической культуры древней Мугани. ИАН АзССР, 9, 1946, стр. 37—38; С. Б. Ашурбаили. Скульптура Азербайджана древнего периода и периода средневековья. Тр. Музея истории Азербайджана, 1, Баку, 1956, стр. 71.

[40] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 102, рис. 9, *7*.

Помимо указанных булавок, в материалах 1962 г. имеются вилообразные булавки с двумя или тремя зубцами. Некоторые экземпляры очень массивны (рис. 9, *5*). Вилообразные зубцы у некоторых булавок кончаются овальными шляпками, соединенными между собой. Булавки данного типа, подобно другим, обнаруживаются не впервые и являются характерными для Тлийского могильника. Они украшены либо растительным мотивом, либо косыми нарезами. На некоторых экземплярах имеются солярные знаки. На Центральном Кавказе подобные булавки известны из рачинских погребений [41]. Несколько булавок, меньших размеров, есть в материалах Мцхетского могильника. По нашему мнению, они должны быть датированы докобанским периодом эпохи бронзы Центрального Кавказа.

Следует отметить и другие булавки, которые составляют наименьшую часть. На них изображена закавказская секира — 7 экз. (рис. 9, *1*); булавки с молотковидными навершиями — 10 экз. (рис. 9, *4*); с изображением кобанского топора — 1 экз.; костяная булавка с фигуркой медведя наверху — 1 экз. (рис. 5, *3*) и др.

Булавки с изображением закавказской секиры весьма изящны, они были обнаружены в Тли и раньше. Этот тип булавок редко встречается на Кавказе, нам известны только несколько экземпляров. Три из них происходят из Кобанского могильника и находятся в Государственном историческом музее Москвы (раскопки В. И. Долбежева) [42], бронзовая булавка с закавказской секирой и охотничьей сценой, хранящаяся в Эрмитаже, и еще одна булавка — в Венском музее, на которой, кроме закавказской секиры, изображены две фигурки гусей [43].

В Закавказье, насколько нам известно, подобные булавки неизвестны, кроме булавки с изображением ажурного топора и барана на его обухе из погр. № 3 могильника с каменными кругами в урочище Байбурт на р. Геряк-Чай [44]. По мнению Б. А. Куфтина, эта булавка не принадлежит кобанской культуре, поскольку прием украшения топоров скульптурами животных на обухе имеет значительно более древние корни [45]. Нам кажется, что булавка и даже бронзовые топоры со скульптурными изображениями являются продуктом местнокавказской среды эпохи бронзы. Это положение хорошо подтверждается и кобанскими и тлийскими материалами начала I тысячелетия до н. э. Все изображенные на кавказских булавках животные (баран, олень, собака и др.), несомненно, связаны с кавказским животным миром. Что же касается культурной связи Кавказа с Передней Азией, она хорошо прослеживается еще с эпохи энеолита. Поэтому, рассматривая тот или иной предмет, мы должны сопоставлять его с кавказскими аналогиями, именно здесь должны найти ему наиболее близкие параллели и уже после искать за пределами Закавказья, а не наоборот, как это стремился делать Б. А. Куфтин [46].

Особого внимания заслуживают булавки с молотковидными навершиями. Эта форма булавок в Тли встречается впервые (рис. 9, *4*). Одни из этих булавок имеют круглые молоточки, другие — чуть продолговатые. Все булавки снабжены отверстием, которое расположено под навершием в утолщенной части стержня, а не между молотковидными выступами, как это характерно для северокавказских булавок. В отличие от последних, тлийские лишены орнамента. Только на булавках с продолговатыми молоточками имеются кольцеобразные линии (как на молоточках, так и на стержнях). Булавки, имеющие круглые молоточки, являются более ранними.

---

[41] Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, табл. XXX, *3, 7, 8*.

[42] Б. В. Техов. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна, стр. 102.

[43] П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XXIX, *3*, XXXIV, *7*.

[44] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 77, рис. 87, *1*.

[45] Там же, стр. 76.

[46] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 76.

Подобные булавки на Северном Кавказе бытовали в середине II тысячелетия до н. э. Они были обнаружены в курганах у ст. Андроковской-Константиновской [47]; в селениях Летницкое, Благодарное, Ремонтное, в Кисловодске; в хуторах Хорина у Хешажукаевского аула, Кру на р. Ульке [48]. Имеются они также в коллекциях Нальчикского музея (2 экз.) [49], в музее гор. Орджоникидзе и др.

По мнению А. А. Иессена, производственные центры булавок с молоточками существовали на северном склоне Кавказа [50].

По В. И. Марковину, булавки такого типа характерны для I и II этапов, т. е. для первой половины и середины II тысячелетия до н. э., и распространены, в основном, по Прикубанью и Пятигорью [51]. С таким утверждением В. И. Марковина мы не согласны. Как видно из материалов Тлийского могильника, булавки с молоточковидными навершиями характерны и для памятников Центрального Кавказа переходного периода от средней бронзы к поздней. Что же касается тлийских булавок с продолговатыми молоточками, то они представляют разновидность рассматриваемых булавок. На Северном Кавказе подобные булавки почти неизвестны. Имеется только единственная булавка из могильника с. Ремонтное [52]. Булавки эти, видимо, относятся к Т-образным, и им имеются самые близкие аналогии в материалах эпохи средней бронзы Сачхери [53].

По мнению В. И. Марковина, прототипом булавок с молоточковидными выступами, часто встречающихся в погребениях северокавказской культуры, могли служить костяные молоточковидные булавки степных племен ямной и катакомбной культур [54]. В другом месте В. И. Марковин считает прототипами этих булавок западногрузинские формы [55].

О прототипах тлийских булавок с молоточковидными навершиями говорить пока трудно, так как нам не известна ни одна костяная булавка такого типа. Правда, в 1925 г. в с. Стырфаз Тер-Аветисяном были найдены костяные булавки, но они резко отличаются от булавок из Тли.

С рассмотренными выше булавками найдена единственная с изображением кобанского топора. Она тоже является редкой находкой в исследуемом нами памятнике. На булавке имеется петля для подвешивания, стержень круглого сечения (длина 10 *см*). У изображенного на булавке топора граненая обушная часть, лезвие узкое, чуть загнутое внутрь, обух молоточный. Она напоминает булавку из Кобанского могильника [56], с той лишь разницей, что на последней петля отсутствует. Навершие аналогичной булавки известно из Кумбултского могильника [57].

Наконец, следует сказать об одной маленькой костяной булавке с изображением медведя (рис. 5, *3*). Она была найдена в комплексе, по составу вещей хорошо датирующемся началом VII в. до н. э.

Булавки с изображениями животных и птиц характерны для Центрального Кавказа бронзовой эпохи конца II — начала I тысячелетия до н. э. Они имеются в тлийских комплексах: большое их количество обнаружено

---

[47] В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, 93, 1960, стр. 52, рис. 16, *3;* рис. 17.

[48] В. И. Марковин. Ук. соч., стр. 40, рис. 10, *1—7;* стр. 32, рис. *3, 5,* стр. 33, рис. 4, *5, 11;* А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК. 120, 1935, стр. 102, рис. 8; Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА, 3, 1941.

[49] А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике, МИА, 3, стр. 95; Б. Е. Деген. Ук. соч., стр. 225, рис. 37, *4.*

[50] А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 101.

[51] В. И. Марковин. Ук. соч., стр. 95.

[52] В. И. Марковин. Ук. соч., рис. 10, *5, 6.*

[53] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 14, рис. 11, *8;* его же. Археологическая маршрутная экспедиция..., табл. IX, *3.*

[54] В. И. Марковин. Ук. соч., стр. 95.

[55] Там же, стр. 114.

[56] П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XXIX, *5.*

[57] Там же, табл. *XCII.*

в кобанских погребениях[58]. Все они изготовлены из бронзы и служили одновременно и для скрепления одежды и как предметы украшения. Кроме того, эти изображения и орнаментальные мотивы отражали определенное миропонимание племен той эпохи. Позже они приобретают чисто эстетическое значение[59]. К этой категории вещей следует отнести и многочисленное количество спиральных трубочек, височных привесок, бронзовых фигур лошадей, быков, собак, птиц и др. Особую группу предметов украшения составляют налобные повязки из лентовидных пластинок. В переходный период от бронзы к железу они уже не встречаются в погребальных комплексах. В XIV—XIII вв. они широко бытовали в материальной культуре племен, оставивших Тлийский могильник. Они украшались разными геометрическими фигурами, свастическими знаками, спиралями и др. (рис. 9, *25—27*).

Изделия из камня в погребениях Тлийского могильника встречаются реже, хотя в эпоху средней бронзы они играли значительную роль в быту племен Центрального Кавказа. С постепенным освоением металлургии бронзы каменные изделия вытесняются из употребления. Однако некоторые из них в пережиточной форме сохраняются и до конца II тысячелетия до н. э. и встречаются с бронзовыми изделиями. Так, каменные булавы, известные из тлийских материалов, сосуществовали с бронзовыми еще в конце II тысячелетия до н. э. В 1962 г. была найдена шаровидная булава из твердого диорита (?), которая повторяет форму булав эпохи средней бронзы (рис. 9, *10*).

Подобные булавы известны в материалах Нацаргора[60], Нули[61] (Юго-Осетия), Тквиавских курганов[62] (Горийский район), Северного Кавказа[63] и др.

На Кавказе каменные булавы встречаются с древнейших времен. Они здесь представлены в трех типах: шаровидные (наиболее ранний тип)[64], грушевидные и булавы с круглыми выпуклинами. Этот тип в материалах Тли представлен также единственным экземпляром. Она была найдена в комплексе погр. № 99 и изготовлена из темного камня[65].

К концу II тысячелетия до н. э. в материальной культуре племен Центрального Кавказа появляются булавы, отлитые из металла, перенявшие и вместе с этим видоизменявшие форму каменных (рис. 9, *11*).

По мнению В. И. Марковина, каменные булавы были «парадным» личным оружием. В ареал их наибольшего распространения входит Центральный Кавказ[66]. С таким его утверждением нельзя не согласиться.

Кроме каменных булав, в тлийских комплексах встречаются и оселки, получившие широкое распространение в первой половине I тысячелетия до н. э. по всему Центральному Кавказу. В этот период изобразительное искусство достигает своих вершин. Вырабатывается характерная для кавказских племен манера стилизации образов животных, так называемый кавказский «звериный стиль». Это хорошо подтверждается материалами Тлийского, Кобанского и других памятников Центрального Кавказа.

---

[58] П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XXVIII, *5*; XXIX, *2—4*; XXXIX, *5*, *7*; XL, *2*.

[59] В. В. Гольмстен. Об элементах орнаментации керамики родового общества Юга СССР. Тр. ОИПКГЭ, I, Л., 1941, стр. 2.

[60] Г. Ф. Гобеджишвили. Холм. Нацаргора близ г. Цхинвали, Мимомхилвели. II, 1951, стр. 266, табл. IX, *4*.

[61] Е. Г. Пчелина, А. П. Смирнов. Дневник археологических раскопок. Изв. ЮОНИИ, I, 1933, стр. 295—296; Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция..., стр. 33; Б. В. Техов. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна, стр. 58.

[62] С. И. Макалатия. Археологические раскопки Тквиавских курганных погребений. Тбилиси, 1943, стр. 30, рис. 28.

[63] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 44.

[64] Там же.

[65] Б. В. Техов. Раскопки Тлийского могильника в 1960 г., стр. 177, рис. 14, *2*.

[66] В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, стр. 101.

В материальном быту племен, начиная с VIII в. до н. э., железо начало занимать ведущее место. Культура племен центральной части Кавказа больше сближается с общекавказской.

Племена, оставившие рассмотренную выше культуру уже с середины II тысячелетия до н. э., осваивают высокогорные районы, богатые альпийскими лугами, и устанавливают широкие связи с соседними племенами Северного Кавказа, Закавказья, а через закавказские племена они в какой-то степени связывались со странами Передней Азии и Ближнего Востока.

Дальнейшее подробное изучение и анализ тлийских материалов помогут выяснить некоторые еще нерешенные вопросы древней истории племен Центрального Кавказа.

В. И. МАРКОВИН

СКИФСКИЕ КУРГАНЫ У СЕЛЕНИЯ ГОЙТЫ (ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИЯ)

Несмотря на явные успехи советских археологов и историков в изучении древней Скифии, до сих пор каждый новый памятник способствует более конкретному представлению о скифской культуре, территориальном распространении скифов, их связи с соседними племенами. Скифская культура, несомненно, заслуживает самого пристального внимания, ибо, затрагивая историю скифского общества, одновременно всегда приходится касаться и истории многих народов юга нашей страны.

Как известно, скифы проходили в Переднюю и Малую Азию через Кавказ. Это происходило в середине VII в. до н.э., когда в клинописных текстах появляются упоминания об «ашгуза» и «ишкуза» — скифах [1]. Скифы могли двигаться на Восток по долине р. Белой через Белореченский перевал и по Дарьяльскому ущелью, оставив при этом на Кубани, в Абхазии, Аджарии, Грузии и Северной Осетии следы своего пребывания — курганы, могильники, отдельные предметы [2]. Но главной их дорогой был Дербентский проход (приморская низменность вдоль западного побережья Каспия), где они шли, «имея, по словам Геродота, с правой стороны Кавказскую гору» [3]. О пребывании скифов в странах Востока свидетельствуют отдельные предметы скифского типа, найденные в Анатолии, Тарсе, Сирии, Палестине, на Севере Египта [4]. Древняя мидийская область Манна была превращена в «Царство скифов», а в конце VI — начале V в. до н. э. эта область со скифским населением входила в состав одной из сатрапий Мидии [5]. Несомненно, скифское влияние не могло не отразиться на местной, кавказской материальной культуре, а сами скифы, двигаясь по далеко не мирным дорогам, не могли не оставить на Северном Кавказе свои памятники. А. А. Иессен выделяет целую серию находок VIII—VII вв. до н. э. с территории Прикубанья — Пятигорья, связанных с киммерийцами и скифами [6]. Предметы VI—V вв. до н. э. известны из Карачаево-Черкессии (Гамгацик), Кабарды, Пятигорья, Ногайских степей, непосредственно смыкающихся с Прикаспием. Вещи с заметным скифским влиянием найдены на Луговом и Нестеровском могильниках Чечено-Ингушетии [7]. Очень интересны находки, сделанные в 1886 г. у с. Гойты. Здесь в разрытых курганах были найдены предметы тонкой ювелирной работы: подвески из золота в виде барашков, квадратная золотая подвеска с вставкой из камня и

[1] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 121.

[2] Е. И. Крупнов. О походах скифов через Кавказ. ВССА, стр. 192—194; Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958, стр. 12.

[3] Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 193, карта.

[4] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 124.

[5] И. М. Дьяконов. История Мидии. М.— Л., 1956, стр. 248, 254.

[6] А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. ВССА, стр. 112 сл.

[7] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 141—143, 151 и др.

металлический составной пояс [8]. В пределах Дагестана скифские стрелы были найдены близ г. Махачкала (Тарнаир), у г. Дербента, меч акинак — в с. Согратль [9]; в Азербайджане подобные находки сделаны у г. Мингечаура, оттуда же происходит зеркало ольвийского типа. Некоторые из таких предметов могли по образцам изготовляться на месте (мечи, топоры, стрелы) [10], но скифское влияние, столь заметное даже в кобанских бронзах,

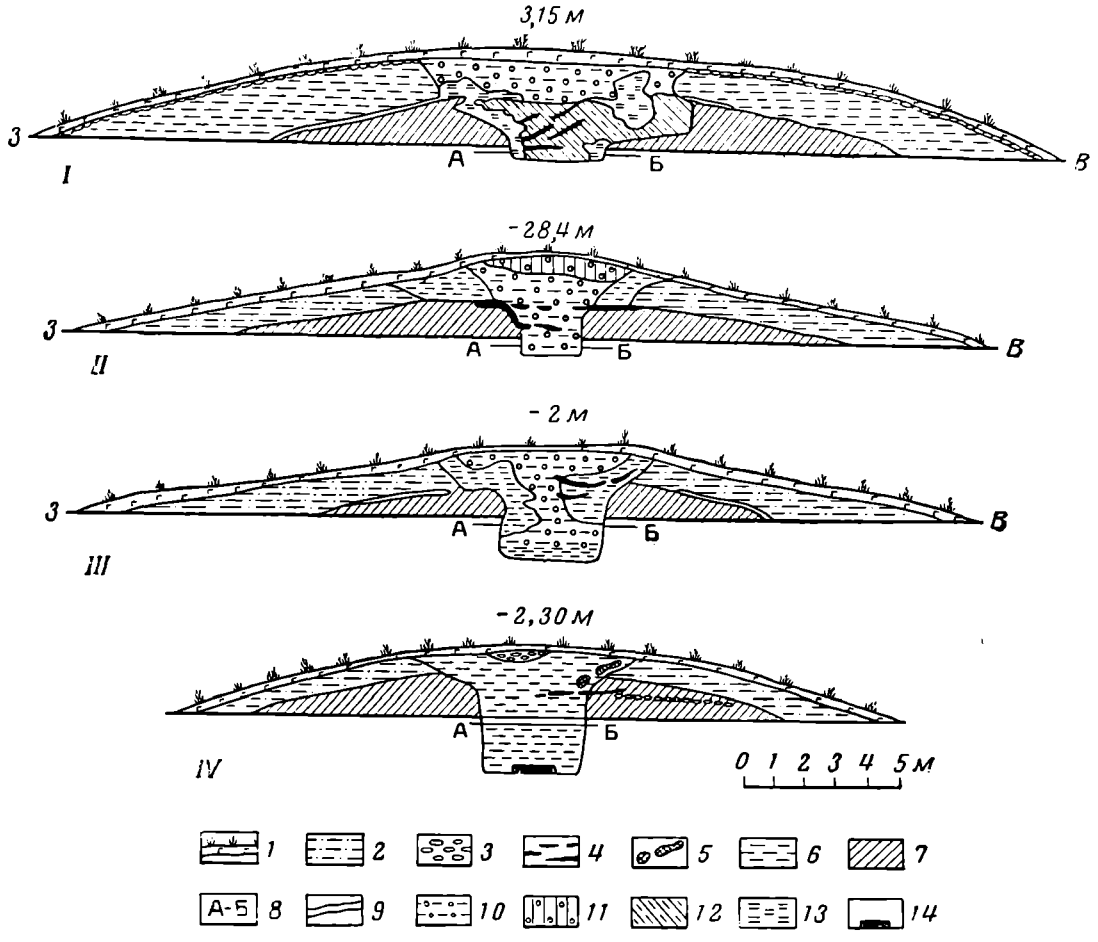


Рис. 1. Курганы у сел. Гойты

I—IV — Профили курганов 1—3,5 по линии запад-восток; *1* — дерн, *2* — суглинок, *3* — галька, *4* — дерево, *5* — линзы темной глины, *6* — глина рыхлая, *7* — древняя почва, *8* — уровень древнего горизонта, *9* — глиняная прослойка, *10* — почва с галькой, *11* — глина с галькой, *12* — обожженная глина с углем, *13* — обожженная глина, *14* — кострище в могиле кургана 5

и отдельные погребальные памятники не оставляют сомнения в реальности скифского движения через Кавказ [11].

В этом отношении заслуживают внимания курганы у с. Гойты в равнинной Чечне, где были найдены упомянутые выше золотые предметы. Эти курганы расположены двумя компактными группами на территории совхоза «Красноармейский». Здесь были раскопаны шесть курганов из северной группы, состоящей из 11 насыпей и протянувшихся с северо-востока на юго-запад. Высота курганов от 0,45 до 5,1 *м* (кург. № 4), диаметры от 17 до 55 *м*.

Курган № 1 расположен на южной оконечности группы, сильно поврежден, поэтому диаметр его по линии север — юг равен 28 *м*, а по линии запад — восток — 33 *м*, высота насыпи 3,15 *м*.

[8] Архив ГАИМК, фонд ИАК, д. № 22 за 1886 г., стр. 6.

[9] Гос. музей Грузии, № 43—12 : 33 (из коллекции А. Л. Млокосевич).

[10] Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 64, 65; Г. И. Ионе. Мингечаурская разновидность наконечников стрел «скифского» типа. Материальная культура Азербайджана, III, Баку, 1953, стр. 80 сл.

[11] В 1962 г. скифские погребения были найдены И. Г. Нариманов на территории поселения Сары-Тепе у г. Казаха. Письмо к автору от 26 декабря 1962 г.

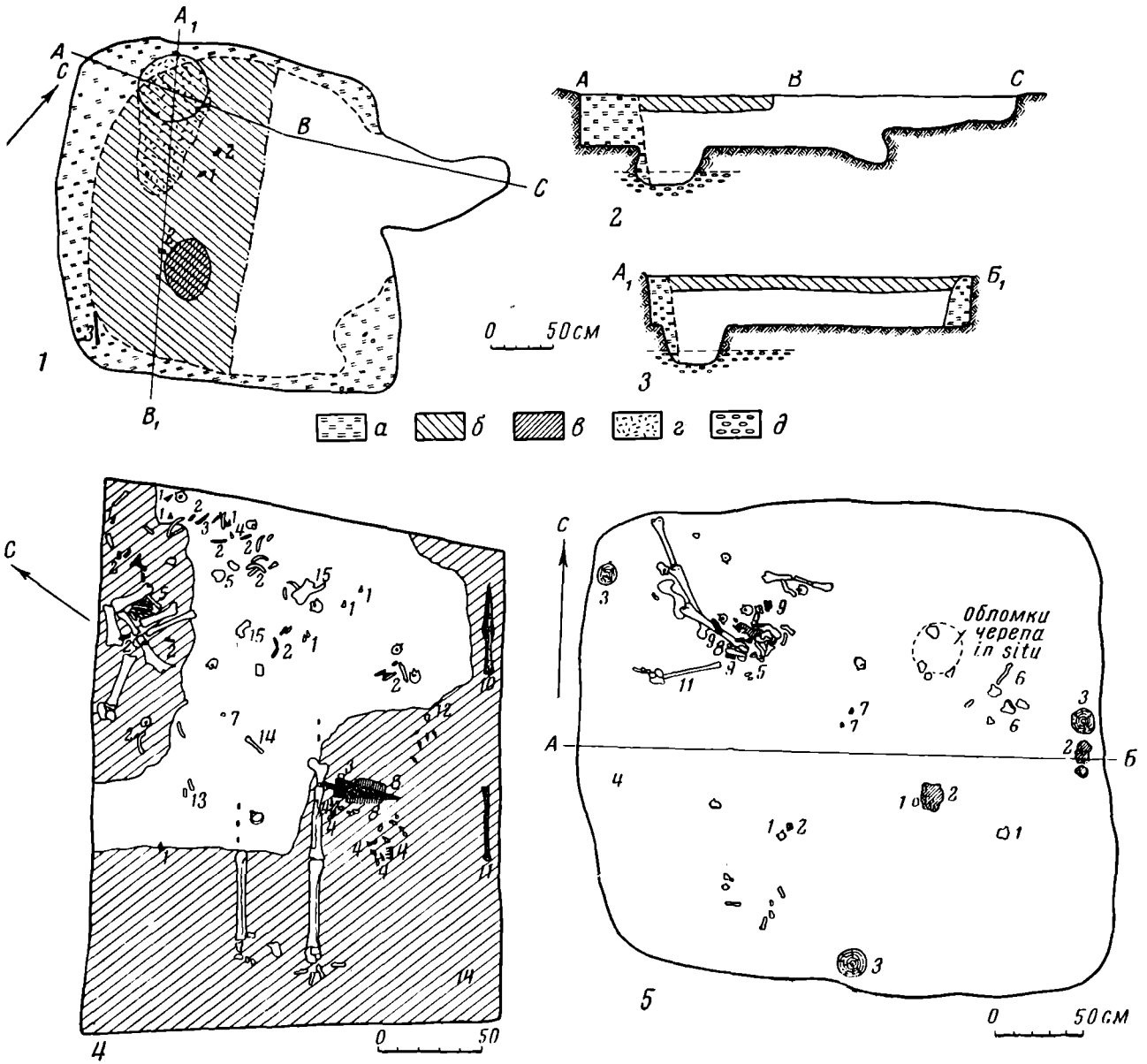


Рис. 2. Погребения в курганах у сел. Гойты

1 — план погребения в кургане 1 (*а* — красная пережженная глина, *б* — земля с углем, *в* — скопление угля, кострище, *г* — скопление керамики, *д* — галька, *1*, *2* — обломки костей человека, *3* — обломки железного втока); *2* — разрез погребения в кургане 1 по линии АБС; *3* — разрез этого же погребения по линии $А_1В_1$; *4* — план погребения в кургане 2 (*1* — бронзовые стрелы, *2* — бронзовые пластинки, *3* — железный меч, *4* — костяные стрелы, *5* — кости коровы, *6* — бронзовая заклепка, *7* — костяная ворворка, *8* — скопление стрел, колчан, *9* — кусок бересты, *10* — железное копье, *11* — железная втулка, *12* — кость запястья, *13* — фаланги пальцев, *14* — ключица, *15* — лопатка; заштрихованы остатки перекрытия); *5* — план погребения в кургане 3 (*1* — кости черепа на глубине 1,05 м от уровня горизонта, *2* — керамика на глубине 0,50 м, *3* — столбы деревянные, *4* — трехгранная костяная стрела, *5* — керамика на глубине 1,05 м, *6* — обломок лопатки, *7* — зубы животного, *8* — оселок, *9* — обломки меча, *10* — нижняя челюсть, *11* — кости ноги человека)

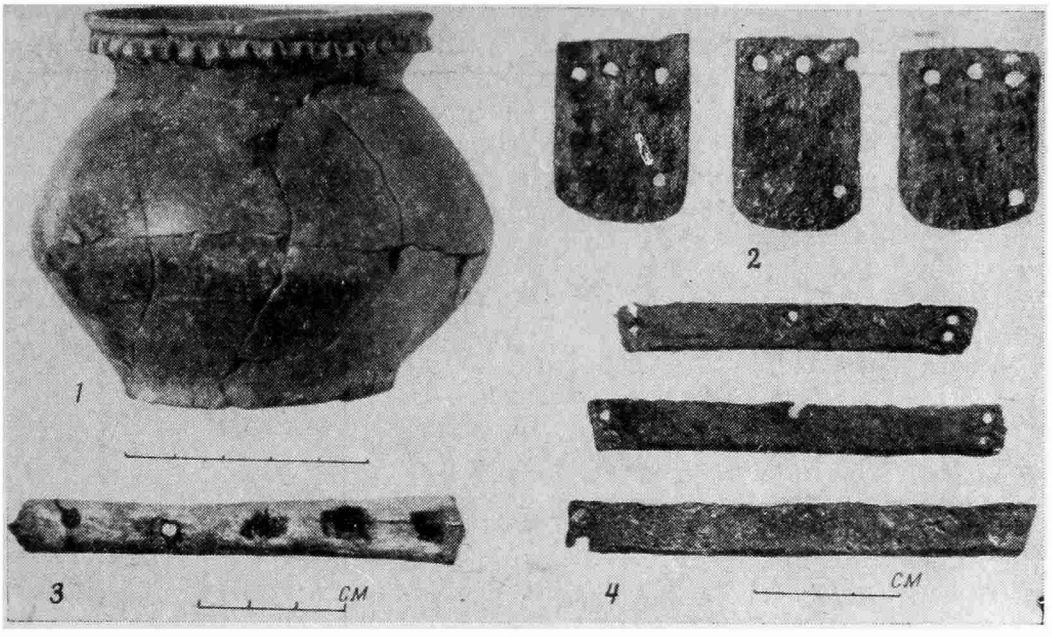


Рис. 3. Предметы из курганов у сел. Гойты

1 — сосуды из погребения в кургане 5; *2* — бронзовые панцирные пластинки из погребения в кургане 1; *3* — обломки рукояти из погребения в срубе кургана 4; *4* — бронзовые пластины для оббивки

По профилю курганной насыпи можно представить, что над могильной ямой, впущенной на 0,4 *м* ниже уровня древнего горизонта, были сооружены глиняные стены в виде ограды, перекрытые дубовыми плахами (рис. 1, *I*) [12]. Эта камера имела в высоту около 1,9 *м*. Могильная яма неправильной трапециевидной формы (2,7 × 2,7 — 2,4 *м*), находившаяся в центре кургана, ориентирована углами по странам света (рис. 2, *1—3*). С северо-восточной стороны в могилу вел спуск (длина его 1,05 *м*, ширина у устья 0,7 *м*). Края могилы были покрыты красной обожженной глиной от сползших стен надмогильной камеры. Вся северо-западная часть заполнена черной золистой землей с угольками (рис. 2, *1*). Близ южного угла расчищено угольное скопление в виде овала 0,50 × 0,35 *м*. Вероятно, в могиле был сооружен мощный костер. В западном углу обнаружена яма диаметром 0,55 *м*, вырытая в слое глины и галечника на глубину 0,3 *м* ниже дна могилы. Находки и обломки человеческих костей разбросаны. Большое скопление обломков посуды обнаружено в западном углу и в яме, быть может яма и была вырыта специально для нее. Найденная посуда имеет темно-коричневую лощеную поверхность, в изломе глина пористая, темно-серая, с шамотом. Среди обломков обнаружены стенки сосуда со слегка закругленным корпусом. Во всех частях могилы обнаружены бронзовые панцирные пластины (19 целых и масса обломков) в виде небольших слегка выгнутых прямоугольников (3 × 2,4 *см*) с закругленной узкой стороной. Такие пластины нашивались на кожаную рубаху, образуя панцирь (рис. 3, *2*).

В восточном и южном углах могилы найдены в обломках железный нож с горбатой спинкой (длина его 6,5 *см*), втулка от втока или копья-дротика (длиной 23 и шириной 2—2,9 *см*) и два обломка железного меча с шириной лезвия 5—6 *см*.

В восточной части ямы собраны 10 бронзовых трехлопастных втульчатых наконечников стрел скифского типа (рис. 4, *5*) и шесть костяных наконечников стрел. Они четырехгранные, слегка приострены, с втулками (рис. 4, *1*).

---

[12] Древесина определялась Г. Н. Лисицыной, кости животных — В. И. Цалкиным.

Курган № 1 был ограблен. Об этом свидетельствуют разбросанность находок, нарушенность слоев насыпи кургана.

Курган № 2 покрыт кустами, с северо-западной стороны слегка разрушен. Диаметр кургана 28 × 29 *м*, высота 2,84 *м*. На глубине 2 *м* от вершины кургана обнаружены следы дубовых плах (рис. 1, *II*). Они были положены по краям земляной подушки, в центре которой вырыта могильная яма, уходящая на 0,6 *м* ниже древнего горизонта. Могила, перекрытая

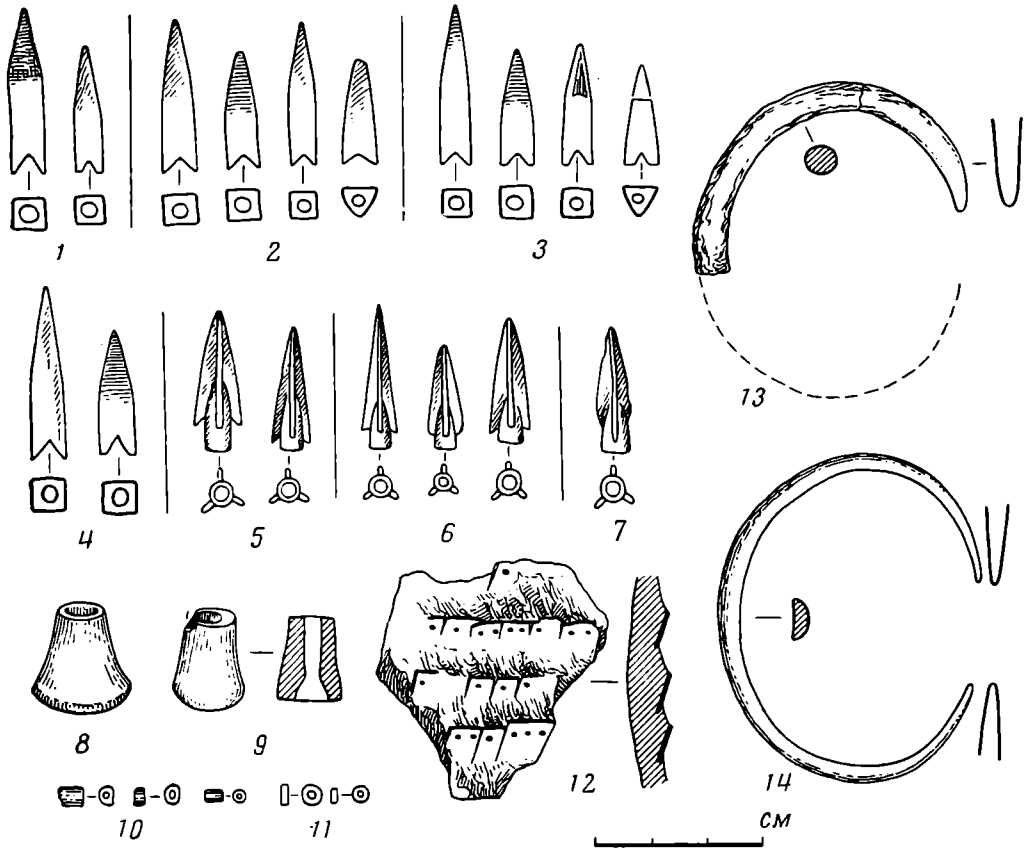


Рис. 4. Предметы из курганов у сел. Гойты

1—4 — костяные наконечники стрел (*1* — из погребения кургана 1; *2* — из погребения кургана 2; *3* — из погребения кургана 3; *4* — из погребения кургана 5); *5—7* — бронзовые наконечники стрел (*5* — из погребения кургана 1; *6* — из погребения кургана 2; *7* — из погребения кургана 3); *8* — бронзовая ворворка из погребения кургана 5; *9* — костяная ворворка из погребения кургана 2; *10* — янтарный бисер из центрального погребения кургана 4; *11* — пастовый бисер из того же погребения; *12* — куски железного панциря из погребения кургана 5; *13, 14* — железный и бронзовый браслеты из погребения «рабыни» кургана 4

деревом, имела неправильную трапециевидную форму (2,7—2,3 × 2,1 *м*) и была ориентирована углами по странам света. Могила ограблена: часть деревянного настила не сохранилась, предметы (обломки железного ножа, бронзовые удлиненные пластинки, костяная ворворка) и кости разбросаны (рис. 2, *4*), лишь у северо-западной длинной стенки, под древесным тленом найдены в непотревоженном виде кости коровы, отдельные бронзовые пластинки и бронзовый наконечник стрелы.

Южная и восточная часть могилы также оказалась совершенно непотревоженной. От костяка, лежавшего в центре могилы, сохранились в целости кости ног: от правой — берцовые кости и от левой — бедренная кость, сочлененная с берцовыми. Судя по положению этих костей, погребенный лежал вытянуто, на спине и головой был обращен на северо-восток. У левой ноги лежал железный меч треугольной формы закавказского типа (рис. 5, *1*), под которым найдены остатки берестяного колчана с бронзовыми и костяными наконечниками стрел с остатками тополевых древков

(рис. 4, *2*, *6*) [13]. Стрелы были направлены остриями к стопам погребенного. Здесь же были разбросаны бронзовые удлиненные пластинки (рис. 3, *4*). Вдоль юго-восточной стенки могильной ямы лежало железное копье со втоком. Копье массивное, сечение листа у него ромбическое (рис. 6, *2*). Вток в виде втулки с расширяющимися концами имел длину 30,5 *см* при диаметре 2,5—1,5 *см*. Общая длина копья с древком и втоком около 132 *см*.

Курган № 3 (диаметр 29, высота 2 *м*), как и предыдущие, был ограблен. В центре насыпи замечена яма конической формы (диаметр около 5,5 *м*), заполненная плотным смешанным слоем суглинка и гальки. По сторонам заполнения сохранилась толща плотной глины, вероятно, от стен вокруг могилы. На глубине 0,8—1 *м* от вершины находились остатки деревянных плах от перекрытия (рис. 1, *III*).

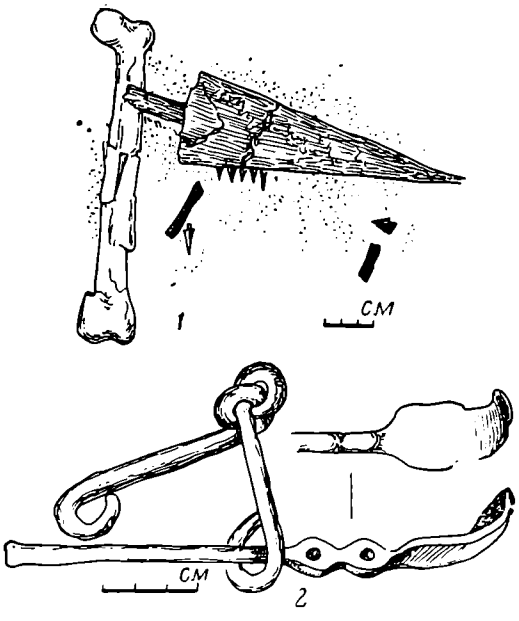


Рис. 5

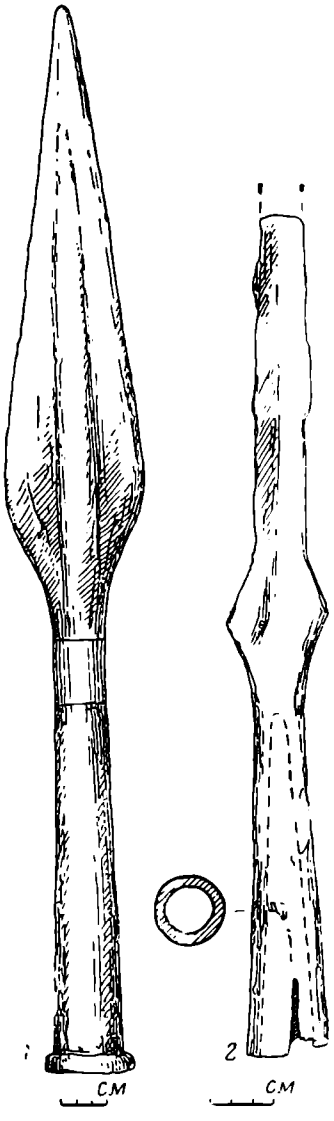


Рис. 6

Рис. 5. Находки из курганов у сел. Гойты

1 — железный меч (деталь погребения в кургане 2); *2* — железные удила с псалием из захоронения в кургане 4

Рис. 6. Железные копья из погребений в курганах 2 и 5

Почти квадратная могильная яма (3,1 × 2,9 *м*) с закругленными углами была расположена ниже древнего горизонта на 0,55 *м* и ориентирована с запада на восток (рис. 2, *5*). В ней сохранились следы от трех дубовых столбиков диаметром 0,1—0,12 *м*, поддерживавших перекрытие над могилой (высота перекрытия от дна могилы около 3 *м*). В могиле обнаружены разбросанные обломки чернолощеных сосудов, мелкие кости и осколки человеческого черепа, два зуба травоядного животного.

Груда костей расчищена в северо-западном углу, близ остатков столба. Здесь были найдены кости таза, две бедренные, берцовая, плечевая кости,

[13] Всего найдено костяных наконечников стрел 10 и обломки, бронзовых — 46 и много обломков.

позвонки, нижняя челюсть. Среди них находились обломки железного меча (ширина клинка около 5,5 *см*), оселок в виде удлиненной гальки серого песчаника (15,2 × 3 × 1,8 *см*). Тут же были собраны бронзовые (более 30 штук) и костяные четырехгранные наконечники стрел (рис. 4, *3*, *7*) [14]. Лишь в северной половине могилы расчищены в непотревоженном виде малая берцовая кость с костями плюсны и в 1,2 *м* к востоку от них —

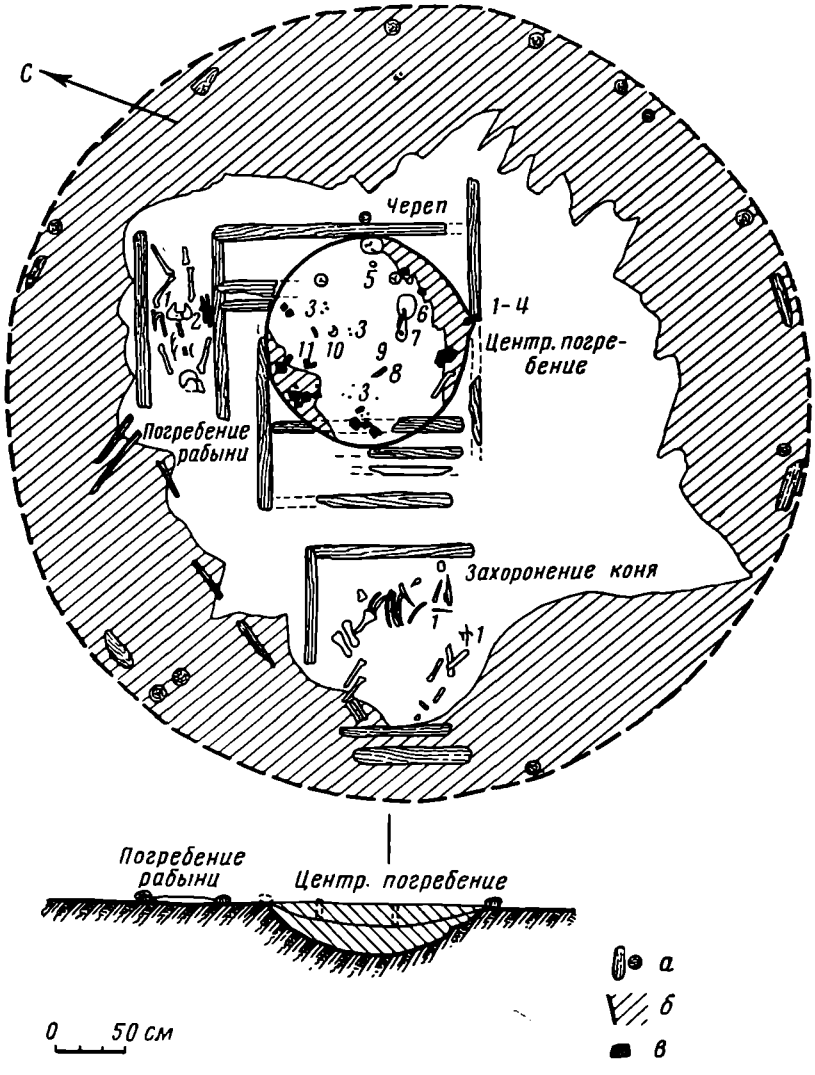


Рис. 7. Погребения в кургане 4 у сел. Гойты

Центральное погребение: *1* — костяной гребень; *2* — бисер; *3* — золотые бляшки и подвески; *4* — обломки железа; *5* — коленная чашечка человека; *6* — зернотерка; *7* — череп быка; *8* — железный нож с костяной рукоятью; *9* — костяной гребень; *10* — костяные пластины от рукояти ножа; *11* — реальгар
Погребение «рабыни»: *1* — бронзовый браслет; *2* — железный браслет
Погребение коня: *1* — железные удила;
а — дерево, балки; *б* — древесный тлен; *в* — керамика

обломки человеческого черепа. Ясно, что покойник лежал головой на восток в вытянутом положении на спине, параллельно длинным стенкам могилы.

Курган № 4 носит по-чеченски название «Чурт доллу барз» («памятный курган»). Диаметр его с севера на юг 55 *м*, с запада на восток 54 *м*, высота 5,1 *м*. Курган окружен валом и рвом. Специальный раскоп, заложенный на северной точки кургана, показал, что в древности ширина рва была 4 *м*, а глубина — 0,8 *м*.

[14] Костяных стрел найдено 17 штук, среди них один наконечник трехгранный (рис. 4, *3*).

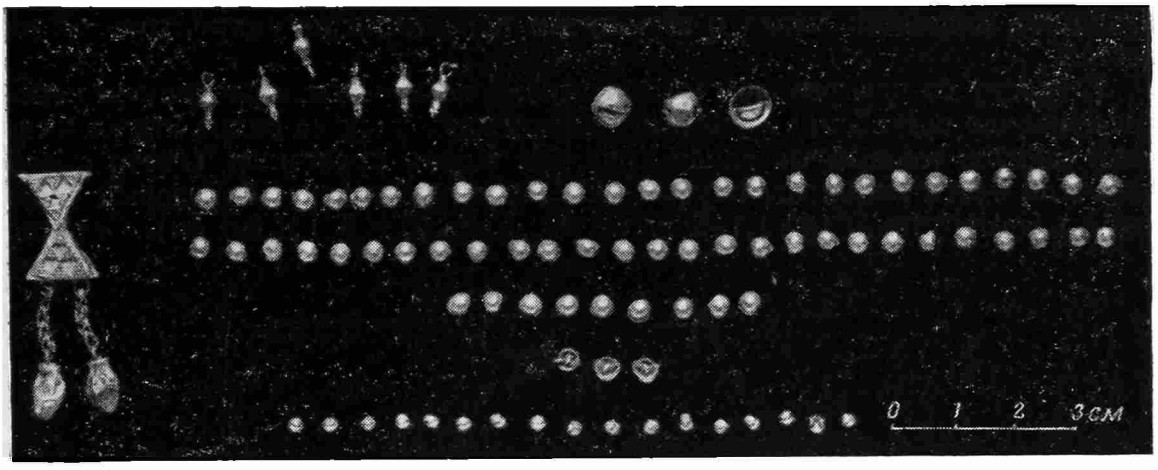


Рис. 8. Золотые вещи из погребения в срубе (курган 4)

На глубине 3 *м* от вершины кургана стали прослеживаться следы дубовых плах. Здесь грабителями был проделан пролом диаметром 1,5 *м*.

В центре кургана на уровне древнего горизонта обнаружены погребения (рис. 7). Выяснилось, что на тщательно подровненной круглой площадке диаметром 8—8,3 *м*, некогда окруженной плетнем, частоколом или шатровым покрытием (по кругу найдены остатки дубовых столбов толщиной до 0,15 *м*, упавшие балки и древесный тлен, исчезающий к центру круга — грабительской ямы), размещались три погребения — одно в срубе и два возле него (человека и копя).

Центральное погребение (в срубе) расположено почти в центре площадки. Сруб прямоугольной формы, ориентирован с запада на восток. Длина его 3, ширина 2,8, высота более 0,8 *м*. Перекрытие и стены поддерживались балками, найденными внутри сруба и с внешней (восточной) стороны сооружения.

Под срубом расчищена чашевидная могильная яма округлой формы (2,5 × 2,3 × 0,5 *м*), ориентированная, как и сруб, с запада на восток (рис. 7).

В центральной части сооружения следы перекрытия не сохранились — могила была явно ограблена, что подтвердилось расчисткой. На восточном краю могилы обнаружен череп погребенного, коленная чашка и обломки керамики. В центре могилы найден череп быка (заупокойная пища), лежавший на зернотерке — плите светлого песчаника со слегка вогнутой поверхностью (35 × 25 × 5 *см*). Рядом находился золотой кулон-разделитель (рис. 8). По всей могиле собраны рассыпавшиеся золотые бляшки, а близ центра ямы найден железный нож с костяной рукоятью. Спинка клинка выгнута, длина ножа с рукоятью 21,3 *см* (рис. 9, *2*). Обломки рукояти подобного ножа обнаружены также близ северной стены могилы (рис. 3, *3*). Здесь же лежали обломки крупного костяного гребня с навершием, выполненным в зверином стиле (рис. 10).

Много находок было в непотревоженной южной части могилы. Здесь найдены обломки керамики, отдельные золотые бляшки. В небольшой нишке — углублении, устроенном в середине западной стены,— найден хорошо сохранившийся костяной гребень с навершием в виде крылатого оленя (рис. 10). Под ним собран янтарный и пастовый бисер, вероятно от сумочки, тут же лежали небольшие кусочки железа, золотые бляшки и пять золотых подвесок. Другая такая же подвеска была обнаружена среди керамики в западной части могилы. Северная часть могилы, также прикрытая древесным тленом, содержала отдельные трубчатые кости человека, обломки керамики и отдельные золотые бляшки. Среди находок встречались крупинки оранжево-красного реальгара. Судя по расположению черепа и

находкам, покойник лежал в вытянутом положении на спине, головой на восток.

К северу от центральной могилы прямо на горизонте расчищено непотревоженное погребение «рабыни»: между двух плах на спине лежал женский костяк, головой на запад (рис. 7). Череп проломлен (кости левой височной части вломлены внутрь). На левую руку надет бронзовый браслет с несомкнутыми приостренными концами (6 × 4,6 × 0,8 *см*). Сечение

Рис. 9. Находки из курганов у сел. Гойты

1 — сосуд из погребения в кургане 5; *2* — железный нож с костяной рукоятью (погребение в срубе кургана 4)

сегментовидное (рис. 4, *14*), на правой руке — железный браслет, подобной же формы (сломан). Сечение круглое (рис. 4, *13*). Ноги костяка сведены вместе в коленных суставах.

С западной стороны центральной могилы среди древесных обкладок расчищено захоронение коня, лежавшего на горизонте на левом боку, с вытянутыми вперед ногами, головой на юг (рис. 7). Во рту черепа найдены железные удила с лопастными двудырчатыми псалиями (рис. 5, *2*).

Опишем детальнее отдельные находки и костяные гребни.

1. Золотой кулон-разделитель (четырехдырчатый) сделан из тонкой фольги в виде двух треугольников, соединенных вершинами. К нижней части кулона приделаны цепочки с полыми овальными подвесками. С лицевой стороны предмет орнаментирован зернью в виде треугольников. Общая длина с подвесками 4 *см*, вес 1,97 *г* (рис. 8).

2. Золотые подвески в виде стерженьков с полыми шариками в центре. Окончания их украшены зернью в виде грозди. Каждая подвеска сделана из пяти деталей. Центральный шарик спаян из двух половинок. Высота 1 *см*. Общий вес 0,858 *г* (рис. 8).

3. Золотые бляшки полусферической формы с двумя отверстиями по краям. Три штуки. Диаметр 0,7, высота 0,3 *см*. Общий вес 0,156 *г*.

4. Золотые бляшки с припаянными ушками для пришивания к одежде. 66 штук. Диаметр 0,4, высота 0,2 *см*. Общий вес 3,904 *г* (рис. 8).

5. Золотые очень мелкие бляшки с двумя отверстиями по краям. 16 штук. Диаметр 0,25, высота 0,1 *см*. Общий вес 0,18 *г* (рис. 8).

Общий вес всех золотых вещей 7,0698 *г* (рис. 8).

6. Янтарный бисер в виде рубленых цилиндриков. Янтарь золотистого тона — копал. Диаметр 0,3—0,2, высота 0,4—0,1 *см*. Всего 234 целые бусины и 10 в обломках (рис. 4, *10*).

7. Пастовые уплощенно-цилиндрические бусины (бисер). Девять штук. Паста голубоватая, розовая. Диаметр 0,4—0,2, высота 0,1—0,05 *см* (рис. 4, *11*).

8. Костяной гребень с обломанным навершием, выполненным в зверином стиле. Сохранились две согнутые ножки лежащего оленя и головка какого-то мифического животного с глазом, острым ромбическим ухом и рогами в виде пальметки. Под резным навершием — орнамент в виде ряда кружочков. Размер гребня 7 × 5 *см* (рис. 10).

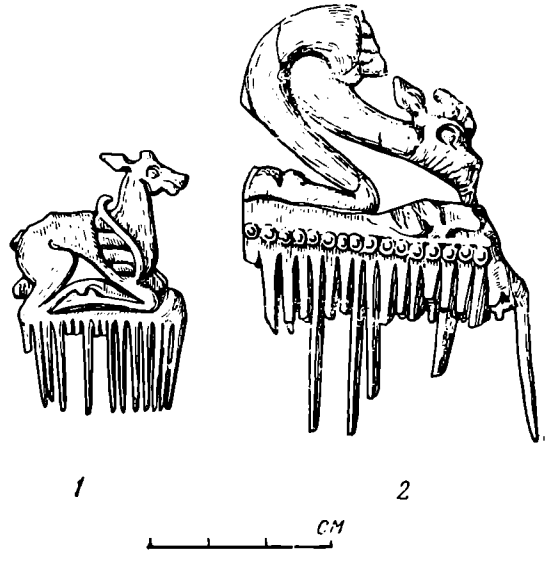


Рис. 10. Костяные гребни из погребения в срубе (курган 4)

9. Миниатюрный костяной гребень с навершием в виде сидящего крылатого оленя. На одной стороне крыло имеет четыре лопасти («пера»), на другой — три. Головкой олень обращен вправо. Размеры предмета 4,5 × 3 *см*. Поверхность заполирована (рис. 10).

Курган № 5 был покрыт кустами и зарослями ежевики. Размеры: 25,5 × 23 *м*, высота 2,3 *м*.

В центре кургана расчищена могильная яма почти круглой формы. Диаметр ее на уровне древнего горизонта 3,4 *м*, к дну суживается до 3 *м*, глубина от уровня древнего горизонта 1,75 *м*. Яма была перекрыта дубовыми плахами, для чего по краям ее насыпана земля в виде вала высотой 0,7 *м*. В центре могилы на дне обнаружено мощное кострище толщиной до 0,25 *м*, вытянутое с севера на юг на 1,6 *м* при ширине 1,15 *м* (рис. 1, *IV*; рис. 11). В северной части рядом с кострищем стоял крупный тонкостенный сосуд удлиненно-округлой формы, покрытый по плечикам насечками. Диаметр тулова сосуда 31,2 *см*, высота 36 *см* (рис. 9, *1*). Сделан на гончарном круге. Рядом с ним находился небольшой сосудик с острыми боками и отвернутым устьем, украшенным налепным валиком с углублениями. Поверхность сосудика лощеная, коричневая. Высота его 8,9 *см*, диаметры: устья 8 *см*, дна 6,2 *см* (рис. 3,*1*).

Возле крупного сосуда лежало массивное железное копье с втулкой. Копье удлиненно-ромбической формы, сечение колющей части ромбическое с выпуклым ребром. Втулка имеет бронзовую обоймочку. Общая длина предмета 64 *см* (рис. 6, *1*). Тут же была найдена бронзовая ворворка (рис. 4, *8*).

При расчистке кострища среди пережженных человеческих костей (обломки двух черепов, бедренных костей, костей рук) были обнаружены два костяных четырехгранных наконечника стрел, спекшиеся обломки железного пластинчатого панциря, бронзовые удлиненные пластинки.

К востоку от кострища найдена кучка необожженных костей и еще 24 костяных наконечника стрел (рис. 4, *4*).

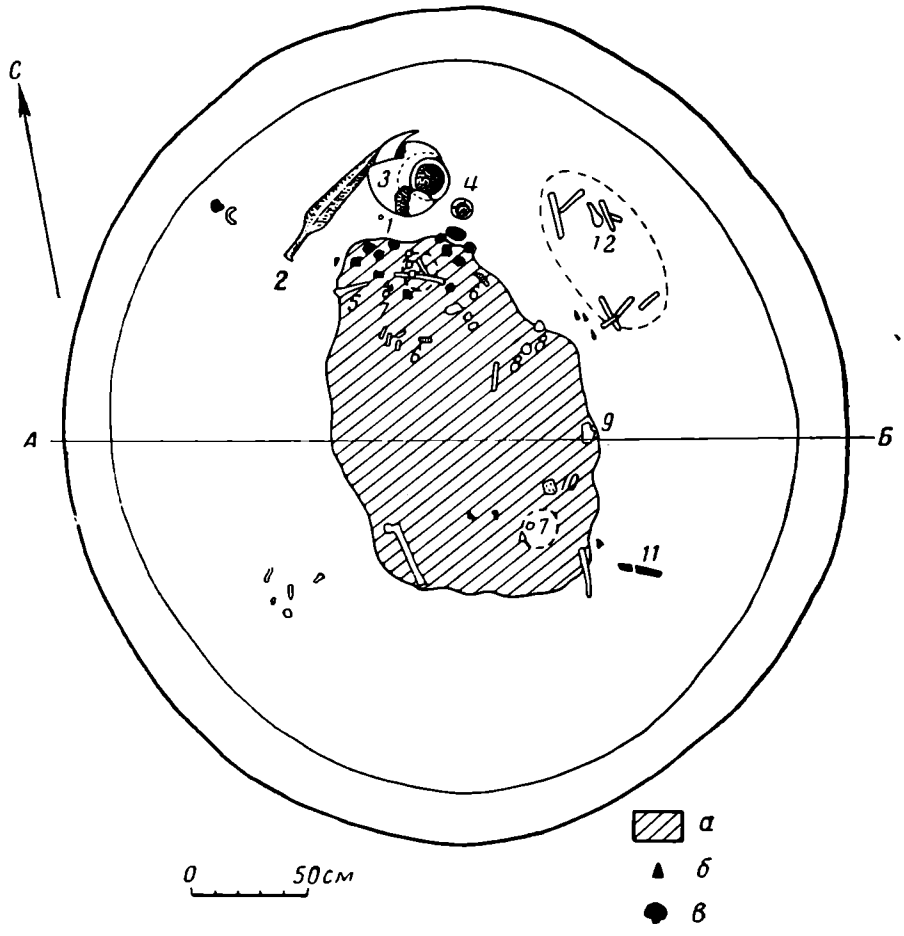


Рис. 11. План погребения в кургане 5 у сел. Гойты

1 — бронзовая ворворка; *2* — железное копье; *3, 4* — сосуды; *5* — обломки бедренных костей; *6* — бронзовые пластинки; *7* — обломки черепа, зубы; *8* — коленные чашечки; *9* — эпифиз большой берцовой кости; *10* — керамика; *11* — железная втулка; *12* — кучка необожженных костей; *а* — кострище; *б* — костяные стрелы; *в* — куски железного панциря

Вне кострища в северной части найдены обломки железной втулки от копья (?) длиной 18, диаметром 2—1,6 *см*.

Курган № 6. Диаметр 30, высота 2,8 *м*. Могила была расположена на уровне древнего горизонта. Прослежно пятно 5 × 4 *м*, вытянутое с запада на восток. Могила полностью ограблена, кроме кусков дерева, обломков лощеной керамики и железа, ничего найдено не было.

* *
*

Все раскопанные нами курганы относятся к одному времени. Во всех курганах, за исключением № 4, найден довольно однотипный инвентарь, состоящий из бронзовых и костяных наконечников стрел, панцирных пластин, ворворок, удлиненных пластинок, железных копий. Бронзовые наконечники стрел относятся к типу трехлопастных втульчатых наконечников. Лопасти у них срезаны косо и образуют шипы (рис. 4, *5*, *6*). Подобные стрелы широко применялись в V в. до н. э., а уже в IV в. до н. э. они исчезают [15]. К. Ф. Смирнов считает такие легкие стрелы характерными не только для вооружения савроматов, но и для скифских лучников [16]. В кург. № 3 у с. Гойты была найдена бронзовая втульчатая стрела с тремя лопастями

[15] Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. ТСА РАНИИОН, V, М., 1930, стр. 72.

[16] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 47.

приостренно-овальной формы (рис. 4, *7*). Подобные наконечники Б. Н. Граков относит к концу VI — первым десятилетиям V в. до н. э. [17].

Четырехгранные костяные наконечники стрел башнеобразной формы (рис. 4, *1—4*) получают широкое распространение с V по III в. до н. э., хотя они встречаются и в погребениях VI в. до н. э. [18]. В Дагестане подобные стрелы, судя по сарматским погребениям, бытуют до конца I тысячелетия до н. э. [19]. Обилие их в кавказских древностях (Карабудахкент, Нестеровская, Сержень-Юрт, Верхняя Рутха и др.) позволяет говорить о данных стрелах, как о местном оружии. Костяная и бронзовая ворворки (рис. 4, *8*, *9*) также аналогичны скифским и могут быть отнесены к V в. до н. э. [20]. Бронзовый и железный браслеты из погребения «рабыни» (рис. 4, *13*, *14*) имеют традиционную форму для памятников типа Лугового и Нестеровского могильников в Ингушетии и, возможно, являются предметами местного производства. Это позволяет предполагать, что сама «рабыня» была женщиной из местных племен. Датируются браслеты VI—V вв. до н. э. [21]. Е. И. Крупнов двудырчатые псалии типа найденных в захоронении коня (рис. 5, *2*) считает характерными для скифской культуры этого же времени [22]. Бронзовые и железные панцирные пластины, нашивавшиеся на кожаные рукавные рубашки, являлись надежной защитой от стрел. Их носили знатные скифские всадники [23]. В таком доспехе изображен скиф-воин на золотом гребне из кургана Солоха [24]. Длинные железные втулки-втоки характерны для скифских копий [25]. Железный меч из кург. № 2 близок закавказским мечам конца эпохи бронзы.

Все эти материалы дают надежную дату курганов с. Гойты — это V век до н. э. Не противоречат данной дате и костяные гребни. Четко выделенные копыта животных, спокойная постановка уха у оленя малого гребня, параллельность линий ног, морды характерны для художественных изделий V в. до н. э. [26]. Так, трактовка ног, сложенных вместе, хвостика животного — навершия гойтинского малого гребня (рис. 10, *1*) — близка изображениям оленей на зеркалах ольвийского II типа этого же времени [27]. К V в. до н. э. могут быть отнесены и предметы из золотой фольги.

Итак, мы имеем дело с памятниками V в. до н. э. Мы уже указывали, что бронзовые стрелы, браслеты, железный меч могут быть местными по изготовлению (стрелы) и по происхождению (костяные стрелы, браслеты, меч). Местными, вероятно, являются и массивные железные копья со втоками.

А не могли ли данные курганы оставить местные племена? Нет, курганы у с. Гойты по обряду захоронений и конструкции могил (в яме и на горизонте) не могут быть сопоставлены ни с одним чисто местным памятником скифского времени. Аналогии захоронениям в курганах с. Гойты находим за пределами Чечено-Ингушетии.

Курганы скифов-дружинников располагаются обычно вокруг одного большого кургана — могилы вождя. Самый крупный исследованный нами

---

[17] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 72.

[18] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 286.

[19] К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, 23, 1951, стр. 259, 261, рис. 17, *12—14*.

[20] В. Г. Петренко. Могильник скифского времени у с. Гришенцы. МИА, 113, 1962, стр. 145, 146, рис. 2, *1—3*.

[21] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 290—292.

[22] Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, 55, 1954, стр. 102, 104, рис. 42, *8*.

[23] В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 13—15, рис. 4.

[24] А. П. Манцевич. Золотой гребень из кургана Солоха. Л., 1962, стр. 5, иллюстрации.

[25] В. Д. Блаватский. Очерки военного дела..., стр. 19.

[26] Н. Л. Членова. Скифский олень. МИА, 115, 1962, стр. 171.

[27] В. М. Скуднова. Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии. Культура и искусство античного мира, 3, Л., 1962, стр. 13, 15, рис. 7, 9.

курган № 4, давший находки из золота и гребни, находился в центре всей группы, был обнесен рвом и валом. Именно в этом кургане найдены конское захоронение и «рабыня», лежавшие рядом с могилой повелителя. Это характерно для скифов VI—V вв. до н. э.[28]. Характерны для скифских памятников этого времени западная или восточная ориентировка погребенных, обширные могильные ямы со сложными деревянными конструкциями (Ульский аул, Келермесс), ямы, обложенные сырцовым кирпичом, сожжение покойника вместе с утварью[29]. Несомненно, обряд погребений скифских племен был разнообразным, имел свои локальные особенности, связанные с территорией и конкретными племенами, но погребальный обряд «является самой устойчивой, самой консервативной и вследствие этого самой надежной этнической особенностью»[30]. Даже такие детали, как находка предметов женского туалета в мужском погребении, характерны для скифского обряда — женщины клали в могилы свои вещи в знак печали[31]. Однако в целом подобные памятники мы не встречаем в пределах собственно Скифии — Причерноморья. Гойтинские курганы близки памятникам Прикубанья V в. до н. э.— курганам у ст. Келермесской, Костромской, Ульского аула[32] и др. Эти прикубанские курганы, несмотря на то, что они находятся на меотской территории, были оставлены скифами[33], но скифами, перенявшими отдельные культурные черты у местного населения — меотов. Курганы у с. Гойты также могут быть названы скифскими, т. е. оставленными древними скифами, но скифами, находившимися в тесных контактах с местными племенами, населявшими в V в. до н. э. современную территорию плоскостной Чечни[34] и известными по памятникам восточного варианта кобанской культуры. Вот почему так много чисто местных, кавказских элементов в предметах материальной культуры в курганах у с. Гойты (копья, костяные стрелы, кинжал). Даже в гребнях (особенно в большом гребне) заметны черты (утрировка и искажение пропорций, витиеватость позы), типичные для предметов звериного стиля, происходящих с территории Северного Кавказа (напомним хотя бы бронзовую обкладку ножен из с. Урус-Мартан[35]). Это влияние прослеживается и в кобанских художественных бронзах. Сосуды из кург. № 5, находя некоторые близкие формы в скифской керамике (Каменское городище, Белозерский лиман), находят аналогии и на Кавказе (малый сосуд близок посуде из ст. Нестеровской, а крупный, сделанный на гончарном круге, напоминает закавказские пифосообразные сосуды). Все это указывает на тесные контакты скифских пришельцев с местным населением. Такие контакты могли происходить и в процессе движения скифских племен по степям и предгорьям северо-восточного Кавказа в Переднюю Азию и обратно на север, и еще более тесными могли быть с теми из скифов, которые оседали на Кавказе. Так могли возникнуть своеобразные скифские древности Прикубанья, таким образом, вероятно, появились и курганы у с. Гойты, близкие в какой-то степени прикубанским.

Какие скифские племена могли оставить курганы у с. Гойты — покажут дальнейшие исследования подобных памятников. Сейчас гойтинские находки важны тем, что они еще раз документируют наличие скифских древ-

---

[28] А. И. Мелюкова. Войско и военное искусство скифов. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 32.

[29] Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время. ВССА, стр. 91; А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье. ВССА, стр. 106.

[30] М. И. Артамонов. Этногеография Скифии. Уч. зап. ЛГУ, 13, 1949, стр. 133.

[31] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 561.

[32] ОАК за 1898 г., стр. 30—33; ОАК за 1900 г., стр. 11—14; ОАК за 1904 г., стр. 86 сл.

[33] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 303.

[34] Н. В. Анфимов, ознакомившийся с нашими материалами, отрицает меотскую принадлежность гойтинских курганов.

[35] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, табл. XI, *6*.

ностей на Северном Кавказе, а это не всегда учитывается скифологами даже в самых последних работах [36]. Думаем, что такие памятники, как курганы у с. Гойты, помогут изменить скептическое «отношение к признанию значимости взаимодействий скифской культуры и культуры Северного Кавказа» [37].

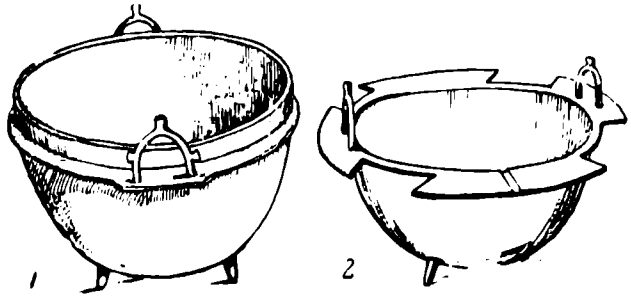


Рис. 12. Средневековые дагестанские котлы (бронза, медь)

1 — котел с ручками на выступающем бордюре; *2* — котел с ручками на сильно выступающем венчике

Движение скифов на Кавказ не ограничивалось одним VII в. до н. э. Оно было более длительным. Этим можно объяснить разновременность скифских памятников на Кавказе и то сильное культурное влияние скифов, которое ощущается даже в местных средневековых памятниках. Обратим внимание на резной дагестанский камень и дагестанские литые котлы. В резных камнях-тимпанах, оконных переплетах, консолях средневековых построек аула Кубачи, Амузга и др. многие детали в трактовке животных (поза, орнаментальные окончания лап, изгиб шеи) находят аналогии в изображениях на сосудах, бронзовых топорах и поясах кобанских памятников, а те в свою очередь впитали многие элементы так называемого скифского звериного стиля. Несомненно, искусство кобанских бронз и скифское искусство, так же как и сопоставление их с искусством дагестанских и вейнахских народов, еще требует изучения, но отмеченное сходство примечательно. Дагестанские литые бронзовые и медные котлы (рис. 12), стоящие на ножках, всегда имеют по краю устья или по ребру, проходящему вдоль устья, вертикальные ручки с тремя кнопками, а иногда и с зооморфными изображениями. Форма у них разнообразна, некоторые напоминают шар со срезанной верхней частью, другие представляют собой неполное полушарие. Такие котлы, крупных размеров, употреблялись раньше для ритуальных общественных пиршеств. Они использовались для нагревания на костре, разложенном вокруг стоящего котла, и для подвешивания над очагом. Сейчас такие котлы исчезают из обихода (сохраняются в ауле Кубачи, причем для них отковываются специальные крышки), а раньше употреблялись очень широко, особенно в южном Дагестане (известны находки их по побережью Каспия в районе Дербента; в ауле Кубачи хранятся котлы XII—XIII вв.) [38]. Эти котлы по форме и деталям очень напоминают хорошо известные скифские котлы.

Таким образом, без учета скифского влияния трудно понять не только древние, но и многие средневековые памятники северо-восточного Кавказа. При этом мы не хотим умалить творческие силы местных народов, умело воспринявших все культурные достижения их предшественников со всеми инородными влияниями (скифским, ахеменидским, сасанидским) и создавших свой своеобразный стиль. Только таким путем могли возникнуть изображения кошек с пышными, как крылья, хвостами, коленопреклоненных коней на бронзовых бляхах, скульптурные воспроизведения драконообразных существ с человеческими головами в лапах (кронштейны домов в г. Буйнакске, Дербенте) и т. д.

Несомненно, для решения подобных вопросов необходимы дальнейшие работы над изучением и выявлением таких же ярких комплексов, как описанные нами курганы у с. Гойты.

---

[36] И. В. Яценко. Скифия VII—V веков до нашей эры. Тр. ГИМ, 36, М., 1959, стр. 19, карта.

[37] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 356.

[38] Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. М.— Л., 1949, стр. 66, 67.

Р. М. МУНЧАЕВ

НОВЫЕ САРМАТСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Сарматская эпоха, охватывающая период с III в. до н. э. по IV в. н. э., имеет важное значение в древней истории юго-востока нашей страны, особенно применительно к Северному Кавказу. Как показали работы Е. И. Крупнова [1], К. Ф. Смирнова [2] и других исследователей [3], продвижение различных групп сарматских племен на Северный Кавказ приводит к значительному переоформлению местной культуры и в некоторых случаях решающим образом сказывается на процессе этногенетического развития коренного населения края. Втянутые в сферу сарматского влияния, северокавказские племена становятся участниками важных военно-политических событий древней истории. Сложные этнокультурные сдвиги, происходившие в степях и предгорьях Северного Кавказа в результате продвижения и оседания на этой территории сарматских племен — сираков, аорсов, алан и др.,— нашли свое яркое отражение в археологических памятниках. К сожалению, степень изученности как отдельных этапов сарматской эпохи, так и различных областей Северного Кавказа далеко не равномерна. Особенно это обстоятельство касается Северо-Восточного Кавказа — Дагестана и Чечено-Ингушетии. Недавно вышла в свет ценная работа В. Б. Виноградова, посвященная обзору и характеристике сарматских памятников Северо-Восточного Кавказа [4]. Достаточно обратиться к ней, чтобы увидеть, как мало еще исследованы сарматские памятники на этой территории. В двух опубликованных рецензиях на книгу В. Б. Виноградова было специально обращено внимание на крайне недостаточную изученность сарматских комплексов Чечено-Ингушетии и Дагестана [5]. Такое положение затрудняет решение некоторых важных вопросов древней истории и культуры не только этих областей, но и всего Северного Кавказа. Отсюда становится ясным значение каждого вновь открытого здесь памятника сарматской эпохи и необходимость скорейшего введения его в научный оборот. В данной статье мы ставим себе целью опубликовать два новых сарматских памятника, исследованных в Чечено-Ингушетии в 1963 г. одним из отрядов Северокавказской экспедиции. Это, во-первых, ряд впускных погребений в курганах эпохи бронзы у с. Бамут Ачхой-Мартановского

---

[1] Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, 23, 1951; его же. О состоянии и задачах изучения археологии Кавказа. КСИИМК, 60, 1955; его же. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

[2] К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе сел. Тарки. МИА, 23, 1951; его же. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. КСИИМК, XXXII, 1950; его же. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. ВССА. М., 1954.

[3] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 116, 1962.

[4] В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.

[5] См. рецензии В. А. Кузнецова и Б. Н. Гракова на книгу: В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. СА, 1964, 4, стр. 232—240.

района и, во-вторых, группа курганов у с. Братское (б. Ногай-Мирза-Юрт) Наурского района ЧИАССР.

В окрестностях с. Бамут находятся два больших курганных могильника. Первый из них включает курганы, расположенные двумя компактными группами на северной окраине с. Бамут [6]. В этом могильнике нет комплексов сарматской эпохи. В 1959, 1960, 1963 гг. здесь раскопано 26 курганов, содержавших погребения XIV—XVI вв. Это Бамутский позднесредневековый курганный могильник.

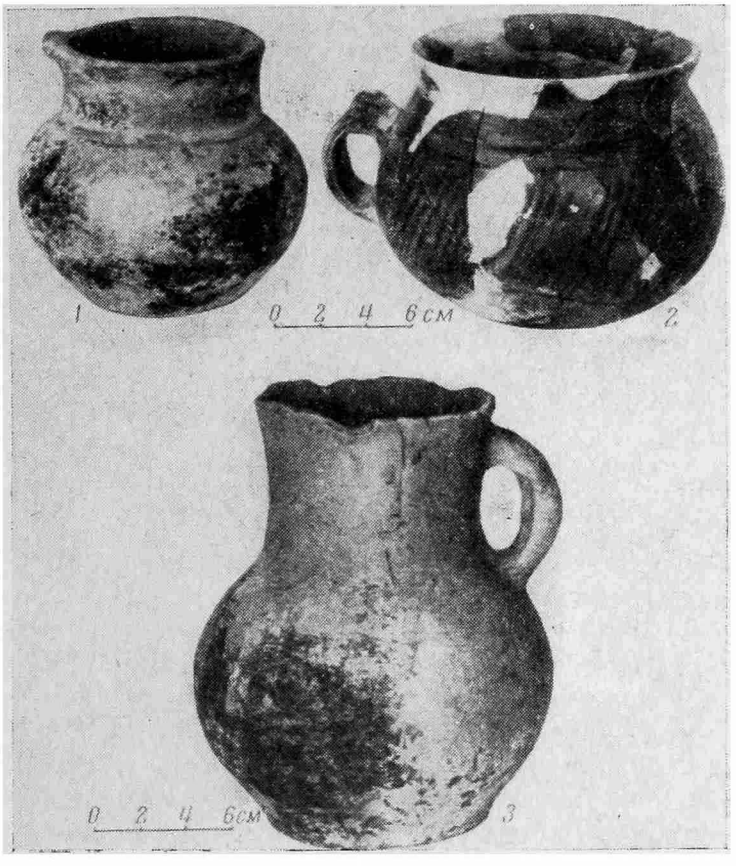


Рис. 1. С. Бамут. Глиняные сосуды из сарматских погребений

1 — погр. № 2; *2* — погр. № 13; *3* — погр. № 5

Второй Бамутский курганный могильник составляют многочисленные курганы эпохи бронзы, расположенные к северу, западу и северо-востоку от позднесредневековых курганов, в окрестностях и в самом хуторе Новый Аршти. Последний находится в 2 *км* к северу от с. Бамут; в настоящее время он почти слился с с. Бамут. Это Бамутский курганный могильник эпохи бронзы, уже широко раскопанный и довольно известный в специальной литературе [7]. В этом могильнике условно выделяются три группы курганов. Первую составляют курганы, расположенные по краю террасы левого берега р. Фортанги. Во вторую группу входят курганы, находящиеся в самом хуторе, к югу и особенно к северу от него. Они тянутся как бы в один ряд с юго-запада на северо-восток на расстоянии более 5 *км*. Третья группа курганов находится в 2—3 *км* северо-восточнее хутора, по направлению к с. Ачхой-Мартан, в 0,4—3 *км* к востоку и северо-востоку от второй

[6] Е. И. Крупнов, Р. М. Мунчаев. Бамутский курганный могильник XIV—XVI вв. Сб.: «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963.

[7] Р. М. Мунчаев, В. И. Сарианиди. Бамутские курганы эпохи бронзы. КСИА АН СССР, 98, 1963.

группы. В этом могильнике раскопано почти 50 курганов, содержавших более 200 погребений, из которых около десяти погребальных комплексов являются типично сарматскими. Любопытно, что все они открыты в курганах второй группы. Три из них, раскопанные в 1961 г., уже опубликованы [8]. В настоящей статье публикуются еще шесть сарматских погребений, открытых в насыпи одного из курганов Бамутского могильника эпохи бронзы.

Рис. 2. С. Бамут. Глиняные сосуды из погр. № 2

Этот курган [9], раскопанный в 1963 г., имел в плане округлую форму. В диаметре он достигал по оси север — юг 40 *м*; высота его 3,75 *м*. Центральная часть кургана имела диаметр около 12 *м* и от основания до гумусного слоя была сложена из речных булыжников. В кургане открыто 21 захоронение, в том числе 15 относящихся к эпохе бронзы и шесть сарматских. Последние — это погр. № 2, 4, 5, 9, 10, 13 по полевой документации III отряда Северокавказской экспедиции 1963 г. Все эти погребения находились на разных уровнях центральной части насыпи.

Так, погр. № 2 открыто на глубине 0,55 *м*. Костяк длиной 1,7 *м* лежал головой на запад, вытянуто на спине с протянутыми вдоль туловища руками. У берцовых костей левой ноги находились три сероглиняных сосуда. У колена стоял темно-серый горшок с отломанной ручкой, высотой 11,2 *см* (рис. 1, *1*). У запястных костей лежали два других сосуда: горшок цилиндрической формы высотой 13,7 *см* с двумя обломанными ручками (рис. 2, *2*) и кувшин высотой около 24 *см* с ручкой (рис. 2, *1*).

Аналогичным захоронением с западной ориентировкой является и погр. № 5, открытое в центре насыпи на глубине 0,35 *м*. В погребении (у черепа) найден темно-серый сосуд с ручкой типа кувшина высотой 18 *см* (рис. 1, *3*). На лучевых костях правой руки находился бронзовый браслет диаметром 5,5 × 6,5 *см*, а у таза лежали обломки железного ножа.

Погребения № 4 и 9, открытые на глубине, соответственно, 1,5 и 0,6 *м*, также содержали вытянутые на спине костяки с протянутыми вдоль туловища руками, но имели несколько иную — северо-западную — ориентировку. При первом из них (под фалангами левой руки) находился совершенно разложившийся железный предмет. Инвентарь же погр. № 9 состоял из обломков плоского костяного орнаментированного предмета (рис. 3, *6*), лежавших у тазовых костей (пряжка — ?), и раздавленного глиняного сосуда — возле берцовых костей.

---

[8] В. Б. Виноградов. Ук. соч., стр. 45 (комплекс № 9); стр. 82 (комплексы № 20—21).

[9] Курган № 5 по полевой документации экспедиции.

Довольно интересны и погр. № 10 и 13. Погребение № 10 находилось на глубине 0,8 *м*. Костяк и здесь лежал вытянуто на спине, но головой на восток. В области черепа найдены шесть плоских круглых бус из агата или гешира, а у берцовых костей левой ноги — днище сероглиняного сосуда.

Погребение № 13 открыто на глубине 1,6 *м*. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на север — северо-восток. Руки были вытянуты вдоль туловища, а ноги перекрещены (правая под левой). В погребении найдены: об-

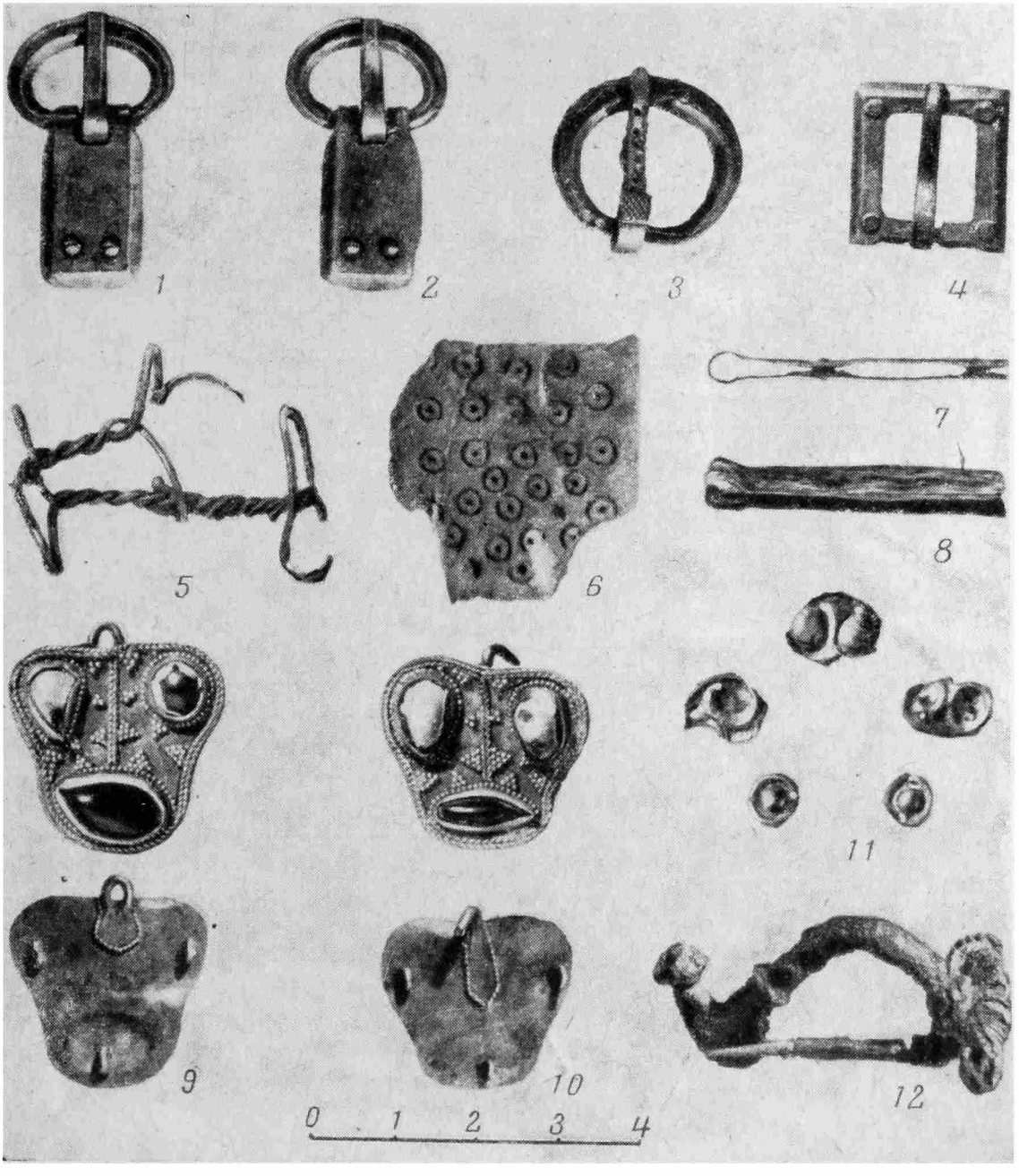


Рис. 3. Инвентарь из сарматских погребений Чечено-Ингушетии

1—5, 7—12 — из курганов у с. Братское; *6* — из погр. № 9 в кургане у с. Бамут

ломок венчика чернолощеного сосуда (у черепа), железная пряжка (на тазовой кости), железный меч длиной 59 *см* (рис. 4), с прямым узким перекрестием и кольцевидным навершием (у бедренных костей правой ноги), и темно-серый залощенный глиняный горшок (у берцовых костей). Последний имеет ручку в виде сильно схематизированной зооморфной фигуры и

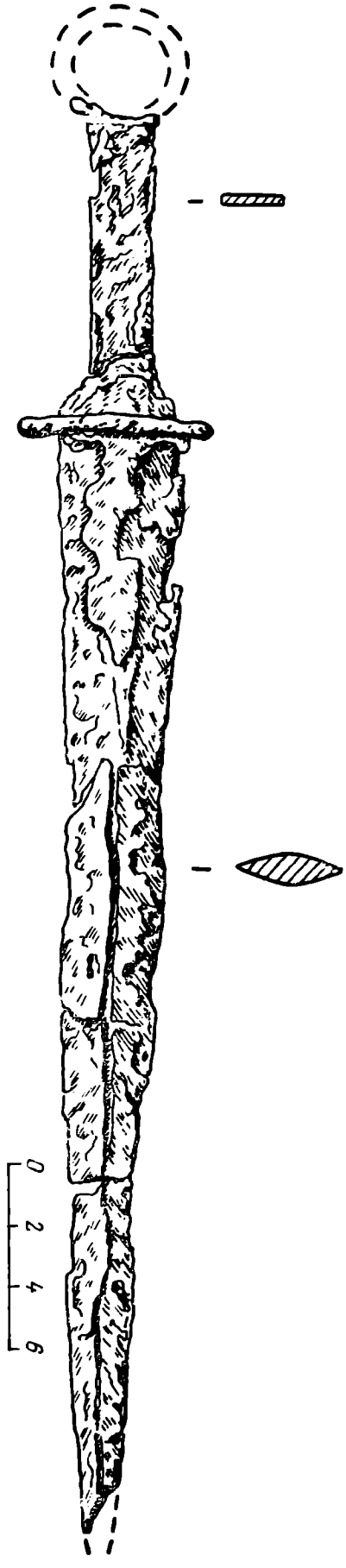


Рис. 4. С. Бамут. Железный меч из погр. № 13

украшен по всему тулову узкими лощеными полосками (рис. 1, *2*).

Сарматская принадлежность описанных погребений обосновывается с достаточной полнотой. На это убедительно указывает прежде всего сам обряд захоронения. Как мы видим, все погребения совершены вытянуто на спине, с протянутыми вдоль туловища руками. В одном случае (погр. № 13) ноги перекрещены. Вытянутое трупоположение — одна из характерных особенностей сарматского погребального обряда. Но при этом очень важна другая деталь обряда захоронения, а именно — ориентировка погребенных. Из описанных погребений два ориентированы на запад, еще два — на запад с отклонением на север, одно — на восток и шестое — на восток с отклонением на север. Кстати, три других сарматских погребения, раскопанных, как было отмечено выше, в Бамутских курганах в 1961 г., дали в одном случае западную ориентировку, в другом — запад — северо-запад и третьем — северо-запад — юго-восток. Укажем еще, что обычай перекрещивания ног у покойников является также особенностью захоронений сарматской культуры.

В настоящее время установлено, что абсолютное большинство сарматских погребений III—I вв. до н. э. на Северо-Восточном Кавказе имеет западную ориентировку покойников [10]. Постоянная западная ориентировка оказывается наиболее устойчивой чертой сарматских погребений в бассейне р. Маныч [11]. Эти погребения связываются с одним из племен савроматского объединения — сираками, ставшими основными распространителями сарматской культуры на Северном Кавказе [12].

В Чечено-Ингушетию, равно как и в другие области Северного Кавказа, сираки проникли из долины Маныча, где, как доказано сейчас, существовал центр сиракских племен [13].

Но погребения с восточной ориентировкой (№ 10, 13) в данном случае не должны нас смущать. Дело в том, что и в других могильниках сарматского времени на Северном Кавказе, в частности, например, в курганах Моздока, наряду с погребениями, имеющими западную ориентировку, открыты вытянутые захоронения, ориентированные головой на восток [14]. Пока их принадлежность к сарматским памятникам III—I вв. до н. э. не вызы-

[10] В. Б. Виноградов. Ук. соч., стр. 68.
[11] Там же, стр. 68—69.
[12] Там же, стр. 69.
[13] Там же, стр. 68.
[14] Б. Б. Пиотровский, А. А. Иессен. Моздокский могильник. Л., 1940. (Впускное погребение в кург. № 3, раскопки 1933 г.; погр. № 6 в кург. № 10, раскопки 1936 г.).

вает сомнения у исследователей [15]. Таких погребений, однако, открыто сейчас немного. Возможно, когда будет накоплен более значительный материал, можно будет сделать какие-либо определенные выводы, касающиеся этнокультурной принадлежности северокавказских погребений с восточной ориентировкой III—I вв. до н. э.

Таким образом, уже на основании рассмотрения обряда захоронения можно определить время описанных погребений. Это суммарно III—I вв. до н. э. На эту дату указывает и представленный в погребениях инвентарь.

Посуда из рассмотренных погребений вся лепная. По характеру глины, обжига, цвета и обработки поверхности она однотипна. Исключение составляет лишь темнолощеный горшок из погр. № 13, который отличается от остальных также своей формой и ручкой (рис. 1, *2*). Известно, что в сарматских комплексах Северо-Восточного Кавказа встречаются оба эти типа керамики. Следует, однако, отметить, что довольно редкими в это время являются горшки цилиндрической формы, такие, например, как горшок из погр. № 2 (рис. 2, *2*). Эта форма сосудов представляется сугубо местной. Насколько нам известно, горшки такой формы отсутствуют в сарматских памятниках Прикубанья, Маныча, Нижнего Поволжья.

Хорошим датирующим признаком, указывающим на I в. до н. э., является железный меч с кольцевидным навершием из погр. № 13 (рис. 4). Это типичное сарматское оружие. Обычен для памятников конца I тысячелетия до н. э. и бронзовый браслет, найденный в погр. № 5. Следовательно, и погребальный инвентарь подтверждает намеченную дату сарматских погребений из Бамутских курганов.

В заключение отметим, что при дальнейшем детальном изучении, возможно, удастся установить более конкретную, абсолютную дату для некоторых сарматских комплексов из Бамута, в частности, например, погр. № 13 с чернолощеной керамикой, украшенной сильно схематизированной зооморфной ручкой, и железным оружием в виде типичного сарматского меча с кольцевидным навершием. Возможно, этот комплекс датируется I в. до н. э.— I в. н. э.

Перейдем теперь ко второму памятнику — курганному могильнику у с. Братское. Он находится в 2—3 *км* к западу от с. Братское Наурского района ЧИАССР, на высокой террасе правого берега Терека, у самой границы между Чечено-Ингушской и Северо-Осетинской АССР, примерно в 20 *км* к востоку от г. Моздока. В могильнике около 50 курганов [16], расположенных довольно компактно. Он занимает площадь примерно 2 (северо-юг) × 1 (западо-восток) *км*. Никакой закономерности в расположении курганов нет. Правда, в отдельных случаях наблюдается тяготение маленьких курганов к большому. Все курганы имеют в плане округлую форму. Одинаковы они и по характеру насыпи — все земляные. Самый маленький курган имеет в диаметре 18 *м* при высоте 0,6 *м*, а самый большой — 70 *м* при высоте 5,9 *м*. В среднем диаметр курганов около 20—22 *м* при высоте 1,5—2 *м*.

В 1963 г. здесь было раскопано пять курганов. Они находились в северо — северо-западной части курганного поля. К сожалению, все они оказались ограбленными. Тем не менее в них сохранился небольшой, но весьма интересный материал в виде отдельных предметов погребального инвентаря, который с учетом некоторых деталей обряда захоронения, в частности характера могильного сооружения, позволяет достаточно уверенно судить о датировке и этнокультурной принадлежности данного памятника.

Для примера опишем один из раскопанных курганов — кург. № 1 по полевой документации экспедиции. Он имел в диаметре 20 *м* при высоте

---

[15] В. Б. Виноградов. Ук. соч., стр. 47.

[16] Следует отметить, что в самом с. Братское и к востоку от него встречаются одиночные земляные курганы, круглые в плане. По-видимому, они относятся к тому же кругу памятников, что и рассматриваемые курганы.

1,2 *м*. В самом центре под насыпью кургана находилась могильная яма (прослежена на глубине 1,3 *м*). Она имела неправильную прямоугольную форму и была ориентирована северо-запад — запад — юго-восток — восток. Длина ее 3,50 *м*, ширина по юго-западной — западной стенке 1,9 *м*, а на юго-восток — восток — 1,4 *м*. Яма имела в разрезе конусообразную форму (рис. 5, *1*). Глубина ее 3,6 *м* от основания кургана. Она была заполнена мягким, слегка гумусированным светлым суглинком, который свободно от-

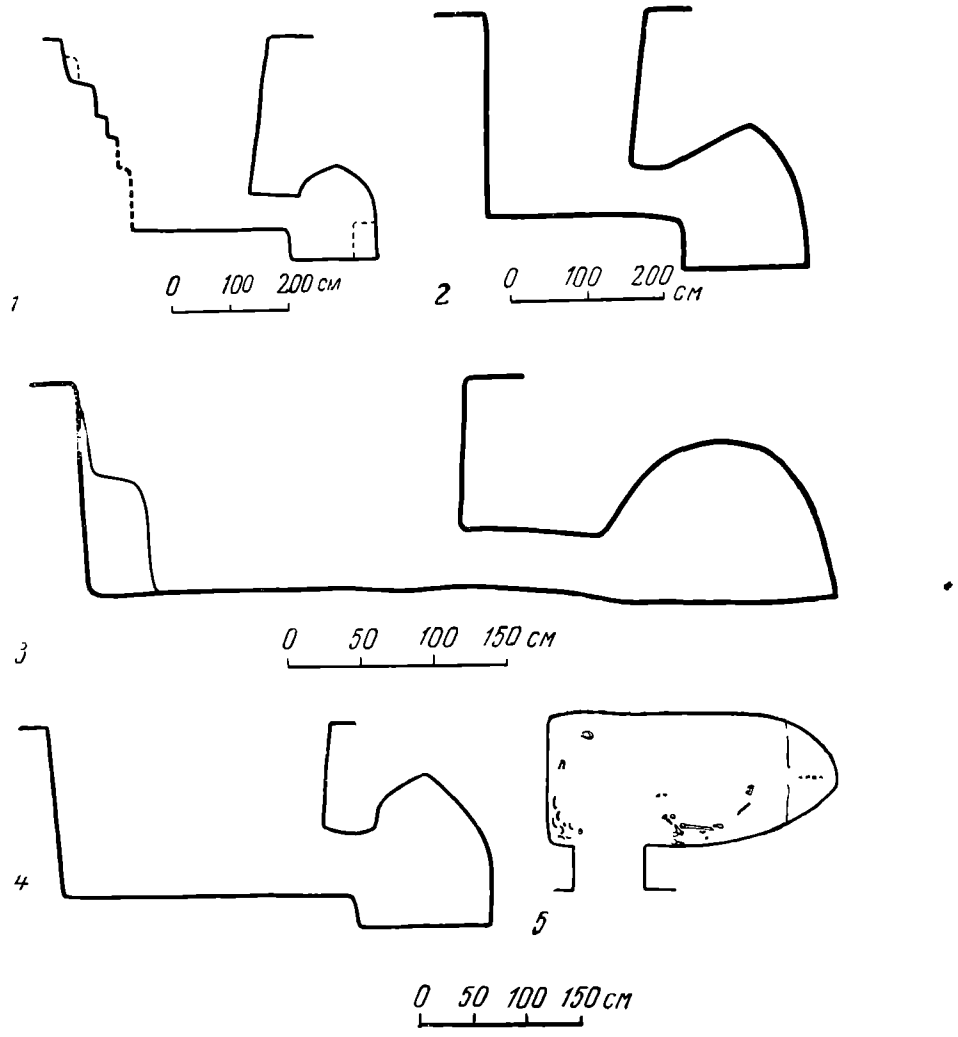


Рис. 5. Курганы у с. Братское

1—4 — разрезы катакомб (*1* — кург. № 1; *2* — кург. № 4; *3* — кург. № 2, *4* — кург. № 3); *5* — план катакомбы в кург. № 3

слаивался от стен могильной ямы. Однако в восточной части ямы засыпка носила несколько иной характер. Здесь был плотный гумусированный суглинок темного цвета. С аналогичной картиной мы столкнулись и в других курганах. Как выяснилось, таким суглинком был заполнен грабительский ход-колодец.

В юго-западном углу могильной ямы была сделана «лесенка» из четырех ступенек (рис. 5, *1*). В юго-восточной — восточной стенке ямы находился вход в катакомбу, пол которой был ниже дна ямы на 0,4 *м*. Катакомба была вырыта в плотном светлом суглинке. Она имела в плане неправильную прямоугольную форму и была ориентирована почти строго по оси С — Ю. Размеры ее: длина 2,2 *м*, ширина в среднем 1,55 *м*, высота 1,6 *м*. Потолок стрельчатой формы (рис. 5, *1*). В южном углу катакомбы была сделана специальная ниша-столик (размером 0,45 × 0,45 *м*; высота 0,67 *м*). В ней находились две глиняные миски, одна в другой (рис. 6, *1*, *3*).

У входа в катакомбу найдены обломки челюсти и неопределенный железный предмет, а на полу — две золотые застежки в виде лицевых изображений (рис. 3, *9*, *10*), кусочки золотой фольги и неопределенные фрагменты бронзовых предметов. На отдельных участках пола катакомбы отмечены остатки подстилки из камыша.

Что касается остальных курганов, то и под их насыпями, в центре, на уровне древнего горизонта открыты могильные ямы одинаковой формы и

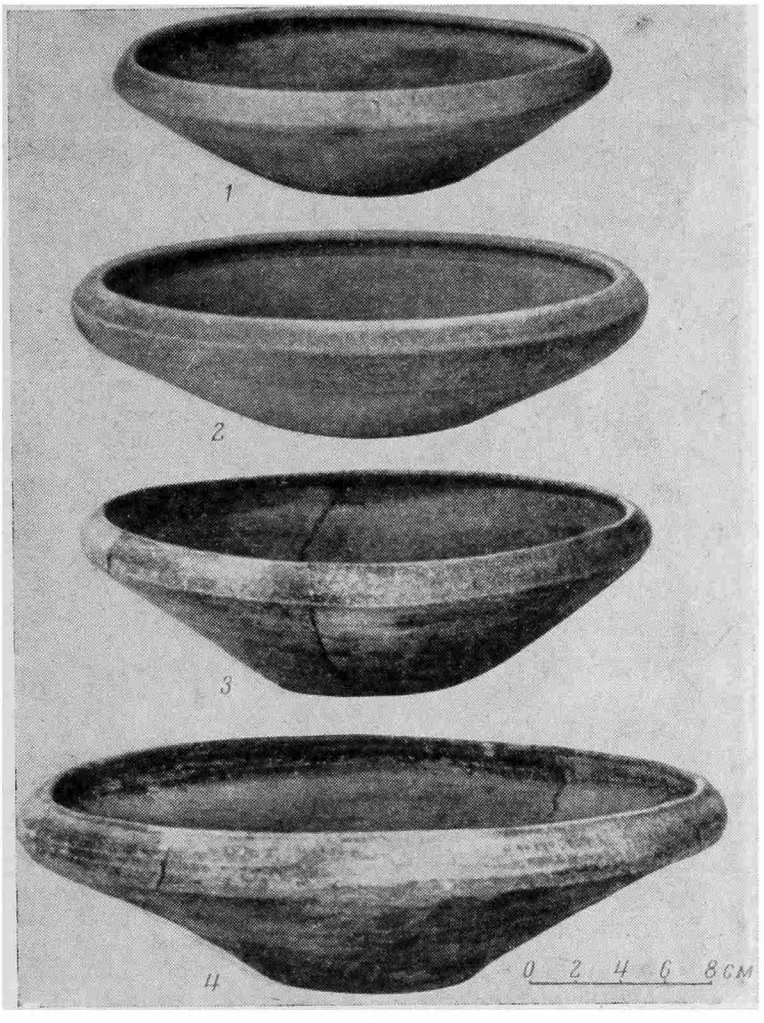


Рис. 6. Курганы у с. Братское. Глиняные миски
1, *3* — кург. № 1; *2* — кург. № 3; *4* — кург. № 2

ориентировки. Они, как и сами катакомбы, были вырыты в светлом материковом суглинке с помощью широких, по-видимому, металлических орудий. Стены их, как правило, ровные, хорошо заглажены. В могильной яме кург. № 2 была сделана высокая ступенька (рис. 5, *3*), а в яме кург. № 5 лесенка из семи ступенек спускалась почти от верхнего края ко дну.

Во всех случаях, как и в описанном кургане, от восточной стены, которая обычно у́же западной, идет вход в катакомбу, который имеет почти одинаковую форму и размеры. В кург. № 2 и 3 у входа в катакомбу найдены остатки дерева. Можно предполагать, что вход в погребальные камеры отдельных курганов прикрывался деревянными вертикально поставленными палками.

Одинаковы по форме и все катакомбы. Небольшое различие наблюдается лишь в их размерах. Они имеют в плане неправильную прямоугольную форму (рис. 5, *5*). В катакомбах кург. № 3—5, как и в кург. № 1, потолок стрельчатой формы (рис. 5, *2*, *4*), а в катакомбе кург. № 2 — в виде купола

(рис. 5, *3*). Стены катакомб ровные, хорошо заглажены, за исключением катакомбы в кург. № 2 (грубая обтеска с помощью, по-видимому, плоского металлического орудия шириной около 4—5 *см*). Специальная ниша-столик была сделана и в катакомбе кург. № 3 (рис. 5, *5*).

На полу катакомб и в кург. № 2, 3, 4 найдены остатки камыша. По всей вероятности, пол катакомб (или участок под погребенным) был устлан специальной подстилкой из камыша.

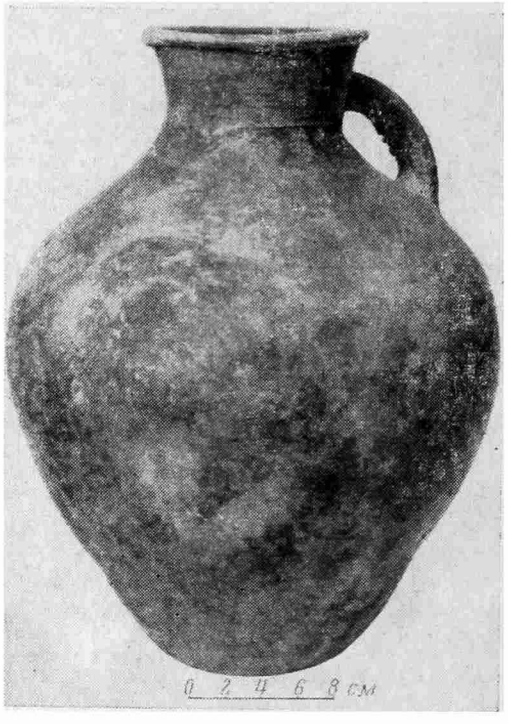


Рис. 7. С. Братское. Глиняный кувшин из кург. № 4

Судя по разрозненным костям, встреченным как в катакомбах, так и у входа в погребальные камеры, можно считать, что все катакомбы содержали одиночные захоронения. Наиболее вероятным представляется предположение, что погребенный лежал в катакомбе вытянуто на спине, по оси север — юг, головой на юг или север.

Несмотря на ограбленность, и в кург. № 2—5 обнаружены отдельные предметы погребального инвентаря. Они находились чаще в катакомбах, а в отдельных случаях и в самой могильной яме, особенно у входа в катакомбу. Так, в центре катакомбы в кург. № 2 найдены остатки деревянных предметов (два (?) сосуда и ложка) и шесть стеклянных граненых бус, а у входа в катакомбу между останками разрозненного костяка, куски дерева и две половинки глиняной темно-серой миски, отстоявшие друг от друга на 0,5 *м* (рис. 6, *4*).

Интересны вещи из кург. № 3. Здесь в катакомбе найдены две овальные серебряные поясные пряжки с прямоугольным щитком (рис. 3, *1, 2*), серебряная фибула (рис. 3, *12*), два серебряных пластинчатых предмета, по-видимому, для скрепления отдельных частей пояса (рис. 3, *7, 8*), бронзовая бляшка, обломки бронзовых украшений (на некоторых наложена золотая фольга), круглая сердоликовая и стеклянная граненая бусины. Кроме того, на разных уровнях могильной ямы вместе с костями человека обнаружены обломки неопределенных бронзовых и железных вещей, круглая бронзовая пряжка (рис. 3, *3*), два скрученных из бронзовой проволоки предмета (рис. 3, *5*), глиняная миска (рис. 6, *2*), обломок железного ножа и костяной предмет.

В кург. № 4 у входа в катакомбу стоял большой глиняный кувшин высотой 35 *см* (рис. 7), рядом с ним находился обломок сероглиняной миски обычного для данного памятника типа. Несколько фрагментов, по-видимому, от той же миски лежало в самой катакомбе, в разных частях которой найдены еще серебряная четырехугольная пряжка (рис. 3, *4*), часть железного ножа с остатками деревянной рукояти, обломок серебряного пластинчатого предмета, аналогичного найденному в кург. № 3 (рис. 3, *7, 8*), мелкие куски кожи и угольки. А в катакомбе кург. № 5 найдено несколько мелких нашивных золотых бляшек (рис. 3, *11*), кусочек кожи, зуб животного (лошади — ?) и угольки.

Это, по существу, весь материал, который был обнаружен в курганах у с. Братское. Он сравнительно небольшой, но достаточно выразительный, имеет широкие аналогии в раннеаланских памятниках Северного Кавказа, датируемых в пределах I—IV вв. Это прежде всего касается керамики.

В курганах у с. Братское представлены два типа сосудов — миски и кувшины. Они светло- и черно-серые, сделаны на кругу из хорошо отмученной глины, поверхность их иногда залощена. Такие сосуды, особенно миски, встречены во многих комплексах Восточного Предкавказья I—IV вв., в частности в катакомбном захоронении на Алхастинском селище [17], Моздокском могильнике [18], в погребениях у г. Грозного [19] и других северокавказских памятниках [20].

Среди украшений, обнаруженных в катакомбах у с. Братское, обращают на себя внимание две золотые застежки в виде лицевых изображений, выполненные в полихромном стиле (рис. 3, *9*, *10*). Золотая пластинка четко передает овал лица. Глаза обозначены голубыми стеклянными вставками, а рот — вставными камнями (в одном случае из красно-коричневого сердолика, в другом — из красного граната). Пластинки украшены зернью. На одной из них имеется петля, на второй — крючок. Кроме того, на каждой с обратной стороны имеются по четыре симметрично расположенные маленькие петли. Прямые аналогии этим предметам нам не известны. Однако они довольно близки по стилю и технике выполнения тем золотым ювелирным изделиям, которые были широко распространены в сарматском мире в первые века нашей эры.

В рассматриваемых курганах поясные пряжки трех типов: овальные с прямоугольным щитком (рис. 3, *1*, *2*), круглая (рис. 3, *3*) и четырехугольная (рис. 3, *4*). Все они, особенно овальные и круглые пряжки, довольно часто встречаются в сарматских памятниках II—III вв. Прикубанья и остальной части Северного Кавказа. Для памятников II—III вв. характерна и фибула, найденная в кург. № 3. Укажем для примера, что совершенно аналогичная фибула обнаружена в катакомбном погребении II—III вв. у с. Алхасте (ЧИАССР) [21]. Первыми веками нашей эры датируются и стеклянные граненые бусы, а также остальные вещи, найденные в курганах у с. Братское.

Таким образом, на основании сравнительного изучения вещевого материала представляется возможным определить датировку курганов у с. Братское. Это II—III вв. Важно в этой связи отметить, что обследованное еще в 1936 г. А. П. Кругловым большое городище, расположенное поблизости от этого курганного могильника, также дало материал II—III вв. [22].

Изучение обряда захоронения, в особенности характера погребального сооружения, позволяет нам уверенно судить и об этнокультурной принадлежности курганов у с. Братское. Дело в том, что в ряде пунктов Восточного Предкавказья (Пседах, Алхан-Кала, Алхасте, Джемикент и др.) открыты аналогичные катакомбные захоронения первых веков нашей эры. Специальными исследованиями в настоящее время убедительно доказано, что они связаны с одной из групп сарматских племен — ранними аланами [23]. Последние, как свидетельствуют и письменные источники, уже с I в. начинают активно проникать в пределы Северного Кавказа, а в последующем прочно укрепляются здесь, особенно в междуречье Сунжи и Терека. Об

---

[17] Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Тр. ГИМ, XII, М., 1941, стр. 198, табл. VII, *2*.

[18] Б. Б. Пиотровский, А. А. Иессен. Ук. соч., табл. VIII.

[19] В. Б. Виноградов. Ук. соч., стр. 212, рис. 39, *2*.

[20] В. Б. Виноградов. Ук. соч., стр. 210, рис. 37, *9*; П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата». СА, 1, 1936, стр. 153, рис. 22.

[21] Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 185; стр. 197, табл. VI, *5*, *6*.

[22] А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. Зап. ЧИНИИЯИ, I. Грозный, 1938, стр. 8.

[23] См. подробно по этому вопросу: Л. Г. Нечаева. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. Исследования по археологии СССР. Л., 1961; В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962; В. Б. Виноградов. Ук. соч.

этом наглядно свидетельствуют и рассмотренные курганы у с. Братское, которые безусловно также являются раннеаланскими. Нам представляется, что не только раскопанные курганы, но и весь описанный могильник у с. Братское относится к первым векам нашей эры и оставлен аланами.

Таким образом, рассмотренные погребения из Бамутских курганов и катакомбные захоронения у с. Братское значительно расширяют круг разновременных сарматских памятников Северо-Восточного Кавказа. Они вместе с известными уже другими памятниками указывают на два последовательных этапа сарматской истории на данной территории. Первый из них связан с сираками (III—I вв. до н. э.), а следующий (первые века нашей эры) — с древними аланами. Последние, как известно, послужили ядром образования на Северном Кавказе ираноязычного осетинского народа.

Н. М. НИКУЛИНА

ПАМЯТНИКИ АНТИЧНОЙ ГЛИПТИКИ ИЗ ФАНАГОРИИ

Материал, рассматриваемый в настоящей статье, происходит из раскопок Фанагории в послевоенный период. Он не охватывает собой всех памятников, найденных там за это время, и связан только с произведениями эпохи классики (предметы эллинистического и римского времени были изданы отдельно) [1]. В основном это не памятники глиптики непосредственно, а отпечатки гемм, сохранившиеся на различных керамических изделиях (например, на ткацких подвесках-грузилах), но изучение их так же важно, как и изучение самих гемм. Для изучения глиптики отпечатки гемм всегда служат интереснейшим источником. Кроме отпечатков на керамике, мы рассматриваем и одну халцедоновую печать, найденную в Фанагории в 1954 г.

Материал, взятый для статьи, частично уже был опубликован в отчетах экспедиций, но в основной своей части он публикуется впервые, в работе он располагается в хронологической последовательности.

I. Оттиск печати с изображением юноши-атлета (рис. 1, *1*)

Глиняное ткацкое грузило с отпечатком было найдено при раскопках Фанагории в 1955 г. [2].

Определяющим моментом в его датировке, ввиду смешанности археологического слоя, служат только сама его форма и отпечаток геммы, сохранившийся на верхней грани. Размеры грузила [3] и техника его обработки типичны для грузил наиболее раннего периода [4]. Характер глины [5] дает возможность предположить, что оно было привезено в Фанагорию извне, скорее всего из островной Греции или Малой Азии.

Исходя из аналогий, по форме грузило может быть датировано примерно серединой V в. до н. э.

Форма оттиска — сильно вытянутый овал, слегка расширяющийся в центре и заостренный на концах [6] — свидетельствует о том, что отпечаток

---

[1] Н. М. Никулина. Перстни из Фанагории. СА, 1964, № 3, стр. 188—195.

[2] ГМИИ, отдел археологии, инв. № 914. Найдено на территории «Керамика» в 9-м штыке XIX площади. Основная масса материала слоя относится к IV—III вв. до н. э., но часть вещей принадлежит к архаическому периоду. М. М. Кобылина. Отчет. Архив ИА, Р-1, № 1420, стр. 10.

[3] Площадь основания: нижнего 3 × 2,6 *см;* верхнего 2,1 × 1,6 *см*; высота 4,6 *см*. Расстояние от верха до отверстий 0,6 *см*.

[4] C. G. Boulter. Pottery from Periclean Athens. «Archaeology», 10, № 3. New York, 1957, стр. 196; L. M. Wilson. Loom-Weights. «Excavations at Olynthus», II, London, 1930, стр. 119, рис. 289, *2*. Грузило имеет отпечаток перстня первой половины — середины V в. до н. э.

[5] Глина очень ровная, хорошо отмученная, светло-розовая, с мелкими включениями слюды.

[6] Размеры его: длина 1,6 *см*, ширина 0,6 *см*.

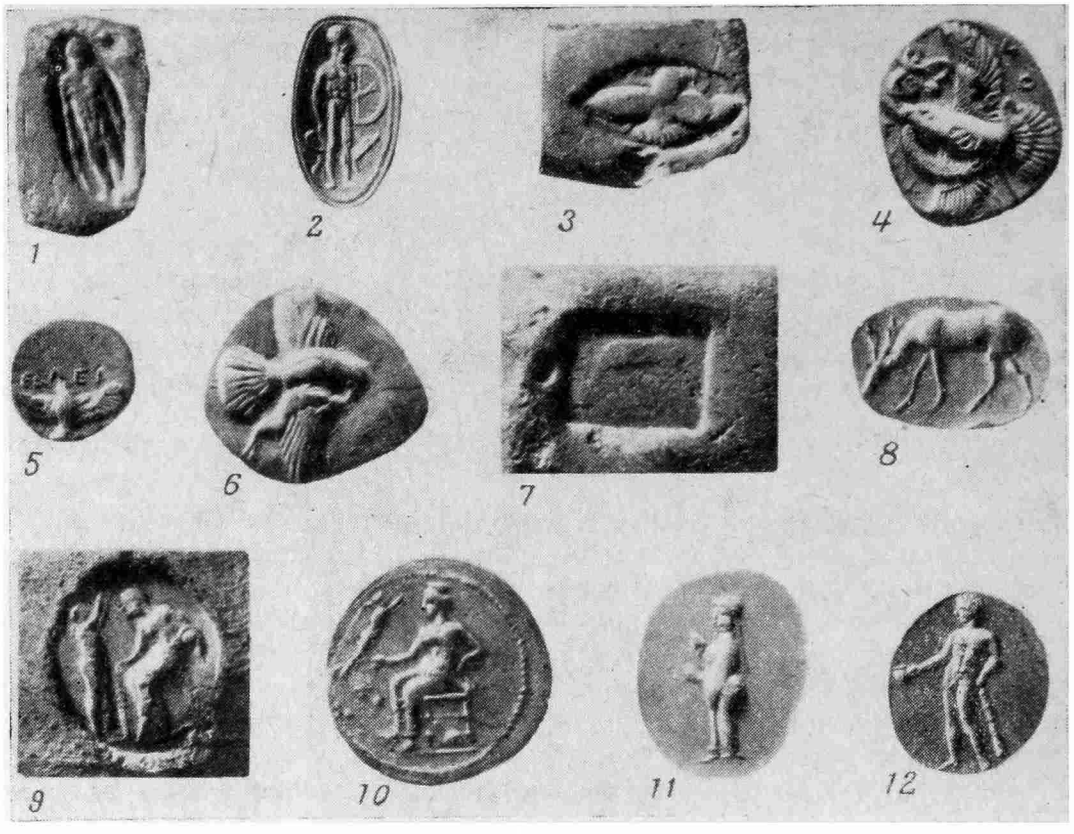


Рис. 1

1 оттиск печати с изображением юноши-атлета на верхней грани глиняного пирамидального грузила н. в.); *2* — оттиск геммы времени, строгого стиля с изображением стоящей обнаженной мужской фигуры (A. Furtwängler. Die antiken Gemmen, I. табл. X, *5*); *3*— один из оттисков печати с изображением летящего орла на глиняном пирамидальном грузиле; *4, 5, 6* — изображения летящего орла на серебряных статерах Элиды первой половины V в. до н. э.; *7* — оттиск печати с изображением идущего оленя на верхней грани глиняного пирамидального грузила (н. в.); *8* — отпечаток геммы с изображением оленя второй половины V — начала IV в. до н. э. (Гос. Эрмитаж, инв. № Ж-590); *9* — оттиск печати с изображением двух женских фигур перед фимиатерием на ручке синопской амфоры; *10* — изображение сидящей Афродиты на серебряном киликийском статере IV в. до н. э.; *11* — халцедоновая печать с изображением стоящей женской фигуры (увеличена в два раза); *12* — оттиск геммы с изображением Геракла из Берлинского антиквариума

был сделан скорее всего щитком металлического перстня. По форме такой перстень может быть отнесен ко времени не позднее первой половины V в. до н. э.[7] (рис. 2, *1*). На щитке перстня резано вглубь изображение стоящего в фас обнаженного юноши. Голова его в шлеме, своими очертаниями напоминающем восточногреческую форму V в. до н. э.[8], резко повернута влево, руки опущены вниз. Всей тяжестью своего тела он опирается на левую ногу, переданную художником в три четверти; правая нога, слегка согнутая в колене, поставлена более свободно и изображена в профиль. Моделировка мускулатуры (особенно груди, рук, живота) резко подчеркнута, пропорции всей фигуры вытянуты. В правой руке юноша держит копье, в левой — предмет, напоминающий арибалл. Исходя из атрибутов, изображенного, видимо, можно определить как юношу-атлета.

Такого рода изображения встречаются среди памятников искусства первой половины V в. до н. э.: в скульптуре[9], в вазовых рисунках времени

---

[7] F. H. Marshall. Catalogue of the Finger Rings Greek Etruscan and Roman in the Departments of Antiquites British Museum, London. 1907, табл. II, *43—47*.

[8] E. Kukahn. Der griechische Helm. Marburg — Lahn, 1936, табл. 4, *2*.

[9] H. Bulle. Der Schöne Mensch im Altertum. München — Leipzig, 1912, стр. 84—92, табл. 39, 41, 42; G. Rodenwaldt. Die Kunst der Antike, Propyläen-Kunstgeschichte. III, Berlin, 1927, стр. 263.

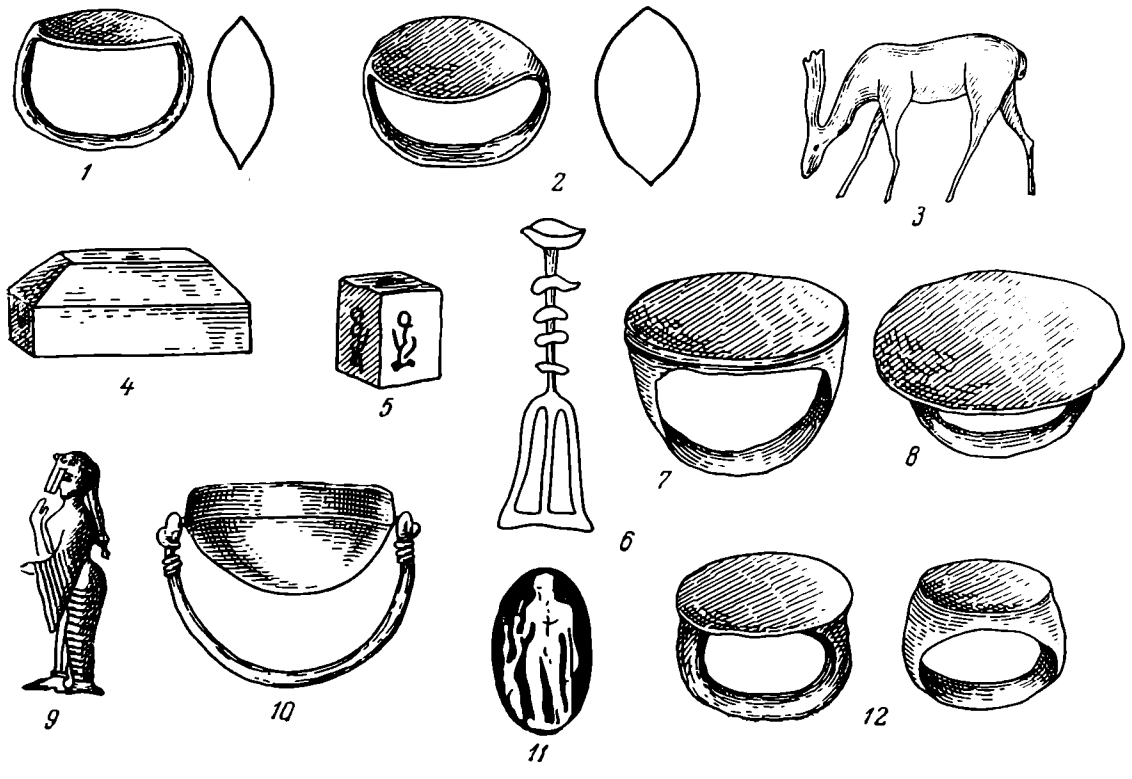


Рис. 2

1 — форма перстня первой половины V в. до н. э. (по Ф. Маршаллу); *2* — форма перстня первой половины середины V в. до н. э. (по Ф. Маршаллу); *3* — прорисовка изображения оленя на отпечатке грузила; *4, 5* — формы многогранных печатей второй половины V—IV в. до н. э.; *6* — форма фимиатерия IV в. до н. э. (по К. Виганду); *7, 8* — форма перстня позднеклассического — раннеэллинистического времени (по Ф. Маршаллу); *9* — прорисовка изображения на гемме Британского музея; *10* — форма оправы, характерная для печатей IV в. до н. э. (по А. Фуртвенглеру); *11* — прорисовка отпечатка с изображением стоящей мужской фигуры на глиняном грузиле (н. в.); *12* — формы перстней IV—III вв. до н. э. (по Ф. Маршаллу)

строгого стиля [10], в произведениях глиптики [11] (рис. 1, *2*) — всюду наблюдаются одни и те же принципы изображения стоящей обнаженной мужской фигуры, характерные для этого периода.

Изображение юноши на щитке нашего перстня, при всей его стилистической близости к указанным аналогиям, обладает рядом своеобразных особенностей. Пропорции всей фигуры чрезмерно удлинены, а вместо обычного расположения ног (одна — в фас, другая — в профиль) левая нога изображена в три четверти. Опущенные вдоль тела руки неодинаковы по своей величине, а мускулы рук, ног и живота, всегда тщательно проработанные, переданы очень суммарно. Отклонения от привычных норм, погрешности в рисунке и пластической моделировке форм можно объяснить только неумелостью и небрежностью мастера. Неумение вписать фигуру в форму щитка — еще один момент, указывающий на руку посредственного художника.

Сам перстень, щиток которого отпечатан на глиняном грузиле, по форме относится к первой половине V в. до н. э., ту же дату (примерно 480—460 гг. до н. э.) определяет и стилистический анализ его изображения. Что же касается грузила, то оно было сделано несколько позднее, видимо, в середине V в. до н. э. Местом изготовления перстня и грузила с отпечатком, вероятнее всего, была Восточная Греция.

---

[10] E. Pfuhl. Malerei und Zeichnung der Griechen. München, 1923, III, табл. 118, *382—383*; 131, *407*.

[11] A. Furtwängler. Die antiken Gemmen, I, Berlin — Leipzig, 1900, табл. X, *1, 2, 3, 5* (камень находится в одном из берлинских собраний, владелец неизвестен), *8*.

II. Оттиски печати с изображением орла (рис. 1, *3*)

В том же 1955 г. на раскопе «Керамик» были найдены два других ткацких грузила, близких по типу рассмотренному выше [12]. Оба они на своих верхних основаниях имеют одинаковые оттиски одной и той же печати. Поскольку археологический материал (фрагменты амфор и чернолаковой керамики) дает довольно широкую датировку (V—IV вв. до н. э.), то время изготовления грузил и в данном случае определяют их форма и характер отпечатков. Рассматриваемые грузила [13] несколько бóльших размеров, чем описанное выше. Они более характерны для форм V в. до н. э. [14]. Правильный, довольно широкий овал с заостренными концами [15] и вмятина в виде вогнутого короткого отрезка, отходящего на одном из отпечатков (инв. № 915) от заостренной части щитка, являются доказательством того, что оттиск был сделан металлическим перстнем первой половины — середины V в. до н. э. [16]. Аналогии ему есть в каталоге перстней Британского музея [17] (рис. 2, *2*).

На оттиске изображен летящий орел, держащий в клюве извивающуюся змею. Голова и тело орла изображены в профиль влево, хвост и крылья — сверху. Пространство, ограниченное овалом, полностью заполнено изображением.

Ближайшие аналогии такому изображению летящего орла можно найти на монетах первой половины V в. до н. э., в первую очередь на серебряных статерах Элиды, бывших в обращении в первой трети V в. до н. э. [18] (рис. 1, *4—6*), и на близких им (это в свое время отмечал А. Н. Зограф) ольвийских монетах примерно того же времени [19]. Как у тех, так и у других, мы видим аналогичную нашей схему изображения летящей птицы. Летящий орел на щитке нашего перстня отличается от орлов на монетах лишь расположением, рассчитанным на горизонтальный щиток.

Исходя из приведенных аналогий, время изготовления перстня можно отнести приблизительно ко второй четверти — середине V в. до н. э. Эта дата вполне соответствует и форме печати. Отпечаток же перстня на грузиле был сделан, видимо, уже во второй половине века.

III. Оттиск печати с изображением оленя (рис. 1, *7*; рис. 2, *3*)

Грузило с отпечатком было найдено на раскопе «Керамик» в 1960 г. [20]. Судя по материалу и технике обработки, оно является изделием

---

[12] ГМИИ, инв. № 915, 916. Найдены на 9—10-м штыке XX—XXI площади. М. М. Кобылина. Отчет, стр. 6.

[13] Размеры грузил (в *см*):

	Ф-915	Ф-916
площадь нижнего основания	3,1×3,1	3,2×3,2
площадь верхнего основания	1,7×2,2	1,8×2,1
высота	5,5	5,6
расстояние от верха до отверстий	1,2	1,3

Материал — ровная, прекрасно отмученная розово-желтая глина, напоминающая собой аттическую.

Возможно, что грузила были привезены в Фанагорию из материковой части Греции. Грани пирамидок удивляют большой точностью и тщательностью обработки (в отдельных местах они сохраняют следы лощения).

[14] G. R. Davidson, D. B. Thompson. Small Objects from the Phyx, Types of Athenian Pyramidal Loom-Weights. «Hesperia». Suppl. VII, 1943, стр. 65—94.

[15] Овал щитка размером 1,8 × 1 *см*.

[16] В перстнях второй половины и конца V в. до н. э. щиток становится гораздо более широким, дужка же сильнее оттягивается в сторону, ему противоположную.

[17] F. H. Marshall. Ук. соч., табл. II, *43, 47, 52, 61*.

[18] Catalogue of the Greek Coins of Peloponnesus in the British Museum. London, 1887, табл. X, *4—9*.

[19] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, табл. XXXI, *1*.

[20] ГМИИ, инв. № 711. Грузило имеет форму усеченной пирамидки с почти квадратным основанием. Отверстие, служащее для укрепления нити, находится примерно в центре, на расстоянии 1,5 *см* от верха (М. М. Кобылина. Отчет, стр. 101). Раз-

фанагорийского керамического производства и относится к IV в. до н. э. Об этом свидетельствуют и форма самой пирамидки [21] и продиктованная амфорным материалом и чернолаковой керамикой дата слоя. Судя по оттиску, сохранившемуся на верхней грани грузила, печать, видимо, представляла собой многогранник с прямоугольным основанием [22] (рис. 2, *4*, *5*). Сбоку, у середины меньшей стороны, в глине видно углубление правильной округлой формы, являющееся, несомненно, следом от оправы, укреплявшей камень. Печати подобной формы встречаются довольно часто в восточногреческой и греко-персидской глиптике второй половины V—IV в. до н. э. [23].

В качестве аналогии можно привести одну из печатей, хранящихся в Эрмитаже, близкую нашей не только по форме, но и по размерам [24]. Таким же невысоким маленьким многогранником с изображением, гравированным на нижней поверхности камня, представляется нам и наша печать [25]. Предположительно можно сказать даже об ее материале, так как печати подобной формы чаще всего резались либо на халцедоне, либо на агате. Форму оправы можно восстановить без особого труда. Как это видно по оттиску, дужка подвижной оправы имела массивные скругленные концы, в которые входила проволока стержня. Такая оправа очень характерна для V — начала IV в. до н. э. [26].

Таким образом, по форме камня и оправы нашу печать можно датировать примерно концом V — началом IV в. до н. э.

Несмотря на плохую сохранность, изображение оленя, находящееся на отпечатке, не может не привлечь внимания. Благородная простота и гармония, изысканность линий поражают в нем так же, как в лучших произведениях эпохи классики.

На камне был изображен пасущийся олень, повернутый в профиль вправо (на оттиске — влево). Голова его опущена к самой земле. Отсутствие линий земли еще более усиливает впечатление широты и глубины окружающего пространства, в которое вписан силуэт животного. Эта тонкая миниатюра невольно заставляет вспомнить более ранние по времени рисунки на мелкофигурных чернолаковых киликах и милетских вазах.

Для решения вопроса о дате нам удалось подобрать до десяти аналогий, но приведем лишь наиболее близкие [27] (рис. 1, *8*), где наблюдается большее сходство в композиционном построении, в характере рисунка, а также в способе моделировки форм. Берлинский скарабеоид с оленем А. Фуртвенглер датирует концом V в. до н. э.; два других скарабеоида настолько к нему близки, что определяются иногда как реплики (М. И. Максимова

меры грузила (в *см*): площадь верхнего основания 3,4 × 2,4; площадь нижнего основания 5,7 × 5; высота 6. Материал — серая, скорее всего местная глина с серой обмазкой. Выделка и обжиг грузила отличаются известной тщательностью, хотя в форме его граней и наблюдаются некоторые неточности.

[21] H. Goldmann. The Acropolis of Halae, Loom-Weights. «Hesperia», IX, 4, 1940, стр. 509—514.

[22] Размеры его 1,2 × 1,5 *см*.

[23] A. Furtwängler. Ук. соч., III, ч. I, V, табл. XIV, *6*, *13*; M. Maximowa. Über griechisch-persische Kleinkunst in Kleinasien nach den Perserkriegen. AA, 1928, стр. 673; М. И. Максимова. Стеклянные многогранные печати, найденные на территории Грузии. ИИЯИ Груз. АН, X, Тбилиси, 1941, стр. 78; H. Seyrig. Cachets Achéménides. «Archaeologica Orientalia in memoriam Ernst Herzfeld». New York, 1952, стр. 195—202; G. Richter. Greek Subjects on «Graeco-Persian» Seal Stones. Там же, стр. 189—195, табл. XXX.

[24] Гос. Эрмитаж, отдел древнего Востока, инв. № 6614 (размеры 1,2 × 1,7 *см*).

[25] Не исключено, что камень был шестигранным, подобно тому, который показан на рис. 2, *5*.

[26] F. H. Marshall. Ук. соч., табл. VIII, *295*.

[27] Скарабеоид, сардер. Олень (Berlin, Antiquarium). A. Furtwängler. Die antiken Gemmen, I, табл. XIV, *13*. Скарабеоид, халцедон. Олень (Эрмитаж). М. И. Максимова. Античные резные камни Эрмитажа. Л., 1926, табл. II, *1*. Скарабеоид. Пасущийся олень (New York, Metropolitan Museum). G. Richter. Catalogue of Engraved Gems. Roma, 1956, табл. XIX, *108*.

датирует эрмитажную печать V — началом IV в. до н. э.). Той же датировки придерживаются Дж. Бизли и Г. Рихтер в определении камня из Бостонского музея [28]. Таким образом, дата конец V — начало IV в. до н. э., видимо, будет справедлива и для нашей печати [29].

Остается рассмотреть вопрос о месте ее изготовления. Стиль изображения и отдельные детали его свидетельствуют о том, что печать скорее всего вышла из рук аттического мастера, форма же самого камня и сюжет больше говорят за восточногреческое ее происхождение (резчики материковой Греции почти никогда не прибегали к форме многогранника). Особенности, отличающие работы аттических мастеров от работ малоазийского круга (именно в изображениях оленя), отмечала в свое время Т. Н. Книпович [30]. Указываемые ею детали, казалось бы, ставят под сомнение малоазийское происхождение нашей печати, но форма камня, не встречающаяся в Материковой Греции, не позволяет отнести его безоговорочно к числу аттических работ. Думается, что вопрос о происхождении печати в данном случае нельзя будет решить с той долей вероятности, которую, как кажется, дают выводы, сделанные Т. Н. Книпович. Возможны два варианта. Камень многогранной формы мог попасть из Малой Азии в Материковую Грецию и там быть обработан одним из мастеров; в то же время (что еще более вероятно) резать его мог мастер, живший в Восточной Греции, но испытавший известное влияние аттического искусства. Можно даже предположить, что художник, резавший нашу печать, имел перед глазами или в памяти какой-то часто встречавшийся образец.

В Фанагорию, где местным гончаром был сделан оттиск, печать могла попасть и через Аттику, и через Восточную Грецию, с которой в это время также поддерживались оживленные торговые связи. Оттиск на грузиле мог быть сделан и не в начале IV в. до н. э., а несколько позже, в середине или второй половине века [31].

IV. Оттиск печати с изображением двух фигур перед фимиатерием (рис. 1, *9*)

Этот отпечаток, сделанный на амфорной ручке синопской глины, был найден при раскопках Фанагории в 1954 г. [32].

Отпечаток помещается на нижней части ручки, там, где она соединяется с плечом амфоры [33]. Судя по одежде, формам и пропорциям тел, на нем изображены две женские фигуры: одна сидит на стуле и бросает в фимиатерий зерна, другая, стоящая против нее, увенчивает первую венком.

---

[28] Скарабеоид, сардер. Олень, щиплющий траву (Boston). J. Beazley. The Lewes House Collection of Ancient Gems. Oxford, 1920, табл. V, *74;* G. Richter. Animals in Greek Sculpture. New York, 1930, табл. XLVIII, стр. 148.

[29] Близкие изображения этого животного можно найти, кстати, не только среди произведений глиптики, но и в круглой скульптуре. Примером может служить лувр-ский олень, выполненный в бронзе и относящийся к тому же времени. G. Richter. Animals in Greek Sculpture, табл. XLVIII, стр. 149.

[30] Т. Н. Книпович. Греко-персидские резные камни Эрмитажа. Сб.: «Гос. Эрмитаж», III, Л., 1926. стр. 50.

Различие автор усматривает и в телосложении оленей («относительно более длинное и тяжелое туловище при более коротких и слабых ногах», более короткая и в нижней части более толстая шея), и в форме рогов. Опираясь на данные зоологов, Т. Н. Книпович пришла к выводу, что изображения оленей на материковых греческих камнях соответствуют зоологическому виду европейской лани, а изображения на камнях малоазийского происхождения — другому роду оленей, не встречающемуся в Европе (отростки их рогов идут вперед от ствола и не образуют сколько-нибудь резко выраженной лопатки).

[31] Керамический материал слоя, датируемого в целом IV в. до н. э., содержит также амфорные ручки III в. до н. э.

[32] ГМИИ, инв. № 887. Керамик, IX—X площадь, завал амфор «М» (для характеристики завала см.: М. М. Кобылина. Отчет за 1954 г. Архив ИА, Р-1, № 1010, стр. 45).

[33] Размеры отпечатка 2 × 1,6 *см.*

Стоящая женщина одета в длинный хитон, спадающий между ног параллельными складками, сидящая — в хитон и гиматий. Голова сидящей женской фигуры покрыта краем гиматия, но очертания ее видны недостаточно четко, что объясняется и погрешностями в работе резчика, и грубостью глины, не позволившей получить ясный оттиск. Через тонкую ткань хитона, плотно облегающего тело женщины, видна ее грудь. Поза сидящей довольно свободна, она сидит скрестив ноги, несколько наклонившись в сторону фимиатерия; левая рука ее, закутанная плащом, согнута в локте и поддерживает перекинутый через нее край гиматия, правая протянута к курильнице. Ступни ног едва касаются поверхности земли, показанной на рисунке вкось прочерченной линией. Стоящая женщина изображена почти полностью в профиль. Голова и лицо ее видны не слишком отчетливо, пропорции тела сильно вытянуты, формы же, по сравнению с сидящей фигурой, свидетельствуют о том, что перед нами еще совсем юное существо. Обе фигуры переданы очень пластично, особенно находящаяся на первом плане. В композиционном отношении эта группа, возможно, даже повторяет какой-то скульптурный мотив.

Однако настаивать на таком предположении мы не имеем возможности, поскольку ни в скульптуре, ни в часто использующих ее мотивы рельефных сосудах и краснофигурных вазах нам не удалось найти группу, подобную нашей. Отсутствие близких аналогий затрудняет и вопрос определения сюжета. Если сюжет был мифологическим, то подобную группу могли составить, например, Деметра и Кора, Афродита и Пейтхо, Гера и Геба (при отсутствии атрибутов последнее может быть более вероятным, поскольку изображение Геры иногда не сопровождалось атрибутами, а Геба не имела их вовсе). Если же сюжет не был мифологическим и относился к жизни смертных (что скорее всего), то подобная сцена могла происходить и просто в гинекее. Мотив стоящей и сидящей женских фигур очень характерен для малоазийской и аттической скульптуры, особенно времени поздней классики. Достаточно вспомнить, например, некоторые ликийские рельефы этого времени [34]. Очень интересен в этой связи и рельеф на торцовой стороне сидонского саркофага Сатрапа [35]. Женские фигуры, изображенные на этом рельефе, стилистически близки нашим изображениям. Близки и в передаче одежд, и в трактовке форм, и в изображении отдельных деталей. Возможно, что мастер, резавший фанагорийский перстень, также принадлежал к кругу малоазийских мастеров. Исходя из аналогий, мы предполагаем, что наш памятник, очевидно, тоже относится к времени поздней классики (скорее всего к первой половине IV в. до н. э.). Сходные сидящие женские фигуры мы находим и на монетах этого времени [36] (рис. 1, *10*). Что же касается стоящей женской фигуры, то стилистически ей очень близко изображение Ники перед фимиатерием на гемме из собрания де Клерк, которую А. Фуртвенглер датирует первой половиной IV в. до н. э. [37].

На отпечатке есть еще один предмет, подтверждающий правильность нашей датировки,— это фимиатерий. Его форма была довольно широко распространена в течение IV в. до н. э., на что указывает в своей работе К. Виганд [38] (рис. 2, *6*).

Перстни с широкими гладкими щитками и довольно массивной дужкой

---

[34] F. Eichler. Die Reliefs des Heroon von Gjölbaschi — Trysa. Wien, 1950. стр. 8—9.

[35] I. Kleemann. Der Satrapen-Sarkophag aus Sidon. Berlin, 1958, табл. 13. Как и многие другие ученые, автор датирует саркофаг примерно 430 г. до н. э.

[36] Сидящей женской фигуре довольно близко изображение Афродиты на серебряных киликийских статерах, бывших в обращении с первой половины IV в. до н. э.: Catalogue of the Greek Coins of Lycaonia, Isauria and Cilicia in the British Museum. London, 1900, табл. XX, *1—10*.

[37] A. Furtwängler. Ук. соч., I, стр. 133, рис. 91.

[38] K. Wigand. Thymiateria. «Bonner Jahrbücher», тетр. 122, Bonn, 1912, стр. 54, 55, табл. II. *83*.

очень характерны для позднеклассического раннеэллинистического времени [39] (рис. 2, *7*, *8*). Они довольно часто делались из бронзы — материала, который был особенно модным в это время.

Трудно предположить, что отпечаток на ручке амфоры, найденной в Фанагории, был сделан не перстнем, а штемпелем, которым наносились так называемые «анэпиграфные» клейма. На таких клеймах сравнительно редки изображения сложных фигурных композиций, к тому же их не всегда резали с той же тонкостью и тщательностью, что и геммы.

Время изготовления металлического перстня, которым сделан отпечаток, относится к первой половине IV в. до н. э. Отпечаток на ручке амфоры мог быть сделан им и во второй половине IV в. до н. э. Это никак не противоречит принятым для данных амфор датировкам [40].

V. Халцедоновая печать с изображением стоящей женской фигуры (рис. 1, *11*)

Эта печать найдена при раскопках Фанагории в 1954 г. [41].

Печать, скарабеоид по форме, резана вглубь на сером халцедоне и вставлена в подвижную золотую оправу [42]. Изображение находится на плоской стороне скарабеоида и представляет собой стоящую влево, в профиль, женскую фигуру в длинной восточной одежде. Правая рука ее, сильно согнутая в локте, держит у груди на кончиках пальцев сосуд, напоминающий по форме килик или фиалу, левая, опущенная несколько ниже,— другой сосуд, по типу, близкий алабастру. Тонкое платье плотно облегает тело женщины, драпирует его внизу и на широком длинном рукаве множеством мелких поперечных складок. Волосы ее заплетены в косу, спускающуюся вдоль спины и украшенную на конце подвеской. Бросается в глаза неправильность пропорций фигуры, статичность и неловкость ее позы. Подобные отступления от нормы в работах собственно греческих мастеров встречаются довольно редко. Необычна также и техника резьбы. Следы рундперла, всегда так тщательно сглаживаемые резчиками, здесь никак не скрыты и даже служат декоративным целям. Маленькие кружки-углубления, оставляемые ими, резко подчеркивают все небольшие выпуклости передаваемой формы. Принять это за незаконченность работы нет оснований, тем более, что отдельные детали выполнены резчиком с большой и даже излишней тщательностью. Таким образом, говорить здесь о непосредственно греческом понимании, чувстве и передаче формы кажется затруднительным. Это заставляет сразу же с большой осторожностью и вниманием отнестись к вопросу о происхождении вещи, к определению ее времени и стиля.

Аналогии нашей гемме мы находим среди камней так называемого «греко-персидского» круга. Нам известно 11 подобных изображений, но назовем лишь наиболее близкое [43] (рис. 2, *9*).

---

[39] F. H. Marshall. Ук. соч., табл. II, *54*; табл. III, *83—86*.

[40] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, стр. 23.

[41] Хранится в отделе археологии Музея изобразительных искусств. М. М. Кобылина. Отчет, стр. 56. Печать была найдена в земляной, обложенной черепицей, могиле при обвале насыпи кургана, находящегося к западу от городища. Первое упоминание о ней мы встречаем в статье М. М. Кобылиной, второе, более подробное,— в статье И. Д. Марченко, опубликовавшей в 1960 г. весь комплекс предметов данного погребения. М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, 57, 1958, стр. 39; И. Д. Марченко. Погребение IV в. до н. э. из Фанагории. Сообщ. ГМИИ. М., 1960, стр. 22—27.

[42] Размеры камня (в *см*): длина 1,5, ширина 1,2, толщина 0,6.

[43] Скарабеоид из Эгины; женщина-персиянка с цветком и венком в руках (British Museum). H. B. Walters. Catalogue of the Engraved Gems and Gameos. London. 1926, табл. VII, *433*; A. Furtwängler. Ук. соч., табл. XI, *10*.

Грушевидная подвеска с изображением на одной из сторон перса и персиянки с цветком в руках (British Museum). H. B. Walters. Catalogue..., табл. VII, *436*.

Скарабеоид; воин-перс с копьем и разговаривающая с ним персиянка (London, Slg. Southesk). A. Furtwängler. Ук. соч., табл. XII.

Вопрос о происхождении камней «греко-персидского» круга, впервые выделенных в самостоятельную группу А. Фуртвенглером, до сих пор не может считаться решенным окончательно. Останавливаться здесь на всей истории вопроса нет возможности, поэтому мы изложим лишь две основные точки зрения, существующие в настоящее время в литературе. Одну из них, высказанную в свое время А. Фуртвенглером [44] и остававшуюся долгое время господствующей, до сих пор поддерживают Г. Рихтер [45] и некоторые другие ученые, другая была высказана Т. Н. Книпович [46] и М. И. Максимовой [47], ее разделяет сейчас ряд ученых, в том числе и французский археолог А. Сериг [48].

А. Фуртвенглер определяет камни названной группы как произведения греческого искусства периода «свободного стиля», выполненные по заказу персов и под влиянием персидских сюжетов. «Греко-персидские они,— пишет ученый,— благодаря своему художественному выполнению (особое внимание он уделяет иному композиционному приему, не свойственному персидской глиптике.— *Н. Н.*) и благодаря тому, что теперь в содержании их определяющими являются не восточные религиозно-символические типы и деспотический, богоподобный образ царя, а картины из жизни персов» [49]. Определение, которое дают Т. Н. Книпович и М. И. Максимова, принципиально иное. Исходя из материала Гос. Эрмитажа и других собраний и основываясь на методе сравнительного стилистического анализа, они приходят к убеждению о персидском происхождении данной группы, возникшей, однако, под несомненным воздействием произведений греческой глиптики.

Стиль «греко-персидских» камней справедливо отмечается всеми как смешанный. Вопрос заключается лишь в том, как толкуют это определение и который из двух составляющих его элементов считают основным. А. Фуртвенглер решает вопрос в пользу греков, М. И. Максимова и Т. Н. Книпович — в пользу персов, хотя обе стороны, безусловно, признают большое взаимное влияние греческой и персидской глиптики. Дальнейшее рассмотрение этой до сих пор спорной проблемы требует большого и тщательного исследования, поэтому было бы преждевременным высказывать какое-либо мнение по поводу происхождения всей группы памятников в целом. Можно говорить только о данной печати и тех ближайших аналогиях, которые могут быть для нее указаны. В отношении их определения мы стоим на точке зрения негреческого их происхождения. Непосредственно эти вещи, действительно, больше имеют аналогий не в греческом, а в персидском искусстве: в произведениях собственно персидской глиптики, торевтики, в каменных дворцовых рельефах [50]. Однако в сюжете, в композиционном построении рисунка, в подчеркнуто объемной моделировке форм мастера, резавшие наши камни, безусловно, шли от греческих образцов. Вероятнее всего, это были местные малоазиатские мастера, находившиеся под перекрестным влиянием греческого и персидского искусства.

В вопросе о датировке фанагорийской печати прежде всего следует исходить из содержания могильного комплекса и формы той оправы, в которой укреплен камень, так как время бытования гемм «греко-персидско-

---

[44] A. Furtwängler. Ук. соч., III, стр. 116, 125.

[45] G. Richter. Greeks in Persia. AJA, L, 1, 1946, стр. 15—30; ее же. «Graeco-Persian» Gems. Commemorative Studies in Honor of Theodore Leslie Shear. «Hesperia». Suppl. VIII, 1949, scy. 291 сл.; ее же. Greek Subjects..., стр. 189—195.

[46] Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 41—58.

[47] M. Maximowa. Über greichisch-persiche Kleinkunst..., стр. 647 сл.

[48] H. Seyrig. Ук. соч., стр. 195—202.

[49] A. Furtwängler. Ук. соч., III, стр. 117.

[50] A. Furtwängler. Ук. соч., III, стр. 120, рис. 80; O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus with other Examples of Early Oriental Metalwork. London, 1926, табл. XI, *89, 93*, рис. XXXVIII. стр. 19.

го» круга в целом и у А. Фуртвенглера и у М. И. Максимовой довольно широкое: вторая половина V—IV в. до н. э.

Форма оправы позволяет несколько сузить эти хронологические рамки для нашего камня. Оправа в виде подвижной золотой пластинчатой дужки, укрепленной выведенным концом проволоки стержня, встречается чаще в печатях IV в. до н. э.[51] (рис. 2, *10*). Комплекс предметов в могиле, обнаруженных вместе с печатью, дает возможность еще точнее определить время ее изготовления. Там были найдены две расписные чернолаковые пелики, низка золотых бус и золотые сережки в виде перевитого полукольца с дутыми головками львов[52].

Стиль росписи найденных краснофигурных пелик заставляет отнести их к началу III в. до н. э.[53]: подобного рода упрощенные, небрежные рисунки встречаются обычно уже на более поздних образцах[54]. Что касается низки золотых бус и серег, то и для них нам хотелось бы по возможности сузить датировку.

Такая же точно низка золотых бус и очень близкая по форме серьга (мы принимаем во внимание то, что форма эта, столь распространенная в античном мире с V в. до н. э., постепенно изменялась[55]) были найдены в 1875 г. А. Е. Люценко в погребальном комплексе с пантикапейской монетой[56]. Эта монета с головой безбородого сатира на одной стороне и с луком с «ΠΑΝΤΙ» — на другой относится ко времени не позже середины III в. до н. э.[57]. Вряд ли можно предполагать, что бусы и серьги были сделаны много раньше. Скорее всего, они относятся к самому концу IV — началу III в. до н. э. Отсюда нам кажется возможной датировка наших памятников примерно тем же временем (концом IV — началом III в. до н. э.).

Таким образом, найденная в погребении халцедоновая «греко-персидская» печать, попавшая на Боспор, как и многие другие произведения этого круга, либо из Материковой Греции, либо непосредственно из Малой Азии, могла быть более ранней. Время ее изготовления, видимо, следует отнести к середине — второй половине IV в. до н. э.

В заключение хотелось бы коснуться вопроса, связанного с определением сюжета. Будучи несогласна с А. Фуртвенглером, считающим подобного рода женские изображения жанровыми, И. Д. Марченко, основываясь на повторяемости атрибутов, обычно сопровождающих такие изображения, высказывает мнение о культовом их назначении. Автор предполагает также, что женские фигуры такого типа изображают жриц персидской богини Анахиты.

Указанные атрибуты в руках персиянок: цветок, птица, венок, килик, алабастр — действительно встречаются в сценах жертвоприношения[58], однако были они, видимо, гораздо более многозначными, чем это представляется сейчас.

---

[51] Одной из аналогий может служить, например, оправа, укрепляющая скарабеоид с изображением статуарного мотива IV в. до н. э. См. A. Furtwängler. Beschreibung der geschnittenen Steine im Antiquarium. Berlin, 1896, стр. 31, № 317.

[52] И. Д. Марченко. Погребение IV в. до н. э. из Фанагории, стр. 22.

[53] Рисунок как на первой, так и на второй пелике суммарен и небрежен. Лица амазонок имеют довольно крупные черты, а головы лошади и грифона (в одном случае только грифона) нарисованы без учета пропорций с еще большей долей схематизма. То же можно сказать и о росписи на оборотной стороне ваз.

[54] М. М. Кобылина. Поздние Боспорские пелики. МИА, 19, 1951, стр. 136—170.

[55] F. H. Marshall. Ук. соч., № 1728—29; 1732—33; 1774—75.

[56] Митридат. Северная покатость, подошва Долгой Скалы, катакомба № 2 (Гос. Эрмитаж, античный отдел, инв. № II. 1875. 407—409).

[57] А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XLI, *4, 5;* Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, табл. VI, *65—67.*

[58] H. B. Walters. Catalogue..., табл. VII, *436;* A. Furtwängler. Die antiken Gemmen, III, стр. 120, рис. 80; O. M. Dalton. Ук. соч., табл. XI, *89, 95*, рис. XXXVIII, стр. 19.

Те же атрибуты, например, мы видим в руках персиянок, изображенных рядом с персидскими воинами[59]. Поскольку никаких литературных свидетельств о существовании жриц богини Анахиты нет[60], мы, конечно, вправе догадываться об этом, но очень трудно допустить, чтобы эти жрицы ничем не отличались от обыкновенных смертных и изображались вместе с атрибутами богини, рядом с воинами. Может быть, атрибуты, связанные с культом Анахиты, имели в повседневной жизни древних персов и других народов более широкое значение: служили символом любви, например, или гостеприимства?

Одежду женщин-персиянок также вряд ли можно считать непосредственно культовым реквизитом. Мы встречаем ее весьма часто на резных камнях и рельефах в сценах, никак не связанных с культом. Постоянная же повторяемость одежд и атрибутов объясняется скорее традиционной для персидского и восточного искусства вообще каноничностью.

В резных камнях сасанидского времени мы встречаем иногда надписи с именем «Анахит». Однако их изображения, возможно, и имевшие какую-то иконографическую связь с ахеменидскими образами, в то время имели уже совершенно иной смысл и значение. Так что искать здесь какие-то прямые параллели вряд ли возможно.

VI. Оттиск печати с изображением стоящей мужской фигуры (рис. 2, *11*)

Этот отпечаток находится на одной из широких граней сломанного пирамидального грузила, найденного на раскопе «Керамик» в 1960 г.[61]. Грузила таких размеров[62] характерны для позднего типа, распространенного в конце IV в. до н. э. и позднее[63].

Грузило сделано из серой местной глины и происходит, видимо, из фанагорийской мастерской.

Форма оттиска и его ровная поверхность дают основание предположить, что сама печать представляла собой, вероятно, металлический перстень с плоским щитком. По форме он мог относиться только к IV—III вв. до н. э.[64] (рис. 2, *12*).

Таким образом, если исходить из археологического материала, размеров грузила и формы самого отпечатка[65], время изготовления печати должно быть скорее всего отнесено ко второй половине IV — началу III в. до н. э.

Сильная стертость, а местами даже разрушенность поверхности оттиска не позволяет сделать с него фотографии, поэтому для восстановления рисунка нам пришлось пользоваться прорисовкой, по которой мы можем предположительно говорить и о сюжете, и о стиле данного изображения.

На щитке нашего перстня была резана вглубь стоящая в фас обнаженная мужская фигура. Позу ее можно понять без труда. Для скульптурных

---

[59] Имеются в виду привлеченные в виде аналогий: камень из собрания Southesk (A. Furtwängler. Die antiken Gemmen, табл. XII, *11*) и грушевидная подвеска из собрания Британского музея (H. B. Walters. Catalogue..., табл. VII, *436*): а) сцена поклонения, б) перс, обнимающий персиянку с цветком в руках.

[60] О культе Анахиты, бывшем одним из локальных вариантов культа Великой богини Матери, распространенного по всей Малой Азии, мы знаем крайне мало, и то, что нам известно, исходит, в основном, не от греческих авторов (у Геродота есть только очень краткое упоминание об этом. Геродот. История, I, 131), а из древнеперсидской литературы (Авеста. 5 яшт.).

[61] ГМИИ, отдел археологии. Керамик, 12-й штык XXVIII—XXX площади. Материал слоя почти однороден (IV—III вв. до н. э.) и позволяет ориентировочно датировать само грузило. Примерно ту же дату дает и анализ его формы. Для характеристики слоя см. Архив ИА, Р-1, № 2333, стр. 103—104.

[62] Площадь нижнего основания 4,7 × 6,3 *см*; общая высота примерно 9 *см*.

[63] H. Goldmann. Ук. соч., стр. 509—514.

[64] F. H. Marshall. Ук. соч., табл. II, *58*, *61*; IV, *95*; XXXIV, *1561*.

[65] Размеры овала: 1,1 × 1,9 *см*.

памятников времени Праксителя, Скопаса, Лисиппа и более позднего периода она была очень характерна. Вся тяжесть тела изображенного приходится на прямо поставленную правую ногу, в то время как левая, несколько отставленная в сторону, ослаблена и слегка согнута в колене, правое плечо немного приподнято, левое опущено вниз. Голова изображена в профиль вправо. Одна рука опирается на предмет, напоминающий палицу, другая, согнутая в локте, держит плащ или шкуру животного. Судя по атрибутам, фигура скорее всего представляла собой Геракла.

Судить по оттиску о пластической моделировке форм почти невозможно из-за плохой сохранности. Более отчетливо видны только глубоко врезанная линия и симметрично расположенные по обе стороны от нее выступы мускулов груди.

Аналогии изображенной фигуре имеются не только в круглой скульптуре, но и в глиптике. Особенно близкими по типу (но не по мастерству исполнения) кажутся нам изображения Геракла на геммах берлинского антиквариума, которые относятся А. Фуртвенглером к IV в. до н. э.[66] (рис. 1, *12*). Такая дата вполне подтверждает правильность нашего предположения о том, что перстень был сделан примерно во второй половине IV — начале III в. до н. э. Само же грузило могло быть сделано даже в первой половине III в. до н. э.

---

[66] A. Furtwängler. Beschreibung..., табл. VI, *291, 317*.

Т. В. БЛАВАТСКАЯ

РЕСКРИПТЫ ЦАРЯ АСПУРГА

10 февраля 1962 г. в Анапе при земляных работах было найдено два куска мраморной плиты с греческими письменами. Камни обнаружены на городище древней Горгиппии, в 7—10 *м* к северу от разведочного раскопа 1949 г., который был заложен во дворе гостиницы [1]. Данный участок принадлежал, по-видимому, центральной части города, поскольку отсюда происходят статуя Неокла [2], рельф из святилища [3] и несколько обломков больших скульптур.

Сведения о новом эпиграфическом памятнике сообщены мне сотрудником Анапского краеведческого музея А. И. Саловым. И. Т. Кругликова передала мне свои фотографии плиты. Пользуюсь случаем выразить обоим коллегам самую глубокую признательность.

Фрагментированная плита (хранится в Анапском краеведческом музее, инв. № 2585) имеет в высоту около 0,68 *м*, ширина ее достигает 0,8 *м*, толщина равна 0,14 *м*; часть верхнего края сохранилась хорошо, тогда как боковые стороны и нижний край почти везде повреждены сбоями (рис. 1). Передняя и боковые поверхности плиты обработаны тщательно, задняя плоскость почти гладкая,— видимо, стела была вделана в регулярную кладку какого-то сооружения.

В верхней трети плиты на расстоянии 0,155 *м* от верхнего края выделена немного заглубленная полоса шириной 0,115 *м*. Между верхней границей этой полосы и высеченной в середине ее надписью заметен след тщательно сбитой однострочной надписи. Ниже еще два текста, разделенных между собой лишь небольшим промежутком. Качество письма во всех трех текстах неодинаково. Верхняя однострочная надпись выведена буквами правильной формы, безоговорочно могущими быть причисленными к числу образцов боспорского монументального шрифта [4]. Напротив, разнокалиберный шрифт двух нижних текстов, глубже вырезанный и сильнее бросающийся в глаза, представляет собой произведение среднего качества. Исполнявшие его камнерезы несомненно обладали хорошей техникой резьбы букв, но, по-видимому, сочли уместным применить здесь стиль попроще, более отвечающий деловому характеру публикуемых документов. Различия в почерках [5] позволяют заключить, что тексты на средней части камня были исполнены двумя разными мастерами.

---

[1] В. Д. Блаватский. Разведки в Анапе. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 245—248, рис. 79; И. Т. Кругликова, Г. А. Цветаева. Раскопки в Анапе. КСИА АН СССР, 95, 1963, стр. 66—71.

[2] М. М. Кобылина. Скульптура Боспора. МИА, 19, 1951, стр. 171 сл., рис. 1, 2.

[3] И. Т. Кругликова. Мраморный рельеф из Анапы. СА, 1962, № 1, стр. 282—289, рис. 1.

[4] А. И. Болтунова, Т. Н. Книпович. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. НЭ, III, М., 1962, стр. 3—31, особенно стр. 20.

[5] Мастер, выполнявший третий текст, весьма охотно применял немного искривленные линии.

Примечательно, что из орфографических погрешностей удалось найти лишь одну в строке А7. Это должно объяснить высоким качеством оригиналов, с которых тексты переписывали на мрамор.

Во втором документе расположение слов в начальных строках весьма свободное, тогда как исполненный более крупными буквами третий текст отличается экономной расстановкой аналогичных слов: вероятно, опасались нехватки места на камне.

Количество букв в строках каждого из трех документов различается сильно. Наиболее однотипны строки 5—10 второго текста, где насчитывается от 53 до 62 знаков. В строках третьего документа заключалось, по-видимому, 39—45 знаков. Высота букв также различна. В верхнем тексте она колеблется от 0,013 до 0,017 *м*. Размеры букв среднего текста таковы: строка 1 — высота всех знаков 0,020—0,021 *м*, тогда как омикрон достигает лишь 0,015 *м*; в строках 2 и 3 высота меняется от 0,014 до 0,016 *м*: в строках 4—11 буквы не превышают 0,012 *м*. Письмо нижнего документа имеет бо́льшую близость высоты букв — в строках 1 и 2 она равна 0,017—0,020 *м* (хотя в слове χαίρειν альфа вытянулась в 0,025 *м*!), в последующих высота знаков колеблется от 0,016 до 0,018 *м*.

Тексты читаются так:

Верхний: посвятительная надпись:

[Οἱ Γοργιππεῖς ἱ]δρύσαντο Διῒ Σωτῆρι.

Средний текст: Письмо А.

[Βασιλεὺς Ἀσ]πουργος φιλορώμαιος
[Παντ]αλήοντι καὶ Θεαγέλωι
χαίρειν·
εὐεργετικῶς διακείμενος πρὸς τὴν τῶν Γοργιππέων πόλιν
5. καὶ βουλόμενος τὰ δίκαια αὐτοῖς παρέχεσθαι ἐπειδὴ ἔδο[ξε]ν ἐν πολ-
[λοῖς]μ[ὲ]ν πράγμασιν εὐνοηκέναι μοι, μάλιστα δὲ ἐν τῆι πρὸς τὸν Σεβαστὸν
Αὐτοκράτορα ἀναβάσει συντετηρηκότες ἑαυτοὺς ἐν πλείστηι ἀτα[ρα]ξίαι,
κατὰ τὰς ὑπ' ἐμοῦ δεδομένας ἐντολὰς δοκιμάζω [ε]ἰς τὸ λοιπὸν τὰς κ[λ]ηρονομία[ς]
μένειν αὐτοῖς βεβαίως κατὰ τὸν Εὐπάτορος ἀνχι[στ]ευτικὸν νόμον·
10. ἐκθεσία τίσ[α]ντες οὖν τόδε τὸ δόγμα φανερὰν ποιή[σ]ατε γενέσθ[αι τοῖς πᾶ]-
[σιν κατὰ] τὴν ἡμετέραν κρίσιν. Εἴρωσθε. βιτ', Δαισίου κ'.

Нижний текст: Письмо В.

[Βασιλεὺ]ς Ἀσποῦργος φιλορώμαιος Παν[ταλήοντι καὶ]
[Θεαγέλ]ωι χαίρειν· ἐπεὶ Γοργιππεῦ[σιν τοῖς]
[φίλοις μου συνε]χώρησα οἴνου τε καὶ σείτο[υ καὶ κριθῆς (?) ἀ]-
[ποτελουμένης] ἐγδεκάτης, κένχρου δὲ [εἰκοστῆς (?), ἔκρινα ἐπ]—
5. [ιστεῖλαι ὑμ]ῖν ὅπως οἰκον[ο]μήσητε κ[ατὰ τὴν ἡμετέραν]
[κρίσιν]. Ἐρωσθε. βιτ', Δαισί[ου..].

Объясним наши попытки восстановить утерянные части документов.

В верхней, посвятительной надписи наиболее правдоподобно читать [ἱ]δρύσαντο — воздвигли. Поскольку ниже помещены документы, касающиеся всей городской общины, постольку в начале рассматриваемой строки с уверенностью можно восстановить этникон горгиппиян.

Письмо А.

Строка 2. Начертание η вместо ε в имени Панталеонта следует отнести к одинаковому звучанию обеих гласных в боспорской речи того времени.

Строка 6. Начало сильно испорчено. До буквы М, ясно различимой, может уместиться не более 4—5 знаков, так что реконструкция πολ|[λοῖς] вполне допустима. Интересно применение некоторого противопоставления

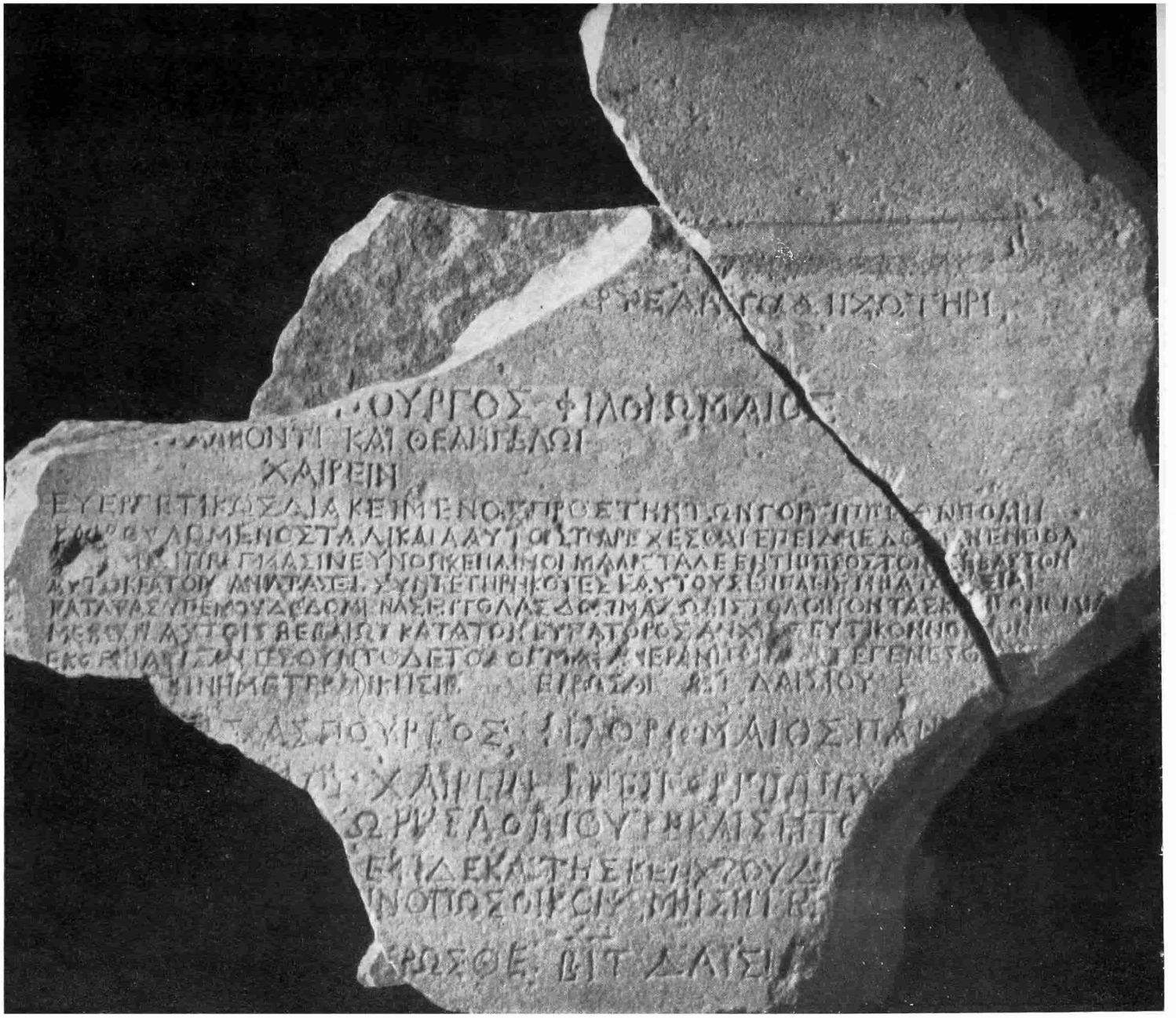


Рис. 1. Мраморная плита с надписью из Горгиппии

в изложении заслуг Горгиппии — ...ἔδο[ξε]ν ἐν πολ|[λοῖς] μὲν πράγμασιν... μάλιστα δὲ ἐν τῆι... ἀναβάσει... Данная конструкция свидетельствует о высокой литературной выучке боспорских писцов, не чуждавшихся некоторых риторических приемов, как и их средиземноморские коллеги [6].

Строка 8. Термин ἐντολή — распоряжение, инструкция — часто встречается в греческом эллинистическом языке [7] и живет вплоть до поздней римской эпохи. В среде птоломеевской бюрократии это слово получило специальное значение «царский указ» [8]. На Боспоре оно засвидетельствовано впервые. В конце строки чтение κ[λ]ηρονομία[ς] не может вызвать сомнений, в особенности потому, что далее идет речь о законе наследования.

Строки 8—9. Выражение ... μένειν αὐτοῖς βεβαίως еще раз обнаруживает тесную связь боспорской официальной фразеологии I в. с языком канцелярий эллинистических монархов. Данная формула известна в документах селевкидских чиновников [9]. Неоднократно употребляют ее и птоломеевские писцы, как любезно указал мне К. К. Зельин, обративший вместе с тем мое внимание на то, что рассматриваемое выражение обычно имеет значение «оставаться в силе», «прочно сохраняться»; оно указывает на длительность, прочность данного отношения, на гарантию его со стороны власти,— например, в папирусе Amh. 85,21 (1) идет речь о неизменяемости платы, в документе Ox. 270,40 (1) прочное владение землей гарантируется этими же словами.

Данная оговорка была весьма полезна в правовых документах эллинистического периода, при частых сменах носителей верховной законодательной власти: ведь новый монарх не всегда был склонен сохранять установления прежних династов. Известно еще одно выражение, аналогичное разбираемому, которое порождено указанными условиями: в письме Аттала III Пергаму в 135 г. до н. э. относительно введения культа Зевса — Сабазия царь велит вписать его распоряжения в священные законы города πως ἂν εἰς τὸν ἅπαντα χρόνον ἀκίνητα καὶ ἀμετάθετα μένηι «чтобы навсегда оставались неприкосновенными и неизменяемыми» [10].

Выработка эллинистическими законодателями обеих формул указывает на неоднократность нарушений ранее изданных актов. Видимо, Боспор не отличался и в этом от других эллинистических царств.

Строка 9. Примечательно редкое прилагательное ἀνχιστευτικός, известное до сих пор лишь в трудах философа Аспасия (около 100—150 гг.) [11].

Строка 10. Существительное ἐκθεσία, восходящее к специальному выражению ἐκτίθημι τοὺς νόμους «выставлять напоказ законы», встречается впервые в языке боспорян.

В конце строки 10 испорченное место могло содержать от двух до восьми букв. Так как на линии облома камня видны верхние части многих знаков, среди которых отчетливо выступают остатки τ и ο, то представляется возможным читать ...γενέσθ[αι τοῖς πᾶ]-, тем более, что в начале строки 11 могло уместиться лишь шесть-семь знаков. Достойно внимания то, что заключительная часть письма А (строки 10—11) содержит весьма обычное в письмах эллинистических царей подробное распоряжение о способе опубликования документа.

---

[6] C. B. Welles. Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven, 1934, стр. XLVI.

[7] C. B. Welles. Ук. соч., стр. 331. Уэллс относит слово к числу ионизмов в греческом койне III—I вв. до н. э., так что хождение этого слова в боспорских городах, заселенных выходцами из Ионии, вполне закономерно.

[8] P. Tebt. 6, 10.

[9] C. B. Welles. Ук. соч., № 13, строки 16—17. Это письмо сатрапа Мелеагра городу Илиону о привилегиях Аристодику.

[10] C. B. Welles. Ук. соч., № 67, строка 14 и стр. 311.

[11] Liddell-Scott[9], s. v.

Примечательно различное написание εἴρωσθε в А11 и ἔρωσθε в **В6, позволяющее** думать, что два различных чиновника составляли изучаемые письма, причем оба писца ставили одно ρ вместо обычных двух [12].

Письмо В.

Строки 2—3. Лакуна в конце строки 2 допускает восстановление шести или семи букв, тогда как в начале строки 3 могли стоять 12—13 знаков, в общей сложности — 18—20 знаков. Как нам кажется, допустимо читать Γοργιππεύ[σιν φιλό|φρονως συνε]χώρησα... или Γοργιππεύ[σιν τοῖς| φίλοις μου συνε]χώρησα ...Возможно, однако, что потерянные слова обусловливали срок, на который горожане получали освобождение от податей. Тогда здесь могло стоять εἰς τὸ λοιπὸν или обозначение периода времени в год, два или более лет.

Строка 3. Известное со времен Геродота (VII, 161) выражение συγχωρέω τινός чрезвычайно употребительно в переписке эллинистических царей с подвластными им городами.

В конце строки 3 и начале строки 4 утрачено не менее 21—23 знаков. Позволительно предложить два варианта восстановления: 1) ...καὶ σείτυ[υ καὶ κριθῆς ἀποτελουμένης] ἐγδεκάτης... или 2) ...καὶ σείτο[υ καθ' ἐνιαυτὸν ἀποτελεσαμένης] ἐγδεκάτης... Первый вариант кажется нам предпочтительнее.

Строки 4—5. Умещающиеся в лакуне 24—25 букв должны содержать сумму налога на просо и начало следующей фразы, трактующей о сообщении воли царя магистратам. Остаток вертикальной палочки перед ν в строке 5 позволяет думать, что там стояла ι; тогда чтение ὑμῖν бесспорно. Хотя весь восстанавливаемый текст в строках 4—5 превышает предполагаемое количество знаков на одну букву, данное отступление вполне допустимо при наличии сравнительно узких двух иот и двух капп.

Принимая во внимание изложенное выше, горгиппийские документы можно перевести так:

Посвятительный текст:

Горгиппияне воздвигли Зевсу Спасителю.

Письмо А.

Царь Аспург, друг римлян, Панталеонту и Феангелу желает здравствовать. Будучи благосклонно расположен к городу горгиппиян и желая воздать им по справедливости, поскольку они проявили себя во многих делах благорасположенными ко мне, особенно когда соблюли себя в полной безмятежности во время путешествия моего к императору Августу, я определяю сообразно данным мною распоряжениям, что на будущее время правила родственного наследования останутся у них неизменяемыми согласно наследственному закону Евпатора. Итак, оплатив опубликование, сделайте это постановление для всех известным сообразно нашему решению. Будьте здоровы. 312 года, месяца Дайсия 20-го дня.

Письмо В.

Царь Аспург, друг римлян, Панталеонту и Феангелу желает здравствовать. Так как горгиппиянам [друзьям моим] я дал освобождение от [уплачиваемых] с вина, пшеницы и [ячменя] одной одиннадцатой, с проса же [одной двадцатой?, то решил написать] Вам с тем, чтобы Вы устроили согласно [моему решению]. Будьте здоровы. 312 года, месяца Дайсия...

Итак, горгиппийский мрамор донес до наших дней документы двух типов: посвящение Зевсу Спасителю и указы царя Аспурга о привилегиях городу Горгиппии.

Сакральная надпись позволяет думать, что плита составляла часть какого-то здания, воздвигнутого горожанами Зевсу Спасителю. Культ названного божества на Боспоре засвидетельствован надписями от 82 г. и III в. из Пантикапея [13], теперь можно говорить о его распространении

[12] C. B. Welles. Ук. соч., № 1, строка 73.

[13] Л. И. Чуистова. Надпись фиаса из Пантикапея. ВДИ, 1955, 3, стр. 207; IOSPE, II, № 29.

в азиатской части Боспора в более ранний период. Весьма интересно то, что на этой же плите были вырезаны документы, обеспечивающие гражданам Горгиппии важные юридические и экономические привилегии — тем самым царские акты получали божественную защиту. Данный прием получил широкое применение в эллинистическое время. В ордонансах царей и их чиновников городам постоянно указывается: поставьте стелу с таким-то распоряжением в храм [14]. Вероятно, горгиппияне сами сочли целесообразным предоставить стену святилища для опубликования столь благоприятных им царских указов.

Обращаясь к изучению писем Аспурга, отметим прежде всего, что документы подобного рода в боспорской эпиграфике еще не встречались. Письмо царя Полемона херсонеситам [15] говорило о том, что сын ритора Зенона из Лаодикеи, став царем Понта и Боспора, употреблял формы, обычные в эллинистической международной документации. Рескрипты Аспурга принадлежат царю, происходящему из боспорской греко-варварской династии. Композиция обоих документов имеет много общего, хотя письмо А более подробно, тогда как второй акт составлен гораздо лаконичнее. И тот и другой рескрипты следуют образцам распространенной категории эллинистических документов — писем царей. Обширная деловая переписка династов с подвластными им городами и храмами и с чиновниками, управлявшими областями, привела к тому, что в делопроизводстве эллинистических монархий царское письмо стало формой официального документа, имевшего полноценное юридическое значение [16]. Письма главы боспорского царства содержат многие характерные черты указанных актов: начинаясь с обращения монарха к своим чиновникам, каждый документ излагает основания для издания распоряжения, затем следует само установление и заключение с приветом и датой. Сопоставление изучаемых боспорских и средиземноморских документов указывает на единство формальной традиции, которой следовали чиновники и там и здесь.

Стиль и язык боспорских рескриптов отличаются высоким качеством. Суть дела в каждом письме изложена точно и исчерпывающе, причем краткие динамические формулировки не оставляют места никаким ложным толкованиям или недопониманиям царского постановления; предназначенные для обнародования распоряжения царя облечены в точную форму законодательного акта.

Как известно, административные органы эллинистических монархий выработали высокоразвитую систему делопроизводства. В распоряжении царских чиновников находились многочисленные законы, указы и предписания, обычно составленные хорошим языком. Публикуемые письма Аспурга свидетельствуют, что в этом разделе государственной жизни Боспор не отличался от прочих царств. Видимо, пантикапейская высшая канцелярия была укомплектована тогда первоклассными знатоками юридической документации, ревностно сохранявшими и развивавшими формы законодательной традиции. Различные придворные чины, имевшие отношение к государственному делопроизводству [17], видимо, использовали опыт своих боспорских и средиземноморских коллег.

Лексикон эллинистической документации указывает на существование живого контакта административных кругов самых различных царств. И в горгиппийских указах встречается ряд специальных формул и терми-

---

[14] Сатрап Мелеагр пишет жителям Илиона: «Вы хорошо сделаете... записав на стелу предоставляемые Вам льготы и поставив в храм, чтобы оставались для Вас неизменными и впредь эти пожалования» (C. B. Welles. Ук. соч., № 13, строки 13—17). Та же мысль и у C. B. Welles. Ук. соч., № 53, IV. Простые распоряжения поставить текст царского указа в храмы встречаем в документах: C. B. Welles. Ук. соч., № 18, 51, 70.

[15] IOSPE, I², № 704.

[16] C. B. Welles. Ук. соч., стр. XXXVII сл.

[17] В. В. Латышев. PONTIKA. СПб., 1909, стр. 126.

нов, получивших употребление в средиземноморской законодательной литературе III—I вв. до н. э. Вместе с тем, отмеченные выше слова, известные только на Боспоре, указывают на активное словотворчество местных чиновников. Примечательно, что и в этой области боспорского языка проскальзывают архаизирующие тенденции.

Итак, даже формальное рассмотрение новых текстов существенно расширяет наши представления о правовой жизни Боспора I в., где царь являлся носителем высшей законодательной власти. Его распоряжения, дополнявшие и изменявшие существовавшую систему боспорского действующего права, облекались в должную юридическую форму специальными чиновниками, обладавшими высокой профессиональной выучкой.

Перейдем теперь к тем конкретным указаниям, которые можно найти в горгиппийских рескриптах. Содержащиеся в них сведения освещают внешнеполитические события, так же как и внутреннюю жизнь государства в 14—15 гг.

История внешних отношений Боспора получает дополнительное освещение благодаря сообщению Аспурга о встрече его с римским императором. Боспоро-римские отношения в I в. до н. э.— I в. н. э. неоднократно служили предметом специальных исследований [18]. При этом реальная зависимость Боспора от Рима уже со времен правления царицы Динамии не вызывает сомнений, разногласия касаются степени подчиненности Боспорского царства Риму [19]. Бесспорно, что вопрос этот может быть окончательно разрешен лишь с помощью новых источников. И в этом отношении публикуемые горгиппийские тексты доставляют ценные сведения, уясняющие некоторые детали связей Боспора с Римом в начале правления Тиберия. Уже давно известно, что Аспург, достигший власти силой оружия, сначала носил титул архонта и лишь впоследствии стал именовать себя царем. Последнее событие нашло отражение не только в официальных документах [20], но и в боспорском монетном чекане: появились статеры, на одной стороне которых помещался портрет Аспурга и монограмма слова «царь», на другой — портрет Тиберия с его именем и титулом. По мнению А. Н. Зографа, первый выпуск этих статеров относится, возможно, к 14 г., совпадая с началом правления Тиберия [21]. На близкие отношения Тиберия и Аспурга указывает и тот факт, что один из боспорских правителей I в. носил имя Юлия [22], а после него боспорские цари от Рискупорида I (II?)

---

[18] В. В. Латышев. PONTIKA, стр. 93—111; М. И. Ростовцев. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа. «Древности», XXV, М., 1916, стр. 1—26; Д. П. Каллистов. Этюды из истории Боспора римского времени. ВДИ, 1938, 4, стр. 174—183; Е. С. Голубцова. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951. Много ценных наблюдений приводит А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, стр. 185—200.

[19] Высказанная почти 50 лет назад мысль М. И. Ростовцева о полном подчинении Боспора Риму при Динамии (М. И. Ростовцев. Бронзовый бюст, стр. 18; его же. Эллинство и иранство на юге России. Птрг., 1918, стр. 148) представляется нам безоговорочно справедливой для краткого периода единоличного правления этой царицы. Зависимость ее действительно была очень сильной (Dio Cass. LIV, 24; IOSPE, II, № 354; IV, № 201 и 420), но, что отмечено уже рядом исследователей, в дальнейшем зависимость Боспора от Рима «была не во все периоды одинаковой» (В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 323), поскольку сильно варваризованный Боспор всегда тяготился этим подчинением (В. Д. Блаватский. Северопонтийские города в конце II—I в. до н. э. ВМГУ, 1949, 7, стр. 69—70). Если же обратиться к истории отношений Рима с другими зависимыми царствами, то оказывается, что даже в эпоху Августа подчиненность Боспора была гораздо меньшей, чем обязанности многих других восточносредиземноморских вассалов Рима (Е. С. Голубцова. Ук. соч., стр. 118—119).

[20] IOSPE, II, № 364.

[21] А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 196; В. В. Латышев. PONTIKA, стр. 107.

[22] В. В. Латышев. PONTIKA, стр. 112; IOSPE, II, № 355.

Поскольку в надписи № 355, датируемой 71 г., идет речь об уже царствующем сыне царя Юлия, то можно предположить следующее: боспорский царь Юлий, о котором сохранилось упоминание только в данной надписи, должен был появиться на свет где-то в конце 20-х или самом начале 30-х годов н. э., так как иначе его

непрерывно до Котиса III, т. е. с 67 по 233 г., именовались Тиберіями Юліями. Употребление этого имени в качестве традиционно династического показывает, что личность Тиберия оставила какой-то исключительный след в памяти боспорских династов[23].

Известие о поездке Аспурга проливает некоторый свет на возникновение этой протибериевой традиции. Путешествие к императору, именовавшееся в боспорских верхах «восхождением», по-видимому, означало не просто очередное проявление римского главенства над Боспором. Ведь боспоряне хорошо знали о своей зависимости — угроза Агриппы пойти на них войной из-за нежелания иметь царем Полемона[24] была еще свежа в их памяти. Суть дела заключается в каком-то новом повороте политики, сделавшем реальной и полезной личную встречу императора и боспорского правителя. По-видимому, раньше Август сносился с предшественниками Аспурга лишь через послов или письмами. Теперь же обстановка изменилась, и обе стороны сочли полезными прямые переговоры. Согласие Тиберия лично познакомиться с правителем далекого Боспора таило в себе определенное признание значительности Аспурга, имевшего тогда один лишь титул архонта. Римский император тем самым как бы признавал необходимость новых политических приемов в отношениях с Боспором. Этот сдвиг был обусловлен причинами весьма разнородными: с одной стороны, прочным положением Аспурга, твердо державшего власть на Боспоре в своих руках; с другой — переходом империи к общей оборонительной политике на Востоке[25], что получило удачное претворение в деятельности Тиберия благодаря его личным качествам. Как известно, последний был весьма осторожен, стремился избегать войн и сохранять уже существующие отношения[26]. По отношению к зависимым царствам Тиберий в первые годы своего правления старался занимать благожелательную позицию. Весьма важно то, что в 18 г. он послал в Армению Германика венчать на царство Зенона Полемонида, которого хотели иметь царем сами армяне[27]. Такой шаг Тиберия навстречу местным устремлениям армян был сделан, как мы теперь знаем, уже после его встречи с Аспургом в 14 г. Не исключена возможность, что Тиберий решил применить принцип уважения некоторых местных стремлений впервые еще при ознакомлении с боспорскими делами, и встреча императора с Аспургом была продикто-

---

сын не мог достигнуть достаточно зрелого возраста для самостоятельного правления в 71 г. То обстоятельство, что Юлий назван царем, позволяет думать, что он действительно царствовал какое-то время на Боспоре, вероятно, в тот темный промежуток от 62 до 67 г., который отмечен полным исчезновением царских имен на боспорских монетах (А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 198; ср. Т. В. Блаватская. Горгиппийская манумиссия 67 г. н. э. СА, XXVIII, 1958, стр. 94). Получить царскую власть Юлий мог в силу многих обстоятельств, пока нам неизвестных. Допустимо предположить, что он был сыном Аспурга, следовавшим за Котисом, который в 45 г., по словам Тацита, был еще юношей (Tac. Ann., XII, 15). Вероятность того, что Аспург одного из своих младших сыновей назвал Юлием, довольно велика.

[23] Уже после написания статьи я ознакомилась с мнением А. Салача, допускающего возможность того, что Аспург получил от Тиберия римское гражданство и принял поэтому имя Тиберия Юлия (А. Салач. При устье Тихого Дона. Pražská Universita Moskevské Universitě. Praha, 1955, стр. 219—220), тогда как В. Ф. Гайдукевич полагал, что Аспург принял имя Тиберия Юлия в честь Тиберия (В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 324). Как ранее известные, так и вновь публикуемые надписи Аспурга не содержат наименования его Тиберием Юлием. Поэтому получение римского гражданства боспорским царем или принятие им почетного наименования могло иметь место лишь после 23 г., которым датируется одна из поздних надписей Аспурга.

[24] Dio Cass. LIV, 24.

[25] О. В. Кудрявцев. Римская политика в Армении и Парфии. ВДИ, 1948, 3, стр. 52—56.

[26] Тацит, подчеркивающий эти стороны характера Тиберия (Tac. Ann., II, 65), сообщает, что даже в смене магистратов внутри государства преемник Августа придерживался весьма консервативной политики (Tac. Ann., I, 80).

[27] Tac. Ann., II, 56. Примечательно, что Тиберий решился на такую меру даже в Армении, где столь сильно сталкивались враждебные и дружественные Риму тенденции.

вана именно этими соображениями. Во всяком случае успешное возвращение Аспурга с царским титулом и званием «друга римлян» делает такую реконструкцию хода событий весьма реальной.

Упрочение политических связей с Боспором составляло для Рима при Тиберии немаловажную задачу. Находившиеся в Сирии четыре легиона[28] не могли обеспечить полное соблюдение римских интересов на Востоке. Между тем Боспор граничил с обширным миром варварских племен, часть которых питала пропарфянские симпатии. Об этом мы узнаем из краткого рассказа Тацита о том, что в 19 г. парфянин Вонон бежал из римского плена и пытался достичь родственного ему скифского царя, по-видимому, соседившего с гениохами, занимавшими середину побережья Кавказа: corruptis custodibus ad Armenios, inde [in] Albanos Heniochosque et consanguineum sibi regem Scytharum conatus est[29]. Данный эпизод достаточно красноречиво рисует, сколь широко простиралось поле борьбы Рима с Парфией[30]. В этих условиях наиболее выгодным для Тиберия было не столько усиление внешних форм римского владычества, сколько обеспечение действенной проримской позиции Боспора, хотя бы за счет уступок местным интересам. Безоговорочное признание прав Аспурга на престол явилось одним из таких шагов. Убедительность такого истолкования фактов возрастает, если сравнить результаты путешествия боспорского царя к императору с некоторыми аналогичными поездками. Известны случаи, когда пребывание в Риме кончалось лишением власти неугодного римлянам династа. При этом в ход пускались разнообразные приемы. Так, в 17 г. Тиберий заманил в Рим письмом своей матери престарелого царя Каппадокии Архелая, который был обвинен в сенате и окончил свои дни в столице империи[31]. Спустя два года, в 19 г., Тиберий также хитростью насильно доставил в Рим царя Фракии Рескупорида, приговоренного затем к изгнанию из царства[32]. Подобное вероломство применялось Тиберием, видимо, тогда, когда он хотел решительно вмешаться во внутренние дела зависимого царства — сменить там правителя или даже превратить страну в провинцию. В 14 г. такая политика на Боспоре была нереальна — только что получивший власть Тиберий испытывал немалые затруднения из-за восстаний легионов в Германии и Паннонии, развязывать конфликт на дальнем северо-востоке было бы крайне неразумно.

Тогдашнее положение в Риме позволяет даже поставить вопрос о том, кто был инициатором встречи. Для Тиберия боспорские дела в то время были, по-видимому, малозначащими. То обстоятельство, что Тацит в Анналах не отмечает переговоров Тиберия с Аспургом, позволяет думать, что в 14 г. боспорский вопрос не волновал в Риме никого. Иное дело взаимоотношения с империей для боспорского архонта, жаждавшего получить наследственный титул царя вместе с официальным признанием его прав[33] — ведь потомки Полемона могли выпросить в Риме царствование Боспором, как это произошло в действительности 24 года спустя. Энергичный и дальновидный политик, каким рисуют Аспурга надписи его царствования, должен был рассчитать, что появление его в Риме с подтверждением зависимости и изъявлениями дружеского расположения в трудный период начала правления Тиберия может ускорить признание его прав на Боспор. Контакт с Римом имел для Аспурга значение и в связи

[28] Tac. Ann., IV, 4—5.

[29] Tac. Ann., II, 68.

[30] О роли закавказских племен в римско-парфянской борьбе см. А. И. Амиранашвили (Болтунова). Иберия и римская экспансия в Азии. ВДИ, 1938, 4, стр. 161—172.

[31] Осторожный Тацит, рассказывая о кончине Архелая, не был уверен в его естественной смерти (Tac. Ann., II, 42).

[32] Tac. Ann., II, 64—67.

[33] Аспург тем более мог рассчитывать на благоволение Тиберия, что с самого начала он неуклонно признавал господство Рима, как показывают статеры, чеканенные им еще до 14 г. (А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 191—192).

со сложной внешнеполитической ситуацией в Северном Причерноморье — рост могущества соседних сарматских царств представлял немалую угрозу для Боспора. Недаром в I в. до н. э. в азиатской части государства возводится столько мощных крепостей [34]. Мощь сарматов ясно выступает в междоусобии сыновей Аспурга, когда римляне, поддерживавшие Котиса, смогли одержать верх лишь с помощью Евнона, царя Аорсов [35]. Меряться силами с такими соседями Боспор не мог уже во времена последнего Перисада. И в дальнейшем для того, чтобы отстоять себя, это сравнительно небольшое государство должно было искать сильных союзников на стороне. Такой внешней поддерживающей силой к началу нашей эры сумел стать Рим. Поэтому мы склонны полагать, что Аспург и сам искал встречи с Тиберием и отъезд из царства мог быть результатом его собственной дипломатической активности. Тиберию же инициатива Аспурга доставляла существенные преимущества, так как этот приезд позволял рассмотреть отношения с Боспором в наиболее выгодных для императора условиях и упрочить отношения с далеким соседом, не тратя на это никаких усилий, в особенности военных.

В силу изложенного выше нам представляется возможным оценить путешествие Аспурга как один из удачных дипломатических ходов боспорского правителя. Видимо, так же рассматривали это событие сам Аспург и его окружение, как позволяет заметить официальная боспорская терминология. Употребленный в рескрипте А термин ἀνάβασις имеет, наряду с точно отвечающим характеру поездки боспорянина в Рим значением «путешествие внутрь страны»,— путешествие из окраинных земель Средиземноморья в центр империи — и другое, значение, указывающее на какое-то движение вверх, восхождение; следовательно, путешествие могли связывать в Пантикапее с качественными изменениями, благоприятными для Аспурга. Действительно, некоторые уже известные факты успешной политики Аспурга становятся более ясными благодаря известию об этой поездке. Монетный чекан Аспурга позволил заметить, что он принял титул царя лишь в 14 г., когда это наименование вместе с обычными знаками подчинения Риму впервые появилось в легендах [36]. Примечательна быстрота, с которой происходили изучаемые события: Август умер 19 августа 14 г., и за оставшиеся четыре месяца Аспург получил царский титул и выпустил монеты с новым наименованием.

Теперь есть все основания полагать, что данный титул был получен Аспургом в Риме, где император и сенат официально признали право главы Боспора на царское звание. Как кажется, в Риме придавали большое значение церемонии получения местным правителем царских регалий из рук самого императора [37]. Вероятно, Аспургу пришлось пройти какую-то процедуру, знаменовавшую его подчиненность Тиберию.

Можно думать, что царственный боспорянин был вынужден завязать в Риме ряд политических знакомств, обеспечивавших ему поддержку приближенных принцепса и сенаторов, и что эти действия потребовали от него не только дипломатического умения, но и материальных затрат.

Как бы то ни было, встреча Аспурга с Тиберием положила предел той неопределенности, которая существовала последние три года на Боспоре, когда сын Асандра владел престолом своего отца, но не решался официаль-

---

[34] Н. И. Сокольский. Крепость на городище у хутора Батарейка-I. СА, 1963, № 1, стр. 179—191; его же. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху. Acta antiqua Philippopolitana Studia archaeologica. Serdicaé, 1963, стр. 19—25.

[35] Tac. Ann., XII, 15—21.

[36] А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 196. Отметим, что публикуемые документы 15 г. доставляют первые эпиграфические упоминания царского титула Аспурга.

[37] Например, в 66 г. Тиридат, разбитый Корбулоном, должен был, прибыв в Рим, всенародно преклонить колена перед императором, который, надев на него царский венец, тем самым собственноручно венчал его на Армению (Т. Моммзен. История Рима, V, М.— Л., 1949, стр. 355).

но принять титул царя. Промедление Аспурга, обусловленное, видимо, отсутствием санкции из Рима, еще раз напоминает о степени тогдашней зависимости Боспора от могущественной средиземноморской державы.

В связи с указанным обстоятельством вновь получает интерес наименование Аспурга до 14 г., когда он ставил на монетах монограмму , расшифровываемую Бурачковым как δήμαρχος — мнение, которое было отвергнуто Латышевым[38]. Для освещения данной проблемы весьма полезно интересное исследование Т. Иванова о фрако-римских политических отношениях[39], в котором автор объяснил один своеобразный маневр римской политики во Фракии. Здесь Тиберий лишил царского звания, заменив его титулом δυνάστης τῶν Θρακῶν, Рескупорида II, неугодного римлянам и в конце концов смещенного ими. Сын Рескупорида II, Реметалк II также именовался римлянами δυνάστης τῶν Θρακῶν в течение семи лет и лишь после того, как он оказал большую помощь Риму в 26 г. ему дали титул βασιλεύς. Проводившаяся во Фракии Римом политика промедления с признанием царского достоинства за местным правителем, вызывавшим опасения своей независимой политикой, могла иметь некоторые аналогии в римско-боспорских отношениях того же времени. Отсюда напрашивается предположение — не носил ли и Аспург титул δυνάστης, по крайней мере во внешнеполитических документах, до той поры, когда Рим утвердил его царем[40]. Возможно, что внимательное рассмотрение монограммы позволит нумизматам ответить положительно на данный вопрос.

Публикуемые рескрипты свидетельствуют, что уже в 15 г. Аспург именовал себя «другом римлян» — φιλορώμαιος[41]. Данный термин является переводом латинского выражения amicus populi Romani, как было указано Мюнстербергом[42]. Звание это являлось как бы первой ступенью в отношениях Рима с другим государством или лицом, следующие более тесные отношения определялись термином союзник (socius populi Romani). Обычно состояние дружбы устанавливалось специальным договором[43], причем в Риме имя «друга римлян» заносили в специальные списки — amicurum formula.

Нет оснований сомневаться в том, что титул «друга римлян» был дан Аспургу согласно существовавшей тогда римской дипломатической практике. Иными словами, можно с уверенностью говорить о заключении договора между Римом и Боспором, предусматривавшего их союз в форме amicitia[44]. Подготовка такого договора могла вестись и путем официальной переписки, но подписание его следует связать, как нам кажется, именно с изучаемой встречей Тиберия и Аспурга. Тогда-то боспорский царь и получил титул φιλορώμαιος.

Вопрос о содержании римско-боспорского договора о дружбе остается пока что неясным. Общие части акта, вероятно, были аналогичными другим подобным договорам. Нейманн отмечает, что обычно стороны обязывались не совершать враждебных актов друг против друга и препятство-

---

[38] В. В. Латышев. ПОНТІКА, стр. 107, прим. 2.

[39] Th. Iwanow. Die thrakisch-römischen politischen Beziehungen am Vorabend der römischen Herrschaft in Thrakien. «Studii Clasice», III, Bucureşti, 1961, стр. 93—98.

[40] В. В. Латышев высказал предположение, что Аспург мог именоваться архонтом, как и отец его (В. В. Латышев. ПОНТІКА, стр. 107). Однако от первых четырех лет (47—44 гг. до н. э.) правления Асандра, когда он носил титул архонта, до 10 г. н. э. внутриполитические идеи на Боспоре изменились так сильно, что вряд ли наименование архонта могло отвечать стремлениям взявшего тогда власть Аспурга.

[41] Этим званием Аспург именуется и в манумиссии от 16 г. (IOSPE, II, № 364).

[42] Е. С. Голубцова. Ук. соч., стр. 103.

[43] Neumann. Amicus populi Romani. RE, I, Stuttgart, 1894, стб. 1832. Важно заметить, что и в республиканский период amicitia представляла наиболее слабый вид союза, обеспечивавший главным образом частноправовую защиту союзников на чужой территории (В. М. Хвостов. История римского права. М., 1919, стр. 59).

[44] Уже Е. С. Голубцова отмечала, что Аспург «пришел к определенному соглашению» с римлянами (Е. С. Голубцова. Ук. соч., стр. 116), но форма соглашения автором не была названа.

вать третьему государству вредить им. Нужно думать, что третьей силой в данной ситуации могла быть Парфия, а также любое из соседних с Боспором варварских царств. Каковы были другие статьи римско-боспорского договора — сказать трудно. Несомненно, он содержал право гостеприимства и право посылать посольства. Но, как показывает договор о дружбе Рима с Карфагеном от 348 г. до н.э. или соглашение Рима с Антиохом III Великим в 188 г. до н. э., каждый такой акт содержал большое количество конкретных условий [45], иногда довольно обременительных для «друга римлян». Помимо политических обязательств, договоры о дружбе могли включать и экономические статьи. Но кроме догадок о наличии или отсутствии таковых в римско-боспорском договоре 14 г. нельзя сказать ничего. Однако надлежит заметить, что при Тиберии экономическая экспансия Рима в причерноморские области, по-видимому, несколько ослабела по сравнению с эпохой Августа — такой вывод подсказывает содержание монетных кладов [46]. Может быть, данное явление отражает тенденции общей экономической политики Тиберия, мало заинтересованного в развитии контактов с теми странами, где права римских коммерсантов не могли быть поддержаны оружием. Все же, вне зависимости от конкретного содержания договора Аспурга с Римом, этот акт, несомненно, предусматривал определенную степень подчинения Боспора могучей средиземноморской империи. Вместе с тем последующие войны Аспурга с соседями и усиление при нем Боспора позволяют думать, что условия этой зависимости оставляли достаточное поле для инициативы боспорского династа в местных северочерноморских делах. Во всяком случае, уже к 23 г. Аспург предстает успешным восстановителем прежних границ Боспора за счет соседних племен [47], не вызвав, по-видимому, неудовольствия Тиберия. Спустя некоторое время Аспург еще более упрочил связи с римским императором, так как в надписи Менестрата [48] боспорский царь именуется не только φιλορώμαιος, но и φιλόκαισαρ — amicus Cesaris. Отсутствие даты в посвящении Менестрата затрудняет хронологическое определение этого нового шага в боспоро-римском сближении. Однако на основании некоторого сходства формулы надписи IOSPE, II, № 36 и сохранившейся части надписи от 23 г. допустимо высказать предположение [49], что данное событие имело место где-то перед 23 г.

Вернемся, однако, к путешествию Аспурга. Точное указание надписи не оставляет сомнений в том, что он ездил к самому императору. В рассказе Тацита о первых годах правления Тиберия нет упоминаний о выезде императора из Рима или его окрестностей [50], так что Аспург, по всей

---

[45] Polyb., III, 24 и XXI, 45.

[46] В. В. Кропоткин. Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР. ВДИ, 1954, 3, стр. 152—180. На таблице «Период накопления и количественный состав кладов Восточной Европы и Закавказья» (стр. 158) указано девять кладов с монетами Августа и лишь один клад монет Тиберия.

[47] Об этом стало известно из обнаруженной в 1948 г. надписи на архитраве здания, посвященного в 23 г. Аспургу. См. В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг. МИА, 56, 1957, стр. 68—71.

[48] IOSPE, II, № 36.

[49] В надписи на архитраве издатель восполняет утраченную часть первой строки таким образом, что титулы «друг Цезаря и друг римлян» отнесены им к отцу Аспурга, Асандроху. Не отрицая возможности такого чтения, мы решаемся напомнить о том, что в безупречно сохранившемся посвящении Менестрата Асандрох именуется лишь царем, а эпитеты «друг Цезаря и друг римлян» приложены к самому Аспургу. Поэтому и в храмовом посвящении 23 г. вполне допустимо эти титулы отнести именно к Аспургу, тем более, что нам известно наименование Асандра лишь «другом римлян» (IOSPE, II, № 25). Тогда начало надписи на архитраве следует восполнять так: Βασιλεῖ μεγάλωι Ἀσπούργωι φιλορωμαίωι, τῶ[ι ἐκ βασιλέως Ἀσανδρόχου, φιλοκαίσαρωι καὶ φιλορωμαίωι], βασιλεύοντι κτλ. Ознакомившись с предлагаемым новым вариантом чтения, В. Д. Блаватский согласился с нами, отметив, что повторение титулов «друг римлян» и «друг Цезаря и друг римлян» в надписи Менестрата означает, что Аспург получал эти титулы двумя разновременными актами.

[50] Даже во время восстаний солдат Тиберий не хотел выезжать из Рима (Tac Ann., I, 47).

видимости, прибыл в столицу Римской империи еще осенью 14 г.,— в письме А, датированном 20-м числом месяца Дайсия (оно приходится на июнь 15 г. по юлианскому календарю [51]), об «анабасисе» говорится как о чем-то далеком.

Пребывание в Риме для Аспурга было важно не только установлением доброжелательных отношений с Тиберием. В столице огромного средиземноморского государства боспорский царь мог наблюдать политические институты нового для него типа власти — принципата, сочетавшего чисто римские установления с приемами, взятыми из практики эллинистических монархий [52]. Большой политический эффект, которого добился Август, не мог остаться незамеченным Аспургом. Успешность применения на римской почве ряда методов эллинистических царей должна была способствовать решимости Аспурга проводить аналогичные меры и в своем царстве.

Чрезвычайно ярким и выразительным шагом в этом направлении является введение прижизненного культа самого Аспурга, как известно из уже упоминавшегося посвящения, начертанного в 320 г. боспорской эры на архитраве пятиколонного храма [53]. Как справедливо отметил издатель надписи, документ позволяет заключить, что в столице Боспора обожествленному Аспургу было возведено небольшое святилище, наподобие храмов Августа. Последние были сооружены и в восточных провинциях и в самом Риме, где по окончании похорон Августа сенат постановил посвятить ему посмертно храм и воздать небесные почести [54]. Обожествление боспорского царя имело важное значение для подъема авторитета правителя Боспора и всего государства [55].

Указанная мера Аспурга могла явиться следствием стремления возродить традиции политики Митридата Евпатора, почитавшегося на Боспоре, как и в других его владениях [56], в образе Диониса [57]. Пока отсутствуют достаточные данные о сохранении культа Евпатора у боспорян после его смерти. Однако известно, что царица Динамия подчеркивала в официальной титулатуре свое происхождение от Митридата Евпатора Диониса [58]. Но, сохраняя культ Евпатора и много времени спустя [59], правители Боспора из его рода долго не решались провозгласить самих себя обожествленными. Примечательно даже то, что Аспург не сразу решился на возобновление культа царствующего правителя Боспора, что могло быть истолковано как некоторое противопоставление себя Риму [60]. Дата посвящения храма — 23 год — указывает, что боспорский царь предпринял этот решительный шаг почти одновременно с согласием Тиберия на постройку ему храма в Азии. Но если депутация от провинции Азии обсуждала с Тиберием вопрос о месте постройки его храма еще в 25 г. [61], то на Боспоре храм Аспургу воздвигли уже в 23 г. Относящееся к поздним годам правления царя торжественное посвящение его монументальной мраморной статуи

---

[51] DAGR, Calendarium.

[52] M. Hammond. Hellenistic Influences on the Structure of the Augustan Principate. «Memoires of the American Academy in Rome», XVII, 4, 1940, стр. 1—25.

[53] В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея..., стр. 68—71.

[54] Tac. Ann., I, 10.

[55] В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея..., стр. 71.

[56] M. Rostovzeff. SEHHW, I—III, Oxford, 1941, стр. 833—834.

[57] А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 187.

[58] IOSPE, II, 356. Та же формула с незначительными изменениями встречается в посвящении во здравие царицы Динамии, которое найдено в Керчи в 1957 г. и остается пока неопубликованным (см. А. И. Болтунова, Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 18, примеч. 34).

[59] Культ эллинистических царей насаждался прежде всего самими правителями, но, видимо, пускал не очень глубокие корни. Например, в Пергаме широко распространенный культ Атталидов прекратился вместе с исчезновением династии. E. V. Hansen. The Attalids of Pergamon. N. Y., 1947, стр. 426.

[60] В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея..., стр. 71.

[61] Tac. Ann., IV, 55—56. В том же году и Испания просила себе подобного разрешения (Tac. Ann., IV, 37).

наместником острова Менестратом[62] свидетельствует, что правящие круги Боспора ревностно возвеличивали своего обожествленного монарха. По-видимому, в данной политике происходило успешное слияние традиций местного иранского мира, рассматривавшего власть царя как данную богом[63], с эллинистическо-римской концепцией обожествления монарха. Наиболее парадное претворение второй тенденции Аспург наблюдал в Риме[64].

Обожествление Аспурга указывает прежде всего на усиление внешних черт самостоятельности Боспора, о которых говорил уже А. Н. Зограф[65]. Вместе с тем оно является результатом процесса внутренней консолидации государства, течение которого заметно еще слабо. Однако именно этот рост внутренней мощи Боспора должен был играть немалую роль в том, что Рим не решился ликвидировать боспорскую монархию и сохранил его статут зависимого царства.

Свидетельства рескриптов о внутренней истории Боспора будут рассмотрены в специальной статье.

---

[62] IOSPE, II, 36.

[63] М. И. Ростовцев. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. ИАК, 49, СПб., 1913, стр. 1—62.

[64] Правда, культ Августа был уже известен на берегах Понта — в Истрии соорудили храм Августа. D. M. Pippidi. Ein Augustus-Tempel in der Dobrudscha. JÖAI. XLIV, 1959, Beibl., 229—238.

[65] А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 191.

Р. М. ДЖАНПОЛАДЯН

ЛАБОРАТОРНАЯ ПОСУДА АРМЯНСКОГО АЛХИМИКА

Изучение армянских средневековых рукописей дает возможность установить, что алхимия в Армении была очень распространена и имела как практическое, так и прикладное направление [1]. Армянские алхимики ставили перед собой задачу выделения чистых веществ и изготовления из них лекарств, красок, химикатов и сплавов. Практически они совершенствовали технологию ювелирного дела, стекловарения, солеварения, дубильного дела и многих других ремесел. К этой цели приспосабливались и их лаборатории, которые были богато оснащены разнообразной химической аппаратурой [2]. В рукописях нередко упоминается оборудование и посуда, которые могут понадобиться алхимику при его работе.

Среди описываемой многочисленной разнообразной посуды из стекла и глины есть сосуды, которые носят название «яйцо», «армянское яйцо» или же «философское яйцо». Исследователь армянской алхимии Т. Т. Казанджян сравнивает их с круглодонной колбой, имеющей большое значение в лабораторной практике [3].

Однако сосуды, называемые «яйцом», по своей форме ближе к общеизвестным «сфероконическим сосудам». За последнее время в археологической литературе появилось много статей, посвященных сфероконическим сосудам. Основная часть исследователей приходят к общему выводу, что эти сосуды имели бытовое назначение, служили как тара для дорогостоящих жидкостей, лекарств, благовоний и др.

Очевидно, они имеются в виду в текстах двух средневековых армянских алхимических рукописей [4], описывающих технику изготовления сферических сосудов: «Возьми воск, сделай шарик с орех и для него сделай кафтан из философской глины и проколи его шилом, чтобы осталось на его месте отверстие, и поставь в огонь. Воск расплавится, и глина останется пустой. И налей внутрь ртуть и заделай отверстие».

Особое внимание следует обратить на совет «сделать кафтан из философской глины». Армянские алхимические трактаты сохранили несколько рецептов так называемой «философской глины» или «глины мудрецов». Это была крепкая и огнеупорная глина, которой покрывалась перед нагреванием стеклянная и керамическая посуда [5]. Очевидно, яйцеобразный сосуд, сделанный из такой крепкой огнеупорной глины (т. е. философской глины), и назывался «философским яйцом».

В приведенном выше рецепте описывается техника изготовления тех характерных глиняных сосудов, которые называют «сфероконическими».

[1] К. Г. Кафадарян. Алхимия в Армении в историческом прошлом. Ереван, 1940 (на арм. яз.).

[2] Т. Т. Казанджян. Очерки по истории химии в Армении. Ереван, 1955; E. J. Holmyard. Alchemical Equipment. A History of Technology, II, Oxford, 1957.

[3] Т. Т. Казанджян. Ук. соч., стр. 16. Все упоминаемые рукописи находятся в хранилище древних рукописей Армении (Матенадаран, Ереван).

[4] Рукопись № 2850, стр. 157а; № 6928, стр. 38а.

[5] Т. Т. Казанджян. Ук. соч., стр. 124—125.

Прием формовки и изготовления предметов с использованием восковой сердцевины применялся в Армении давно, еще с времен Урартского государства.

Однако большинство известных археологам сфероконических сосудов изготовлено не так, как описывает рукопись, а иными способами. Глиняные сосуды формовались путем ленточной или жгутовой техники. Стеклянные же и редко встречающиеся металлические отливались в специальных каменных формах [6]. Эти два способа несомненно были самыми распространенными и удобными для массовой продукции сфероконических сосудов, которые производились всюду. Одна такая мастерская для массового изготовления сфероконических сосудов была открыта в Оренкале (древний Байлакан IX—XI вв.) [7]. Сфероконические сосуды, так же как и другие керамические изделия, часто украшались разными штампами.

Способ изготовления, описанный в армянской рукописи, очевидно, применялся в самой лаборатории, так как алхимики, как рассказывают те же рукописи, предпочитали алхимическую посуду делать своими руками. Как известно, сфероконические сосуды имеют еще одно не менее распространенное название: «ртутные сосуды». Они назывались так не только потому, что в нескольких экземплярах этих сосудов была найдена ртуть [8], а по древней традиции как устной, так и письменной. Ведь приведенная выше цитата из рукописи заканчивается указанием: «...и налей внутрь ртуть и заделай отверстие».

В одной персидской рукописи XVI в., содержащей медико-фармакологический трактат Али ибн Хусейн ал-Ансари, на той странице, где автор пишет о ртути, ее особенностях, целебных или вредных качествах и о различных способах ее применения, дана иллюстрация к тексту, изображающая три именно сфероконических сосуда [9].

В другом средневековом трактате о технике и прикладной химии, написанной в XII в. Абуль-фазля Хобейша ибн-Ибрагим Тифлиси [10], при описании изготовления различных веществ упоминается сосуд, похожий своей формой на торанджи (померанц) или лимон, с суживающимся дном и узким горлом. Прав О. Л. Вильчевский, который считает, что эти сосуды, похожие на торанджи, и есть сфероконические сосуды, употреблявшиеся в качестве огнеупорной и герметической посуды. В частности, в этом трактате сосуды торанджи упоминаются при изготовлении киновари из ртути.

Таким образом, новые данные расширяют область применения сфероконических сосудов. Оказывается, они служили не только тарой для хранения и перевозки дорогостоящих жидкостей и, в частности, ртути, но и применялись как огнеупорная герметическая посуда в лаборатории химика.

Многие исследователи, описывая сфероконические сосуды, отмечают, что из этих сосудов жидкость не только трудно выливать, но также трудно было их наполнять через узкое отверстие в горле [11]. В литературе уже указывалось, что прямое отношение к наполнению сфероконусов имеют так называемые аламбики — стеклянные небольшие стаканчики с длинным хоботком [12].

---

[6] H. Seyrig. Sur certains moules trouves a Milat. «Journal of Glass Studies», I, New York, 1959, стр. 55—57; М. Станчева. Каменни калъпи за сфероконуси от София. «Археология». София, 1961, 1, стр. 22—27.

[7] Н. В. Минкевич-Мустафаева. К изучению ремесленного квартала города Байлакана. ИАН АзССР. Сер. общ. наук, 1959, 3, стр. 15—25.

[8] Б. В. Лунин. К вопросу о функциональном назначении сфероконических сосудов в связи с одним рукописным источником XVI в. Сб.: «История материальной культуры Узбекистана», 2, Ташкент, 1961, стр. 256, прим. 3.

[9] Б. В. Лунин. Ук. соч., стр. 259—260; М. Аминджанова. Средневековое стекло Мавераннахра. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1962, стр. 13.

[10] О. Л. Вильчевский. Сфероконические сосуды в переднеазиатском трактате по прикладной технологии XII в. СА, 1961, 2, стр. 210—212.

[11] H. Seyrig. Antiquités Syriennes, 75. Flacons? grenades? éolipiles? «Syria», XXXVI, 1959, 1—2.

[12] М. Т. Аминджанова. О некоторых стеклянных сосудах Мавераннахра. Сб.: «История материальной культуры Узбекистана», 2, стр. 248—253.

Армянские алхимические трактаты упоминают несколько разновидностей аламбиков или, как они их иногда называют, ламбиков. В некоторых рукописях помещались очень примитивные, но вполне понятные изображения этих сосудов. В рукописи № 2527 [13] в главе «о видах и формах посуды» автор пишет: «О сосудах знай; есть сосуды, которые называются ламбик с клювом или трубкой... ламбик с трубкой необходим при испарении. ...сосуд, который называется аламбик, надо ставить на тыкву (котел),

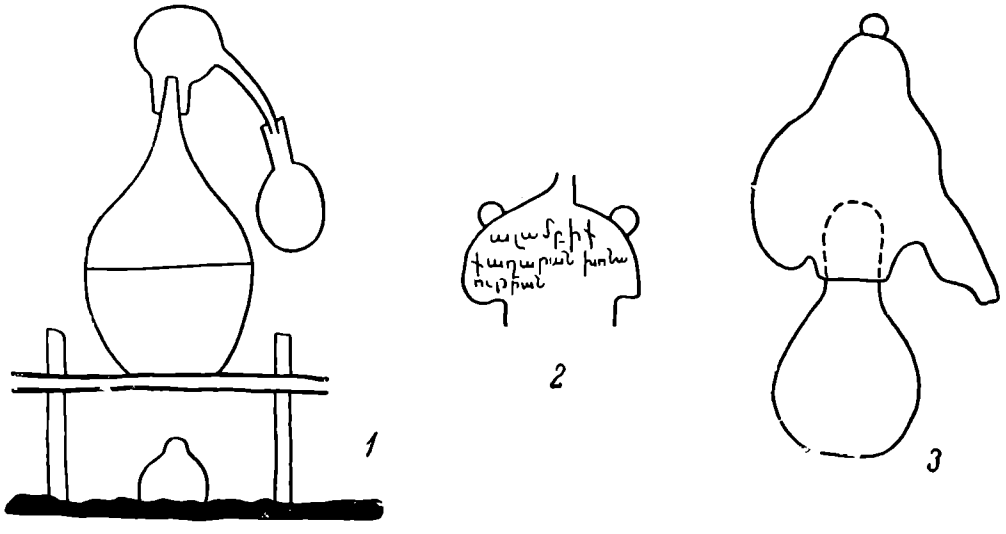


Рис. 1

1 — дистилляционный аппарат. Рисунок в древней армянской рукописи. Матендаран (№ 3204); *2* — сосуд с надписью «аламбик, собиратель влаги». Рисунок в древней армянской рукописи. Матенадаран (№ 6928); *3* — дистилляционный аппарат. Рисунок в древней армянской рукописи. Матенадаран (№ 493)

а к трубке-хоботу приставить склянку». Соответствующее этому описанию изображение мы имеем в рукописи № 3204 [14] (рис. 1, *1*): «...еще необходимо знать, что сосуды, которые называются аламбик, бывают четырех видов: аламбик с клювом, аламбик с открытой трубкой, аламбик, который имеет трубку узкую и длинную, и аламбик с куполообразной тыквой, который необходим при испарении (дистилляции), аламбик с вогнутым стаканом, куда вливается то, что растворяется...» [15]. В другой рукописи мы читаем: «Множество приборов у химиков, во-первых „иплыхн", нижняя часть которого похожа на тыкву, а верхняя на стакан» [16]. В рукописи № 6928 на стр. 32б нарисован аламбик немного иной, чем предыдущие, с отверстием в верхней части и с ручками (рис. 1, *2*), а внутри написано: «аламбик, собиратель влаги».

В некоторых описаниях аламбики показаны как часть дистилляционного аппарата. Причем армянским алхимикам было известно несколько типов этого аппарата разной сложности конструкции. Так, в рукописи № 3204 имеется приведенное нами на рис. 1, *1* изображение только дистилляционного аппарата без описания, а в текстах двух других рукописей [17] есть описание этого аппарата без иллюстрации, называемого «очиститель-испаритель». Привожу описание: «Сосуд, который называется очиститель и испаритель... имеет куполообразную крышку, нижняя часть этой крышки круглая, размера краев сосуда, расположенного ниже. Край крышки устро-

---

[13] Матенадаран № 2527, стр. 56.
[14] Т. Т. Казанджян. Ук. соч., стр. 102.
[15] Рукопись № 2527, стр. 57а.
[16] Т. Т. Казанджян. Ук. соч., стр. 106.
[17] Армянский текст из рукописи № 8446 издан К. Г. Кафадарян. Ук. соч., стр. 150—151. Текст из рукописи № 2527, стр. 32; Т. Т. Казанджян. Химическая аппаратура и лабораторная техника по армянским рукописям. Сб. трудов Матендарана, 2, 1950, Ереван, стр. 8.

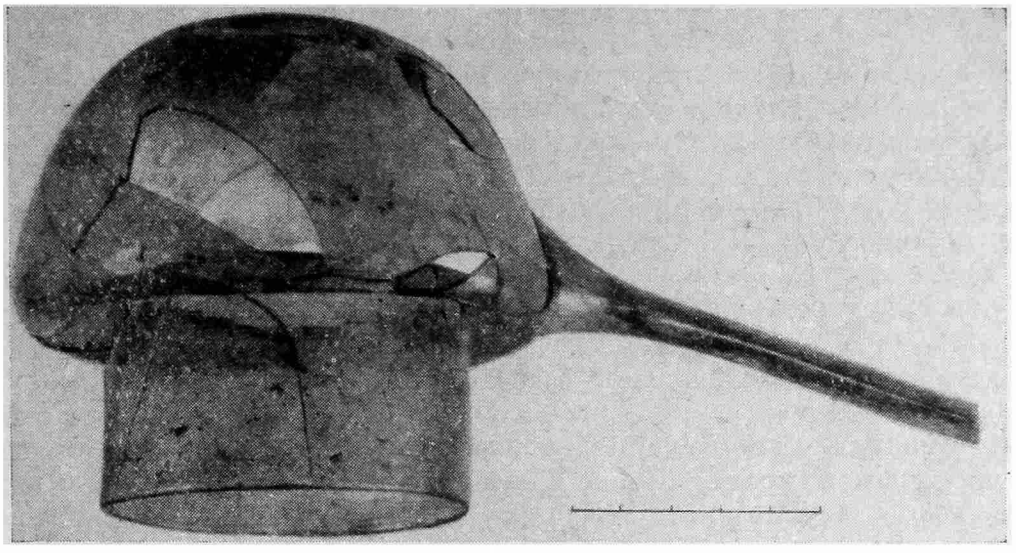


Рис. 2. Стеклянный аламбик. Двин. XI в. Гос. исторический музей Армении

ен так, чтобы он легко входил в углубленный край нижерасположенного сосуда. Сосуд этот носит название — изолятора очистителя (дистиллятора). Края изолятора изогнуты внутрь, дабы принимать и задерживать влагу, образующуюся от тепла, подымающегося к потолку изолятора. От этого изогнутого края отходит носик и направляется вниз; через этот носик спускается вода, и воду эту я собирал в стеклянный сосуд. Прибор этот устроен так, как сосуд для приготовления розовой воды» [18].

Более простой дистилляционный аппарат, но с хорошо изображенным аламбиком, нарисован в рукописи № 493 на отдельном листе между стр. 218—219 [19] (рис. 1, *3*).

К сожалению, алхимические рукописи в своей основной массе сохранились в поздних списках XVII—XVIII вв., но, как установлено, все они переписаны с более древних рукописей. О существовании армянской алхимической литературы имеются сведения начиная с XIII в. [20]

Для уточнения рукописных данных мы можем обратиться также к археологическому материалу. В коллекции стеклянных предметов из средневекового армянского города Двина в материалах X—XI вв. встречаются аламбики двух разновидностей.

Первый вид (рис. 2 и 3, *1—3*): сосуды из прозрачного бесцветного тонкого стекла, края куполообразного резервуара в серединной части вогнуты, образуя глубокую складку — ниже складки стенка переходит в цилиндрический стакан с прямыми краями от желобка, образованного складкой между резервуаром и прямым стаканом начинается длинный узкий хоботок [21]. Аналогичные этим двинским аламбикам сосуды (VI—XI вв.) были найдены в Египте, Иране [22] и в Средней Азии [23].

Приведенные аламбики полностью соответствуют тем сосудам, которые алхимики употребляли для дистилляции без особо приспособленного холодильника.

Аламбик ставился на сосуд, в котором находилось исходное вещество, а хоботок его соединялся с приемником (как на рис. 1, *1*). Котел с вещест-

[18] Т. Т. Казанджян. Очерки по истории химии в Армении, стр. 104.
[19] Там же, стр. 106.
[20] Там же, стр. 68.
[21] Все вещи из раскопок Двина хранятся в Гос. историческом музее Армении. Инв. №№ 1917—362, 2197—267, 2197—268.
[22] C. I. Lamm. Das Glas von Samarra. Berlin, 1923.
[23] М. Т. Аминджанова. О некоторых стеклянных сосудах..., стр. 249, рис. 2; А. А. Абдуразаков, М. А. Безбородов, Ю. А. Заднепровский. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1963, стр. 131—133.

вом нагревался на открытом пламени, пары поднимались в аламбик, соприкасаясь с куполом резервуара, охлаждались, и капли жидкости собирались в желобке и стекали через хоботок в приемник.

Эти приборы или подобные им не имели лишь узко лабораторное назначение, они широко применялись и в быту. Автор приведенного выше химического трактата указывает, что подобным способом были устроены и аппараты для получения розовой воды. А розовая вода, как известно, имела широкое употребление в косметике и медицине не только у местного населения, но была также предметом широкой торговли. В связи с этим мы снова возвращаемся к вопросу о применении сфероконических сосудов.

Во-первых, сфероконические сосуды, которые, как уже известно, бывали разных размеров, в некоторых случаях могли служить в дистилляционном аппарате вместилищем исходного вещества. В другом случае они могли быть приемниками, в особенности если дистилляции подвергались легкоулетучивающиеся вещества (как розовая вода или вещество с ядовитыми парами, наподобие ртути). Нелишне отметить, что соединение розовой воды с ртутью в средние века считалось лучшим средством против рожистых заболеваний и для уничтожения насекомых. Для приготовления данного эликсира сфероконический сосуд мог играть роль приемника дважды — при возгонке розовой воды и еще раз при получении ртутных паров. Таким образом, сфероконус кроме тары для перевозки мог стать реактором, где без ущерба для того и другого вещества могли соединяться сразу составные части эликсира.

Двинская коллекция стекла имеет еще второй, более простой тип аламбика (№ 1543—526, 2243—320, 2243—323). Это маленькие стаканчики (высотой 6—6,5 *см*) из тонкого прозрачного стекла с круглым дном, узким хоботком, направленным не вверх, как в первом типе, а вниз от открытого края (рис. 3, *4—6*). Пять экземпляров подобных аламбиков, найденных в Средней Азии, хранятся в отделе Востока Гос. Эрмитажа (№ СА 2416, 2430, 2435, 2436, 2437 коллекции Б. Н. Кастальского). Эти сосуды сделаны из более толстого стекла, чем двинские, стекло прозрачное с зеленоватым оттенком. Четыре из них приблизительно одного размера (высотой 4—4,5 *см*), только один немного выше 6,5 *см*. Изготовлялись они путем дутья. На всех экземплярах сохранился грубый след понтия. Хобот прикреплялся отдельно еще в горячем состоянии. У этих аламбиков верхней частью следует считать открытый край, так как во всех известных случаях у этих стаканчиков хоботок имеет наклон от края книзу. Они, очевидно, служили

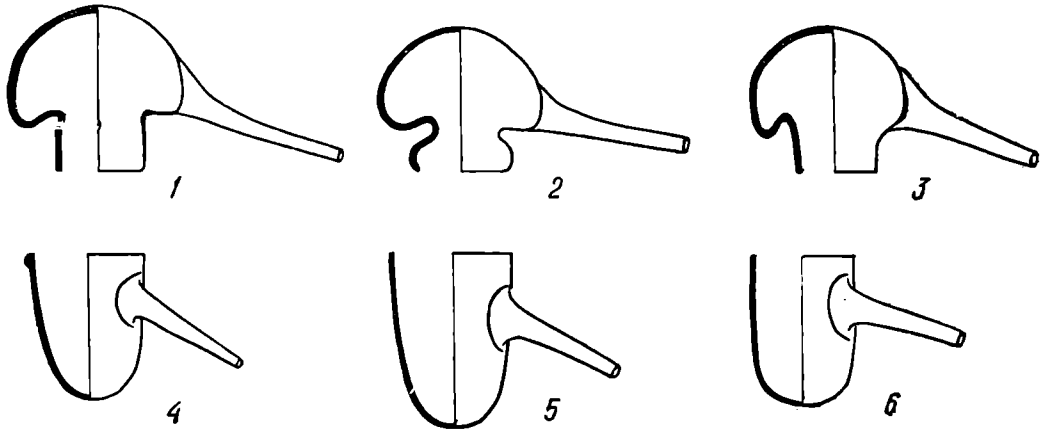


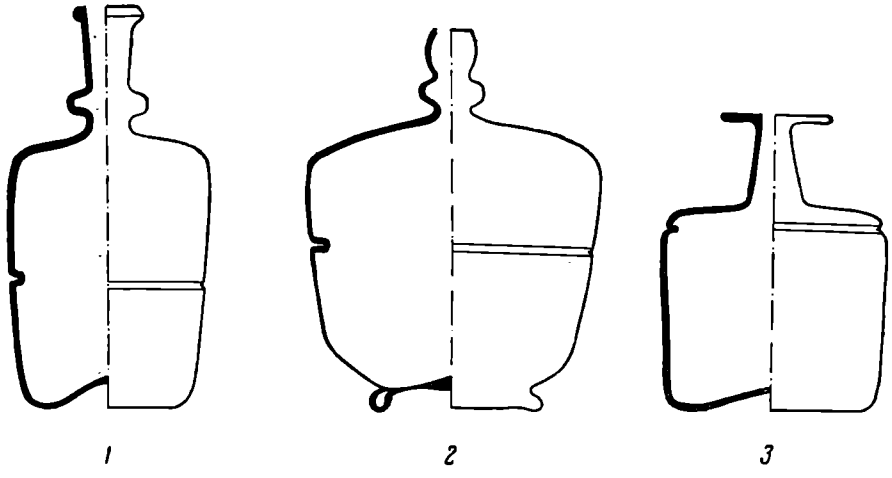
Рис. 3. Аламбики из раскопок Двина. XI в. (реконструкция)

для наполнения жидкости в сосуды с узким горловым отверстием, которыми могли быть сфероконические сосуды или другие подобные флаконы. Аламбики служили, очевидно, главным образом не для обыкновенных жидкостей, а для вливания различных масел. Практически, видимо, это выглядело так: в аламбик наливали масло в нужном количестве, а затем воду.

Масло поднималось вверх и с легкостью, без потерь переливалось через хобот в сосуд.

К. Ламм, издавая несколько подобных сосудов, найденных в Египте, Ираке, Персии, датирует их VI—X вв. и, основываясь на одной миниатюре багдадской школы XIII в., считает их сосудами для кровопускания [24].

Территориальные и хронологические рамки распространения описанных аламбиков велики. Они встречаются в археологических коллекциях



1 *2* *3*

Рис. 4. Стеклянный сосуд для декантации

1 — Двин; *2* — Новогрудок; *3* — Средняя Азия (реконструкция)

из Египта, Ирака, Персии [25], Закавказья, Средней Азии [26], начиная с VI в. и особенно часто в IX—XI вв., но время их бытования, вероятно, можно еще более расширить.

Важно отметить, что распространение аламбиков и по территории и по времени совпадает со сфероконусами. Аламбики были необходимыми предметами в лаборатории алхимика и несли различные функции.

Таким образом, совместное изучение археологического материала и данных рукописей дает возможность установить, что сфероконические сосуды, кроме их широкого распространения в быту, служили и как огнеупорная герметическая посуда в лаборатории алхимика. В аппаратуре химической лаборатории существовала также специально приспособленная посуда для наполнения сфероконусов жидкостью, так называемые аламбики, которые также употреблялись и в быту.

В двинской коллекции стеклянных предметов есть еще один сосуд, который тоже можно причислить к химическо-лабораторной посуде. Это небольшая (высотой 22 *см*) бутыль из прозрачного с зеленоватым оттенком стекла (№ 2121—132). Горловина бутыли имеет в нижней части сферическое утолщение (рис. 4, *1*). Сосуд имеет одну необычную деталь, а именно, небольшой (шириной 1 *см*) выступ посредине внутренней стенки, идущий по всей окружности. Он образован складкой, полученной при выдавливании с внешней стороны. Аналогии этому сосуду в литературе найти не удалось. Однако среди неопубликованных коллекций стекла имеются еще два таких сосуда.

Первый из них был найден в 1959 г. в Новогрудке (Белорусская ССР) в слое XII в. Эта бутыль с шаровидным туловом, с донцем. Горловина со сферическим утолщением и внутренний выступ по окружности одинаковы с двинским сосудом (рис. 4, *2*).

---

[24] C. I. Lamm. Mittelalterliche Gläser und Steinschmittarbeiten aus dem Nahen Osten. Berlin, 1930, табл. I, *13, 14, 16*.

[25] C. I. Lamm. Glass from Iran in the National Museum. Stockholm, 1935, табл. 15, *a, b, c*.

[26] М. Т. Аминджанова. О некоторых стеклянных сосудах..., стр. 251, рис. 5.

Второй сосуд происходит из коллекции Б. Н. Кастальского [27], собранной в Средней Азии. От него сохранилась лишь половина. Сосуд (высотой около 15 *см*) по форме туловища и горла отличается от приведенных выше, но у него также имеется внутренний круговой выступ, помещенный, однако, не в средней части стенки, а у верхнего его края, почти сразу под плечиками (рис. 4, *3*).

Таким образом, мы имеем три сосуда, необычных по форме, но схожих друг с другом по конструкции внутренней стенки, найденных в отдаленных друг от друга пунктах (Армения, Белоруссия, Средняя Азия).

По всей вероятности, они также принадлежали к посуде алхимиков и служили для декантации, т. е. сцеживания жидкости с оставлением в сосуде осадка.

Выступ внутри сосуда и сферическое расширение в горле могли служить для задержки осадка при сливании жидкости, причем расширение в горле было уже второй преградой для осадка. В эрмитажном сосуде второй преградой могло служить дискообразное устье.

Двинский и новогрудский сосуды датируются XI—XII вв., очевидно, к этому времени можно отнести и среднеазиатский.

Т. Т. Казанджян, очень подробно изучивший древнеармянские алхимические рукописи, пишет, что иногда встречаются несоответствия описания какого-либо аппарата с его изображением. Это обстоятельство он объясняет тем, что переписчик, обычно бывший сам алхимиком, переписывая текст трактата, считал своим долгом остаться верным каждому слову, но считал себя свободным в изображениях аппаратуры и старался старому описанию придать изображение того прибора, которым пользовался сам [28].

Сравнивая археологический материал IX—XII вв. с данными рукописей XVI—XVII вв., мы видим очень большое совпадение описаний в рукописях с предметами из раскопок, что свидетельствует об устойчивых ремесленных традициях средневековой алхимии.

---

[27] Гос. Эрмитаж Э $\frac{\text{СА}}{2186}$. Точное место находки не указано; возможно, Самарканд.

[28] Т. Т. Казанджян. Ук. соч., стр. 101.

А. В. ГАДЛО

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ТМУТОРОКАНСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ПРИАЗОВЬЯ

В 1950 г. в Краеведческий музей г. Таганрога поступила двусторонняя каменная иконка с русскими надписями, случайно найденная на Азовском побережье в районе Золотой косы. Эта иконка, до настоящего времени не опубликованная, заслуживает самого тщательного изучения, так как является оригинальным образчиком мастерства рядового русского ремесленника-камнереза и в то же время представляет собой своеобразный памятник древнерусской эпиграфики [1] (рис. 1).

Иконка имеет диаметр 40 *мм*, а толщину 8 *мм*. Она выточена из мыльного камня (сапонит). Обе несущие изображения плоскости обрамлены по краю узким валиком, слегка возвышающимся над рельефом, и служили для укрепления камня в оправе. Вероятнее всего, иконка была нательным образком-оберегом, и на ней изображены с одной стороны святой патрон ее владельца-заказчика, а с другой — патрон его отца.

Изображения святых выполнены в невысоком, довольно плоском рельефе. Контуры фигур старательно отделены от фона сильным, глубоким нажимом резца. Этим приемом подчеркивается рельефность фигур. Везде, где мастер не может использовать технику выемки по причине хрупкости материала и вследствие очень небольшой величины изображений, он обращается к графике. Отдельными неглубокими штрихами он передает кисти рук, орнаментацию и складки одежд, подправляет лица, волосы и бороды святых. Графически исполнены надписи, поясняющие изображения.

Сохранность иконки удовлетворительна, несмотря на то, что она сильно потерта (в основном пострадали рельефные изображения святых, главным образом их лица).

На одной стороне образка дано фронтальное изображение святого в полный рост, помещенное между двумя колонками букв:

слева от фигуры О
А
Н О
S
справа О
Л (?)
К
С А

Последнее слово, возможно, несколько пострадало. На месте выбоинки рядом с Л могла находиться буква, обозначавшая гласный, который, кажет-

[1] Приношу глубокую благодарность директору Таганрогского краеведческого музея Л. Т. Тоценко и сотруднику музея Н. Д. Праслову за разрешение публиковать этот памятник и за помощь в работе над ним. Пользуюсь случаем также принести благодарность А. В. Банк за ценные консультации.

Рис. 1. Каменная иконка Таганрогского музея (увеличено)

1 — лицевая (условно) сторона иконки с изображением св. Алексея; *2* — оборотная (условно) сторона иконки с изображением св. Феодора

ся, требуется между Л и К. Здесь могло стоять либо Е, либо Ь. Однако этот гласный мог и отсутствовать, подобно тому, как отсутствуют начертания гласных между Ф, Д и Р в имени святого на оборотной стороне иконки.

Святой ОЛ (?) КСА (рис. 1, *1*) представлен в молитвенно-благоговейной позе оранты: кисти рук прижаты к груди, ладони простерты вверх. Удлиненный овал его лица обрамлен ниспадающими на плечи волосами. Резчик старательно подчеркивает отдельные пряди волос, выбивающиеся из общей массы, и разделяющий их прямой пробор. У святого высокий открытый лоб, большие глаза, широкий прямой нос, длинные свисающие вниз усы и узкая, до пояса борода. Он одет в широкую и длинную, стянутую в талии исподь, украшенную по подолу орнаментальной каймой. Выше подола графически намечены крупные складки ниспадающей вниз ткани. Стопы его босых ног направлены влево, что никак не согласуется с фронтальностью фигуры. Но, возможно, это объясняется неудачной попыткой резчика дать фигуру в повороте на три четверти [2].

Имя святого — ОЛ (?) КСА — соответствует древнерусскому произношению греческого Алексиос (Алексей). В памятниках древнерусской письменности это имя встречается с начала XII в., причем форма близка к первоначальной греческой форме Алексий (Олексѣй), сохраняется главным образом, для наименования лиц нерусского происхождения: «кур Олексий» [3], «царь Алексий» [4], «Олексѣй Человек Божий» [5]. Для лиц русского происхождения, напротив, обычна форма Алекса, Олекса, Олькса, очевидно, соответствовавшая современному народному произношению [6].

В древнерусских месячных минеях значится лишь один святой по имени Алексий, а именно, Алексий Человек Божий [7], популярный в Восточной и Западной церкви аскет, живший на рубеже IV—V вв. Его культ получил особенно широкое распространение с X в. Однако в иконографии образ

---

[2] Такое положение фигуры обычно для иконографии св. Алексея. Н. П. Кондаков. Иконы синайской и афонской коллекций преосвященного Порфирия, издаваемые в лично им изготовленных 23 таблицах. СПб., 1902, стр. 7—9, табл. IV.

[3] Ипатьевская летопись. ПСРЛ, II, СПб., 1843, 6624 (1116), 6625 (1117) гг.

[4] Лаврентьевская летопись. ПСРЛ, I, СПб., 1841, 6624 (1116), 6626 (1119) гг.

[5] Указатель к осьми томам полного собрания русских летописей, 2. СПб., 1868, стр. 13.

[6] Там же, стр. 13—17.

[7] И. И. Срезневский. Древнерусский календарь по месячным минеям XI—XIII вв. СПб., 1872, стр. 145.

этого святого встречается сравнительно редко, и в этом смысле наша иконка является памятником уникальным [8].

Иконографический тип св. Алексея на нашей иконке сходен с иконографическим типом Иоанна Предтечи, одного из наиболее популярных в христианском искусстве евангельских персонажей. Это сходство не является случайным, напротив, оно свидетельствует о том, что мастер-резчик подражал образцу, который отвечал канонам византийско-русской иконографии [9]. Русские иконописные подлинники XVI—XVII вв. прямо указывают, что св. Алексей «образом, брадою и власами, аки Иоанн Предтеча» [10]. На памятниках более раннего времени мы сталкиваемся с простым замещением св. Алексея Иоанном Предтечей, как например, на моливдовуле константинопольского патриарха Алексия (начало XI в.) [11].

Совокупность отдельных деталей, особо выделенных мастером при моделировке лица и волос святого, приводит нас в поисках художественного прототипа к памятникам византийской пластики XI—XII вв. Те же черты лица, подчеркнутые на нашем памятнике особо энергичным нажимом резца, мы находим в изображении Иоанна Предтечи на костяной пластинке X—XI вв. из собрания Эрмитажа [12] и на великолепной резной панели XI—XII вв. из коллекции музея Виктории и Альберта в Лондоне [13]. Для иконографии св. Алексея Предтечи характерен также поворот фигуры влево в три четверти (или менее), обычный в деисусной композиции.

Однако ряд деталей отдаляет изображение св. Алексея на нашей иконе от его иконографического прототипа. Чрезвычайно длинная и узкая борода святого напоминает изображения святых аскетов на мозаиках церкви монастыря св. Луки в Фокиде (X—XI вв.) [14] и изображение св. Петра на миниатюре того же времени в евангелии Синайского монастыря [15]. Богато орнаментированное одеяние святого подобно исподи св. Давыда-Глеба на тмутороканской иконке в коллекции Исторического музея в Москве [16]. Эта деталь свидетельствует об известной вольности мастера, очевидно, не искушенного в сложных частностях житийной литературы.

Св. Алексей обычно изображается в коротком рубище или власянице, которые более подобают аскету, покровителю нищих, странников и калик, чем роскошная княжеская исподь [17].

---

[8] L. Réau. Iconographie de l'art chrétien. III, Paris, 1959, стр. 52—54; В. Успенский, Н. Воробьев. Лицевое житие св. Алексея Человека Божия. СПб., 1906, стр. II, примеч. 4.

Иконка X в. из слоновой кости, изображающая св. Алексея, имеется в собрании музея Кастельвеккио в Вероне. Святой изображен со свитком в руках, в длинной исподи и пелерине. A. Goldschmidt, K. Weitzmann. Die Byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X—XIII Jahrhunderts, II. Berlin, 1934, табл. II (8a). Его облик сходен с изображением св. Алексея на мозаике в соборе в Монреале. D. Gravina. Il duomo di Monreale. Palermo, 1859, табл. CLXXXVII, *26 — d.*

[9] A. Didron. Manuel d'iconographie chretienne grecque et latine. Paris, 1845, стр. 336.

[10] Г. Филимонов. Описание памятников церковного и гражданского быта русского музея П. Коробанова. М., 1849, стр. 12.

[11] G. Schlumberger. Sigillographie de l'Empire Byzantine. Paris, 1874, стр. 126—127.

[12] А. В. Банк. Искусство Византии в собрании Гос. Эрмитажа, Л., 1960, табл. 71—72; Л. А. Мацулевич. Византийские резные кости собрания М. П. Боткина. Сборник Гос. Эрмитажа, 2, Л., 1923, стр. 51 сл., табл. III, *1.*

[13] O. M. Dalton. Byzantine Art and Archaeology. Oxford, 1911, стр. 232, рис. 142. В качестве аналогии можно привести также большое количество резных на кости изображений Иоанна Предтечи в монументальном собрании византийской резной кости, изданном А. Гольдшмидтом и К. Вайтцманном. A. Goldschmidt, K. Weitzmann. Ук. соч. Иконография Иоанна Предтечи разобрана в указанной выше (примеч. 12) работе Л. А. Мацулевича.

[14] G. Schlumberger. L'epopée byzantine a la fin du dixieme siecle, Paris, 1905, ч. I, стр. 727; ч. II, стр. 93.

[15] G. Schlumberger. Ук. соч., ч. I, стр. 641.

[16] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М.— Л., 1948, стр. 425—427, рис. 117.

[17] A. Didron. Ук. соч., стр. 336; L. Réau. Ук. соч., стр. 52—54.

На другой стороне описываемой нами иконки (рис. 1, *2*) резчик поместил часть сюжетной композиции, выделив ее вторым рельефным валиком, который местами расширяется в глубь медальона и образует подобие схематически переданного пейзажа.

Фигура святого посреди медальона устремлена вправо, правая нога его выставлена вперед, руки воздеты кверху и принимают предмет (судя по иконографическим параллелям, мученическую стемму), который протягивает ему справа сверху десница Христа (или Богородицы) [18]. Сильно запрокинутая назад голова святого повернута на три четверти в сторону зрителя. Святой представлен немолодым. У него большие, широко раскрытые глаза, прямой длинный нос, подстриженные в скобку волосы, усы и небольшая овальная борода. Одежда святого, очевидно, включала гиматий, левая пола которого при данной постановке фигуры должна была свободно свисать спереди. Этот свободно свисающий край гиматия под неумелым резцом ремесленника придал фигуре святого комическую гротескность и наивность, усугубленные несоразмерно большими кистями рук и несоразмерно маленькими босыми ножками с большими кривыми ступнями. Изображение настолько примитивно и архаично, что невольно напрашивается сравнение с фигурками на серебряной обкладке турьего рога из Черной могилы [19].

Свободная часть поля справа от фигуры, заполнена надписью:

О
А Н О
SФ
Д,

а слева от фигуры:

РО

Тесное размещение знаков и пропуск гласных в начертании имени святого, очевидно, навязаны композицией образца. Подобный пропуск гласных встречается на русских печатях, где мастер-резчик также был стеснен канонами христианской иконографии.

Обычное для памятников этого рода сочетание греческого ὁ ἅγιος с русским именем святого дополняется здесь «наивным» грецизмом в написании самого имени Ф(ео)Д(о)РО окончание О, подобно Марко, Акимо, Иевано и т. д. на фресках в церкви Спаса-Нередицы [20].

Сюжет и композиция нашего медальона широко распространены в византийской иконописи и пластике XI—XII вв. Особенно часто встречаются парные композиции с фигурами святых воинов-мучеников. Построение фигуры св. Феодора на нашем памятнике поразительно сходно с построением фигур святых Феодоров Стратилата и Тирона на иконе из собрания Порфирия Успенского, которую Н. П. Кондаков по аналогии с эмалевой иконой распятия из Мюнхена датировал XI—XII вв. и считал «произведением константинопольского мастерства» [21]. Та же иконографическая схема с характерно запрокинутой вверх головой обычна для изображений предстоящих донаторов (князь Ярополк на миниатюре в Трирской псалтыри) [22] и для некоторых фигур в композициях Евхаристии (Иоанн Богослов на мозаике в Софии Киевской) [23].

---

[18] N. Izmajlov. Une stéatite byzantine du Musée de Chersonese. L'art byzantin chez les slaves. V, ч. II, Paris, 1932, стр. 35—48, рис. 22. В работе приводится тщательный иконографический разбор подобных композиций.

[19] Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. Сб.: «История культуры древней Руси», II, М.— Л., 1951, стр. 413, рис. 200.

[20] М. И. Артамонов. Мастера Нередицы. НИС, 5, Новгород, 1939, стр. 35.

[21] Н. П. Кондаков. Ук. соч., стр. 10—13, табл. VI; Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания. Атлас, I, СПб., 1906, табл. XX, *40*.

[22] Н. П. Кондаков. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах X в. СПб., 1906, табл. I и VI.

[23] В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, табл. 37.

Из византийской иконографии эта схема была заимствована русскими ремесленниками. В качестве примера можно указать серебряный мощевик с изображением святых Флора и Лавра [24].

Изделия византийских художников-камнерезов XI—XII вв. в большом количестве доставлялись в Киев, Поднепровье, Херсонес. Образцом для нашего мастера могла послужить стеатитовая иконка, подобная иконке XII в. с изображением Феодора Стратилата, фрагмент которой, найденный в Херсонесе, издан Н. Измайловой [25].

Установление иконографических прототипов для изображений святых на нашем памятнике позволяет возводить его к произведениям византийской пластики XI—XII вв. При этом следует отметить, что мастер работал по двум различным образцам, из которых один в большей (св. Феодор), а другой в меньшей степени (св. Алексий) отходят от иконографического оригинала.

Вряд ли можно сомневаться в том, что изображения и надписи выполнялись одним и тем же мастером, который был весьма заурядным резчиком и в то же время великолепным писцом. Начертания отдельных знаков в разных словах характеризуются замечательным постоянством, выдающим руку умелого каллиграфа.

Перед нами памятник уставного письма XI—XII вв. [26] Знаки размещены ровными колонками или перпендикулярно мысленной строке на равном расстоянии друг от друга, они состоят из четких прямых линий и правильных округлений [27].

Это подтверждает выводы, сделанные в результате иконографического анализа.

Для более точной датировки обратимся к детальному разбору начертаний отдельных знаков. Материалом для такого разбора являются начертания 11 знаков древнерусского алфавита, причем лигатура Ꙗ дает представление о начертании двух знаков: Г и Н.

Буква А, которая встречается в надписях трижды, несмотря на некоторые колебания в рисунке отдельных знаков, во всех случаях однотипна. Она писалась в четыре приема и состоит из двух широко расставленных стержней; правого, почти перпендикулярного воображаемой строке, и левого, слегка наклонного вправо,— которые перекрыты горизонтальной чертой, выходящей вправо за пределы знака; левый наклонный стержень соединен с горизонтальным накрытием дугообразной кривой, отсекающей от него около трети книзу и делящей горизонтальную черту почти пополам. Буква оригинальна по своему рисунку и необычно широка. Ее форма приближается к форме квадрата, что является признаком, характерным скорее для письменности XI, чем XII в. [28] Своеобразное начертание буквы А отчасти может быть объяснено особенностями материала: резец вместо пера, камень вместо пергамена.

Широкое А с накрытием встречается в древнерусских надписях на каменных иконках [29], на византийской резной кости [30] XI—XII вв., на ранних новгородских берестяных грамотах [31], среди различных начертаний того же

---

[24] Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура, стр. 429, рис. 212.

[25] N. Ismajlov. Ук. соч., стр. 46—48.

[26] Пользуюсь случаем поблагодарить научного сотрудника Гос. Эрмитажа М. П. Сотникову за консультацию по вопросам палеографии.

[27] Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 151—152.

[28] Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 152; В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918, стр. 92—94, 97—98.

[29] Кресты и образки, ДП, V, Киев, 1899, табл. XXXVII, *1302, 1303;* Древности русские, 2. Киев, 1900, табл. XXVII, *305(6).*

[30] A. Goldschmidt, K. Weitzman. Ук. соч., Например, табл. XXVI (66a).

[31] А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. М., 1953, стр. 38—42. В грамоте № 9 («Письмо от Гостяты к Василью») знак А в слове ДАЯЛЪ кроме характерного горизонтального накрытия имеет и очень высоко поднятую перекладину, рассекающую левый наклонный стержень.

знака в граффити XI в. на штукатурке в Софии Киевской[32]. Правда, на новгородских берестяных грамотах широкое А с накрытием встречается и позднее, в XIII в.[33], однако наиболее сходные начертания характерны для грамот XI—XII вв. Любопытно, что близкое по рисунку начертание знака А встречается на памятниках, близких к нашей иконке по месту находки: на упомянутой выше тмутороканской иконке Давида-Глеба (XI в.) и на мраморной плите с надписью о смерти зодчего Иоанникия (1078)[34].

Оригинальность начертания знака А, очевидно, объясняется не только спецификой материала и особенностями почерка резчика-писца, но и графическими особенностями того прототипа, к которому это начертание может быть возведено. Таким прототипом, вероятнее всего, мог быть знак, подобный знакам А в заставке Остромирова евангелия (1056—1057)[35]. Аналогичные им знаки имеются в греческих надписях на мозаиках Киевской Софии[36].

К этому же типу начертания относятся и знаки А в надписи Иоанникия. Буква А с косой поперечной чертой и горизонтальным накрытием, выходящим за пределы знака и нависающим над строкой, обычна в греческой эпиграфике XI в.[37]

Буква Г дана в двух начертаниях: на лицевой (условно) стороне правый конец горизонтальной черты слегка изогнут вверх, а на оборотной — опущен вниз вдоль нимба св. Феодора. Начертания лигатур, в составе которых встречается Г, выполнены несколько нечетко в отличие от других знаков. Штрихи получились неровными, неаккуратными, неравной глубины. Они имеют следы подправки. Очевидно, что-то смущало мастера при написании лигатур.

Обычные в греческой палеографии XI в. лигатуры и начертание Г с приподнятым вверх краем горизонтальной черты[38] в русской палеографии рассматриваются как признак относительно более поздней датировки[39]. Лигатура ⍈ в русской сфрагистике свидетельствует, по Н. П. Лихачеву, о том, что памятник не моложе половины XII в.[40]. Ко второй половине XI в. или к началу XII в. относятся, впрочем, лигатуры на мозаиках в «Златоверхой» церкви Михайловского монастыря в Киеве[41].

Начертание знака Д, который состоит из широкого равнобедренного треугольника с углами, усеченными резкими прямыми штрихами, характерно для XI в. Подобное широкое Д с накрытием в начале слова ДАВЫДЪ — на тмутороканской иконке[42]. Оно несколько отличается от

---

[32] С. А. Высоцкий. Древнерусские граффити Софии Киевской. НЭ, III, М., 1962, стр. 169, табл. III, *4*, стр. 173, табл. VIII, *2*; XIII, *3*.

[33] А. В. Арциховский. Новые берестяные грамоты. СА, 1962, 2, стр. 178—179, рис. 1. Грамота № 377.

[34] Е. Ч. Скржинская. Греческая надпись из Тмуторокани. ВВ, XVIII, 1961, стр. 74—84.

[35] Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 131, рис. 22.

[36] А. А. Белецкий. Греческие надписи на мозаиках Софии Киевской. В кн.: В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, стр. 165, 171, 176, 181.

[37] И. И. Срезневский. Палеографические наблюдения над памятниками греческого письма, II, ОРЯС, XV, 2, стр. 46.

[38] Например, надпись Льва Алиата стратига Херсона и Сугдеи (1059) (В. В. Латышев. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896, стр. 16—17); надпись о смерти зодчего Иоанникия (Е. Ч. Скржинская. Ук. соч., стр. 74—79).

[39] М. И. Михайлов. Памятники русской вещевой палеографии. СПб., 1913, стр. 37—39.

[40] Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Тр. Музея палеографии, I, Л., 1928, стр. 1000.

[41] А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1952, стр. 44—45; М. К. Каргер. Древний Киев, II, М.—Л., 1960, стр. 282. М. К. Каргер предлагает датировать эти мозаики третьей четвертью XI в. против старой датировки началом XII в.

[42] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 427, рис. 117, *а*.

рукописного Д, но сходно с начертанием Д в слое ДАЯЛЪ на берестяной грамоте № 9 («Письмо от Гостяты к Василью») [43].

Буква S, завершающая слово АГНОS, в обоих случаях очень манерна и явно декоративна. Крупное удлиненное S с глубокими завитками ближе к начертаниям XI, чем XII в. [44]

Для графики XI—XII вв. обычно начертание Н с прямой горизонтальной перекладиной между двумя вертикальными стержнями на уровне середины буквы.

Буквы К и Л в слове ОЛ(?)КСА отличаются особой четкостью и красотой [45]. Подобное К в имени Ἰωαννήκιος на камне Керченского музея [46]. Ровное Л с накрытием, подобное Л на тмутороканской иконке, на иконке св. Николая из Княжей горы [47], на берестяной грамоте № 9, на мозаиках Софии Киевской, характерно для памятников XI в.

Знак О в виде небольшой очень правильной окружности использован в надписях шесть раз и отличается постоянством начертания. Такое О характерно для греческого унциального письма XI в. [48] Оно встречается на самых ранних памятниках русской вещевой палеографии, таких, как Ярославово серебро [49], Черниговская гривна [50], княжеская диадема из Киевского клада 1889 г. [51] Начертание этого знака еще раз сближает нашу иконку с графикой надписи Иоанникия [52].

Буквы Р и Ф также характерны для второй половины XI — начала XII в. [53] Р имеет небольшую головку неправильной угловатой формы и вертикальный стержень, опущенный ниже мысленной строки. Подобное геометризированное Р типично не только для берестяных грамот и граффити на штукатурке, где эта геометричность объясняется спецификой материала, но и для памятников пергаментного письма XI в. (Остромирово евангелие, Изборник Святослава 1076 г.) [54].

Начертание Ф с овалом, помещенным посредине мачты, завершенной сверху и снизу маленькими черточками, также свидетельствует в пользу ранней датировки памятника.

Несколько своеобразное начертание С в форме полукружия с приподнятым и слегка выпрямленным верхом напоминает широко раскрытое С на Ярославовом серебре, а также букву Е в нижней строке надписи Иоанникия.

Итак, палеографический разбор надписей на иконке Таганрогского музея дает основания для ее датировки второй половиной XI или началом XII в.

Это согласуется с наблюдениями над иконографией изображения. Однако стилистические особенности этих изображений: мягкая округлость непропорциональных, укороченных фигур (последнее особенно резко выявляется при взгляде на изображение св. Феодора), отсутствие иконографи-

[43] А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте, стр. 40—42.

[44] Сходные знаки используются в качестве цифр в Остромировом евангелии, на Тмутороканском камне, в граффити на фресках в Киевской Софии. Например, в записи о смерти Ярослава Мудрого (1054 г.). С. А. Высоцкий. Датированные граффити XI в. в Софии Киевской, СА, 1959, № 4, стр. 243—244.

[45] Букву Л резчик украсил точками-углублениями на концах прямых черт. Подобное украшение шрифта отмечено Е. Ч. Скржинской в шрифте надписи на Зеленчукском кресте 1067 г. См. Е. Ч. Скржинская. Греческая надпись из средневековой Алании. ВВ, XXI, 1962, стр. 119, 123.

[46] Е. Ч. Скржинская. Греческая надпись из Тмуторокани, стр. 75.

[47] ДП, 2, Киев, 1900, табл. XXVII, *305(б)*.

[48] К. Н. Успенский. Краткие палеографические наблюдения по древнегреческим рукописям. СПб., 1896, табл. XXXVII.

[49] И. И. Срезневский. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885, стр. 134—136.

[50] Там же, стр. 136—139.

[51] Н. П. Кондаков. Русские клады, I, СПб., 1896, табл. VIII.

[52] Е. Ч. Скржинская. Греческая надпись из Тмуторокани, стр. 75.

[53] Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 157.

[54] И. И. Срезневский. Славяно-русская палеография..., стр. 124—125.

ческой сухости и нарочитой декоративности, свойственных памятникам мелкой пластики XI—XII вв., сочетающиеся с грубым натурализмом в передаче отдельных деталей и т. п.— все это заставляет выделить нашу иконку из ряда известных памятников этого времени. В параллель с нею можно поставить, однако, тмутороканскую иконку Давида-Глеба, которая также характеризуется мягким спокойным рельефом фигуры, приземистыми пропорциями, отсутствием манерности и чрезмерной утонченности [55]. Сходство обоих памятников проявляется и в отдельных деталях композиции (благословляющая десница справа сверху), в трактовке одежды, в графике надписей. Оба памятника сохраняют — один в большей, другой в меньшей степени — под покровом иконографической схемы ощущение плотской земной реальной весомости тел, которое свойственно более раннему периоду византийской пластики. На иконке Таганрогского музея это впечатление создается отчасти благодаря архаическому примитивизму и натурализму изображений. Последнее главным образом относится к изображению св. Феодора.

Обращает на себя внимание географическая близость обеих находок: южное и северное побережья Азовского моря. Это совпадение вряд ли случайно, тем более что из района Керчи известен третий памятник — барельеф, изваянный на известняковой плите,— стиль которого при иконографии XII—XIII вв. также «не знает совершенного византийского стиля с его удлиненными пропорциями и иконографической композицией» [56]. Фигуры отцов церкви, помещенные в среднем поясе барельефа, еще более архаичны, чем фигуры св. Алексия и св. Давида-Глеба.

Грецизмы, отмеченные в графике надписей на нашей иконке, наряду с грецизмами в содержании и морфологии этих надписей (ὁ ἅγις ΦеоДоРос), при явно русской их орфографии (Ф вместо Θ), сближают её с памятниками русской и византийской палеографии из Приазовья (надпись Иоанникия, Тмутороканский камень, печати «от Ратибора») [57].

Таким образом, произведенный анализ дает право предполагать местное, приазовское происхождение каменной иконки Таганрогского музея.

Такой вывод, несмотря на его кажущуюся непретенциозность, содержит в себе основу для дальнейших заключений исторического порядка.

Наш памятник является важным свидетельством наличия в XI — начале XII в. в Приазовье, в пределах Тмутороканского княжества, русского ремесленного населения, которое работало на широкий, несомненно местный, русский рынок. Подобное заключение весьма существенно в связи с давней дискуссией о масштабах русской колонизации Тмутороканского Приазовья и о доле участия русского населения этого района в хозяйственно-производительной деятельности [58].

---

[55] Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура, стр. 448—449, рис. 227.

[56] Н. П. Кондаков. Русские клады, стр. 34—35, рис. 8.

[57] Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Атлас, табл. XLV, *1,* XLVIII, *8;* LIII (11).

[58] Наиболее полно эта дискуссия нашла отражение в следующих работах: А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания, II. Тмуторокань. ЖМНП, нов. сер., 1904, январь, стр. 79 сл.; его же. Тмутороканский камень. ЗОРСА РАО, XI, Птг., 1915, стр. 113 сл.; И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. МИА, 6, 1940, стр. 191—247; В. В. Мавродин. Славянско-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. Уч. зап. ЛГПИ, XI, ист. сер. Л., 1938, стр. 231—273; М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа. МИА, 62, 1958, стр. 84; С. А. Плетнёва. Средневековая керамика Таманского городища. Сб. Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, стр. 66—73. В 1962 г. русская керамика XI—XII вв. была обнаружена в дельте Дона у хут. Казачий Ерик. А. В. Гадло. Поселение XI—XII вв. в дельте Дона. КСИА, вып. 99, стр. 40—45.

Е. Н. ДМИТРИЕВА, В. П. ЛЕВАШЕВА

МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК СИБИРСКИХ БУГРОВЩИКОВ

В отделе письменных источников Государственного исторического музея хранится рукопись, представляющая собой иллюстрированный список книги, написанной в начале 30-х годов XVIII в. и озаглавленной: «Генералом-лейтенантом от артиллерии и кавалером ордена святого Александра Георгием Вильгельмом де Геннины собранная натуралии и минералии камер Всесибирских горных и завоцких дистриктах также через ево о вновь строенных и старых исправленных горных и завоцких строениях и прочих куриозных вещах абрисы».

В. де Геннин, управляющий казенными уральскими и сибирскими заводами, закончил писать свою книгу в 1734 г., и в те же примерно годы были сделаны списки с нее, один из которых хранится в ГИМ. Это солидный фолиант в 450 листов, содержащий 613 страниц текста (формат 41 × 25,5 *см*) и иллюстрации на 134 таблицах (формат 52 × 41 *см*), выполненные графически тушью и раскрашенные акварелью с применением золотой и серебряной краски.

Книга В. Геннина представляла собой ценное исследование и руководство по металлургии и горному делу в России, но не была в свое время напечатана. Развитие казенной горно-металлургической промышленности, за которое ратовал автор, было невыгодно для владельцев частных заводов и для местной администрации, воевод-расхитителей. Поэтому приближенные императрицы Анны Иоановны приложили все усилия к тому, чтобы отозвать Геннина из Екатеринбурга, а книгу его положить под спуд.

Основное содержание книги — описание уральских и сибирских заводов и месторождений полезных ископаемых, но попутно автор характеризует природно-географические условия, водные пути сообщения, а в числе «прочих куриозных вещей», о которых упоминается в заглавии, дает интересные этнографические сведения и описание некоторых памятников, грабительских раскопок и археологических находок.

В течение ста лет труд де Геннина оставался неопубликованным, хотя списками книги широко пользовались в свое время специалисты горного дела и металлургии. Только в 1937 г. это произведение было опубликовано по списку, скрепленному подписью самого де Геннина, хранящемуся в Ленинградской публичной библиотеке[1]. Текст рукописи напечатан полностью, но почти из 200 иллюстраций опубликовано только 50[2]. В числе неопубликованных остались три таблицы, изображающие раскопки кургана и находки из разных грабительских раскопок. С этими материалами мы и хотим познакомить читателей.

На 441-м листе рукописи в цвете нарисован большой курган с задернованной и поросшей лесом поверхностью, с двумя каменными бабами на

[1] Копией этого списка, снятой в середине XVIII в., и является рукопись, хранящаяся в ГИМ.

[2] Вильгельм де Геннин. Описание уральских и сибирских заводов. 1735. М., 1937.

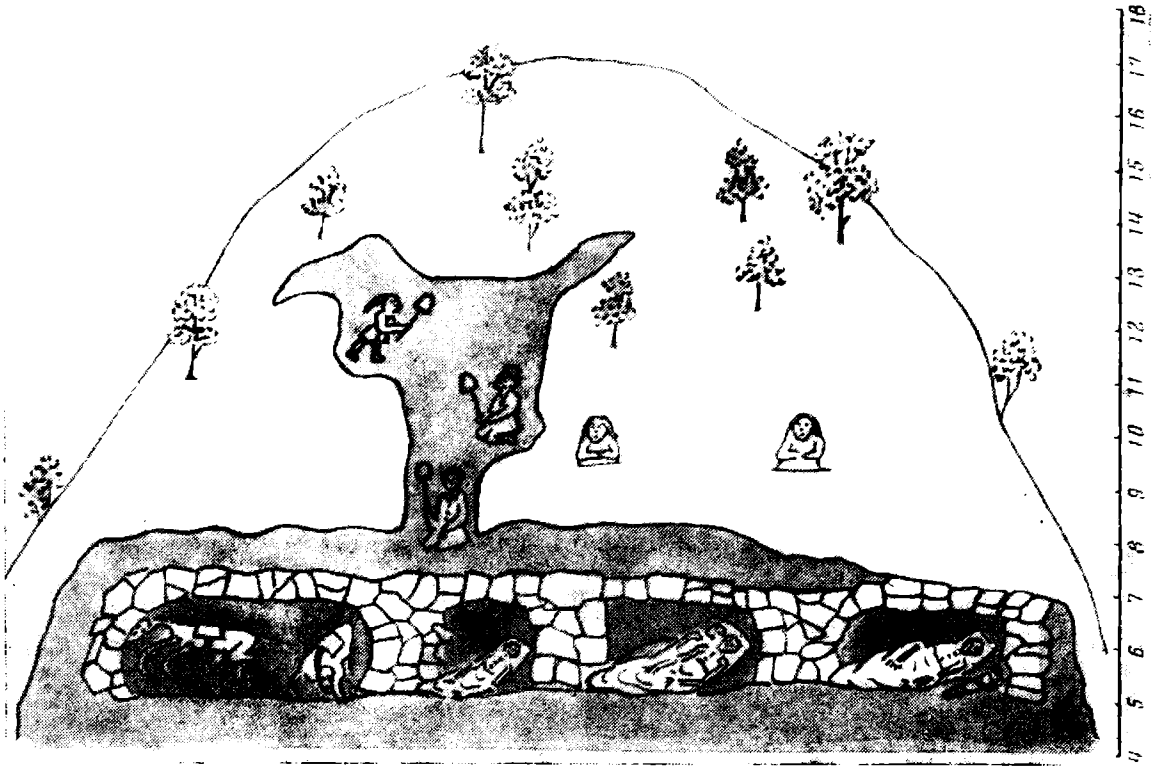


Рис. 1. Изображение кургана на 441-м листе рукописи

насыпи (рис. 1). На переднем плане в аксанометрии представлен разрез шурфа с работающими в нем кладоискателями и четыре могилы под насыпью. Над рисунком написано: «Насыпной старый бугор или могила, каковые имеются между реками Обью и Иртышом около Семипалатной крепости, в которых находятся мертвые человеческие тела, которые клались в те могилы по смерти их с лошадьми и их убором, который они при жизни своей имели и употребляли в военное время и в домах (т. е. в быту.— *Е. Д.* и *В. Л.*), золотые, серебряные и медные. Очень явственно показано в описании на странице». Номер страницы в рукописи не проставлен, но здесь имеется в виду описание грабительских раскопок, которое автор приводит в главе «Партикулярные заводы», в параграфе «О старых рудных копях и вновь обысканных... между Обью и Иртышом реками около Убинской и Усть-Каминской и Семипалатной крепостьми, в близости Телеуцского и Контайшинского рубежей» [3].

В этом разделе после описания развалин Семи Палат и Аблайкета автор рассказывает, что «в тамошних местах», т. е. в окрестностях Семипалатинска, находится много бугров (курганов), «в которые погребены мертвые тела», и что местное население («русские и другие люди») раскапывают их для добычи «положенных в них пожитков». О конструкции курганов Геннин говорит так: «...каменье привозили и мертвых обкладывали, и на тот камень сыпали землю в подобие как осыпаютца угольные кучи», причем когда не было камня поблизости, его привозили «из других мест верст по сту и далее». В степях южнее Семипалатинска встречается золото, а под Семипалатинском курганы беднее — «с плохими серебряными и медными вещами, каковых уже довольно есть из могил их вынято и продаютца. А каковые я, генерал-лейтенант, оные вещи видал, объявляю абрис при том же и могиле на странице». Ни в нашем списке, ни в опубликованном тексте номер страницы не указан, но ясно, что здесь имеются в виду листы 441 и 442 рукописного списка ГИМ, которые и публикуются в настоящей статье. Далее идет описание могилы, раскопанной кладоис-

[3] ГИМ. ОПИ, щук/124, стр. 627; В. де Геннин. Ук. соч., стр. 627—628.

кателями и изображенной в рукописи: «...в которой могиле лежало мертвое тело на золотой выбитой тонкой доске, а поверху ево платья накладено было золотыми тонкими листами, выбитыми толстотою против бумаги, всего золота с пуд. И оную могилу и до сего времени называют пудовик».

Сам Геннин, по-видимому, не был свидетелем раскопок «пудовика», который (принимая во внимание слова автора об относительной бедности семипалатинских «бугров») должен был находиться где-то значительно южнее Семипалатинска [4]. Но из рассказов очевидцев, быть может самих бугровщиков, он составил себе яркое представление о содержимом этого кургана и передал в рисунке внешний вид насыпи и устройство могилы, но не одной, а нескольких однотипных.

Конечно, такую зарисовку нельзя рассматривать как точную фиксацию раскопок определенного кургана, скорее это собирательный образ кургана вообще [5]. Но даже при такой оговорке рисунок кургана вместе с описанием в тексте позволяет установить многие факты. В частности, по нему мы получаем представление о технике раскопок бугровщиков XVIII в.— вертикальный шурф закладывался с уступами, так, чтобы можно было из глубины перекидывать землю «на перевал» с одной площадки на другую.

По рисунку видно, что насыпь кургана была земляная, задернованная и местами поросшая лесом. О больших размерах насыпи можно судить по количеству берез и расстоянию между ними. Форма насыпи представлена как бы остроконечной, но возможно, что этим художник хотел передать не форму вершины, а перспективу холма [6], центр же насыпи мог быть расположен где-то вблизи устья шурфа.

О пропорциях и точных размерах насыпи по рисунку судить нельзя — он сделан без масштаба. Если принять за масштаб фигуры людей и скелеты (считая средний рост человека в 1,6—1,7 *м*), то, даже при том условии, что курган изображен в перспективе и вершина его находится вблизи устья шурфа, высота насыпи составит 4—5 *м* при диаметре 12—14 *м*. Такой формы курганы в Сибири не встречаются.

Гробницы — каменные склепы (или цисты с покрытием из камней) показаны на рисунке на одном уровне, как бы на горизонте, примыкающие друг к другу без земляных перемычек, причем стенки крайних подходят так близко к краю насыпи, что бугровщикам, хорошо знавшим конструкцию курганов, ни к чему было бы закладывать свой шурф чуть не с вершины. Конечно, такое изображение условно. Достоверно, что гробницы были каменные, но где они сооружались — на поверхности или в грунтовых ямах? В описании Геннин о могильных ямах ни разу не упоминает (могилами он называет вообще «бугры» — курганы), но упорно подчеркивает, что покойников «обкладывали» камнями, и устройство курганов сравнивает с угольными кучами (но не ямами!). Это говорит, как нам кажется, за сооружение склепов на горизонте.

В трех склепах мы видим людские захоронения — в двух по одному погребению и в одном парное, причем все покойники изображены в лежачем положении и ориентированы в одну сторону. Четвертый склеп содержит конские погребения — одна лошадь положена головой в противоположную человеческим захоронениям сторону, другая лежит перпендикулярно ей. В камерах с человеческими захоронениями скелеты лежат на ярко-желтых прямоугольных подстилках (золотых листах?) и как бы закутаны в покрывала — условное изображение одежды. На трех скелетах эта одежда красная, а на одном (левом в парном погребении) — желтая, что, по-ви-

[4] Определяя территорию, о которой идет речь в данном разделе, де Геннин называет Убинскую крепость, находившуюся далеко к северу от Семипалатинска, и расположенную к юго-востоку от него Усть-Каминскую (Усть-Каменогорск). Вероятно, курган-пудовик находился где-то ближе к Усть-Каменогорску.

[5] В подписи к рисунку сказано: «бугор... каковые имеются», а не «каковой имеется».

[6] В такой перспективе изображены в книге Геннина все заводы с окружающими пейзажами.

димому, должно изображать одеяние, сплошь покрытое (расшитое) золотой фольгой, найденное в кургане-пудовике. Об одежде покойников де Геннин говорит как при описании этого кургана, так и отдельно: «На те мертвые тела знатно кладено было одеяние камчатное многими слоями, которое еще и доныне признать можно, токмо уже все изотлело. Протчей же конской железной убор не вовсе еще изоржавел. И некоторые промышленники (бугровщики.— *В. Л.*), выняв ис тех бугров, яко стремена и кольца, ныне у себя к конскому убору бес переделки употребляют». Но сам Геннин на таблицах 442-го листа дает из «конского убора» только сбруйные украшения, железных же удил и стремян, к сожалению, не помещает, не считая их, по-видимому, «куриозами», достойными внимания. Лишь на рисунке конской могилы показаны седла на скелетах лошадей. Выше автор говорит об украшениях из золота, серебра и меди, «которые они на шее и на руках в платках и серьгах носили», и об оружии («протчее с чем служили»). Из оружия художник изобразил на 441-м листе колчан со стрелами, лежащий с левой стороны покойника в правом крайнем склепе.

На двух таблицах 442-го листа изображены находки бугровщиков, которые видел и, вероятно, сам зарисовал с натуры де Геннин. Это вещи разного назначения и разных эпох, «куриозы», привлекшие внимание автора ценностью материала или оригинальностью формы. Большинство изображений покрыто золотой или серебряной краской поверх сероватой, зеленоватой или желтой раскраски, что дает представление о материале. В некоторых случаях несовершенство рисунка не позволяет судить о степени выпуклости вещи, но контуры изображений достаточно четки, так что почти для всех предметов удалось найти аналогии и установить их датировки. Но связывать какой-либо определенный комплекс с изображенным на предыдущей таблице курганом нет оснований. Приводим перечень вещей, изображенных на таблицах рукописи.

1. На оборотной стороне 442-го листа нарисовано бронзовое, по-видимому, очищенное от патины (окрашено в желтый цвет без позолоты) шило гвоздевидное, увенчанное скульптурной фигурой коня (рис. 2, *2*). Бронзовые шилья, но не так пышно оформленные, часто встречаются в памятниках тагарской культуры, иногда в одних ножнах с ножом. Поза коня на этом шиле живо напоминает козлов на минусинских колоколовидных навершиях [7] или горного барана на клевце из Западного Казахстана, опубликованном М. П. Грязновым [8], что позволяет с уверенностью датировать и этот предмет первой половиной или серединой I тысячелетия до н. э.

2. К тому же времени можно отнести и массивную выпуклую бляшку (такой же раскраски, изображенную с лицевой и оборотной стороны) в виде рельефной антропоморфной и в то же время львинообразной личины, с прямой перемычкой-петлей на оборотной стороне (рис. 2, *7*). Торчащие кверху уши, но в другой трактовке, знакомы нам по бородатым личинам сбруйного набора первого Пазырыкского кургана [9], но более близка к нашей бронзовая бляха-личина из коллекции Минусинского музея, опубликованная Д. Я. Клеменцем [10].

3. Бронзовая (по-видимому, односторонняя) фигура животного в профиль с опущенной мордой и стоячими ушами (рис. 2, *8*). Из-за несовершенства рисунка определить вид животного затруднительно, судя по позе это может быть и хищник, но очерченный на спине прямоугольник (седло? попона?) позволяет видеть в нем лошадь или кулана. Подобные фигурки известны в минусинской художественной бронзе тагарского времени [11].

4. Тоже односторонняя, бронзовая (возможно, с позолотой, судя по

---

[7] С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. М., 1951, рис. XXII, *5*.
[8] М. П. Грязнов. Западный Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК. 61, 1956, рис. 4, *1*.
[9] М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950, табл. XVIII.
[10] Д. Я. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, рис. VIII, *5*.
[11] С. В. Киселев. Ук. соч., табл. XXI, *8*.

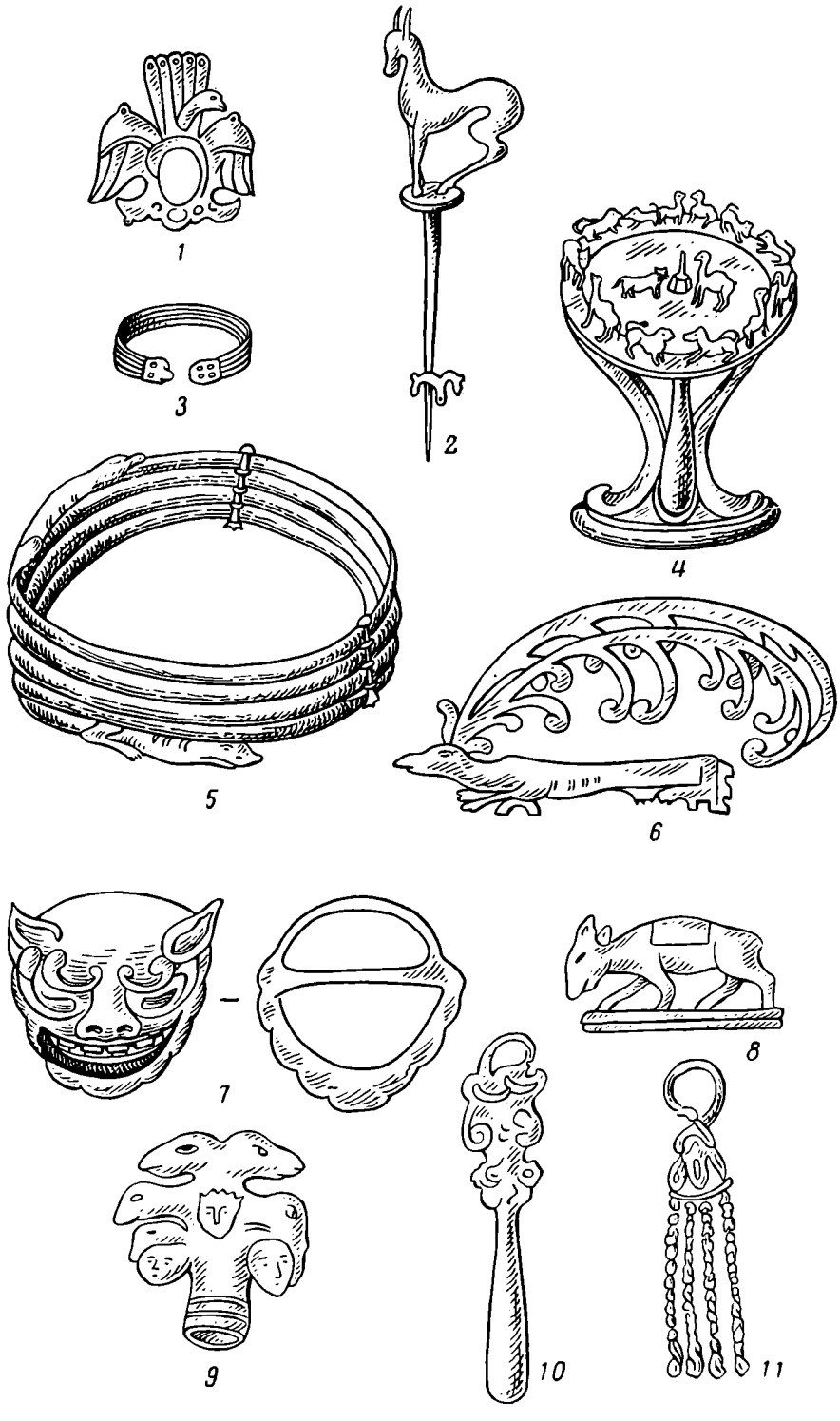


Рис. 2. Предметы, датируемые I тысячелетием до н. э. (копии рисунков на 442-м и 443-м листах рукописи)

следам золотой краски на рисунке) фигура оленя с закинутыми за спину, утрированно большими рогами, вытянутыми вперед, как бы на бегу, передними ногами и поджатыми под брюхо задними (рис. 2, *6*), является, по-видимому, частью пряжки (судя по обломкам перемычек, отходивших под ногами оленя). Такая часть пряжки, но изображающая собаку, известна из Неаполя Скифского и датируется III—II вв. до н. э.[12]. Слишком вытянутые пропорции фигуры оленя, своеобразная трактовка рогов, выброшенные вперед ноги делают его совсем непохожим ни на скифских, ни на классических «галопирующих» (по определению С. В. Киселева) минусинских оленей. По-видимому, эта вещь является образцом оригинальной трактовки местным мастером образа оленя, а параллели, хотя и отдаленные, позволяют относить ее ко второй половине I тысячелетия до н. э.

5. Чрезвычайно интересна золотая (или бронзовая с позолотой?) ажурная высокорельефная плакетка, изображающая орла-грифа с распростертыми крыльями и поднятым кверху хвостом (рис. 2, *1*). По общему облику она очень близка известному золотому, с цветными вставками украшению в виде орла, несущего в когтях добычу, хранящемуся в золотой коллекции Эрмитажа[13], и датируется тем же временем — серединой I тысячелетия до н. э.

6. Оригинально по сюжету втульчатое бронзовое (или золотое?) навершие, увенчанное тремя парами обращенных в разные стороны и расположенных друг над другом голов. Верхняя и средняя пары изображают животных или грифонов, а нижняя представляет человеческие личины. Кроме того, в центре на уровне средней пары имеется личина с носом, подобным человеческому, со стоячими ушами или рогами и гребнем между ними (рис. 2, *9*). Общий облик вещи позволяет ставить ее в один ряд с сибирской художественной бронзой I тысячелетия до н. э.

7. К этому же кругу относится и бронзовый стерженек с плоской фигурной головкой, в завитках которой улавливаются очертания стилизованных грифонов (рис. 2, *10*). Такие стерженьки, но с другими головками[14], давно известны среди случайных находок в Минусинской котловине и встречались неоднократно в раскопках бугровщиков XVIII в. в междуречье Иртыша и Оби[15].

8. Золотая или бронзовая позолоченная (на рисунке следы позолоты поверх зеленого тона) шейная гривна из толстого дрота, свернутого плотной спиралью в четыре оборота. Концы спирали оформлены в виде фигур животных, расположенных так, что один зверь лежит на верхнем крае обруча, а другой как бы держит обруч снизу на своей спине. В двух местах гривну пересекают вертикальные столбики шарнирных соединений-застежек (рис. 2, *5*). Почти аналогичная вещь, но на одном шарнире, с парой близких по трактовке зверей, но помещенных только по верхнему краю обруча, навстречу друг другу, около шарнирного соединения, изображена среди вещей коллекции Витзена[16], собранной им в самом начале XVIII в. из раскопок кладоискателей, орудовавших на той же территории, что и знакомые де Геннину бугровщики. В составе коллекции сибирского золота, хранящейся в Эрмитаже, имеется еще несколько экземпляров шейных гривен такого же типа и такого же происхождения, но несколько иначе оформленных, причем среди них есть и на двух шарнирах. Синхронность этих гривен с описываемой нами несомненна.

9. Браслет (рис. 2, *3*) с несомкнутыми концами, оформленными в виде головок животных (изображенный зеленой с позолотой краской), сделан, по-видимому, как и гривна, из четырех рядов золотой проволоки, составляющих широкую полосу, на концы которой надеты отдельно отлитые

[12] Н. Н. Погребова. Мавзолей Неаполя Скифского. КСИИМК, XXI, 1947.

[13] И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, III, СПб., 1890, рис. 43—44.

[14] Д. Я. Клеменц. Ук. соч., рис. VII, *8*; VIII, *14*.

[15] Т. Ф. Миллер. История Сибири, I, М.— Л., 1937, рис. 24.

[16] В. В. Радлов. Сибирские древности, I, МАР, 15, СПб., 1894, стр. 131, табл. II.

головки животных. Эта близость стиля и техники позволяет отнести и браслет к той же категории украшений второй половины I тысячелетия до н. э.

10. Серебряная (судя по раскраске) привеска серьги с четырьмя спускающимися шнуровидными цепочками (рис. 2, *11*) также легко определяется по сходству с изображенными на таблицах коллекции Витзена золотыми серьгами [17] и относится к тому же кругу украшений второй половины I тысячелетия до н. э.

11. Очень интересен бронзовый светильник в виде круглого блюда на трех изогнутых ножках, опирающихся на дисковидную основу (рис. 2, *4*). В центральной части блюда невысокий обелиск на шестигранной базе (подсвечник) и перед ним две стоящие фигуры: верблюд и лев (барс?), обращенные к обелиску, как бы в позе адорации. По борту блюда — 12 подобных фигур: три пары обращенных мордами друг к другу верблюдов чередуются с такими же тремя парами хищников.

Такие светильники известны. Один был найден в 1920 г. близ оз. Зайсан и поступил в Омский музей, а впоследствии был передан в Эрмитаж, где уже имелся беспаспортный, почти аналогичный светильник. У зайсанского экземпляра середина блюда выломана, а по борту его имеется десять фигурок, как бы идущих друг за другом «по солнцу» львов или барсов. Подставка его ажурная, цилиндрическая, состоит из трех прямых ножек, соединенных выгнутыми кверху перемычками [18].

У беспаспортного экземпляра расширяющаяся книзу подставка тоже из трех ножек, но они не имеют перемычек. По борту блюда — восемь таких же фигур хищников, а в центре его стоят параллельно друг другу два верблюда, обращенные в разные стороны [19].

Сочетание фигур верблюдов и барсов на светильнике, изображенном в рукописи, представляет усложненный вариант того же сюжета, что и на описанных выше светильниках, датируемых А. С. Стрелковым II—III вв. до н. э. [20].

Одинаковые по назначению и близкие по оформлению памятники ведут к Семиречью. Это опубликованные в связи с находкой в 1937 г. клада в урочище Кырчин на северном берегу оз. Иссык-Куль круглые и прямоугольные светильники на поддонах, датируемые V—III вв. до н. э. На одном из них по краю круглого блюда идут (в том же направлении, что и на зайсанском экземпляре) 13 барсов [21], на другом, квадратном, четыре крылатых льва стоят по диагонали от углов мордами к центру, а в средней части блюда, ближе к одной из сторон его возвышается столб-подсвечник со втулкой [22]. В составе другого клада, найденного близ поселка Иссык Алма-Атинской обл. в 1953 г. и относящегося, по определению Г. С. Мартынова, к сако-усуньскому периоду (IV—I вв. до н. э.), имеются два светильника, из которых один квадратный железный резко отличается по стилистическому оформлению от нашего, другой же круглый бронзовый близок, но на нем вместо барсов и верблюдов помещены фигуры человека, сидящего в характерной для кочевника позе со скрещенными ногами возле оседланного коня [23]. Как справедливо отмечает автор публикации, трактовка этих фигур живо напоминает сцену из древнего эпоса на золотой бляхе из кургана, которую М. П. Грязнов датирует второй половиной I тысячелетия до н. э. [24].

---

[17] В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 130, табл. I и стр. 131, табл. II.

[18] А. С. Стрелков. Большой семиреченский алтарь. Сборник к 50-летию научной деятельности С. Ф. Ольденбурга. Л., 1934, рис. II, *1*.

[19] Там же, рис. II, *2*.

[20] Там же.

[21] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952, рис. 18, *4*.

[22] Там же, рис. 20.

[23] Г. С. Мартынов. Иссыкская находка. КСИИМК, 59, 1955, рис. 65.

[24] М. П. Грязнов. Древнейшие памятники героического эпоса народов южной Сибири. Археологический сборник, 3, Л., 1961, рис. 8.

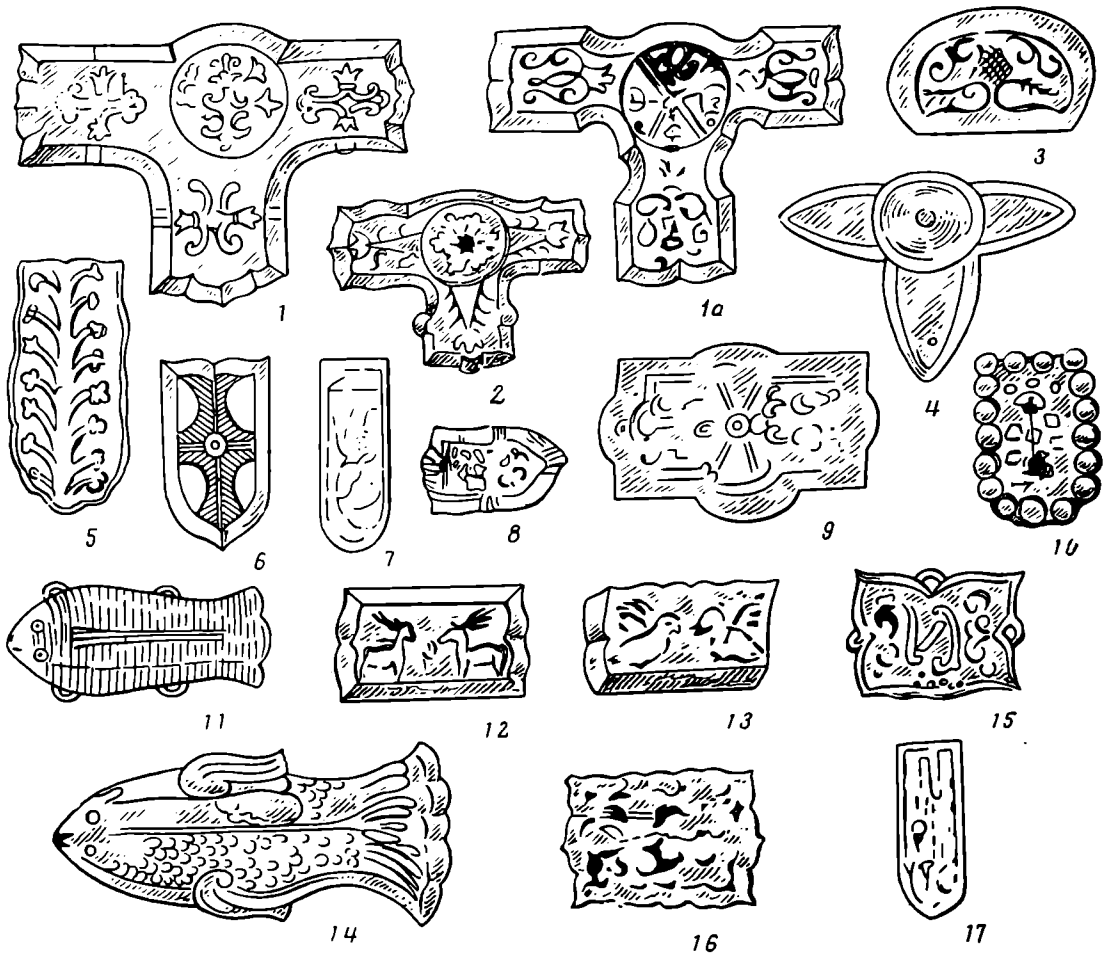


Рис. 3. Бронзовые и серебряные украшения VII—X вв. (копии рисунков на 442-м и 443-м листах рукописи)

Учитывая установленные даты памятников этого круга, следует полагать, что и светильник, который видел де Геннин, был завезен в это же время из Семиречья в Прииртышские степи.

12. Поверх острия бронзового шила на таблице помещена типично таштыкская привеска-амулет в виде пары конских головок, обращенных в разные стороны (рис. 2, *2*). Очевидно, и в натуре она была выполнена не из бронзы, как обычно, а из серебра. В памятниках Минусинской котловины эти предметы датируются рубежом первых веков [25], в Прииртышье данная вещь могла быть занесена в начале I тысячелетия.

Большая часть вещей, изображенных на обороте 442-го листа рукописи, добыта бугровщиками из курганов VII—X вв.

13. Разнообразны сбруйные и поясные украшения широко распространенных в Сибири типов: прямоугольные, сердцевидные и трехконечные бляшки, наконечники ремней (рис. 3, *1—10, 11—17*; рис. 4, *1—3, 9*). Некоторые из них сделаны из серебра. Большинство орнаментировано растительным узором, но есть и с изображениями парных животных (рис. 3, *12*) и птиц (рис. 3, *13*). Такие типы сбруйных украшений встречались как в грабительских раскопках в междуречье Иртыша и Оби [26], так и среди случайных находок в других районах, например, в составе Тюхтятского клада на правобережье Енисея, точно датированного монетой IX в. [27]. Кроме того, все эти типы хорошо датируются аналогичными находками из современных научных раскопок памятников тюркского времени в разных районах Сибири [28].

[25] Л. Ф. Кызласов. Таштыкская эпоха. М., 1960, рис. 32.
[26] Т. Ф. Миллер. Ук. соч., рис. 22 и 23.
[27] С. В. Киселев. Ук. соч., табл. LXI, LXII.
[28] Там же, табл. L, *4;* LVII, *5;* LIX, *7*.

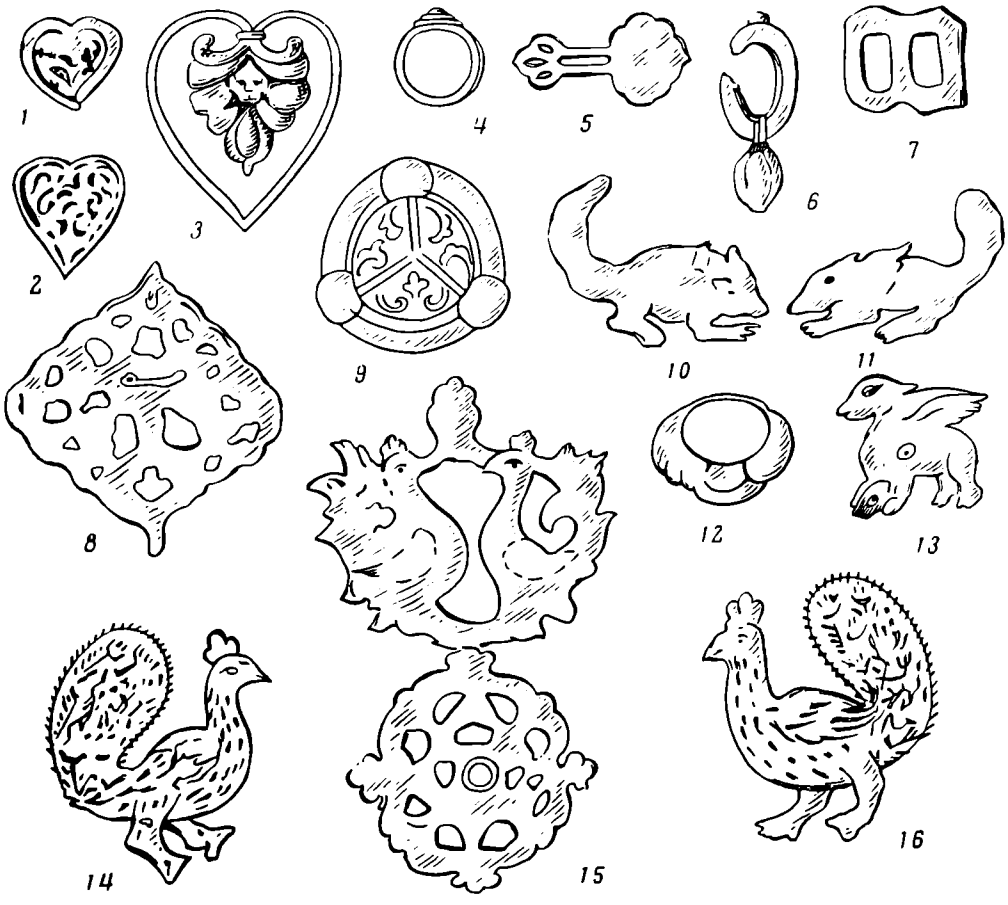


Рис. 4. Бронзовые и серебряные украшения VII—X вв. (копии рисунков на 442-м и 443-м листах рукописи)

14. Одновременны предыдущей группе сбруйных украшений бляшки и зажимы для ремней в форме пары рыбок (рис. 3, *11, 14*). Они тоже известны и по грабительским раскопкам на территории Западной Сибири [29], и по многочисленным случайным находкам, хранящимся в разных музеях нашей страны.

15. В ажурной ромбической бляхе (рис. 4, *8*), несмотря на неясный рисунок, нетрудно угадать аналогию встречающимся в Минусинской котловине плоским позолоченным бляхам с геометрическими прорезями, относящимся к этой же эпохе.

16. Оригинально серебряное украшение, состоящее как бы из двух ажурных блях. Верхняя изображает пару голенастых птиц с пышными, поднятыми вверх хвостами, обращенных друг к другу и держащих в клюве цветок (рис. 4, *15*). Почти тождественная бляха была найдена тоже бугровщиками XVIII в. и опубликована Т. Ф. Миллером [30]. Сюжет этой вещи неоднократно фигурирует в прикладном искусстве сибирских племен во второй половине I тысячелетия. Подобные пары птиц (грифонов-фениксов), но в высокохудожественной трактовке, изображены в шести сердцевидных медальонах на золотой тарелке из тайника кургана VI—VIII вв. Копенского чаатаса [31]. Этот же сюжет мы видим на ажурных бляхах-подвесках из раскопок Сросткинского могильника IX—X вв. [32] на верхней Оби и курганов X—XI вв. на Басандайке под Томском [33]. В первом случае пара

---

[29] Т. Ф. Миллер. Ук. соч., рис. 22.

[30] Там же.

[31] С. В. Киселев. Ук. соч., табл. LVI, *3*.

[32] М. М. Грязнов. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. МИА, 48, 1956, табл. LV.

[33] Сб.: «Басандайка». Томск, 1948, рис. 55, *77* и 84, *21*.

птиц оконтурена фигурной рамкой, во втором — круглой. Нижняя часть нашего сложного украшения представляет собой как бы подвеску круглую, с крестообразно расположенными фигурными выступами и прорезями, образующими сложный, в основе тоже крестообразный или ромбический узор. Трактовка птиц на этом украшении, как и на подвесках из сросткинских и басандайских курганов, намного грубее, чем на копенском блюде.

17. По обе стороны описанного выше сложного украшения помещены две, по-видимому, плоские фигуры павлинов, обращенные друг к другу (рис. 4, *14, 16*). Возможно, что де Геннин знал об их происхождении из одного комплекса и потому так расположил эти вещи на рисунке. Тогда их можно считать одновременными. Но в то же время мы видим на этой таблице и другие плоские фигуры животных, сделанные из серебра.

18. Пара обращенных друг к другу неопределенных животных, похожих на собак с пушистыми хвостами (рис. 4, *10, 11*), и какого-то крылатого зверька (рис. 4, *13*).

Эти фигуры в комбинациях с другими могли составлять какие-то определенные сцены, подобно бронзовым украшениям луки седла из кургана Копенского чаатаса[34]. Тогда они (а возможно, и бронзовые павлины) должны быть несколько древнее украшения с парой птиц.

19. Фигура в виде распустившегося цветка, вырезанная из листового серебра (рис. 4, *12*), очень близка к серебряным цветам-аппликациям, найденным в могильнике VII—VIII вв. Капчалы I в Хакасии[35].

20. Серебряная серьга (рис. 4, *6*) представляет тип, широко и повсеместно распространенный в VII —X вв.

21. Серебряный перстень с выпуклой вставкой в щитке (рис. 4, *4*) может относиться как к концу I, так и к началу II тысячелетия.

22. Серебряные пряжки (рис. 4, *5, 7*) датируются тем же временем.

23. На рис. 5, *1, 2* изображены арабские диргемы IX—XI вв.

24. Серебряную четырехугольную печать с фигуркой сидящего льва (рис. 5, *9, 9а*) можно датировать, судя по характеру надписей, монгольским временем.

25. Безусловно, к монгольской эпохе конца XIII—XV в. следует отнести серебряный футлярчик (или капторгу), украшенный сканым узором (рис. 5, *8*). Он похож на цилиндрические золотые и серебряные футлярчики для сурьмы, входившие в состав туалетных приборов, известных по раскопкам курганов белореченской культуры XIV — начала XV в. на Северном Кавказе[36].

26. Некоторые изображения удается определить лишь весьма условно. Например, бронзовое украшение в виде колокольчика (рис. 5, *3*), орнаментированная обойма (рис. 5, *5*) и круглая бляха с неясной личиной (рис. 5, *6*) могли относиться и к концу I, и к середине II тысячелетия. Что же касается орнаментированного диска (рис. 5, *7*), то в нем можно видеть, как нам кажется, неудачную зарисовку бронзового китайского зеркала с виноградными гроздьями, характерного для эпохи Тан.

Ряд других предметов настолько неудачно зарисован на таблицах рукописи, что представить их действительный облик невозможно.

Определить, к какому времени относится изображенный на таблице курган,— затруднительно. Из текста и рисунка мы имеем лишь такие точно установленные данные: 1) большая земляная насыпь; 2) под ней (по-видимому, на горизонте) каменные гробницы склепы-цисты; 3) их может быть не одна, а несколько; 4) в гробницах хоронили и по одному покойнику и больше (во всяком случае, встречаются парные); 5) погребальный инвентарь был богатый (золотые вещи, шелковая одежда, расшитая украшениями из золотой фольги); 6) конские захоронения находились в отдельных гробницах, причем могли быть захоронены несколько лошадей;

[34] Л. Евтюхова, С. Киселев. Чаатас у с. Копены. Тр. ГИМ, 11, М., 1940.
[35] В. П. Левашова. Два могильника кыргыз-хакасов. МИА, 24, 1952, рис. 1, 8, 9.
[36] В. П. Левашова. Белореченские курганы. Тр. ГИМ, 22, М., 1953, рис. 5, *2, 3*.

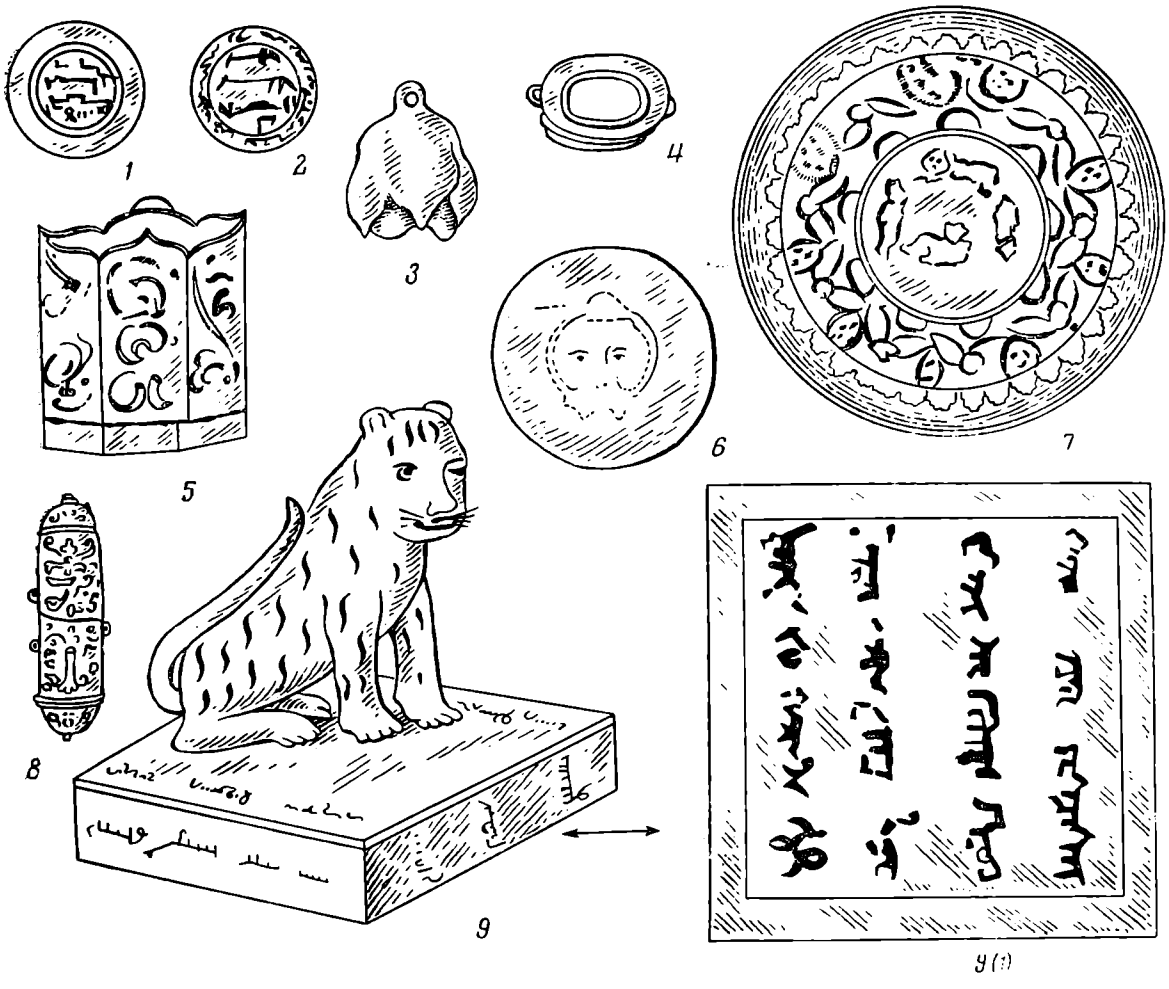


Рис. 5. Предметы, датируемые XI—XV вв., и др. (копии рисунков на 442-м и 443-м листах рукописи)

7) стремена, а следовательно, и удила, оружие и орудия были железные; 8) из металлических украшений (о других не говорится) встречались серьги, браслеты, шейные украшения (гривны) золотые, серебряные, бронзовые; 9) о находках посуды не говорится; по-видимому, сосуды из драгоценных металлов обычно не встречались, а глиняные и деревянные, если и были, то не привлекали внимания кладоискателей, а потому не были отмечены и де Генниным; 10) как особо выдающийся факт отмечается (может быть, только единственная) подстилка из листового золота; 11) среди находок бугровщиков, которые видел де Геннин, есть вещи скифо-сарматской эпохи, синхронные основному собранию золотой коллекции Кунсткамеры (из раскопок бугровщиков XVIII в. на той же примерно территории), но есть и более поздние — второй половины I и начала II тысячелетия; 12) каменные бабы, как известно, не были непосредственно связаны с погребениями, и на рисунке они помещены, вероятно, для того, чтобы полнее представить все древние «куриозы», привлекшие внимание автора.

Большие земляные насыпи характерны в степной полосе для скифо-сарматской эпохи. Богатство могильного инвентаря и орудия из железа еще ничего не говорят о дате кургана, но обильное украшение одежды золотой фольгой, отдельные камеры для конских захоронений напоминают богатые алтайские курганы пазырыкского круга. Правда, там гробницы-срубы сооружались в глубоких грунтовых ямах, хотя встречаются и каменные гробницы[37]. Здесь же мы видим каменные склепы-цисты, сооруженные, по-видимому, на горизонте, но это может быть локальной особенностью погребального обряда. Примеры захоронений скифо-сарматской эпохи на горизонте в каменных цистах известны в рядовых курганах Тувы,

[37] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 353 (курган у с. Туяхта раскопан в 1937 г.).

исследованных Л. Р. Кызласовым [33]. Для тюркского времени в южной Сибири (во второй половине I тысячелетия) характерны каменные насыпи, и в богатых погребениях там часто встречаются сосуды из драгоценных металлов, а такие в кургане-пудовике, по-видимому, не были найдены, иначе о них рассказали бы де Геннину. Все эти соображения заставляют предполагать, что на рисунке рукописи изображены раскопки кургана второй половины I тысячелетия до н. э.

Особый интерес вызывает свидетельство о золотом листе, на котором лежал покойник. Нам представляется, что случаи подобных находок не «охотничьи рассказы» бугровщиков, а действительные факты, это подтверждает и рассказ другого современника, Т. Ф. Миллера, о том, что в древних могилах Западной Сибири «остатки тел по сожжении, или и самые тела, в тонкие золотые листы обернуты и так земле преданы» [39].

---

[38] Л. Р. Кызласов. Рецензия: «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР», I, М.— Л., 1960, СЭ, 1961, № 4.

[39] Т. Ф. Миллер. Ук. соч., стр. 521.

Заметки

О. К. БЕРДЫЕВ

НЕОЛИТ «НОВОЙ» НИСЫ

Руины «Старой» и «Новой» Нисы, когда-то являвшейся столицей Парфянской державы, находятся в селении Багир, в 18 *км* к западу от Ашхабада. Крепость «Старая» Ниса расположена на южной окраине аула, а «Новая» — на северной. Рельеф окружающей местности этих крепостей повышается с северо-востока на юго-запад, а отдельные участки представляют собой террасы. Окрестности городищ ныне заняты виноградниками, тутовыми насаждениями и посевами различных огородных культур. Развалины резко выделяются на фоне окружающего зеленого пейзажа. Массивные оплывы их стен и башен до сих пор производят впечатление грандиозности и величия. В 1896 г. здесь побывал В. А. Жуковский. В 1905 г. их осматривал А. А. Семенов, а в 1929 г.— М. Е. Массон и Б. П. Денике, собравший с них некоторый материал для Музея восточных культур. В том же году Нису посетила комиссия Средазкомстариса в составе А. Э. Шмидта, А. А. Семенова и архитектора А. П. Удаленкова. В июне 1930 г. А. А. Семенов совместно с А. Э. Шмидтом снова осмотрели Нису.

В последующие годы большую роль в накоплении археологического материала в Туркменистане сыграли археологические обследования А. А. Марущенко. Среди его сборов 1935 г. из западного угла крепости «Новая» Ниса оказалось несколько фрагментов грубой керамики с растительной примесью доанауского типа [1] и кремневые орудия неолитического облика. Раскопки, проводившиеся на обоих городищах Нисы в 1930 г. экспедицией Наркомпроса РСФСР и Туркменкульта под руководством А. С. Башкирова при участии А. А. Марущенко, положили начало многолетнему археологическому изучению этих памятников. Во время раскопочных работ 1936 г. на месте находок древних изделий в западном углу и на северной оконечности крепости «Новой» Нисы А. А. Марущенко обнаружил слой с грубой керамикой описанного выше типа.

В 1946 г. с созданием Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции планомерное изучение городищ Нисы продолжалось в еще более широком масштабе. При обследовании крепости «Новой» Нисы сотрудниками экспедиции были собраны древние каменные изделия (в количестве 39 номеров). Эти сборы были обработаны и опубликованы А. П. Окладниковым.

Перейдем к описанию материалов, относящихся к доанауской культуре, найденных на Нисе.

Керамические изделия составляют основную массу находок. Сосуды изготовлены методом ленточной лепки начиная от дна и кончая венчиком. Окончательная отделка сосудов состояла в замазке швов и

[1] Впервые подобная керамика была обнаружена в 1931 г. гидрогеологом Распоповым в окрестностях ст. Келята Ашхабадской ж. д.

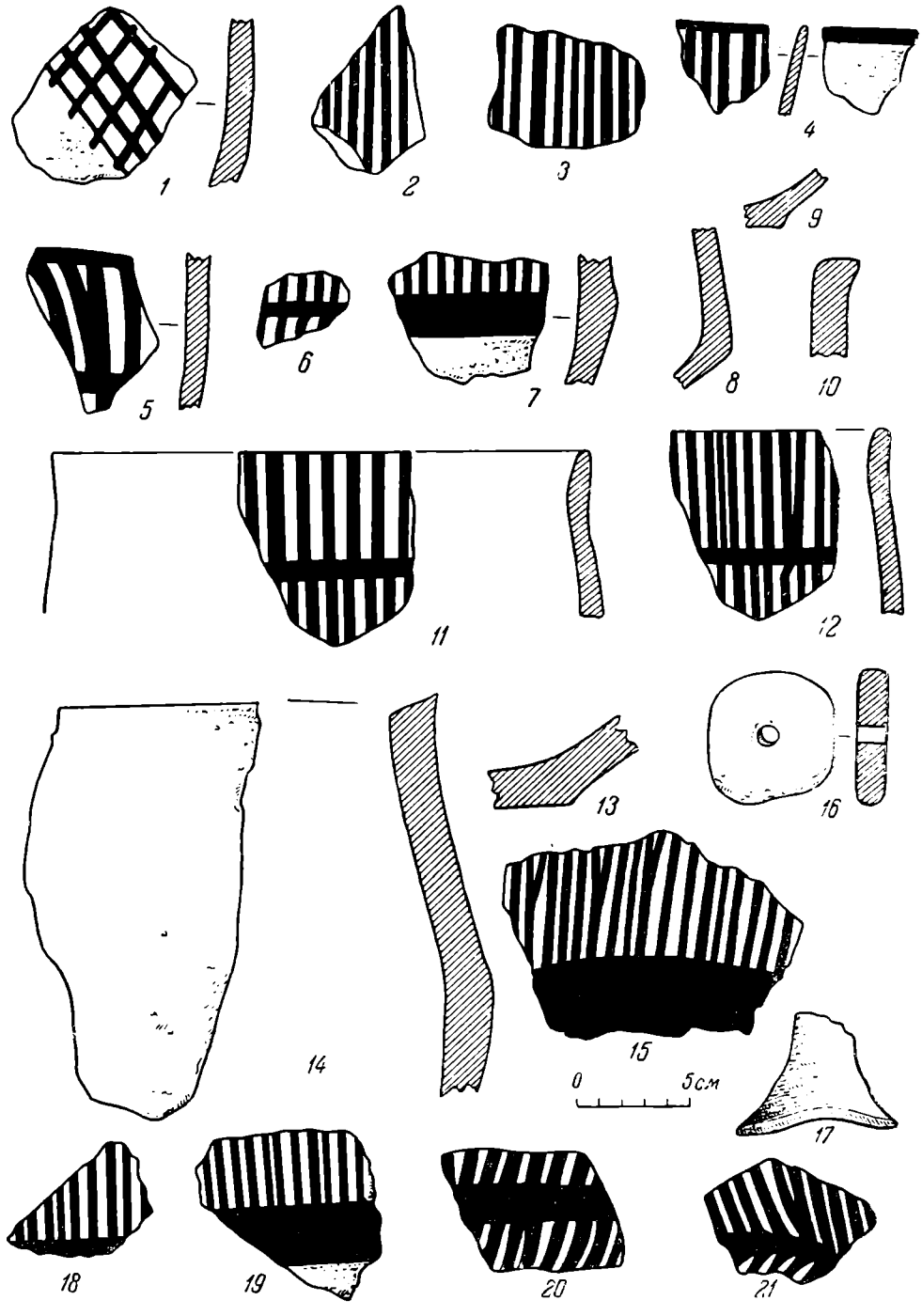


Рис. 1. Керамика неолитического слоя «Новой» Ипсы

покрытии поверхности тонким слоем ангоба. В тесте сосудов обильна примесь мелкорубленой соломы. На некоторых черепках в середине излома имеется черная прослойка, что указывает на слабость обжига.

По наиболее крупным фрагментам удалось установить только две формы сосудов — корчаги и чаши. Корчаги имели прямые стенки, которые в нижней части сосуда наклонно переходили к плоскому дну. Ребро, отделяющее верхнюю часть стенки от их нижней подкошенной части, в большинстве случаев сглаженное (рис. 1, *7*), хотя изредка встречается и остроребериый переход (рис. 1, *8*). У большинства сосудов этой формы венчики заострены и слегка отогнуты наружу (рис. 1, *12*). Есть также цилиндрические корчаги, имеющие утолщенный венчик, внешний край которого отогнут наружу (рис. 1, *10*, *14*). Большинство корчаг толстостенные, тесто пористое. Эти сосуды, судя по размерам, видимо, предназначались для хранения запасов продуктов питания.

Мотивы росписи на корчагах представлены одним вариантом — частыми прямыми вертикальными линиями, перехваченными редкими широкими горизонтальными полосами, одна из которых проходит по перегибу, отделяющему верхнюю часть сосуда от нижней части (рис. 1, *19*). Этот мотив характерен для средних и верхних слоев поселений Чопан-Тепе [2] и Тоголок-Тепе [3] и нижних слоев поселения у Бами [4] и Чагыллы-Тепе [5]. Он изредка встречается и в самых верхних слоях Джейтуна [6].

Чаши подразделяются на большие толстостенные грубой выделки сосуды, служившие для хранения запасов пищи, и на небольшие тонкостенные, использовавшиеся в качестве столовой посуды. Следует подчеркнуть сравнительно высокое качество изготовления последних. Чаши имеют прямой заостренный венчик, резко сужающиеся книзу стенки и плоское дно, имевшее небольшой уступ при переходе к стенкам (рис. 1, *13*). Большинство чаш были, очевидно, не расписными, но встречаются их фрагменты, покрытые орнаментом в виде прямых вертикальных линий (рис. 1, *2—4*). Подобный орнамент характерен и для чаш Джейтуна [7]. Одна сравнительно большая чаша с толстыми прямыми стенками с внешней стороны имела узор в виде ромба, заполненного решеткой (рис. 1, *1*) — мотив, широко распространенный в последующую эпоху Анау I [8].

Особо следует отметить ножку сосуда (рис. 1, *17*). Тесто ее в изломе пористое и рыхлое, что является следствием слабого обжига. Подобные ножки были встречены в Чагыллы-Тепе [9] и Джейтуне [10].

Интересны диски диаметром 3—6 *см*, изготовленные из фрагментов глиняных сосудов. Края у некоторых из них грубо заглажены. Один из дисков имеет отверстие в центре. Аналогичные диски встречаются в древнеземледельческих памятниках как Средней Азии, так и Закавказья и Передней Азии. Подобные диски известны также в трипольских поселениях раннего периода в Поднестровье, которые, по мнению Т. С. Пассек, использовались в качестве пряслиц [11]. С. Н. Бибиков аналогичные глиняные диски вместе с конусиками из Луки-Врублевецкой считает предназначенными для какой-то игры [12]. Некоторые ученые видят в них колесики от моделей повозок. Однако остеологические данные из поселений этого времени указывают на то, что одомашнение крупных животных в эту пору только началось и вряд ли они использовались в качестве тягловой силы. Эти диски, возможно, связаны с зачатками ткачества.

Каменные изделия. Материалом для изготовления орудий в основном служил кремень, но изредка использовались и другие породы камней (имеются ножевидная пластина из халцедона, зернотерка из песчаника). Большинство орудий — ножевидные пластины, которые представлены только обломками. Пластины сравнительно длинные и правильной формы, с параллельными гранями на спинке; они были сняты с призматического нуклеуса. Некоторые обломки пластин подвергнуты дополнительной обработке и превращены в орудия. Одна большая пластина имеет тщательно оформленное мелкой крутой ретушью лезвие, противоположный край ее зазубрен. А. П. Окладников считает, что она была вставлена

[2] С. А. Ершов. Холм Чопан-Тепе. Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР, II, Ашхабад, 1956, стр. 18.

[3] О. К. Бердыев. Стратиграфия Тоголок-Тепе в связи с расселением джейтунских племен. СА, 1964, № 3, стр. 274.

[4] О. К. Бердыев. Стратиграфия бамийского поселения. СА, 1963, 4, стр. 188.

[5] О. К. Бердыев. Чагыллы-Тепе. Изв. АН ТуркмССР, 1, 1964, стр. 92.

[6] В. М. Массон. Джейтунская культура. Тр. ЮТАКЭ, X. Ашхабад, 1961, стр. 60.

[7] Там же.

[8] И. Н. Хлопин. Дашлыджи-Тепе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. Тр. ЮТАКЭ, X, рис. 14.

[9] Раскопки 1963 г. автора. Материалы хранятся в секторе археологии АН ТССР.

[10] В. М. Массон. Ук. соч., стр. 101, табл. XIX, *2*.

[11] Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, 84, 1961, стр. 40.

[12] С. Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублевецкая. МИА, 38, 1953, стр. 202.

слабозазубренным краем в какую-то оправу [13]. Из трех пластин изготовлены орудия удлиненно-треугольной формы, типа острия. Ретушь нанесена вдоль обоих краев. Особо следует отметить две миниатюрные пластинки, края которых оформлены крупной ретушью (рис. 2, *7*). В материале имеются еще два миниатюрных изделия. Одно из них — короткий обломок узкой массивной пластины, оба края которой были оформлены крутой, но мелкой ретушью. Следы ретуши имеются и на поперечных краях пластинки (рис. 2, *2*). Второе представлено обломком тонкой, более широкой пластинки, поперечный конец которой оформлен мелкой ретушью подобно концевым скребкам.

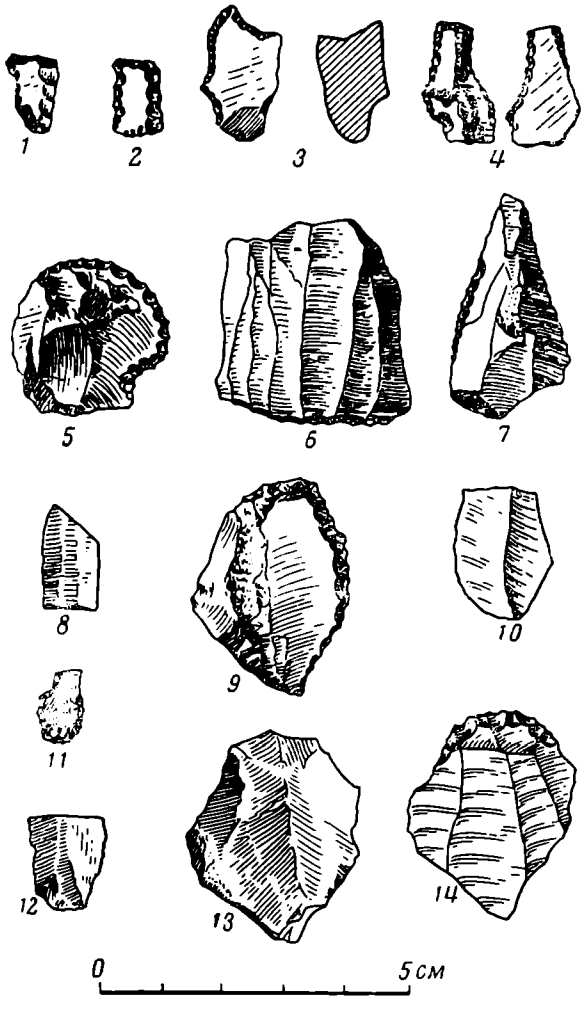


Рис. 2. Кремневые изделия неолитического слоя «Новой» Нисы

Среди сборов А. А. Марущенко 1936 г. имеются микролитические скребки, изготовленные из обломков ножевидных пластин желтого кремня (рис. 2, *11*). Еще одно миниатюрное изделие, имеющее вид сверла, изготовлено из скола. Оно, так же как указанные выше орудия, оформлено мелкой ретушью; длина его 2,2 *см*, ширина 1,3 *см* (рис. 2, *3*). Все описанные выше изделия, несомненно, были одной из разновидностей микроскребков, подобных тем, которые так часто встречаются на поселении Джейтун [14], реже в Чопан-Тепе [15] и Чагыллы-Тепе [16].

Среди этих материалов имеются два экземпляра сравнительно больших скребков, изготовленных из отщепов, которые также имеют мелкую ретушь. Есть и массивные отжимники; один из них изготовлен из куска сероватого камня. Один конец его утолщен, а другой край имеет вид тупого слегка вогнутого лезвия, так же как на обычных кремневых отжимниках. Это изделие, видимо, употреблялось для изготовления мелких кремневых орудий. Среди кремневых изделий, собранных в «Новой» Нисе А. А. Марущенко, имеются вкладыши жатвенных ножей. При тщательном осмотре можно установить следы их длительного использования, на что указывает сработанность лезвия. Некоторые вкладыши сделаны из грубых пластин, почти без всяких следов ретуши.

Большинство описанных выше предметов не было связано с древнейшим культурным слоем, так как они были собраны из разных мест этого поселения, и А. П. Окладников не смог отнести эту коллекцию к тому или другому комплексу древнейших культур. В своей статье он упоми-

---

[13] А. П. Окладников. Древние каменные изделия с городища «Новая» Нисa. Тр. ЮТАКЭ, 1, Ашхабад, 1949, стр. 328.

[14] В. М. Массон. Ук. соч., стр. 57.

[15] Раскопки С. А. Ершова и А. А. Марущенко в 1957—1958 гг. Материалы хранятся в секторе археологии АН ТССР.

[16] О. К. Бердыев. Чагыллы-Тепе, стр. 12.

нает, что на этом поселении была обнаружена керамика типа Анау III-А, и допускает возможность отнесения описанных изделий к этому комплексу [17].

Но, как было указано выше, кремневые орудия и отщепы были обнаружены при раскопках А. А. Марущенко в 1936 г. в одном комплексе с грубой керамикой ручной лепки с растительной примесью, которая по форме, отделке и орнаментации полностью соответствует характерной керамике поздней фазы неолитической джейтунской культуры. Высказыванию А. П. Окладникова противоречит и описанный им материал. Среди опубликованных им кремневых изделий немало микроскребков, характерных для джейтунской культуры. Позднее, начиная с раннего энеолита (Анау I), с развитием ткачества эти орудия вовсе исчезают.

Подводя итоги описания кремневых орудий, необходимо отметить их сходство с орудиями, найденными в Джейтуне и Чопане. На этих поселениях наблюдается одна и та же техника в изготовлении орудий, имеются одинаковые формы кремневых изделий.

Среди кремневых изделий с «Новой» Нисы имеются как готовые орудия, так и отбросы производства — чешуйки. Наличие здесь отбойника и отбросов производства вместе с орудиями показывает, что на участке неолитического времени огромного античного города Нисы в древности существовало поселение, где обрабатывались кремень и выделывались орудия на месте.

Неолитическая джейтунская культура обычно датируется V тысячелетием до н. э. [18]. Однако данные радиокарбонного анализа аналогичных зарубежных памятников Джармо, Нерихон и др. позволяют предполагать возможность ее более древнего возраста, уходящего в VI тысячелетие до н. э. Как было показано выше, материал «Новой» Нисы относится к поздней фазе этой культуры, поэтому он может быть ориентировочно отнесен к VI и V тысячелетиям до н. э.

По сравнению с другими памятниками поздней фазы неолитической джейтунской культуры в кремневом инвентаре из «Новой» Нисы поражает обилие микроскребков. Широкое распространение этого типа орудий характерно и для поселения Джейтун. Кроме того, в «Новой» Нисе основным мотивом орнаментации является рисунок в виде частых вертикальных прямых линий, пересеченных редкими горизонтальными полосами. Этот мотив в росписи появляется только в самых верхних слоях Джейтуна, когда жизнь на этом поселении фактически прекращается.

На основании этих фактов мы в порядке рабочей гипотезы предполагаем, что неолитическое поселение на «Новой» Нисе возникло в результате переселения жителей из более древних поселений. Многолетние раскопки поселения Джейтун позволили установить, что его обитатели являлись древнейшими земледельцами в подгорной полосе южного Туркменистана. В. М. Массон совместно с геологом Л. Г. Добриным в 1956 г. провел исследования, в результате которых была намечена схема древнего орошения в этом районе. Речка Кара-Су, дельта которой прорезала песчаные гряды, проходящие южнее Джейтуна, образовывала в период паводков широкие разливы к югу от поселения, там, где проходит понижение, имеющее общий уклон к западу. Здесь и разливались паводковые воды, создавая условия для примитивного земледелия.

В 1962 г. Г. Н. Лисицына на основании изучения древесных углей из раскопок Джейтуна установила былое произрастание в его окрестностях клена, тополя и саксаула. Наличие тополя и клена является свидетельством доходивших в то время до этого поселения водотоков. Если в настоящее время воды Кара-Су разбираются на орошение в среднем течении и не доходят до песков, то в VI—V тысячелетиях до н. э. они про-

---

[17] А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 331.
[18] В. М. Массон. Ук. соч., стр. 75.

никали гораздо дальше на север. Итак, мы считаем более вероятным предположение о существовании постоянного водотока.

Наличие саксаула свидетельствует о том, что уже в то время в районе Джейтуна имелись пески, поросшие саксаулом. Позднее широкое развитие эоловых процессов привело к формированию здесь барханного рельефа и гибели поселения [19]. Со временем обитатели Джейтуна, возможно, были вынуждены переселиться на новые земли. Часть населения могла уйти на запад и восток, а часть — на юг, в сторону гор, ближе к источникам воды. По всей видимости, в VI—V тысячелетиях до н. э. ширина подгорной зоны, пригодной для ведения земледелия, была больше, но в дальнейшем ее северная окраина была завоевана песками, так как памятники более позднего времени — «Новая» Ниса, Келята, Бами, Монжуклы и др.— жмутся ближе к горам. Как мы знаем, памятники раннего неолита — Джейтун, Чопан-Тепе — в основном расположены в зоне или близко к зоне развитого песочного рельефа Кара-Кумов. Благоприятные природные условия подгорной равнины южного Туркменистана способствовали развитию здесь древнейшей земледельческой культуры.

Поселения «Новая» Ниса, Бами и Келята вполне могли возникнуть в связи с запустением Джейтуна и других аналогичных поселений, располагавшихся первоначально на окраине каракумских песков. Но до проведения более широких археологических обследований с охватом целых районов многие вопросы, связанные с заключительными этапами истории Джейтуна и возникновением новых поселений, остаются не вполне выясненными.

Как было отмечено выше, в «Новой» Нисе при раскопках был найден обломок зернотерки, сделанной из песчаника. Это, а также наличие в находках вкладышей жатвенных ножей позволяет говорить о существовании у жителей «Новой» Нисы земледелия. К сожалению, из древнего слоя этого поселения мы не имеем костей животных, но изучение остеологического материала на синхронных Нисе памятниках (верхние слои Чопан-Тепе, Чагыллы-Тепе) позволило установить, что люди уже давно начали переходить к скотоводству и в составе стада преобладал мелкий рогатый скот. По всей вероятности, немалую роль по-прежнему продолжала играть и охота.

[19] Г. Н. Лисицына. Растительность южной Туркмении в эпоху энеолита по палеоботаническим данным. КСИА АН СССР, 98, 1964, стр. 52—56.

М. Ф. КОСАРЕВ

О КУЛЬТУРАХ АНДРОНОВСКОГО ВРЕМЕНИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Хотя памятникам андроновской эпохи в Сибири и Казахстане посвящена обширная археологическая литература, происхождение андроновской культуры, вопросы ее периодизации, территории распространения и локальных вариантов до сих пор относятся к числу нерешенных проблем и вызывают большие споры.

В 1948 г. К. В. Сальников выделил в лесостепном Зауралье три этапа андроновской культуры — федоровский, алакульский и замараевский [1], а несколько лет спустя А. М. Оразбаев распространил сальниковскую схему на весь северный Казахстан [2]. В последнее время эта периодизация была приложена к еще более широкой территории (западный Ка-

[1] К. В. Сальников. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры. Первое Уральское археологическое совещание. Пермь, 1948.

[2] А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. ТИИАЭ АН КазССР, V. Алма-Ата, 1958.

захстан, восточный Казахстан, верхнее Приобье, Минусинская котловина) [3].

Подход к периодизации бронзового века Казахстана и южной Сибири с зауральской меркой вряд ли способствует правильному пониманию характера и направления историко-культурного развития этих территорий, ибо приводит (и в ряде случаев уже привел) к игнорированию археологического материала, к подмене фактов формально-логическими построениями.

Так, М. Н. Комарова вопреки археологическим данным считает, что в западном Казахстане есть «еще не найденные» федоровские памятники, ссылаясь в качестве доказательства на факт существования федоровских памятников в лесостепном Зауралье [4]. Она уверена, что на верхнем Енисее «когда-нибудь» обязательно найдут алакульский этап, причем опять-таки основывает свой вывод на том, что алакульский этап имел место в лесостепном Зауралье [5].

Неправомерность этих выводов тем более очевидна, что в западном Казахстане до сих пор не известно ни одного федоровского памятника, а на верхнем Енисее более чем за 50 лет интенсивных археологических раскопок не обнаружено ни одного алакульского погребения.

Несколько лет назад появилась другая тенденция. Некоторые археологи ставят вопрос — правомерно ли считать алакульские памятники в Зауралье генетическим продолжением федоровских [6]? И этот вопрос вполне законен. На самом деле, алакульцы очень существенно отличаются от федоровцев по погребальному обряду и керамике, причем отличия в керамике касаются не только формы сосудов и техники их выделки, но и самого существа орнаментальных традиций и техники нанесения орнамента. Если федоровские памятники локализуются в основном в лесостепном Зауралье, то алакульские тяготеют к степной части, т. е. две эти группы памятников фактически не совмещаются территориально. Весьма интересно и то, что памятники федоровского типа в восточном Казахстане и на Енисее, где они существуют длительное время, не перерастают в алакульские.

Видимо, смена федоровских памятников алакульскими в лесостепном Зауралье есть не что иное, как смена местного федоровского населения пришлым алакульским. Это явление такого же порядка, как распространение на север, на территорию самусьской культуры (в это же время) скотоводческо-земледельческого еловского населения. Оба эти явления были вызваны, на наш взгляд, одной причиной — смещением ландшафтных зон на север, которое отмечается для этого времени на территории всей Западной Сибири [7].

Можно предполагать, что с приходом алакульцев в лесостепное Зауралье было связано массовое перемещение племен с керамикой федоровского типа на восток — в сторону верхнего Обь-Иртышья и Минусинской котловины.

Какие бы причины ни вызвали появление федоровского населения в восточных районах Западной Сибири и Казахстана — вытеснение их из Зауралья алакульскими племенами или внутренний импульс (давление избытка населения на производительные силы [8]) — во всех случаях мы

[3] В. С. Сорокин. Рец. на книгу: С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960. СЭ, 1962, 1; М. Н. Комарова. Относительная хронология памятников андроновской культуры. Археологический сборник ГЭ, 5, 1962.

[4] М. Н. Комарова. Ук. соч., стр. 53.

[5] М. Н. Комарова. Ук. соч., стр. 61.

[6] Э. А. Федорова-Давыдова. Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. Тр. ГИМ, 37, 1960, стр. 59; Второе Уральское археологическое совещание, март, 1961 г., выступления Э. А. Федоровой-Давыдовой, В. Н. Чернецова и др.

[7] М. Ф. Косарев. Бронзовый век лесного Обь-Иртышья. СА, 1964, 3.

[8] Тезис о давлении избытка населения на производительные силы, как основной причине экспансий древних культур, был сформулирован К. Марксом в статье «Вынужденная миграция». К. Маркс, Ф. Энгельс. Об Англии. М., 1952, стр. 133.

должны признать, что федоровцы переместились на восток не в начале, а скорее в конце федоровского этапа (по зауральской схеме), и, следовательно, вряд ли есть основания считать, что керамика федоровского типа в восточном Казахстане и на Енисее должна обязательно укладываться в хронологические рамки, отведенные для федоровского этапа в Зауралье.

Накапливающийся материал дает сейчас основания предполагать, что андроновские (федоровские) памятники на востоке появились тогда, когда в Зауралье федоровское население, может быть, уже не существовало.

Приведем некоторые факты. Материал Самусьского IV поселения в Томской обл. свидетельствует о том, что на всем протяжении его существования (XVI—XIII вв. до н. э., памятник хорошо датируется литейными формами турбинско-сейминских орудий) основными для этой части Приобья были восточные енисейские связи. Однако вся керамика енисейского происхождения, найденная в культурном слое Самусьского IV поселения, имеет не федоровский, а окуневский облик. Видимо, в это время федоровцы на Енисее еще не появились.

Во всех известных мне случаях керамика федоровского типа была встречена в среднем Приобье в еловских комплексах XII—X вв. до н. э. (поселение Красный Яр, раскопки Т. Н. Троицкой, 1959—1961 гг., Десятовское поселение, раскопки автора, 1961 г.). С. С. Черников, устанавливая периодизацию восточного Казахстана в бронзовом веке, отнес федоровскую керамику к концу II тысячелетия до н. э.[9], причем такая датировка, несмотря на возражения В. С. Сорокина, кажется вполне убедительной. Перечень подобных примеров можно было бы продолжить.

В свете изложенного синхронизация зауральских и западносибирских памятников бронзового века представляется нам приблизительно в таком варианте: Федоровский могильник в лесостепном Зауралье одновременен Самусьскому IV поселению в среднем Приобье и Окуневскому могильнику на верхнем Енисее. Одним из признаков синхронности этих трех памятников является, в частности, традиция четырехугольности сосудов, которую мы наблюдаем в федоровских, самусьских и окуневских комплексах. Алакульский могильник в лесостепном Зауралье одновременен Еловскому поселению в среднем Приобье и Андроновскому могильнику на Енисее.

Накапливающийся материал позволяет сейчас предполагать, что на территории, которую принято населять андроновскими племенами, существовали по крайней мере три большие группы племен, существенно различающиеся по своему культурному облику: алакульская, сложившаяся в западном Казахстане, по-видимому, несколько севернее районов формирования тазабагьябской культуры, и распространившаяся затем в лесостепное Зауралье и в сторону северного и центрального Казахстана; федоровская, сложившаяся в лесостепном Зауралье и среднем Притоболье и имеющая свое более позднее продолжение в верхнем Обь-Иртышском районе и Минусинской котловине; восточная (Томский могильник, Окуневский могильник и, видимо, канайские памятники), сложившаяся в верхнем Обь-Иртышском районе и Минусинской котловине и прекратившая свое существование около XIII в. до н. э. в связи с приходом сюда федоровских племен.

За каждой из этих трех областей следует видеть определенный этнос. И хотя еще не накопился достаточный материал для убедительных археологических, лингвистических и этнографических сопоставлений, тем не менее уже сейчас можно уверенно говорить о том, что на территории Казахстана и южной Сибири сосуществовали в андроновское время угроязычная, ираноязычная и самоедоязычная группы населения.

Известно, что, определяя единокультурность каких-либо памятников, необходимо учитывать не столько единичные элементы сходства, сколько всю совокупность сходных признаков: форму сосудов, технику нанесения

[9] С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, стр. 271.

орнамента, орнаментальную композицию, погребальный обряд, хозяйственный уклад и т. д. По каким признакам можно сближать в культурном отношении федоровскую, алакульскую и восточную (томско-окуневскую) группу памятников? По форме сосудов? По-видимому, нет. Для федоровской группы обычны горшкообразные сосуды, для алакульской характерна специфическая форма с уступчиком, для томско-окуневских (и канайских памятников) — баночная форма. По технике нанесения орнамента? Тоже нет. Для федоровских сосудов типична аккуратная мелкозубчатая гребенка, для алакульских — резной орнамент, для томско-окуневских — крупнозубчатая гребенка и вдавления уголка палочки.

Очень существенны различия по элементам орнамента. К числу орнаментов, характерных для федоровской посуды и не типичных для алакульской керамики, следует отнести косые треугольники, сложный меандр, пирамиды из мелких треугольников, желобчатые линии и т. д. В то же время равнобедренные резные треугольники, простой прямоугольный меандр, зигзаговые полосы и некоторые другие элементы встречаются почти исключительно на алакульской посуде и не характерны для федоровской керамики. На томско-окуневских (и канайских) сосудах геометрический орнамент вообще редок.

Далеко не близок и погребальный обряд. Для федоровских погребений в Зауралье обычно характерно трупосожжение, для алакульских — скорченное на боку трупоположение, для томско-окуневских (и канайских) — положение покойников на спине (могильник у поселения Канай, Томский могильник, погребения Окунева улуса).

Необходимость примирить прежнее представление о локализации андроновской культуры с исключительной разнотипностью комплексов андроновского времени на этой территории приводит некоторых исследователей к выделению множества «вариантов» и «этапов» андроновской культуры. К настоящему времени известно уже восемь «вариантов» (зауральский, западноказахстанский, южный, североказахстанский, центральноказахстанский, восточноказахстанский, верхнеобский, енисейский) [10] и около десяти «этапов» (федоровский, алакульский и замараевский в Зауралье [11], усть-буконьский, канайский, малокрасноярский и грушниковский в восточном Казахстане [12], окуневский и собственно андроновский на Енисее [13]), причем наблюдается тенденция к неудержимому увеличению количества «вариантов» и «этапов». Если учесть, что выделенные «варианты» (и «этапы») зачастую не похожи один на другой (ср., например, западноказахстанский и енисейский, зауральский и восточноказахстанский «варианты», федоровский и канайский «этапы»), то вряд ли можно найти оправдание стремлению видеть на громадной территории Зауралья, Казахстана и южной Сибири единую андроновскую культуру.

Немного о терминологии.

По-видимому, термин «андроновская» культура в его прежнем понимании сейчас неприемлем. Это название было введено около 40 лет назад С. А. Теплоуховым [14] для верхнего Енисея, когда стали подвергаться широким раскопкам андроновские могильники в Минусинской котловине и когда по существу еще не было начато изучение одновременных памятников в Зауралье и Казахстане. Поэтому эффектные комплексы Андроновского могильника долгое время были единственным критерием в опре-

---

[10] С. С. Черников. Ук. соч., стр. 111.

[11] К. В. Сальников. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры. Первое Уральское археологическое совещание. Пермь, 1948; его же. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, 21, 1951.

[12] С. С. Черников. Ук. соч., стр. 100, 270, 271,

[13] М. Н. Комарова. Ук. соч.

[14] С. А. Теплоухов. Отчетная выставка этнографического отдела за 1923 г. Русский музей. Птг., 1924.

делении культурной и хронологической принадлежности памятников бронзового века, которые стали находить потом в Зауралье и Казахстане. Однако обращение за аналогиями к Андроновскому могильнику вошло в привычку и стало сводиться к формальному выискиванию сходных признаков. Основное внимание при определении «андроновской» принадлежности керамики обращалось на отдельные элементы сходства определяемого сосуда с классическими андроновскими (федоровскими) образцами, при этом часто не учитывалось, насколько поверхностно сходство и насколько глубоки различия, забывалось, что не все аналогии свидетельствуют о единокультурности и одновременности — одни сходные признаки могут быть результатом исторических связей, другие возникают конвергентно, третьи свидетельствуют о едином древнем субстрате и т. д. Вместо трех различных по диапазону и содержанию понятий — культура, этнокультурная общность и историко-культурная область — стал широко применяться единый всеобъемлющий и всенивелирующий термин «андроновская культура».

Очевидно, было бы правильнее вкладывать в определение «андроновский» чисто исторический, хронологический смысл (андроновская эпоха, андроновское время) или употреблять его лишь по отношению к классическим андроновским памятникам (типа Андроновского и Федоровского могильников). Неправомерно прилагая к разнохарактерным по облику комплексам определение «андроновский», мы не сможем понять сложных этнокультурных и историко-культурных процессов, происходивших на территории Сибири и Казахстана в эпоху бронзы.

В заключение отметим, что наши высказывания ни в коей мере не претендуют на категоричность, мы ограничиваемся лишь постановкой вопроса и некоторыми предположениями. Цель этой небольшой заметки — еще раз обратить внимание на нерешенные проблемы бронзового века Западной Сибири и, в частности, выразить сомнение в приложимости периодизации бронзового века Зауралья по К. В. Сальникову к южной Сибири и Казахстану.

О. Д. ДАШЕВСКАЯ, А. Н. ЩЕГЛОВ

ХЕРСОНЕССКОЕ УКРЕПЛЕНИЕ НА ГОРОДИЩЕ БЕЛЯУС

В последние годы началось углубленное исследование памятников античной эпохи, расположенных на северо-западном побережье Крыма, между древними городами Керкинитидой и Калос Лименом. Продолжаются разведки, уточняющие археологическую карту района, и впервые производятся раскопки ряда поселений — Чайки, Южно-Донузлавского, Беляуса, Тарпанчи, усадьбы у бухты Ветреной [1].

Городище Беляус давно обратило на себя внимание исследователей благодаря своему местоположению близ устья оз. Донузлав, отличающегося огромной протяженностью от моря в глубь материка (25 *км*) и поэтому вызывающего ассоциации то с Гипакирисом Геродота, то с заливом или рекой Каркинит других авторов [2]. Поскольку у устья Гипакириса —

[1] А. Н. Карасев. Раскопки на городище Чайка близ Евпатории. КСИА АН СССР, 95, 1963; О. Д. Дашевская. Раскопки южного Донузлавского городища в 1960 году. КСОГУ и ОГАМ 1960 г. 1961; ее же. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961—1962 гг. КСОГАМ, 1962 г., 1964; А. Н. Щеглов. Разведки 1959 года на западном побережье Крыма. СХМ, II, 1961; его же. Раскопки городища Тарпанчи в 1960 г. СХМ, III, 1963.

[2] Кроме литературы, указанной ниже в примеч. 5—8 в связи с вопросом о локализации Керкинитиды на Беляусе, см. также Н. Ф. Романченко. Раскопки в

Геродот, а у устья Каркинита — Птолемей помещали город Каркинитиду (Керкинитиду) [3], а по указанному в периплах Арриана и Безыменного автора [4] расстоянию от Херсонеса (600 стадиев) Керкинитида ближе всего соответствует берегам Донузлава, то городище Беляус еще прежде, чем современная Евпатория, явилось местом, где искали следы Каркинитиды, или Керкинитиды.

Инициатором этих поисков был П. О. Бурачков, осмотревший местность, прилегающую к бывшему Беляусскому трактиру, и обнаруживший там остатки древнегреческого поселения, принятого им за Керкинитиду [5]. К этому мнению присоединился затем Ф. К. Брун, первоначально помещавший Керкинитиду в районе Евпатории [6]. Также у оз. Донузлав (но без конкретного указания на тот или иной его берег) локализовал Керкинитиду и П. Н. Кречетов [7]. В. В. Латышев колебался между отождествлением Керкинитиды то с Евпаторийским городищем, то с Беляусом [8]. В результате последующих раскопок Евпаторийского городища [9] установилась общепринятая точка зрения, согласно которой Керкинитида локализуется на месте современного города Евпатории. Разделяя эту точку зрения, мы считаем, что для более полной и всесторонней ее аргументации (не входящей в задачу данной статьи) послужит и выяснение характера городища Беляус, поскольку мнение виднейших старых ученых было отклонено без учета материала городища, на которое они указывали.

В 1933—1934 и 1948 гг. городище Беляус было обследовано Евпаторийской и Тавро-Скифской экспедициями, возглавлявшимися П. Н. Шульцем и проводившими сплошную разведку побережья Северо-Западного Крыма [10]. П. Н. Шульц дал первое подробное описание Беляуса. Он наблюдал на прибрежном склоне выходы кладки из тесаных квадров. На основании характера оборонительных сооружений и подъемного материала П. Н. Шульц высказал предположение, что городище первоначально возникло как греческий береговой укрепленный пункт, связанный с Херсонесом, а затем превратилось в скифскую крепость. Но при этом П. Н. Шульц полагал, что оз. Донузлав являлось в античную эпоху лиманом, вход в который охраняли укрепления: Беляус — с северо-запада и Южно-Донузлавское (Поповка) — с юго-востока; в результате же последних исследований надо считать доказанным, что во время обитания этих городищ пересыпь, отделявшая озеро от моря, уже существовала [11].

окрестностях Евпатории. ИАК, 25, 1907, стр. 187; А. И. Соболевский. Топонимические заметки. ИТОИАЭ, III, 1928, стр. 1 сл.; П. Н. Шульц. Евпаторийский район. Сб.: «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.». М.— Л., 1941, стр. 271; М. И. Артамонов. Этногеография Скифии. УЗЛГУ, 13, 1949, стр. 143—144.

[3] Her. IV, 55; ср. Ptol. III, 5, 13; 6, 2.

[4] Arr. PPE, 30; Anon. PPE, 83.

[5] П. О. Бурачков. О местоположении древнего города Керкинитеса и монетах, ему принадлежащих. ЗООИД, IX, 1875, стр. 124; его же. Опыт соглашения открытой в Херсонисе надписи с природою местности и сохранившимися у древних писателей сведениями, относящимися ко времени войн Диофанта полководца Мифрадата со скифами. ЗООИД, XII, 1881, стр. 232 сл.

[6] Ф. К. Брун. Средневековый и гидрографический атлас Луксоро и ученые заметки К. Десимони. ЗООИД, VIII, 1872, стр. 297; его же. Черноморье, II, Одесса, 1880, стр. 7.

[7] П. Н. Кречетов. О реке Гипакирисе и местоположении города Каркинита. ЗООИД, XV, 1889, стр. 480.

[8] IOSPE, II, карта; В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России (находки 1901—1903 гг.). ИАК, 10, 1904, стр. 19—20; его же. ПОНТІКА. СПб., 1909, стр. 154; IOSPE, I², стр. 283.

[9] См. М. А. Наливкина. Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена (1948—1952). ИАДК. Киев, 1957, стр. 264 сл. и указанная там литература.

[10] П. Н. Шульц. Евпаторийский район, стр. 270; его же. Отчет о работах Евпаторийского отряда Тавро-Скифской экспедиции в 1948 г. Архив ИА АН СССР, № 270, стр. 141—142.

[11] А. Н. Щеглов. Разведки 1959 года..., стр. 74—75. Летом 1963 г. при строительных работах в затопленной части пересыпи лоцман А. К. Кричек обнаружил обломки амфор. Добавим также, что на картах конца XIX в. на пересыпи показан курган, ныне не существующий.

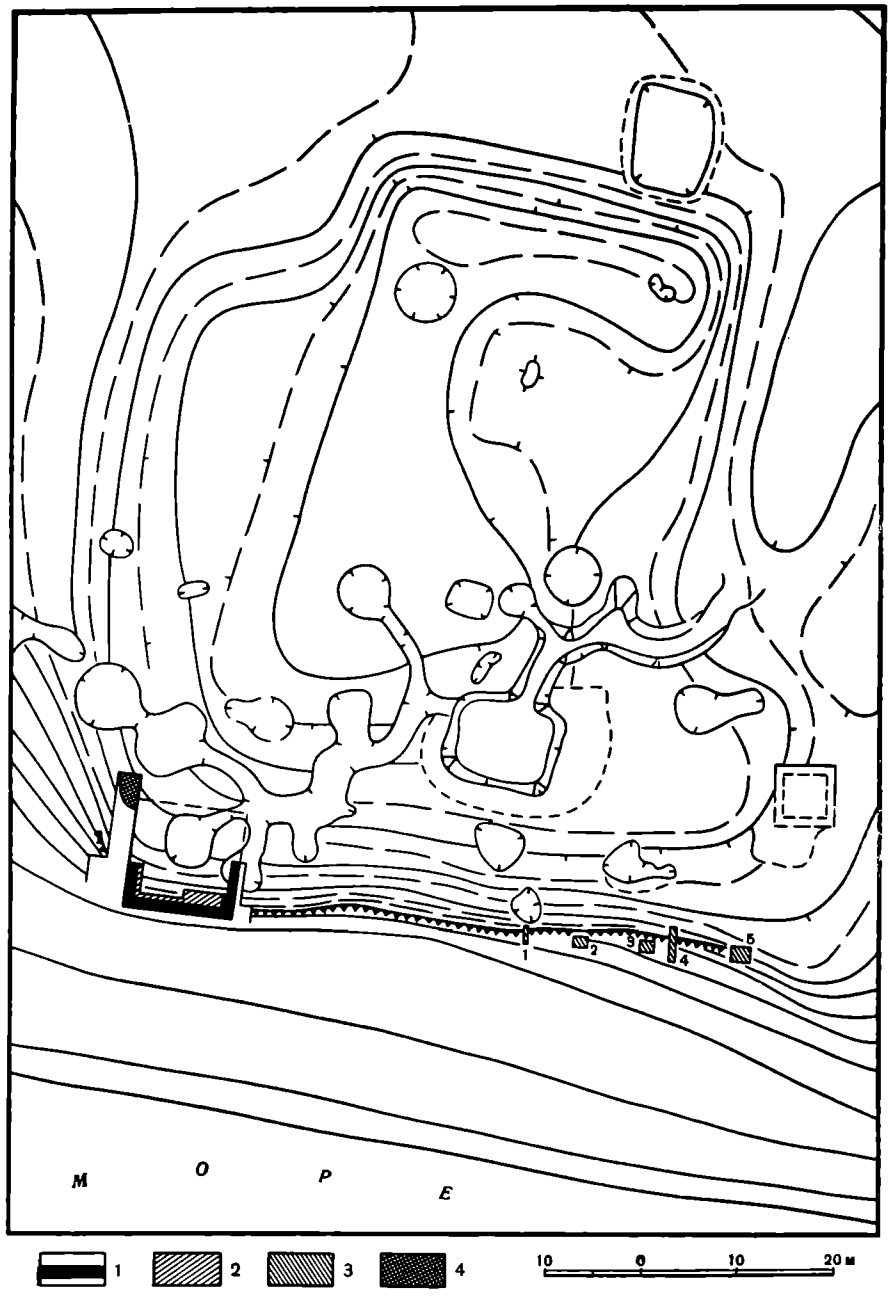


Рис. 1. План городища Беляус.

1 — стены башни; *2* — мелкий камень; *3* — шурфы; *4* — стена 2-го строительного периода

Основываясь на данных разведок П. Н. Шульца, о Беляусе кратко упоминали в своих работах М. А. Наливкина, М. И. Артамонов, А. И. Тюменев [12]. М. И. Артамонов локализовал на месте Беляуса ТА ΤΕΙΧΗ декрета в честь Диофанта [13], понимая это слово (вслед за рядом других исследователей) как название определенного пункта — «Стены» [14].

---

[12] М. А. Наливкина. Северо-западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации. ПИДО, 1934, 9—10, стр. 162; ее же. Керкинитида и Калос Лимен (некоторые итоги изучения). Сб.: «Античный город». М., 1963, стр. 55; М. И. Артамонов. Скифское царство в Крыму. ВЛГУ, 8, 1948, стр. 60; А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, IV, ВДИ, 1950, № 2, стр. 49; VI, ВДИ, 1955, № 3, стр. 41, 43. А. И. Тюменев, как и П. Н. Шульц, иногда упоминает городище Беляус под названием «Донузлавское».

[13] IOSPE, I², № 352.

[14] М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 60. Доказательства того, что это слово в декрете могло быть только нарицательным и означало «укрепления», см. О. Д. Дашевская. ΤΕΙΧΗ декрета в честь Диофанта. ВДИ, 1964, № 3.

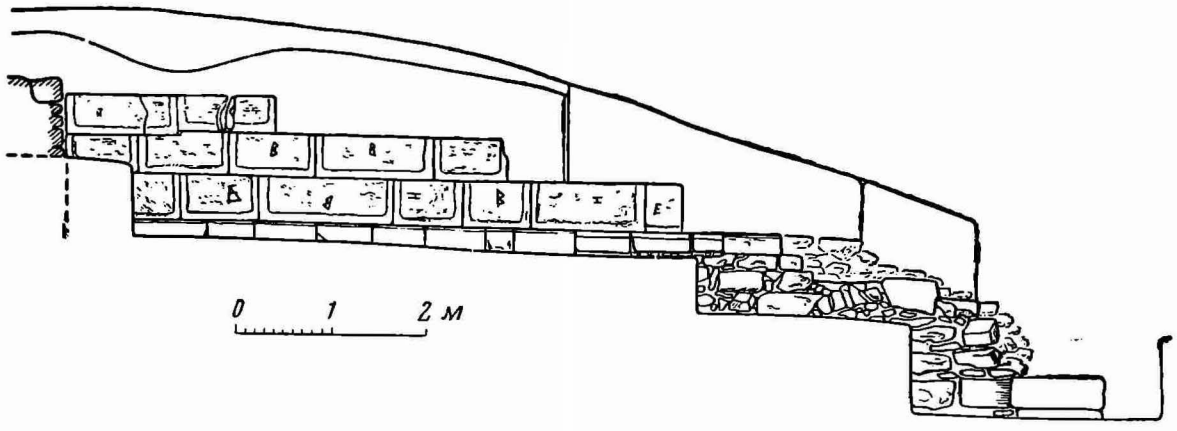


Рис. 2. Беляус. Башня. Фас западной стены

Дальнейшие разведочные работы на городище Беляус, сопровождавшиеся зачистками и инструментальной съемкой, проводились в 1959—1960 гг. Тарханкутской экспедицией Херсонесского музея (А. Н. Щеглов) [15], а в 1962 г.— Крымским отрядом ИА АН СССР (О. Д. Дашевская) [16]. В 1963 г. совместная экспедиция ИА АН СССР и Херсонесского музея приступила к раскопкам Беляуса.

Городище находится в 41 *км* к северо-западу от Евпатории, у северо-западного конца пересыпи оз. Донузлав, на низком берегу моря. Высота плато городища от уровня моря достигает 6 *м*. Вокруг него простирается степная равнина.

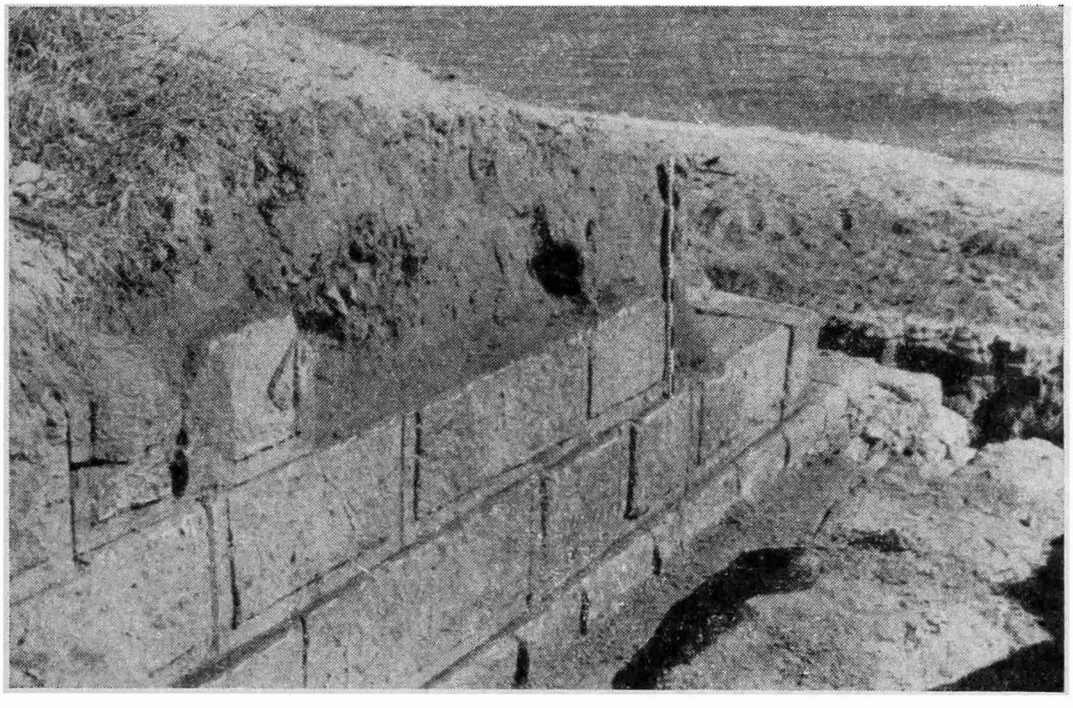


Рис. 3. Беляус. Западная стена башни

Рядом с городищем расположены два селища. Одно из них, сильно распаханное, примыкает к городищу с севера, непосредственно за дорогой Беляус — Оленевка, а другое отстоит на 600 *м* к востоку, подходя к дому

[15] А. Н. Щеглов. Разведки 1959 года..., стр. 74—75.

[16] О. Д. Дашевская. Разведки в Северо-Западном Крыму в 1961—1963 гг. КСИА АН СССР, 103.

Дорожно-эксплуатационного участка (бывший Беляусский трактир, упоминаемый П. О. Бурачковым и др.) [17]. К северо-востоку от городища, по обе стороны шоссе Евпатория — Черноморское, на поле возвышаются два кургана.

Городище в плане прямоугольное, вытянутое с севера на юг (рис. 1). Площадь его составляет около 3500 *м*^{2}. Поверхность сильно изрыта окопами и блиндажами, особенно в южной, прибрежной части; этот край городища, будучи всего в 15—20 *м* от уреза моря, во время штормов размывается.

Раскоп был заложен в юго-западном углу городища, в том месте, где наблюдались обнажения кладки и где нами в 1960 и 1962 гг. делались зачистки и шурфовки.

В результате раскопок обнаружена юго-западная угловая башня крепости. Раскрыты на всем протяжении южная и западная ее стороны (по наружному фасу; рис. 2 и 3) и частично — восточная. Таким образом, выявлены три угла и полностью определены размеры башни. Она оказалась квадратной в плане, размером 10,7 × 10,8 *м*.

Фундамент башни впущен в глинистый материк на глубину до 2 *м* и составлен девятью рядами кладки из крупных подтесанных известняковых блоков. Наибольшими размерами отличаются угловые плиты (например, 1,52 × 0,66 × 0,35 *м*).

На фундамент уложен цокольный ряд кладки, сохранившейся почти на всем протяжении западной стороны башни. Он состоит из прямоугольных плит высотой 0,25 *м* и длиной по фасу от 0,5 до 1,56 *м*, хорошо отесанных и тщательно подогнанных друг к другу. Для более точной подгонки на камнях сделаны верхние и боковые (правые) фаски. Ширина цоколя 1,13 *м*. С внутренней стороны цокольный ряд доложен камнями гораздо меньшего размера и хуже обработанных, чем лицевые. По верхней плоскости цоколя в 5 *см* от его внешнего края проходит врезанная по шнуру риска для установки первого ряда облицовочной кладки.

У северо-западного угла на западной стороне башни сохранились три нижних ряда наружной облицовки общей высотой 1,37 *м*; далее к югу уцелели один-два ряда, а у юго-западного угла облицовка полностью выбрана. Она сложена насухо из тесаных рустованных квадров оолитового понтического известняка. Квадры во всех трех рядах положены «логом» (только один из сохранившихся камней — «тычком»). Руст стесан по трем краям — боковым и нижнему; ширина стесанной каймы 5—10 *см*. На левой стороне большинства квадров имеются вертикальные фаски для подгонки камней.

По высоте ряды не одинаковы, а уменьшаются кверху: квадры первого ряда имеют высоту 50, второго — 47 и третьего — 44 *см*. Второй ряд кладки отступает от фаса вглубь на 4—5 *см*, третий почти не отступает от второго. Толщина стен башни (1 *м*) установлена по кладке первого ряда в его южной части, обнаженной и сверху. Здесь ширина одной из внешних плит, положенной «логом»,— 0,65 *м*; «тычок» уходит вглубь на 97 *см*. Внутренний фас стены состоит из сравнительно небольших плит. Длина наружных облицовочных квадров различна — от 0,72 до 1,35 *м*.

На лицевой поверхности всех полностью раскрытых квадров (за исключением двух, у которых поверхность испорчена) высечены крупные (высотой до 18 *см*) греческие буквы и монограммы — метки каменотесов (рис. 4 и 5). Всего их насчитывается десять. Две метки повторяются: В — четыре раза. Н — три раза (одна повреждена). Кроме того, имеются Е и две монограммы: одна из них составлена буквами Δ, А и Г, другая —

---

[17] Пользуемся случаем выразить благодарность дорожному мастеру Н. А. Косареву за помощь экспедиции и охрану городища.

Н и Т. К этому надо добавить, что П. Н. Шульц в 1934 г. видел на камнях оборонительной стены метки в виде Δ [18], и еще одна метка в виде Ш была обнаружена А. Н. Щегловым в 1960 г. при зачистке упавшего рустованного квадра (рис. 4). Перевернутое положение одной из В свидетельствует о том, что буквы высекались до укладки камней в стену. Перевернутые буквы наблюдаются и на стенах Херсонеса [19].

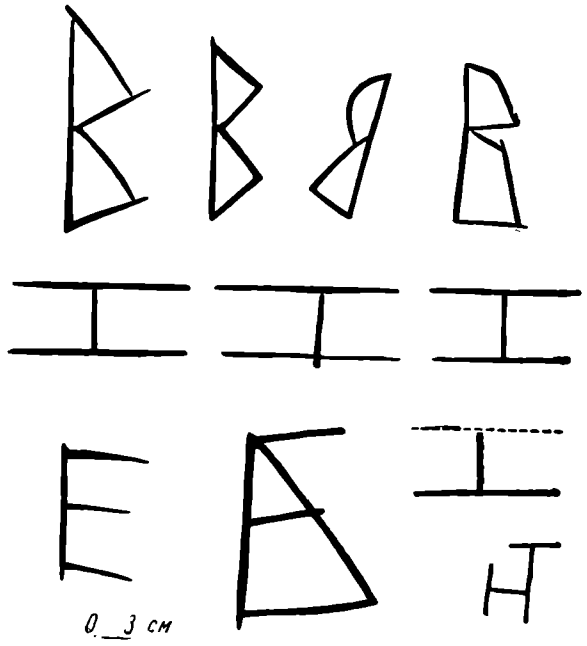


Рис. 4. Метки каменотесов, высеченные на камнях западной стены башни

Метки каменотесов, помещенные на лицевой стороне плит, в Северном Причерноморье встречаются редко; главным образом они известны в Херсонесе, где на оборонительной стене открыты 39 букв и монограмм 20 образцов [20]. Одинаковых меток, за исключением Δ, на стенах Херсонеса и Беляуса пока не обнаружено, однако аналогичная нашим угловатая В высечена на камне, найденном в одной из усадеб Гераклейского полуострова [21]. Там же, в балке Бермана, на камнях проема стены, примыкающей к башне, были нанесены буквы А, В, Г, Δ, Е [22]. Единственная буква Δ, зафиксированная на рустованной облицовке башни Калос Лимена [23], находит аналогию среди меток Беляуса.

Нельзя согласиться с мнением А. Л. Бертье-Делагарда, повторенным затем К. Э. Гриневичем, что наличие знаков каменотесов на русте свидетельствует о предназначении его к стеске [24]. Как мы уже отмечали, буквы на лицевой поверхности стен встречаются редко; между тем обработка квадров в технике руста является приемом, широко распространенным в античных городах, в частности — Северного Причерноморья, в эллинистическую эпоху [25]: этот прием был наиболее экономным и вполне достаточным для точной подгонки квадров и вместе с тем очень украшал стены, создавая игру светотени. Стесывать уже готовый руст с оборонительных стен было бы нерационально. С другой стороны, можно привести примеры, когда метки нанесены на отесанную лицевую поверхность камней [26].

[18] П. Н. Шульц. Евпаторийский район, стр. 270.

[19] К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического, II, ХС, II, 1927, табл. II, *1*.

[20] А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе. ИАК, 21, 1907, стр. 93, рис. 14; К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического, I, ХС, I, 1926, стр. 53 сл. и рис. 31, II, стр. 9. См. камни с метками каменотесов: В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская. Раскопки северной и западной частей Мирмекия. МИА, 4, 1941, стр. 125, рис. 22; В. Д. Блаватский. Строительно-каменотесное дело Пантикапея. МИА, 56, 1961, стр. 39 и рис. 19, *2*; А. М. Апакидзе. Города и городская жизнь в древней Грузии, I, Тбилиси, 1963, стр. 220, рис. 112, табл. LI (на груз. яз.).

[21] С. Ф. Стрелецкий. Ук. соч., рис. 111.

[22] К. Э. Гриневич. Раскопки Гераклейской экспедиции 1928 г. «Крым», 1928, № 2 (8), вып. II, стр. 60—61.

[23] Раскопки Л. А. Моисеева в 1929 г. Фотоархив ЛОИА, О — 85, № 56—57. Башня, как и беляусская, квадратная в плане, но русты стесаны не с трех, а с четырех сторон.

[24] А. Л. Бертье-Делагард. Ук. соч., стр. 95; К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического, I, стр. 53—55; III, ХС, V, 1959, стр. 82.

[25] В. Д. Блаватский. Античная архитектура на территории Северного Причерноморья. Всеобщая история архитектуры, II, 2, М., 1948, стр. 369.

[26] Упомянутые метки на стене в балке Бермана: см. Архив Херсонесского музея, д. № 275, стр. 18 и фототека, нег. № 2776.

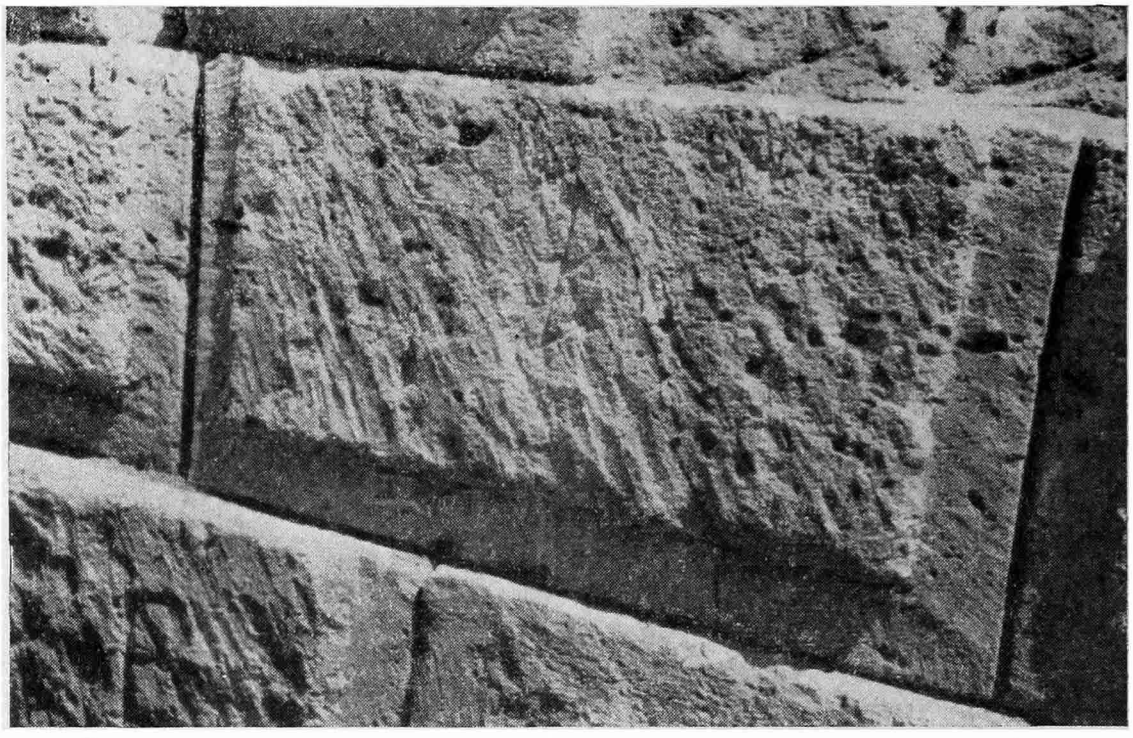


Рис. 5. Квадры с метками каменотесов

Метки каменотесов, ставившиеся как на лицевой, так и на скрытой затем в кладке поверхности квадров и не расположенные на стенах в алфавитном порядке (как это было в тех случаях, когда они предназначались для укладки камней в определенной последовательности [27]), к тому же иногда представляющие собой монограммы, могли служить при оплате для определения объема работы, выполненной каждым мастером [28]. Наличие меток является подтверждением предположения А. Н. Карасева, что в IV в. до н. э. в Северном Причерноморье при сооружении городских стен и башен каменотесные работы «были дифференцированы: вся грубая отеска исполнялась рабами, а чистая отеска, пригонка и укладка плит на место — свободными, высококвалифицированными ремесленниками» [29].

Вдоль всей западной стены башни, прирезав, кроме того, еще 2 *м* к северу, мы прокопали траншею шириной 2 *м*, глубиной 2,2 *м*, доведя ее до глинистого материка, т. е. до уровня подошвы цоколя. Материк перекрыт здесь глинистым слоем толщиной 0,45 *м*, содержащим большое число известняковых отесов, оставшихся от строительных работ при сооружении башни. Подавляющее большинство найденной в слое керамики составляет гончарная, главным образом амфорная; лепной керамики мало. Среди обломков амфор почти 90% принадлежит херсонесской таре, остальные — синопской и гераклейской. По типу амфор, лутериев, кувшинов херсонесского производства и чернолаковой посуды комплекс материала датируется III—II вв. до н. э. Слой относится к периоду, непосредственно следующему за сооружением башни. Он перекрыт глинистым же слоем, но без отесов, толщиной 0,25 *м*, с керамикой тех же типов; поверхность этого

[27] Сб.: «Эллинистическая техника». М.— Л., 1948, стр. 72—73.

[28] К. К. Косцюшко-Валюжинич. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 г. ИАК, 1, 1901, стр. 27; К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического, III, стр. 82.

[29] А. Н. Карасев. Развитие строительно-каменотесного ремесла в античных городах Северного Причерноморья (VII—I вв. до н. э.). ПИСП. М., 1959, стр. 133. Не исключено при этом, что такие мастера могли быть мелкими рабовладельцами, использовавшими подсобный труд двух-трех своих рабов. Эта интересная мысль высказана В. Д. Блаватским в прениях по нашему докладу на античной секции отчетного пленума ИА АН СССР за 1963 г.

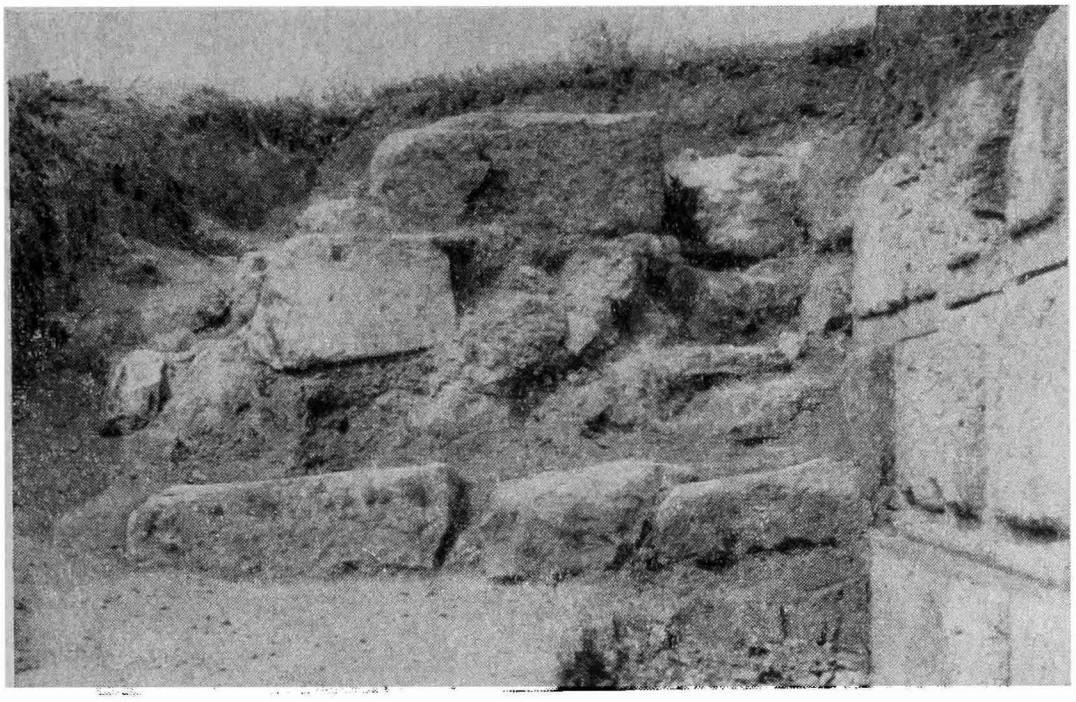


Рис. 6. Стена, примыкающая к башне

слоя подходит к башне на уровне границы между первым и вторым рядами ее облицовки.

На этом уровне лежит подошва стены, пристроенной вплотную к северо-западному углу башни, но резко отличающейся по кладке (рис. 6). Насколько можно судить по незначительному открытому пока участку, стена шла с юга на север, как бы утолщая здесь западную сторону башни, и затем поворачивала к востоку. Толщина стены в основании на данном отрезке 1,65 м. Сложена она преимущественно из рваного камня на глине. В кладке вторично использованы рустованные квадры из разобранной более ранней башни. Один из них — огромный угловой блок размером 1,25 × 0,80 × 0,30 *м*, с двумя пазами для деревянных пиронов в форме «ласточкиного хвоста». Наружный панцирь стены имеет значительный наклон.

При зачистке описанной стены найдено большее, чем в подстилающих слоях, количество обломков лепной керамики, в том числе от горшков с характерным скифским орнаментом из насечек и вдавлений (рис. 6, *7*), какие встречены также в подъемном материале городища (рис. 6, *5*) и селищ.

Строительные остатки обоих периодов перекрывает сероватый супесчаный слой. Общая толщина культурного слоя городища превышает 2,5 *м*.

Исходя из рельефа городища, а также из минимального и среднего расстояния между башнями крепостных стен Херсонеса (30—50 *м*) [30], мы предприняли попытку найти вторую (юго-восточную) угловую башню Беляуса. На линии южной стороны юго-западной башни, к востоку, заложили пять шурфов, начиная в 30 *м* от юго-восточного угла башни и кончая в 52 *м* от того же угла (см. рис. 1). Однако ожидаемых результатов мы не получили: в первых трех шурфах признаков культурного слоя не оказалось, а в двух последних он не дал строительных остатков.

Керамика из шурфов № 4 и 5 представлена обломками амфор, кувшинов и лутериев преимущественно херсонесского производства и лепных

[30] В. Д. Блаватский. Материалы по античной фортификации в Северном Причерноморье. Уч. зап. МГУ, 143, 1950, стр. 135; К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического, III, стр. 85 сл.

горшков, среди которых один — с орнаментом (рис. 7, *6*). Здесь найдена ручка синопской амфоры с клеймом ΑΣΤΥΝΟ[ΜΟΥ]/ΜΝΗΣΙΚΛΕ[ΟΥΣ] /..... .По классификации В. И. Цехмистренко, это клеймо датируется первой четвертью III в. до н. э. [31]

Вопрос о второй прибрежной башне, таким образом, остается пока открытым: или она была разобрана, или укрепление имело непрямоугольную планировку, или же здесь вообще не было второй прибрежной баш-

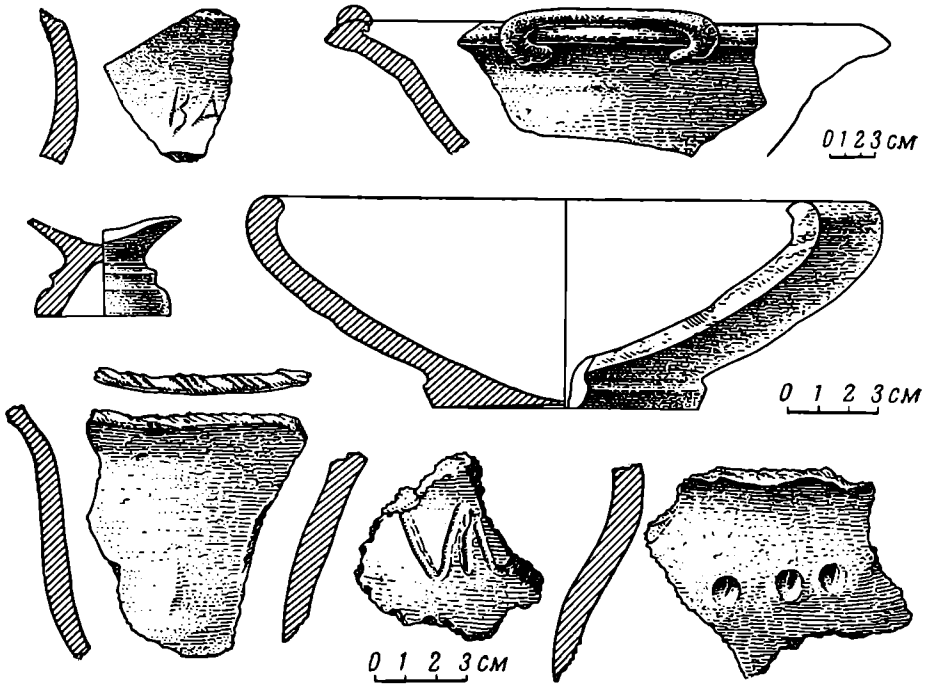


Рис. 7. Беляус. Керамика с Восточного селища и городища

ни. Следует учитывать и то обстоятельство, что существующий рельеф и конфигурация городища определяются наиболее поздними сооружениями на нем.

Система кладки, техника обработки облицовочных плит и наличие меток каменотесов на их лицевой поверхности сближают башню Беляуса с теми оборонительными сооружениями Херсонеса, которые на основании новейших исследований датируются самым концом IV — началом III в. до н. э. [32]. Этой дате в общем соответствует и характер букв, высеченных на рустах. Раннее начертание Η с вертикальной соединительной линией встречается в херсонесских надписях III в. до н. э., в частности в Херсонесской присяге [33]. Массовый керамический материал городища и подъемный материал с селищ (рис. 7, *1—4*; 8) не противоречат такой датировке; к числу наиболее ранних находок принадлежит херсонесская амфорная ручка (рис. 8, *2*) с клеймом астинома [Ксе]нона (конец IV — начало III в. до н. э.) [34]. Таким образом, по имеющимся сейчас в нашем распоряжении

[31] Устное любезное сообщение В. И. Цехмистренко. Ср. Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, стр. 193.

[32] С. Ф. Стржелецкий. Вопросы датировки оборонительных стен Херсонеса (по материалам раскопок 1957—1960 гг.). Тезисы докладов о раскопках Херсонеса на сессии ОИН и пленуме ИА АН СССР, посвященных результатам 1960 г. Севастополь, 1961, стр. 16—17.

[33] В. В. Латышев. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889—1891 годах. МАР, 9, 1892, табл. I; IOSPE, I², № 401, стк. 50. Угловатая форма В не может служить датирующим признаком, а отражает лишь неопытность каменотесов в лапидарном письме (S. Reinach. Traité d'épigraphie grecque. Paris, 1885, стр. 185). Такое начертание В имеется среди граффити эллинистического Херсонеса (Г. Д. Белов. Эллинистический дом в Херсонесе. Тр. ГЭ, VII, 3, 1962, рис. 23).

[34] Р. Б. Ахмеров. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса. ВДИ, 1949, № 4, стр. 105—106, табл. I, *13*.

данным мы можем относить возникновение городища к рубежу IV—III вв. до н. э.

Эта датировка и небольшие размеры городища (бывшие неясными для первых его исследователей, тем более что к городищу близко примыкают селища) позволяют теперь обосновать отказ от попыток локализации Керкинитиды на Беляусе и могут служить дополнением к важным данным, полученным М. А. Наливкиной в результате последних исследований ранних слоев Евпаторийского городища в пользу отождествления его с известной древним авторам еще в конце VI в. до н. э. Каркинитидой или Керкинитидой [35].

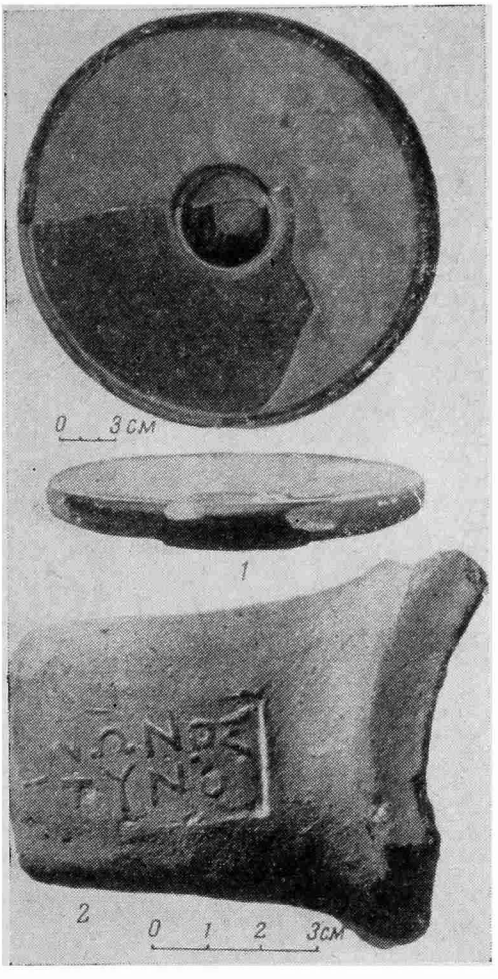


Рис. 8. Беляус. Находки с Восточного селища

1 — чернолаковое рыбное блюдо; *2* — херсонесское клеймо на ручке амфоры

В гражданской присяге херсонеситов, относящейся, по мнению большинства исследователей, ко времени не позже второго десятилетия III в. до н. э. [36], упоминаются, кроме Керкинитиды и Калос Лимена, «и другие» херсонесские укрепления, находившиеся, несомненно, в том же районе, между названными двумя пунктами. Следовательно, они возникли до создания присяги, причем, как показывают археологические данные, незадолго до нее. А. И. Тюменев отмечал, что составление Херсонесской присяги непосредственно последовало за колонизацией херсонеситами западного побережья Крыма и должно было закрепить факт приобретения внешних владений [37].

Судя по местоположению Беляуса, по его датировке, по характеру оборонительных сооружений и вещественных материалов, свидетельствующих о связях с Херсонесом, мы заключаем, что исследуемая крепость не что иное, как одно из укреплений херсонеситов [38]. Таким образом, здесь перед археологами реально открывается одно из тех безымянных τείχη Херсонесской присяги, которыми херсонеситы владели наряду с Керкинитидой и Калос Лименом и которые они клялись не предавать никому — ни эллину, ни варвару.

---

[35] М. А. Наливкина. Керкинитида и Калос Лимен (некоторые итоги изучения). Сб.: «Античный город». М., 1963, стр. 55.

[36] С. А. Жебелев. Херсонесская присяга. СП, стр. 222; Е. И. Левп. К вопросу о датировке Херсонесской присяги, СА, IX, 1947, стр. 99.

[37] А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, IV, стр. 45.

[38] Сравнение меток каменотесов, которые могут обнаружиться и при дальнейших раскопках этих укреплений, позволит поставить вопрос о том, одними ли группами мастеров они строились.

В. С. БУРДОВ

О НОСИТЕЛЯХ ДРЕВНЕЙ ПРИМОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПОЛУОСТРОВЕ ЯМАЛ

В 1930 г. В. Н. Чернецов произвел на п-ове Ямал раскопки древних поселений охотников на морского зверя. У мыса Тиутей-Сале на береговом обрыве были найдены остатки трех землянок. На севере полуострова, у мыса Хаэн-Сале, обнаружено другое поселение, состоящее из шести-семи землянок. И в том и другом случае внутри землянок и вокруг них было найдено много костей моржа, белого медведя, тюленя, кита, а также охотничий инвентарь и домашняя утварь. Поселение у мыса Тиутей-Сале В. Н. Чернецов датировал последними веками I — началом II тысячелетия. Поселение у мыса Хаэн-Сале возникло значительно позднее, оно могло существовать до середины XVII в. [1].

После раскопок на п-ове Ямал археологи продолжали исследования в других районах северо-западной Сибири. Г. Н. Прокофьев в 1940 г. изучал этногонию народностей Обь — Енисейского севера по данным языка. В 1954 г. В. Н. Чернецов и В. Н. Мошинская уверенно заявили, что на севере Приобья, до того как там появились ненцы, «жили племена, родственные как по языку, так и по культуре палеазиатам северо-востока Азии — эскимосам побережья и юкагирам тайги» [2].

Чем же это подтверждается?

Предания, записанные В. Н. Чернецовым у ямальских ненцев, говорят, что побережье полуострова до прихода ненцев было заселено народом, не имевшим оленей, охотившимся на морских зверей, жившим в землянках и говорившим на особом языке... Ненецкое название этого народа — сиртя. В глухих районах полуострова народ сиртя, судя по этим преданиям, окончательно исчез лишь в середине XVII в.

Народ сиртя, как считают В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская, частично был истреблен ненцами, частично ассимилирован ими. Ненцы заимствовали при этом у народа сиртя многие элементы его материальной культуры, сходной с культурой народов, заселяющих северо-восток Азии и арктическое побережье Северной Америки. Ненцы, как считают В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская вплоть до начала XIX в. пользовались кожаными лодками, сходными по своей конструкции с чукотско-эскимосским каяком. Конструкция землянки, обнаруженной при раскопках Усть-Полуйского городища, оказалась «крайне сходной с землянкой протоэскимосской». Древнее население Усть-Полуйского городища и современные карибу-эскимосы пользовались одинаковыми снежными лопатами и одинаковыми вертлюжками для предупреждения спутывания собачьей упряжи. Усть-полуйские гребни для высокой женской прически напоминают по форме гребни эскимосские. Усть-полуйские налобные косточки-уздечки оленя-манщика тождественны налобным косточкам современной тунгусской и чукотской оленьей уздечки [3].

Расселение вплоть до побережья Баренцева моря родственных эскимосам, чукчам и юкагирам племен было подтверждено в 1940 г. исследованиями Г. Н. Прокофьева [4]. На основании анализа этнонимов он установил наличие двух пластов насельников Обь-Енисейского севера. Один из этих пластов — восточный. Это пласт «тян», «сан», вскрываемый в самоназваниях ненцев (ненэ-цян), нганасан, энцев (эне-тен), кетов (денг), юкагиров (тин). Другой пласт — западный, «кум», «куп», вскрываемый

[1] В. Н. Чернецов. Древняя приморская культура на полуострове Ямал. СЭ, 1935, 4—5.

[2] В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская. В поисках древней родины угорских народов. Сб. «По следам древних культур». М., 1954, стр. 186.

[3] В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская. Ук. соч., стр. 185.

[4] Г. Н. Прокофьев. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна. СЭ, 1940, 3.

в самоназвании коми, в самоназвании селькупов (соль-куп), а также в ненецком общем названии для соседних племен — «хаби». Г. Н. Прокофьев отмечал наряду с этим наличие многих общих слов у ненцев и народов, заселяющих крайний северо-восток Сибири, относящихся к области материального производства в условиях приполярной зоны (названия глухой одежды, меховой обуви, нерпы, белого медведя, куропатки и др.).

Таковы в самых общих чертах важнейшие аргументы В. Н. Чернецова и В. И. Мошинской в защиту их гипотезы о носителях древней приморской культуры на п-ове Ямал.

В. Н. Чернецов записал предания ямальских ненцев о том, что до их прихода на побережье полуострова жил другой народ, говоривший на особом языке. Но языки народов нашего Севера распадаются на множество диалектов. О том, насколько большой может быть здесь разница между отдельными диалектами, можно судить хотя бы по тому факту, что в прошлом тобольские чиновники и купцы, отправляясь к обдорским хантам и сургутским, вынуждены были брать с собой разных переводчиков. Живущие в бассейне Пура лесные ненцы («пянха-сово») являются непосредственными соседями ненцев тундровых, но их язык, по свидетельству Г. Вербова, «довольно значительно» отличается от тундрового диалекта, особенно в области фонетики[5]. Поэтому возможно предположить, что охотниками на морского зверя, которых ненцы называли народом сиирти, могли быть те же ненцы, говорящие лишь на особом диалекте ненецкого языка.

При установлении этнографических параллелей в быте отдельных народов необходимо считаться с тем фактом, что первобытные орудия труда, типы жилищ, средств передвижения и др. были в разное время самостоятельно изобретены человеком на разных территориях, что не исключало, конечно, возможности обмена техническим опытом[6].

В поисках параллелей, которые дали бы возможность определить этническое лицо народа сиирти, В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская обратили прежде всего внимание на тот факт, что прибрежное население северо-западной Сибири и Большеземельской тундры пользовалось в прошлом кожаными лодками, сходными по конструкции с чукотско-эскимосским каяком. В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская исходят при этом из широко распространенного представления, что кожаные лодки характерны только для арктических морей. Если бы это на самом деле было так, можно бы было допустить, что изобретенные эскимосами кожаные «каяки» постепенно получили распространение по арктическому побережью Америки и значительной части Евразии. На самом же деле кожаными лодками в прошлом люди пользовались не только на севере, но и на юге, не только на побережьях морей, но и внутри континентов.

Нам не известна конструкция кожаных лодок, бытовавших в древности у населения южных морей и умеренного пояса, но бесспорно, что чукотско-эскимосский каяк представляет собой обыкновенную, небольшую по размерам каркасную кожаную лодку, приспособленную к плаванию по неспокойным водам морей, для чего обшит был кожей и верх лодки, за исключением люка для гребца; лодки, сходные по своей конструкции с чукотско-эскимосским каяком, могли появиться везде, где люди умели изготовлять каркасные лодки, обшитые кожей.

Найденные при раскопках Усть-Полуйского городища дугообразные поделки из кости[7] В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская рассматривают как налобные пластины от уздечки оленя-манщика и утверждают, что подобного рода детали отсутствуют у современной ненецкой оленьей уздечки,

[5] Г. Вербов. Краткий ненецко-русский и русско-ненецкий словарь. Салехард. 1937, стр. 4.

[6] О. М. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957.

[7] В. И. Мошинская. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя. МИА, 35, 1952, стр. 81.

но есть у оленьей уздечки, бытующей у эвенков и чукчей. На самом деле чукчи, юкагиры и коряки имеют для оленей только простой ременный недоуздок, без налобных костяных пластин [8].

Анализируя параллели в области устройства жилищ, В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская противоречат сами себе. В 1954 г. они писали, что «конструкция усть-полуйской землянки крайне сходна с землянкой протоэскимосской». Но все сходство, оказывается, заключается здесь только в том, что жилища усть-полуйцев, чукчей, алеутов и айнов имеют углубленную ниже уровня пола канаву [9]. По этим канавам стекает вода, накапливающаяся в землянках при оттаивании почвы. Канавы используются также как вход в землянку. Трудно, однако, согласиться с такой упрощенной трактовкой, в особенности если учесть, что сам В. Н. Чернецов не считает дренажную канаву обязательной принадлежностью усть-полуйского жилища. Описывая прямоугольные в плане землянки усть-полуйского типа, обнаруженные в относительно южных районах Приобья, он отмечает, что они «не имели специфически арктической черты — дренажной канавки,— нужды в которой при отсутствии мерзлоты, видимо, не наблюдалось» [10].

О лопатах для разгребания снега В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская сообщают лишь, что найденные при раскопках Усть-Полуйского городища «неясного назначения орудия крупных размеров из китовой кости и бивней мамонта, сильно заполированные от употребления, при сопоставлении с материалами по этнографии карибу-эскимосов, оказались лезвиями для снежных лопат» [11]. О формах этих лезвий В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская ничего не сообщают, и об убедительности этого их аргумента в защиту родства усть-полуйцев и карибу-эскимосов судить трудно.

Непоследовательность продемонстрировали В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская в своих рассуждениях относительно усть-полуйских гребней, являющихся наиболее многочисленной и характерной частью найденных здесь костяных поделок. Украшенные в верхней части скульптурными изображениями зверей и птиц, гребни эти предназначались для высокой женской прически, имели от 2 до 6—10 длинных (до 7 *см*) зубьев. С. В. Киселев считает «изумительные звериные композиции на костяных изделиях из Салехарда» одним из наиболее ярких проявлений «решающей роли саяно-алтайской культуры в формировании северных вариантов скифо-сибирского искусства» [12]. Близок был в 1941 г. к этому определению и В. Н. Чернецов, рассматривавший салехардские поделки из кости как одно из доказательств проникновения на север носителей степных культур Сибири [13]. В 1954 г. В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская неожиданно заявили, что усть-полуйские гребни напоминают по своей форме гребни эскимосские.

Вопрос о родстве древней приморской культуры на п-ове Ямал с эскимосской будет совершенно ясным, если к сказанному добавить результаты археологических исследований на Чукотке, произведенных в 1945 г. С. И. Руденко. Он не нашел на побережье Чукотки ни орудий труда, ни жилищ, сходных с усть-полуйскими. Суммируя результаты собственных исследований и накопленный до этого археологический материал, С. И. Руденко приходит к следующему заключению: морские зверобои-эскимосы появились в области Берингова пролива сравнительно поздно и пришли сюда с юга, из островной юго-восточной части Азии. Расселение эскимосов по морскому побережью к западу от Берингова

---

[8] Историко-этнографический атлас Сибири. М., 1961, стр. 22.

[9] В. И. Мошинская. Жилище усть-полуйской культуры и стоянки эпохи бронзы в Салехарде. МИА, 35, стр. 181.

[10] В. Н. Чернецов. Усть-полуйское время в Приобье. МИА, 35, стр. 222.

[11] В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская. В поисках древней родины...

[12] С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. М., 1951, стр. 673.

[13] В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских угров. КСИИМК, 1941, IX, стр. 23.

пролива не простиралось далее устьев Колымы. Для дальнейшего расселения в западном направлении у зверобоев-эскимосов не было стимула, так как ареал распространения важнейших промысловых зверей — моржа, тюленя, лахтака — как в настоящее время, так, вероятно, и в древности, ограничивался пределами Берингова и Чукотского морей; в Восточно-Сибирском море зверя крайне мало, а в море Лаптевых заходят только единичные экземпляры [14].

Нельзя считать убедительными и исследования Г. Н. Прокофьева в области языка. Перечисленные Г. Н. Прокофьевым общие для ненцев и населения северо-восточной Сибири слова в ряде случаев нет оснований считать относящимися к области материального производства в условиях только приполярной зоны. Глухая малицеобразная одежда, например, существовала в древности, судя по археологическим материалам, и в Хакасско-Минусинской котловине [15]. Меховая обувь распространена далеко за пределами приполярной зоны. Куропатка — птица, широко распространенная и в лесах умеренного пояса. Коряки, судя по приведенному Г. Н. Прокофьевым перечню, имеют три общих слова с ненцами, чукчи — два, эскимосы — два, юкагиры — одно, тунгусы — одно. Это — слишком шаткая основа для хоть сколько-нибудь обоснованных заключений, потому что подобного рода совпадения являются отражением сложных, очень плохо еще изученных, миграционных процессов, происходивших в разнообразных направлениях на протяжении многих веков. Заключения о родстве отдельных народов, основанные на созвучии лишь нескольких слов, нельзя считать убедительными, в особенности если они не подтверждаются данными археологии и этнографии.

В. Н. Чернецов разделяет ошибку многих этнографов и историков, считающих ненцев извечными оленеводами. Он не допускает и мысли о том, что древними охотниками на морского зверя на п-ове Ямал могли быть ненцы. Единственное его возражение сформулировано так: «Допустить, что в какой-то период своего обитания ненцы жили в землянках, невозможно. Вся их культура, образ жизни делают абсурдным такое предположение» [16]. Но самоедоязычные народы не всегда и не везде были только оленеводами. Родственные ненцам по происхождению и языку селькупы основные средства к существованию получали от рыболовства и охоты. В ясачных книгах середины XVII в. зарегистрированы самоедоязычные роды «конных кашинцев», жившие к востоку от Хакасско-Минусинской котловины на территории Камасинской «землицы» и занимавшиеся, видимо, коневодством [17]. Частью самоедоязычное, частью кетоязычное население Койбальской степи, находящейся на юге Хакасско-Минусинской котловины, в 70-х годах XVIII в., по свидетельству Палласа, жило зимой в деревянных домах, летом — в войлочных юртах, разводило лошадей, рогатый скот, и овец, занималось земледелием [18].

Из этнографической литературы XIX в. известно, что ненцы, кочуя в летнее время по морскому побережью, охотились на моржей и тюленей. В незначительных размерах этот вид охоты сохранился и в настоящее время. Дошедшие до нас более ранние известия носят иной характер. По сообщению Г. Новицкого, в начале XVIII в. обдорские самоеды отправлялись на промысел морского зверя к берегам Новой Земли, «идеже множество костей рыбьих (т. е. клыков моржа.— *В. Б.*) промышляют» [19].

---

[14] С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.— Л., 1947, стр. 34, 39, 41, 68, 112 сл.

[15] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 254.

[16] В. Н. Чернецов. Древняя приморская культура на полуострове Ямал, стр. 125.

[17] Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, стр. 239.

[18] А. П. Потапов. Происхождение и этнический состав койбалов. СЭ, 1956, № 3, стр. 39.

[19] Г. Новицкий. Краткое описание о народе остяцком. СПб., 1884, стр. 39.

Нидерландский историк XVII в. Иероним Мезингер сообщает, что самоеды имеют челны, вмещающие по 20—24 охотника, в которых они отправляются за китами. «Добывая много китового жира, самоеды наполняют им кожи других животных, торгуют жиром с московитами» [20]. Охота на морского зверя, в том виде, как ее описывают И. Мезингер и Г. Новицкий, едва ли могла быть лишь случайным побочным занятием ненцев-оленеводов, как это стало в XIX в. В еще более ранних источниках мы найдем другие бесспорные сообщения о том, что для определенной части ненцев охота на морского зверя была основным занятием. Сохранилось описанное на исходе XV в. сообщение «О человецех незнаемых на восточной стране и о языцех разных». Неизвестный автор этого раннего этнографического труда описывает быт обитающих за Уралом самоедских племен. Он упоминает при этом каменную самоядь, самоядь малгонзейскую, самоедское племя баид, а также самоядь линную. Эти линные самоеды от других отличались тем, что они «летние месяцы живут в море, а на суше не живут того ради» [21].

По единодушному мнению исследователей, ненцы появились на Крайнем Севере сравнительно поздно и переселились сюда с саянских предгорий. Перемещение это связывается либо с историческими событиями, известными под названием великого переселения народов, либо даже с монгольскими завоеваниями XIII в. Между тем, внутри Большеземельской тундры и внутри п-ова Ямал обнаружены десятки стоянок, датируемых II тысячелетием до н. э. Кому же принадлежали эти стоянки?

Из всех многочисленных, крайне противоречивых гипотез о происхождении угро-финнов наиболее убедительной надо считать основанную на данных антропологии гипотезу Н. Н. Чебоксарова. Отмечая языковое родство угро-финнов, Н. Н. Чебоксаров констатирует вместе с тем наличие трех ясно различимых антропологических типов в их составе.

1. Уральская антропологическая группа. По расовым компонентам она занимает промежуточное положение между монголоидами и европеоидами. Из современных угро-финских народов монголоидные черты в наибольшей степени выражены у хантов и манси.

2. Беломорско-балтийская группа относится к европеоидам с небольшой примесью монголоидных расовых компонентов. Из народов, принадлежащих к угро-финской языковой семье, к этой группе относятся: эстонцы, ливы, вепсы, большая часть карел, финны-суоми, удорские, ижемские и вычегодские коми и некоторые группы мордвы.

3. Атланто-черноморскую группу составляют брюнеты индо-средиземноморского типа. К этой группе относятся: ивдельские манси на Северном Урале, иньвенские коми-пермяки, ижевские удмурты, наровчатская мордва-мокша.

Исходя из этого, Н. Н. Чебоксаров считает, что заселение северной части Восточной Европы, после того как она стала освобождаться от ледникового покрова, шло и с юго-запада и с юга, но особенно интенсивным было движение с востока, из-за Урала. По мнению Н. Н. Чебоксарова, формирование угро-финской этнической общности проходило в западной Сибири. Смешение монголоидного и европеоидного населения началось здесь еще в конце палеолита. В процессе расселения в западном направлении уральского антропологического типа, который с самого начала был смешанным, угро-финны ассимилировали просочившееся с юга и юго-запада население атланто-черноморского и беломорско-балтийского типа, утратившее при этом свой язык [22].

К этим выводам пришел и А. Я. Брюсов. По его мнению, заселение

---

[20] М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941, стр. 280.

[21] Г. Старцев. Самоеды. Л., 1930, стр. 21.

[22] Н. Н. Чебоксаров. К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой семьи. СЭ, 1952, 1, стр. 45—49.

лесной полосы европейской части Советского Союза шло не с запада на восток и не с юга на север, а в основном с востока на запад, из-за Урала [23].

Передвигаясь из-за Урала на запад, угро-финны постепенно расселились вплоть до арктического побережья Скандинавии. Еще легче и раньше угро-финны могли заселить арктическое побережье северо-западной Сибири. Это дает основание предполагать, что побережье Карского и Баренцева морей до появления здесь ненцев заселено было племенами, принадлежащими к угро-финской этнической группе. Подтверждение этому мы найдем в топонимике края и в религиозных представлениях манси и хантов.

По сообщению А. Шренка, Уральские горы на широте Обдорска известны были ненцам под именем «Хабий гой», т. е., в переводе на русский язык, «Остяцкие горы». Ненцы называли так эту часть Уральских гор (верховья Усы, бассейн р. Соби), несмотря на то, что в 30-х годах XIX в., к которым относится путешествие А. Шренка, здесь жили не остяки, а сами ненцы. Обстоятельно изучавший на своем пути происхождение географических названий, А. Шренк с недоумением отмечает в своей книге наличие по всей области р. Усы зырянских географических названий в местах, где зыряне никогда не жили [24]. В «Книге большому чертежу» при описании р. Пузги указано, что она течет с Нарымского берега. В других источниках XVI—XVII вв. п-ов Ямал известен был под названием мыса Няромзей. Названия эти имеют явно хантыйское происхождение. «Нером» на языке хантов означает болото, тундра. «Нарымский берег» в переводе на русский язык — «Тундровый берег». «Няромзей» является типичной для языка ненцев переделкой того же хантыйского названия.

Следы былого расселения манси и хантов вплоть до морского побережья северо-западной Сибири сохранились в религиозных представлениях этих народов. Самые северные поселения манси и хантов находятся в настоящее время в сотнях километров от моря. Тем не менее, в мансийском пантеоне имеется и морской царь Вит-хон [25]. По воззрениям сургутских хантов, их верховный бог Торум, кроме трех сыновей, имел еще живущую в море дочь Чарас-Най [26].

Все факты говорят, таким образом, за то, что оседлыми охотниками на морского зверя на побережье Ямала, восточной части Баренцева и Карского морей, ко времени появления здесь русских были ненцы. Но они в этой области труда были лишь учениками своих угро-финских предшественников. Население верхнего Енисея и его притоков, откуда переселились на север ненцы, судя по последним этнографическим данным, до появления русских не знало иных средств передвижения по воде, кроме плота и неуклюжей лодки-долбленки [27]. Ханты в настоящее время имеют разнотипные деревянные лодки, поднимающие до десяти человек, с применением паруса при плавании по широким рекам. Средства сообщения по воде разработаны хантами так, что у них существуют облегченной конструкции и украшенные резьбой специальные весла для женщин [28]. Судя по источникам XVIII в., ханты умели также изготовлять обшитые берестой каркасные лодки. Далекие предки современных хантов являются, по всей вероятности, изобретателями и тех каркасных кожаных лодок, которые похожи конструкцией на чукотско-эскимосские каяки. Этими лодками ненцы продолжали пользоваться вплоть до начала XIX в

---

[23] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

[24] А. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов. СПб., 1855, стр. 333.

[25] В. Павловский. Вогулы. Казань, 1907, стр. 173.

[26] А. А. Дунин-Горкавич. Тобольский Север, III, СПб., 1911, стр. 36.

[27] Историко-этнографический атлас Сибири, стр. 113.

[28] Там же, стр. 107.

В заключение скажем несколько слов о причинах исчезновения поселений оседлых охотников на морского зверя на арктическом побережье северо-западной Сибири и на побережье Баренцева моря. В. Н. Чернецов объясняет это появлением в XIV—XV вв. в тундре северо-западной Сибири санного оленеводства. Будучи более совершенной на данном этапе развития техники формой хозяйства, санное оленеводство, как утверждает В. Н. Чернецов, к середине XVII в. постепенно вытеснило зверобойный промысел, хотя он и не исчез совершенно [29]. Оставляя в стороне спорный вопрос о времени появления санного оленеводства на севере Евразии, необходимо отметить, что оленеводство и морской зверобойный промысел не исключают друг друга. Чукчи в определенной своей части были охотниками на морского зверя при наличии у них санного оленеводства. Действительная причина упадка зверобойного промысла на побережье Карского и Баренцева морей заключается в истощении природных ресурсов. К. Чапский отмечает, что с XVII в. Баренцево море сделалось ареной международного китобойного промысла. В течение нескольких десятилетий были истреблены запасы китов. С 70-х годов XVII в. иностранные, главным образом норвежские, промышленники развили интенсивный промысел моржей, тюленей и белых медведей. В результате некогда многочисленные и обильные лежбища морских зверей, в продолжение сотен лет привлекавшие зверобоев, были уничтожены [30]. К этому можно добавить, что вслед за истощением лежбищ морских зверей исчезли на побережье Баренцева и Карского морей оседлые поселения охотников.

[29] В. Н. Чернецов. Древняя приморская культура на полуострове Ямал, стр. 125.

[30] К. Чапский. Морские звери Советской Арктики. М., 1941, стр. 13, 28.

Г. К. ШАМБА

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ НАГОРНОЙ АБХАЗИИ

Памятники эпохи античной Абхазии давно привлекают внимание исследователей. Их изучение, начатое еще с прошлого столетия, успешно продолжается и по сей день. Выявленный материал является определенным вкладом и в изучение древней истории Абхазии и истории всего Черноморского побережья [1]. Но все это касалось лишь ее прибрежной части, главным образом античных городов Диоскурии, Питиунта, Гюеноса и других населенных пунктов. Этого нельзя сказать в отношении нагорной Абхазии. До недавнего времени оттуда были известны лишь отдельные надземные памятники культового и оборонного назначения преимущественно средневековой эпохи. По истории материальной культуры населения всей нагорной Абхазии интересующего нас периода наши сведения весьма ограничены. Между тем, сообщения античных авторов, начиная с первых веков нашей эры, дают достоверные сведения о жизни местного населения в лице апсилов, абазгов, мисимийцев и других племен, обитавших от приморских районов до подножья альпийских лугов [2], т. е. на территории, в основном совпадающей с современными границами Абхазской АССР.

Изучению истории и культуры этих племен и посвящены археологические исследования Абхазского института языка, литературы и истории имени Гулиа АН ГрузССР, которые ведутся с 1960 г. под руководством

[1] Л. Н. Соловьев, М. М. Трапш. Археологические исследования в Абхазии за 40 лет Советской власти. Тр. АбхазИЯЛИ, XXXII, Сухуми, 1961, стр. 118—128.

[2] Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы. Сухуми, 1960, стр. 34.

канд. истор. наук М. М. Трапша [3]. Раскопкам подверглись древние могильники, расположенные в высокогорной Абхазии по Военно-Сухумской дороге близ селения Цебельды, известного ранневизантийским историкам как Тзибил или Тибелия [4].

Данная статья посвящена описанию и анализу погребальных обрядов и инвентаря из вновь открытого могильника в 1962 г. около с. Цебельды. Местными жителями этот пункт назван Ахаччархва (в переводе с абхазского означает «холм дикорастущей груши»). Еще до раскопок на поверхности этого могильника находили обломки древних черепков, фрагменты бронзовых и железных предметов, о чем нередко сообщали местные жители соответствующим научным учреждениям. В результате раскопок некрополя Ахаччархва экспедицией выявлено около 30 позднеантичных погребений. Хотя вся площадь могильника еще не раскрыта, полученные данные представляют собой определенный интерес, позволяя проследить жизнь наших далеких предков.

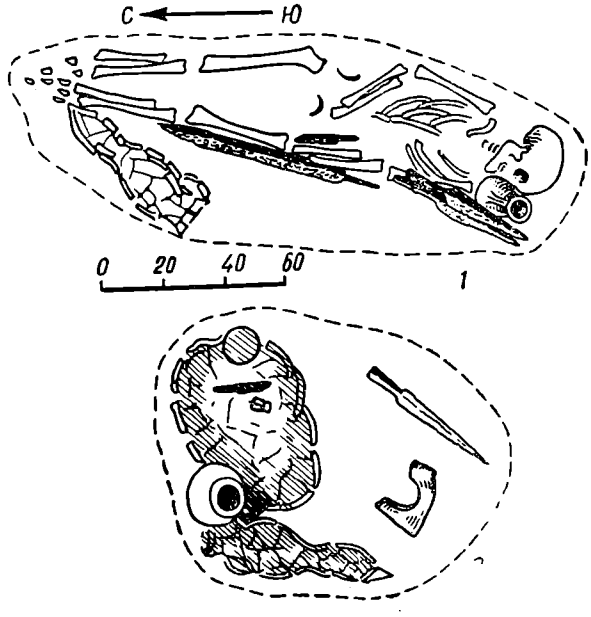


Рис. 1. Могильник Ахаччархва

Два способа захоронения: *1* — трупоположение; *2* — трупосожжение

Погребение № 1 (10). Трупоположение (рис. 1, *1*). Покойник был погребен в округлой четырехугольной яме без насыпи и каменных кладок. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентированный на юго-запад. Руки располагались вдоль тела. В могиле обнаружены: 1) фрагменты красноглиняного кувшина с чашеобразным венчиком, дугообразной ручкой и плоским дном. Предплечье сосуда украшено крестообразно расположенными врезными кружочками (рис. 2, *3*); ручка орнаментирована рельефными очкообразными и врезными ромбиками; 2) два железных наконечника копья вытянутой листообразной формы с резко выраженной гребенчатой гранью (рис. 2, *4*). Перо переходит во втулку под прямым углом. Во втулках сохранились остатки дерева; 3) фрагменты железной пряжки и железного ножа; 4) железный меч с плоским черенком, снабженный сквозным отверстием для гвоздя (рис. 2, *6*). Он имеет аналогию среди боспорских мечей, датируемых Н. И. Сокольским первыми веками нашей эры [5]. При разборке дна могилы обнаружена бусина из черного стекла, служившая, по-видимому, навершием ручки меча. Бусина инкрустирована из двух опоясывающих параллельных ломаных линий. Подобные бусины, по мнению В. Б. Деопик, датируются III—V вв.

Погребение № 2 (14). Обряд трупоположения. Ориентировка на юго-запад. В могиле находились: 1) обломки пифоса; 2) красноглиняный кувшин с чашечкообразным венчиком и со знаком W на ручке (рис. 2, *2*). По форме, технике отделки, орнаментике сосуд относится к комплексу

---

[3] М. М. Трапш. О некоторых итогах археологических исследований в с. Цебельда Сухумского района. Тр. АбхазИЯЛИ, XXXII, стр. 187—190. Состав экспедиции: М. М. Трапш (начальник экспедиции), В. Б. Деопик — научн. сотр. Ин-та археологии АН СССР, М. М. Гунба и Г. К. Шамба — научн. сотр. Абхазского ин-та языка, литературы и истории им. Гулиа АН ГрузССР.

[4] З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.). Сухуми, 1959, стр. 7.

[5] Н. И. Сокольский. Боспорские мечи. МИА, 33, 1954, табл. VII, *а*.

уже известной цебельдинской керамики [6]. В то же время он сильно напоминает кувшинчики раннеэллинистической эпохи из Очамчире и Нижней Эшеры (Прибрежная Абхазия) [7].

Нетрудно установить преемственную связь между кувшинчиками из Очамчире (из слоя IV в. до н. э.) и Нижней Эшеры (раннеэллинистический слой) [8], с одной стороны, и кувшинчиками позднеантичной эпохи из исследуемого нами могильника,— с другой. Так, одну из деталей кувшина, сближающей его с очамчирским кувшином, мы видим в шарообразных

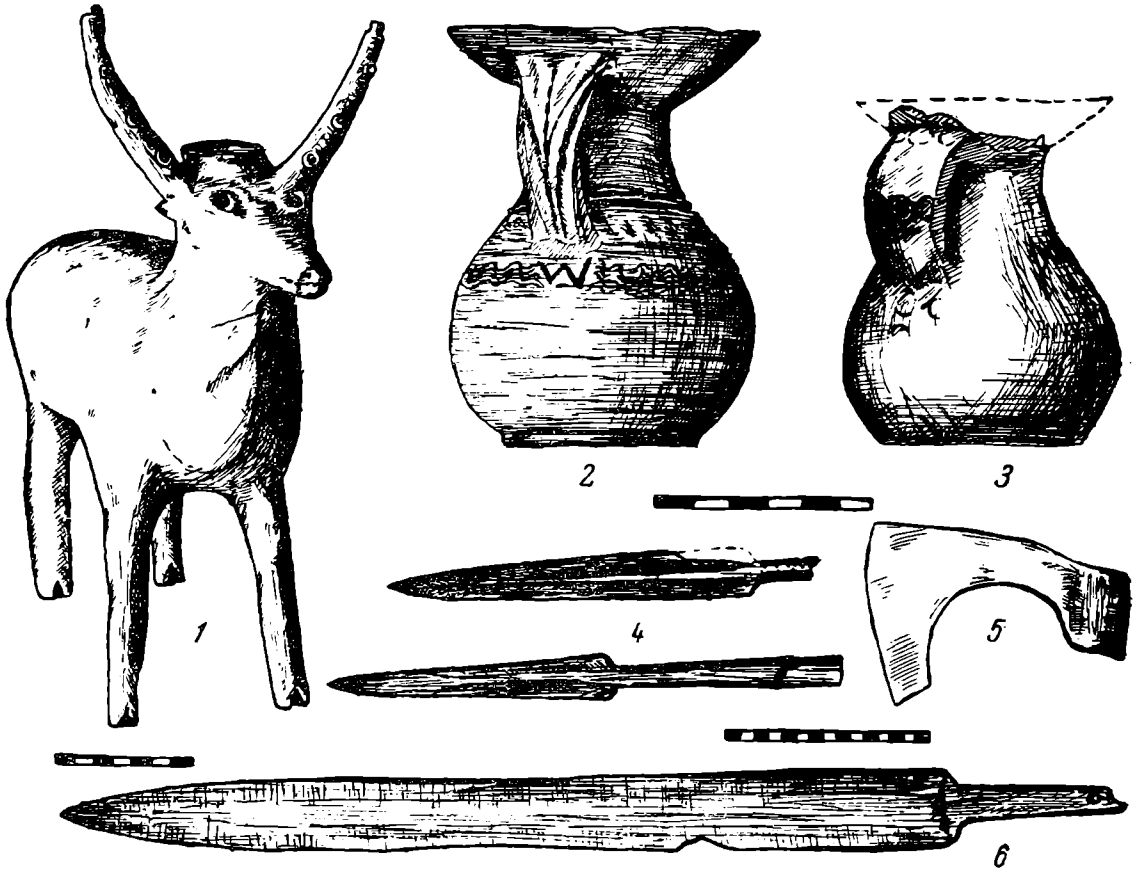


Рис. 2. Вещи из погребений на могильнике Ахаччархва

корпусах обоих кувшинов. Их объединяет также волнообразный орнаментальный узор, нанесенный на поверхности тулова, который производился при помощи широкой гребенки. Вполне допустимо, что в Цебельде существовало несколько гончарных мастерских. Об этом свидетельствует изображение под нижним концом ручки буквы W, являвшееся, по нашему мнению, условной меткой одного гончара или одной мастерской. Вне Абхазии подобной керамики нам не известно. Поэтому мы полагаем, что цебельдинские кувшинчики с чашечкообразным венчиком являются дальнейшим развитием форм продукции местного гончарного производства. Вне сомнений, этот тип керамики послужит ведущим образцом керамических изделий местных племен. Из этого же погребения была извлечена полая фигурка оленя с двумя ветвистыми рогами (рис. 2, *1*). Олень занимает настороженную позу с приподнятой головой. Между основаниями рогов имеется сквозное отверстие в виде горловины сосуда для наливания жидкостей. Судя по размеру и объему, она была предназначена для содержания жидкостей (вина?). По-видимому, фигурка служила атрибутом

---

[6] М. М. Трапш. Ук. соч., стр. 187.

[7] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, I, Тбилиси, 1949, стр. 43, рис. 12; II, 1950, стр. 273, табл. 73, *Б*.

[8] Б. А. Куфтин. Ук. соч., I, стр. 43.

жреца [9], с погребением которого в данном случае, очевидно, мы и имеем дело.

Погребение № 3 (15). Обряд трупосожжения (рис. 1, *2*). Площадь ямы занимала 80 × 90 *см*. Глубина 30—40 *см*. Остатки костяка были ссыпаны в пифос, который стоял горловиной вниз. Вокруг сосуда лежали: 1) железный топор с трубчатой проушиной и рогообразной лопастью. Он относится к так называемому «цебельдинскому» типу топоров, описанных в публикациях Б. А. Куфтина [10], М. М. Трапша [11], И. А. Гзелишвили [12] и Н. Рехвиашвили [13]. Если до недавнего времени топоры этого типа были известны лишь из окрестностей Цебельды, то теперь нам удалось установить наличие аналогичных топоров и из других областей Абхазии. Речь идет о двух экземплярах топоров, найденных случайно на пашне учащимся Хеївanской средней школы (Гагрский район) Василием Нестеровым и хранящихся в том же школьном музее. К сожалению, топоры мы не можем уверенно связать с другими материалами оттуда же (ввиду случайности находок), хотя и не сомневаемся в синхронности однородной материальной культуры этих двух отдаленных друг от друга населенных пунктов (Цебельда и Хеївани). По нашему мнению, в этом типе топора нетрудно увидеть прототип современного абхазского топора, именуемого в этнографической литературе как «апсуаиха»: в основных своих чертах он сохраняет древнюю форму так называемых «цебельдинских» топоров. Особенно их сближают очертания лезвий и формы обушных частей. С другой стороны, топоры «цебельдинского» типа в средние века получили широкое распространение на юге нашей страны.

Этим ограничивается перечень погребального инвентаря некрополя Ахаччархва. Из сказанного следует, что могильник содержит погребения с двумя различными обрядами — трупоположение и трупосожжение в кувшинах (неполная кремация). Это указывает на смешанность населения погребенных здесь людей, с разными культурными традициями и разного происхождения. Раскопками установлено и место, где, по всей вероятности, производилась кремация. Она совершалась там же на территории некрополя (обнаружены следы обугленных костяков). Этот древний обряд дохристианского язычества широко был известен повсюду. Вместе с тем, в специальной литературе было высказано мнение, согласно которому обряд кремационного захоронения заимствован местными жителями у греческих колонистов [14]. О необходимости пересмотра подобных утверждений сигнализируют, на наш взгляд, новые данные — открытие трупоположений в Бриле (западная Грузия) [15], в окрестностях Сухуми [16], у Чхороцку [17] и нашего могильника в нагорной Абхазии. Они указывают на почти непрерывное применение обряда трупосожжения (наряду с трупоположением) во всей западной Грузии и Абхазии примерно с X в. до н. э. вплоть до позднеантичной и даже средневековой эпох. Нужно помнить Борисовский и другие могильники северо-западного Кавказа и погребальный об-

---

[9] А. Л. Лукин. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. Тр. ОИПК ГЭ, табл. XVIII, *1*.

[10] Б. А. Куфтин. Ук. соч., I, табл. VII.

[11] М. М. Трапш. О некоторых итогах..., стр. 187.

[12] И. А. Гзелишвили. Остатки кремационных погребений в глиняных сосудах в Абхазии. Сообщ. АН ГрузССР, IV, 1—2.

[13] Н. Рехвиашвили. Железные хозяйственные орудия из Абхазии. ВГМГ, *A* и XXI, *B*, 1957, стр. 318 (на груз. яз.).

[14] Б. А. Куфтин. Ук. соч., I, стр. 95—96.

[15] Г. Ф. Гобеджишвили. Следы производства металлургии и металлообработки в древней Грузии в с. Геби. Сообщ. АН ГрузССР, XIII, 3, 1952, стр. 186 (на груз. яз.).

[16] А. Н. Каландадзе. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1953, стр. 89; М. М. Трапш. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951—1953 гг. СА, XXIII, 1955, стр. 207.

[17] П. В. Хоштария. Могильник с трупосожжением (захоронение в урнах) и остатки поселений. Материалы по истории Грузии и Кавказа, II, Тбилиси, 1941.

ряд, некогда бытовавший у абазин, также связанных с абхазским этническим массивом.

При датировке могильника Ахаччархва решающее значение имеет найденная в погр. № 17 монета римского императора Антония Пия (138—161 гг.).

Исходя из изложенного выше, можно полагать, что некрополь Ахаччархва принадлежит сельскому населению и относится к наиболее раннему из известных нам позднеантичных памятников нагорной Абхазии, датируемых III—IV вв.

М. А. ИЛЬИН

О НАИМЕНОВАНИИ ДЕСЯТИННОЙ ЦЕРКВИ

Хорошо известно, что подавляющее большинство городских соборов домонгольской Руси было посвящено празднику Успения Богоматери. Обычно эти посвящения объяснялись зависимостью от собора Киево-Печерской лавры, которому они якобы подражали. Это мнение зиждилось на ее Патерике, где говорилось о значении Великой Успенской церкви лавры (1073—1078) для русской архитектуры. В последнее время это мнение было сильнейшим образом поколеблено исследованием Н. Н. Воронина [1]. Он установил сознательное искажение истины еще в начале XIII в. ради прославления лавры, как центра древнерусской духовной культуры. Выяснением происхождения посвящения лаврского собора никто не занимался. Также отсутствовали в литературе попытки выяснить, какому празднику богородичного цикла была посвящена Десятинная церковь. Даже М. К. Каргер, наиболее подробно касавшийся этого памятника, оставил вопрос открытым как в своей ранней работе, так и в последнем капитальном исследовании о древнем Киеве [2]. «Древние источники обычно называют церковь „Богородицей“ — писал он — не определяя, какому празднику она была посвящена». Тут же он упоминает, не уточняя, что о ее наименовании существуют различные мнения. Попытаемся все же подвергнуть исследованию имеющиеся отдельные высказывания источников, хотя ряд авторов считают, что Десятинная церковь была посвящена празднику Успения [3], не приводя никаких аргументов в пользу этого мнения.

Под 996 г., вслед за сообщением Ипатьевской летописи об окончании постройки Десятинной церкви, приводится рассказ о приходе печенегов к Василеву. Военные действия сложились не в пользу великого князя Владимира, поспешившего «с малою дружиною изынде противу их». Он был принужден к бегству в город «по мостом одва оукрыся от противных». Находясь в таком незавидном положении, «тогда обещася Володимер поставити церковь в Василеве святое Преображения, бе бо праздник преображения Господню в день егда си бысть сеча». Летопись не сообщает, почему побеждавшие печенеги сняли осаду с Василева и ушли. «Избыв же Володимер сего постави церковь и творяще праздник», по размаху равный празднику, бывшему при недавнем освещении Десятинной церкви. Празднество продолжалось восемь дней, после чего Владимир «възвращашеться Кыеву на Оуспение святыя Богородица», где вновь был устроен «праздник светель съзываше бещисленое множьство народа». Он закончился

[1] Н. Н. Воронин. Политическая легенда в Киево-Печерском патерике ТОДРЛ, XI, 1955, стр. 96—102

[2] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950. стр. 46; его же. Древний Киев. М.— Л., 1961, стр. 10.

[3] Н. Н. Воронин. Зодчество Киевской Руси. История русского искусства, I. М., 1953, стр. 117 др.

известным требованием перепившейся дружины заменить деревянные ложки на серебряные.

Разберемся в обстоятельствах всего этого рассказа. Итак, битва с печенегами произошла на Преображение, т. е. 6 августа. Разбитый Владимир должен был укрыться в Василеве. Положение, видимо, было настолько критическим, что он дал обещание в случае избавления от плена и смерти соорудить церковь. Сколько времени продолжалось пребывание печенегов в Василеве или около него — неизвестно, но Владимир, как говорится, отсиделся. Предположим даже, что уход печенегов произошел на следующий день, т. е. 7 августа, что маловероятно. Вернее думать, что прошло несколько дней, прежде чем печенеги ушли от Василева, тем более, что они знали об ограниченных силах Владимира. После их ухода восемь дней, т. е. до 15 августа (до дня Успенья), продолжалось празднество, в течение которого была сооружена обетная церковь Спаса (Преображение). После окончания празднества Владимир отправился в Киев. От Василева до Киева около 35 *км*. Следовательно, само путешествие даже «вборзе» заняло неполный день. Иными словами, Владимир мог прибыть в Киев лишь 16 августа, т. е. после Успениева дня. Здесь им были даны распоряжения об устройстве нового, еще более грандиозного праздника, что, естественно, потребовало какое-то время, исчисляемое минимум двумя-тремя днями, когда созывалось «бещисленое можьство народа» и заготовлялось все необходимое.

Приведенная прикидка сроков заставляет нас прийти к выводу, что Владимир не мог вернуться в Киев «на Оуспение» и осуществить задуманное великое празднование счастливого избавления от печенежской опасности. По-видимому, что-то было изменено в тексте летописи либо по ошибке, либо из-за неясности текста для последующих переписчиков. Это и обусловило противоречивость в изложении событий.

Наше сомнение в точности летописного рассказа подкрепляется Троицкой летописью. В ней после сообщения об укрывшемся под мостом (в подполье?) Владимире (что безусловно правдоподобнее, чем испорченные слова Ипатьевской летописи «по мостом»; легко представить себе спрятавшегося под полом или, что менее вероятно, под мостом князя, в страхе обещающего построить церковь в случае избавления от грозящей ему смертельной опасности), постройки церкви и празднестве, продолжавшемся восемь дней, говорится, что князь «възвращаеться ко Успению светей богородицы» [4]. Это место следует понимать не как сообщение о возвращении Владимира в Киев к празднику Успения, а как указание о возвращении князя к определенному топографическому объекту (месту), в данном случае к новоосвященному храму Успения, т. е. к Десятинной церкви Киева. Это тем более вероятно, что в Троицкой летописи упоминание собственно Киева отсутствует.

Подобное истолкование текста Троицкой летописи находится в соответствии с лексикой того времени. Так, под 997 г. летопись сообщает о том, что Владимир «шедшю к Новгороду» [5], печенеги «придоша... к Василеву» [6] и т. д.

Предлагаемое толкование сообщения летописи о событиях 996 г. не только более логично, поскольку эти события уже не укладываются между 6 и 15 августа, но и дает точное наименование построенного Владимиром первого каменного храма [7]. Так, после ухода печенегов он соорудил и, ви-

[4] М. Приселков. Троицкая летопись. М.— Л., 1950, стр. 118.

[5] М. Приселков. Ук. соч., стр. 120.

[6] Ипатьевская летопись. ПСРЛ, II, М., 1962, стб. 109.

[7] Подобная попытка истолкования летописи уже имела место в литературе. Так, К. В. Шероцкий намекает, что при упоминании Успения следует думать не столько о празднике, сколько о храме, на что, по его словам, указывал еще митрополит Евгений Болховитинов, считавший Десятинную церковь посвященной Успению. Однако, несмотря на этот намек, К. В. Шероцкий все же пишет, что Владимир «поспешил возвратиться в Киев к празднику Успения». К. Шероцкий. Киев. Киев, 1917, стр. 84.

димо, освятил новый храм в Василеве в честь Преображения, устроил восьмидневный пир, вернулся в Киев к столь ему дорогой недавно освещенной церкви Успения, где устроил новое празднество. Посвящение храма в Василеве празднику Преображения отмечало спасение князя от опасности, что и было торжественно отпраздновано. Аналогичное имело место и в Киеве, где уже праздновалось счастливое возвращение — триумф Владимира в столицу, ознаменованное очевидным для него небесным покровительством Богоматери.

В свете изложенных соображений не только устанавливается наименование Десятинной церкви, но и определяется ее роль в наименовании как Успенского собора Киево-Печерской лавры, так и прочих успенских соборов многих русских городов. Несмотря на последовавшую постройку Софийского собора Киева — «митрополии» древней Руси — соборы основных русских городов посвящались именно празднику Успения, которому был посвящен древнейший русский каменный храм. Он в определенное время, видимо, олицетворял также и счастливое возвращение в Киев Владимира. Помимо этого, разыгравшиеся в 996 г. события, в результате которых в Василеве был сооружен храм в честь Преображения, объясняют посвящение ряда русских соборов и этому празднику, как празднику, в день которого, по мнению людей того времени, сказалось благоволение небесных сил к княжескому дому.

А. Н. КИРПИЧНИКОВ

ТАК НАЗЫВАЕМАЯ САБЛЯ КАРЛА ВЕЛИКОГО

На территории Восточной Европы по нашим подсчетам найдено 250 раннесредневековых сабель (считая целые и обломки). Судьба их более или менее одинакова. Пролежав много столетий в земле, эти клинки были однажды найдены, извлечены и стали достоянием науки. Существует, однако, экземпляр (связанный, правда, не с Восточной, а с Западной Европой), который никогда не терялся и не лежал в земле, а бережно передавался из поколения в поколение как инсигния «священной Римской империи». Речь идет о так называемой «сабле Карла Великого», ныне хранящейся в сокровищнице Историко-художественного музея Вены [1]. Изучение этой знаменитой вещи не безразлично для истории русского ремесла, и не только военного.

Происхождение сабли овеяно легендой: по древней традиции она происходит из погребения Карла Великого в Аахене. Новое время прибавило к этой молве фантастические подробности. Так, по одной версии, возникшей в XVIII в., сабля была подарена первому средневековому императору халифом Гаруном аль Рашидом, по другой — была захвачена Карлом на войне с аварами. Сколько-нибудь достоверные сведения о сабле очень поздние. До 1794 г. она в числе других церемониальных инсигний немецкой короны хранилась в Аахене, а затем в 1801 г. попала в Вену. Известно, что до конца XVIII в. этим оружием при коронации опоясывали императоров «священной Римской империи» [2].

---

[1] Общая длина 90,5 *см*, длина лезвия 75,8 *см*, его ширина у рукояти 2,8 *см*, выгиб полосы по системе измерений, разработанной В. В. Арендтом, 3,2 *см*. Три четверти клинка занимает елмань. Длина ножен 86,5 *см*.

Сердечно благодарю дирекцию Историко-художественного музея Вены за предоставление снимков сабли и разрешение их опубликовать.

[2] H. Fillitz. Die Insignien und Kleinodien des heiligen römischen Reiches. Wien — München, 1954, стр. 9, 11, 12, табл., 65—66; его же. Katalog der Weltlichen und Geistlichen Schatzkammer, Kunsthistorisches Muzeum, Wien, 1961, стр. 53, № 162.

В принадлежности этой сабли Карлу Великому усомнился крупный австрийский оружиевед В. Бохейм. Позднее И. Хампель и З. Тот доказали полную невозможность такой принадлежности [3]. Как справедливо писал И. Хампель, аахенская реликвия изготовлена по крайней мере три века спустя после смерти ее предполагаемого венценосного владельца [4]. В датировке вещи, однако, существуют расхождения. Н. Феттих и В. Арендт относили ее к IX в., З. Тот — ко второй половине X в., Г. Филитц — ко второй половине IX или X в., И. Хампель и Г. Ф. Корзухина — к XI в. [5]. П. Паульсен временем изготовления клинка предложил считать 950—1050 гг. [6]. Наиболее обоснованно, на наш взгляд, аргументируют свои предложения те, кто отстаивает более позднее изготовление сабли. К вопросу о ее датировке мы вернемся ниже еще раз.

Среди вещественных древностей западного средневековья так называемая «сабля Карла Великого» всегда казалась необычной и чужеродной. В восточное происхождение клинка верили все, но дальше начинались определения, поражающие своей неустойчивостью и произвольностью. Саблю считали аварской, арабской, сицилийско-норманской, венгерской, центральноазиатской; ее орнамент связывали с дакийским, готским, гуннским, иранским, «сасанидско-магометанским», арабским, византийским, сарацинским, норманским орнаментами [7]. К каким надуманным построениям прибегали некоторые исследователи, иллюстрирует пример З. Тота, посвятившего нашей сабле целую монографию. З. Тот считал саблю мадьярской, фамильным сокровищем династии Арпадовичей, позднее переданным в руки западным императорам [8]. Заметив невенгерские элементы в орнаментальном убранстве сабли и чтобы объяснить их, он выдвинул предположение о том, что клинок мог быть сделан хазарскими мастерами, переселившимися в Венгрию после военного разгрома их родины и работавших на новом месте по старым восточным образцам [9]. Почему над изготовлением сабли трудились хазарские эмигранты, З. Тот не пояснил. Выдвинутая гипотеза имела явно умозрительный характер и не встретила поддержки в том числе и у венгерских коллег З. Тота [10].

Изучение так называемой «сабли Карла Великого» неожиданно приобрело новую конкретность после того, как западные археологи заинтересовались русскими древностями. Сначала Н. Феттих, затем П. Паульсен местом возникновения клинка определили Киевское государство. Сабля, писал Н. Феттих, была изготовлена не в Венгрии, а в одном из среднеднепровских городов, вероятно, в самом Киеве [11]. Еще дальше пошел П. Паульсен, который рассматривал «саблю Карла Великого» в качестве выдающегося произведения киевской культуры [12]. Сделав эти важные заявления, упомянутые авторы исходили отнюдь не из любви к русской старине. Так, Н. Феттих свои рассуждения о раннесредневековом прикладном искусстве приправил значительной дозой национализма, превратив, например, Киев

[3] W. Bocheim. Eine militärtechnische Studie über den Säbel Karls des Grossen in der keiserlichen Schatzkammer zu Wien. ZWK, I, тетр. 1, Dresden, 1897—1899, стр. 6—8 и рис.; Z. Toth. «Attila's Schwert». Studie über die Herkunft des sogenanannten Säbel Karls des Grossen in Wien. Budapest, 1930, стр. 3 сл.

[4] J. Hampel. Der sogenannte Säbel Karls des Grossen. ZWK, I, тетр. 2, Dresden, 1897—1899, стр. 49.

[5] Г. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI в. СА, XIII, 1950. стр. 78, 80.

[6] P. Paulsen. Einige Säbelschwerter im Ostseeraum. «Documenta Archaeologica». Bonn, 1956, стр. 132.

[7] Z. Toth. Ук. соч., стр. 7 сл.

[8] Там же, стр. 209.

[9] Там же, стр. 56.

[10] Очень сдержанно отозвался о работе З. Тота Н. Феттих, а автором критической рецензии явился В. Арендт: W. Arendt. Zwei Worte über «Attilas Schwert». ZWK. Neue Folge, IV, тетр 2, Berlin, 1932, стр. 41—42.

[11] N. Fettich. Zur archaeologie der ungarischen Landnahmezeit. AE, XLV, Budapest, 1931, стр. 313—314; его же. Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn. AH, XXI, Budapest, 1937, стр. 199, 241, 246.

[12] P. Paulsen. Ук. соч., стр. 131.

в мадьярский переселенческий центр. Он утверждал, что сабля уже при ее создании среднеднепровскими мастерами предназначалась для венгерского князя Алмоса — отца Арпада [13]. Киевское происхождение сабли понадобилось П. Паульсену для того, чтобы лишний раз отнести среднее Поднепровье к числу викингских провинций, где переплеталось арабо-восточное и норманское влияния [14].

Рис. 1. «Сабля Карла Великого». Рукоять. Историко-художественный музей. Вена

Таким образом, от Н. Феттиха и П. Паульсена мы получили в свои руки хотя и в значительно, обесцененном виде, предположение о киевском происхождении «сабли Карла Великого». Отстаивать это предположение только потому, что можно удачно зацепиться за оговорку, высказанную буржуазными учеными, не приходится. Дело в том, что русская археология действительно предоставляет материал достаточной силы и убедительности для суждения по вопросу о происхождении «сабли Карла Великого».

«Сабля Карла Великого» сохранилась целиком [15]. Даже среди чем-то примечательных средневековых вещей она выделяется роскошью своей отделки и великолепием декоративного убранства (рис. 1). Части ножен и рукоять покрыты листовым золотом; на клинке укреплена медная позолоченная полоса. Несомненно, перед нами парадное оружие высшего феодала, которое могло получить и получило государственное значение.

Орнамент сабли, разнообразно представленный в больших и законченных композициях, создает все возможности для изучения самой вещи [16]. Вдоль клинка с каждой стороны тянется позолоченная медная полоска (рис. 3). На ней выгравирован узор в виде плавно изгибающейся ветви с отходящими от нее листочками. В верхней части, у перекрестья, растительный орнамент осложнен изображением двух сопоставленных гиппокампов. Характерной особенностью описанного

[13] N. Fettich. Hunen, Altungarn und Urbeölkerung. SMYA, XLV, Helsinki, 1945, стр. 187—188.

[14] P. Paulsen. Ук. соч., стр. 131.

[15] К числу поздних подновлений относятся три позолоченных серебряных кольца со вставками драгоценных камней вокруг стержня рукояти. Деревянная основа ножен (вероятно, новая) покрыта частью кожей, частью гладкой золотой пластиной, обе нового происхождения. Древними частями ножен, таким образом, являются только две орнаментированные накладки и наконечник (H. Filitz. Katalog..., стр. 53). Верхняя накладка, возможно, имела орнаментированное приращение, аналогичное нижней.

[16] N. Fettich. Die Metallkunst..., табл. XXVII, *1*, *4*; XXVIII. Здесь помещены лучшие изображения вещи. J. Hampel. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, III, Braunschweig, 1905, табл. 438, *1—3*; табл. 439, *4—5*.

узора является чередование выступающих плоскостей, заполненных рисунком, и «мелкозернистого» фона, а также «точка с усиком», украшающая листья. Композиции аналогичного стиля встречены на русских и венгерских вещах второй половины X в. (эфесы сабель, покрышки ташек, обкладка меча и др.) [17]. Единственная сабля с очень близким орнаментом вдоль лезвия найдена в Киеве в христианском, вероятно, княжеском по-

Рис. 2. Верхняя и средняя части ножен «сабли Карла Великого». Историко-художественный музей. Вена

гребении [18]. Область распространения описанных украшений занимает, следовательно, пространство от среднего Поднепровья до Венгерской низменности.

В ином стиле оформлены всегда открытые глазу части ножен и рукоять (рис. 2 и 4). Они покрыты умело выполненным чеканным рельефным орнаментом из пальметок и ленточного плетения. Характерной и организующей частью узора является круглая или заостренно-овальная петля, увенчанная пальметкой и вплетенная в ленточные извивы. Этот мотив, а также такие черты, как ветвеобразные отростки лент, четыре крестообразно расположенные лилии, пальметка в сердцевидном обрамлении, двойное или тройное переплетение лент (продольно разделенных на две части), килевидные очертания края накладок, размеренное, спокойное построение всей композиции в целом, лишенной острых изломов и фигур зверей,— все это находит ближайшие и самые точные аналогии на украшениях русских вещей X—XI вв. Среди последних вспоминаются прежде

---

[17] N. Fettich. Die Metallkunst..., XXIX; XLI, *1;* XLIV, *1—5;* XLVII сл.
[18] Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 82 сл., рис. 4—5.

всего сабельные перекрестья из Гочева и Княжой Горы, наконечник сабельных ножен из погребения в Десятинной церкви [19], а также малый черниговский рог, меч из Киева, деревянная колонна из Новгорода, бляшки дружинных погребений из Приладожья, Киева и Чернигова [20]. При всех этих сравнениях имеется в виду не только наличие одинаковых элементов орнамента (такие детали, как пальметки и растительные извивы, имели международное распространение), но и бьющее в глаза их начертательное совпадение. Стилистическое сходство орнаментальных мотивов «сабли Карла Великого» (рукояти и ножен) и ряда русских изделий настолько полное и разительное, что не требует, на наш взгляд, развернутого искусствоведческого обоснования. Перечисленные выше изделия (с некоторой поправкой на их хронологическую разницу) относятся к одному культурно-художественному кругу. В целом мы имеем дело с тем орнаментальным стилем, который пышно разовьется в XII—XIII вв. и займет господствующее положение в архитектуре, прикладном искусстве и книжной графике и истоки которого уходят в раннекиевский период [21]. Для наших целей важно уточнить время возникновения на киевской почве узора, сочетающего пальметку и ленточное плетение. Появление этой композиции, в своей специфической форме представленной в подавляющем большинстве случаев только на русских изделиях X—XI вв. [22], сопровождало зарождение собственного орнаментального искусства. В художественном отношении это явление было значительным. Показательно, что родовой герб первых Рюриковичей был оформлен именно в этом исполненном местного своеобразия стиле. Древнейший княжеский знак в «парадном варианте» представляет трезубец, элементы которого состоят из овала с пальметкой наверху в ленточном обрамлении. Эти очень характерные по начертанию знаки представлены на сребрениках, подвесках-тамгах и даже кирпичах (в первом и последнем случаях несколько упрощенно), относящихся ко времени правления Владимира Святославича [23], что тем самым устанавливает время сложения самого узора. Поскольку эту же деталь рисунка как характерную и повторяющуюся мы отчетливо различаем в орнаменте «сабли Карла Великого», постольку дату этого оружия можно предварительно определить между 80-ми годами X в. и 20-ми годами XI в. и как среднее избрать 1000 г. Не противоречат этому отмеченные выше орнаментальные аналогии и типологические признаки клинка, снабженного изогнутым перекрестьем с шарообразными увенча-

---

[19] ДП, V, Киев, 1902, табл. VI, *212*; М. К. Каргер. Древний Киев, I, М.— Л., 1958, табл. XLII.

[20] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, 11, 1949, рис. 13, 19; А. Н. Кирпичников. Мечи Киевской Руси. СА, 1961, 4, стр. 191, рис. 5; А. В. Арциховский. Колонна из новгородских раскопок. Вестн. МГУ, 4, 1954, стр. 65—68 и рис.; В. И. Сизов. Гнездовский могильник. МАР, 28, СПб., 1902, табл. V. *4;* XIII, *10.* W. J. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930, стр. 126, рис. 113.

[21] Интересующие нас композиции, включающие витье, пальметку, овал в плетении, ветвеобразные отростки лент, см.: В. Стасов. Славянский и восточный орнамент. СПб., 1884, табл. LIII; LVIII, *14;* А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1936, табл. XIV, *1;* XX, *1;* А. Н. Кирпичников. Шлем XI в. из юго-западной Руси. СА, 1962, 2, стр. 232 сл.

[22] П. Паульсен приводит несколько вещей из Норвегии, Самбии, Готланда, Латвии (в том числе известный наконечник сабельных ножен из Трейдена) с украшающей их овальной петлей, пальметкой и плетением. Многие из этих рисунков исполнены, как полагает П. Паульсен, под киевским влиянием: P. Paulsen. Ук. соч., стр. 132, рис. 5, *a* — *i*.

[23] С. А. Гатцук. Отчет о раскопках, произведенных в Тверской губ. ИАК, 6, СПб., 1904, стр. 37, 38, табл. V, *6, 7, 9;* В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. МИА, 55, 1956, стр. 158, табл. V, *A;* М. К. Каргер. Древний Киев, I, М.— Л., 1958, табл. LXXXI—LXXXII. Несмотря на переработку и усложнение, описанная композиция сохраняется и на знаках более поздней поры. Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. СА, VI 1940, стр. 239, рис. 31, 32, 33, 36.

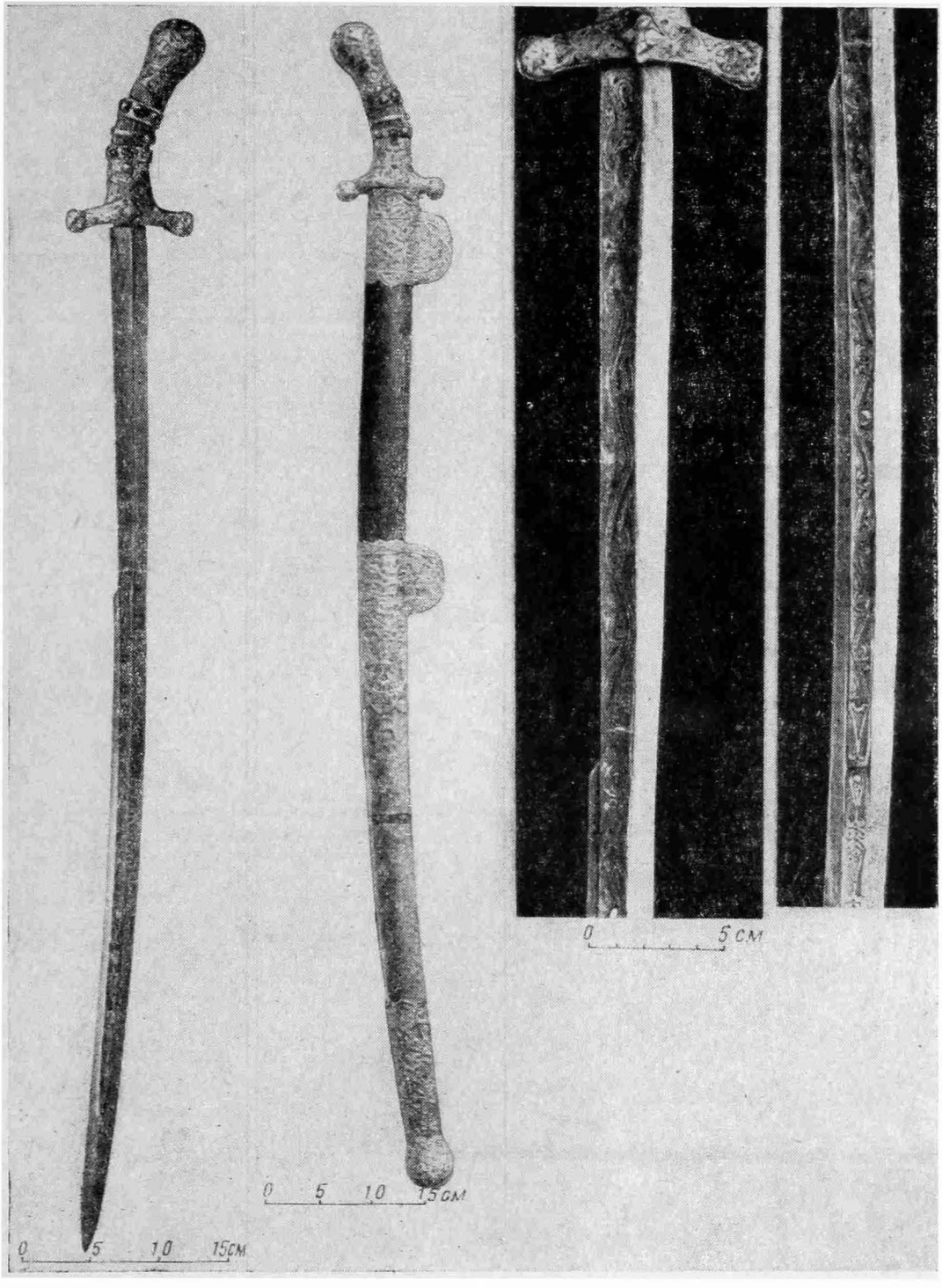


Рис. 3. «Сабля Карла Великого». Общий вид и украшения на клинке. Историко-художественный музей. Вена

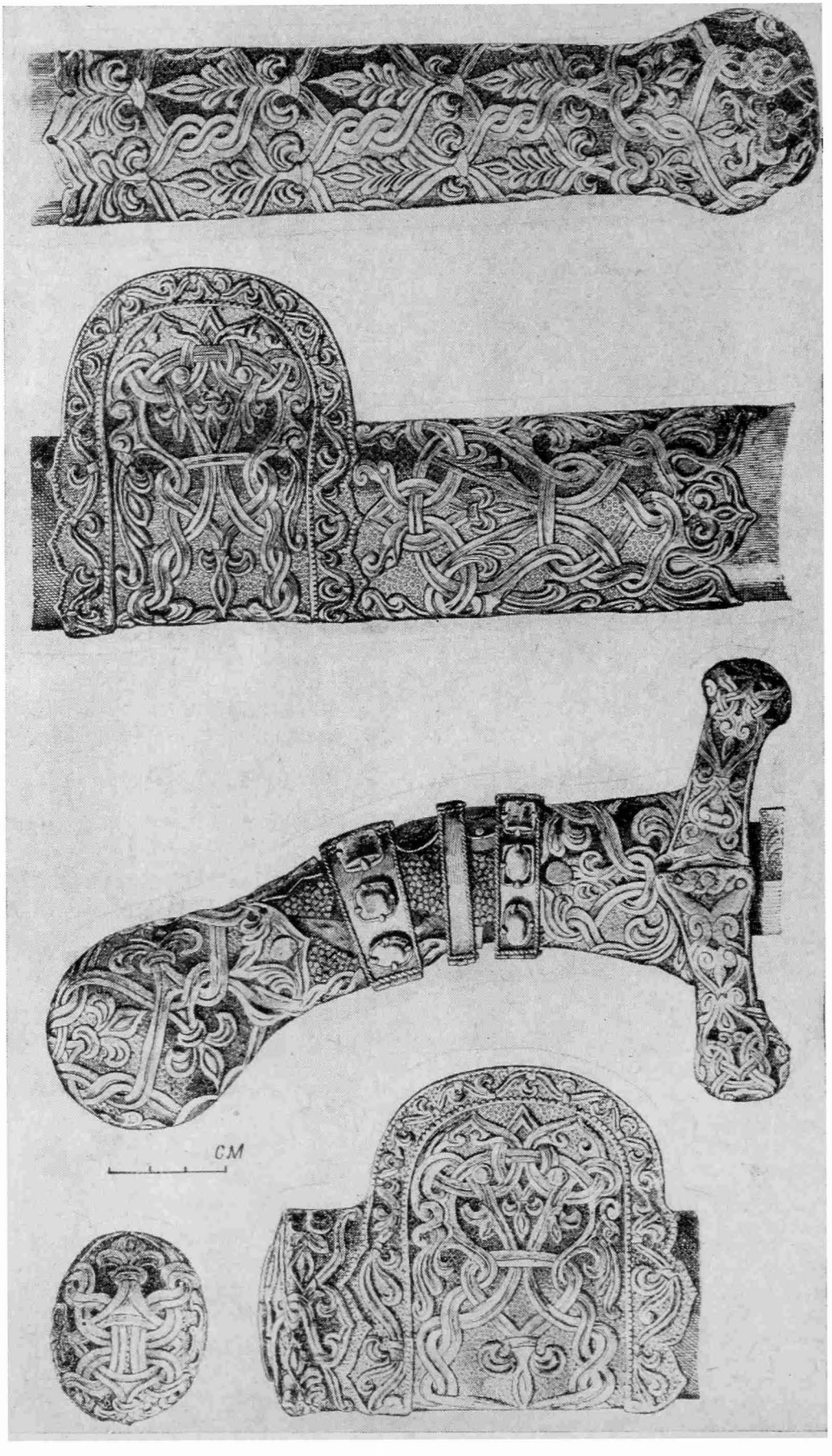


Рис. 4. «Сабля Карла Великого». Прорисовка украшений рукояти и ножен

ниями на концах и грушевидным навершием, бытующим не позднее XI в. [24]

Таким образом, декоративное убранство наружных частей венской сабли указывает на ее русское, вероятно приднепровское, происхождение. А. В. Арциховский справедливо сравнил находку резной колонны в Новгороде с чудом [25], так важна оказалась эта вещь начала XI в. для решения важнейших вопросов истории древнерусского искусства. Для изучающего возникновение русской орнаментики «сабля Карла Великого» также является чудом, только давно известным и тем не менее требующим, чтобы его снова заметили. Как бы ни рассматривать «саблю Карла Великого», она наряду с другими редкими и случайно дошедшими вещами дает представление об орнаментальном великолепии киевского искусства XI в., о его истоках и особенностях, отмеченных печатью яркого своеобразия.

При изучении венской сабли следует учесть разницу в стилистическом оформлении лезвия и рукояти с ножнами. Возможно, что вещь отделывалась или переделывалась по частям (отдельно клинок, отдельно эфес и ножны) в двух мастерских, которые по месту и времени были близки друг другу. Последнее обстоятельство может повлиять на расширение географических и хронологических определений. В зону изготовления сабли, возможно, входила Венгрия, а датой вещи (имея в виду ее целостное оформление в двух художественных стилях) можно считать 950—1025 гг. Таким образом, в создании венской сабли могли принять участие разные народы, а сама вещь выступает как свидетельство русско-венгерских культурных связей в эпоху раннего средневековья.

В ряду вещей высокого мастерства, связанных с киевской культурой, «сабля Карла Великого» вовсе не одинока. Отметим такие шедевры оружейного ремесла, как мечи из Киева и Карабчиева, сабля из Десятинной церкви, «топорик Андрея Боголюбского», относящийся к первой половине XI в. Все эти памятники, включая и венскую саблю [26], всем характером своего оформления свидетельствуют о расцвете русского оружейного дела в эпоху Владимира и Ярослава, что, в свою очередь, отражает культурное и военное могущество Киевской Руси.

Если считать происхождение «сабли Карла Великого» с большей или меньшей вероятностью установленным, то спрашивается, как могла русско-венгерская вещь стать государственной святыней западной империи. Несомненно, это редкий случай, однако в таком превращении нет невероятного. Люди европейского средневековья высоко ценили и даже почитали вещи, независимо от их происхождения, лишь бы они были связаны с популярной личностью или героем и казались достойными имени этого человека. Приведу только два примера. Дочь Ярослава, Анна, ставшая супругой Генриха I, привезла во Францию евангелие на славянском языке, на котором в течение многих столетий французские королевы приносили присягу на верность государству. Западноевропейские мечи князей Всеволода и Довмонта после их смерти были выставлены в Троицком соборе и стали символом псковской храбрости и независимости.

---

[24] Перечислю по месту находки древнерусские сабли X—XI вв., имеющие изогнутые навершия с шариками на концах и грушевидные навершия: Гочево, кург. № 1. Д. Я. Самоквасов. Атлас гочевских древностей. М., 1915, табл. IX (навершие и перекрестье); Шестовицы, кург. № 52, раскопки Д. И. Блифельда в 1957 г. (материал в ИА АН УССР, перекрестье с клинком); Сахновка, раскопки В. Гезе 1901 г. (перекрестье в КИМ); Киевская область (перекрестье в Кременецком музее); Екимауцы, раскопки Г. Б. Федорова в 1951 г. (перекрестье в Кишиневском музее). Благодарю Д. И. Блифельда и Г. Б. Федорова за информацию о находках.

[25] А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 67.

[26] По великолепию орнаментального убранства венскую саблю напоминают два клинка XI в. из аланских погребений у ст. Змейской. Рисунок орнамента, правда, стилистически иной и указывает на Византию или Причерноморье. В. А. Кузнецов. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.). МАДИСО, I, Орджоникидзе, 1961, стр. 110, 126—127, 133, табл. IV, V.

Независимо от того, как попала «сабля Карла Великого» на Запад — прямо из Руси или через посредство Венгрии [27], она как роскошное княжеское оружие стала рассматриваться как освященная традицией драгоценная реликвия, подходящая для королевских церемоний. Так выдающееся произведение восточноевропейского ремесла стало сокровищем, инсигнией западной империи и сохранилось для грядущих поколений.

[27] По мнению З. Тота, венская сабля и есть то оружие, которое мать венгерского короля Соломона в 1063 г. подарила одному из баварских герцогов под названием «меча Атиллы»: Z. T o t h. Ук. соч., стр. 204.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

ИЗОБРАЖЕНИЯ МУЗЫКАНТОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ

При исследовании двух древнерусских городов — Волковыска и Новогрудка — найдены изделия с изображением музыкантов. В Волковыске на детинце «Шведская гора» в культурном слое, относящемся к концу XI и началу XII в., обнаружена шахматная фигурка, вырезанная из кости. Она изображает стоящего человека, в левой руке которого находится инструмент, напоминающий своим видом барабан — цилиндрический корпус

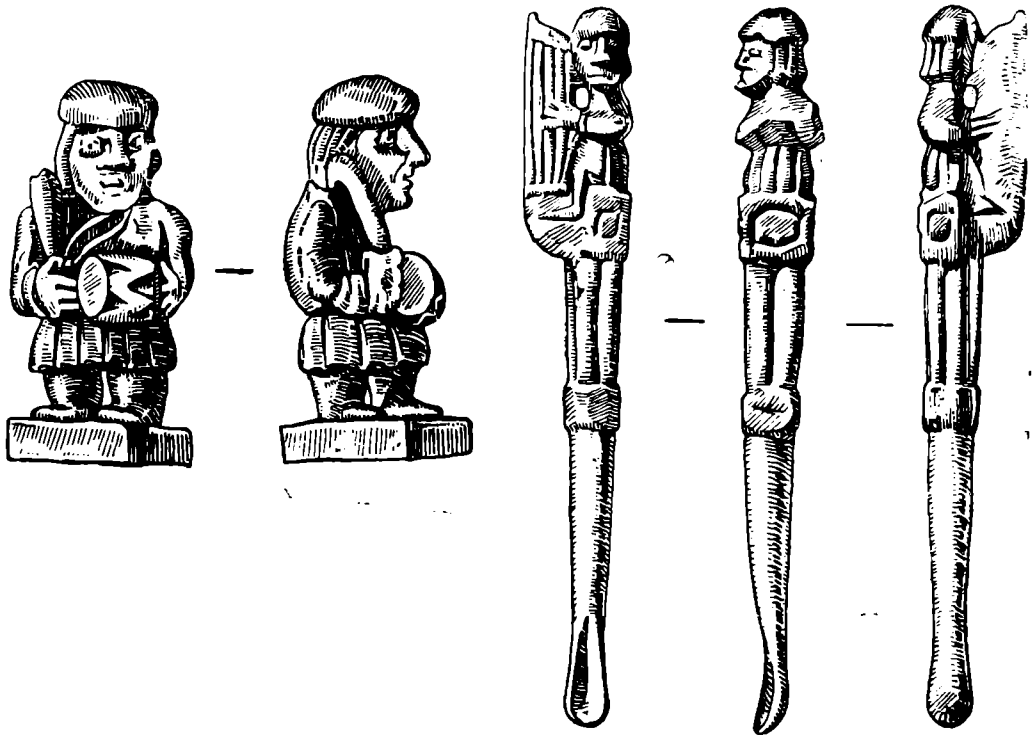


Рис. 1. Фигурки с изображением музыкантов

1 — Волковыск; *2* — Новогрудок

с двумя мембранами, перевязанными тесьмой. В правой руке музыкант держит стержень, предназначающийся для удара по инструменту (рис. 1, *1*) [1].

В 1961 г. в окольном городе Новогрудка на полу богатого дома первой половины XII в. была найдена вырезанная из оленьего рога уховертка

[1] В. Р. Т а р а с е н к о. Раскопки городища «Шведская гора» в Волковыске в 1954 г. Материалы по археологии БССР, I, Минск, 1957, стр. 278, рис. 147; В. П. Д а р к е в и ч. Древнерусские шахматы. «Наука и жизнь», 9, 1962, стр. 107.

длиной 10 *см*. Верхняя часть ее представляет собой фигуру музыканта, который сидит на скамье кубической формы. Перед ним на подставке стоит трехструнный инструмент трапециевидной формы; струны его натянуты на доску, а сам инструмент напоминает вертикально поставленные гусли (рис. 1, *2*) [2]. Изделия из оленьего рога и заготовки из него принадлежат к обычным находкам окольного города древнерусского Новогрудка. Поэтому есть все основания считать уховертку из рога изделием местного мастера.

При сопоставлении фигур обоих музыкантов бросается в глаза их внешнее сходство. Оба они безусы и безбороды. Прямые волосы их, спускающиеся до плеч, подстрижены. Головы музыкантов покрывают плоские шапочки, надвинутые на лоб. Одеждой служат рубахи, перехваченные поясом; широкими сборками они спускаются до колен.

Инструмент в виде барабана, который находится в руках у музыканта из Волковыска, воспроизведен на миниатюре Кенигсбергской летописи, изображающей игрища славян (рис. 2) [3].

Рис. 2. Древнерусский бубен на миниатюре Кенигсбергской летописи

В древнерусских письменных источниках ударные инструменты, напоминающие своим видом барабан, именовались бубнами: «И удариша в сопели, в гусли и в бубны, начаша им играти» [4]. Бубны были распространенным инструментом в древнерусском войске. Они наряду со стягами и трубами давали представление о мощи княжеского ополчения: «Беаше бо оу Юрья стягов 17, а троуб 40, только же и бубнов, а оу Ярослава стягов 13, а труб и бубнов 60» [5]. Как полагает М. Г. Рабинович, у славян и в древней Руси современных бубнов вовсе не существовало [6]. Древнерусский бубен представлял собой деревянный барабан с кожаной мембраной, по которой били вощагой-шариком на ременной плети с деревянной рукояткой [7]. Таким образом, древнерусский бубен, о котором существовали до сих пор лишь письменные и иконографические данные, реально предстает в фигуре музыканта из Волковыска.

Обратимся к инструменту, на котором играет музыкант из Новогрудка. Чрезвычайно близкую аналогию ему можно видеть в миниатюре славянской рукописи 1397 г., где изображен царь Давид, пасущий овец и играющий на трехструнном инструменте (рис. 3, *1*) [8]. Инструменты этого рода можно найти в древнерусском монументальном искусстве. На фреске лестницы Киево-Софийского собора (1037 г.) сохранился рисунок музы-

---

[2] Ф. Д. Гуревич. Раскопки в Новогрудке (1960—1961 гг.). КСИА АН СССР, 96. 1963.

[3] Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902, л. 6/об.

[4] ПСРЛ, I. СПб., 1846, стр. 83.

[5] ПСРЛ, IV. Пгр., 1915, стр. 193.

[6] М. Г. Рабинович. Музыкальные инструменты в войске Древней Руси и народные музыкальные инструменты. СЭ, 4, 1946, стр. 159.

[7] В. П. Левашева. Изделия из дерева, луба и бересты. Очерки по истории русской деревни. Тр. ГИМ, 33, М., 1959, стр. 83; И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, 1, СПб., 1893, стр. 309; М. Г. Рабинович. Ук. соч., стр. 149; В. П. Даркевич. Ук. соч., стр. 107.

[8] А. С. Фаминцын. Гусли — русский народный инструмент. СПб., 1890, стр. 80.

канта в восточной одежде, играющего на семиструнном трапециевидном инструменте (рис. 3, *2*) [9]. Среди резных украшений церкви Покрова на Нерли (1165 г.) трижды встречается изображение царя Давида с трапециевидным четырехструнным инструментом в руке (рис. 3, *3*) [10].

В западноевропейском монументальном и особенно в прикладном искусстве изображения музыкантов, играющих на вертикально поставленных, чаще всего прямоугольных или трапециевидных струнных инструментах, чрезвычайно распространены. Укажем, в частности, на фигуры, вырезанные на капители колонны аббатства в Бошервиле (XI в., Франция). Бо́льшая часть музыкантов этой капители являются коронованными особами. Двое из них играют на инструментах интересующего нас вида (рис. 3, *4*) [11]. На миниатюрах рукописи X в. из Штутгартской библиотеки можно увидеть музыкантов с одиннадцатиструнными вертикально поставленными инструментами (рис. 3, *5, 6*) [12].

В западноевропейских письменных памятниках описанные выше струнные инструменты именовались псалтирью (psalterium). Так, на рукописи IX в. из Анжера (Франция) имеется рисунок прямоугольного вертикально стоящего десятиструнного инструмента и кистей рук. Под этим рисунком латинская надпись: Hic est David, filius Jesse tenens psalterium in manib (us) suis. Hec est forma psalterii. (Это Давид, сын Иессея, держащий псалтирь в руках своих. Таков вид псалтири. Рис. 3, *7*) [13].

В древнерусских письменных источниках слово «псалтирь» для обозначения струнного музыкального инструмента встречается уже в XII в. Псалтирь обычно упомнпается вместе с гуслями, когда речь идет о торжественных песнопениях. «Въстани слава моя, въстани в псалтири и в гуслех»,— восклицает Даннил Заточник [14]. «Хвалите его в псалтири и в гуслех»,— написано киноварью на миниатюре славянского сборника псалмов XIII—XIV вв., изображающей играющего на инструменте царя Давида [15]. «Псалтирь красен с гусльми»,— упомнпается в подписях к другим миниатюрам этого же сборника [16].

Однако, хотя псалтирь упоминается вместе с гуслями, последние были в древней Руси распространены несравненно шире. Гусли — древнейший славянский народный инструмент. Они преимущественно фигурируют в былинах Владимирова цикла, и лишь позднее появляются упоминания о других музыкальных инструментах [17]. «Гуселки — яровчаты» являются популярным инструментом и в славянском фольклоре.

Отдельные части гусель находят при раскопках городов. В 1948 г. в Польше при исследовании Гданьска в слое XII в. была найдена доска от пятиструнных гусель [18]. За последние годы части гусель обнаружены среди новгородских древностей [19].

[9] Н. П. Кондаков. О фресках лестниц Киево-Софийского собора. ЗРАО. СПб., 3, 1888, стр. 292—293, табл. XIII.

[10] А. А. Бобринский. Резной камень в России. М., 1916, табл. IV, 3; табл. V, *1, 2*; Н. Н. Воронин. Зодчество северо-восточной Руси, I, М., 1962, стр. 269. На фасаде Дмитриевского собора во Владимире (конец XII в.) вырезана фигура царя Давида, играющего на таком же инструменте, струны которого, однако, натянуты горизонтально. А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. IX.

[11] N. X. Willemin. Monuments français inédits pour servir a l'histoire des arts. Paris, 1839, табл. 51—52.

[12] J. H. Hefner-Alteneck. Costume du moyen — âge chretien, 1. Frankfort a. M., 1840, табл. 53, 74, стр. 80, 102.

[13] А. С. Фаминцын. Ук. соч., стр. 79.

[14] Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Подготовил к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932, стр. 4.

[15] Описание миниатюр из славянской псалтири XIII—XIV вв. библиотеки А. И. Хлудова. Древности. Тр. МАО, III, 1, М., 1873, стр. 25.

[16] Там же, стр. 5, 16.

[17] А. С. Фаминцын. Скоморохи на Руси. СПб., 1889, стр. 2.

[18] K. Jazdzewski. Najstarsze zachowane gęsle slowiańskie. ZOW, 1950, XIX, 1—2, стр. 13—18; его же. Kilka uzupelnajachich uwag o geslach gdańskich. ZOW, 1950, 5—6, стр. 102—104.

[19] В. П. Левашева. Ук. соч., стр. 85. Сведения об остатках гусель, найденных в Новгороде, автору любезно указал также А. Ф. Медведев.

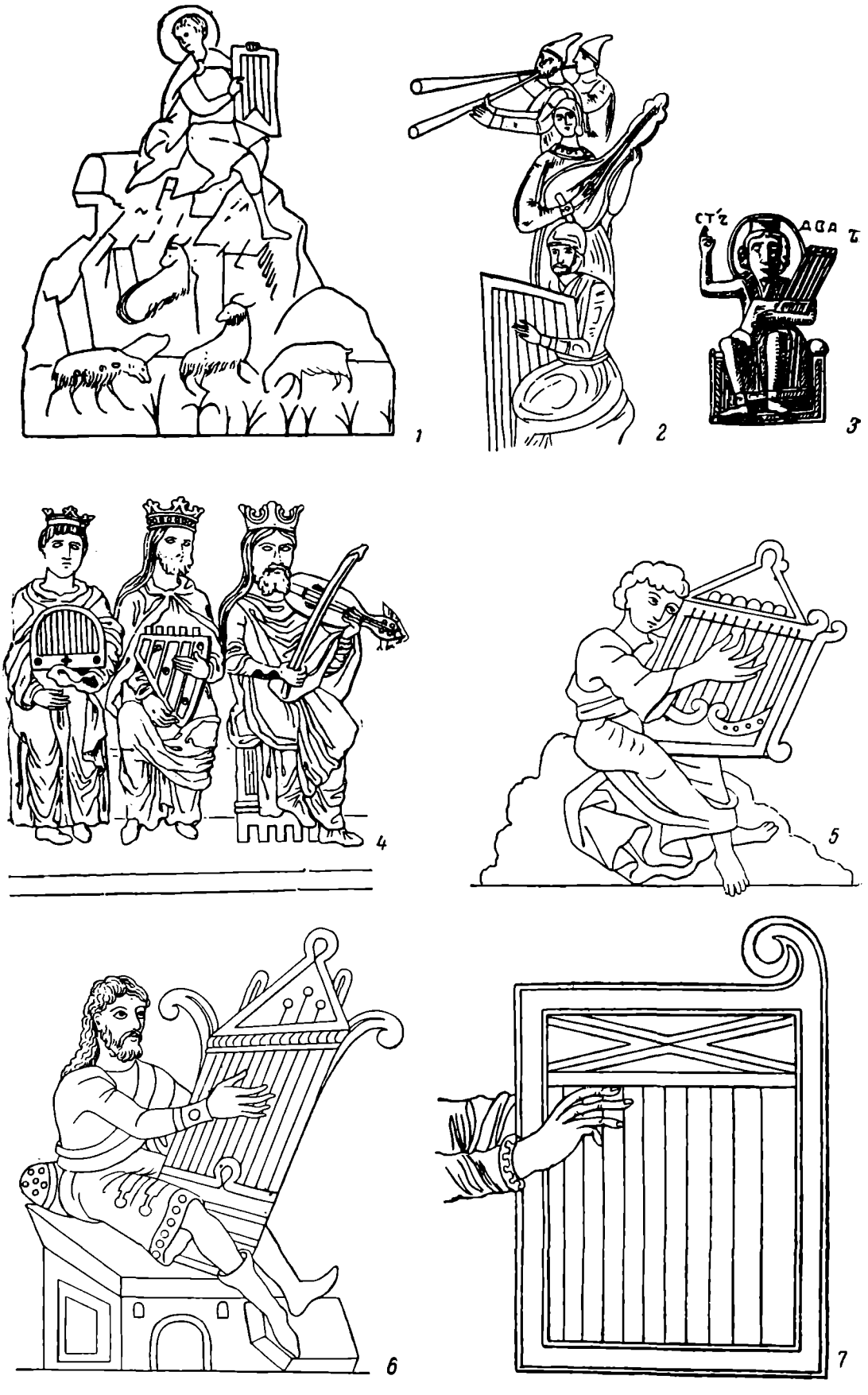


Рис. 3. Древнерусские и западноевропейские параллели инструменту из Новогрудка

1 — миниатюра славянской рукописи 1397 г.; *2* — фреска Киево-Софийского собора; *3* — резной камень церкви Покрова на Нерли; *4* — резной камень аббатства в Бошервиле; *5, 6* — миниатюры рукописи Штутгартской библиотеки; *7* — миниатюра рукописи из Анжера

Что же касается псалтири, то, как показывает само его наименование, связанное с пением псалмов, этот инструмент был, по-видимому, на Руси заимствованным. В азбуковнике XVI в. сообщается: «Псалтирь во Евреях бо сотворен сосуд древян, в нем же бяху десять струн и нарицаша той сосуд по гречески псалтирь, по славянски песневец» [20].

Сопоставляя все данные, относящиеся к инструменту, называемому псалтирью, с инструментом, на котором играет музыкант из Новогрудка, нельзя не прийти к заключению, что этот музыкант играет на псалтири. Если же принять во внимание, что поделка с изображением этого музыканта была найдена на полу весьма богатого дома, стены которого были расписаны фресками [21], то изображение псалтири-инструмента, предназначенного для сопровождения торжественных песнопений, становится вполне объяснимым.

Находки фигурок музыкантов на изделиях прикладного искусства из древнерусских городов Понеманья доносят до нас, таким образом, представления о конкретных музыкальных инструментах, распространенных в древней Руси.

Сходство внешнего облика музыкантов и их костюмов дает основание предположить, что мастера, изготовившие эти поделки, изобразили музыкантов-профессионалов.

Письменные памятники и былины часто упоминают музыкантов и песенников-скоморохов, которые веселят как простой народ, так и князей. Скоморохи были бродячими музыкантами и играли главным образом на гуслях. Бродячим гусляром был, в частности, и Садко Новгородский: «...а прежде у Садка имущества не было, одни были гусли яровчаты: по пирам ходил, играл Садко» [22]. На гуслях, вероятно, играл Боян — поэт, упоминаемый в «Слове о полку Игореве»: «Боян же, братие, не 10 соколов на стадо лебедей пущаше, нъ своя пръсты на живая струны вскладаше; они же сами князем славу рокотаху» [23].

В «Задонщине» (XIV в.) вещий Боян, воспевающий русских князей «песньми и гуслеными буйными словеси», именуется «гораздым гудцом в Киеве» [24], тем же именем, которым называли скоморохов.

Сохранились известия, согласно которым скоморохи рядились в особую одежду. Летописец Переяславля-Суздальского высмеивает платье латинян, которое выглядело «аки скомраси» [25]. Алеша Попович, передавая слова Добрыни Никитича, говорит: «Наказывал братец мне названный, если случится быть тебе на пиру во Киеве, ты возьми мое платье скоморошское и гуселки возьми мои яровчаты... Принесли они платье скоморошское и гуселки ему яровчаты. Накрутился молодец скоморошиной пошел как на хорош почетный пир» [26].

Наиболее ранние изображения гусляров-скоморохов в коротких рубахах и колпаках имеются на фреске Киево-Софийского собора (рис. 3, *2*) и серебряном наруче из Киева, который Г. Ф. Корзухина считает происходящим из клада Михайловского монастыря XII в. [27].

У музыкантов из Новогрудка и Волковыска, облаченных в короткие рубахи, шапки были иного покроя. Возможно, это местная особенность убора древнерусских музыкантов Понеманья. Не исключено, что эти шап-

---

[20] А. С. Фаминцын. Гусли — русский народный инструмент, стр. 94—95.
[21] Ф. Д. Гуревич. Ук. соч.
[22] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, 1, М., 1861, стр. 143.
[23] А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.— Л., 1946, стр. 66.
[24] Слово о Куликовской битве Софония Рязанца (Задонщина). Воинские повести Древней Руси под редакцией В. П. Андриановой-Перетц. М.— Л., 1949, стр. 34.
[25] А. С. Фаминцын. Скоморохи на Руси, стр. 6.
[26] П. Н. Рыбников. Ук. соч., стр. 135.
[27] Н. П. Кондаков. Ук. соч., табл. XIII; И. Петров. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея, IV—V, Киев, 1915, табл. X, *1;* Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М.— Л., 1954, стр. 121.

ки отличали привилегированных княжеских музыкантов, в одном случае играющего на бубне — инструменте, применявшемся в княжеском войске, в другом на псалтире, предназначавшемся для игры в торжественных случаях.

Изделия косторезов Понеманья воссоздают реальный облик древнерусских музыкантов, пополняя, таким образом, наши представления о музыкальной культуре древней Руси.

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

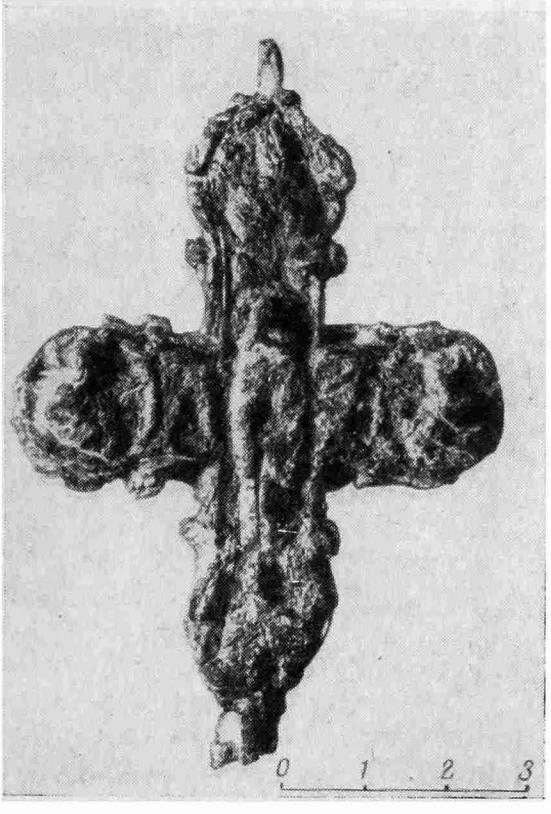
КРЕСТ-ЭНКОЛПИОН ИЗ МАДЖАР

Во время археологической разведки в июне 1963 г. на городище Маджар на правом берегу р. Кумы, в 200 *м* к северо-востоку от артезианского колодца, был поднят крест-энколпион (рисунок) — предмет, хорошо известный среди русских древностей первой половины XIII в.

Энколпион сохранился неполностью, утрачена передняя створка. Найденная створка представляет собой четырехконечный с закругленными концами крест. У начала закруглений концов находятся по одному с каждой стороны маленькие выступы.

Все четыре конца креста заняты медальонами с погрудными изображениями святых. Почти вся вертикальная перекладина занята фигурой богоматери в полный рост.

Фигура богоматери, так же как и фигуры святых, сделана в низком рельефе. Справа от нее помещена монограмма Iς, выполненная в обратном порядке. Там же и над головой богоматери остатки надписи, сделанной буквами русского алфавита. По аналогии с хорошо сохранившимися надписями на крестах этого типа она восстанавливается как «Богородица помогай» [1]. Энколпион отлит из меди в каменной форме, что доказывается наличием фигур в низком рельефе и обратных надписей.



Энколпион из Маджар

Энколпионы этого типа хорошо известны по находкам их в Киеве, Херсонесе [2], а Б. А. Рыбаковым убедительно доказано их киевское происхождение [3]. В Киеве они найдены в комплексах, непосредственно связанных с разорением Киева татаро-монголами [4]. Г. Ф. Корзухина выделяет их в четвертый тип энколпионов и датирует концом XII — первой половиной

[1] М. К. Каргер. Киев и монгольское завоевание. СА, XI, 1949, стр. 65, рис. 9.
[2] М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 65, 73; А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV). МИА, 17, 1950, стр. 35.
[3] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 263.
[4] М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 73, 77.

XIII в.[5]. Аналогичные фигуры, размеры и наличие обратных надписей позволяют отнести маджарский складень к указанному типу и считать его продукцией киевских ремесленников. Обнаружение на развалинах Маджар киевского энколпиона констатирует интересный факт присутствия здесь русских уже в середине XIII в. Вероятнее всего, это были пленные, пригнанные сюда монголами. Кроме того, находка энколпиона является наиболее ранним хорошо датируемым предметом из всех прежде найденных на городище [6].

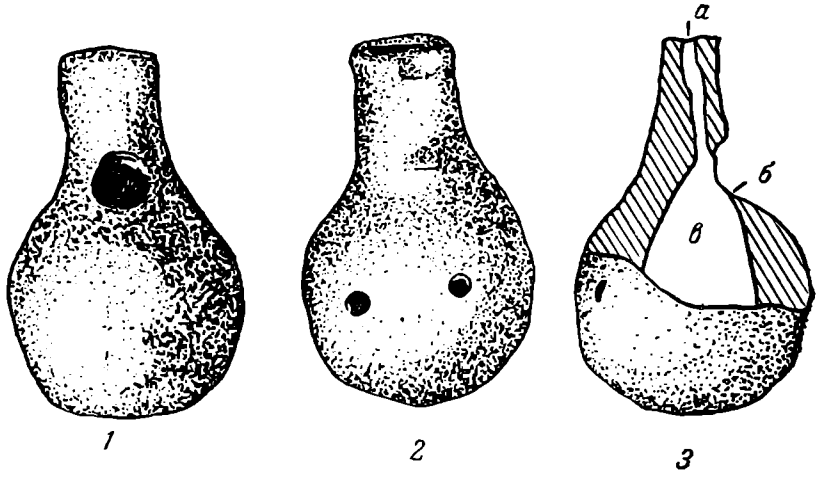
[5] Г. Ф. Корзухина. О памятниках корсунского дела на Руси. ВВ, XIV, 1958, стр. 133.

[6] Энколпион находится в Пятигорском краеведческом музее.

И. С. ВАЙНЕР, М. Н. НИГОМЕДЗЯНОВ

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ДУХОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ИЗ НОВОГО САРАЯ

Среди богатого вещественного комплекса, обнаруженного нами в погребной яме к северу от дома № 1 (раскоп № 2, 1963 г.), в районе предполагаемого входа в погреб найдена небольшая целая керамическая поделка — духовой музыкальный инструмент лабиального типа (названный



Музыкальный инструмент из Нового Сарая

1 — снизу; *2* — сверху; *3* — сбоку (разрез)

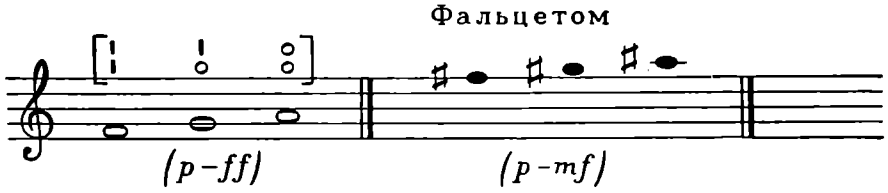
нами «тамчы» в связи со сходством с каплей. «Тамчы» по-татарски — капля).

Инструмент (рисунок) состоит из шарообразной полой камеры диаметром около 4 *см* с несколько уплощенной верхней частью, на которой почти симметрично расположены два голосовых отверстия (клапаны) диаметром около 4 *мм*. От тела камеры монолитно отходит сужающийся к входному отверстию мундштук с уплощенным отверстием — щелью в виде двояковыпуклой линзы. В нижней части, у соединения мундштука с камерой — воздушное окошко (диаметром 1 *см*).

Звукообразование происходит следующим образом: струя воздуха, проходя в щель-мундштук *а* и ударяясь о кромку [1] воздушного окошка *б*, создает завихрение в шарообразной полости *в*, что порождает звуковые колебания. Звуковые отверстия-клапаны могут попеременно закрываться пальцами играющего.

[1] Кромка естественно притупилась, что, видимо, обедняет звуковые возможности инструмента и сокращает звукоряд.

Инструмент обладает ясными и сильными звуками от piano до fortissimo (1 — закрытое отверстие, О — открытое)



Его строй почти совпадает с нашей современной темперацией (f^1, g^1, a^1). Форсирование звука a^1 дает звукоряд: $f^1 — g^1 — b^1$; форсирование всех звуков $(fff) — fis^1 — gis^1 — ais^1$. Получить другие качественно различающиеся звуки не удается, что, возможно, связано с притуплением кромки воздушного окна или другими причинами.

Предполагать возможность более широкого звукоряда данного инструмента позволяет один из самых традиционных татарских народных инструментов — курай, очень часто имеющий также два голосовых отверстия, но при этом имеющий следующий звукоряд: $c^1 — d^1 — (e)^1 — f^1 — g^1 — a^1 — h^1 — c^2 — d^2 — e^2$ и т. д. На обнаруженном инструменте можно исполнять некоторые старинные простейшие танцевальные мелодии, а также мотивы детских песен.

Быть может, это — детский музыкальный инструмент. Но так или иначе, он несомненно был связан с бытовавшим в свое время музыкальным инструментарием и отражал, хотя и в элементарной форме, звуковую структуру народной музыки. Эта находка частично проливает свет на ладовый строй музыки далекого прошлого и позволяет воссоздать искусство звука глубокой старины в реальных, звучащих формах.

«Тамчы́» — пока первая находка целого музыкального инструмента в Поволжье в рассматриваемое время.

Литературные памятники дают широкий круг сведений о музыкальном инструментарии народов Поволжья XIII—XVI вв.[2], но они, к сожалению, не позволяют судить с достаточной определенностью об их конструктивных и акустических особенностях, тем более, что мы не знаем строя музыкальных инструментов прошлого. Изучение строя музыкальных инструментов прошлого чрезвычайно важно для науки о музыкальном фольклоре. Если учесть, что история не сохранила записей напевов далекого прошлого многих народов, а их культура стала предметом исследования лишь после революции, то станет очевидным значение археологического материала по истории музыки народов Поволжья. К тому же изучение проблемы этногенеза этих народов и взаимосвязей их искусства с культурой народов Востока, к сожалению, до сих пор не могло опираться на музыкальные материалы.

Несомненно, дальнейшие находки позволят воссоздать более полную картину музыкального искусства прошлого.

---

[2] М. Нигомедзя́нов. Далекие истоки. Журн. «Совет эдэбияты» («Советская литература»). Казань, 1963, 2 (на татарском яз.).

Критика и библиография

С. А. Изюмова. К истории кожевенного и сапожного ремесла Новгорода Великого. МИА, № 65; Труды Новгородской археологической экспедиции, т. II, 1959.

Новгород Великий, как и многие древнерусские города, был городом ремесленников. Раскопки в Новгороде дали огромный фактический материал, характеризующий высокую материальную культуру древнего города и его ремесленного производства. Особо ценно в новгородских раскопках то, что история развития каждого ремесла прослеживается в течение столетий. Очевидно, что, берясь за изучение истории развития ремесла, исследователю необходимо обладать достаточными знаниями не только по археологии, но и по технологии конкретного производства. Тогда публикуемые материалы будут представлять интерес не только для археолога, но и для технолога.

О развитии конструкции русской обуви и способа ее производства имеется очень мало работ. Поэтому появление труда, основанного на большом фактическом материале, можно только приветствовать.

К сожалению, ознакомившись с рецензируемой работой, приходишь к выводу, что С. А. Изюмова показала себя мало сведущей в области производства обуви. Почему-то считается, что в этой весьма своеобразной и очень древней технологии и особенно конструкции обуви можно обладать самыми ничтожными специальными знаниями, для того чтобы взяться за их исследование.

На стр. 198 автор приводит рисунки найденных правил и колодок и пишет о них следующее: «Составные колодки, несомненно, служили моделью при пошиве обуви, как в современном сапожном производстве. Их можно также назвать затяжными колодками. Что касается простых колодок, то большинство их использовалось после того, как подошва была пришита к верху обуви». Почему только составные колодки могут служить моделью, как пишет автор? Почему сочлененное правило должно стать затяжной колодкой? Еще до сих пор в СССР имеются районы, где при производстве чувяк так называемым «алтанным» способом применяются составные правила, а не затяжные колодки, хотя они и имеют форму колодок. При производстве сандалий до сих пор применяются колодки, не имеющие выпиленного клина, т. е. несоставные (в терминологии автора) и в то же время они являются затяжными.

Но самое важное не в этом. До сих пор для специалистов обувного производства неясно, когда и при каких обстоятельствах появилась затяжная колодка. Это интересует производственников потому, что появление способа затяжки при формовании обуви, вместе с тем и затяжной колодки, знаменует переход на совершенно новую конструкцию обуви и на новую технологию. Понятен тот интерес, который проявляется обувщиками к затяжной колодке. Доказала ли автор, что этот способ появился у нас еще в древности — XI — XVI вв.? Нет, не доказала, потому что у нее нет никаких данных, кроме приведенных, для подтверждения высказанного ею очень важного мнения о появлении затяжки верха обуви. Действительно, для того чтобы затягивать обувь на колодку и закреплять ее на ней, нужна стелька. Ни автор, ни другие исследователи не нашли затяжных стелек в раскопках, датируемых этими веками. Находимые стельки являются вкладными, служащими для смягчения опоры. Затяжные стельки должны иметь характерный след от затяжной обуви. Для затяжки нужны затяжные клещи. Нам неизвестно, чтобы кто-нибудь из археологов обнаружил такие клещи среди инструментов этого периода. В работе Б. А. Колчина, помещенной в том же сборнике, опубликованы клещи с плоскими губками, но он не считает их сапожными, а относит к кузнечным и ювелирным. Сапожные клещи отличаются от кузнечных, и последними не затянешь обуви. С. А. Изюмова не рассмотрела поверхность правил (затяжных колодок, по ее мнению), чтобы убедиться, что это были действительно затяжные колодки.

Автор на стр. 199 пишет: «Наличие меченых простых колодок свидетельствует о том, что среди них были не только правила, но и затяжные колодки». Неужели автор действительно считает, что наличие пометки на правиле изменяет технологию, а не является знаком собственности владельца инструмента, или что у данного сапожника были постоянные заказчики и он имел большой набор правил. Для того

чтобы не спутать их, он помечал на них имя заказчика. Но нет никакого основания считать правила, даже с меткой, затяжными колодками.

Все имеющиеся на сегодня материалы по истории развития обуви говорят о том, что древнерусская обувь примерно до XVII в. производилась без затяжки и формовалась на правилах. В этом веке теряются следы дальнейшего развития своеобразной конструкции русской обуви. Имеются основания предположить, что вместе с костюмом в петровскую эпоху, или смежную с ней, к нам была завезена и новая конструкция обуви. Видимо, прошел значительный период времени, пока русские ремесленники смогли освоить новую технологию. Поднятый вопрос представляет интерес как для лиц, работающих в области истории развития ремесла, так и для технологов-обувщиков.

На стр. 200 приводятся рисунки и дается пояснение способам скрепления деталей. Из рис. 2, *5* следует, что подошва прикреплялась к верху гвоздями. В пояснении говорится, что таким образом скреплялась подошва с внешним и внутренним задником.

Во-первых, в древней обуви ни того, ни другого нет, а есть карман и задинка, жесткий задник из бересты или кожи закладывается между ними. Из всех имеющихся фрагментов древнерусской обуви мы до сих пор не видели такой, в которой подошва прикреплялась бы к верху гвоздями. Практически вообще нельзя себе представить, чтобы подошву толщиной 3—4 *мм* можно было прикрепить гвоздями к верху обуви, имеющему толщину 1,5—2,5 *мм*. Для этой цели на Руси применялись нитки, которыми прикреплялась не только подошва, но и довольно толстый каблук. Такой шов называется наружным. Гвозди применялись для укрепления пятки и вбивались через подошву в толщу берестового или кожаного задника. Кроме того, гвозди, как и железные подковки, служили для повышения износоустойчивости подошвы в пятке.

На рис. 2, *4* изображен не потайной шов с припуском на край, а самый распространенный выворотный шов для прикрепления подошв. Для того чтобы спрятать нитку в толщу подошвы, на последней делается подрезка. Каждый сапожник знает это. К сожалению, в рецензируемой работе мы читаем: «Назначение разреза для нас осталось неясным» (стр. 199).

На той же странице дается подразделение обуви в зависимости от фасона. Непонятно, что понимает автор под фасоном, так как в дальнейшем говорится о делении обуви не по фасонам, а по видам. Здесь обнаруживается путаница: вид обуви, принятый у нас как ботинки и полуботинки, называется туфлями; сапоги с укороченными голенищами — полусапожками, в то время как в обувной промышленности полусапогами называется определенная конструкция ботинок.

Совершенно непонятно, как установила автор, что «ажурные туфли выкраивались точно по длине и ширине стопы заказчика».

В древнерусской обуви XII—XVI вв. имеется интересная особенность, отличающая конструкцию этой обуви от конструкции обуви аналогичного периода в Западной Европе. Известно, что в средневековье в некоторых странах Западной Европы широкое распространение имела обувь с длинными и иногда высокозагнутыми носками. Примерно такую же конструкцию мы находим и в некоторых странах Азии. В раскопках на территории древней Руси находили много остроносых подошв. Видимо, поэтому у историков и художников принято считать, что древнерусская обувь также имеет высокозагнутый узкий носок. Это произошло потому, что в форме и конструкции остальных деталей обуви, находимых в небольшом количестве, никто внимательно не разбирался. Последние материалы новгородских раскопок свидетельствуют о том, что в значительном количестве русской обуви имелась подошва не только с заостренным носком, но и с заостренной пяткой. Но носок подошвы и пятки загибался вверх не для того, чтобы создать остроносую обувь. Характерным для обуви этого периода являлось вшивание острых концов подошвы в союзку или задинку. Для этого в пятке и носке верха обуви делалась вытачка. Такая конструкция без затяжки частично создавала объемную форму обуви. Но главная цель заключалась в том, чтобы вынести шов, скрепляющий подошву в носке и пятке, из соприкосновения с опорой, чем повышалась износоустойчивость обуви. Эта черта конструкции древнерусской обуви отличала ее от обуви других стран. Такое техническое решение вопроса повышения прочности шва в древности наводит современных конструкторов на мысль вернуться к ней в несколько измененном виде и тем самым улучшить конструкцию шва, скрепляющего подошву с верхом в носочной части современной обуви.

Остается сожалеть, что вопрос об особенности конструкции древнерусской обуви затронут автором лишь слегка, хотя для разработки его у автора имелся богатейший материал, о чем свидетельствуют приводимые рисунки обуви.

Можно привести еще ряд неверных положений и выводов автора по конструкции и технологии древнерусской обуви, но и упомянутых примеров достаточно для того, чтобы показать, что работа имеет недостатки с точки зрения технической трактовки отдельных вопросов и уточнения терминологии. Ошибаются те, кто считает, что технические погрешности не имеют значения для развития знаний об обуви. Погрешности иногда переходят в другие книги и могут закрепиться в археологической

литературе. Ярким примером этому является книга И. С. Вахроса [1]. В этой очень интересной книге автор-филолог делает много ссылок на рецензируемую работу С. А. Изюмовой и безоговорочно пользуется ее определениями и терминологией. На рис. 5, заимствованном у С. А. Изюмовой, например, изображены ботинки, а подпись под рисунком, согласно ее терминологии, указывает, что это — древнерусские туфли. На рис. 6 изображен обычный сапог, а подпись под ним — полусапоги! И. С. Вахрос повторил эти и другие ошибки С. А. Изюмовой.

Все изложенное подтверждает высказанное нами мнение о том, что в изучении древних ремесел по материалам раскопок должны принимать участие не только археологи, но и научные работники, хорошо знакомые с изучаемым вопросом, если это касается даже «сапожной» технологии.

Ю. П. Зыбин

[1] И. С. Вахрос. Наименование обуви в русском языке. I. Древнейшие наименования допетровской эпохи. Ежегодник Ин-та по изучению СССР в Финляндии. Хельсинки, 1959.

ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗИИ Ю. П. ЗЫБИНА

В рецензии на мою статью, помещенной в данном номере «Советской археологии», Ю. П. Зыбин выступил с резкой критикой некоторых из моих положений и выводов. Я нахожу предъявляемые мне обвинения необоснованными, либо спорными и считаю целесообразным на них ответить.

Рецензент возражает против того, что при классификации новгородской обуви я употребила для отдельных видов обуви не современные названия — ботинки, сапоги, а ввела свою особую терминологию — мягкие туфли, полусапожки.

Эти названия были приняты мною не по незнанию ныне распространенных названий обуви, а с учетом конструктивных особенностей изделий новгородских сапожников. Новгородские туфли и полусапожки, в отличие от современных ботинок и сапог, не имели жестких задников и твердой подошвы — это была легкая мягкая обувь. Поэтому применить к ней названия, принятые в современной обувной промышленности, на чем настаивает технолог-обувщик Ю. П. Зыбин, на наш взгляд было бы в корне неверным.

Рецензент упрекает меня далее в том, что я мало коснулась в своей работе обуви с заостренной длинной пяткой, острый конец которой вшивался в специальный вырез-вытачку в заднике. Такая обувь впервые была выделена при обработке материалов Новгорода. В статье дано описание этой обуви, отмечены ее особенности, указано время бытования, т. е. все то, что возможно было дать в небольшой по объему работе. Ю. П. Зыбин, являясь специалистом-обувщиком, подробно разбирает в своей рецензии технологические особенности этой обуви, но, не будучи специалистом-археологом, указывает неверную для нее датировку. Совершенно непонятно, почему он относит обувь с приподнятой заостренной пяткой к XII—XVI вв., ведь археологические материалы Новгорода, Пскова, Гродно, Белоозера свидетельствуют о ее производстве в период с XI по XIV в.

По мнению Ю. П. Зыбина, я якобы считаю, что подошва к верху обуви прикреплялась гвоздями. Это обвинение он строит на основании только одного рисунка из моей работы (рис. 2, *5*), представляющего схематический разрез скрепления деталей обуви — задника с подошвой, на котором на линии шва изображен гвоздь, из тех, которыми обычно пробивалась пяточная и носочная части подошв (особенно составных) для повышения их прочности. Данное обвинение основано лишь на невнимательном чтении текста работы. В последней неоднократно говорится, что подошва пришивалась к верху обуви нитками. Так, на стр. 207 сказано: «Толстокожие переда обуви пришивались простым наружным швом, а все остальные скреплялись внутренним швом», т. е. выворотным; на стр. 210: «...подошвы... пришивались к заготовке верха наружным швом».

Далее Ю. П. Зыбин считает, что шов, названный мной потайным с припуском на край (рис. 2, *4*), является обычным выворотным швом. Я согласна, что этот шов выворотной, но он в то же время несомненно и потайной. Следовательно, я нисколько не ошибаюсь, называя его так.

При описании древней новгородской обуви, в частности сапог, я употребила общепринятые названия — наружный задник, внутренний задник. Ю. П. Зыбин полагает, что «в древней обуви ни того, ни другого нет, а есть карман и задинка». На мой взгляд, предлагаемые рецензентом термины отнюдь не вносят в описание ясности, а, наоборот, только затемняют его. Мои названия проще и понятны каждому, а не только специалисту-обувщику.

Ю. П. Зыбин упрекает меня еще в том, что я не устанавливаю в своей работе время появления затяжной обуви и не выясняю, при каких обстоятельствах это

произошло. Действительно, в моей статье этого нет, но я и не ставила перед собой такой задачи, поскольку ее нельзя решить на материалах только одного Новгорода. В то же время я не могу согласиться с мнением Ю. П. Зыбина о появлении затяжной обуви на Руси под влиянием Западной Европы «в петровскую или смежную с ней эпоху». Ю. П. Зыбин тем самым принижает, вопреки фактам, собственно русское сапожное ремесло. Археологические материалы, в частности Пскова, свидетельствуют о наличии затяжной обуви на Руси в более раннее время — в XV—XVI вв. [1].

Видимо, также недооценкой развития русского обувного производства объясняется и ошибочная точка зрения Ю. П. Зыбина в вопросе появления на Руси вытяжных сапог. Основываясь только на материалах раскопок Москвы, он в свое время сделал вывод, что «даже в XV в. посадочного производства не существовало и вытяжных сапог не делалось. Видимо, этот способ производства возник позднее» [2]. Однако археологические материалы Новгорода и Пскова позволяют определить время появления вытяжных сапог, вопреки мнению Ю. П. Зыбина, XI—XII вв. [3].

Хочется отметить, что в небольшой по объему статье (около двух печатных листов), являющейся к тому же первой публикацией огромного фактического материала по кожевенному и сапожному делу древнего Новгорода, невозможно было осветить все вопросы, связанные с этого рода ремеслами, интересующие не только историков и археологов, но и современных обувщиков-технологов.

С. А. Изюмова

[1] Е. И. Оятева. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова. Археологический сборник, 4. Славянские древности. Л., 1962, стр. 87, рис. 7, *7*.

[2] Ю. П. Зыбин, И. С. Шестакова, Н. А. Богданов. Изучение древнего производства кожи и изделий из кожи. М., 1952. Рукопись, Архив ИА АН СССР, ф. 1, № 555. стр. 8—9.

[3] С. А. Изюмова. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, стр. 205 и 212, рис. 8, *7*; Е. И. Оятева. Ук. соч., стр. 85—86, рис. 5, *1, 2*.

В. В. Косточкин. Государев мастер Федор Конь. Изд. «Наука». М., 1964, 173 стр.

Каждое новое исследование о древнерусском мастере-зодчем, живописце, скульпторе — большое и отрадное событие в исторической науке, небогатой подобными монографиями. Исследование тем более интересно, если оно написано специалистом в данной области.

Сведения о средневековых мастерах очень бедны, а так как созданные ими произведения до сих пор производят сильное впечатление, то благодарная народная память нередко восполняет лакуны в биографиях своего рода «мифотворчеством». Создаются легендарные «биографии» мастеров, подчас не имеющие ничего общего с фактами. Так случилось и с Федором Конем.

То, что Федор Конь был создателем стен Белого города Москвы и каменной крепости Смоленска, было известно давно. Грандиозность и красота последнего сооружения снискали Федору Коню заслуженную славу, и его имя стало постепенно присваиваться ряду других архитектурных комплексов конца XVI — начала XVII в. Потом в это дело включились беллетристы, и фантастическая «биография» Федора Коня была «канонизирована». В. В. Косточкину принадлежит заслуга в отделении мифа от действительности.

Но ценность книги не в этом. Федор Конь мог бы остаться со своей мифической биографией, со всеми ошибочно приписанными ему постройками и все же не стать настоящим Федором Конем, если бы В. В. Косточкин не раскрыл его творческого лица. Ценность книги именно в этом.

Чтобы раскрыть творческое лицо мастера конца XVI в., нужно было нарисовать общую картину крепостного строительства того времени и на этом фоне выявить как общие, «эпохальные», так и индивидуальные черты в работе мастера. Первая часть задачи осуществлена В. В. Косточкиным в первой главе книги, вторая часть — в остальных главах.

Особый интерес книги В. В. Косточкина состоит в посвящении ее русскому гражданскому зодчеству, долгое время остававшемуся на втором плане. В этой области оборонительная архитектура совсем недавно стала объектом специального архитектурного изучения. Между тем важность изучения оборонного зодчества определяется не только тем, что здесь особенно сильно проявилось инженерное искусство древнерусских зодчих, но и идеологическим аспектом проблемы. В зарубежной литературе политика Русского централизованного государства XV—XVI вв. нередко извращенно трактуется как «империалистическая» [1]. Между тем все прежние иссле-

[1] Л. В. Данилова. Русское средневековье в современной историографии США. ВИ, 1961, 3.

дования В. В. Косточкина по крепостному зодчеству [2] убедительно показывают, что оно носило именно оборонный характер. Та же мысль проводится и в рецензируемой книге.

Большим достоинством работы В. В. Косточкина является то, что, будучи небольшой по объему (11 печатных листов), книга вобрала в себя громадный документальный материал. Желающие расширить свои знания могут легко это сделать, пользуясь многочисленными подстрочными примечаниями автора. Исчерпывающее знание литературы вопроса и археологически доскональное изучение памятников в натуре позволило В. В. Косточкину нарисовать очень яркую фигуру «государева мастера» Федора Коня.

Автор — большой специалист в области русского оборонного зодчества. Он умело сочетает военно-инженерный анализ сооружений с архитектурным, конкретно устанавливает, что́ в творчестве Федора Коня было традиционным и что́ — новаторским. Анализ охватывает широкий круг вопросов, начиная с техники кладки и кончая общей композицией архитектурного комплекса. Это позволило точно, без всяких натяжек установить, что Федор Конь как мастер находился на уровне европейских и общерусских фортификационных знаний. Вместе с тем он вполне оригинален в своем творчестве. Он тесно увязывал конструкцию и композицию стен и башен с состоянием военно-оборонительного дела конца XVI в. Более того. Он ввел существенные усовершенствования, из которых самым замечательным было устройство среднего боя.

Военно-инженерный анализ построек Коня не заслоняет у автора интересного архитектурного анализа. Прежде всего здесь следует отметить градостроительную сторону дела. В. В. Косточкин показывает, что в планировке смоленской крепости, а также в расстановке башен Федор Конь внимательно учитывал сложившуюся планировку города, направление улиц и условия рельефа местности. Вместе с тем Федор Конь не находился в плену всех этих условий, а подчинял их новому грандиозному замыслу.

В. В. Косточкину принадлежит разработка очень важной проблемы «регулярности» в русском крепостном строительстве XV в. Регулярная планировка и композиция архитектурных частей крепостных ансамблей XV—XVI вв. выражала не только развитие фортификационной техники, но и развитие архитектурной мысли, своего рода «крепостной эстетики». В творчестве Федора Коня в этом отношении В. В. Косточкиным открыто много нового. Очень интересны, например, наблюдения автора над своеобразной типизацией Ф. Конем архитектурного облика крепостных башен, «поворачиванием» главного фасада к реке, планировочными закономерностями в расстановке башен, их пропорциональным построением и т. д. В связи с этим В. В. Косточкину, естественно, пришлось обратиться к «проблеме чертежа».

После первых работ в этой области Н. Н. Воронина [3] все более и более выясняется значительная роль архитектурного чертежа в русском зодчестве XVII в. В. В. Косточкин убедительно показал, что Федор Конь пользовался в своей работе чертежами. Это проявилось и в четкой закономерности расстановки башен, и в архитектуре самих башен. В пропорциональном построении последних наблюдается соотношение стороны квадрата и его диагонали. Те же закономерности прослеживаются в пропорциях бойниц и их декоративных обрамлений. Вряд ли это случайно. Как известно, пропорции, построенные на отношении стороны квадрата и его диагонали, отличаются большой решительностью [4]. Они были излюбленными в русском деревянном зодчестве и применялись в ряде каменных сооружений [5]. Хотелось бы, чтобы эта сторона вопроса была освещена в книге полнее.

В. В. Косточкин правильно отмечает в творчестве Федора Коня органический синтез военно-оборонительных и гражданских «палатных» форм архитектуры. Это придало, например, смоленской крепости особую художественную выразительность. Мне думается, что не совсем точно характеризовать ее понятием живописности или декоративности. Лучше было бы ввести понятие классичности. Смоленская крепость — это русская классика, своего рода Ренессанс. Не случайно некоторые исследователи сопоставляли это произведение Ф. Коня с итальянскими замками. Именно такие памятники, как смоленская крепость, позволяют понять, что формы владимиро-суздальских храмов, Успенского собора Кремля, а позднее — ампирной архитектуры и даже Дворца Съездов представляют не какое-либо заносное «влияние», а проявление традиционного конструктивного чувства русских зодчих.

В заключение следует отметить высокое качество издания книги, в частности ее композицию, в чем немалая заслуга принадлежит самому автору, любовно отработавшему каждую деталь.

Г. К. Вагнер

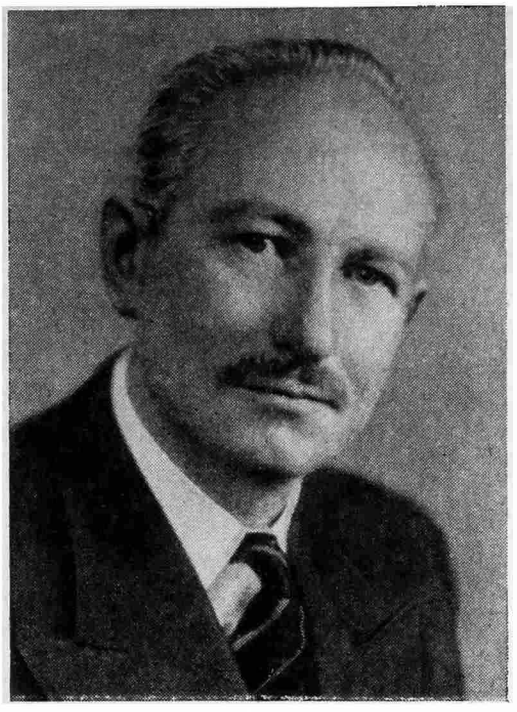
---

[2] В. В. Косточкин. Русское оборонное зодчество. М., 1962.

[3] Н. Н. Воронин. Очерки по истории Русского зодчества XVI—XVII вв. М.—Л., 1934, стр. 55—78.

[4] В. Подключников. Архитектурный образ и пропорции. «Архитектура СССР», 1941, 5, стр. 54.

[5] П. Максимов. Опыт исследования пропорций в древнерусской архитектуре. «Архитектура СССР», 1940, 1, стр. 69.



Ф. Э. ЦЕЙНЕР

5 ноября 1963 г. скоропостижно скончался в Лондоне профессор Фредерик Цейнер.

Ф. Цейнер родился 8 марта 1905 г. в Берлине. Там же он закончил в 1925 г. высшее образование по специальности геология, минералогия и палеонтология, прослушав соответствующие курсы в университетах Берлина, Тюбингена, Бреслау. В 1934 г. Цейнер переехал вместе с семьей в Англию, где начал работать в Британском музее естественной истории, а затем в институте археологии Лондонского университета с начала возникновения этого института в 1935 г. до конца своих дней. Его живо интересовали все вопросы первобытной истории человека, в особенности относительная и абсолютная хронология и всестороннее познание природной обстановки, окружавшей человека на различных ступенях его развития.

Ф. Цейнер был первым профессором по истории природной среды, окружавшей первобытного человека (Professor of Environmental Archaeology), в течение 15 лет занимая кафедру в Археологическом институте Лондонского университета. Курс лекций Цейнера, существенно переработанный автором, составил содержание его книги: F. E. Zeuner. The Pleistocene Period; its Climate, Chronology and Faunal Successiones. London, 1945.

Второе издание этого труда (1959 г.) переведено на русский язык в 1963 г. под названием «Плейстоцен».

Другая книга: F. E. Zeuner. Dating the Past; an Introduction to Geochronology, London, 1958, выдержавшая четыре издания, известна археологам всего мира. Она тесно связана с предыдущей и насыщена археологическим материалом. Большой интерес для историков также представляет и вышедшая в Лондоне в 1962 г. книга: F. E. Zeuner. History of Domesticated Animals.

Ф. Цейнер написал более 200 работ и четыре монографии по геологии, биологии, зоологии, палеонтологии, археологии, антропологии и др.

Из них археологии и палеоантропологии посвящено около 50 работ и почти столько же, если не больше, геологических и палеонтологических работ, тесно связанных с историей первобытного человека и его культуры [1].

Ф. Цейнер принадлежал к числу тех немногих ученых, имена которых пользуются широкой интернациональной известностью среди ученых самых различных специальностей, в том числе и среди антропологов и археологов.

---

[1] Назовем некоторые работы, представляющие солидные исследования и свидетельствующие о большой широте научных интересов Ф. Цейнера в области археологии и палеоантропологии: F. E. Zeuner. The Age of Neanderthal Man with Notes on the Cotte de St. Brelade, Jersey, C. I-Occ. Pap. Univ. Lond. Inst. Archaeol., 3, 1940; его же. Report on Shell Fragments in Grooved Ware Sherds at Hills Road, Cambridge. «Antiquaries Jour.», 23 (1/2), 1945; его же. Exhibition of Stone Age and Pleistocene Geology from the Cape to Britain. Occ. Pap. Univ. Lond. Inst. Archaeol., 9, 1948; его же. The Coming of Man and the Progress of Homo Sapiens. «A Century of Science», 1951; его же. Advances in Chronological Research. Viking Fund Publ. Anthrop., 28, 1961.

Ф. Цейнер прекрасно владел шестью языками, был почетным членом Instituto Italiano di Paleontologia Umano, Instituto Italiano di Preistoria, Archaeological Survey of India, Anthropologische Gesellschaft, Viena; вице-президентом the Prehistoric Society, 1960; Council Member of the Royal Anthropological Institute, London; президентом международной комиссии по абсолютному возрасту JNQUA 1957 г., а также членом трех академий наук и многих других научных организаций и обществ. Ему было присвоено почетное звание доктора наук университетом Бреслау (четвертичная геология) и Лондонским университетом (палеонтология). Он проводил полевые работы, тесно связанные с изучением первобытного человека не только в Европе, но и в восточной и северной Африке, Иордании и Ливане, в Индии, на Канарских островах, в Австралии.

Ф. Цейнер был не только крупнейшим ученым, но и замечательным педагогом, создавшим при Лондонском университете свою школу по изучению экологии первобытного человека и его стоянок, их абсолютной и относительной хронологии. Принципиальные положения этой школы изложены им в двух монографиях: «Dating the Past» и «The Pleistocene Period...».

Смерть Ф. Цейнера — большая утрата мировой науки. Советские ученые, встречавшиеся с Ф. Цейнером на международных конгрессах JNQUA в Испании в 1957 г. и в Польше в 1961 г., сохранят о нем светлую память как о замечательном ученом и человеке.

В. Громов

Н. Д. МЕЦ

20 января 1965 года после тяжелой болезни умерла Нонна Дмитриевна Мец. Смерть остановила ее сердце в тот момент, когда творческие силы исследователя стали раскрываться с особой щедростью, а научные замыслы обрели широту и стройность, обещая новые важные открытия.

Нонна Дмитриевна родилась 13 сентября 1923 г. в г. Черкассы на Украине. Кончила среднюю школу в Москве. Училась на кафедре археологии Московского университета под руководством А. В. Арциховского. Окончив университет в 1946 г., поступила научным сотрудником в Государственный исторический музей, где работала на протяжении девятнадцати лет, вплоть до своей безвременной кончины.

Начав свой творческий путь как археолог, Нонна Дмитриевна на всю жизнь сохранила качества прекрасного полевого работника и была желанным сотрудником многих археологических экспедиций. Она участвовала в раскопках средневековых городов и курганов, стоянок неолита и бронзы. Первая ее печатная работа была посвящена торкам («К вопросу о торках» — КСИИМК, 23, 1948), одна из последних — волжским болгарам («Железоплавильная печь в урочище Кирметь» — МИА, 111, 1962). Однако исследовательский талант Н. Д. Мец с наибольшей полнотой раскрылся в нумизматике, ставшей главным делом ее жизни.

Ее первым учителем в нумизматике был А. А. Сиверс, чувства сердечной благодарности которому Н. Д. Мец выразила в посвящении к своей предсмертной работе. По совету А. А. Сиверса, Нонна Дмитриевна обращается к разработке интереснейшей области русской нумизматики — монетам удельного периода, остававшимся беспризорными с тех пор как над ними в последний раз трудились А. В. Орешников и А. А. Ильин. Н. Д. Мец стала достойной преемницей этих корифеев русской нумизматики. Мастерски владея современными исследовательскими методами, она создала безупречную классификационную схему московского чекана времени Василия Темного, провела рубежи между многочисленными территориальными монетными группами, которые до того не получали точной атрибуции. Ее монографическим исследованиям монет Кашина («Монеты удельного княжества Кашинского» — КСИИМК, 65, 1956), Ярославля («Ярославские князья по нумизматическим данным» — СА, 1960, № 3), Суздальско-Нижегородского княжества («Некоторые вопросы систематизации монет Суздальско-Нижегородского княжества» — «Историко-археологический сборник», М., Изд-во МГУ, 1962), отдельных групп московских монет («Датировка „денег московских“ с изображением розетки» — СА, 1964, № 3 и другие работы) свойственны глубина мысли, четкость формы и оригинальность выводов. Но эти небольшие работы являются лишь частями ее основного труда («Монеты великого княжества Московского середины XV века»), защищенного в качестве кандидатской диссертации в 1956 г. и заново написанного в последний год жизни. Широта нумизматических интересов Нонны Дмитриевны засвидетельствована и ее отличными изданиями новых образцов древнейших русских монет X—XI вв. («Сребреники из с. Митьковки» — СА, 1960, № 1; «Неизданные сребреники ГИМ» — «Нумизматика и сфрагистика», вып. I, Киев, 1963), а также инициативой в осуществлении систематической информации о новых монетных находках на территории СССР.

Нонна Дмитриевна всем сердцем любила нумизматику и, как никто другой, понимала ценность несравненного монетного собрания Государственного историческо-

го музея. Много сил отдала она формированию коллектива исследователей в Отделе нумизматики ГИМ, которым руководила с 1956 г. Хорошо сознавая, что популяризация науки должна быть кровным делом самих ученых, Н. Д. Мец была горячим пропагандистом нумизматических знаний и монетных коллекций нашей страны. Ее хорошо знают не только нумизматы и археологи, но и журналисты, а также многомиллионные читатели газет и журналов у нас и за рубежом, познакомившиеся с нумизматическими богатствами ГИМ по статьям и заметкам Нонны Дмитриевны.

Нонна Дмитриевна прожила короткую жизнь, исполненную мужества. Ее лучшие работы — и таких работ большинство — написаны после того, как неотвратимость мучительного конца стала осознанной перспективой близких месяцев и недель. В утро своего последнего дня, за несколько часов до смерти она еще работала. И смерть оборвала не только ее жизнь, но и ее высокий труд.

Группа товарищей

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП — Сб. «Античные города Северного Причерноморья».
АН СССР ОИФ — Академия наук СССР, Отделение истории и философии.
АП — Археологічні пам'ятки УРСР.
БКИПЧ — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода.
Бюл. ОАЭ СамГУ — Бюллетень Общества археологии, этнографии и естествознания при Самарском Государств. университете.
ВВ — Византийский временник.
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии.
ВДИ — Вестник древней истории.
ВИ — Вопросы истории.
ВЛГУ — Вестник Ленинградского Государственного университета.
ВМГУ — Вестник Московского Государственного университета.
ВССА — Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии».
ВЭИЭН — Вопросы этнической истории эстонского народа.
ВЭИНП — Вопросы этнической истории народов Прибалтики.
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств.
ГЭ — Государственный Эрмитаж.
ДП — В. И. и Б. И. Ханенко. Древности Приднепровья. Киев.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗОРСА РАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
ИАДК — Сб. «История и археология древнего Крыма».
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИАН СССР — Известия Академии наук СССР.
ИАН Аз.ССР — Известия Академии наук Азербайджанской ССР.
ИАН Кирг.ССР — Известия Академии наук Киргизской ССР.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ИЗ — Исторические записки.
Изв.ООН АН Тадж.ССР — Известия Отделения общественных наук, Академии наук Таджикской ССР.
Изв. ЮОНИИ — Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института.
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры.
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.
ИЯИМК Груз. АН — Известия Института языка, истории и материальной культуры Грузинской Академии наук.
КИМ — Кременецкий исторический музей.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР.
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КСОГУ — Краткие сообщения Одесского Государственного университета.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии.
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России.
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МАР — Материалы по археологии России.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции.
НИС — Новгородский исторический сборник.
НПЛ — Новгородская первая летопись.
НЭ — Нумизматика и эпиграфика.
ОАК — Отчет Археологической комиссии.
ОГАМ — Одесский Государственный археологический музей.
ОИПГЭ — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа.
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ.
ПИСП — Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху».

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РИБ — Русская историческая библиотека.
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры.
СГЭ — Сообщение Государственного Эрмитажа.
СП — С. А. Жебелев. Северное Причерноморье, М.— Л., 1953.
СХМ — Сообщения Херсонесского музея.
СЭ — Советская этнография.
ТИИАЭ АН Казах.ССР — Труды Института истории, археологии, этнографии.
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы.
ТСА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.
Тр. Абхаз. ИЯИМК — Труды Абхазского Института языка, истории материальной культуры.
Тр. АН Тадж.ССР — Труды Академии наук Таджикской ССР.
Тр. АС — Труды Археологического съезда.
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея.
Тр. ИИА АН Аз.ССР — Труды Института истории, археологии АН Азербайджанской ССР.
Тр. ИИАН Тадж.ССР — Труды Института истории Академии наук Таджикской ССР.
Тр. ИИАЭ Туркм.ССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Туркменской ССР.
Тр. ИИАН Уз.ССР — Труды Института истории Академии наук Узбекской ССР.
Тр. МАО — Труды Московского Археологического общества.
Тр. ОИПКГЭ — Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа.
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции.
Уч. зап. ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета.
Уч. зап. СГУ — Ученые записки Саратовского государственного университета.
ХС — Херсонесский сборник.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских.
AA — Archäologischer Anzeiger
AÉ — Archaeologiai Értesitö
AH — Archaeologia Hungarica
AAKb — Acta Archaeologica, København
AI — Ancient India
AJA — American Journal of Archaeology
BASI — Bulletin of the Archaeological Survey of India
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
DAGR — Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines
IA — Indian Archaeology
IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
JDAI — Jahrbuch des Deutschen archäologischen instituts
JMDV — Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte (Halle)
JÖAI — Jahreshefte des österreichischen archäologischen Instituts in Wien
MDAFA — Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan
PZ — Przeglad Archeologizni
RA — Révue archéologique
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft
SEHHW — The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford
SM — Suomen Museo. Helsinki
SMYA — Suomen Muinais — muistoy-hdistyksen aikakauskirja
ZOW — Z otchlani wiekow. Poznań.
ZWK — Zeitschrift für historische Waffen und Kostümkunde

ПОПРАВКИ

В статье Г. Н. Анпилогова «Бортные знамена как исторический источник» (СА. 1964, № 4) на стр. 151, в строке 18 сверху следует читать: ...Герасима Мартемьянова.

По вине типографии переставлены рис. 1 и 2 в статье Я. Ф. Штэтыллo «Деревянная скульптура XIV—XV вв. из Штральзунда» (СА, 1965, № 1).

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Е. И. Крупнов (Москва). Памятники культуры — всенародное достояние 3
М. А. Ильин (Москва). Охрана и реставрация памятников древнерусского искусства 8
Б. А. Рыбаков (Москва). Космогония и мифология земледельцев энеолита 13
А. Я. Щетенко (Ленинград). Энеолит центральной Индии 34
А. Я. Брюсов (Москва). Восточная Европа в III тысячелетии до н. э. (Этногенетический очерк) 47
Ю. А. Краснов (Москва). К истории раннего земледелия в лесной полосе европейской части СССР 57
Б. А. Литвинский (Душанбе). Среднеазиатские железные наконечники стрел 75
С. Н. Орлов (Новгород). К топографии новгородских городских концов . . 92
Л. И. Тарасюк (Ленинград). Из истории русского ручного огнестрельного оружия XVI—XVII вв. 104
Р. В. Федорова (Москва). Применение спорово-пыльцевого анализа в изучении археологических объектов лесостепной и степной зон 121
К 80-летию М. И. Максимовой 132

Публикации

Б. И. Гуслицер, В. И. Канивец, Е. М. Тимофеев (Сыктывкар). Стоянка Бызовая — палеолитический памятник у Полярного круга 135
Б. В. Техов (Цхинвали). Археологические раскопки 1962 г. в Юго-Осетии 142
В. И. Марковин (Москва). Скифские курганы у селения Гойты (Чечено-Ингушетия) 160
Р. М. Мунчаев (Москва). Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии 174
Н. М. Никулина (Москва). Памятники античной глиптики из Фанагории 185
Т. В. Блаватская (Москва). Рескрипты царя Аспурга 197
Р. М. Джанполадян (Ленинград). Лабораторная посуда армянского алхимика 210
А. В. Гадло (Ленинград). Новый памятник тмутороканского времени из Приазовья 217
Е. Н. Дмитриева, В. П. Левашова (Москва). Материалы из раскопок сибирских бугровщиков 225

Заметки

О. К. Бердыев (Ашхабад). Неолит «Новой» Нисы 237
М. Ф. Косарев (Москва). О культурах андроновского времени в Западной Сибири 242
О. Д. Дашевская (Москва), **А. Н. Щеглов** (Севастополь). Херсонесское укрепление на городище Беляус 246
В. С. Бурдов (Челябинск). О носителях древней приморской культуры на полуострове Ямал 256
Г. К. Шамба (Тбилиси). Позднеантичные погребения нагорной Абхазии 262
М. А. Ильин (Москва). О наименовании Десятинной церкви 266
А. Н. Кирпичников (Ленинград). Так называемая сабля Карла Великого 268
Ф. Д. Гуревич (Ленинград). Изображения музыкантов древней Руси . . 276
Э. В. Ртвеладзе (Ташкент). Крест-энколпион из Маджар 281
И. С. Вайнер, М. Н. Нигомедзянов (Казань). Музыкальный духовой инструмент из Нового Сарая 282

Критика и библиография

Ю. П. Зыбин (Москва). С. А. Изюмова. К истории кожевенного и сапожного ремесла Новгорода Великого 284
С. А. Изюмова (Москва). По поводу рецензии Ю. П. Зыбина 286
Г. К. Вагнер (Москва). В. В. Косточкин. Государев мастер Федор Конь . . 287

Хроника

Ф. Э. Цейнер 289
Н. Д. Мец 291

SOMMAIRE

Articles

E. I. Kroupnov (Moscou). Les monuments de culture comme un bien public . . . 3
M. A. Ilyine (Moscou). Protection et restauration des monuments d'art russe ancien . . . 8
B. A. Rybakov (Moscou). Cosmogonie et mythologie des cultivateurs de l'Enéolithique . . . 13
A. I. Chtchetenko (Léningrad). L'Enéolithique de l'Inde Centrale . . . 34
A. I. Brussov (Moscou). L'Europe de l'Est au IIIe siècle av. n. ère. (Aperçu ethnogénétique) . . . 47
Y. A. Krasnov (Moscou). Sur l'histoire de la première agriculture dans la zone forestière de la partie européenne de l'URSS . . . 57
B. A. Litvinski (Douchanbé). Les pointes des flèches en fer en Asie Centrale . . . 75
S. N. Orlov (Novgorod). Sur la topographie des anciens arrondissements de Novgorod . . . 92
L. I. Tarassiouk (Léningrad). Sur l'histoire des armes à feu portatives dans la Russie du XVIe et du XVIIe siècles . . . 104
R. V. Fedorova (Moscou). Application de l'analyse des spores et du pollen a l'étude de quelques monuments archéologiques dans les zones des steppes et des steppes boisées . . . 121
Le 80e anniversaire de M. I. Maksimova . . . 132

Publications

B. I. Gouslitser, V. I. Kanivets, E. M. Timoféev (Syktyvkar). La station paléolithique de Byzovaïa, près du cercle polaire . . . 135
B. V. Tekhov (Tskhinvali). Les fouilles archéologiques en l'Ossétie du Sud, en 1962 . . . 142
V. I. Markovine (Moscou). Les tumuli scythiques près du village de Goïta (Tchetcheno-Ingouchétie) . . . 160
R. M. Mountchaev (Moscou). Les nouveaux monuments sarmates en Tchetcheno-Ingouchétie . . . 174
N. M. Nikoulina (Moscou) Monuments de la glyptique antique de Phanagorie . . . 185
T. V. Blavatskaia (Moscou). Rescrits du roi Aspourgue . . . 197
R. M. Djanpoladian (Léningrad). Les vases de laboratoire d'un alchimiste arménien . . . 210
A. V. Gadlo (Léningrad). Un nouveau monument de l'époque Tmoutorokane du littoral de la mer d'Azov . . . 217
E. N. Dmitriéva, V. P. Lévachova (Moscou). Description des objets trouvés par les pilleurs destumuli sibériens . . . 225

Notes

O. K. Berdyev (Achkhabad). Le Néolithique de la «Nouvelle» Nissa . . . 237
M. F. Kossarev (Moscou). Sur la culture de l'époque andronovienne en Sibérie Occidentale . . . 242
O. D. Dachevskaia (Moscou), **A. N. Chtcheglov** (Sébastopol). Les fortifications de Chersonèse dans le gorodichtche de Beliaus . . . 246
V. S. Bourdov (Tcheliabinsk). Quel peuple représentait l'ancienne culture du littoral de la presqu'île de Iamal . . . 256
G. K. Chamba (Tbilissi). Sépultures antiques tardives de la région montagneuse de l'Abkhasie . . . 262
M. A. Ilyine (Moscou). Sur le nom de l'église de la dîme («Déciatinnaïa») . . . 266
A. N. Kirpitchnikov (Léningrad). Sur le sabre attribué à Charlemagne . . . 268
F. D. Gourevitch (Léningrad). Les images des musiciens dans la Russie ancienne . . . 276
E. V. Rtveladze (Tachkent). La croix-reliquaire (enkolpion) de Madjari . . . 281
I. S. Vainer, M. N. Nigomedzianov (Kazan). Un instrument de musique à vent de Novi Saraï . . . 282

Critique et bibliographie

Y. P. Zybine (Moscou). S. A. Izioumova «Sur l'histoire des cordonneries et des tanneries de Novgorod» . . . 284
S. A. Izioumova (Moscou). Au sujet de la critique de Y. P. Zybin . . . 286
G. K. Vagner (Moscou). V. V. Kostotchkine. Fédor Kon, architecte russe . . . 287

Chronique

F. E. Zeuner . . . 289
N. D. Mets . . . 291

Объявление

О конкурсе на соискание премии им. Н. Г. Чернышевского

Секция общественных наук Президиума АН СССР объявляет конкурс на соискание премии имени Н. Г. Чернышевского в размере 2 000 руб., присуждаемой советским ученым за научные труды в области общественных наук.

Премия присуждается за отдельную выдающуюся научную работу, а также за серию научных работ по единой тематике.

Право выдвижения кандидатов на соискание премии предоставлено:

а) научным учреждениям СССР и союзных республик, высшим учебным заведениям;

б) действительным членам и членам-корреспондентам Академии наук СССР и академий наук союзных республик;

в) научным советам по проблемам науки.

При выдвижении кандидата на соискание премии необходимо представить в Академию наук СССР (Москва В-71, Ленинский проспект, 14) с надписью «На соискание премии имени Н. Г. Чернышевского»:

а) опубликованную научную работу (серию работ) — в 3 экз.;

б) мотивированное представление, включающее научную характеристику работы, ее значение для развития науки и народного хозяйства, а также сведения об основных научных работах автора;

в) сведения об авторе: фамилия, имя, отечество, год рождения, ученая степень и звание, занимаемая должность, служебный и домашний адреса и телефоны.

Работы, ранее удостоенные Ленинских премий, Государственных премий, а также премий Академии наук СССР или отраслевых академий и других ведомств, на конкурс не принимаются.

Срок представления работ — 1 июня 1965 года.

Справки по тел. В 4-98-85.